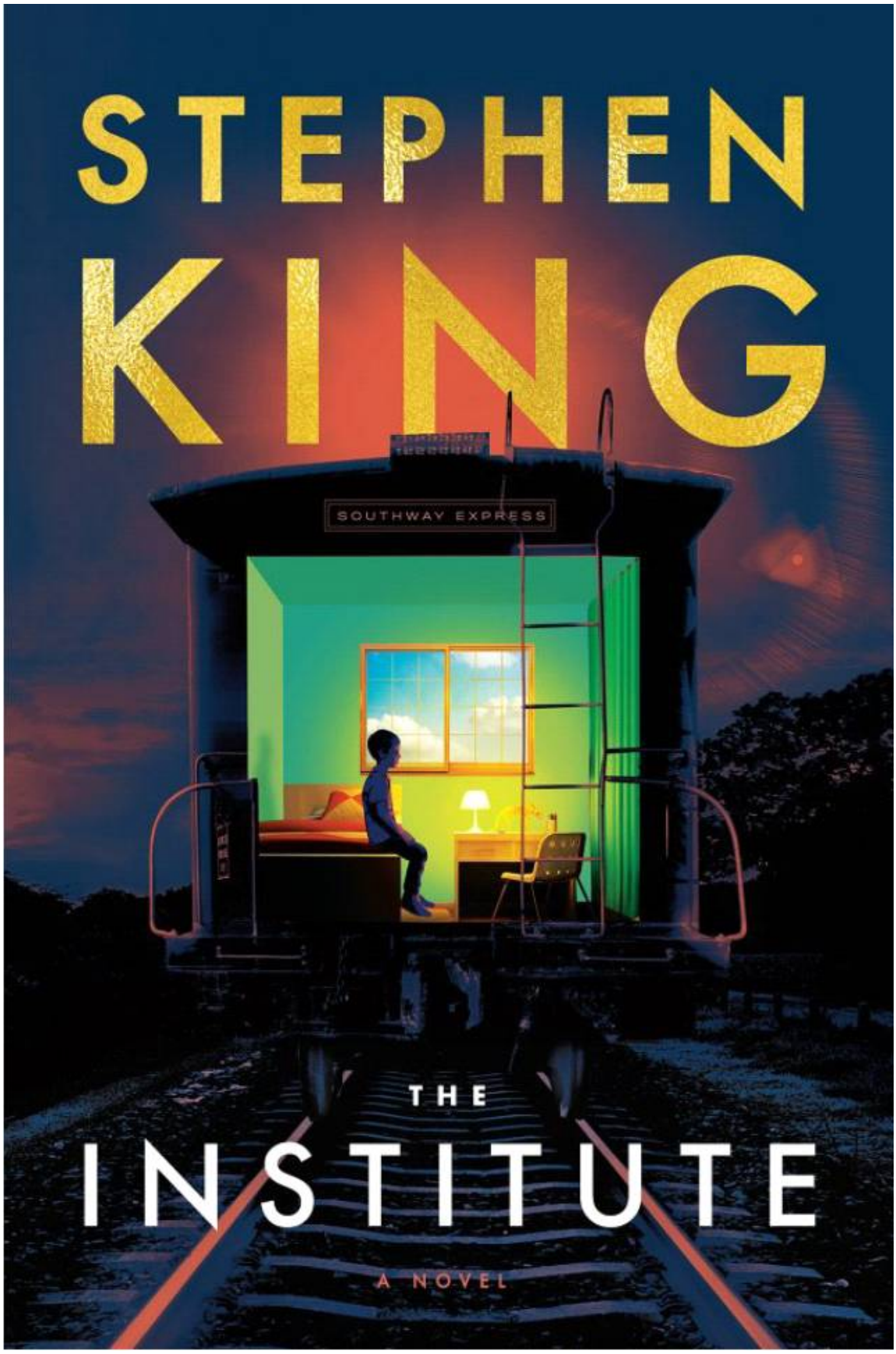
Институт

Стивен Кинг

Институт

Стивен Кинг


STEPHEN
KING
SOUTHWAY EXPRESS
THE
INSTITUTE
A NOVEL

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Нижеприведенный перевод сделан не профессиональным переводчиком и представлен исключительно в ознакомительных целях. Примечания, если не указано иначе, представлены переводчиком, являются его ИМХО, и не претендуют на истину в последней инстанции.

ИНСТИТУТ
СТИВЕН КИНГ

Для моих внуков: Итана, Эйдана, и Райана

И воззвал Самсон к Господу и сказал: Господи Боже, вспомни меня и укрепи меня только теперь, о Боже! Чтобы мне в один раз отмстить Филистимлянам…

И сдвинул Самсон с места два средних столба, на которых утвержден был дом, упершись в них, в один правою рукою своею, а в другой левою.

И сказал Самсон: умри, душа моя, с Филистимлянами! И уперся всею силою, и обрушился дом на владельцев и на весь народ, бывший в нем. И было умерших, которых умертвил Самсон при смерти своей, более, нежели сколько умертвил он в жизни своей.

Судьи, глава 16, стихи 28-30

А кто обидит одного из малых сих?.. тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской.

Матфея, глава 18, стих 6

По данным Национального центра по делам пропавших и эксплуатируемых детей, в Соединенных Штатах ежегодно регистрируется около 800 000 детей, пропавших без вести. Большинство из них находятся.

Тысячи - нет.

НОЧНОЙ СТУЧАЩИЙ[1]

1

Спустя полчаса после того, как самолет Тима Джеймисона *Дельта* должен был вылететь из Тампы к ярким огням и высотным зданиям Нью-Йорка, он все еще стоял у выхода на посадку. Когда представитель *Дельты* и светловолосая женщина с бейджем службы безопасности, висящим у нее на шее, вошли в салон, послышался недовольный предупреждающий ропот пассажиров переполненного салона эконом-класса.

- Прошу минуточку вашего внимания! - Призвал парень из *Дельты*.

- Сколько еще нам ждать? - Спросил кто-то. - Только не надо приукрашивать.

- Задержка не продлится долго, и капитан лайнера хочет заверить всех вас, что рейс в Нью-Йорк прибудет практически вовремя. Мы ждем федерального агента, который вот-вот должен подняться на борт, и нам нужен кто-то, готовый отказаться от своего места.

Послышался коллективный стон, и Тим увидел, как несколько человек на всякий случай привели в боевую готовность свои мобильные телефоны. Раньше в таких ситуациях случались неприятности.

- *Дельта Эйрлайн* готова предложить бесплатный билет до Нью-Йорка на следующий рейс, отправлением завтра в 6:45 утра…

Послышался еще один стон. Кто-то произнес: “Лучше пристрелите меня”.

Сотрудник *Дельты* невозмутимо продолжил:

- На сегодняшнюю ночь вам обеспечат проживание в гостинице, плюс четыреста долларов. Это хорошая сделка, ребята. Желающие?

Желающих не нашлось. Блондинка из службы безопасности ничего не сказала, только обвела переполненный салон эконом-класса всевидящим, но каким-то уж очень безжизненным взглядом.

- Восемьсот, - сделал еще одно предложение парень из Дельты. - Плюс гостиничный номер и бесплатный билет.

- Парень похож на ведущего капитал-шоу, - проворчал мужчина, сидящий перед Тимом.

Желающих по-прежнему не было.

- Тысяча четыреста?

И все равно ни одного. Тим счел это странным, но не очень-то удивился. И не только потому, что рейс в шесть сорок пять означал

подъем ни свет ни заря. А еще и потому, что большинство пассажиров эконом-класса представляли собой либо полные семьи, направлявшиеся домой после посещения различных достопримечательностей Флориды, либо спортивные парочки, изрядно подзагоревшие на пляже, а оставшиеся места занимали краснолицые, раздраженные парни, у которых, вероятно, были какие-то дела в Большом Яблоке, общей стоимостью значительно больше, чем тысяча четыреста долларов.

Кто-то с задних рядов крикнул: “Добавьте *Мустанг* с откидным верхом и путешествие на Арубу на двоих, и можете занять оба наших места!” Эта шуточка вызвала вспышку смеха, хотя прозвучала не очень-то и дружелюбно.

Сотрудник *Дельты* посмотрел на блондинку с бейджем, но если он и надеялся на помощь, то не получил ее. Она просто продолжала свой осмотр, не сходя с места, двигались только ее глаза. Он вздохнул и произнес:

- Тысяча шестьсот.

У Тима Джеймисона внезапно возникло непреодолимое желание свалить с этого самолета и проехаться автостопом на север. Хотя подобные мысли ранее никогда не приходили ему в голову, он обнаружил, что с абсолютной ясностью представляет себя делающим это. Вот он стоит на обочине 301 шоссе где-то в центре округа Эрнандо, выставив вперед большой палец. Стоит жара, вокруг роятся любовные жучки[2], билборд рекламирует какое-то скользкое адвокатское агентство, из бумбокса, стоявшего на бетонной ступеньке соседнего трейлера, около которого человек без рубашки моет свою машину, доносится *Хватай на бегу*[3], и, в конце концов, какой-нибудь фермер Джон останавливается и подвозит его на пикапе с деревянными кольями, притороченными к бортам, дынями в кузове и магнитиком с Иисусом на приборной доске. Очень круто очутиться там без налички в карманах. И стоять в гордом одиночестве, в тысячах милях от этой банки сардин с ее сводящими с ума запахами духов, пота и лака для волос.

Однако вторая, более рациональная мысль, подсказала ему, что он должен чуть сильнее сдавить правительственную грудь, чтобы выдоить на несколько баксов больше.

Он встал во весь свой совершенно нормальный рост (пять футов десять дюймов[4], может, чуть больше), поправил очки на носу и поднял руку.

- Пусть будет две тысячи, сэр, плюс денежное возмещение за билет, и место ваше.

2

Номер ему предоставили в *Чизедог-отеле*, расположенном в конце самой используемой взлетно-посадочной полосы *Тампа Интернешнл*. Тим заснул под шум самолетов, проснулся от того же самого и спустился вниз, чтобы проглотить сваренное вкрутую яйцо и два резиновых блинчика из бесплатного завтрака по типу “шведский стол”. Хотя блюда, предложенные на завтрак, были далеки от изысканных яств, Тим с удовольствием поел, а затем вернулся в свою комнату, чтобы дождаться девяти часов, когда откроются банки.

Он без труда обналичил свой непредвиденный доход, потому что банк знал о приезде Тима, и чек был предварительно одобрен; он не собирался ждать в *Чизедог-отеле* до скончания веков. Тим взял свои две тысячи полтинниками и двадцатками, сложил их в левый передний карман, забрал у охранника банка сумку и вызвал машину *Убер*[5], которая отвезла его в Эллентон. Там он расплатился с водителем, подошел к ближайшему знаку 301-Н и выставил большой палец. Через пятнадцать минут его подобрал какой-то старикан в бейсболке с рекламой *Кейс*[6]. В кузове пикапа не было ни дынь, ни кольев, но в остальном он вполне соответствовал его вчерашним видениям.

- Куда направляешься, дружище? - Спросил старик.

- Ну, - сказал Тим, - конечная точка Нью-Йорк. Наверное.

Старик сплюнул в окно табачный сок.

- А зачем человеку в здравом уме туда ехать? - Он произнес это как *дравым уве*.

- Я не знаю, - ответил Тим, хотя точно знал; старый приятель по службе сказал ему, что в Большом Яблоке полно работы для частных охранников, в том числе и в компаниях, которые придадут больше значения его опыту, чем тот долбодятел Руби Голдберг, который положил конец его карьере в полиции Флориды. - Я к сегодняшнему вечеру хочу попасть в Джорджию. Может, мне там больше понравится.

- Вот теперь ты дело говоришь, - сказал старик. - Джорджия это очень даже неплохо, особенно если любишь персики. Они налаживают

мой стул. Ты ведь ничего не имеешь против музыки?

- Нисколько.

- Должен предупредить тебя, что привык слушать музыку на полной громкости. Я слегка глуховат.

- Я уже доволен тем, что просто еду.

Это был Уэйлон Дженнингс, а не *Рео Спидвэгон*, но Тиму нравилась подобная музыка. За Уэйлоном последовали Шутер Дженнингс и Марти Стюарт[7]. Двое мужчин в покрытом грязью *Додже-Рэме* слушали музыку и наблюдали за тем, как пролетают мили. Проехав около семидесяти миль по трассе, старик остановил машину, отсалютовал Тиму, приложив пальцы руки к своей бейсболке *Кейс,* и пожелал ему действительно *хоошего* дня.

В тот вечер Тим не доехал до Джорджии - он провел ночь в еще одном *Чиздог-отеле* рядом с придорожным киоском, продающем апельсиновый сок, - но добрался туда на следующий день. В городке Брансуик (где был изобретен особый вид вкусного рагу) он две недели проработал на заводе по переработке отходов, причем сделал это не более обдуманно, чем принял решение отказаться от места на рейсе *Дельты* из Тампы. Ему не нужны были деньги, но Тиму казалось, что ему нужно время. Он переживал переходный период, а это не проходит в одночасье. Кроме того, прямо по соседству находился боулинг и *Денни*[8]. Трудно победить такую комбинацию.

3

С зарплатой от завода по переработке отходов, добавленной к его непредвиденному доходу от авиакомпании, Тим стоял на Брансуикском пандусе трассы I-95 по направлению на север и чувствовал себя неплохо обеспеченным для обычного бродяги. Он простоял на солнце больше часа и уже подумывал о том, чтобы сдаться и вернуться в *Денни* за стаканом холодного сладкого чая, когда к нему подкатил фургон *Вольво,* задняя часть которого была заполнена коробками. Пожилая женщина за рулем опустила стекло со стороны пассажира и посмотрела на него сквозь толстые стекла очков.

- Несмотря на небольшой рост, ты выглядишь мускулистым, - сказала она. - Ты ведь не насильник и не психопат?

- Нет, мэм, - ответил Тим, подумав: *А что еще я мог сказать?*

- Конечно же, а что еще ты мог сказать, не так ли? Ты едешь в Южную Каролину? Твой рюкзак явно к этому располагает.

Какая-то машина обогнула ее *Вольво* и, выдав гудок клаксона, помчалась вверх по пандусу. Она не обратила на это внимания, продолжая безмятежно смотреть на Тима.

- Да, мэм. Но конечная остановка у меня в Нью-Йорке.

- Я отвезу тебя в Южную Каролину - далековато до того мрачного штата, но все же немного ближе, чем сейчас - если ты мне поможешь. Рука руку моет, если ты понимаешь, о чем я.

- Вы чешете мне спинку, а я чешу вам, - усмехнулся Тим.

- Никакого чесания в буквальном смысле, но можешь забираться.

Тим так и сделал. Ее звали Марджори Келлерман, и она заведовала библиотекой в Брансуике. Та в свою очередь входила в так называемую Юго-Восточную библиотечную ассоциацию. У которой, по ее словам, не было денег, потому что: “Трамп и его друзья забрали практически все. Они понимают в культуре не больше, чем осел понимает в алгебре”.

Через шестьдесят пять миль на север, все еще в Джорджии, она припарковалась у маленькой убогой библиотеки в городке Пулер. Тим выгрузил коробки с книгами из машины, и занес их внутрь помещения. В *Вольво* осталось где-то с дюжину коробок. Марджори Келлерман объяснила ему, что они предназначены для публичной библиотеки Йемасси, примерно еще в сорока милях на север, уже в Южной Каролине. Но вскоре после того, как они миновали Хардивилл, их продвижение застопорилось. Легковушки и грузовики стояли в обеих полосах движения, а подъезжающие быстро заполняли пространство позади них.

- О, ненавижу, когда такое случается, - сказала Марджори, - но так всегда в Южной Каролине, они здесь слишком жадные, чтобы расширить шоссе. Где-то впереди произошла авария, и по этим двум полосам никто не может проехать. Проторчим здесь полдня. Мистер Джеймисон, вы свободны от дальнейших обязанностей. На вашем месте я бы вышла из машины, вернулась к съезду на Хардивилл, и попытала счастья на 17 шоссе.

- А как же все эти коробки с книгами?

- О, я найду другую крепкую спину, которая поможет мне разгрузиться, - сказала она и улыбнулась. - По правде говоря, я увидела, как ты стоишь под палящим солнцем, и решила добавить в свою жизнь остроты.

- Ну, если вы в этом уверены. - Пробки на дорогах вызывали у него клаустрофобию. Скорее всего, похожее чувство посетило его и в салоне эконом-класса застрявшей на посадке *Дельты*. - А если нет, я подожду. Не то чтобы у меня сроки горели.

- Вполне уверена, - сказала она. - Было приятно познакомиться с вами, Мистер Джеймисон.

- Взаимно, Мисс Келлерман.

- Нужна ли вам денежная помощь? Я могу дать вам десять долларов, если что.

Он был тронут и удивлен - не в первый раз - добротой и щедростью обычных людей, особенно тех, у кого не было кучи свободных средств. Америка по-прежнему оставалась хорошим местом, как бы многие (включая его самого, время от времени) с этим были не согласны.

- Нет, с финансами у меня все в порядке. Однако, спасибо за предложение.

Он пожал ей руку, вышел из машины и направился в обратную сторону по трассе I-95 к съезду на Хардивилл. На 17 шоссе Тима долгое время никто не хотел подбирать, и он прошагал пару миль до того места, где шоссе вливалось в федеральную трассу № 92. Знак, стоящий на пересечении дорог, указывал направление в сторону города Дюпре. Время было ближе к вечеру, и Тим решил, что ему лучше найти мотель, где можно переночевать. Это, несомненно, была бы еще одна разновидность *Чиздог-отеля*, но альтернатива - спать под открытым небом и быть съеденным заживо москитами или в сарае какого-нибудь фермера - была еще менее привлекательной. И он направился в Дюпре.

Великие события поворачиваются на маленьких петлях.

4

Через час он сидел на камне у края двухполосной дороги, ожидая, когда, казалось, бесконечный товарный поезд позволит ему перейти переезд. Состав двигался в направлении Дюпре со скоростью тридцать миль в час: контейнеровозы, вагоны для перевозки автомобилей (в большинстве своем груженные бывшими в употреблении авто, а не новыми транспортными средствами), бензовозы, открытые платформы и цистерны, наполненные Бог знает какими зловещими веществами, которые в случае крушения могли поджечь сосновый лес или отравить

население Дюпре смертельно ядовитыми испарениями. Наконец показался оранжевый вагончик, в котором в шезлонге сидел мужчина в комбинезоне. Он читал книгу в мягкой обложке и курил сигарету. Мужчина оторвался от книги и помахал Тиму рукой. Тим ответил ему тем же.

Город находился на расстоянии двух миль от переезда, построенный вокруг федеральной трассы 92 (называемой в черте города Мэйн-стрит) и состоящий из пересекавших трассу кварталов. Дюпре, казалось, избежал засилья сетевых магазинов, которые захватили большие города; да, там был *Вестерн авто*[9], но он был закрыт, витрины замылены. Тим заметил продуктовый магазин, аптеку, торговую лавку, где, казалось, продавалось всего понемногу, и пару салонов красоты. Там же был кинотеатр с вывеской на продажу или В аренду, магазин автозапчастей, который имел громкое название *Магазин Скорости Дюпре*, и ресторан под названием *Закусочная Бев*. Еще там было три церкви, одна Методистская, и две с неизвестными названиями, вариациями на тему как-то-там-прийти-к-Иисусу. На наклонных парковочных местах, разбросанных по деловому центру, стояли не более двух десятков легковых автомобилей и фермерских пикапов. Тротуары были практически пусты.

В трех кварталах от еще одной церкви, он заметил *Дюпре-мотель*. За ним, там, где Мэйн-стрит, по-видимому, опять называлась федеральной трассой 92, находились: еще один железнодорожный переезд, депо и ряд зданий с металлическими крышами, сверкающими на солнце. За этими строениями открывался сосновый лес. В общем, Тиму Дюпре представился городом из деревенской баллады, одним из тех ностальгических произведений, которые поют Алан Джексон или Джордж Стрейт[10]. Вывеска мотеля была старой и ржавой, наводя на мысль, что заведение, возможно, закрыто, так же, как и кинотеатр, но поскольку день уже клонился к вечеру, и это было единственное место в городе, которое предоставляло кров, Тим направился именно туда.

На полпути к мотелю, миновав городскую администрацию Дюпре, он подошел к кирпичному зданию, стены которого были увиты плющом. На аккуратно подстриженной лужайке стояла вывеска с надписью *Управление шерифа округа Фэрли*. Тим подумал, что это, должно быть, очень бедный округ, если подобный город был его резиденцией.

Перед зданием были припаркованы два полицейских автомобиля, один из них - новенький седан, другой - старый, забрызганный грязью *Фо-Раннер*[11] с проблесковыми маячками на приборной панели. Тим посмотрел в сторону входа - неосознанный взгляд бродяги с большим количеством налички в кармане - прошел несколько шагов, затем вернулся, чтобы получше рассмотреть доски объявлений, расположенные по обеим сторонам двойных дверей. Его, в частности, заинтересовало одно из них. Подумав, что он, должно быть, прочитал его неверно, он пожелал убедиться.

Только не в наши дни, подумал он. *Такого не может быть*.

Но так и было. Рядом с плакатом, предупреждавшем: Если вы думаете, что употребление марихуаны является законным в Южной Каролине, подумайте еще раз, и получше, был еще один, который гласил: ТРЕБУЕТСЯ НОЧНОЙ СТУЧАЩИЙ. ЗА ИНФОРМАЦИЕЙ ОБРАЩАЙТЕСЬ В ОФИС.

Ух ты, подумал он. *А вот и привет из прошлого*.

Он повернулся к ржавой вывеске мотеля и вновь остановился, подумав о плакате про помощь в поиске кандидатуры. Как раз в этот момент открылась одна из дверей полицейского участка, и оттуда вышел долговязый коп, натягивая фуражку на рыжие волосы. Заходящее солнце мерцало на его значке. Он окинул взглядом рабочие ботинки Тима, пыльные джинсы и синюю рубашку из шамбре. Его взгляд на мгновение задержался на рюкзаке, перекинутом через плечо Тима, прежде чем переместиться на его лицо.

- Чем-то могу помочь, сэр?

Тот же импульс, который заставил его покинуть самолет, охватил его и сейчас.

- Скорее всего, нет, но кто знает?

5

Рыжеволосым полицейским оказался помощник шерифа Таггарт Фарадей. Он проводил Тима внутрь, где знакомые запахи хлорки и аммиака проникали в главный офис из четырехкамерного помещения в задней части здания. Познакомив Тима с Вероникой Гибсон, помощницей шерифа средних лет, работавшей сегодня в дневную смену, Фарадей попросил Тима показать ему права и еще какое-либо удостоверение личности. В дополнение к своему водительскому удостоверению, Тим предъявил полицейское удостоверение из

Сарасоты, не пытаясь скрыть тот факт, что срок его действия истек девять месяцев назад. Тем не менее, отношение помощников шерифа немного изменилось, когда они его увидели.

- Вы не житель округа Фэрли, - сказала Ронни Гибсон.

- Нет, - согласился Тим. - Пока нет. Но я мог бы им стать, получив работу ночного стучащего.

- Платят немного, - сказал Фарадей, - но это дело не мое. Шериф Эшворт нанимает и увольняет сотрудников.

Ронни Гибсон сказала:

- Наш последний ночной стучащий ушел в отставку и переехал в Джорджию. Эд Уитлок. У него выявили боковой амиотрофический склероз, или синдром Лу Герига[12]. Хороший человек. Тяжело было расставаться. Но у него там есть родственники, которые о нем позаботятся.

- Хорошие люди всегда влипают в дерьмо, - сказал Таг Фарадей. - Дай ему бланк, Ронни. - Затем, обращаясь к Тиму: - У нас здесь небольшая команда, Мистер Джеймисон, всего семь человек, и двое из них работают неполный рабочий день. Это все, что местные налогоплательщики могут себе позволить. Шериф Джон сейчас на патрулировании. Если он не закончит в пять, самое позднее в половине шестого, то сразу поедет домой ужинать и вернется сюда только завтра.

- Я в любом случае собирался остаться здесь на ночь. Если, конечно, мотель открыт.

- О, я думаю, у Норберта есть несколько комнат, - сказала Ронни Гибсон. Она обменялась взглядами с рыжеволосым, и оба рассмеялись.

- Полагаю, это не четырехзвездочное заведение.

- Без комментариев, - сказала Гибсон, - но на вашем месте я бы проверила простыни на наличие этих маленьких красных жучков, прежде чем на них лечь. Почему вы вышли в отставку из полиции Сарасоты, Мистер Джеймисон? Я бы сказала, что вы слишком молоды, чтобы уйти на пенсию.

- Этот вопрос я буду обсуждать только с вашим шефом, если, конечно, он согласится со мной побеседовать.

Два офицера обменялись еще одним, более продолжительным взглядом, затем Таг Фарадей произнес:

- Приятно было познакомиться, сэр. Добро пожаловать в Дюпре. Ведите себя правильно, и мы прекрасно поладим. - С этими словами он удалился, оставив альтернативу правильному поведению открытой для интерпретации. Через зарешеченное окно Тим увидел, как *Фо-Раннер* выехал со своего места и покатил по Мэйн-стрит.

Бланк лежал на планшете. Тим сел на один из трех стульев у левой стены, поставил рюкзак между ног и начал его заполнять.

Ночной стучащий, подумал он. *Будь я проклят*.

6

Шериф Эшворт - Шериф Джон для большинства горожан, а так же, как обнаружил Тим, для его подчиненных, - был толстобрюхим тихоходом. С подбородком бассет-хаунда и копной седых волос. На его форменной рубашке было пятно от кетчупа, на бедре висел *Глок*, а на мизинце красовалось кольцо с рубином. В его голосе слышался сильный акцент, держался он по-мальчишески дружелюбно, но глаза, глубоко утопленные в заплывшие глазницы, были умными и пытливыми. Он мог бы быть типичным персонажем в одном из этих фильмов-клише про южан, типа *Широко шагая*[13], если бы не тот факт, что он был черным. И еще кое-что: на стене рядом с официальным портретом президента Трампа висел обрамленный в рамку сертификат об окончании Национальной академии ФБР в Квантико. Это было явно не то, что вы могли получить по почте в дополнение к коробкам с кашами.

- Ну ладно, давай поговорим, - сказал Шериф Джон, откидываясь на спинку кресла. - Только у меня мало времени. Марселла терпеть не может, когда я опаздываю на ужин. Если, конечно, нет какой-либо внештатной ситуации.

- Понимаю.

- Перейдем сразу к самому интересному. Почему ты ушел из полиции Сарасоты и что ты здесь делаешь? В Южной *Кар'лине* не так уж много проторенных дорог, и Дюпре явно расположен не на одной из них.

Эшворт, вероятно, не будет звонить в Сарасоту сегодня вечером, но наверняка сделает это утром, так что не было никакого смысла приукрашивать ситуацию. Не то чтобы Тим сильно переживал по этому поводу. Если он не получит работу ночного стучащего, то проведет ночь в Дюпре, а утром двинется дальше, продолжив свой

путь до Нью-Йорка, путешествие, которое, как он теперь понимал, было необходимым перерывом между тем, что случилось в конце прошлого года в торговом центре Сарасоты, и тем, что может произойти дальше. Кроме всего прочего, честность была лучшей политикой, хотя бы потому, что ложь - особенно в эпоху, когда почти вся информация была доступна всем и каждому, кто имел клавиатуру и подключение к Вай-фай - обычно возвращалась, чтобы преследовать лжеца.

- Мне предоставили выбор отставка или дисциплинарное увольнение. Я выбрал отставку. Никто этому не был рад, а уж я меньше всего - мне нравилась моя работа, и нравилось побережье Мексиканского залива, - но это было лучшее решение. В результате, я получаю небольшое пособие, ничего похожего на полную пенсию, но все же лучше, чем ничего. И делю его со своей бывшей женой.

- В чем же было дело? И расскажи покороче, чтобы я мог добраться до своего ужина, пока он еще горячий.

- Это не займет много времени. В конце моей смены в ноябре прошлого года я заскочил в торговый центр *Уэстфилд*, чтобы купить пару ботинок. Нужно было ехать на свадьбу. В общем, я был в форме, это понятно?

- Ну да.

- Я уже выходил из обувного магазина, когда ко мне подбежала женщина и сказала, что какой-то подросток размахивает пистолетом у кинотеатра. Так что я пошел туда, скорее побежал.

- Ты достал оружие?

- Нет, сэр, тогда еще нет. Парню с пистолетом было лет четырнадцать, и я определил, что он либо пьян, либо под кайфом.

Он сбил на землю другого подростка и пинал его ногами. А также направил на него пистолет.

- Похоже на Кливлендское дело[14]. Коп, который застрелил чернокожего парня, размахивавшего пневматикой.

- Это промелькнуло в моей голове, когда я подошел, но полицейский, который застрелил Тамира Райса, клялся, что он подумал, что парень размахивает настоящим пистолетом. Я же был *практически* уверен, что тот, который я вижу, не настоящий, но все же не *абсолютно*. Может, вы догадываетесь, почему?

Шериф Джон Эшворт, казалось, забыл об ужине.

- Потому что твой объект *целился* в подростка, лежащего на полу. Нет смысла наводить на кого-то муляж. Ну, только, если парень, лежащий на земле, этого не знает.

- Преступник позже так и сказал, что он просто *тряс* пистолетом перед ребенком, а не целился в него. Приговаривая: “Это мое, ублюдок, ты не возьмешь то, что принадлежит мне”. Я этого не увидел. Для меня все выглядело так, словно он целится. Я крикнул, чтобы он бросил оружие и поднял руки вверх. Он либо не расслышал меня, либо не обратил на это внимания. Он просто продолжал пинать лежащего, и тыкать оружием. Или трясти, если это то, что он делал. Как бы там ни было, я вытащил пистолет. - Тим сделал паузу. - Если это имеет какое-то значение - подростки были белыми.

- Да мне все равно. Подростки дрались. Один упал и получил травму. У другого было то, что могло быть или не быть настоящим оружием. Так ты его подстрелил? Скажи мне, что до этого не дошло.

- Никого не подстрелили. Но... вы же знаете, что люди всегда собираются вокруг, чтобы понаблюдать за дракой? Правда, как правило, всегда разбегаются, как только достается оружие.

- Конечно. Если у них есть хоть капля мозгов, они бегут изо всех сил.

- Так было и там, за исключением нескольких человек, которые остались даже тогда.

- Их тех, кто любят поснимать все происходящее на свои телефоны.

Тим кивнул.

- Четыре или пять подражателей Спилбергу. Как бы там ни было, я направил пистолет в потолок и сделал то, что должно было быть предупредительным выстрелом. Возможно, это было плохое решение, но в тот момент оно казалось правильным. Единственно правильным. В этой части торгового центра висели фонари. Пуля попала в один из них, и тот свалился прямо на голову одному из снимающих. Парень с пистолетом выронил его, и как только пистолет упал на пол, я понял, что он не настоящий, потому что он отскочил. Оказалось, что это был пластмассовый водяной пистолет, сделанный под ствол .45 калибра. У парня, которого пинали, было несколько синяков и порезов, ничего такого, что нужно было бы зашивать, но снимающий драку был без

сознания и оставался в таком состоянии в течение трех часов. Сотрясение. По словам его адвоката, у него амнезия и головные боли.

- Он подал в суд на полицейское управление?

- Да. Это конечно затянется на некоторое время, но в конечном итоге он что-то получит.

Шериф Джон задумался.

- Если он оставался там, чтобы заснять драку, то, возможно, не получит ничего, независимо от того, насколько сильны его головные боли. Я полагаю, что юристы из управления подвели дело к неосторожному обращению с оружием.

Так оно и было, и было бы неплохо, подумал Тим, *если бы мы могли на этом остановиться*. Шериф Джон мог выглядеть как афроамериканская версия босса Хогга в *Придурках из Хаззарда*[15], но дураком он явно не был. Он открыто сочувствовал Тиму - почти любой полицейский посочувствовал в такой ситуации, - но все равно обязательно бы все проверил. Будет лучше, если он узнает остальную часть истории от самого Тима.

- Прежде чем зайти в обувной магазин, я зашел в *Бич-Комберс* и пропустил пару рюмок. Офицеры, которые брали подростка под арест, учуяли запаха алкоголя в моем дыхании и заставили меня пройти тест. Я выдул ноль-шесть, практически в пределах дозволенного, но ничего хорошего, учитывая, что я только что стрелял из пистолета и уложил человека в больницу.

- Вы много пьете, мистер Джеймисон?

- Выпил немало за шесть месяцев или около того сразу после развода, но это было два года назад. Сейчас - нет.

А что еще я могу сказать, - подумал он.

- Ну, ну. Теперь посмотрим, правильно ли я все понял. - Шериф поднял вверх толстый указательный палец. - Ты был не на дежурстве, а это значит, что если бы ты был без формы, эта женщина никогда бы к тебе не подошла.

- Скорее всего, нет, но я бы все равно услышал шум и отправился на место преступления. Коп никогда не бывает полностью свободен от службы. Что, я уверен, вы знаете.

- Да, да, но был бы у тебя пистолет?

- Нет, он остался бы в моей машине.

Эшворт поднял второй палец, потом добавил третий.

- У парня был, скорее всего, муляж пистолета, но он мог быть и настоящим. Ты не мог быть уверен на все сто процентов.

- Да.

Тут возник палец номер четыре.

- Твой предупредительный выстрел поразил осветительный фонарь, не только сбив его, но и обрушив на голову ни в чем не повинного прохожего. Если, конечно, можно назвать засранца, снимающего драку на мобильный телефон, невинным прохожим.

Тим кивнул.

Вверх поднялся большой палец шерифа.

- И до того, как произошла эта драка, ты употребил две рюмки спиртного.

- Да. И все это время я был в форме.

- Не очень хорошее решение, не очень мудрое... как сказали бы… *зрители*ё но, а я скажу, что тебя просто преследовала неудача. - Шериф Джон побарабанил пальцами по краю стола. Рубиновое кольцо на мизинце подчеркивало каждый удар небольшим щелчком. - Я думаю, что твоя история слишком вопиюща, чтобы не быть правдой, но думаю, что позвоню на твое предыдущее место работы и проверю все сам. Хотя бы для того, чтобы снова её услышать и еще раз поразиться.

Тим улыбнулся.

- Я докладывал Бернадетте Дипино. Она начальник полиции Сарасоты. И вам лучше вернуться домой к ужину, а то жена придет в ярость.

- Да, да, но позволь мне самому побеспокоиться о Марси. - Шериф склонился над животом. Его глаза сверкали ярче, чем когда-либо. - Если я дам вам алкотестер прямо сейчас, мистер Джеймисон, что он покажет?

- Дайте и посмотрим.

- Не думаю, что я это сделаю. Не думаю, что мне это нужно. - Он откинулся назад; его офисное кресло издало еще один протяжный вопль. - Зачем тебе понадобилась работа ночного стучащего в таком жалком городишке? Плата всего сто долларов в неделю, и хотя с воскресенья по четверг вряд ли могут возникнуть какие-то неприятности, но в пятницу, а особенно в субботу вечером, все очень даже может быть. Стрип-клуб в Пенли закрылся в прошлом году, но в

непосредственной близости от маршрута есть несколько ресторанчиков с музыкальными автоматами.

- Мой дед работал ночным стучащим в Хиббинге, штат Миннесота. Знаете, город, где вырос Боб Дилан? Это было после того, как он ушел из полиции штата. Дед был основной причиной, по которой я хотел стать полицейским, еще с подросткового возраста. Я увидел объявление и подумал... - Тим пожал плечами. О чем он *подумал*? Почти о том же, что и тогда, когда подался на завод по переработке отходов. Целая куча ничего особенного. Ему пришло в голову, что он, по крайней мере, мысленно, может оказаться в трудном положении.

- Значит, хочешь пойти по стопам дедушки? Ага. - Шериф Джон сложил руки на своем внушительном животе и уставился на Тима - эти яркие, пытливые глаза, глубоко посаженные в карманы из жира. - Считаешь себя пенсионером, такой расклад? Или просто ищешь что-нибудь, чтобы убить скуку? Ты ведь еще молод для окончательной отставки, не так ли?

- Ну, как бы там ни было, из полиции я ушел. С этим покончено. Друг сказал, что он может найти мне работу в Нью-Йорке, и я захотел сменить обстановку. Может быть, мне и не нужно ехать за этим в Нью-Йорк. - Он подумал, что и вправду может изменить свое мнение. Работа ночным стучащим может этому и не способствовать, но, а вдруг?

- Разведен, говоришь?

- Да.

- Дети?

- Нет. Она хотела, а я чувствовал, что не готов.

Шериф Джон посмотрел на заявление Тима.

- Здесь указано, что тебе сорок два. В большинстве случаев - вероятно, не всегда - если ты не готов к этому возрасту... - Он замолчал, ожидая, как и положено копу, пока Тим заполнит тишину.

Тим не издал ни звука.

- Может быть, вы и направляетесь в Нью-Йорк, Мистер Джеймисон, но сейчас вы просто дрейфуете. Это так?

Тим подумал и согласился, что да, это *так*.

- Если я дам тебе эту работу, откуда мне знать, что ты не вздумаешь уехать отсюда через две недели или месяц? Дюпре - не

самое интересное место на земле, и даже в Южной *Кар'лине*. Я спрашиваю, сэр, откуда мне знать, что на вас можно положиться?

- Постараюсь задержаться. При условии, что вы решите, что я справляюсь с обязанностями, конечно же. Если же вы решите, что я не справляюсь, только скажите. Если же я сам решу двинуться дальше, я сообщу вам об этом заранее. Обещаю.

- Этой работы недостаточно, чтобы обеспечить себе достойную жизнь.

Тим пожал плечами.

- Если понадобится, я найду что-нибудь еще. Вы же не хотите сказать, что я буду единственным парнем в городе, работающим на двух работах, чтобы свести концы с концами? И у меня есть небольшой капитал для начала.

Шериф Джон немного посидел на месте, обдумывая услышанное, потом поднялся. Он сделал это с удивительной для такого грузного человека ловкостью.

- Приходи завтра утром, и мы посмотрим, что и как. К десяти будет самый раз.

Достаточно времени, чтобы переговорить с полицией Сарасоты, - подумал Тим, - *и посмотреть, подтвердится ли моя история. И, кроме того, узнать, есть ли другие темные пятна в моей биографии.*

Он встал сам и протянул руку. Рукопожатие Шерифа Джона было очень крепким.

- Где вы остановитесь на ночь, Мистер Джеймисон?

- Вон в том мотеле, если там есть свободные номера.

- О, у Норберта всегда много свободных номеров, - сказал шериф, - и я сомневаюсь, что он попытается продать тебе какую-нибудь травку. Мне кажется, ты все еще немного похож на копа. Если у тебя нет проблем с перевариванием жареной пищи, *Бев* ниже по улице работает до семи. Сам я неравнодушен к печени и луку.

- Благодарю. И спасибо, что со мной поговорили.

- Да не за что. Интересная была беседа. И когда ты зарегистрируешься в *Дюпре-мотеле*, скажи Норберту, что Шериф Джон приказал дать тебе один из лучших номеров.

- Так и сделаю.

- Но все же поищи жучков, прежде чем полезешь в койку.

Тим улыбнулся.

- Я уже получил такой совет.

7

Ужин в *Закусочной Бев* состоял из жареной курицы, зеленых бобов и персикового пирога. Не так уж и плохо. Другое дело - номер, который ему выделили в *Дюпре-мотеле*. Те, в которых Тим останавливался во время своего путешествия на север, выглядели по сравнению с ним как королевские палаты. Кондиционер в окне деловито дребезжал, но не сильно охлаждал воздух. Ржавая насадка для душа безбожно текла, и остановить это было невозможно. (В конце концов, он положил под душ полотенце, чтобы заглушить монотонный звук.) Абажур на прикроватной тумбочке был прожжен в нескольких местах. Единственная картина в комнате - тревожная композиция, изображающая парусное судно, экипаж которого полностью состоял из ухмыляющихся и, возможно, одержимых чернокожих мужчин, - висела криво. Тим выпрямил ее, но она тут же снова покосилась.

Снаружи стоял шезлонг. Сиденье провисло, а ножки были такими же ржавыми, как и неисправная насадка для душа, но он, в отличие от душа, пока еще держался. Тим провалился в него, вытянул ноги, время от времени шлепал комаров и смотрел, как солнце прожигает сквозь деревья свой оранжевый свет. Наблюдая за этим, он чувствовал себя счастливым и грустным одновременно. Еще один бесконечный товарняк появился около четверти девятого, пересекая федеральное шоссе и проезжая мимо складов на окраине города.

- Эта чертова *Южная Джорджия* всегда опаздывает.

Тим оглянулся и увидел владельца и единственного вечернего работника этого прекрасного заведения. Он был чрезвычайно худым. Верхнюю его половину покрывал свисающий пестрый жилет. На нижней болтались короткие брюки цвета хаки, в полной мере открывающие белые носки и древние кроссовки *Конверс*. Его нечеткое крысиное лицо обрамляла винтажная битловская стрижка.

- Расскажите подробней, - сказал Тим.

- К чему вам это, - ответил Норберт, пожимая плечами. - Веч'рний поезд всегда проходит мимо. С полуночным поездом *почти* всегда также, если только в нем нет цистерн с дизельным топливом или свежих фруктов и овощей для бакалеи под разгрузку. Там, ниже, перекресток дорог. - Он скрестил указательные пальцы, чтобы это продемонстрировать. - Одна линия ведет в Атланту, Бирмин'ем,

Хантсвилл, и дальш'. Др'гие приезжают из Джексонвилла и направляются в Чарльстон, Уилмингтон, Ньюпорт-Ньюс и дальш'. Это дневные товарняки, которые практически всегда останавливаются. Под'мываете о работе на складах? У них там всегда есть одна-две вакансии. Но для этого нужно иметь крепкую спину. Такое не для меня.

Тим пристально на него посмотрел. Норберт пошаркал кроссовками и ухмыльнулся, обнажив то, что Тим всегда считал исчезающими зубами. Они еще были, но выглядели так, словно скоро должны были исчезнуть.

- Где ваша машина?

Тим просто продолжал смотреть.

- Вы полицейский?

- Сейчас я человек, наблюдающий, как солнце садится за деревья, - сказал Тим, - и я предпочел бы делать это в одиночку.

- Больш' ни слова, больш' ни слова, - сказал Норберт и отступил, задержавшись лишь для того чтобы выдать еще один оценивающий взгляд через плечо.

Товарняк, в конце концов, прошел. Красные сигналы семафора погасли. Шлагбаум качнулся вверх. Две или три машины, которые перед ним ожидали, завели свои двигатели и тронулись с места. Тим смотрел, как солнечный свет от оранжевого переходит к красному - *красное ночное небо - радость моряка*, сказал бы его дед - ночной стучащий. Он наблюдал, как тени сосен удлиняются, пересекая федеральное шоссе 92, а затем сливаются воедино. Он был совершенно уверен, что не получит работу ночного стучащего, и, возможно, это было к лучшему. Дюпре представлялся ему весьма далеким от цивилизации, не просто обочиной мира, а чертовским бездорожьем. Если бы не эти четыре склада, города, вероятно, уже давно не было бы. Да в чем вообще был их смысл? Хранить телевизоры из какого-нибудь северного порта вроде Уилмингтона или Норфолка, чтобы потом переправить их в Атланту или Мариетту? Складировать коробки с компьютерными принадлежностями, доставленными из Атланты, чтобы в конечном итоге их можно было снова загрузить и отправить в Уилмингтон, Норфолк или Джексонвилль? Складировать удобрения или опасные химикаты, потому что в этой части Соединенных Штатов против этого не было

закона? И так снова и снова, по кругу, а хождение по кругу не имеет смысла, любой дурак это знает.

Он вошел в номер, запер дверь (глупо, эта штука была такой хрупкой, что одним ударом ноги ее легко можно было выбить), разделся до нижнего белья и лег на кровать, которая была провисшей, но без клопов (по крайней мере, так ему показалось на первый взгляд). Он закинул руки за голову и уставился на фотографию ухмыляющихся чернокожих мужчин, управлявших фрегатом, или как там еще называется этот чертов корабль. Куда они направляются? Это пираты? Они казались ему пиратами. Но кем бы они там ни были, в конечном счете, дело все равно закончится погрузкой и разгрузкой в следующем порту захода. Может быть, так всегда бывает. И со всеми. Не так давно он выгрузился из самолета авиакомпании *Дельта*, направлявшегося в Нью-Йорк. После этого он погружал банки и бутылки в сортировочную машину. Сегодня он загрузил книги для милой дамы-библиотекарши в одном месте и выгрузил их в другом. Он был здесь только потому, что трасса I-95 был загружена легковыми автомобилями и грузовиками, в ожидании эвакуатора, которые в свою очередь должны были погрузить разбитую машину какого-то несчастного. Вероятно, после того, как скорая помощь уже погрузила водителя и выгрузила его в ближайшей больнице.

Но ночной стучащий не загружает и не разгружает, подумал Тим. *Он просто ходит и стучит. Это, как сказал бы дедушка, самое прекрасное.*

Он заснул, и проснулся только в полночь, когда мимо города с грохотом пронесся еще один товарняк. Он воспользовался ванной и, прежде чем вернуться в постель, снял кривую картину и прислонил к стене корабль с группой ухмыляющихся чернокожих мужчин.

От этой проклятой штуки у него мурашки по коже бежали.

8

На тот момент, когда на следующее утро в его комнате зазвонил телефон, Тим уже принял душ и снова восседал в шезлонге, наблюдая, как тени, пересекавшие шоссе на закате, тают в обратную сторону. Это был шериф Джон. Он не терял времени даром.

- Не думая, что ваш бывший шеф приходит на работу слишком рано, я прошерстил нужную информацию о вас в Интернете, Мистер Джеймисон. Похоже, в резюме вы упустили пару вещей. В нашем

разговоре они тоже не упоминались. Вы получили благодарность за спасение жизни в 2017 году, и номинировались на звание лучшего офицера полиции Сарасоты в 2018 году. Вы что об этом забыли?

- Нет, - ответил Тим. - Я подал заявление о приеме на работу под влиянием момента. Если бы у меня было больше времени на раздумья, я бы это описал.

- Расскажи мне об аллигаторе. Я вырос на болоте Литтл Пи Ди, и мне нравятся хорошие истории про аллигаторов.

- История не слишком хороша, потому что это был не очень большой аллигатор. И я не спас мир, но у этой истории все же есть забавная сторона.

- Давай-ка послушаем.

- Звонок поступил из Хайлендса, где находится частное поле для гольфа. Я находился ближе всего. Ребенок забрался на дерево рядом с одной из водных преград. Ему было одиннадцать, двенадцать или около того, и он орал во все горло. Аллигатор был внизу.

- Звучит как история из *Меленького черного Самбо*[16], - сказал шериф Джон. - Только, насколько я помню, в той истории вместо аллигатора были тигры, и если это было частное поле для гольфа, я держу пари, что ребенок на том дереве не был черным.

- Нет, и аллигатор скорее спал, чем бодрствовал, - сказал Тим. - Всего пять футов. Самое большее - шесть. Я одолжил клюшку номер пять у отца парнишки - это он инициировал мою благодарность - и пару раз его ударил.

- Ударил аллигатора, я думаю, а не отца.

Тим рассмеялся.

- Все верно. Аллигатор нырнул в водную преграду, ребенок спустился вниз, вот и все. - Он сделал паузу. - Ну и еще я попал в вечерние новости. Размахивающий клюшкой для гольфа. Диктор пошутил о том, что я “загнал” его в лузу. Такой себе гольф-юмор.

- Да, понятно, а что насчет офицера года?

- Ну, - сказал Тим, - Я всегда приходил вовремя, никогда не болел, и они должны были кому-то его дать.

На другом конце провода на несколько мгновений воцарилось молчание. После чего Шериф Джон произнес:

- Я не знаю, вызвано ли это скромностью или низкой самооценкой, но мне не очень нравится, как это звучит. Я знаю, что

требую слишком многого, для столь короткого знакомства, но я человек, который всегда говорит то, что думает. Некоторые говорят, что я стреляю изо рта. Например, моя жена.

Тим посмотрел на дорогу, на железнодорожные пути, на исчезающие тени. Перевел взгляд на городскую водонапорную башню, маячившую как робот-захватчик в научно-фантастическом фильме. Сегодня будет еще один жаркий день, решил он. Имея в виду что-то другое. Он может получить эту работу или потерять ее прямо здесь и сейчас. Все зависело от того, что он сейчас скажет. Вопрос был в том, действительно ли он этого хочет, или это просто прихоть, рожденная семейной историей о дедушке Томе?

- Мистер Джеймисон? Вы еще здесь?

- Я заслужил эту награду. Были и другие копы, которые могли бы получить это звание, - я работал рядом со многими хорошими офицерами, - но да, я его заслужил. Когда я уезжал из Сарасоты, то не захватил с собой почти ничего - хотел все забрать, когда осяду в Нью-Йорке, - но взял с собой выписку из приказа. Если хотите, я вам её покажу.

- Да, - ответил шериф Джон, - но не потому, что я тебе не верю. Я просто хочу на неё взглянуть. Ты чересчур квалифицирован для работы ночным стучащим, но если ты действительно этого хочешь, можешь приступать в одиннадцать вечера. С одиннадцати до шести, подходит?

- Да я этого хочу, - сказал Тим.

- Вперед.

- Вот так просто?

- Я еще и человек, который доверяет своим инстинктам, и я нанимаю ночного стучащего, а не охранника в *Бринкс*[17], так что, да, так просто. Нет необходимости приходить к десяти. Еще немного поспи, и заскочишь в офис около полудня. Офицер Гулликсон тебя проинструктирует. Времени много не займет. Это ведь не ракетостроение, как принято говорить, хотя ты сможешь увидеть некоторые дорожные ракеты на Мэйн-стрит в субботу вечером после закрытия баров.

- Хорошо. И спасибо вам.

- Посмотрим, как ты будешь благодарен после первого уик-энда. Еще одно. Ты не помощник шерифа и не имеешь права носить

огнестрельное оружие. Если попадешь в ситуацию, с которой не сможешь справиться, или посчитаешь ее опасной, вызываешь нас по рации. Договорились?

- Да.

- Ну, вот и ладненько, Мистер Джеймисон. Но если я узнаю, что ты берешь с собой пистолет на дежурство, можешь сразу паковать вещи.

- Понятно.

- Тогда поспи еще немного. Ты вот-вот станешь ночным существом.

Как Граф Дракула, подумал Тим. Он нажал отбой, повесил на дверь табличку Не беспокоить, задернул тонкую занавеску на окне, положил телефон на тумбочку и заснул.

9

Помощник шерифа Венди Гулликсон, работавшая неполный рабочий день, была на десять лет моложе Ронни Гибсон и выглядела сногсшибательно, несмотря на то, что ее светлые волосы были собраны в такой тугой пучок, что казалось, что она вот-вот закричит. Тим не пытался ее очаровать; было ясно, что ее щит от обаяния поднят и приведен в боевую готовность. Он на мгновение задумался, не было ли у нее на примете кого-то другого для работы ночным стучащим, может быть, брата или бойфренда.

Она дала ему карту не-слишком-уж-большого делового центра Дюпре, портативную рацию, крепящуюся на ремень и часы, которые он тоже повесил на ремень. В них нет батареек, объяснила помощник Гулликсон; он доложен был заводить их в начале каждой смены.

- Держу пари, в 1946 году это было по последнему слову техники, - сказал Тим. - На самом деле круто. Настоящее ретро.

Она даже не улыбнулась.

- Вы начинаете смену с *Отдела продаж и обслуживания малых локомотивов Фромми* и двигаетесь в сторону железнодорожного вокзала на западном конце Мейн-стрит, затем возвращаетесь. Это одна и шесть десятых мили в каждую сторону. Эд Уитлок каждую смену делал по четыре круга.

Получалось практически тринадцать миль.

- Не будет нужды обращаться к *Весонаблюдателям*[18], это уж точно.

По-прежнему без улыбки.

- Мы с Ронни Гибсон составим график. У вас будет два выходных в неделю, возможно, по понедельникам и вторникам. После уик-энда в городе довольно тихо, но выходные дни, возможно, придется менять. Если вы, конечно же, останетесь.

Тим сложил руки на коленях и посмотрел на нее с полуулыбкой.

- У вас есть ко мне какие-то претензии, помощник шерифа Гулликсон? Если да, то говорите сейчас или умолкните навек[19].

Ее лицо было по-скандинавски светлым, и не было никакой возможности скрыть румянец, когда тот загорелся на ее щеках. Это только добавило ей привлекательности, но он предполагал, что он ей не нравится, не смотря ни на что.

- Не могу сказать, есть ли претензии или нет. Время покажет. Мы хорошая команда. Маленькая, но хорошая. Мы все в одной упряжке. А вы просто какой-то проходимец, который пришел с улицы и нанялся на работу. Люди в городе часто шутили о ночном стучащем, но Эд во всех этих шуточках представлялся очень хорошим парнем, а это важно, особенно в городе с таким маленьким штатом полицейских, как наш.

- Унция профилактики стоит фунта лечения, - изрек Тим. - Так говорил мой дедушка. Он был ночным стучащим, офицер Гулликсон. Вот почему я подал заявление на эту работу.

Может быть, она немного оттаяла.

- Что касается часов, я согласна - это архаично. Все, что я могу посоветовать: вам надо к этому привыкнуть. Ночной стучащий - это аналоговая работа в цифровую эпоху. По крайней мере, здесь, в Дюпре.

10

Тим достаточно быстро понял, что она имела в виду. Он был таким себе патрульным образца 1954 года, только без пистолета и даже без дубинки. Он не имел права никого задерживать. Несколько крупных городских предприятий были оснащены системами безопасности, но большинство небольших магазинчиков не имели такой возможности. В таких местах, как *Дюпре Меркантайл* и *Аптека Оберга*, он проверял, горят ли зеленые огоньки охранных сигнализаций, и нет ли каких-нибудь следов взлома. На тех, которые были еще меньше, он дергал или крутил дверные ручки, заглядывал через стекло и, традиционно, трижды стучал. Иногда ему отвечали -

взмах руки или несколько слов, - но, в основном, нет, и это было прекрасно. Он делал мелом пометку и двигался дальше. Он проделывал ту же процедуру на обратном пути, на этот раз, стирая метки. Весь процесс напоминал ему старую ирландскую шутку: *Если ты доберешься туда первым, Пэдди, начерти мелом метку на двери. Если я доберусь туда первым, я её сотру*. Фактически, от этих меток не было никакой практической пользы; это была просто традиция, возможно, восходящая через длинную цепочку ночных стучащих к эпохе Реконструкции[20].

Благодаря одному из помощников шерифа, Тим нашел более приличное место для ночлега. Джордж Баркетт рассказал ему, что у его матери есть небольшая меблированная квартирка над гаражом, и она сдает ее довольно дешево, если ему это интересно.

- Всего две комнаты, но там очень мило. Мой брат жил там пару лет, прежде чем переехал во Флориду. Зацепился за работу в тематическом парке *Юниверсал* в Орландо[21]. Зарабатывает прилично.

- Повезло.

- Да, но цены во Флориде... ух, ну просто вырви глаз. Должен предупредить тебя, Тим, если ты займешь это место, то не сможешь громко слушать музыку по ночам. Мама не любит музыку. Ей даже не нравилось банджо Флойда, на котором тот играл, как боженька. Они всегда пререкались по этому поводу и говорили друг другу гадости.

- Джордж, я редко бываю дома по ночам.

Офицер Баркетт - лет двадцати пяти, добродушный и жизнерадостный, не обремененный врожденным интеллектом, - просиял:

- Верно, совсем об этом забыл. Во всяком случае, там есть небольшой *Карриер*[22], слабенький, но содержит место в достаточной прохладе, чтобы ты мог комфортно спать - Флойд мог, по крайней мере. - Интересно?

Тиму было интересно, и хотя устройство, сотрясающее окно, действительно было не очень, кровать была удобной, гостиная - уютной, и душ не тек. На кухне не было ничего, кроме микроволновки и электрической плиты, но он все равно питался в *Закусочной Бев*, так что с этим все было в порядке. И арендная плата не могла не радовать: семьдесят баксов в неделю. Джордж описывал свою мать как некое

подобие дракона, но Миссис Баркетт оказалась доброй старушенцией с южным протяжным говорком, таким густым, что он понимал только половину того, что она говорила. Иногда она оставляла перед его дверью ломоть кукурузного хлеба или кусок пирога, завернутый в вощеную бумагу. Это было подобно тому, что иметь домовладелицей эльфа Дикси.

Норберт Холлистер, владелец мотеля с крысиным лицом, был прав насчет *Дюпре Сторидж энд Складинг*: у них хронически не хватало персонала, и они постоянно давали объявления о найме. Тим догадывался, что для тех мест, где работа сводилась к упорному физическому труду, компенсируемому самой минимальной почасовой оплатой, разрешенной законом (в Южной Каролине это было семь баксов с четвертью в час), была характерна высокая текучесть кадров. Он подошел к бригадиру, Вэлу Джаррету, который рад был предоставить ему работу на три часа в день, начиная с восьми утра. Это давало Тиму время привести себя в порядок и поесть после того, как он заканчивал свою ночную смену. И вот, в дополнение к своим ночным обязанностям, он снова загружал и разгружал.

Так устроен мир, - сказал он себе. *Так устроен мир. Во веки вечные.*

11

Время, проведенное им в этом маленьком южном городке, неспешно потекло, и Тим Джеймисон погрузился в успокаивающую рутину. Он не собирался оставаться в Дюпре до конца своих дней, но мог представить себя все еще болтающимся здесь на Рождество (возможно, установив крошечную искусственную елку в своей крошечной квартирке над гаражом), возможно, даже следующим летом. Это не был какой-то культурный оазис, и он понимал, почему дети тут частенько творили дичь, - чтобы убежать от беспросветной скуки, - но Тим наслаждался покоем. Он был уверен, что со временем это пройдет, но пока все было просто чудесно.

Подъем в шесть вечера; ужин у *Бев*, иногда в одиночку, иногда с одним из помощников шерифа; ночные обходы на протяжении семи часов; завтрак у *Бев*; работа на погрузчике в *Дюпре Сторидж энд Складинг* с восьми до одиннадцати; бутерброд с *Колой* или сладкий чай на обед в тени железнодорожного вокзала; возвращение в квартирку Миссис Баркетт; сон до шести. В выходные дни он иногда

спал по двенадцать часов подряд. Он читал юридические триллеры Джона Гришэма и перечел всю серию *Песнь Льда и Пламени*[23]. Он был большим поклонником Тириона Ланнистера. Тим знал, что есть телешоу, основанное на книгах Мартина, но не чувствовал необходимости его смотреть; его воображение обеспечивало всех драконов, в которых он нуждался.

Будучи полицейским, он хорошо знал ночную жизнь Сарасоты, столь же непохожую на солнечные дни этого курортного городка, как Мистер Хайд на Доктора Джекила. Ночная жизнь часто была отвратительной, а иногда опасной, и хотя он никогда не опускался до использования этого мерзкого полицейского жаргона про мертвых наркоманов и изувеченных проституток - НВЛ, не вовлеченные люди - десять лет, проведенных в полиции, сделали его циничным. Иногда он приносил эти чувства домой (*часто*, говорил он себе, когда хотел быть честным), и они становились кислотой, разъедавшей его брак. Эти чувства так же, по его мнению, были одной из причин, по которым он оставался закрытым от идеи иметь детей. Там было слишком много плохого. Слишком много всего, что может пойти не так. И аллигатор на поле для гольфа был самым меньшим злом.

Когда он только брался за работу ночным стучащим, он не особо верил, что в городке с населением в пятьдесят четыре сотни человек (большая часть из них - в отдаленных сельских районах) может быть ночная жизнь, но в Дюпре она была, и Тим обнаружил, что она ему нравится. Люди, с которыми он встречался в ночной жизни, были на самом деле лучшей частью его работы.

Там была Миссис Гулсби, с которой он почти каждый вечер, начиная с первого обхода, обменивался приветственными жестами и негромким: “здравствуйте”. Она сидела в кресле-качалке, мягко двигаясь взад и вперед, что-то потягивая из чашки, в которой могли быть как виски с содовой, так и ромашковый чай. Иногда она все еще сидела на крыльце во время его второго круга. Фрэнк Поттер, один из помощников шерифа, с которым он иногда обедал у *Бев*, рассказал ему, что Миссис Гу год назад потеряла мужа. Большой грузовик Вэнделла Гулсби сорвался с моста на Висконсинском шоссе во время снежной бури.

- Ей нет еще пятидесяти, но Вэн и Адди были женаты очень, очень долго, - сказал Фрэнк. - Когда они поженились, ни один из них

не был достаточно взрослым, чтобы голосовать или покупать легальную выпивку. Как в той песне Чака Берри, о подростковой свадьбе[24]. Такие связи обычно ненадолго, но только не у них.

Тим также познакомился с Сироткой Энни, бездомной женщиной, которая много ночей провела на надувном матрасе в переулке, проходящем между офисом шерифа и *Дюпре Меркантайл*. У нее также была маленькая палатка в поле за железнодорожным депо, и когда шел дождь, она спала там.

- Ее настоящее имя Энни Леду, - сказал Билл Уиклоу, когда Тим спросил. Билл был самым старым из помощников шерифа Дюпре, работал неполный рабочий день и, казалось, знал в этом городе всех. - Она спит в этом переулке в течение многих лет. Предпочитает матрас палатке.

- А что она делает, когда становится холодно? - Спросил Тим.

- Отправляется в Йемасси. чаще всего ее отвозит туда Ронни Гибсон. Они как-то связаны, троюродные сестры или что-то в этом роде. Там есть приют для бездомных. Энни говорит, что не пользуется этим без крайней на то необходимости, потому что там полно сумасшедших. На что я ей отвечаю: “Уж кто бы говорил, подруга.”

Тим проверял ее убежище в переулке раз за ночь, а однажды после смены посетил ее палатку, так, из простого любопытства. Перед палаткой в землю были воткнуты три флага на бамбуковых шестах: звездно-полосатый, флаг Южан и еще один, который Тим не узнал.

- Это флаг Гвианы, - сказала она, когда он спросил. - Нашла его в мусорном баке за *Зоуни*.

Она сидела в мягком кресле, покрытом прозрачным пластиком, и вязала шарф, который выглядел достаточно длинным даже для одного из гигантов Джорджа Р.Р. Мартина. Она была достаточно дружелюбна, не проявляя никаких признаков того, что один из коллег Тима из Сарасоты называл “синдромом бездомного параноика”, но при этом была поклонницей ночных ток-шоу по радио на *Дабл-Ю-Эм-Ди-Кей*, и ее разговор иногда блуждал странными окольными путями между летающими тарелками, пришельцами и одержимыми демонами.

Однажды ночью, когда он в очередной раз обнаружил ее лежащей на надувном матрасе в переулке и слушающей свое маленькое радио, он ее спросил, почему она находится здесь, когда у нее есть палатка, которая была в отличном состоянии. Сиротка Энни - лет шестидесяти,

может, восьмидесяти - посмотрела на него как на сумасшедшего. - Здесь я рядом с по-ли-ци-ей. Вы знаете, что находится за депо и этими складами, Мистер Джей?

- Наверное, лес.

- Лес и болота. Мили топей, грязи и буреломов, которые тянутся до самой Джорджии. Там водятся разные твари, и некоторые плохие люди тоже. Когда идет дождь и мне приходится оставаться в палатке, я говорю себе, что в грозу ничего плохого не случится, но все равно плохо сплю. У меня есть нож, и я держу его под рукой, но не думаю, что он сильно поможет против какой-нибудь болотной крысы или чувака, подсевшего на мет.

Энни была худой до изнеможения, и Тим стал приносить ей маленькие угощения от *Бев*, перед началом своей непродолжительной смены по погрузке и разгрузке в складском комплексе. Иногда это был пакетик жареного арахиса или *Мак Крекерс*, иногда лунный или вишневый пирог. Один раз это была банка с *Уиклис*[25], которую она схватила и держала между своими тощими грудями, смеясь от удовольствия.

- *Уики!* Я их не ела с тех пор, как пес Гектор был щенком! Почему вы так добры ко мне, Мистер Джей?

- Не знаю, - ответил Тим. - Наверное, ты мне просто нравишься, Энни. Могу я попробовать один из них?

Она протянула ему банку.

- Конечно. Тебе все равно придется ее открыть, у меня слишком болят руки от артрита. - Она протянула их, показывая пальцы, так сильно скрюченные, что они были похожи на куски коряги. - Я все еще могу вязать и шить, но Бог знает, как долго это будет продолжаться.

Он открыл банку, слегка поморщился от сильного уксусного запаха и выудил одно из солений. С него капало что-то, что, насколько он знал, могло быть формальдегидом.

- Давай-ка её сюда, а ну, верни-ка её мне!

Он протянул ей банку и съел огурчик.

- Господи, Энни, мой рот может никогда не разжаться.

Она рассмеялась, показав несколько оставшихся зубов.

- Их лучше всего есть с хлебом, маслом и хорошим холодным кофе. Или пивом, но я его больше не пью.

- Что это ты вяжешь? Шарф?

- Господь не придет в своем собственном одеянии, - сказала Энни. - А теперь идите, мистер Джей, и исполняйте свой долг. Остерегайтесь людей в черных машинах. Джордж Оллман по радио все время о них говорит. Вы ведь знаете, откуда они? - Она бросила на него понимающий взгляд. Возможно, она шутила. Или нет. С Сироткой Энни трудно было сказать наверняка.

Корбетт Дентон был еще одним представителем ночной жизни Дюпре. Он был городским парикмахером и был известен во всем округе как Барабанщик, за какой-то подростковый подвиг, о котором никто точно ничего не знал. Знали только то, что этот подвиг привел к месячному отстранению от занятий в региональной старшей школе. Возможно, в свое время, он и был настоящим бунтарем, но те времена остались далеко позади. Барабанщику было далеко за пятьдесят или даже чуть за шестьдесят, он был полноват, лысел и страдал бессонницей. Когда ему не спалось, он сидел на крыльце парикмахерской и смотрел на пустую главную улицу Дюпре. Пустую, если не считать Тима. Они обменивались отрывочными фразами, которыми обменивались только знакомые - погода, бейсбол, ежегодная Летняя распродажа, - но однажды вечером Дентон сказал нечто такое, что заставило Тима насторожиться.

- Знаешь, Джеймисон, эта жизнь, которую мы думаем, что живем, не настоящая. Это просто игра теней, и я, к примеру, буду несказанно рад, когда свет погаснет. В темноте все тени исчезают.

Тим присел на ступеньку под парикмахерским шестом, бесконечная спираль которого теперь затихла на ночь. Он снял очки, протер их о рубашку и снова надел.

- Могу говорить откровенно?

Барабанщик Дентон щелчком отправил окурок в сточную канаву, где он при ударе о землю выдал сноп коротких искр.

- На прямоту. Между полуночью и четырьмя, каждый должен иметь возможность говорить откровенно. По крайней мере, я так считаю.

- Ты говоришь, как человек, страдающий депрессией.

Барабанщик рассмеялся.

- Нарекаю тебя Шерлоком Холмсом.

- Тебе надо повидаться с Доком Роупером. Есть таблетки, которые скрасят твое настроение. Моя бывшая их принимала. Хотя избавление

от меня, вероятно, еще больше скрасило ее настроение. - Он улыбнулся, показывая, что это шутка, но Барабанщик Дентон в ответ не улыбнулся, а просто встал.

- Я знаю об этих таблетках, Джеймисон. Они как выпивка или травка. Наверное, как *Экстази*, который в наши дни принимают дети, когда идут на свои рейвы, или как они там их называют. Эти вещи заставляют вас поверить на некоторое время, что все происходящее реально. Что что-то в этой жизни имеет значение. Но это не так.

- Брось, - мягко сказал Тим. - Это дурные мысли.

- По-моему, есть только один выход, - сказал парикмахер и направился к лестнице, ведущей в его квартиру над парикмахерской. Его походка была медленной и неуклюжей.

Тим с тревогой посмотрел ему вслед. Он считал Барабанщика Дентона одним из тех парней, которые в дождливую ночь могут решиться на самоубийство. Может даже прихватить с собой собаку, если она у него есть. Как какой-нибудь древнеегипетский фараон. Он подумал, не поговорить ли об этом с Шерифом Джоном, но потом вспомнил о Венди Гулликсон, которая все еще настороженно к нему относилась. Меньше всего ему хотелось, чтобы она или кто-нибудь из помощников шерифа подумали, что он ставит себя выше других. Он больше не страж порядка, а всего лишь городской ночной стучащий. Лучше всего оставить все как есть.

Но Барабанщик Дентон никогда не выходил у него из головы.

12

Однажды вечером, ближе к концу июня, во время обхода он заметил двух мальчишек, идущих на запад по Мейн-стрит с рюкзаками за спиной и коробками для завтраков в руках. Можно было подумать, что они идут в школу, если бы на часах не было двух часов ночи. Этими ночными гуляками оказались близнецы Билсоны. Они злились на своих родителей, которые отказались взять их на сельскохозяйственную ярмарку в Даннинг, потому что оценки в их табелях были неприемлемыми.

- Мы получили в основном тройки и ничего не завалили, - сказал Роберт Билсон, - и нас перевели. Что не так-то?

- Это несправедливо, - вмешался Роланд Билсон. - Утром мы первым делом пойдем на ярмарку и найдем там работу. Мы слышали, что им всегда нужны карусельщики.

Тим подумал, не сказать ли мальчику, что правильное слово - “*зазывалы*”[26], но потом решил, что это к делу не относится.

- Детки, мне очень не хочется хлопать ваш шарик, но, сколько вам лет? Одиннадцать?

- Двенадцать! - Хором ответили они.

- Ладно, двенадцать. Говорите тише, люди спят. Никто не станет нанимать вас на этой ярмарке. Что они сделают, так это засадят вас в Долларовую тюрьму под любым предлогом и будут держать там до приезда родителей. А пока они не приедут, люди будут приходить, и глазеть на вас. Кое-кто из них может бросить в вас арахис или свиные шкварки.

Близнецы Билсоны уставились на него с тревогой (и, возможно, некоторым облегчением).

- Вот как мы поступим, - сказал Тим. - Вы сейчас же возвращаетесь домой, а я буду идти за вами, просто чтобы убедиться, что ваш коллективный разум не передумал.

- Что такое коллективный разум? - Спросил Роберт.

- Вещь, свойственная только близнецам, по крайней мере, все так говорят. Вы воспользовались дверью или вылезли в окно?

- Окно, - сказал Роланд.

- Ладно, так же и вернетесь. Если вам повезет, родители никогда не узнают, что вас не было дома.

Роберт:

- Вы же им не скажете?

- Нет, пока не увижу, что вы пробуете это проделать еще раз, - сказал Тим. - Тогда я расскажу им не только о том, что вы сделали, но и о том, как вы оскорбляли меня, когда я вас поймал.

Роланд, потрясенный:

- Мы ничего такого не делали!

- Я совру, - сказал Тим. - У меня это хорошо получается.

Он последовал за ними и наблюдал, как Роберт Билсон сделал ступеньку из рук, чтобы помочь Роланду забраться в открытое окно. Тим оказал Роберту такую же услугу. Он подождал, не загорится ли где-нибудь свет, сигнализируя об обнаружении потенциальных беглецов, и когда этого не произошло, продолжил обход.

Пятничными и субботними вечерами на улицах появлялось больше людей, по крайней мере, до полуночи или часа ночи. В основном, влюбленные парочки. После этого могло начаться вторжение тех, кого Шериф Джон называл дорожными ракетами, - молодых людей в легковушках или пикапах с форсированными двигателями, которые носились по пустой главной улице Дюпре со скоростью шестьдесят-семьдесят миль в час, мчались наперегонки и будили людей злобным ревом своих прокачанных глушителей. Иногда помощник шерифа или офицер полиции штата ловили одного из них и выписывали ему штраф (или сажали в тюрьму, если он выдувал ноль-девять), но даже с четырьмя офицерами Дюпре, дежурившими ночью в выходные, аресты были относительно редкими. В основном все сходило им с рук.

Тим отправился к Сиротке Энни. И обнаружил ее сидящей возле палатки и вяжущей тапочки. Артрит там или нет, но ее пальцы двигались как молнии. Он спросил, не хочет ли она заработать двадцать долларов. Энни сказала, что немного налички всегда пригодится, но все будет зависеть от того, что это за работа. Он объяснил ей, и она захихикала.

- С удовольствием, Мистер Джей, если вы добавите пару банок *Уикли*.

Энни, чьим девизом, казалось, было “играй по-крупному или иди домой”, сделала для него баннер длиной в тридцать футов и шириной в семь. Тим прикрепил его к стальным роликам, которые сделал сам, сварив куски трубы, которые раздобыл в *Отделе продаж и обслуживания малых локомотивов Фромми*. Объяснив Шерифу Джону, что он хочет сделать, и, получив на то благословение, Тим и Таг Фарадей подвесили баннер на тросе над перекрестком Мэйн-стрит, закрепив концы на фальшфронтонах *Аптеки Оберга* с одной стороны и неработающего кинотеатра - с другой.

В пятницу и субботу вечером, примерно в то время, когда закрывались бары, Тим дергал за шнур, который разворачивал баннер, как шторку на окне. С обеих сторон Энни нарисовала вспышки старомодных фотоаппаратов. Сообщение ниже гласило: **ПОМЕДЛЕННЕЙ, ИДИОТЫ! МЫ ФИКСИРУЕМ ВАШИ НОМЕРНЫЕ ЗНАКИ!**

Они, конечно же, ничего такого не делали (хотя Тим записывал номера гонщиков, если успевал их разобрать), но баннер Энни, похоже, на самом деле работал. Это было не идеально, но что в жизни было идеальным?

В начале июля Шериф Джон вызвал Тима к себе в кабинет. Тим спросил, не накосячил ли он часом.

- Как раз наоборот, - сказал Шериф Джон. - Ты хорошо справляешься. Идея с баннером поначалу показалась мне безумной, но должен признать, что я был неправ, а ты был прав. Во всяком случае, меня уже меньше беспокоят полуночные гонки, и люди перестали жаловаться, что мы слишком ленивы, чтобы положить этому конец. Те же самые люди, заметьте, которые из года в год голосуют против увеличения зарплаты сотрудников правоохранительных органов. Что меня действительно беспокоит, так это бардак, который мы должны убирать, когда один из этих гонщиков врезается в дерево или телефонный столб. Мертвые - это плохо, но те, которые никогда не станут прежними после одной ночи глупого выпендрежа... Иногда мне кажется, что это еще хуже. Но в этом году июнь прошел хорошо. Лучше, чем хорошо. Может быть, это было просто исключение из общего правила, но я так не думаю. Я думаю, что это все баннер. Ты скажи Энни, что она наверняка спасла несколько жизней с помощью этого баннера, и теперь может спать в одной из наших камер, когда захочет - в любую ночь, как только наступят холода.

- Так и сделаю, - сказал Тим. - Пока у нас есть запас *Уикли*, она наш помощник.

Шериф Джон откинулся назад. Его кресло застонало еще отчаяннее, чем прежде.

- Когда я сказал, что ты слишком квалифицирован для работы ночным стучащим, я и половины не знал. Мы будем скучать по тебе, когда ты переберешься в Нью-Йорк.

- Я никуда не спешу, - сказал Тим.

14

Единственным предприятием в городе, которое было открыто двадцать четыре часа в сутки, был *Зоуни Го-Март*, выходящий к складскому комплексу. В дополнение к пиву, содовой и чипсам, *Зоуни* продавал не брендовый бензин под названием *Зоуни Джус*. Два красивых брата-сомалийца, Абсимиль и Гутаале Добира, заступали в

ночную смену с полуночи до восьми. В жаркую, как хот-дог из *Макдональдса,* ночь в середине июля, когда Тим делал отметки и стучал в окна на западном конце Мейн-стрит, он услышал грохот, раздавшийся неподалеку от *Зоуни*. Он был не особо громким, но Тим узнал звук выстрела, когда его услышал. За ним последовал крик боли или гнева и звук бьющегося стекла.

Тим бросился туда, часы стучали по его бедру, рука автоматически нащупывала рукоять пистолета, которого там не было. Он увидел машину, припаркованную у заправочной станции, и когда подошел к магазину, из него выскочили двое молодых людей, один из них с пригоршней чего-то, что, вероятно, было наличными. Тим опустился на одно колено, наблюдая, как они садятся в машину и с ревом уезжают, а от покрытого масляными пятнами асфальта поднимаются клубы голубого дыма.

Он вытащил рацию из-за пояса.

- База, это Тим. Кто там есть, ответьте.

Отозвалась Венди Гулликсон, её голос звучал сонно и раздраженно.

- Чего ты хочешь, Тим?

- Два-одиннадцать[27], *Зоуни.* Слышал выстрел.

Это ее разбудило.

- Господи, ограбление? Буду немедленно…

- Не торопись, послушай меня. Преступников двое - мужчины, белые, юноши, лет по двадцать. Машина - малолитражка. Похоже, *Шевроле Круз*, невозможно было определить цвет из-за этих флуоресцентных ламп на бензоколонке, но последняя модель, номер Северной Каролины, начинается WTB-9, не смог разобрать последние три цифры. Передай это патрульным полиции штата, прежде чем сделаешь *что-нибудь* еще!

- Что…

Он щелкнул выключателем, убрал рацию на пояс и побежал к *Зоуни*. Стеклянная передняя часть прилавка была разбита, а касса открыта. Один из братьев Добира лежал на боку в растекающейся луже крови. Он задыхался, каждый вдох сопровождался свистом. Тим опустился на колени рядом с ним.

- Придется перевернуть вас на спину, Мистер Добира.

- Пожалуйста, не надо... мне больно...

Тим был уверен, что это так, но ему нужно было осмотреть рану. Пуля вошла высоко в правый бок синего халата Добиры, который теперь был грязно-фиолетовым от крови. Из его рта кровь текла ручьем, пропитывая козлиную бородку. Когда он закашлялся, то забрызгал лицо и очки Тима мелкими капельками.

Тим снова схватил рацию и с облегчением отметил, что Гулликсон не покинула свой пост.

- Нужна скорая, Венди. Быстрее всего они приедут из Даннинга. Один из братьев Добира ранен, похоже, пуля задела ему легкое.

Она согласилась, а затем попыталась задать вопрос. Тим снова прервал ее, бросил рацию на пол и стянул с себя футболку. Он прижал её к отверстию в груди Добиры.

- Вы можете подержать так несколько секунд, Мистер Добира?

- Трудно... дышать.

- Не сомневаюсь. Держите её. Это поможет.

Добира прижал к груди скомканную футболку. Тим не думал, что тот сможет долго продержаться, а скорой помощи не буде еще, по крайней мере, двадцать минут. И даже это было бы чудом.

Призаправочные минимаркеты ломились от разных закусок и снеков, однако средств первой медицинской помощи там практически не было. Но здесь был вазелин. Тим схватил банку, а из соседнего прохода - упаковку *Хаггиз*. Он разорвал ее и побежал обратно к лежащему на полу мужчине. Отнял футболку, насквозь промокшую от крови, осторожно подтянул такой же промокший синий халат и начал расстегивать рубашку, надетую на Добира.

- Нет, нет, нет, - простонал Добира. - Больно, не трогайте, пожалуйста.

- Так надо. - Тим услышал, как приближается рев мотора. Синие огоньки проблесковых маячков заискрились и заплясали в осколках разбитого стекла. Он даже не оглянулся. - Потерпите, Мистер Добира.

Он вытащил из банки шарик вазелина и засунул его в рану. Добира вскрикнул от боли и посмотрел на Тима широко раскрытыми глазами.

- Могу дышать... уже получше.

- Это всего лишь временная заплатка, но если дыхание улучшилось, то легкое, вероятно, не разорвано. *По крайней мере, не полностью*, - подумал Тим.

Вошел Шериф Джон и опустился на колено рядом с Тимом. Он был одет в пижамную рубашку размером с грот поверх форменных брюк, его волосы пребывали в полном беспорядке.

- Ты быстро добрался, - сказал Тим.

- Я не спал. Не мог заснуть и делал себе бутерброд, когда позвонила Венди. Сэр, вы Гутаале или Абсимиль?

- Абсимиль, сэр. - Он все еще хрипел, но его голос стал громче. Тим взял один из одноразовых подгузников, все еще сложенный, и прижал к ране.

- Ох, это очень больно.

- Сквозное или пуля все еще там? - Спросил Шериф Джон.

- Я не знаю, и не хочу снова переворачивать его, чтобы узнать. Он относительно стабилен, так что нам остается только ждать скорую.

Рация Тима затрещала. Шериф Джон осторожно вытащил её из груды битого стекла. Это была Венди.

- Тим? Билл Уиклоу заметил этих парней на Дип-Мидоу-Роуд и остановил, прострелив им колеса.

- Это Джон, Венди. Скажи Биллу, чтобы был осторожен. Они вооружены.

- Они задержаны, вот что я хотела сказать. - Может, раньше ей и хотелось спать, но теперь Венди проснулась, и голос ее звучал удовлетворенно. - Они пытались бежать и бросили свою машину. У одного сломана рука, другой прикован наручниками к бычьей клетке на аттракционе Билла. Полиция штата уже в пути. Скажи Тиму, что он был прав насчет *Круза*. Как там Добира?

- С ним все будет в порядке, - сказал Шериф Джон. Тим не был полностью в этом уверен, но понял, что шериф обращался больше к раненому, так же, как и помощник шерифа Гулликсон.

- Я отдал им деньги из кассы, - сказал Добира. - Так нам велят делать. - Он казался пристыженным, несмотря ни на что. Сильно пристыженным.

- Вы все сделали правильно, - сказал Тим.

- Но тот, который был с пистолетом, все равно в меня выстрелил. А потом другой вломился за прилавок. Забрать... - Опять кашель.

- Тише, - сказал шериф Джон.

- Чтобы забрать лотерейные билеты, - сказал Абсимиль Добира. - Те, которые нужно соскребать. Мы должны их вернуть. Пока их не

купили, они являются собственностью... - Он слабо кашлянул. - Штата Южная Каролина.

- Успокойтесь, Мистер Добира, - сказал Шериф Джон. - Перестаньте беспокоиться об этих проклятых лотерейках и поберегите свои силы.

Мистер Добира закрыл глаза.

15

На следующий день, когда Тим ел свой обед на крыльце железнодорожного депо, к нему подъехал Шериф Джон на своем личном автомобиле. Он поднялся по ступенькам и посмотрел на провисшее сиденье стоящего рядом стула.

- Думаешь, он меня выдержит?

- Есть только один способ узнать, - сказал Тим.

Шериф Джон осторожно сел.

- В больнице сказали, что с Добирой все будет в порядке. С ним его брат - Гутаале - и он говорит, что видел этих двух подонков раньше. Пару раз.

- Парочка укурков-неудачников, - сказал Тим.

- Несомненно. Я направил Тага Фарадея взять показания у обоих братьев. Таг - лучшее, что у меня есть, о чем мне, наверное, не нужно тебе говорить.

- Гибсон и Баркетт тоже не так уж плохи.

Шериф Джон вздохнул.

- Это так, но ни один из них не вел бы себя так быстро и решительно, как ты вчера вечером. А бедная Венди, наверное, просто стояла бы и таращила глаза, если бы просто не упала в обморок.

- Она хорошо справляется в диспетчерской, - сказал Тим. - Создана для этой работы. Это чисто мое мнение.

- Да, так, к тому же еще и неплохой компьютерщик - в прошлом году реорганизовала все наши файлы и перекинула все на флешки - но, как патрульная, она практически бесполезна. Но ей нравится быть в команде. А ты хотел бы быть в команде, Тим?

- Не думаю, что ты сможешь позволить себе еще одного полицейского на зарплате. Или вы все сразу получили повышение?

- Да, не могу. Но Билл Уиклоу сдает свой значок в конце года. Я подумал, может, вы с ним поменяетесь местами. Он ходит и стучит, ты надеваешь форму и носишь пистолет. - Я спросил Билла. Он говорит, что должность ночного стучащего ему подойдет, по крайней мере, на время.

- Можно мне подумать?

- Почему нет. - Шериф Джон встал. - До конца года еще пять месяцев. Но мы были бы рады видеть тебя в своих рядах.

- Включая помощника Гулликсон?

Шериф Джон усмехнулся.

- Венди трудно завоевать, но прошлой ночью ты прошел большой путь в данном направлении.

- Неужели? А если я приглашу ее на ужин, как ты думаешь, что она скажет?

- Я думаю, она согласилась бы, если ты только не собираешься отвезти ее к *Бев*. Такая красивая девушка, как она, по меньшей мере, ожидает ужина в Даннингской *Облаве*. Или в том мексиканском заведение в Хардивилле.

- Спасибо за дельный совет.

- Да без проблем. Ты подумай о моем предложении.

- Так и сделаю.

Он так и сделал. И все еще думал о нем, когда жаркой ночью того же лета разразился настоящий ад.

УМНЫЙ РЕБЕНОК

1

В одно прекрасное апрельское утро в Миннеаполисе - до приезда Тима Джеймисона в Дюпре оставалось еще несколько месяцев - Герберта и Эйлин Эллис проводили в кабинет Джима Грира, одного из трех школьных психологов *Бродерикской школы для особенных детей*.

- Надеюсь, Люк не влип в неприятности? - Спросила Эйлин, когда они уселись. - Если это так, то он нам ничего не рассказывал.

- Вовсе нет, - ответил Грир. Ему было за тридцать, с редеющими каштановыми волосами и умным лицом. На нем была спортивная рубашка с расстегнутым воротом и отглаженные джинсы. - Послушайте, вы ведь знаете, как здесь все устроено, верно? Как все работает, учитывая умственные способности наших учеников. Они дифференцируются, но *не по классам*. Такое здесь просто не возможно. У нас есть десятилетние дети с легким аутизмом, которые полностью освоили математику по программе старшей школы, но читают на уровне третьего класса. У нас есть дети, которые свободно владеют четырьмя языками, но имеют проблемы с умножением дробей. Мы обучаем их по всем предметам, ну девяносто процентов от общей массы - нам приходится, они ведь приезжают из всех частей Соединенных Штатов, а дюжина или около того даже из-за границы - но мы, в первую очередь, сосредотачиваем наше внимание на их особых талантах, какими бы они ни были. Это делает традиционную систему, где дети переходят из детского сада в первый класс и дальше до двенадцатого класса, практически бесполезной для нас.

- Мы это понимаем, - сказал Герб, - и знаем, что Люк - умный парень. Потому-то он и здесь. - Чего он не добавил (конечно же, Грир это знал), так это то, что они никогда не смогли бы позволить себе астрономическую плату за обучение в этой школе. Герб работал бригадиром на заводе, собиравшем ящики; Эйлин была учительницей в начальной школе. Люк был одним из немногих дневных учеников *Брода* и одним из *немногих* школьных стипендиатов.

- Умный? Не совсем точное определение.

Грир опустил взгляд в открытую папку, лежавшую на его безупречно чистом столе, и у Эйлин возникло внезапное предчувствие: либо их попросят забрать сына самим, либо его стипендию аннулируют - что сделает отчисление неминуемым. Ежегодная плата за обучение в *Броде* составляла сорок тысяч долларов в год, плюс-минус, примерно столько же, сколько в *Гарварде*. Грир, по-видимому, собиралась сказать им, что все совсем не так, что Люк не так умен, как они думали. Что он просто обычный ребенок, который читал гораздо быстрее положенного его возрасту уровня и, как казалось, все моментально запоминал. Из собственных бдений по простору

Интернета, Эйлин знала, что эйдетическая память у маленьких детей не так уж и редка; где-то от десяти до пятнадцати процентов всех нормальных детей обладают способностью моментально запоминать практически все. Загвоздка была в том, что этот талант обычно исчезал, когда дети становились подростками, и Люк как раз приближался к этому моменту.

Грир улыбнулся.

- Позвольте мне говорить с вами откровенно. Мы гордимся тем, что обучаем исключительных детей, но у нас, в *Бродерике,* никогда не было такого ученика, как Люк. Один из наших заслуженных учителей - Мистер Флинт, которому сейчас за восемьдесят, - дал Люку учебник по истории Балкан, сложная тема, но бросающая яркий свет на нынешнюю геополитическую ситуацию. Во всяком случае, так говорит Флинт. После первой недели он пришел ко мне и сказал, что его опыт общения с вашим сыном был похож на опыт иудейских фарисеев, когда Иисус сделал им выволочку, сказав, что не то, что входит в их уста, оскверняет человека, а то, что из них выходит[28].

- Что-то я потерялся, - сказал Герб.

- Как и Билли Флинт. С моей точки зрения.

Грир наклонился вперед.

- Теперь поймите меня. Люк за одну неделю освоил год чрезвычайно трудной аспирантской работы и сделал многие выводы, которые Флинт сам намеревался сделать, как только под неё будет заложена надлежащая историческая основа. По некоторым из этих выводов Люк утверждал, и очень убедительно, что они скорее получены “под воздействием общественного мнения, а не являются результатом собственных изысков”. Хотя, - как добавил Флинт, - он сказал это очень вежливо. Почти извиняющимся тоном.

- Я не знаю, что на это ответить, - сказал Герб. - Люк мало рассказывает о своей учебе, потому что он говорит, что мы не поймем.

- Что, в общем-то, верно, - сказала Эйлин. - Возможно, когда-то я и знала что-то о биномиальной теореме, но это было очень давно.

- Когда Люк приходит домой, он такой же, как и все остальные дети. Как только его домашнее задание сделано, и работа по дому закончена, он запускает Xbox или бросает мяч в кольцо на подъездной дорожке со своим другом Рольфом. Он все еще смотрит *Губку Боба*

Квадратные Штаны. - Он задумался, потом добавил: - Хотя обычно с книгой на коленях.

Да, подумала Эйлин. *Совсем недавно это была* ***Основы социологии***. *А до этого - Уильям Джеймс*[29]. *А до неё - **Большая книга Анонимных Алкоголиков**, а еще раньше - полное собрание сочинений Кормака Маккарти*[30]. Он читал, как пасутся коровы на свободном выгуле, - перемещаясь туда, где трава зеленее. Это было то, что ее муж предпочел проигнорировать, потому что странность всего этого его пугала. Это также пугало и ее, что, вероятно, было одной из причин, почему она ничего не знала об учебнике Люка по истории Балкан. Он ничего не говорил ей, потому что она не спрашивала.

- У нас тут есть вундеркинды, - сказал Грир. - На самом деле, я бы оценил более пятидесяти процентов студентов *Брода* как вундеркиндов. Но они ограничены. Люк отличается, потому что Люк глобален. Не только в чем-то одном, во всем. Я не думаю, что он когда-нибудь будет играть в профессиональный бейсбол или баскетбол…

- Если он пойдет в мою родню, то будет слишком мал для профессионального баскетбола.- Герб улыбнулся. - Если только он не очередной Спад Уэбб[31].

- Успокойся, - сказала Эйлин.

- Но он играет с энтузиазмом, - продолжал Грир. - Баскетбол ему нравится, и он не считает это потраченным впустую временем. На спортивной площадке он не какой-то там неуклюжий бегемот. Люк прекрасно ладит со своими друзьями. Как бы там ни было, он не замкнутый или эмоционально не стабильный. Люк - по вашим меркам умеренно крутой американский ребенок, в футболке с рок-группой и бейсболке, козырьком назад. Может, в обычной школе он и не был бы таким крутым - ежедневная тягомотина могла бы свести его с ума, - но я думаю, что даже там с ним все было бы в порядке; он просто продолжал бы заниматься самостоятельно. - Затем Грир поспешно добавил: - Не то чтобы мы хотели проверить это на практике.

- Нет, мы счастливы, что он здесь, - сказала Эйлин. - Очень. И мы знаем, что он хороший парень. Мы безумно его любим.

- И он вас любит. Я провел несколько бесед с Люком, и он рассказывал об этом совершенно откровенно. Такие выдающиеся дети встречаются крайне редко. А такой одаренный бриллиант, поддающийся огранке и неплохо социализированный - то есть,

видящий внешний мир так же, как и тот, что находится в его голове - встречается еще реже.

- Если все в порядке, то почему мы здесь? - Спросил Герб. - Не то чтобы я возражал против того, что вы поете дифирамбы моему ребенку, не поймите меня правильно. И кстати, я все еще могу надрать ему задницу в ЛОШАДКУ, хотя у него приличный крюк[32].

Грир откинулся на спинку стула. Улыбка исчезла.

- Вы здесь, потому что мы достигли максимума того, что можем сделать для Люка, и он это знает. Он выразил заинтересованность в уникальном академическом эксперименте. Люк хотел бы получить инженерную специальность в Массачусетском технологическом институте в Кембридже и закончить кафедру английского языка в Эмерсоне, что через реку, в Бостоне.

- Что? - Спросила Эйлин. - *Одновременно*?

- Да.

- А как насчет ЕГЭ? - Это было все, что Эйлин смогла сказать.

- Он сдаст его в следующем месяце, в мае. В старшей школе Северного Сообщества. И наверняка наберет максимум.

Надо будет давать ему с собой завтраки, - подумала она. Она слышала, что еда в столовке *Северной* была ужасной.

- Мистер Грир, нашему мальчику всего *двенадцать* лет, - сказал Герб после минуты ошеломленного молчания. На самом деле, двенадцать ему исполнилось только в прошлом месяце. Может, у него и есть внутренний резерв на Сербию, но он еще три года не сможет даже усы себе отрастить. Вы... это...

- Я понимаю, что вы чувствуете, и мы не стали бы вести этот разговор, если бы мои коллеги из руководства, да и остальная часть факультета не верили, что он академически, социально и эмоционально на это способен. И да, в *обоих* кампусах.

- Я не собираюсь посылать двенадцатилетнего подростка на другой конец страны, чтобы он жил среди студентов, достаточно взрослых, чтобы пить и шататься по клубам. Если бы у него были родственники, у которых он мог бы остановиться, другое дело, но...

Грир кивнул вместе с ней.

- Я это понимаю, и не могу не согласиться, да и Люк знает, что еще не готов оставаться один, даже в контролируемой среде. На этот счет у него нет никаких иллюзий. Тем не менее, он становится все

более разочарованным и недовольным своей нынешней ситуацией, потому что жаждет учиться. На самом деле, он просто голоден до знаний. Я не знаю, что за невероятное устройство находится в его голове - никто из нас не знает, вероятно, старый Флинт был ближе всего, когда говорил об Иисусе, обучающем учеников - но когда *я* пытаюсь визуализировать это, то думаю об огромной сверкающей машине, которая работает только на два процента своей мощности. Самое большее - пять процентов. Но поскольку это *человекомашина*, то она чувствует... голод.

- Разочарованный и недовольный? - Сказал Герб. - Да. Иногда мы что-то такое замечали.

Было дело, - подумала Эйлин. *Не постоянно, но иногда. Да было. Когда тарелки гремят или двери закрываются сами собой.*

Она подумала об огромной сверкающей машине Грира, достаточно большой, чтобы заполнить три или даже четыре здания размером со склад, и над чем именно она работала? Не больше, чем изготовление бумажных стаканчиков или штамповка алюминиевых подносов для общепита. Они могут попробовать для него это сделать, но вот должны ли?

- А как насчет Миннесотского университета? - Спросила она. - Или Конкордии в Сент-Поле? Если он поступит в одно из этих мест, то сможет жить дома.

Грир вздохнул.

- С таким же успехом вы могли бы забрать его из *Брода* и отдать в обычную старшую школу. Мы говорим о мальчике, для которого шкала *Ай-Кью* бесполезна. Он знает, куда хочет двигаться. Он знает, что ему нужно.

- Не знаю, что мы можем с этим поделать, - сказала Эйлин. - Он мог бы получать стипендию в этих местах, но мы-то *работаем* здесь. И мы далеко не богаты.

- Ну а теперь давайте поговорим об этом, - сказал Грир.

2

Когда Герб и Эйлин в тот же день приехали в школу, Люк болтался в школьном дворе с четырьмя другими детьми, двумя мальчиками и двумя девочками. Они смеялись и оживленно разговаривали. Для Эйлин они выглядели как обычные дети: девушки в юбках и леггинсах, их груди только-только начинали

проклевываться, Люк и его друг Рольф в мешковатых бриджах - модные штучки для молодых людей в этом году - и футболках. На груди Рольфа красовалась надпись Пиво - ЭТО для начинающих. Он держал в руках виолончель в мягком чехле и, казалось, вытанцовывал вокруг нее, словно вокруг шеста, что-то похожее на Весенний танец или Теорему Пифагора[33].

Люк увидел родителей, немного задержался, чтобы двинуть Рольфу, затем схватил свой рюкзак и нырнул на заднее сиденье *Фо-Раннера* Эйлин. - Оба предка, - сказал он. - Отлично. Чем обязан такой необыкновенной чести?

- Ты действительно хочешь учиться в Бостоне? - Спросил Герб.

Люк не растерялся, он рассмеялся и ударил кулаком в воздух.

- Да! А можно?

Например, спросить, может ли он провести пятничный вечер у Рольфа дома, додумала за него Эйлин. Еще она подумала о том, как Грир выразился об их сыне. Он назвал его глобальным, и это было идеальное слово. Люк был гением, который каким-то образом не был подавлен своим огромным интеллектом; у него не было абсолютно никаких колебаний в том, чтобы запрыгнуть на свой скейтборд и прокатить свой один-на-миллиард мозг вниз по крутой асфальтированной горке, никаких тебе или-или.

- Давай поужинаем и поговорим об этом, - предложила она.

- *Рокет Пицца*[34]*!* - Воскликнул Люк. - Как насчет неё? При условии, что ты взял свой *Прилосек*[35], папа. - Ведь взял?

- О, поверь мне, после сегодняшней встречи я ко всему готов.

3

Они взяли большую пиццу-пепперони, и Люк уничтожил половину в одиночку, вместе с тремя стаканами *Колы* из большого кувшина, заставив родителей восхищаться пищеварительным трактом и мочевым пузырем ребенка, а также его умом. Люк объяснил, что сначала он поговорил с мистером Гриром, потому что: “Я не хотел пугать вас, ребята. Это была ваша ознакомительная беседа”.

- Положил на стол бутерброд, чтобы посмотреть, сожрет ли кот, - сказал Герб.

- Все правильно. Поднял знамя на флагшток, чтобы посмотреть, отдаст ли честь кок. Приклеил его на пятнадцать минут, чтобы

посмотреть, как в Эдине живут. Бросил его в стенку, чтобы не разбить коле…

- Прекращай. Он объяснил, как мы могли бы поехать с тобой.

- Вы должны поехать, - серьезно сказал Люк. - Я еще слишком мал, чтобы жить без моих уважаемых и высокопочитаемых отца и матери. К тому же... - Он посмотрел на них из-за развалин пиццы. - Я не смог бы учиться. Я бы очень по вам скучал.

Эйлин велела своим глазам не наполняться слезами, но они, конечно же, наполнились. Герб протянул ей салфетку.

- Мистер Грир, - сказала она... гм… изложил сценарий, и я думаю… что мы могли бы... все устроить...

- Бомба - сказал Люк. - Кто-то хочет этот последний кусок?

- Все в твоем распоряжении, - сказал Герб. - Но смотри не умри от обжорства за шаг до того, как получишь шанс пройти эту сумасшедшую процедуру аттестации.

- *Mĭnage a college*[36], - сказал Люк и рассмеялся. - Он рассказывал вам о богатеньких выпускниках, не так ли?

Эйлин отложила салфетку.

- Господи, Люк, ты обсуждал финансовые возможности своих родителей со своим психологом? Не маловат ли ты для таких разговоров? Чувствую себя из-за этого не в своей тарелке.

- Успокойся, *Мамасита*, это просто логично. Хотя первой моей мыслью все же был дотационный фонд. У *Брода* он огромный, они могут заплатить за наш переезд - это для них как комариный укус для слона, но попечительский совет никогда не даст согласия, хотя это было бы логично.

- Так можно? - Спросил Герб.

- Ну да. - Люк с энтузиазмом жевал, глотал и прихлебывал *Колу*. - Я - инвестиция. С хорошим потенциалом роста. Инвестируй пятаки, пожинай доллары, верно? Так устроена Америка. Попечители могли бы без проблем это разглядеть, но они не могут вырваться из когнитивной коробки, в которой они пребывают.

- Когнитивного ящика[37], - поправил отец.

- Да, ты понимаешь, о чем я. Ящика, сбитого в результате родовой диалектики. Может быть даже племенной, хотя это прикольно рассуждать о попечителях как о племени. Они говорят: “Если мы

сделаем это для него, нам придется сделать это и для других". Это тот же когнитивный ящик. Да еще и передающийся по наследству.

- Народная мудрость, - сказала Эйлин.

- В точку, мам. Попечители передают его богатеньким выпускникам, тем, кто сделал *mucho megabucks*[38], работая головой вне ящика, но все еще любят старые добрые бело-голубые цвета *Бродерика*. Беседа с Мистером Гриром станет для нас отправной точкой. По крайней мере, я надеюсь, что станет. Дело в том, что они помогают мне сейчас, а я помогу школе позже, когда стану богатым и знаменитым. На самом деле меня не волнует ни то, ни другое, я принадлежу к среднему классу до мозга костей, но я ведь могу разбогатеть, типа как побочный эффект. Если конечно не заболею какой-нибудь ужасной болезнью или не погибну в результате теракта или чего-то в этом роде.

- Типун тебе на язык, - сказала Эйлин и перекрестила заваленный объедками стол.

- Это суеверие, мам, - снисходительно сказал Люк.

- Порадуй меня - вытри рот. Он весь в соусе. Очень похоже на то, что твои десны кровоточат.

Люк вытер губы.

- По словам Мистера Грира, некоторые заинтересованные стороны действительно могли бы профинансировать переезд и поддерживать нас целых шестнадцать месяцев.

- Он сказал вам, что те же самые люди, которые помогут с переездом, еще и помогут вам найти новую работу? - Глаза Люка сверкали. - И получше вашей? Это все потому, что один из выпускников школы - Дуглас Финкель. Он, оказывается, владеет *Американ Пейпер Продакт*, а это, пап, прям твой конек. Твоя горячая зона. То место, где шины соприкасаются с дор…

- Имя Финкеля действительно всплывало, - сказал Герб. - Как бы за между прочим.

- А еще... - Люк повернулся к матери, его глаза блестели. - Бостон - это горячий рынок, когда дело касается учителей. Средняя стартовая зарплата для кого-то с твоим опытом работы около шестидесяти пяти тысяч.

- Сынок, откуда ты все это знаешь? - Спросил Герб.

Люк пожал плечами.

- Начал с *Википедии*. Затем проследил основные источники, на которые там ссылаются. В основном, все они указывают на ближайшее окружение. Мое ближайшее окружение - школа *Бродерика*. Я знаю большинство попечителей, - все они бывшие выпускники с большими деньгами, - которых мне удалось при этом обнаружить.

Эйлин потянулась через стол, взяла из рук сына то, что осталось от последнего куска пиццы, и положила на жестяной поднос с остатками корочек.

- Люк, если бы это случилось, разве ты не скучал бы по своим друзьям?

Его глаза затуманились.

- Есть немного. Особенно по Рольфу. И Майе тоже. Хотя официально мы еще не можем приглашать девушек на Весенние танцы, она моя девушка. Неофициально, конечно же. Так что да. Но.

Они ждали. Их сын, всегда словоохотливый и часто многословный, теперь, казалось, боролся с собой. Он начал, остановился, снова начал и снова остановился.

- Я не знаю, как это выразить. Не знаю, смогу ли я вообще это выразить.

- Попробуй, - сказал Герб. - В будущем у нас будет много важных дискуссий, но эта - самая важная на сегодняшний день. Так что попробуй.

В передней части ресторана, словно кукушка, отбивающая каждый час времени, возник Ричи Рокет и начал танцевать под *Мамбо номер 5*[39]. Эйлин наблюдала, как серебристая фигура в скафандре жестом руки в перчатках указала на соседние столики. Несколько маленьких детей присоединились к нему, подпрыгивая под музыку и смеясь, в то время как их родители смотрели, фотографировали и аплодировали. Не так давно - пять быстро пролетевших лет назад - Люк был одним из таких детей. Теперь они говорили о, казалось бы, невозможных переменах. Она не знала, как такой ребенок, как Люк, мог родиться от такой пары, как они, - обычных людей с обычными стремлениями и ожиданиями, - и иногда ей хотелось, чтобы он был обычным ребенком. Иногда ей очень не нравилась положение, в которое они были поставлены, но Люка она никогда не ненавидела, и никогда не будет ненавидеть. Он был ее ребенком, ее единственным и неповторимым.

- Люк? - Сказал Герб. Говорил очень тихо. - Сынок?

- Это то, что мне необходимо для дальнейшего продвижения, - сказал Люк. Он поднял голову и посмотрел прямо на них, его глаза горели таким блеском, который родители видели очень редко. Он скрывал от них это сияние, потому что знал, что оно пугает их так, как не могут напугать несколько дребезжащих тарелок. - Разве вы не понимаете? *Это то, что мне просто необходимо для дальнейшего продвижения*. Я хочу поехать туда... и учиться... а потом продвигаться дальше. Эти университеты они типа *Брода*. Но они не цель, а только ступеньки к цели.

- Какой цели, милый? - Спросила Эйлин.

- *Даже не знаю*. Я так много хочу узнать и понять. Эта штука в моей голове... она растет... и иногда её устраивает текущее положение дел, но в основном нет. Иногда я чувствую себя таким маленьким... таким чертовски глупым...

- Дорогой, нет. Глупость - это последнее, о чем ты мог бы подумать. - Она потянулась к его руке, но он отстранился, качая головой. Жестяной поднос для пиццы задрожал на столе. Кусочки корок задрожали.

- Там бездна, понятно? Иногда мне это снится. Она уходит в никуда, и в ней полным-полно всего, чего я не знаю. Я не знаю, как бездна может быть полной - это оксюморон, - но это так. Что заставляет меня чувствовать себя маленьким и глупым. Но через эту бездну есть мост, и я очень хочу по нему пройти. Я хочу встать посреди него и поднять руки...

Они завороженно и немного испуганно наблюдали, как Люк поднимает руки к своему узкому напряженному лицу. Поднос для пиццы теперь не просто дрожал, а дребезжал. Как иногда делали тарелки в шкафах.

- ... и все эти вещи из темноты всплывут вверх. *Я это знаю.*

Поднос с остатками пиццы запрыгал по столу и грохнулся на пол. Герб и Эйлин едва обратили на это внимание. Такие вещи случались с Люком, когда он был расстроен. Не часто, но иногда. Они к этому привыкли.

- Я понимаю, о чем ты, - сказал Герб.

- Чушь собачья, - сказала Эйлин. - Никто из нас ничего точно не знает и не понимает. Но ты должен двигаться вперед и начать

оформление документов. Сдать ЕГЭ. Ты можешь это сделать, а потом передумать. Если ты не изменишь своего мнения, если ты сохранишь решительность... - Она посмотрела на Герба, и тот кивнул. - Мы постараемся, чтобы это состоялось.

Люк усмехнулся и поднял поднос. Он посмотрел на Ричи Рокета.

- Я тоже танцевал с ним, когда был маленьким?

- Да, - ответила Эйлин. Ей снова понадобилась салфетка. - Ну, конечно же.

- Ты ведь знаешь, что говорят о бездне? - Спросил Герб.

Люк покачал головой, то ли потому, что это было редкой вещью, которую он не знал, то ли потому, что не хотел портить настроение отца.

- Если долго всматриваешься в бездну, бездна начинает всматриваться в тебя[40].

- Держу пари, это так, - сказал Люк. - Эй, мы можем заказать десерт?

4

Включая сочинение, тест ЕГЭ длился четыре часа, но в середине был милосердный перерыв. Люк сидел на скамейке в школьном вестибюле, жевал бутерброды, которые приготовила для него мать, и думал о книге. Он принес с собой *Голый завтрак*[41], но один из инспекторов её изъял (вместе с его телефоном и телефонами остальных экзаменуемых), сказав Люку, что книга будет возвращена ему позже. Парень также перелистал все страницы, в надежде найти либо порнографию, либо пару шпаргалок.

Пока он ел бутерброды, он заметил, что вокруг него стоят еще несколько экзаменуемых. Большие мальчики и девочки, старшеклассники и старшеклассницы.

- Малыш, - спросил один из них, - какого черта ты здесь делаешь?

- То же, что и ты, - ответил Люк. - Сдаю экзамен.

Они это обдумали. И одна из девушек сказала:

- Ты гений? Как в кино?

- Нет, - ответил Люк, улыбаясь, - но последнюю ночь я провел в *Холидей Инн Экспресс*.

Они рассмеялись, и это было прекрасно. Один из парней поднял ладонь, и Люк дал ему пять.

- Куда ты поступаешь? В какой колледж?

- МТИ[42], если получится, - сказал Люк. Это было неискренне; он уже имел временный допуск в оба ВУЗа по своему выбору, при условии, что сегодня не стратит. С чем он проблем не видел. До сих пор экзамен был легким. А вот вид окружавших его подростков он находил устрашающим. Осенью он будет ходить на занятия с такими же ребятами, как эти, намного старше и вдвое крупнее его, и, конечно, все они будут искоса на него смотреть. Он обсудил это с Мистером Гриром, сказав, что он, вероятно, покажется им уродом.

- Важно то, что *ты* чувствуешь, - сказал Мистер Грир. - Постарайся на этом сосредоточиться. И если тебе будет нужна консультация - просто кто-то, чтобы поговорить о твоих чувствах - ради Бога, не стесняйся её получить. И ты всегда можешь мне написать.

Одна из девушек - симпатичная рыжеволосая - спросила его, решил ли он задачу об отеле в разделе математики.

- Ту, про Аарона? - Спросил Люк. - Да, почти уверен, что решил.

- Как ты её решил, можешь вспомнить?

Вопрос был в том, как вычислить, сколько какой-то чувак по имени Аарон должен был бы заплатить за номер в мотеле за *x* ночей, если бы ставка была $99,95 за ночь, плюс 8% налога, плюс дополнительный разовый сбор в пять баксов, и, конечно же, Люк помнил решение, потому что это была немного каверзная задача. Ответом было не число, а уравнение.

- Правильный ответ *Б*., смотри. - Он достал ручку и написал на своем пакете для завтрака: *1.08(99.95 x) + 5*.

- Ты уверен? - Спросила она. - Я отметила *А*. - Она наклонилась, взяла пакет Люка - он уловил запах ее духов, сиреневый, восхитительный - и написала: *(99,95 + 0,08 x) + 5*.

- Замечательное уравнение, - сказал Люк, - но именно так люди, которые разрабатывают эти тесты, подставляют нам подножки. - Он постучал пальцем по ее уравнению. - Твое пребывание здесь рассчитано только на одну ночь. Оно также не учитывает налог на номер.

Она застонала.

- Да ладно тебе, - сказал Люк. - Ты, наверняка на остальное ответила правильно.

- Может быть, ты ошибаешься, а она права, - сказал один из парней. Это был тот, кто дал Люку пять.

Она покачала головой.

- Мальчик прав. Я забыла рассчитать гребаный налог. Я лажанула.

Люк смотрел, как она уходит, опустив голову. Один из парней подошел к ней и приобнял за талию. Люк ему завидовал.

Один из них, высокий юноша в дизайнерских очках, сел рядом с Люком.

- Это трудно? - Спросил он. - Быть тобой, я имею в виду?

Люк немного поразмыслил.

- Иногда, - ответил он. - Обычно это просто, ну знаешь, просто живи и радуйся.

Один из инспекторов высунулся наружу и звякнул колокольчиком.

- Возвращаемся, ребята.

Люк с облегчением встал и бросил пустой пакет для завтраков в мусорную корзину у двери в спортзал. Он в последний раз взглянул на хорошенькую рыжеволосую девушку, и когда вошел, перевел взгляд влево.

5

Вторая половина теста была такой же легкой, как и первая, и он считал, что справился с заданием вполне сносно. Во всяком случае, был краток. Выйдя из школы, он увидел хорошенькую рыженькую девушку, которая сидела на скамейке одна и плакала. Люк задался вопросом, сдала ли она тест, и если да, то насколько плохо - просто могла-бы-получить-баллы-и-получше, или застряла-с-поступлением-в-колледж-на-год. Он задумался, каково это - иметь мозг, который, кажется, не знает большинства ответов. Он подумал, не пойти ли ему туда и попытаться ее успокоить. Ему было интересно, примет ли она утешение от ребенка, который для неё был мелочью с крохотной пипиркой. Она, наверное, скажет ему, чтобы он закосил под амебу и растворился. Он занервничал так сильно, что ему показалось, что урна напротив пришла в движение - это было жутковато. И тут к нему в голову пришла истина (настоящее откровение), что жизнь была одним длинным ЕГЭ-тестом, только вместо четырех или пяти вариантов вы получали десятки. В том числе и дерьмо-варианты типа *время от времени* или *может быть, а может и нет*.

Он увидел маму, которая махала рукой из окна машины. Он помахал в ответ и к ней побежал. Когда Люк забрался внутрь и пристегнулся, она спросила, как все прошло.

- Отлично, - сказал Люк. Он одарил ее своей самой солнечной улыбкой, но не мог перестать думать о рыжеволосой. Плакать - это плохо, но то, как она опустила голову, когда он указал на ошибку в ее уравнении - как цветок в засушливый период - было куда хуже.

Он велел себе не думать об этом, но, конечно же, у него ничего не вышло. *Постарайтесь не думать о белом медведе*, сказал однажды Федор Достоевский, *и вы увидите, что проклятая тварь приходит на ум каждую минуту.*

- Мам?

- Что?

- Как ты думаешь, память - это благословение или проклятие?

Она ответила без раздумий, одному Богу известно, что такое она себе в этот момент представляла.

- И то и другое, дорогой.

6

В два часа этим июньским утром, когда Тим Джеймисон совершал свой привычный ночной обход по главной улице Дюпре, в одном из пригородов северной части Миннеаполиса черный внедорожник свернул на Уайлдерсмут-драйв. Это было безумное название для улицы; Люк и его друг Рольф называли ее Уайлдерсмуч-драйв, отчасти потому, что это делало название еще более безумным, а отчасти потому, что оба частенько грезили о страстных поцелуях с девушками[43].

Внутри внедорожника находились мужчина и две женщины. Он был Денни, они - Мишель и Робин. За рулем сидел Денни. На полпути по извилистой тихой улице он выключил фары, подъехал к обочине и заглушил двигатель.

- Ты уверена, что он не ТП? Потому что я не захватил свою шапочку из фольги.

- Ха-ха, - сказала Робин совершенно ровным голосом. Она сидела на заднем сиденье.

- Он просто обычный ТК, - сказала Мишель. - Ничего такого, из-за чего можно было бы прудить в трусы. Давайте начинать.

Денни открыл консоль между двумя передними сиденьями и достал спутниковый телефон, похожий на раритет из девяностых: массивный прямоугольный корпус и короткая антенна. Он протянул его Мишель. Пока она набирала номер, он открыл фальшдно консоли и достал тонкие латексные перчатки, два *Глока 37* и аэрозольный баллончик, в котором, судя по этикетке, находился освежитель воздуха *Глейд*. Он передал один из пистолетов Робин, другой оставил себе, а аэрозольный баллончик отдал Мишель.

- Мы идем большой командой, мы идем, - пропел он, натягивая перчатки. - Рубиново-красным, рубиново-красным, сейчас все зальем.

- Бросай это школьное дерьмо, - сказала Мишель. Потом в трубку, прижав ее к плечу, чтобы было удобней надевать перчатки:

- Саймондс, вы меня слышите?

- Слышу, - ответил Саймондс.

- Это Рубиново-красные. Мы на месте. Вырубайте систему.

И стала ждать команды от Джерри Саймондса, висящего на другом конце. В доме Эллисов, где сейчас спали Люк и его родители, в прихожей и на кухне разом отключились пульты сигнализации *ДеУолт*[44]. Наконец, Мишель получила добро и показала своим товарищам по команде большой палец.

- О'кей. Готово.

Робин перекинула небольшой рюкзачок, похожий на дамскую сумочку среднего размера, через плечо. Когда они выходили из внедорожника с номерами патрульных штата Миннесота, внутреннее освещение в салоне не загорелось. Они гуськом прошли между домом Эллисов и соседним домом Дестинов (где Рольф уже видел седьмой сон, и в данный момент ему, возможно, снилось, как он страстно целуется) и через кухню зашли внутрь, Робин вошла первой, потому что у нее был ключ.

Они остановились у кухонной плиты. Из рюкзачка Робин достала два компактных глушителя и три комплекта легких очков ночного видения на эластичных ремешках. Очки придавали их лицам насекомоподобный вид, но делали темную кухню светлой. Денни и Робин навинтили глушители. Мишель прошла через гостиную в коридор, а затем направилась к лестнице.

Они медленно, но уверенно двинулись наверх. Там, в коридоре второго этажа, была постелена ковровая дорожка, которая заглушала

их шаги. Денни и Робин остановились перед первой закрытой дверью. Мишель подошла ко второй. Она оглянулась на своих партнеров и сунула аэрозоль под мышку, чтобы можно было поднять обе руки с растопыренными пальцами: *десять секунд*. Робин кивнула и подняла вверх большой палец.

Мишель открыла дверь и вошла в спальню Люка. Петли слабо заскрипели. Фигура на кровати (ничего не было видно, кроме пучка волос) слегка пошевелилась, потом затихла. В два часа ночи ребенок должен был быть мертв для всего мира, пребывать в самой глубокой части своего сна, но только не этот. Возможно, гениальные дети спят не так, как обычные, кто знает? Уж точно не Мишель Робертсон. На стенах висели два плаката, оба были видны через очки ночного видения. На одном был изображен скейтбордист в полете - колени согнуты, руки вытянуты, запястья подняты. На другом - фотка *Рамонес*, панк-группы, которую Мишель слушала еще в старшей школе. Она подумала, что они уже, должно быть, все мертвы, свалили на великий небесный Рокавэй Бич[45].

Она пересекла комнату, продолжая мысленно считать: четыре... пять...

На шестой ее бедро ударилось о прикроватный столик мальчишки. На нем стоял какой-то кубок, и он упал. Звук при этом был негромкий, но парень перекатился на спину и открыл глаза.

- Мам?

- Конечно, - сказала Мишель. - Как скажешь.

Она увидела тревогу в глазах мальчика, увидела, как он открыл рот, чтобы произнести что-то еще. Мишель задержала дыхание и нажала на диффузор баллончика с аэрозолем в двух дюймах от его лица. Он погас, как свет. Они всегда гасли, и, когда через шесть или восемь часов дети просыпались, никакого похмелья не было. *Жизнь лучше с химией*[46], - подумала Мишель и сосчитала: семь... восемь... девять.

На счет десять Денни и Робин вошли в комнату Герба и Эйлин. И сразу столкнулись с проблемой: женщины в постели не было. Дверь в ванную была открыта, отбрасывая трапецию света на пол. Это было слишком ярко для их очков. Они одновременно сняли их и бросили на пол, представлявший собой паркет из полированной лиственницы, и двойной стук был отчетливо слышен в ночной тишине.

- Герб? - Низко, из ванной. - Ты что, опрокинул свой стакан с водой?

Робин подошла к кровати, вынимая свой *Глок* из-за пояса брюк на пояснице, а Денни направился к двери ванной, даже не пытаясь приглушить шаги. Для этого было слишком поздно. Он встал рядом с дверью, подняв пистолет на уровень лица.

Подушка на стороне женщины все еще была вмята под тяжестью ее головы. Робин взяла её, накинула на лицо мужчины и нажала на курок. *Глок* издал низкий кашляющий звук, не более того, и выбросил из вентиляционных отверстий глушителя на подушку немного коричневой грязи.

Эйлин вышла из ванной с озабоченным видом.

- Герб? Все хоро…

Она увидела Денни. Тот схватил ее за горло, приставил *Глок* к виску и спустил курок. Раздался еще один низкий кашляющий звук. Эйлин соскользнула на пол.

Тем временем ноги Герба Эллиса судорожно брыкались, отчего покрывало, под которым спали он и его покойная жена, то вздымалось, то опадало. Робин еще дважды выстрелила в подушку, второй раз вместо кашля вышел лай, третий - лай стал громче.

Денни убрал подушку.

- Ты что пересмотрела *Крестного отца*? Господи, Робин, у него же половины головы нет. И как с этим справится гробовщик?

- Главное, что я справилась. - Дело в том, что она не любила смотреть им в глаза, когда стреляла, и видеть, как в них гаснет свет.

- Тебе нужно быть мужественней, девочка. Этот третий выстрел был очень уж громким. Давай, исправляйся.

Они подняли очки и спустились в комнату мальчика. Денни поднял Люка на руки - никаких проблем, парень весил не больше девяноста фунтов[47] - и дернул подбородком, чтобы женщины шли вперед. Они вышли тем же путем, что и пришли, через кухню. В соседнем доме свет не загорелся (даже третий, громкий, выстрел не смог никого разбудить), не было никакого звукового сопровождения, кроме стрекота сверчков и далекой сирены, возможно, где-то по дороге в Сент-Пол.

Мишель прошла между двумя домами, оглядела улицу и жестом пригласила остальных пройти вперед. Эту часть Дэнни Уильямс

ненавидел. Если бы какой-нибудь парень, страдающий бессонницей, выглянул и увидел трех человек на лужайке своего соседа в два часа ночи, это наверняка вызвало бы подозрение. А если один из них нес что-то похожее на тело, подозрения стали бы *критическими*.

Но Уайлдерсмут-драйв, названная в честь какой-то давно ушедшей шишки из городов-близнецов[48], крепко спала. Робин открыла заднюю дверцу внедорожника, села и протянула руки. Денни передал ей мальчика, и она притянула Люка к себе, положив его голову на плечо. Она нащупала ремень безопасности.

- Упс, он пускает слюни, - сказала она.

- Да, с людьми без сознания такое часто случается, - сказала Мишель и закрыла заднюю дверь. Она села на переднее сиденье, а Денни снова сел за руль. Мишель убрала оружие и аэрозоль, пока внедорожник медленно удалялся от дома Эллис. Когда они подъехали к первому перекрестку, Денни включил фары.

- Позвони, - сказал он.

Мишель набрала тот же номер.

- Это Рубиново-красные. Груз у нас, Джерри. Расчетное время прибытия в аэропорт - двадцать пять минут. Включайте сигнализацию.

В доме Эллис снова включилась сигнализация. Когда полиция, наконец-то, туда прибудет, они обнаружат два мертвых тела, и одного исчезнувшего, ребенка - самый логичный подозреваемый. В конце концов, о нем говорили, что он гениален, а ведь именно гении зачастую склонны к некоторой неуравновешенности, не так ли? Или тут без *некоторой*? Они спросят его об этом, когда найдут, а найти его - вопрос времени. Дети могут бегать, но даже самые гениальные не могут прятаться.

Долго.

7

Люк проснулся, вспомнив свой сон - не совсем кошмар, но определенно не очень приятный. Какая-то незнакомая женщина в его комнате склонилась над его кроватью, ее светлые волосы свисали по щекам. *Конечно, как скажешь*, сказала она. Как цыпочка в одном из порнофильмов, которые они с Рольфом иногда смотрели.

Он сел, огляделся и сначала подумал, что сон продолжается. Это была его комната - те же синие обои, те же плакаты, тот же

прикроватный столик с кубком Малой Лиги на нем - но куда же подевалось окно? Его окно, выходящее на дом Рольфа, исчезло.

Он крепко зажмурился, потом резко открыл глаза. Никаких изменений; комната как была без окон, так и осталась. Он хотел ущипнуть себя, вспомнив избитое клише. Но вместо этого приложил пальцы к щеке. Все осталось по-прежнему.

Люк встал с кровати. Его одежда лежала там же, куда мама положила ее накануне вечером - на стуле, - нижнее белье, носки и футболка на сиденье, джинсы сложены на спинке. Он медленно надел их, глядя в то место, где должно было быть окно, потом сел и надел кроссовки. По бокам были его инициалы, *ЛЭ*, и все вроде бы было правильно, но средний горизонтальный штрих буквы Э был слишком длинным, в этом он был практически уверен.

Он перевернул их в поисках уличного песка и ничего не увидел. Теперь он удостоверился окончательно. Это были не его кроссовки. Шнурки тоже были не его. Они были слишком уж чистыми. Тем не менее, они идеально подошли.

Он подошел к стене и положил на нее руки, нажимая, нащупывая окно под обоями. Его там не было.

Он спросил себя, не сошел ли он с ума, просто сорвался, как ребенок в том фильме ужасов, написанном и снятом М. Найтом Шьямаланом[49]. Разве дети с высоко функциональным умом не должны быть склонны к срывам? Но он не был сумасшедшим. Он был в таком же здравом уме, как и прошлым вечером, когда ложился спать. В кино сумасшедший ребенок думал бы, что он в своем уме - это был бы такой себе шьямаланский поворот, - но согласно книгам по психологии, которые читал Люк, большинство сумасшедших понимали, что они сумасшедшие. Он таким не был.

В детстве (пять лет из двенадцати) он был помешан на коллекционировании политических значков. Его отец с удовольствием помогал ему собирать коллекцию, хотя большинство значков были дешевыми подделками с *и-бэй*[50]. Люк был особенно очарован (по причинам, которые он не мог объяснить даже самому себе) значками проигравших кандидатов в президенты. Коллекционная лихорадка, в конце концов, прошла, и большинство значков, вероятно, пылились на чердаке или в подвале, но один он сохранил как своего рода талисман-на-удачу. На нем был изображен синий самолет, окруженный надписью

Крылья для Уилки. Уэнделл Уилки баллотировался в президенты против Франклина Рузвельта в 1940 году, но с треском проиграл, победив только в десяти штатах, собрав в общей сложности восемьдесят два голоса выборщиков.

Люк положил значок в чашу своего кубка Малой Лиги. Он заглянул туда сейчас и ничего не нашел.

Затем подошел к плакату, изображавшему Тони Хоука на скейтборде *Бердхауз*[51]. Все вроде бы выглядело правильно, но не совсем. Маленький надрыв на левой стороне исчез.

Не его кроссовки, не его плакат, значок Уилки пропал.

Это не его комната.

Что-то затрепетало в его груди, и он сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться. Он подошел к двери и взялся за ручку, уверенный, что окажется запертым.

Но коридор за дверью ничем не напоминал коридор дома, где он прожил свои двенадцать с лишним лет. Вместо деревянных панелей там был шлакоблок, сами блоки были окрашены в бледно-зеленый цвет. Напротив двери висел плакат с изображением трех детей примерно того же возраста, что и Люк, бегущих по лугу, заросшему высокой травой. Один застыл на середине прыжка. Они были либо сумасшедшими, либо безумно счастливыми. Сообщение внизу, казалось, предполагало последнее. *Еще один день в раю*, - гласило оно.

Люк вышел. Справа от него коридор заканчивался двойными дверями, похожими на те, с доводчиками. Слева от него, примерно в десяти футах от другой двери, на полу сидела девушка. На ней были брюки-колокольчики и рубашка с пышными рукавами. Она была черной. И хотя она выглядела примерно ровесницей Люка, ему показалось, что она курит сигарету.

8

Миссис Сигсби сидела за своим столом и смотрела в монитор. На ней был сшитый на заказ деловой костюм от ДФФ[52], который не скрывал ее худощавого телосложения. Ее седые волосы были идеально причесаны. Доктор Хендрикс стоял у ее плеча. *Доброе утро, Пугало*, - подумал он, но не произнес ни слова.

- А вот и он, - сказала Миссис Сигсби. Наше новое поступление. Лукас Эллис. Прокатился на *Гольфстриме* в первый и единственный раз и даже не знает об этом. Судя по всему, он настоящий вундеркинд.

- Это ненадолго, - сказал доктор Хендрикс и засмеялся своим фирменным смехом, сначала вдохнул, потом выдохнул, что-то вроде хи-хи. Торчащие передние зубы и невероятный рост - шесть футов семь дюймов[53] - объясняли его прозвище: Донки Конг.

Она повернулась и пристально на него посмотрела.

- Это наши подопечные. Дешевые шутки здесь не приветствуются, Дэн.

- Извините. - Ему захотелось добавить: *Кого ты хочешь обмануть, Сиггерс?*

Сказать такое было бы невежливо, да и на самом деле, вопрос был бы риторическим. Он знал, что она никого не обманывает, и меньше всего себя. Сиггерс была похожа на того неизвестного нацистского шута, который думал, что написать над входом в Освенцим: *Arbeit macht frei*, - Работа делает свободным - было просто потрясающей идеей.

Миссис Сигсби взяла в руки папку вновь прибывшего. Хендрикс поместил в её правый верхний угол круглый розовый стикер.

- Есть какая-либо польза от твоих розовых стикеров, Дэн? Хоть какая-нибудь?

- Вы же знаете, что да. Вы же видели результаты.

- Да, но что-нибудь реально доказанное?

Прежде чем добрый доктор успел ответить, в комнату просунулась Розалинда.

- У меня для вас документы, Миссис Сигсби. У нас еще пятеро на подходе. Я знаю, что они были в вашей электронной таблице, но они опережают график.

Миссис Сигсби выглядела довольной.

- Все пятеро сегодня? Должно быть, я праведно живу.

Хендрикс (он же Донки Конг) подумал: *Ты не можешь так уж безапелляционно заявлять, что* ***живешь праведно****, не так ли? Твоя прямая линия всегда пунктиром.*

- Сегодня только *двое*, - сказала Розалинда. - Прибудут вечером. С командой Изумрудных. Завтра еще три, с Опаловыми. Четверо - ТК. Еще один - ТП, и он - крутой улов. НФГМ - девяносто три.

- Эйвери Диксон, правильно? - Сказала Миссис Сигсби. - Из Солт-Лейк-Сити.

- Из Орема, - поправила Розалинда.

- Мормон из Орема, - сказал доктор Хендрикс и хихикнул.

Да уж, крутой улов, - подумала Миссис Сигсби. На бланке Диксона не будет розового стикера. Для этого он слишком ценен. Минимальные инъекции, чтобы не было судорог, никаких притоплений. Только не с НФГМ более 90.

- Отличная новость. Действительно отличная. Принесите папки и положите их на мой стол. Вы продублировали их по электронной почте?

- Конечно. - Розалинда улыбнулась. Электронная почта рулит миром, но они оба знали, что Миссис Сигсби предпочитает бумагу пикселям; она была старой закалки. - Я принесу их как можно скорее.

- Кофе, пожалуйста, и как можно скорее.

Миссис Сигсби повернулась к доктору Хендриксу. *Такой высокий, а все еще носится по этажам*, - подумала она. Как врач он должен знать, насколько это опасно, особенно для такого высокого человека, у которого сосудистая система качает на полную нагрузку. Но никто так не умеет игнорировать медицинские реалии, как сам медик.

Ни Миссис Сигсби, ни Хендрикс не были ТП, но в этот момент их посетила одна и та же мысль: насколько все было бы проще, если бы существовала взаимная симпатия, а не взаимное отвращение.

Как только они снова оказались в комнате одни, Миссис Сигсби откинулась назад, чтобы посмотреть на нависавшего над ней доктора.

- Я согласна, что интеллект юного мистера Эллиса не имеет решающего значения для наших целей в Институте. С таким же успехом *Ай-Кью* у него мог быть и 75. И все же мы приняли решение изъять его из того мира, да еще и немного раньше времени. Его приняли сразу не в один, а в два колледжа - МТИ и Эмерсон.

Хендрикс моргнул.

- В *двенадцать*?

- Вот именно. Убийство его родителей и последовавшее за этим исчезновение будут новостью, но она вряд ли выйдет за пределы городов-близнецов, хотя может вызывать рябь в Интернете в течение недели или около того. А вот если бы он произвел академический фурор в Бостоне, прежде чем исчезнуть, новость была бы куда более важной. Такие дети, как он, знают способ попасть в телевизор, обычно в раздел О-Боже-ж-мой. Что я всегда говорю, доктор?

- Что в нашем деле отсутствие новостей - это хорошая новость.

- Правильно. В идеальном мире мы бы его пропустили. Мы все еще имеем порядочное количество ТК. - Она постучала пальцем по розовому стикеру на бланке приема. - Это показывает, что его НФГМ не так уж и высок. Только…

Ей не нужно было заканчивать. Некоторые товары встречаются все реже и реже. Бивень слона. Шкура тигра. Рог носорога. Редкие металлы. Даже нефть. Сюда вы можете добавить и этих особых детей, чьи необычные качества не имеют ничего общего с их *Ай-Кью*. На этой неделе приедут еще пятеро, включая Диксона. Очень хороший улов, но два года назад их могло быть и тридцать.

- Ой, смотрите, - произнесла Миссис Сигсби. На экране ее компьютера их новое поступление приближался к самому старому жителю Передней Половины. - Сейчас он встретится со слишком-умной-на-ее-же-беду Бенсон. Она выдаст ему сенсацию или какую-нибудь ее версию.

- Все еще в Передней Половине, - сказал Хендрикс. - Нам следует сделать её чертовым официальным встречающим.

Миссис Сигсби одарила его самой ледяной улыбкой.

- Уж лучше она, чем ты, док.

Хендрикс посмотрел сверху вниз и подумал, не сказать ли ему: *С этой выгодной позиции я вижу, как быстро редеют твои волосы, Сиггерс. Это неотъемлемая часть твоей некритической, но затянувшейся анорексии. Твой скальп розовый, как глаз кролика-альбиноса.*

Было много вещей, которые он хотел сказать ей, грамматически безупречному плоскогрудому главному администратору Института, но никогда этого не делал. Это было бы неразумно.

9

Шлакоблочный коридор был усеян дверями и увешан плакатами. Девушка сидела под одним из них, с черным мальчиком и белой девочкой, которые прижались друг к другу лбами и глупо улыбались. Подпись внизу гласила: Я РЕШИЛ БЫТЬ счастливым!

- Тебе это нравится? - Спросила черная девушка. При ближайшем рассмотрении сигарета, свисавшая у нее изо рта, оказалась разновидностью конфеты. - Я бы исправила надпись на: я решил БЫТЬ ХРЕНОВЫМ, но тогда они могут забрать мою ручку. Иногда

они позволяют дерьму течь, а иногда нет. Проблема в том, что ты никогда не знаешь наверняка, в какой момент все меняется.

- Где я? - Спросил Люк. - Что это за место? - Ему хотелось плакать. Он догадался, что это были побочные последствия дезориентации.

- Добро пожаловать в Институт, - сказала она.

- Мы в Миннеаполисе?

Она рассмеялась.

- Вряд ли. И больше не в Канзасе, Тотошка[54]. Мы в штате Мэн. Где-то в глухомани. По крайней мере, так считает Морин.

- В *Мэне*? - Он покачал головой, словно получил удар в голову. - Ты уверена?

- Да. Ты выглядишь слишком белым, белый мальчик. Я думаю, тебе стоит присесть, прежде чем ты свалишься.

Он сел, держась одной рукой за стену, потому что его ноги не желали нормально сгибаться. Это больше походило на падение.

- Я был дома, - сказал он. - Я был дома, а потом проснулся здесь. В комнате, которая выглядит как моя комната, но таковой не является.

- Я знаю, - сказала она. - Шок, не так ли? - Она сунула руку в карман брюк и достала оттуда пачку. На ней был изображен ковбой, бросающий лассо. конфеты-сигареты ПОГОНЩИКОВ ЛОШАДЕЙ, - гласила надпись. КУРИТЕ ТАК ЖЕ, КАК ПАПА! - Хочешь одну? Немного сахара может поднять тебе настроение. Мне это всегда помогает.

Люк взял пачку и поднял крышку. Внутри оставалось шесть сигарет, каждая с красным кончиком, который, как он догадался, должен был изображать огонек. Он взял одну, сунул в рот и откусил половину. Сладость затопила его рот.

- Никогда не делай этого с настоящей сигаретой, - сказала она. - Вкус тебе и вполовину не понравится.

- Я и не знал, что они все еще продают такие вещи, - сказал он.

- Такие - уж точно не продаются, - сказала она. - Курить так же, как папа? Ты издеваешься? Должно быть, это антиквариат. Но *реально* странная хрень у них продается в столовой. Включая *настоящие* сигареты, можешь мне поверить. Все крутые марки - *Лаки*, *Честерфилды*, *Кэмелы*, как в тех старых фильмах по *Ти-Си-Эм*[55]. У

меня есть соблазн попробовать, но чел, они берут за них *слишком много* жетонов.

- Настоящие сигареты? Ты же не хочешь сказать, что они для детей?

- Все здешние обитатели - дети. Не то, чтобы сейчас их было много в Передней Половине. Но Морин говорит, что скоро к нам могут подтянуться еще несколько. Я не знаю, откуда она черпает информацию, но обычно все подтверждается.

- Сигареты для детей? Что здесь такое? Остров Удовольствий? - Что-то в данный момент он не чувствовал себя счастливым и умиротворенным.

Её это рассмешило.

- Как в *Пиноккио*! Точно! - Она подняла руку. Люк дал ей пять и почувствовал себя немного лучше. Трудно сказать, почему.

- Как тебя зовут? Я не могу продолжать называть тебя белым мальчиком. Это, типа, расовая дискриминация.

- Люк Эллис. А ты кто?

- Калиша Бенсон. - Она подняла палец. - А теперь слушай внимательно, Люк. Ты можешь звать меня Калиша, или можешь звать меня Ша. Только не называй меня Спортсменкой.

- А почему нет? - Все еще пытаясь сориентироваться, но безуспешно. Даже близко нет. Он съел вторую половину своей сигареты, ту, что с фальшивым угольком на кончике.

- Потому что именно так говорят Хендрикс и его коллеги-дармоеды, когда делают тебе уколы или берут анализы. - Я воткну иглу тебе в руку, будет больно, но будь Спортсменкой. Я собираюсь засунуть этот предмет тебе в горло, что заставит тебя крутиться, как гребаный червяк, но будь Спортсменкой. Мы собираемся погрузить тебя в бак, просто задержи дыхание и будь Спортсменкой. - Вот *поэтому-то* ты и не должен называть меня Спортсменкой.

Люк почти не обратил внимания на информацию о тестах, решил, что подумает об этом позже. Его мысли вертелись вокруг слова *гребаный*. Он слышал это слово от многих мальчиков (они с Рольфом часто повторяли его, когда тусили), и от хорошенькой рыжей девушки, которая могла провалить ЕГЭ, но никогда от девочек его возраста. Он предположил, что это означало, что он вел весьма беззаботную жизнь.

Она положила руку ему на колено, отчего у него слегка защекотало в груди, и серьезно на него посмотрела.

- Но мой совет - не сдавайся и будь Спортсменом, независимо от того, насколько это отстой, независимо от того, что они засовывают тебе в глотку или в задницу. Или топят в баке, о котором я толком ничего не знаю, меня этой процедуре не подвергали, только слышала о ней, но я точно знаю, что пока тебя изучают, ты остаешься в Передней Половине. Я не знаю, что происходит в Задней Половине, и не хочу знать. Все, что я знаю, это то, что Задняя Половина похожа на Тараканий мотель[56] - дети туда заселяются, но не выселяются. Во всяком случае, обратно они точно не попадают.

Он оглянулся в ту сторону, откуда пришел. Там было много мотивационных плакатов, а также много дверей, по восемь или около того с каждой стороны.

- Сколько сейчас здесь детей?

- Пятеро, считая тебя и меня. Передняя Половина никогда не пустовала, но в настоящий момент это как город-призрак. Дети приходят и уходят.

- Кстати, о Микеланджело, - пробормотал Люк.

- А?

- Ничего. Что...

Одна из двойных дверей в дальнем конце коридора открылась, и на пороге появилась женщина в коричневом платье. Она придерживала дверь задницей, пока с чем-то боролась. Калиша вскочила в мгновение ока.

- Эй, Морин, детка, держись, мы сейчас поможем.

Поскольку прозвучало *мы*, а не *я*, Люк встал и пошел за Калишей. Когда он подошел ближе, то увидел, что коричневое платье на самом деле было чем-то вроде униформы, какую горничная могла бы носить в каком-то шикарном отеле - во всяком случае, оно не было украшено оборками или чем-то еще. Она пыталась перетащить корзину для белья через металлическую полосу между этим коридором и большой комнатой за ним, которая выглядела как комната отдыха - там стояли столы и стулья, а окна пропускали яркий солнечный свет. Был там также и телевизор, размером с экран небольшого кинотеатра. Калиша открыла другую дверь, чтобы высвободить больше места. Люк взялся за корзину для белья (сбоку было напечатано ДАНДУКС) и помог

женщине затащить ее в то, что он уже начал называть общажным коридором. Внутри были простыни и полотенца.

- Спасибо, сынок, - сказала она. Она была довольно старой, с изрядным количеством седины в волосах, и выглядела уставшей. Бейдж на ее левой груди гласил: *МОРИН*. Она оглядела его с головы до ног. - Ты новенький. Люк, верно?

- Люк Эллис. Как вы узнали?

- Я записала это в дневнике. - Она вытащила из кармана юбки сложенный вдвое листок бумаги и сунула его обратно.

Люк протянул руку, как его учили.

- Рад с вами познакомиться.

Морин ее пожала. Она показалась ему довольно милой, и Люк решил, что ему приятно с ней познакомиться. Но своему нахождению здесь он рад не был; он был напуган и беспокоился о своих родителях, а также и о себе. Они его уже наверняка хватились. Он не думал, что они поверят в то, что он сбежал. Но когда они обнаружат его спальню пустой, какой еще вывод они могут сделать? Полиция скоро начнет его искать, если уже не разыскивает, но если Калиша права, то они будут искать его далеко отсюда.

Ладонь Морин была теплой и сухой.

- Меня зовут Морин Элворсон. Уборка и все-такое, подобное. Я буду поддерживать твою комнату в чистоте.

- И не заставляй ее много работать, - сказал Калиша, бросая на него запрещающий взгляд.

Морин улыбнулась.

- Ты просто персик, Калиша. Этот не выглядит грязнулей, не то, что Ники. Тот как Свинарник в комиксах *Арахис*[57]. Он сейчас в своей комнате? Я не видела его на игровой площадке с Джорджем и Айрис.

- Вы же знаете Ники, - сказал Калиша. - Если он встает раньше часа дня, он называет это ранним подъемом.

- Тогда я займусь остальными, но доктора хотят его видеть. Если он не встанет, они его поднимут. Рада познакомиться, Люк. - И она пошла по коридору, теперь уже толкая свою корзину, а не волоча ее.

- Пойдем, - сказала Калиша, беря Люка за руку. Беспокоился он о своих родителях или нет, он получил еще одно из этих покалываний.

Она потянула его в комнату отдыха. Он хотел осмотреть это место, особенно торговые автоматы (настоящие сигареты, возможно ли это?), но как только за ними закрылась дверь, Калиша подняла голову. Она выглядела серьезной, даже жестокой.

- Я не знаю, как долго ты здесь пробудешь - не знаю, сколько еще я здесь пробуду, если уж на то пошло, - но пока ты здесь, будь корректен с Морин, слышишь? В этом заведении работают подлые говнюки, но она не из их числа. Она *хорошая*. И у нее есть проблемы.

- Проблемы какого рода? - Спросил он в основном из вежливости. И посмотрел через окно, на то, что должно было быть игровой площадкой. Там было двое детей, мальчик и девочка, может, его ровесники, может, чуть постарше.

- Она чувствует себя больной, но не хочет идти к врачу, потому что не может себе этого позволить. Она зарабатывает около сорока тысяч в год, а счета ей приходят в два раза больше. А может, даже еще больше. Ее муж взял денег в кредит и сбежал. А они продолжают накапливаться, ясно? Проценты.

- Выг, - сказал Люк. - Мой папа так это называет. Сокращенно от *выграш*. С украинского переводится как прибыль или выигрыш[58]. Это бандитский термин, и папа говорит, что компании, которые раздают кредитки, в своем большинстве мошенники. Судя по процентам, которые они взимают, у него на это...

- Что *на это*? Своя точка зрения?

- Да. - Он перестал смотреть на детей, находившихся снаружи - вероятно, Джорджа и Айрис - и повернулся к Калише. - Она сама тебе все это рассказала? Ребенку? Ты должно быть ас во внутриличностных отношениях.

Калиша посмотрела удивленно, а потом рассмеялась. Это было горячее послание, которое она произнесла, уперев руки в бока и запрокинув голову. Что делало ее похожей на женщину, а не на ребенка.

- Межличностные отношения! У тебя слишком длинный язык, Люк!

- *Внутри*, а не *меж*, - сказал он. - Если только ты не работаешь с целой группой. Даешь им консультации по кредитам или что-то в этом роде. - Он сделал паузу. - Это, гм, шутка.

И к тому же хромая. Дурацкая шутка.

Она оценивающе оглядела его с головы до ног, а затем снова подняла взгляд, вызвав еще одно из тех не очень неприятных покалываний.

- Насколько же ты умен?

Он пожал плечами, немного смущенный. Обычно он не выпендривался - это был худший в мире способ заводить друзей и добиваться признания, - но он был расстроен, смущен, взволнован и (нужно признаться) напуган до смерти. Ему становилось все труднее и труднее не называть произошедшее с ним юридическим термином *киднеппинг*. В конце концов, он был ребенком, он спал, и если Калиша говорил правду, то проснулся он за тысячи миль от своего дома. Отпустили бы его родители без прений или настоящей драки? Едва ли. Что бы с ним ни случилось, он надеялся, что они спали, когда все это происходило.

- Чертовски умен, как мне кажется. Ты ТП или ТК? Я склоняюсь к ТК.

- Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Но, может быть, он и понимал. Он подумал о том, как тарелки иногда дребезжали в шкафах, как дверь его спальни иногда открывалась или закрывалась сама по себе, и о том, как дрожал поднос в *Рокет Пицце*. А также о том, как урна двигалась сама по себе в день сдачи теста ЕГЭ.

- ТП - это телепатия. ТК-…

- Телекинез.

Она улыбнулась и ткнула в него пальцем.

- Ты действительно умный ребенок. Телекинез, все верно. У тебя либо то, либо другое, предположительно никто не может иметь сразу два таланта - так, по крайней мере, говорят лаборанты. Я - ТП. - Последнее она произнесла с некоторой гордостью.

- Ты читаешь мысли, - сказал Люк. - Конечно. Каждый день и дважды в воскресенье.

- Как ты думаешь, откуда я все знаю о Морин? Она никогда и *никому* здесь не расскажет о своих проблемах, не такой она человек. Но я не знаю подробностей, только в общих чертах. - Она задумалась. - Какие-то проблемы у неё и с ребенком. Что странно. Однажды я спросила, есть ли у нее дети, и она ответила, что нет.

Калиша пожала плечами.

- Я всегда была в состоянии делать это - стоило только захотеть - но ничего такого, чтобы быть супергероем. Если бы это было так, я бы отсюда давно сбежала.

- Ты это серьезно?

- Да, и вот тебе первое испытание. Первое из многих. Я загадала число от одного до пятидесяти. Что за число?

- Не знаю.

- Это правда? Не притворяешься?

- Абсолютно. - Он подошел к двери в дальнем конце комнаты. Снаружи мальчик бросал мяч в корзину, а девочка прыгала на батуте - ничего особенного, только подскоки и повороты. Ни один из них не выглядел так, как будто они хорошо проводили время. - Эти дети - Джордж и Айрис?

- Да. - Она присоединилась к нему. - Джордж Айлс и Айрис Стэнхоуп. Они оба ТК. ТП встречаются реже. Эй, умник, это то слово, или надо говорить *более редко*?

- И то и другое правильно, но я бы выбрал *более редко*. *Реже* звучит так, как будто ты пытаешься запустить подвесной мотор.

Она задумалась на несколько секунд, потом рассмеялась и снова ткнула в него пальцем.

- Лучший из всех.

- Мы можем выйти?

- Конечно. Дверь игровой площадки никогда не запирается. Вряд ли ты захочешь остаться там надолго, насекомые здесь, в глуши, довольно свирепы. В твоей ванной аптечке есть *ДЭТА*[59]. Ты должен им мазаться с головы до ног, это не шутки. Морин говорит, что ситуация с насекомыми улучшится, как только вылупятся стрекозы, но я еще ни одной не видела.

- Они нормальные?

- Джордж и Айрис? Конечно, по моему мнению. Но мы не лучшие друзья, или что-то в этом роде. Я знаю Джорджа всего неделю. Айрис прибыла... ммм… кажется, дней десять назад. Так обстоят дела. После меня Ник здесь дольше всех. Ник Уилхольм. Не рассчитывай на серьезные отношения в Передней Половине, умник. Как я уже сказала, дети приходят и уходят. Пусть никто из них и не говорит о Микеланджело.

- Как давно здесь ты, Калиша?

- Почти месяц. Я - старожил.

- Тогда ты расскажешь мне, что происходит? - Он кивнул ребятам на улице. - А они расскажут?

- Мы расскажем тебе все, что знаем, и то, что говорят надзиратели и лаборанты, но у меня есть мысли, что большая часть всего этого - ложь. Джордж чувствует то же самое. Айрис же... - Калиша рассмеялась. - Она как агент Малдер из сериала *Секретные материалы*. Ей хочется верить.

- Верить во что?

Взгляд, который она бросила на него - одновременно мудрый и печальный, - снова сделал ее похожей скорее на взрослую, чем на ребенка. - Что это всего лишь небольшой крюк на великой дороге жизни, и все, в конце концов, будет хорошо, как в *Скуби-Ду*.

- А где твои родители? Как ты сюда попала?

Взрослый взгляд исчез.

- Не хочу сейчас об этом говорить.

- О'кей. - Может быть, и он этого не хотел. По крайней мере, пока.

- И когда ты встретишь Ники, не переживай, если он начнет разглагольствовать. Именно так он выпускает пар, и некоторые из его тирад... - Она задумалась. - Весьма занимательны.

- Как скажешь. Ты не сделаешь мне одолжение?

- Конечно, если смогу.

- Перестань называть меня умником. Меня зовут Люк. Используй это имя, хорошо?

- Попробую.

Он потянулся к двери, но она положила руку ему на запястье.

- Еще одно, прежде чем мы выйдем. Повернись, Люк.

Он так и сделал. Она была, наверное, на дюйм выше его. Он не догадывался, что она собирается поцеловать его, пока она этого не сделала, - полный контакт. Она даже язык просунула между его губами на секунду или две, и это вызвало не просто покалывание, но и сильный толчок, как будто он засунул палец в розетку под напряжением. Его первый настоящий поцелуй, и такой страстный. Рольф, подумал он (насколько он *мог* думать сразу после этого), обзавидовался бы.

Она отстранилась, выглядя удовлетворенной.

- Это не настоящая любовь или что-то в этом роде. Я даже не уверена, что сделала тебе одолжение, но все может быть. Всю свою первую неделю здесь я провела в карантине. Никаких тебе уколов и точек.

Она указала на плакат на стене рядом с автоматом для сладостей. На ней был изображен мальчик в кресле, радостно указывающий на кучу цветных точек на белой стене. Улыбающийся доктор (белый халат, стетоскоп на шее) стоял, положив руку на плечо мальчика. Над картинкой было написано: УКОЛЫ ДЛЯ ТОЧЕК! И ниже: чем быстрее Ты их увидиШЬ, тем быстрее ТЫ верне ШЬСЯ домой!

- Что, черт возьми, это значит?

- Сейчас это неважно. Мои родители были ярыми противниками прививок, и через два дня после того, как я обосновалась в Передней Половине, я заболела ветрянкой. Кашель, высокая температура, большие уродливые красные пятна, все удовольствия. Я думаю, что с этим покончено, так как я на свободе, и они снова меня изучают, но, возможно, я все еще немного заразна. Если тебе повезет, ты тоже заболеешь ветрянкой и проведешь пару недель, попивая сок и смотря телевизор вместо того, чтобы получать уколы и МРТ.

Девушка заметила их и помахала рукой. Калиша помахала в ответ и, прежде чем Люк успел сказать что-нибудь еще, распахнула дверь.

- Вперед. Сотри это дурацкое выражение со своего лица и познакомься с Факерами[60].

УКОЛЫ ДЛЯ ТОЧЕК

1

За дверями Институтской столовой и комнаты отдыха с телевизором Калиша обняла Люка за плечи и притянула к себе. Он подумал (на самом деле надеялся), что она снова его поцелует, но вместо этого Калиша прошептала ему на ухо (при этом её губы щекотали его кожу и вызывали мурашки):

- Говори о чем хочешь, только ничего не говори о Морин, ладно? Мы думаем, что они не все время нас прослушивают, но лучше сохранять осторожность. Я не хочу, чтобы у нее были неприятности.

Морин, о'кей, горничная, но кто такие *они*? Люк никогда еще не чувствовал себя таким потерянным, даже в четырехлетнем возрасте,

когда его разлучили с матерью на пятнадцать бесконечных минут в Американском торговом центре[61].

Тем временем, как и предполагала Калиша, им заинтересовались насекомые. Маленькие и черные они облаками кружили вокруг его головы.

Большая часть игровой зоны была покрыта мелким гравием. Баскетбольная площадка, где ребенок по имени Джордж продолжал кидать мяч в корзину, была с прорезиненным покрытием, а батут был окружен каким-то губчатым материалом, способным смягчить падение, если кто-то нерасчетливо прыгнет и завалится на бок. Здесь также были: площадка для шаффлборда[62], площадка для игры в бадминтон, канатная дорога и множество ярких цилиндров, которые маленькие дети могли использовать как туннель - не то чтобы здесь были дети, достаточно маленькие, чтобы ими воспользоваться. Там были также обычные качели, качели на двоих и горка. Длинный зеленый шкаф, окруженный столиками для пикника, был украшен табличками с надписью **игры и ИНВЕНТАРЬ** и **пожалуйста, кладите на место то, что вы достали**.

Площадка была обнесена сетчатым металлическим забором высотой не менее десяти футов, и Люк увидел камеры в двух её углах. Они были пыльными, как будто их давно не чистили. За забором не было ничего, кроме леса, в основном сосен. Судя по их толщине, Люк определил их возраст лет в восемьдесят, плюс-минус. Формула, данная в книге *Деревья Северной Америки*, которую он прочел теплым субботним днем, в десятилетнем возрасте, была довольно простой. Не было никакой необходимости считать кольца. Вы просто оценивали окружность одного из деревьев, делили на p, чтобы получить диаметр, а затем умножали на средний коэффициент роста для североамериканских сосен, который составляет 4,5. Легко было догадаться, как и сделать вывод: эти деревья не вырубались уже довольно давно, может быть, пару поколений. Чем бы там ни был Институт, он располагался посреди старого леса, а значит, в глуши. Что касается самой игровой площадки, то его первой мыслью было, что если бы где-то и существовал тюремный прогулочный дворик для детей в возрасте от шести до шестнадцати, то он должен был бы выглядеть именно так.

Девушка - Айрис - увидела их и помахала рукой. Она еще дважды подпрыгнула на батуте, при этом ее конский хвостик разлетался из стороны в сторону, затем сделала прыжок в сторону и приземлилась на пружинистый материал с разведенными ногами и согнутыми коленями.

- Ша! Кто это там с тобой?

- Это Люк Эллис, - сказал Калиша. - Новенький, прибыл сегодня утром.

- Привет, Люк. - Айрис подошла и протянула руку. Это была худенькая девушка, на пару дюймов выше Калиши. У нее было приятное, симпатичное лицо, ее щеки и лоб блестели от того, что Люк предположил, было смесью пота и противомоскитного спрея. - Айрис Стэнхоуп.

Люк встряхнулся, так же как и она, осознав, что насекомые - мандавошки, как их называли в Миннесоте, он понятия не имел, как их назывались здесь - начали пробовать его на вкус.

- Не очень-то приятно здесь находиться, но, думаю, приятно познакомиться.

- Я из Абилина, штат Техас. А как насчет тебя?

- Миннеаполис. Это в…

- Я знаю, где это, - сказала Айрис. - Земля с миллиардом озер или что-то в этом роде.

- Джордж! - Крикнула Калиша. - Что с твоими манерами, молодой человек? Иди-ка сюда!

- Иду, иду, подожди немного. Это очень важно. - Джордж проследовал к линии штрафных бросков на краю площадки, прижал баскетбольный мяч к груди и заговорил низким, напряженным голосом. - Ладно, ребята, после семи упорных игр наступает апогей. Второй овертайм, *Уизардс* отстают от *Селтикс* [63]на одно очко, и Джордж Айлс, только что вышедший со скамейки запасных, имеет шанс вырвать победу с линии штрафных. Если он попадет один раз, для *Уизардс* забрезжит лучик надежды. Если он попадет дважды, то войдет в историю, возможно, получит место в *Зале Славы Баскетбола*, и выиграет кабриолет *Тесла*…

- Должно быть, ручная работа, - сказал Люк. - *Тесла* не делает кабриолетов, по крайней мере, пока.

Джордж не обратил на это внимания.

- Никто не ожидал, что Айлс окажется в таком положении, и меньше всего сам Айлс. Жуткая тишина опустилась на столичную арену...

- И тут кто-то перданул! - Крикнула Айрис. Она просунула язык между губами и издала долгий шипящий гудок. - Настоящие фанфары! Какая же вонь!

- Айлс делает глубокий вдох... и дважды стучит мячом о паркет, что является его фирменным знаком...

- В дополнение к незакрывающемуся рту. У Джорджа очень активная фантазийная жизнь, - сказала Айрис Люку. - Ты к этому привыкнешь.

Джордж посмотрел на них троих.

- Айлс бросает сердитый взгляд на одинокого болельщика *Селтикс*, дразнящего его с центральной трибуны... это девушка, которая выглядит очень глупо, а также удивительно уродливо...

Айрис выдула еще один непристойный звук.

- Теперь Айлс стоит лицом к корзине... Айлс бросает...

Мимо.

- Господи, Джордж, - сказал Калиша, - это ужасно. Завязывай ты уже с этой чертовой игрой, либо своди матч к ничье, либо проигрывай, чтобы мы могли спокойно поговорить. Этот парень не понимает, что с ним произошло.

- Как, в принципе, *и все мы*, - сказала Айрис.

Джордж согнул колени и бросил. Мяч покатился по ободу корзины... немного подумал... и вылетел прочь.

- *Селтикс победили, Селтикс победили*! - Закричала Айрис. Она сделала прыжок болельщицы и потрясла невидимыми помпонами. - А теперь иди сюда и поздоровайся с новеньким.

Джордж подошел, отмахиваясь от насекомых. Он был невысоким и коренастым, и Люк подумал, что его фантазии были единственным местом, где он когда-либо играл в профессиональный баскетбол. Его бледно-голубые глаза напомнили Люку фильмы Пола Ньюмана и Стива Маккуина[64], которые они с Рольфом любили смотреть по телевизору. При мысли о том, как они вдвоем развалившись перед телевизором, едят попкорн, его затошнило.

- Эй, малыш. Как тебя зовут?

- Люк Эллис.

- Я Джордж Айлс, но ты, наверное, уже знаешь это от этих девушек. Я для них Бог.

Калиша взялась за голову. Айрис показала ему фак.

- Бог *любви*.

- Но Адонис, а не Купидон, - сказал Люк, немного углубляясь в свои мысли. Во всяком случае, пытаясь. - Адонис - Бог страсти и

красоты.

- Как скажешь. Тебе понравилось это место? Отстой, не правда ли?

- Что *это* за место? Калиша называет его Институтом, но что это значит?

- С таким же успехом его можно назвать *Домом Миссис Сигсби для своенравных детей-экстрасенсов*, - сказала Айрис и сплюнула.

Это не было похоже на то, как если бы вы начали смотреть художественный фильм с середины; это было похоже на то, как если бы вы начали смотреть телешоу с середины третьего сезона. Да еще и с запутанным сюжетом.

- Кто такая Миссис Сигсби?

- Сука-Королева, - сказал Джордж. - Ты с ней познакомишься, и мой тебе совет - не дерзи ей. Она не любит, когда ее дерзят.

- Ты ТП или ТК? - Спросила Айрис.

- ТК, я полагаю. - На самом деле это было гораздо больше, чем предположение. - Иногда вокруг меня что-то движется, и поскольку я не верю в призраков, то, наверное, это делаю я. Но этого вряд ли должно быть достаточно... - Он замолчал. *Должно быть достаточно, чтобы меня сюда упекли*, вот что он подумал. Но все же он *был* здесь.

- ТК-плюс? - Спросил Джордж. Он направился к одному из столов для пикника. Люк последовал за ним, в сопровождении двух девушек. Он мог вычислить приблизительный возраст леса, который их окружал, он знал названия сотен различных бактерий, он мог рассказать этим детям о Хемингуэе, Фолкнере или Вольтере, но он никогда не чувствовал себя более отсталым.

- Понятия не имею, что это значит.

- Так *они* называют таких детей, как я и Джордж, - сказала Калиша. Лаборанты, надзиратели и врачи. Мы не должны этого знать…

- Но мы знаем, - закончила Айрис. - Это то, что все называют секретом полишинеля. ТК- и ТП- плюс могут делать это, когда захотят, хотя бы иногда. У меня же все движется только тогда, когда я злюсь, или действительно счастлива, или напугана. Тогда это происходит непроизвольно, как чихание. Так что я простой середнячок. Они называют середнячков розовыми ТК и ТП.

- Почему? - Спросил Люк.

- Потому что если ты просто обычный человек, то на твоей папке есть маленькая розовая отметка. Мы также не должны видеть и то, что находится *на* и *в* наших папках, но однажды я свою папку увидела. Иногда они крайне неосторожны.

- Ты должен следить за своими поступками, иначе они будут крайне небрежно относиться к твоей заднице, - сказала Калиша.

- Розовые получают больше тестов и больше уколов, - сказала Айрис. Меня погружали в бак. Это было отстойно, но не так уж, чтоб очень.

- Что…

Джордж не дал Люку закончить вопрос.

- Я ТК-плюс, на моей папке нет ничего розового. Ноль розового для этого ребенка.

- Ты видел свою папку? - Спросил Люк.

- В этом нет необходимости. Я просто крут. Смотри.

Не было никакой особой концентрации типа индийских свами, ребенок просто стоял, где стоит, но произошло нечто необычное. (По крайней мере, Люку это показалось необычным, хотя ни на одну из девушек это не произвело особого впечатления). Москитное облако, кружившее над головой Джорджа, сдуло назад, образовав нечто вроде кометного хвоста, словно в них ударил порыв сильного ветра. Только никакого ветра *не было*.

- Видишь? - Сказал он. - ТК-плюс в действии. Только длится это недолго.

Это было правдой. Москиты уже вернулись, кружа вокруг него и держась на расстоянии только из-за спрея, которым он был обмазан.

- Тот второй бросок в корзину, - сказал Люк. - Ты мог бы заставить мяч упасть?

Джордж с сожалением покачал головой.

- Я бы хотела, чтобы они привезли действительно мощного ТК-плюс, - сказала Айрис. Ее волнение по поводу встречи с новым ребенком сошло на нет. Она выглядела уставшей, напуганной и старше своего возраста, который Люк оценил примерно лет в пятнадцать. - Того, кто сможет телепортировать нас *отсюда* нахер. - Она села на одну из скамеек у стола для пикника и закрыла глаза рукой.

Калиша села рядом и обняла ее.

- Нет, давай завязывай грустить, все будет хорошо.

- Нет, не будет, - сказала Айрис. - Посмотри на это, я же подушечка для булавок! - Она протянула к ней руки. На левой были два лейкопластыря, а на правой - три. Затем она быстро потерла глаза и надела то, что, как предположил Люк, было ее маской. - Итак, новичок - *ты* можешь передвигать вещи, когда захочешь?

Люк никогда не говорил о сверхразумной способности - также известной как психокинез - кроме как с родителями. Его мама сказала, что люди будут бояться, если узнают. Его отец сказал, что это самое незначительное в нем. Люк был согласен по обоим пунктам, но эти дети не были напуганы, и здесь это было важно. Это было ясно как день.

- Нет. Я даже не могу пошевелить ушами.

Они рассмеялись, и Люк расслабился. Место было странным и страшным, но, по крайней мере, эти дети казались нормальными.

- Время от времени вещи перемещаются, вот и все. Посуда или столовое серебро. Иногда двери закрывались сами собой. Раз или два у меня в комнате включалась лампа. Ничего грандиозного. Черт, я вообще не был уверен, что это сделал я. Я думал, может быть это сквозняк... или глубокие подземные толчки...

Все они смотрели на него мудрыми глазами.

- Ладно, - сказал он. - Я знал. И мои родители тоже. Но это никогда не создавало больших проблем.

Может быть, так оно и было бы дальше, подумал он, если бы к тому же, он не был чертовски умен, и в двенадцать лет его приняли не в один, а сразу в два колледжа. Предположим, у вас есть семилетний ребенок, который может играть на пианино, как Ван Клиберн. Кого-нибудь волнует, что этот ребенок может также сделать несколько простых карточных трюков? Или пошевелить ушами? Но этого он не мог сказать Джорджу, Айрис и Калише. Это прозвучало бы как хвастовство.

- Ты прав, никаких *больших* проблем! - Горячо сказала Калиша. - Вот в этом-то вся и загвоздка! Мы не *Лига справедливости* и не *Люди Икс*![65]

- Нас что, похитили? - Он молился, чтобы они рассмеялись. Желал, чтобы кто-нибудь из них сказал, *Конечно, нет.*

- Типа да, - сказал Джордж.

- Потому что ты можешь заставить насекомых улететь на секунду или две? Потому что... - Он подумал о подносе, упавшем со стола в *Рокет Пицце*. - Потому что время от времени я захожу в комнату, и дверь за мной сама собой закрывается?

- Ну, - сказал Джордж, - если бы они хватали людей за красоту, Айрис и Ша здесь бы не было.

- Серпом тебе по яйцам, - сказала Калиша.

Джордж улыбнулся.

- Чрезвычайно изощрённое извращение. Прям не знаю, что и сказать.

- Иногда я не могу дождаться, когда ты переедешь в Заднюю Половину, - сказала Айрис. - Бог, вероятно, накажет меня за это, но…

- Подождите, - сказал Люк. - Просто подождите. Начните с самого начала.

- И это только начало, приятель, - раздался голос позади них. - К сожалению, это также, вероятно, и конец.

2

Люк предположил, что вновь прибывшему было лет шестнадцать, но позже узнал, что тот был на два года моложе. Ники Уилхольм был высоким и голубоглазым, с копной нечесаных волос, которые были чернее черного и при помывке требовали ударной дозы шампуня. Он был одет в мятую рубашку на пуговицах поверх мятых шорт, его белые спортивные носки были приспущены, а кроссовки - грязными. Люк вспомнил, как Морин говорила, что он похож на Свинарника из комиксов *Арахис*.

Остальные смотрели на него с настороженным уважением, и Люк мгновенно это понял. Калиша, Айрис и Джордж были рады оказаться здесь не больше, чем сам Люк, но они хотя бы старались сохранять позитивный настрой; за исключением того момента, когда Айрис скинула маску, от них исходила слегка дурковатая атмосфера. С этим парнем все было не так. Сейчас Ники не выглядел злым и сердитым, но было ясно, что все это было, и в недалеком прошлом. На его распухшей нижней губе виднелась заживающая рана. Дополняли картину сходящие остатки синяка под глазом и свежий синяк на щеке.

Значит, скандалист. В свое время Люк повидал таких, была даже парочка в *Бродерике*. Они с Рольфом старались держаться от них подальше, но если это место было тюрьмой, о чем Люк уже начал

догадываться, то от Ники Уилхолма им не дистанцироваться. Но остальные трое, похоже, его не боялись, и это был хороший знак. Ники, возможно, и выводили из себя порядки достижения целей, людьми, стоящими за этим пресным названием Институт, но своим товарищам по несчастью он казался просто напряженным. Сосредоточенным. Тем не менее, эти отметины на его лице предполагали неприятные возможности, особенно если по натуре он не был простым скандалистом. А если их нанес взрослый? Школьный учитель, занимающийся чем-то подобным, причем не только в *Броде*, но и практически везде, был бы уволен, возможно, получил бы условно, а может быть, даже был бы арестован.

Он вспомнил, как Калиша сказала: *Ты больше не в Канзасе, Тотошка*.

- Я Люк Эллис. - Он протянул руку, не зная, чего ожидать.

Ники проигнорировал его и открыл зеленый шкафчик с оборудованием.

- Ты играешь в шахматы, Эллис? Эта троица - полные лузеры. Донна Гибсон могла хотя бы слегка посопротивляться, но три дня назад её перевели в Заднюю Половину.

- И больше мы ее не увидим, - печально изрек Джордж.

- Играю, - сказал Люк, - но сейчас мне не хочется. Я хочу знать, где я и что здесь происходит.

Ник достал шахматную доску и коробку с шахматами. Он быстро выстроил фигуры, глядя сквозь упавшие на глаза волосы, вместо того чтобы откинуть их назад.

- Ты в Институте. Где-то в дебрях штата Мэн. Тут нет никакого поселения, просто координаты на карте. ТР-110. Ша узнала это от кучи людей. Так говорила Донна и Пит Литтлджон. Это еще один ТП, которого перевели в Заднюю Половину.

- Кажется, Пити нет с нами уже целую вечность, но он был здесь еще на прошлой неделе, - задумчиво произнесла Калиша. - Помнишь эти прыщи? И как его очки постоянно сползали с носа?

Ники не обратил на это внимания.

- Смотрители зоопарка не пытаются это скрыть или отрицать. Да и зачем, когда они изо дня в день работают с детьми с ТП? Они не слишком беспокоятся о сохранности своих секретов, потому что даже Ша не может проникнуть очень уж глубоко, а она весьма хороша.

- В большинстве случаев я могу набрать девяносто процентов на картах Райна[66], - сказала Калиша. Не хвастовство, а просто констатация факта. - И я могла бы назвать имя твоей бабушки, если ты вызовешь его на передний план своего разума, но передние планы - это все, куда я могу добраться.

Мою бабушку зовут Ребекка, - подумал Люк.

- Ребекка, - сказала Калиша и, увидев выражение удивления на лице Люка, разразилась приступом хохота, делавшим ее похожей на ребенка, которым она была не так давно.

- Тебе достаются белые, - сказал Ники. - А я всегда играю черными.

- Ник - наш почетный бунтарь, - сказал Джордж.

- Отметины это подтверждают, - сказала Калиша. - Ему это слабо помогает, но он ничего не может с собой поделать. В его комнате сплошной беспорядок, - еще один акт подросткового бунта, который только придает работы нашей Морин.

Ники, не улыбаясь, повернулся к чернокожей девушке.

- Если бы Морин действительно была такой святой, как ты думаешь, она бы вытащила нас отсюда. Или донесла в ближайший полицейский участок.

Калиша покачала головой.

- Вернись в реальность. Если ты здесь работаешь, ты - часть этого. Хорошо это или плохо.

- Неприятно или приятно, - добавил Джордж. Вид у него был торжественный.

- Кроме того, ближайший полицейский участок, скорее всего, находится в многих милях отсюда и состоит из пары полицейских и собаки-поводыря, - сказала Айрис. - Раз уж ты назначил себя Главным Объяснителем, Ник, почему бы тебе не ввести парня в курс дела? Черт побери, разве ты не помнишь, как странно просыпаться здесь, все еще находясь в своей домашней комнате?

Ник откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Люк случайно заметил, как Калиша на него смотрит, и подумал, что если она когда-нибудь поцелует Ники, то не только для того, чтобы передать ему ветрянку.

- Ладно, Эллис, я расскажу тебе все, что мы знаем. Или то, что мы думаем, что знаем. Это не займет много времени. Дамы, не

стесняйтесь, помогайте. Джордж, держи рот на замке, если почувствуешь, что на тебя надвигается очередной приступ болтодерьма.

- Большое спасибо, - сказал Джордж. - И после этого я должен разрешить тебе сесть за руль моего *Порше?*

- Калиша здесь дольше всех, - сказал Ники. - Из-за ветрянки. Сколько детей ты видела здесь за это время, Ша?

Она задумалась.

- Наверное, двадцать пять. Может быть, чуть больше.

Ники кивнул.

- Они - мы... прибыли отовсюду. Ша из Огайо, Айрис из Техаса, Джордж из Глори-Хоул, Монтана…

- Я из Биллингса, - сказал Джордж. - Очень респектабельный город.

- Во-первых, они следят за нами, как будто мы перелетные птицы или чертовы буйволы. - Ники откинул волосы назад и наклонил мочку уха вперед, демонстрируя блестящий металлический ободок размером с десятицентовик. - Они осматривают нас, они тестируют нас, они делают нам уколы и спрашивают, видим ли мы точки, затем они снова осматривают нас и делают еще больше тестов. Розовые получают больше уколов и больше тестов.

- Меня погружали в бак, - повторила Айрис.

- Возьми с полки пирожок, - сказал Ник. - Если мы плюс, они заставляют нас делать глупые трюки с домашними животными. Я сам, оказывается, ТК-плюс, но Джордж-балабол в этом еще более преуспел. И здесь был один ребенок, не помню его имени, который был даже лучше, чем Джордж.

- Бобби Вашингтон, - сказала Калиша. - Маленький черный ребенок, лет девяти. Он мог столкнуть твою тарелку прямо со стола. Его давно здесь нет... сколько, Ники? Недели две?

- Чуть меньше, - ответил Ники. - Это было за две недели до моего прибытия.

- Вечером, за ужином, он еще был с нами, - сказал Калиша, - а на следующий день отправился в Заднюю Половину. Пуфф. Сегодня ты его видишь, а завтра - нет, и я, наверное, буду следующей. Я думаю, что они почти закончили со всеми своими тестами.

- Да и со мной тоже, - кисло сказал Ники. - Наверняка, они будут рады от меня избавиться.

- Наверное, поэтому и бьют, - сказал Джордж.

- Они делают нам уколы, - сказала Айрис. - Некоторые из них болючие, некоторые нет, некоторые из них что-то делают с тобой, некоторые нет. После одного из них у меня поднялась температура, и я испытала самую ужасную головную боль в жизни. Я подумала, что может быть подхватил ветрянку от Ша, но боль через день прошла. Они продолжают тебя обкалывать, пока ты не увидишь точки или не услышишь гул.

- Ты еще легко отделалась, - сказала ей Калиша. - Пара ребят... тут был один парень по имени Морти... не могу вспомнить его фамилию...

- Ковыряльщик в носу, - сказала Айрис. - Тот самый, который тусовался с Бобби Вашингтоном. Фамилию Морти я тоже не помню. Через два дня после того, как я приехала, он перебрался в Заднюю Половину.

- Скорее всего, он никуда и не перебирался, - сказала Калиша. - Он пробыл здесь совсем недолго, и после одного из этих уколов у него появились прыщи. Он рассказал мне об этом в столовой. Он сказал, что его сердце бьётся как сумасшедшее. Я думаю, что он на самом деле заболел. - Она сделала паузу. - Может быть, даже умер.

Джордж смотрел на нее широко раскрытыми от ужаса глазами.

- Цинизм и подростковые страхи - это хорошо, но скажи мне, что на самом деле ты в это не веришь.

- Ну, мне точно не *хотелось бы*, - сказал Калиша.

- Заткнитесь все, - сказал Ники. Он наклонился над доской, глядя на Люка. - Да, они нас похищают. Потому что у нас есть экстрасенсорные способности. Как они нас находят? Не знаю. Но это должно быть серьезная операция, потому что это место слишком большое. Чертовый *комплекс*. У них тут и врачи, и лаборанты, и те, кто называет себя надзирателями... похоже на небольшую больницу, затерянную в лесу.

- И безопасность, - добавила Калиша.

- Да. Парень, отвечающий за это, - большой лысый хрен. Его зовут Стэкхаус.

- Это безумие, - сказал Люк. - Мы вообще в Америке?

- Здесь тебе не Америка, здесь Институтское Королевство. Когда мы пойдем обедать в столовую, Эллис, выгляни в окно. Ты увидишь лесную чащу, но если присмотришься внимательно, увидишь еще одно здание. Из зеленого шлакоблока, как и это. Сливается с деревьями, я думаю для маскировки. В общем, это Задняя Половина. Куда попадают дети, когда все опыты поставлены, а уколы сделаны.

- И что там происходит?

Ответила Калиша.

- Этого мы не знаем.

На кончике языка у Люка вертелся вопрос, знает ли Морин, потом он вспомнил, что Калиша шепнула ему на ухо: *Они прослушивают*.

- Мы только знаем, что они нам говорят, - сказала Айрис. - Они говорят…

- Они говорят: Все будет *хооорошо!*

Ники выкрикнул это так громко и так неожиданно, что Люк отшатнулся и чуть не упал со скамейки для пикника. Черноволосый парень поднялся на ноги и встал, глядя в пыльный объектив одной из камер. Люк вспомнил еще кое-что, сказанное Калишей: *Когда ты встретишь Ники, не переживай, если он начнет разглагольствовать. Именно так он выпускает пар.*

- Они похожи на миссионеров, продающих Иисуса кучке индейцев, которые очень... очень...

- Наивные? - Рискнул спросить Люк.

- Точно! Правильное слово! - Ники все еще смотрел в камеру. - Кучка индейцев, которые настолько наивны, что готовы поверить *во что угодно*. Например, в то, что если они отдадут свою землю за горсть бус и гребаные блохастые одеяла, то попадут на небеса, встретят там всех своих мертвых родственников и будут вечно счастливы! Это про нас, мы - эта кучка индейцев, достаточно наивных, чтобы верить всему, что хорошо звучит, что звучит как ХЭППИ... ГРЕБАНЫЙ... ЭНД!

Он резко повернулся к ним, волосы развевались, глаза горели, руки были сжаты в кулаки. Люк увидел заживающие порезы на костяшках пальцев. Он сомневался, что Ники возвращал столько же, сколько получал - в конце концов, он был простым ребенком, - но казалось, что он, по крайней мере, хоть что-то кому-то возвращал.

- Как ты думаешь, у Бобби Вашингтона были какие-нибудь сомнения в том, что его испытания закончились, когда его переводили в Заднюю Половину? Или у Пита Литтлджона? Господи Иисусе, если бы мозги были черным порошком, эти двое не смогли бы даже высморкать их через свои носы.

Он снова повернулся к грязной камере. То, что ему больше не на что было излить свой гнев, делало его несколько нелепым, но Люк все равно им восхищался. Ведь он не мирился с ситуацией.

- Слушайте сюда, ребята! Вы можете выбить из меня все дерьмо, вы можете перевести меня в Заднюю Половину, но я буду биться с вами на каждом шагу! *Ник Уилхольм не покупается за бисер и одеяла!*

Он сел, тяжело дыша. Затем он улыбнулся, показав ямочки на щеках, белые зубы и добродушные глаза. Угрюмый, задумчивый человек исчез, как будто его никогда и не было. Люк не испытывал влечения к парням, но когда он увидел эту улыбку, то понял, почему Калиша и Айрис смотрели на Ники так, словно он был вокалистом в бойз-бэнде.

- Наверное, мне следовало бы быть в их команде, а не сидеть здесь взаперти, как курица в загоне. Я мог бы управлять этим местом лучше, чем Сигсби, Хендрикс и другие доктора. Я в этом абсолютно *уверен*.

- Конечно, - ответил Люк, - но я не совсем понимаю, к чему ты клонишь.

- Да, Ники, я вроде как тоже сбился с пути, - сказал Джордж.

Ники снова скрестил руки на груди.

- Прежде чем я надеру тебе задницу в шахматы, новичок, давай оценим ситуацию. Они привезли нас сюда. Они проводят над нами опыты. Они колют нас Бог знает чем, и опять проводят опыты. Некоторых детей погружают в бак, все дети получают странный тест для глаз, который заставляет почувствовать, что ты вот-вот грохнешься в обморок. У нас здесь комнаты, которые выглядят как наши домашние комнаты, что, вероятно, должно обеспечить какое-то, я не знаю, успокаивающее действие для наших нежных эмоций.

- Психологическая акклиматизация, - сказал Люк. - Думаю, в этом есть смысл.

- В кафешке есть хорошая еда. Ты реально можем заказать себе любую вещь из меню, хотя оно и несколько ограничено. Двери комнат

не заперты, так что если ты не можешь заснуть, ты можешь сходить туда и взять закуски для полуночников. Они оставляют печенье, орехи, яблоки и тому подобное. Или ты можешь пойти в столовую. Машины там принимают жетоны, которых у меня нет, потому что только хорошие маленькие девочки и мальчики получают жетоны, а я отнюдь не хороший маленькие мальчик. Вот вам моя идея, что нужно сделать с мистером Бойскаутом - посадить его на его же торчащий маленький…

- Остановись, - резко сказал Калиша. - Прекрати это дерьмо.

- Попался. - Ник одарил ее убийственной улыбкой, а затем снова перевел свое внимание на Люка. - Есть много стимулов, чтобы быть хорошим и получать жетоны. В столовой есть закуски и газированные напитки, очень широкий выбор.

- Крекеры *Джек*, - мечтательно произнес Джордж. - *Хо Хо*[67].

- Еще там есть сигареты, кулер с алкоголем и прочий хлам.

Айрис:

- Там еще висит предупреждающая табличка, на которой написано: пожалуйста, пейте ответственно. Когда дети в возрасте десяти лет нажимают кнопки, чтобы получить порцию *Голубых Гавайев*[68] от *Бони Фарм* или *Майк Хард Лемонейд*[69] - это очень смешно, не так ли?

- Ты, должно быть, шутишь, - сказал Люк, но Калиша и Джордж кивнули.

- Можно кайфануть, но нельзя упиться вусмерть, - сказал Ники. - Ни у кого для этого нет достаточного количества жетонов.

- Верно, - согласилась Калиша, - но у нас есть детишки, которые этим живут.

- Ты имеешь в виду, пьют постоянно? Десятилетние и одиннадцатилетние пьяницы? - Люк все еще не мог в это поверить. - Ты же это не серьезно.

- Можешь мне поверить. Есть дети, которые делают все, что им говорят, только чтобы они могли пользоваться кулером с алкоголем каждый день. Я здесь не достаточно долго, чтобы самостоятельно изучить этот вопрос, но слышала об этом от детей, которые были здесь до нас.

- Кроме того, - сказала Айрис, - у нас тут было множество детей, которые основательно трудились над выработкой привычки к табаку.

Это было нелепо, но Люк предположил, что в этом есть какой-то безумный смысл. Он подумал о Римском сатирике Ювенале, который сказал, что если дать людям хлеба и зрелищ, они будут счастливы и не причинят никаких неприятностей. Он предположил, что то же самое можно сказать о выпивке и сигаретах, особенно если предложить их испуганным и несчастным детям, которые сидят взаперти.

- Эта дрянь не мешает их опытам?

- Поскольку мы не знаем, в чем смысл этих опытов, сложно сказать, - ответил Джордж. - Все, чего они хотят, это чтобы ты видел точки и слышал гул.

- Какие точки? Какой гул?

- Скоро узнаешь, - сказал Джордж. - Эта часть не так уж и плоха. Это все, что нужно той сучке. Ах, как же я ненавижу уколы.

- Три недели, плюс-минус, - ответил Ники. Вот как долго большинство детей остаются в Передней Половине. По крайней мере, Ша так думает, а она здесь дольше всех. Затем мы отправляемся в Заднюю Половину. После всех этих опытов - такова их история - нас опрашивают, и наши воспоминания об этом месте каким-то образом стираются. - Он расправил руки и поднял их к небу, растопырив пальцы. - А после *этого*, детишки, мы отправляемся на небеса! Девственно чистые, за исключением, возможно, привычки выкуривать пачку сигарет в день! Аллилуйя!

- Он имеет в виду - возвращаемся домой, к нашим родителям, - тихо произнесла Айрис.

- Где нас встретят с распростертыми объятиями, - сказал Ники. - Никаких вопросов, просто добро пожаловать домой, и давайте все пойдем в *Чак И. Чиз*[70], чтобы отпраздновать пришествие. Тебе это кажется реальным, Эллис?

Ему так ни казалось.

- Но наши родители *хотя бы* живы? - Люк не знал, как это прозвучало для остальных, но для него его голос звучал очень тихо.

Никто из них ничего не произнес, все только многозначительно посмотрели. И этого ответа было достаточно.

3

В дверь кабинета Миссис Сигсби постучали. Она пригласила гостя войти, не отрывая глаз от монитора компьютера. Вошедший был почти такого же роста, как доктор Хендрикс, но на десять лет моложе

и в гораздо лучшей форме - широкоплечий и мускулистый. Его череп был гладко выбритым и блестящим. На нем были джинсы и синяя рабочая рубашка, рукава которой были закатаны, открывая его восхитительные бицепсы. На одном бедре висела кобура с торчащим вверх коротким металлическим стержнем.

- Рубиново-красные здесь, на тот случай, если вы захотите поговорить с ними об операции с Эллисом.

- Что-нибудь срочное или необычное, Тревор?

- Нет, мэм, ничего такого, если я мешаю, могу зайти позже.

- Да нет, все нормально, просто дай мне минутку. Наши обитатели дают новому мальчику информацию к размышлению. Посмотри-ка и послушай. Эта дикая смесь из мифов и наблюдений довольно забавна. Прямо сюжет из *Повелителя мух*[71].

Тревор Стэкхаус подошел к столу. Он увидел Уилхольма - самого беспокойного маленького засранца, из тех, кто здесь когда-либо бывал - с одной стороны шахматной доски, которая была полностью готова к игре. Вновь прибывший сидел с другой стороны. Девушки стояли рядом, сосредоточив все свое внимание, как обычно, на Уилхольме - красивом, угрюмом, непокорном Джеймсе Дине[72] последних дней. Он скоро отсюда свалит; Стэкхаус не мог дождаться, когда Хендрикс выдаст письменное разрешение.

- Как ты думаешь, сколько всего здесь работает людей? - Спрашивал новенький.

Ирис и Калиша (также известная как Цыпочка с ветрянкой) посмотрели друг на друга. Ответила Айрис. - Пятьдесят? Я думаю, где-то около этого. Врачи... лаборанты и надзиратели... персонал кафешки... гм...

- Два или три уборщика, - сказал Уилхольм, - и горничные. Сейчас только Морин, потому что нас всего пятеро, но когда появляется больше детей, они добавляют еще пару. Они могут приходить из Задней Половины, но я в этом не уверен.

- С таким количеством людей, как они могут держать это место в секрете? - Спросил Эллис. - Во-первых, где они паркуют свои *машины*?

- Интересно, - сказал Стэкхаус. - Не думаю, что кто-нибудь задавался этим вопросом раньше.

Миссис Сигсби кивнула.

- Этот очень умный, и, похоже, не просто начитанный. А теперь тише. Я хочу все услышать.

- ... ведь где-то же должны оставлять, - говорил Люк. - Логично? Они тут на постоянном дежурстве. И это означает, что здесь на самом деле правительственное учреждение. Похоже на одну из тех черных дыр, куда переводят террористов для допросов.

- Плюс старые добрые водные процедуры с мешком на голове, - сказал Уилхольм. - Я никогда не слышал, чтобы они так поступали с кем-нибудь из здешних детей, но не стоит сбрасывать этого со счетов.

- Они используют бак, - сказала Айрис. - Это их вариант водных процедур. Они надевают на тебя шапочку, погружают в него и делают записи. Это на самом деле лучше, чем уколы. - Она сделала паузу. - По крайней мере, для меня.

- Они должны менять сотрудников в группах, - сказал Эллис. Миссис Сигсби показалось, что он говорит больше сам с собой, чем с остальными.

Держу пари, он так часто делает, - подумала она. - *Вот единственный способ, как это работает.*

Стэкхаус кивнул.

- Хорошие выводы. Чертовски хорошие. Сколько ему, двенадцать?

- Прочти свой отчет, Тревор. - Она нажала кнопку на своем компьютере, и на экране появилась заставка: фотография ее дочерей-близнецов в двухместной коляске, сделанная за много лет до того, как они обзавелись грудями, острыми языками и плохими парнями. А также дурной тягой к наркотикам, в случае Джуди. - Рубиново-красные проинструктированы?

- Лично мной. И когда полицейские проверят компьютер ребенка, они обнаружат, что он просматривал заметки о детях, которые убивают своих родителей. Не много, всего две или три.

- Другими словами, стандартная рабочая процедура.

- Да, мэм. От добра добра не ищут. Стэкхаус одарил ее улыбкой, которая казалась ей почти такой же очаровательной, как у Уилхольма, когда он включал ее на полную мощность. Но не совсем так. Их Ники был настоящим магнитом для детей. По крайней мере, сейчас.

- Вы хотите видеть группу захвата или только их отчет об операции? Его пишет Дэнни Уильямс, так что он должен быть вполне удобоваримым.

- Если все прошло гладко, то только отчет. Я попрошу Розалинду принести его мне.

- Прекрасно. А что там с Элворсон? Есть ли какая-нибудь ценная информация от нее за последнее время?

- Ты имеешь в виду, не обжимаются ли по углам Уилхольм и Калиша? - Сигсби подняла бровь. - Это имеет отношение к твоей миссии по обеспечению безопасности, Тревор?

- Плевать мне на то обжимаются они или нет. На самом деле, мне хотелось бы, чтобы они продвинулись немного дальше и потеряли свою девственность, предполагая, что они все еще её хранят, пока у них есть такой шанс. Но время от времени Элворсон все же добывает данные, которые имеют непосредственное отношение к моей миссии. Как, например, информация, полученная из разговора с тем парнем, Вашингтоном.

Морин Элворсон, горничная, которая, казалось, сопереживала молодым подопытным в Институте и всячески их поддерживала, на самом деле была еще и штатным стукачом. (Исходя из мелочности тех сплетен, которые она добывала, Миссис Сигсби считала слово "*шпион*" слишком громким определением для неё.) Ни Калиша, ни кто-либо из других ТП не могли это распознать, потому что у Морин очень хорошо получалось хранить свой способ дополнительного заработка далеко в глубинах своего сознания.

Ценности Морин также добавляла тщательно насаждаемая ей идея о том, что некоторые районы Института - южный угол кафешки, небольшая площадка возле торговых автоматов в столовой, - она называла и еще пару точек - были мертвыми зонами для аудио и видео наблюдения. Это были места, где Элворсон разузнавала детские секреты. Большинство из них были ничтожными, но иногда в них попадался самородок. Например, касаемо того мальчика, Вашингтона, который признался Морин, что подумывает о самоубийстве.

- В последнее время ничего, - ответила Сигсби. - Я сообщу тебе, если она передаст что-то, что, по моему мнению, может тебя заинтересовать, Тревор.

- О'кей. Я просто спросил.

- Понятно. А теперь, пожалуйста, уходи. Мне нужно работать.

- К черту все это дерьмо, - сказал Ники, снова садясь на скамейку. Наконец он убрал волосы с глаз. - Пустозвонить можно долго, а скоро сигнал на обед, после которого меня заберут на зрительный тест и мне вновь придется пялиться на белую стену. Давай посмотрим, что ты можешь, Эллис. Ходи.

Люк никогда еще не испытывал такого нежелания играть в шахматы. У него была тысяча других вопросов - в основном об уколах и точках - но, возможно, сейчас еще не наступило время их задавать. В конце концов, существует такая вещь, как информационная перегрузка. Он передвинул королевскую пешку на две клетки. Ники отзеркалил. Люк перевел королевского слона, напав на пешку Ники. После минутного колебания Ники передвинул ферзя по диагонали на четыре клетки, и это в значительной степени решило дело. Люк передвинул своего на две, подождал, пока Ники сделает свой ход, который не имел никакого смысла, затем поместил свою королеву рядом с королем Ники, красиво и уютно.

Ники нахмурился, глядя на доску.

- Шах и мат? За четыре хода? Ты это серьезно?

Люк пожал плечами.

- Это называется *Детский мат* и работает только в том случае, если ты играешь белыми. В следующий раз, когда ты увидишь такой поворот событий, постарайся найти противоядие. Лучший способ - переместить пешку от ферзя вперед на две клетки или королевскую пешку вперед на одну.

- Если я это сделаю, ты все равно сможешь меня победить?

- Возможно. - Дипломатический ответ. Правдивым бы был, *конечно*.

- Святой Джо. - Ники все еще изучал доску. - Это чертовски ловко. Кто тебя научил?

- Прочел пару книг.

Ники поднял голову, словно впервые по-настоящему увидел Люка, и задал тот же вопрос, что и Калиша.

- Насколько же ты умен, малыш?

- Достаточно умен, чтобы победить тебя, - сказала Айрис, что избавило Люка от необходимости отвечать.

В этот момент раздался тихий перезвон из двух нот: *динь-дон*.

- Пойдем обедать, - сказал Калиша. - Я умираю с голоду. Ну же, Люк. Проигравший складывает игрушки.

Ники наставил на нее палец и одними губами произнес *бах-бах*, но при этом улыбался. Люк встал и последовал за девушками. У двери в комнату отдыха Джордж догнал его и схватил за руку. Люк знал из книг по социологии (а также из личного опыта), что дети в группах имеют тенденцию занимать определенные легко узнаваемые ниши. Если Ники Уилхольм был в этой группе бунтарем, то Джордж Айлс был в ней классическим шутом. Только теперь он выглядел серьезным, как сердечный приступ. Он говорил тихо и быстро.

- Ник классный, он мне нравится, и девчонки от него без ума, возможно, он тебе тоже понравился, и это нормально, но не делай из него образец для подражания. Он никогда не смирится с тем, что мы здесь застряли, но мы здесь, так что сам выбирай, за что сражаться. Точки, например. Если ты их увидишь, скажи. Если нет, так и скажи. Не ври. *Они узнают*.

Ники догнал их.

- О чем базаришь, Джорджи-бой?

- Он хочет знать, откуда берутся дети, - сказал Люк. - Я посоветовал ему спросить у тебя.

- О Господи, еще один гребаный комик. Как раз то, что нужно этому месту. - Ники схватил Люка за шею и сделал вид, что душит его, что, как надеялся Люк, было признаком симпатии. Может быть, даже уважения. - Пойдем, пожрем.

5

То, что его новые друзья называли столовой, было частью зала напротив большого телевизора. Люк хотел поближе рассмотреть торговые автоматы, но остальные двигались очень быстро, и у него на это не было возможности. Однако он заметил табличку, о которой упоминала Айрис: пожалуйста, пейте ответственно. Так что, возможно, они не троллили его на счет выпивки.

Не Канзас и не *Остров удовольствий*, подумал он. Это *Страна чудес*. Кто-то вошел в мою комнату посреди ночи и столкнул меня в кроличью нору[73].

Кафешка была не такой большой, как в *Бродерике*, но почти такой же. Тот факт, что все пятеро были единственными в ней посетителями, делал её еще больше. Большинство столов были на четырех, но в

середине стояли пара столов побольше. Один из них был с пятью стульями. Женщина в розовом халате и таких же розовых брюках подошла и наполнила их стаканы водой. Как и Морин, она носила бейджик с именем. Ее звали *Норма*.

- Как поживаете, цыплятки? - Спросила она.

- О, мы общипаны вдоль и поперек, - весело сказал Джордж. - А как насчет тебя?

- Все просто прекрасно, - сказала Норма.

- У тебя случайно нет с собой карточки “ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ ТЮРЬМЫ”?

Норма одарила его сдержанной улыбкой и вышла через вращающуюся дверь, которая, по-видимому, вела на кухню.

- И зачем я вообще заморачиваюсь? - Сказал Джордж. - Мои лучшие реплики здесь пропадают впустую. Впустую, говорю тебе.

Он потянулся к стопке меню в центре стола и раздал их всем. На самом верху стояла дата. Ниже шли закуски (крылышки *Баффало* или томатный суп), ОСНОВНЫЕ БЛЮДА (*Бизон-бургер* или китайское рагу) и десерты (яблочный пирог *А-ля моде* или что-то под названием пирожное *Мэджик Кастард*). В списке значилось с полдюжины безалкогольных напитков.

- Ты можешь заказать молоко, но они не утруждают себя включением его в меню, - сказала Калиша. - Большинство детей его не хотят, если у них нет хлопьев на завтрак.

- А еда действительно хорошая? - Спросил Люк. Прозаичность вопроса - как будто они были на курорте от *Сэндалс Резорт*[74], где еда включена в стоимость проживания, - вернула ему ощущение нереальности происходящего.

- Да, - ответила Айрис. - Иногда они нас взвешивают. Я набрала четыре фунта.

- Откармливает нас на убой, - сказал Ники. - Как Гензель и Гретель.

- В пятницу вечером и в полдень по воскресеньям здесь устраивают фуршеты, - сказал Калиша. - Ешь все, что захочешь.

- Как Гензель и гребаная Гретель, - повторил Ники. Он сделал полуоборот, глядя на камеру в углу. - Возвращайся, Норма. Я думаю, мы готовы.

Она тут же вернулась, что только усилило ощущение нереальности происходящего. Но когда принесли его крылышки и китайское рагу, он набросился на еду от всей души. Он находился в незнакомом месте, боялся за себя и боялся того, что могло случиться с его родителями, но ему было всего двенадцать.

Растущий организм.

6

Должно быть, они наблюдали, кем бы ни были эти *они*, потому что Люк едва успел доесть последний кусочек своего пирожного с заварным кремом, как рядом с ним появилась женщина, одетая в другую розовую униформу. *Глэдис*, - гласило имя на её бейдже.

- Люк? Пожалуйста, иди за мной.

Он посмотрел на остальных четверых. Калиша и Айрис не смотрели ему в глаза. Ники смотрел на Глэдис, скрестив руки на груди и слегка улыбаясь.

- Почему бы тебе не прийти попозже, дорогая? Как на Рождество. Я трахну тебя под омелой.

Она не обратила на него внимания.

- Люк? Пожалуйста, пойдем.

Джордж был единственным, кто смотрел прямо на него, и то, что Люк увидел на его лице, заставило его вспомнить о том, что он сказал перед тем, как они зашли с детской площадки: *Сам выбирай, за что сражаться.* Он поднялся.

- Увидимся позже, ребята. Я так думаю.

Калиша беззвучно прошептала ему слова: *Уколы для точек*.

Глэдис была небольшой и хорошенькой, но, согласно тому, что Люк уже успел узнать, владела черным поясом, и легко могла бросить его через плечо, если бы он доставил ей какие-нибудь неприятности. Даже если это и не было правдой, *они* наблюдали, и он не сомневался, что подкрепление появится незамедлительно. Тут наверняка были ребята и помощнее. Его учили быть вежливым и повиноваться старшим. Даже в этой ситуации от этих привычек было трудно избавиться.

Глэдис провела его мимо ряда окон, о которых упоминал Ники. Люк выглянул наружу, и да, там было еще одно здание. Он едва разглядел его сквозь деревья, но оно там было. Задняя Половина.

Он оглянулся через плечо, прежде чем покинуть кафешку, надеясь хоть на какое-то утешение - взмах руки или даже улыбку Калиши. Не никто не махал, и никто не улыбался. Они смотрели на него так же, как на детской площадке, когда он спросил, живы ли их родители. Может быть, они об этом и не знали, не были уверены, но они точно знали, куда он сейчас направлялся. Чем бы это ни было, они уже через это прошли.

7

- Боже, какой же чудесный денек, не так ли? - Сказала Глэдис, ведя его по шлакоблочному коридору мимо его комнаты. Коридор продолжался в другом крыле - больше дверей, больше комнат - но они повернули налево, в пристройку, которая, как оказалось, была фойе перед лифтом.

Люк, обычно умевший поддерживать приятную беседу, ничего не говорил. Он был почти уверен, что именно так поступил бы в этой ситуации Ники.

- Кругом насекомые... уф! - Она отмахнулась от невидимых насекомых и засмеялась. - Ты должен пользоваться репеллентом, по крайней мере, до июля.

- Когда вылупятся стрекозы.

- Да! Вот именно! - Она рассмеялась звонкой трелью.

- Куда мы едем?

- Увидишь. - Она пошевелила бровями, как бы говоря: *не порть сюрприз.*

Двери лифта открылись. Двое мужчин в синих рубашках и брюках вышли из кабины. Один был *Джо*, другой *Хадад*. У обоих были айпады.

- Привет, ребята, - весело сказала Глэдис.

- Привет, сестричка, - сказал Хадад. - Как дела?

- Отлично, - прощебетала Глэдис.

- А как насчет тебя, Люк? - Спросил Джо. - Привыкаешь?

Люк ничего не ответил.

- Играешь в молчанку, да? - Хадад ухмыльнулся. - Пока это нормально. Но, позже, может быть, нормой уже не будет. Послушай меня, Люк - относись к нам хорошо, и мы будем также к тебе относиться.

- Плыви по течению, - добавил Джо. - Мудрый совет. Увидимся позже, Глэдис?

- Будь уверен. Ты должен мне выпивку.

- Как скажешь.

Мужчины продолжили свой путь. Глэдис проводила Люка в лифт. Там не было ни цифр, ни кнопок. Она произнесла *Б*[75], затем достала из кармана брюк карточку и помахала ею перед сенсором. Двери захлопнулись. Кабина опустилась, но недалеко.

- *Б*, - пропел мягкий женский голос сверху. - Это *Б*.

Глэдис снова помахала карточкой. Двери открылись, и Люк увидел широкий зал, освещенный полупрозрачными потолочными панелями. Играла тихая музыка, которую Люк всегда считал музыкой из супермаркета. Несколько человек куда-то шли, некоторые толкали тележки с оборудованием, один нес проволочную корзину, которая могла содержать образцы крови. Двери были помечены цифрами, на каждой из которых стояла буква *Б*.

Серьезная операция сказал Ники. *Комплекс*. Это должно быть верно, потому что если есть подземный Уровень Б, значит, должен быть и Уровень В. Может быть, даже *Г* и *Д*. *Можно ответственно заявлять, что это правительственное учреждение*, подумал Люк, *но как они могут держать подобную операцию в таком большом секрете? Она ведь не только незаконная и неконституционная, но еще и связана с похищением детей.*

Они миновали открытую дверь, и внутри Люк увидел нечто похожее на комнату отдыха. Там были столики и торговые автоматы (никаких табличек с надписью: пожалуйста, пейте ответственно). За одним из столиков сидели трое - мужчина и две женщины. Они были одеты в обычную одежду, джинсы и рубашки на пуговицах, и пили кофе. Одна из женщин, блондинка, показалась ему знакомой. Сначала он не понял почему, но потом вспомнил голос, говоривший *Конечно, как скажешь*. Это было последнее, что он услышал перед тем, как проснуться здесь.

- Ты, - сказал он и указал на нее. - Это была ты.

Женщина ничего не произнесла, и на ее лице ничего не отразилось. Но она все же на него посмотрела. Она все еще смотрела на него, когда Глэдис закрыла дверь.

- Это была она, - сказал Люк. - Я знаю, что это была она.

- Потерпи, - сказала Глэдис. - Это не займет много времени, а потом ты сможешь вернуться в свою комнату. Ты, наверное, хочешь отдохнуть. Первые дни очень утомительны.

- Ты меня слышишь? Это она вошла в мою комнату. Она брызнула чем-то мне в лицо.

Никакого ответа, только улыбка. Каждый раз, когда Глэдис её выдавала, Люку становилось немного жутковато.

Они подошли к двери с табличкой Б-31.

- Веди себя прилично, и получишь пять жетонов, - сказала она. Она сунула руку в карман и вытащила пригоршню металлических кружочков, похожих на четвертаки, только с рельефными треугольниками по бокам. - Видишь? Вот они.

Она постучала в дверь костяшками пальцев. Человека в синем, открывшего дверь, звали *Тони*. Он был высоким и светловолосым, красивым, если не считать одного слегка прищуренного глаза. Люк подумал, что он похож на злодея из фильма о Джеймсе Бонде, возможно, на учтивого горнолыжного инструктора, который оказался убийцей.

- Привет, красотка. - Он поцеловал Глэдис в щеку. - И ты, Люк. Привет, Люк. - Он протянул руку. Люк, в стиле Ники Уилхольма, не стал её пожимать. Тони рассмеялся, как будто это была чрезвычайно хорошая шутка. - Входите, входите.

Похоже, приглашение предназначалось только ему. Глэдис легонько толкнула его в плечо и закрыла дверь. То, что Люк увидел посреди комнаты, настораживало. Это было похоже на кресло дантиста. Вот только он никогда не видел ни одного с ремнями на подлокотниках.

- Садись, Чемпион, - сказал Тони. Не Спортсмен, подумал Люк, но близко.

Тони подошел к стойке, открыл нижний ящик и порылся в нем. Он что-то насвистывал. Когда он повернулся, в одной руке у него было что-то похожее на маленький паяльник. Казалось, он удивился, увидев, что Люк все еще стоит в дверях. Тони ухмыльнулся. - Садись, я сказал.

- Что ты собираешься этим делать? Набивать мне татуировку? - Он подумал о евреях, которым по прибытии в Освенцим или Берген-Бельзен набивали на руках номера. Должно быть совершенно нелепая идея, но...

Тони удивился, потом рассмеялся.

- Черт возьми, нет. Я просто собираюсь вживить тебе чип в мочку уха. Это все равно, что сделать прокол для сережки. Ничего страшного, все наши гости их имеют.

- Я не гость, - сказал Люк, отступая назад. - Я пленник. И ты ничего мне в ухо не вставишь.

- А мне кажется, что вставлю, - сказал Тони, по-прежнему ухмыляясь. Он все еще был похож на парня, который помогал маленьким детям на склонах Банни, прежде чем попытаться убить Джеймса Бонда ядовитым дротиком. - Послушай, это не больнее щипка. Так что облегчи задачу нам обоим. Садись в кресло, и через семь секунд все закончится. Глэдис даст тебе кучу жетонов, когда выйдешь. Будешь сопротивляться, все равно получишь чип, но уже без жетонов. Что скажешь?

- Я не сяду в это кресло. - Люк весь дрожал, но голос его звучал достаточно твердо.

Тони вздохнул. Он осторожно положил устройство для вставки чипов на стойку, подошел к Люку и упер руки в бока. Теперь он выглядел серьезным, почти печальным.

- Ты уверен?

- Да.

В ушах у него зазвенело от пощечины, едва он успел осознать, что правая рука Тони покинула его бедро. Люк отступил на шаг и уставился на здоровяка широко раскрытыми ошеломленными глазами. Когда ему было четыре или пять лет, отец однажды (мягко) отшлепал его за то, что он играл со спичками, но раньше ему никогда не давали пощечин. Его щека горела, и он все еще не мог поверить, что это произошло.

- Это было гораздо больнее, чем щипок мочки уха, - сказал Тони. Ухмылка исчезла. - Хочешь еще? Рад услужить. Вы, дети, думаете, что владеете миром. О Люди, люди.

Люк заметил небольшой синий синяк на подбородке Тони и небольшой порез на левой челюсти. Он вспомнил свежий синяк на лице Ники Уилхольма. Ему очень хотелось, чтобы у него хватило мужества сделать то же самое, но он этого не сделал. Если бы попытался, Тони, вероятно, гонял бы его пощечинами по всей комнате.

- Ты готов сесть в кресло?

Люк сел в кресло.

- Ты будешь хорошо себя вести, или мне воспользоваться ремнями?

- Я буду хорошо себя вести.

Он так и сделал, и Тони был прав. Щипок за мочку уха был не так страшен, как пощечина, возможно, потому, что он был к этому готов, возможно, потому, что это было похоже на медицинскую процедуру, а не на нападение. Когда все было готово, Тони подошел к стерилизатору и достал шприц для подкожных инъекций.

- Второй раунд, Чемпион.

- А там что? - Спросил Люк.

- Не твое собачье дело.

- То, что в меня вливается, как раз *моё* собачье дело.

Тони вздохнул.

- Ремни или без ремней? Выбор за тобой.

Он вспомнил, как Джордж говорил: *сам выбирай, за что сражаться*.

- Никаких ремней.

- Молодец. Просто небольшой укус и готово.

Это было больше, чем простой укус. Не агония, но все равно довольно сильное пекло. Рука Люка стала горячей до самого запястья, как будто у него была лихорадка в этой части тела, а затем он снова почувствовал себя нормально.

Тони наложил пластырь на место укола, затем развернул кресло так, чтобы оно стояло лицом к белой стене. - А теперь закрой глаза.

Люк закрыл.

- Ты что-нибудь слышишь?

- Что, например?

- Перестань задавать вопросы и отвечай на мои. Ты что-нибудь слышишь?

- Помолчи и дай мне послушать.

Тони молчал. Люк прислушался.

- Кто-то прошел мимо нас по коридору. Кто-то смеется. Я думаю, это Глэдис.

- И больше ничего?

- Нет.

- Ладно, ты хорошо справляешься. Теперь я хочу, чтобы ты сосчитал до двадцати и открыл глаза.

Люк сосчитал и открыл.

- Что ты видишь?

- Стену.

- И больше ничего?

Люк подумал, что Тони почти наверняка говорит о точках. *Если ты их увидишь, скажи*, - сказал ему Джордж. - *Если нет, так и скажи. Не ври. Они узнают*.

- Больше ничего.

- Точно?

- Да.

Тони хлопнул его по спине, заставив Люка подпрыгнуть.

- Ладно, чемпион, мы закончили. Я дам тебе лед для уха. Для тебя сегодня великий день.

8

Глэдис ждала, когда Тони вывел его из комнаты Б-31. Она улыбалась своей жизнерадостной улыбкой профессиональной стюардессы.

- Как дела, Люк?

За него ответил Тони.

- Он отлично справился. Хороший ребенок.

- Это то, на чем мы специализируемся, - почти пропела Глэдис. - Всего хорошего, Тони.

- И тебе тоже, Глэд.

Она повела Люка обратно к лифту, весело щебеча. Он понятия не имел, о чем она говорит. Рука у него болела совсем чуть-чуть, и он прижимал к пульсирующему уху холодный компресс. Но пощечина была хуже всего. По самым разным причинам.

Глэдис провела его по зеленому коридору мимо плаката, под которым сидела Калиша, мимо плаката Еще один день в раю и, наконец, до комнаты, которая выглядела как его комната, но таковой не была.

- Личное время! - Воскликнула она, словно вручая ему ценный приз. Прямо сейчас перспектива побыть в одиночестве казалась ему чем-то вроде приза. - Он сделал тебе укол, верно?

- Да.

- Если у тебя начнет болеть рука или ты почувствуешь слабость, скажи мне или кому-нибудь из других надзирателей, ладно?

- О'кей.

Он открыл дверь, но не успел войти, как Глэдис схватила его за плечо и развернула к себе. Она все еще улыбалась улыбкой стюардессы, но ее пальцы, вжимавшиеся в его плоть, были стальными. Сжала не настолько сильно, чтобы причинить боль, но достаточно сильно, чтобы дать ему понять, что она может причинить боль.

- Боюсь, никаких жетонов, - сказала она. - Мне не нужно даже обсуждать это с Тони. Эта отметина на твоей щеке говорит все, что мне нужно знать.

Люк хотел сказать: *мне не нужны твои дерьмовые жетоны*, но промолчал. И боялся он не очередной пощечины; он боялся, что звук его собственного голоса - слабого, нетвердого, сбитого с толку, голоса шестилетнего ребенка - заставит его перед ней сломаться.

- Позволь мне дать тебе совет, - сказала она. Теперь уже не улыбаясь. - Ты должен понять, что ты здесь на службе Родине, Люк. Это значит, что ты должен быстренько повзрослеть. А значит стать реалистом. Здесь с тобой многое случится. И некоторые вещи будут не очень хороши. Ты можешь быть хорошим Спортсменом и получать жетоны, или ты можешь быть плохим Спортсменом и не получать ничего. Но эти вещи будут происходить с тобой, так или иначе, так что сделай правильный выбор. Это ведь не трудно понять.

Люк ничего не ответил. Тем не менее, ее улыбка вернулась, улыбка стюардессы, в тот момент, когда она произносит: *О да, сэр, я сейчас провожу вас к вашему креслу*.

- Ты вернешься домой еще до конца лета, и все будет так, как будто ничего и не было. Если ты вообще что-то вспомнишь об этом, это будет больше похоже на сон. Но пока это *не сон*, почему бы не сделать твое пребывание здесь безоблачным? - Она ослабила хватку и легонько толкнула его. - Думаю, тебе нужно немного отдохнуть. Полежать. Ты видел точки?

- Нет.

- Еще увидишь.

Она очень осторожно закрыла дверь. Люк как во сне пересек комнату и подошел к кровати, которая не была его кроватью. Он лег, положил голову на подушку, которая не была его подушкой, и

уставился на глухую стену, где не было окна. И никаких точек - чем бы они ни были. Он подумал: *Я хочу к маме. О Боже, как же сильно я хочу к маме.*

И это его сломало. Он уронил пакет со льдом, закрыл глаза руками и заплакал. Они следили за ним? Слушали его рыдания? Это не имело значения. Ему хотелось материнской ласки. И когда он заснул, слезы на его глазах еще не просохли.

9

Он проснулся, чувствуя себя немного лучше - как будто каким-то образом сумел очиститься. И увидел, что пока он обедал, а затем встречался со своими новыми замечательными друзьями Глэдис и Тони, в его комнате появились две вещи. На столе стоял ноутбук. Это был *Мак*, такой же, как у него, но более старой модели. Другим новшеством был маленький телевизор на подставке, стоящий в углу.

Первым делом он подошел к компьютеру и включил его, снова почувствовав глубокую тоску по дому при звуке такого привычного *Макинтошевского* колокольчика. Вместо запроса пароля перед ним появился синий экран с сообщением: покажите на камеру один жетон для открытия. Люк пару раз стукнул по клавише вВОД, понимая, что ничего путного из этого не выйдет.

- Чертова тварь.

Потом, несмотря на то, что все это было ужасно и нереально, он рассмеялся. Смех был резким и кратким, но искренним. Испытывал ли он некое чувство превосходства - может быть, даже презрения - при мысли о детях, выпрашивающих жетоны, чтобы купить спиртное или сигареты? Конечно же, да. Думал ли он: *Я никогда до этого не опущусь?* Конечно же, да. Когда Люк думал о детях, которые пили и курили (что бывало очень редко; у него на повестке дня были более важные вещи), то ему всегда представлялись готы-неудачники, которые слушали *Пантеру*[76] и рисовали кривые дьявольские рога на своих джинсовых куртках, неудачники настолько тупые, что ошибочно принимали обертывание в цепи за акт протеста. Он не мог себе представить, что окажется на их месте, но вот он здесь, смотрит на пустой синий экран ноутбука и нажимает клавишу ВВОД, как крыса в Ящике Скиннера[77], стучащая по рычагу в ожидании кусочка мяса или нескольких крупинок кокаина.

Он закрыл ноутбук и схватил пульт от телевизора. Он ожидал увидеть еще один синий экран и сообщение, говорящее, что ему нужен жетон или жетоны, чтобы воспользоваться телевизором, но вместо этого перед ним возник Стив Харви[78], беседующий с Дэвидом Хассельхоффом[79] о предсмертном списке желаний Хоффа. Зрители смеялись над его забавными ответами.

Нажатие кнопки ГИД на пульте дистанционного управления привело к появлению меню Дайрек ТиВи[80], похожего на меню в домашнем телевизоре, но, как и в случае с комнатой и ноутбуком, бывшем не совсем тем же самым. И хотя там представлялся широкий выбор фильмов и спортивных программ, но не было никакой Сети или новостных каналов. Люк выключил телевизор, положил пульт на место и огляделся.

Кроме той, что вела в коридор, было еще две двери. Одна открывала шкаф. Там были джинсы, футболки (никто не пытался в точности скопировать те, что были у него дома, и это было своего рода облегчение), пара рубашек на пуговицах, две пары кроссовок и одна пара тапочек. Жесткой обуви не было.

Другая дверь вела в маленькую, безупречно чистую ванную комнату. На умывальнике, рядом со свежим тюбиком *Крест*[81], лежала пара зубных щеток, все в футлярах. В хорошо укомплектованной аптечке он нашел ополаскиватель для рта, бутылочку детского *Тайленола* с четырьмя таблетками внутри, дезодорант, мазь от насекомых, пластырь и несколько других предметов, некоторые из которых были более полезными, чем другие. Единственной вещью, которую можно было считать хотя бы отдаленно опасной, была пара кусачек для ногтей.

Он захлопнул аптечку и посмотрел на себя. Его волосы были всклокочены, а вокруг глаз появились темные круги (круги драчуна, как назвал бы их Рольф). Он выглядел одновременно старше и моложе, что было странно. Он всмотрелся в свою нежную мочку правого уха и увидел один из тех крошечных металлических кружочков, вживленных в слегка покрасневшую кожу. Он не сомневался, что где-то на Уровне Б - или Уровне В, или Г - есть компьютерный техник, который теперь может отслеживать каждое его перемещение. Возможно, он и сейчас следил за ним. Лукас Дэвид Эллис, который планировал поступить в

Массачусетский технологический институт и Эмерсон, превратился в мигающую точку на экране компьютера.

Люк вернулся в свою комнату (*комната*, сказал он себе, это просто *комната*, а не *моя* комната), огляделся и осознал ужасную вещь. Тут не было книг. Ни одной. Это было так же плохо, как и отсутствие компьютера. А может быть, и хуже. Он подошел к комоду и открыл один за другим все ящики, думая, что, по крайней мере, сможет найти *Библию* или *Книгу Мормона*, как иногда это было в гостиничных номерах. Он обнаружил только аккуратные стопки белья и носков.

Что же тогда оставалось? Стив Харви берущий интервью у Дэвида Хассельхоффа? Повторы самых смешных домашних видео Америки?

Нет. Ни в коем случае.

Он вышел из комнаты, думая, что Калиша или кто-то из ребят может быть рядом. Вместо них он увидел Морин Элворсон, которая медленно катила по коридору свою корзину для белья *Дандукс*. Она была завалена сложенными простынями и полотенцами. Морин выглядела более усталой, чем когда-либо, и казалась запыхавшейся.

- Здравствуйте, мисс Элворсон. Могу я вам помочь?

- Это было бы очень любезно, - сказала она с улыбкой. - У нас скоро появится пятеро новичков, - двое сегодня вечером и трое завтра, - и мне нужно подготовить комнаты. Они в той стороне. - Она указала в противоположном направлении от комнаты отдыха и игровой площадки.

Он неспешно толкал корзину, потому что Морин шла медленно.

- Полагаю, вы не знаете, как я могу заработать жетон, Мисс Элворсон? Мне нужен один, чтобы разблокировать компьютер в моей комнате.

- Ты сможешь застелить постель, если я буду стоять рядом и давать тебе указания?

- Конечно. Я сам застилаю постель у себя дома.

- С больничным уголком?

- Ну… нет.

- Ничего, я тебя научу. Застели для меня пять кроватей, и я дам тебе три жетона. Это все, что у меня есть в кармане. Они держат меня на коротком поводке.

- Три это было бы здорово.

- Ладно, но прекрати называть меня Мисс Элворсон. Зови меня Морин или просто Мо. Так же, как и другие дети.

- Постараюсь, - сказал Люк.

Они миновали пристройку с лифтом, и вышли в коридор. Он был увешан еще более вдохновляющими плакатами. Там стоял автомат со льдом, как в коридоре какого-то мотеля, и он, казалось, не брал жетоны. Пройдя мимо автомата, Морин положила руку на плечо Люка. Он перестал толкать корзину и вопросительно на нее посмотрел.

Когда она заговорила, ее голос был чуть громче шепота.

- Я вижу, тебе вживили чип, но жетонов ты не получил.

- Ну…

- Ты можешь говорить свободно, если будешь говорить тише. Здесь полдюжины мест, куда их чертовы микрофоны не достают, мертвые зоны, и я их все знаю. Здесь одно из них, прямо возле этого автомата со льдом.

- О'кей...

- Кто вживил тебе чип и поставил отметину на лице? Это был Тони?

Глаза Люка загорелись, но он не решился проговорить вслух, было ли это безопасно или нет. Он только кивнул.

- Он один из самых злых, - сказала Морин. - Как и Зик. Еще Глэдис, не смотря на то, что она постоянно улыбается. Здесь работает много людей, которые любят помыкать детьми, но эти трое - худшие.

- Тони дал мне пощечину, - прошептал Люк. - Сильную.

Она взъерошила ему волосы. Это было то, что дамы обычно делают с младенцами и маленькими детьми, но Люк не возражал. К нему прикасались с добротой, и сейчас это многое значило. Сейчас это значило практически все.

- Делай, что он говорит, - сказала Морин. - Не спорь с ним, мой тебе совет. Здесь есть люди, с которыми можно поспорить, можно даже поспорить с Миссис Сигсби, правда много пользы это тебе не принесет, но Тони и Зик - два дурных шмеля. И Глэдис тоже. Они больно *жалят*.

Она снова двинулась по коридору, но Люк схватил ее за рукав коричневой униформы и потащил обратно в безопасное место.

- Кажется, Ники ударил Тони, - прошептал он. - У него был порез и синяк под глазом.

Морин улыбнулась, показав зубы, которые, похоже, давно пора было чистить.

- Рада за Ника, - сказала она. - Тони, наверное, отплатил ему вдвойне, но все же... я рада. А теперь пошли. С твоей помощью мы сможем подготовить эти комнаты в мгновение ока.

В первой из них на стенах висели плакаты с изображением Томми Пиклза и Зуко[82] - Никелодеоновских персонажей, а на прикроватном столике стоял целый взвод фигурок Джи-Ай-Джо[83]. Люк сразу узнал нескольких из них, не так давно пройдя через свою собственную фазу Джи-Ай-Джо. На обоях были изображены счастливые клоуны с воздушными шарами.

- Срань господня, - сказал Люк. - Это комната совсем маленького ребенка.

Она бросила на Люка удивленный взгляд, как бы говоря: *Не быть тебе Мафусаилом*[84].

- Совершенно верно. Его зовут Эйвери Диксон, и, судя по моим записям, ему всего десять лет. Давай приступим к работе. Бьюсь об заклад, мне нужно только один раз показать тебе, как делать больничный уголок. Ты выглядишь как ребенок, который все схватывает на лету.

10

Вернувшись в свою комнату, Люк поднес один из своих жетонов к камере ноутбука. Он чувствовал себя немного глупо, делая это, но компьютер сразу же включился, сначала показав синий экран с сообщением: **добро пожаловать Донна**! Люк нахмурился, потом слегка улыбнулся. В какой-то момент до его приезда этот компьютер принадлежал (или был взят во временное пользование) кому-то по имени Донна. Окно приветствия никто не изменил. Кто-то облажался. Всего лишь крошечный промах, но там, где был один, могли быть и другие.

Приветственное сообщение исчезло, и появилось стандартное изображение рабочего стола: пустынный пляж под рассветным небом. Панель задач в нижней части экрана была похожа на ту, что была на его домашнем компьютере, с одним ярким (но на данный момент неудивительным) отличием: не было маленькой почтовой марки -

ярлыка электронной почты. Были, однако, ярлыки двух интернет-провайдеров. Это его слегка удивило, но сюрприз был приятным. Он открыл *Файрфокс* и набрал *AOL*[85] *log-in*. Синий экран вернулся, на этот раз с пульсирующим красным кругом посередине.

- Извини, Дэйв, - произнес мягкий компьютерный голос, - боюсь, я не могу этого сделать.

На мгновение Люк подумал, что это еще один промах - сначала Донна, потом Дэйв - прежде чем понял, что это голос Хала 9000 из *Космической одиссеи 2001 года*[86]. Не чудачество, а просто вспышка черного юмора, учитывая сложившиеся обстоятельства, столь же смешная, как резиновый костыль для хромого.

Он погуглил *Герберт Эллис* и снова услышал Хала. Люк задумался, потом погуглил *Орфеум-Театр* на Хеннепине, но не потому, что собирался посмотреть там шоу (да и где-нибудь вообще в ближайшем будущем, как ему казалось), а потому, что хотел знать, к какой информации он *может* получить доступ. Должно было быть хоть что-то, иначе, зачем вообще ему предоставлять выход в сеть?

Орф, как называли его родители, казалось, был одним из сайтов, одобренных для “гостей” Института. Его проинформировали, что *Гамильтон* возвращается (“По многочисленным просьбам!”), и что Паттон Освальт будет здесь в следующем месяце (“Стороны договорились!”). Он погуглил *Школа Бродерика* и без проблем получил доступ к их веб-сайту. Он попытался выйти на Мистера Грира, своего школьного психолога, и вновь услышал Хала. Он начинал понимать причины глубокого разочарования доктора Дейва Боумана[87].

Он начал было закрывать поисковик, потом передумал и ввел в поле поиска *Полиция штата Мэн*. Его палец завис над кнопкой ВВОД, почти нажал ее, а затем был убран. Он наверняка услышит бессмысленные извинения Хала, но Люк сомневался, что на этом все закончится. Вполне вероятно, что на одном из нижних уровней тут же сработает сигнализация. Да вероятность была сто процентов. *Они* могли забыть изменить имя ребенка на приветственном окне компьютера, но они вряд ли забудут установить программу, оповещающую их, если ребенок из Института попытается связаться с властями. И за этим последует наказание. Наверняка, большее, чем

простая пощечина. Компьютер, который раньше принадлежал кому-то по имени Донна, был бесполезен.

Люк откинулся на спинку стула и скрестил руки на узкой груди. Он подумал о Морин, о том, как дружелюбно она взъерошила его волосы. Всего лишь небольшое, рассеянное проявление доброты, но это (и жетоны) сняло часть проклятия от пощечины Тони. Неужели Калиша сказала, что женщина задолжала сорок тысяч долларов? Нет, скорее в два раза больше.

Отчасти из-за дружеского прикосновения Морин, а отчасти просто чтобы скоротать время, Люк погуглил *Я погряз в долгах, пожалуйста, помогите*. Компьютер немедленно выдал ему доступ ко всем видам информации на эту тему, включая объявления ряда компаний, которые заявляли, что закрыть эти надоедливые счета будет так же легко, как съесть пирог с черникой; все, что нужно - это сделать один телефонный звонок. Люк в этом сильно сомневался, но предполагал, что некоторые люди могут на это клюнуть; именно таким образом они частенько проникали в головы и кошельки легковерных.

Морин Элворсон не принадлежала к их числу, по крайней мере, если верить Калише. Она сказала, что именно *муж* Морин перед тем как податься в бега набрал кредитов. Может быть, это было правдой, а может быть, и нет, но, как бы там ни было, решение проблемы можно найти. Так было практически всегда и со всем; находить подходящие решения - вот главный элемент познания. Может быть, в конце концов, компьютер не был так уж бесполезен.

Люк обратился к источникам, которые выглядели наиболее надежными, и вскоре углубился в темы долгов и их погашения. Им овладела старая добрая жажда к *знаниям*. Узнать и впитать что-то новое. Выделить и понять ключевые вопросы. Как всегда, каждая порция информации приводила к появлению еще трех (или шести, или двенадцати), и, в конце концов, начинала вырисовываться связная картина. Своего рода карта местности. Самая интересная концепция - стержень, к которому были привязаны все остальные, - была простой, но ошеломляющей (по крайней мере, для Люка). Долг был *товаром*. Его покупали и продавали, и в какой-то момент он стал центром не только американской экономики, но и мировой. Это была не какая-то конкретная вещь, как газ, золото или алмазы; это было всего лишь понятие. Обязательство заплатить.

Когда просигналил зуммер компьютера, он покачал головой, словно мальчик, очнувшийся от яркого сна. Судя по часам на мониторе, было почти 5 вечера. Он нажал на значок воздушного шара в нижней части экрана и прочитал:

Миссис Сигсби: Здравствуйте, Люк, я руковожу этим заведением и хотела бы вас видеть.

Он задумался, потом напечатал:

Люк: У меня есть выбор?

Ответ пришел сразу же:

Миссис Сигсби: Нет. ☺

- Возьми свой смайлик и засунь себе в…

В дверь постучали. Он подошел, ожидая увидеть Глэдис, но на этот раз это был Хадад, один из парней из лифта.

- Не хочешь прогуляться, здоровяк?

Люк вздохнул.

- Дай мне секундочку. Мне нужно надеть кроссовки.

- Нет проблем.

Хадад подвел его к двери за лифтом и открыл ее ключом-картой. Они вместе прошли небольшое расстояние до административного здания, отмахиваясь от насекомых.

11

Миссис Сигсби напомнила Люку старшую сестру его отца. Как и тетя Рода, эта женщина была худой, с узкими бедрами и небольшим намеком на грудь. Только вокруг рта тети Роды были морщинки от улыбки, а в глазах всегда светилась теплота. Она была большой любительницей обнимашек. Люк подумал, что стоящая у стола женщина в сливовом костюме и туфлях на каблуках вряд ли его обнимет. Она могла бы улыбнуться, но это был бы лицевой эквивалент трехдолларовой купюры. В глазах Миссис Сигсби он увидел внимательную оценку и больше ничего. Вообще ничего.

- Спасибо, Хадад, дальше я сама.

Лаборант - Люк предположил, что Хадад занимает именно эту должность - почтительно кивнул и вышел из кабинета.

- Начнем с чего-нибудь очевидного, - сказала она. - Мы одни. Я провожу десять минут или около того наедине с каждым новичком вскоре после их прибытия. Некоторые из них, дезориентированные и злые, пытались на меня напасть. Я не корю их за это. С чего бы, ради

всего святого? Самым старшим из вас шестнадцать, а средний возраст - одиннадцать лет и шесть месяцев. Иными словами, дети и в лучшие времена плохо контролируют свои импульсы. Я рассматриваю такое агрессивное поведение как поучительный момент... и преподаю им урок. Мне нужно будет преподавать урок тебе, Люк?

- Не нужно, - сказал Люк. Он подумал, не был ли Ники одним из тех, кто пытался поднять руку на эту аккуратную маленькую женщину. Может быть, позже он об этом спросит.

- Хорошо. Присаживайся, пожалуйста.

Люк занял стул перед ее столом, наклонившись вперед и крепко зажав руки между коленями. Миссис Сигсби сидела напротив, ее взгляд был взглядом директрисы, которая не потерпит никаких глупостей. Кто относится к глупостям очень сурово. Люк никогда не встречал взрослых, не знающих жалости, но сейчас ему показалось, что он лицом к лицу столкнулся с таковым. Это была пугающая мысль, и его первым порывом было отвергнуть ее как нелепую. Он подавил этот порыв. Лучше верить в то, что он здесь в полной изоляции и без защиты. Лучше - безопаснее - верить в то, что она именно та, за кого он ее принимает, если только на поверку она не окажется другой. Ситуация была дрянь; в этом не было никаких сомнений. Самообман - самая большая ошибка, которую он мог совершить.

- У тебя появились друзья, Люк. Это хорошо, хорошее начало. Ты встретишь и других детей во время твоего пребывания в Передней Половине. Двое из них, мальчик по имени Эйвери Диксон и девочка по имени Хелен Симмс, только что прибыли. Сейчас они спят, но ты скоро с ними познакомишься, может быть, еще до отбоя, который у нас в десять часов. Хотя Эйвери может проспать всю ночь. Он довольно молод и наверняка, когда проснется, будет в подавленном эмоциональном состоянии. Я надеюсь, что ты возьмешь его под свое крыло, как, я уверен, и Калиша, и Айрис и Джордж. Возможно, даже Ник, хотя никогда точно не знаешь, как Ник отреагирует. Включая самого Ника, как я думаю. Помогая Эйвери адаптироваться к его новой ситуации, ты заработаешь жетоны, которые, как ты уже знаешь, являются основным платежным средством здесь, в Институте. Все зависит только от тебя, но мы тоже будем наблюдать.

Я знаю, так и будет, подумал Люк. *И слушать. За исключением нескольких мест, где вы не можете этого делать, если*

предположить, что Морин не врет.

- Твои друзья дали тебе определенную информацию, кое-что из неё верно, некоторое - лютая дичь. То, что я тебе сейчас скажу, - абсолютная правда, так что слушай очень внимательно. - Она наклонилась вперед, положив руки на стол и не сводя с него глаз. - Твои уши открыты, Люк? Потому что я, как говорится, не жую свою капусту дважды.

- Да.

- Да, что? - Бросила она ему, хотя ее лицо при этом осталось таким же спокойным, как обычно.

- Уши открыты. Мозг сосредоточен.

- Отлично. Ты проведешь определенное количество времени в Передней Половине. Это может быть десять дней, это может быть две недели, это может быть месяц, хотя очень немногие из наших призывников остаются здесь так долго.

- Призывники? Вы хотите сказать, что меня призвали?

Она коротко кивнула.

- Именно это я и хочу сказать. Идет война, и ты призван служить своей стране.

- Это все потому, что время от времени я могу передвинуть стакан или книгу, не прикасаясь к ней? Полная хре…

- *Закрой рот!*

Люк был потрясен этим почти так же, как и ударом Тони наотмашь.

- Когда я говорю, ты слушаешь. И не перебиваешь. Все ясно?

Не доверяя своему голосу, Люк только кивнул.

- Это не гонка вооружений, а гонка *умов*, и если мы проиграем, последствия будут более чем ужасными, они будут невообразимыми. Тебе только двенадцать, но ты солдат в необъявленной войне. То же самое относится к Калише и остальным. Тебе это нравится? Конечно же, нет. Призывникам никогда это не нравится, и призывников иногда нужно учить, что есть последствия за невыполнение приказов. Я полагаю, что ты уже получил один урок. Если ты так умен, как говорят наши записи, возможно, еще один тебе не понадобится. Если же ты попытаешься снова, ты его получишь. Это не твой дом. Это не твоя школа. Тебе не просто дадут дополнительную *работу* или отправят в

кабинет директора или оставят *после занятий*; ты будешь *наказан*. Понятно?

- Да. - Жетоны для хороших мальчиков и девочек, пощечины для тех, кто был плохим. Или что-то еще похуже пощечин. Концепция была пугающей, но простой.

- Тебе сделают несколько инъекций. И поставят несколько опытов. Твое физическое и психическое состояние будет контролироваться. Ты в конечном итоге окажешься в том, что мы называем Задней Половиной, и там тебе будут предоставлены определенные услуги. Твое пребывание в Задней Половине может продлиться до шести месяцев, хотя средняя продолжительность активной службы составляет всего шесть недель. После чего твои воспоминания будут стерты, и тебя отправят домой к родителям.

- Они живы? Мои родители живы?

Она рассмеялась, и смех ее прозвучал на удивление весело.

- Конечно же, они живы. Мы не убийцы, Люк.

- Тогда я хочу с ними поговорить. Дайте мне поговорить с ними, и я сделаю все, что вы захотите. - Слова вырвались прежде, чем он понял, какое опрометчивое это было обещание.

- Нет, Люк. У тебя до сих пор нет четкого понимания происходящего. - Она откинулась назад. Руки снова легли на стол. - Это не переговоры. Ты сделаешь все, что мы захотим, по-любому. Поверь мне, и ты избавишь себя от большой боли. Ты не будешь иметь никакого контакта с внешним миром во время пребывания в Институте, включая твоих родителей. Ты будешь подчиняться всем приказам. Ты будешь соблюдать все протоколы. И, за некоторыми исключениями, вряд ли ты найдешь приказы трудными или протоколы обременительными. Твое время здесь пробежит очень быстро, и когда ты нас покинешь, когда ты одним прекрасным утром проснешься в своей собственной спальне, все будет как раньше. Самое печальное - я так думаю, во всяком случае, - что ты даже не будешь помнить, что тебе выпала великая честь послужить своей стране.

- Не понимаю, как это возможно, - сказал Люк. Он говорил больше с самим собой, чем с ней, что было ему свойственно, когда что-то - физическая проблема, картина Мане, краткосрочные и долгосрочные последствия долгов - полностью занимало его внимание. - Так много людей меня знают. Школа... люди, с которыми

работают мои родители... мои друзья... вы не можете *всем* им стереть воспоминания.

Она не рассмеялась, но улыбнулась.

- Я думаю, ты будешь очень удивлен тем, что мы можем сделать. Мы закончили. - Она встала, обошла стол и протянула ему руку. - Было очень приятно с тобой познакомиться.

Люк тоже встал, но не взял ее за руку.

- Пожми мне руку, Люк.

Часть его этого хотела, старые привычки было трудно сломать, но он держал руку на бедре.

- Пожми её, а не то пожалеешь. Говорю тебе последний раз.

Он понял, что она не шутит, и пожал ей руку. Она держала его руку в своей. И хотя она не сжимала её, он мог сказать, что ее рука была очень сильной. Она пристально посмотрела ему в глаза.

- Мы можем случайно встретиться с тобой, как говорится, по всему кампусу, но, надеюсь, это будет твой единственный визит в мой офис. Если тебя снова сюда приведут, наша беседа наверняка будет менее приятной. Понимаешь?

- Да.

- Хорошо. Я знаю, что для тебя сейчас темное время, но если будешь делать все, что тебе говорят, ты увидишь солнечный свет. Поверь мне на слово. Теперь иди.

Он вышел, снова чувствуя себя спящей красавицей или Алисой в кроличьей норе. Хадад болтал с секретаршей или помощницей Миссис Сигсби, или кем она там была, и ждал его.

- Я отведу тебя в твою комнату. Иди рядом со мной, понял? Никаких лишних телодвижений.

Они вышли, направились к главному зданию, и тут Люк остановился, почувствовав головокружение.

- Подожди, - сказал он. - Минуточку.

Он наклонился, обхватив руками колени. На мгновение перед его глазами заплясали разноцветные точки.

- Ты собираешься грохнуться в обморок? - Спросил Хадад. - Не так ли?

- Нет, - ответил Люк, - но, пожалуйста, дай мне несколько секунд.

- Не вопрос. Тебе делали укол?

- Да.

Хадад кивнул.

- С некоторыми детьми такое бывает. Запоздалая реакция.

Люк ожидал, что его спросят, не видит ли он пятен или точек, но Хадад просто ждал, насвистывая сквозь зубы и отмахиваясь от роящихся насекомых.

Люк подумал о холодных серых глазах Миссис Сигсби и ее категорическом отказе объяснить ему, как такое место как это может существовать без какой-либо формы... какой *термин* тут был бы уместен? Возможно, экстремальной выдачи. Словно она встретилась с ним только для того, чтобы объяснить банальное: сколько будет два плюс два.

Если будешь делать все, что тебе говорят, ты увидишь солнечный свет. Поверь мне на слово.

Ему было всего двенадцать, и он понимал, что его жизненный опыт ограничен, но в одном он был совершенно уверен: когда кто-то говорит “поверь мне”, он обычно лжет на голубом глазу.

- Чувствуешь себя лучше? Готов идти, сын мой?

- Да. - Люк выпрямился. - Но я не твой сын.

Хадад ухмыльнулся, сверкнув золотым зубом.

- В данный момент нет. Ты сын Института, Люк. Можешь расслабиться и привыкать к этому.

12

Как только они вошли в главное здание, Хадад вызвал лифт, сказал: “Увидимся позже, Аллигатор”, и исчез за дверьми. Люк пошел в свою комнату и увидел Ники Уилхольма, который сидел на полу напротив автомата со льдом и ел арахисовое масло. Над ним висел плакат, на котором были изображены два мультяшных бурундука из комиксов, с шариками, вылетающими из их ухмыляющихся ртов. Тот, что слева, говорил “Живи той жизнью, которую любишь!” Другой говорил: “Люби ту жизнь, которой живешь! ” Люк ошеломленно на него уставился.

- Каким термином ты мог бы охарактеризовать такой плакат в подобном месте, умник? - Спросил Ники. - Ирония, сарказм или чушь собачья?

- Всеми тремя, - сказал Люк и сел рядом.

Ники протянул пакетик *Ризи*[88].

- Хочешь?

Люк хотел. Он поблагодарил, снял мятую бумагу, в которой лежала конфета, и съел корзинку с арахисовым маслом за три быстрых укуса.

Ники наблюдал за ним, забавляясь.

- Ты получил свой первый укол, не так ли? Они пробуждают тягу к сладкому. Может, зверской тяги за ужином ты и не испытаешь, но обязательно съешь десерт. Гарантирую. Уже видел какие-нибудь точки?

- Нет. - Потом он вспомнил, как наклонился и схватился за колени, ожидая, когда пройдет головокружение. - Возможно. Что они такое?

- Лаборанты называют их “Огни Штази”. Они - часть подготовки. Мне сделали всего несколько уколов и на до мной не проводили никаких странных опытов, потому что я ТК-плюс. Так же, как и Джордж, и ТП-плюс Ша. Ты получаешь больше уколов и опытов, если ты *обычный*. - Он задумался. - Ну, никто из нас не *обычный*, иначе нас бы здесь не было, но ты понимаешь, что я имею в виду.

- Они пытаются усилить наши способности?

Ники пожал плечами.

- К чему они нас готовят?

- К тому, что происходит в Задней Половине. Как все прошло с королевой-сукой? Она произнесла речь о служении своей стране?

- Она сказала, что меня призвали. Я чувствую себя так, будто со мной поработал отряд вербовщиков. Еще в семнадцатом и восемнадцатом веках, когда капитаны нуждались в людях для управления своими кораблями…

- Я знаю, кто такие вербовщики, Люк. Знаешь ли, я посещал школу. И тут ты не ошибаешься. - Он встал. - Пойдем на игровую площадку. Дашь мне еще один урок по шахматам.

- Думаю, я хочу прилечь, - сказал Люк.

- Ты действительно выглядишь бледным. Но конфеты ведь помогли, верно? Признай.

- Да, - согласился Люк. - Что ты сделал, чтобы получить жетон?

- Ничего. Морин сунула мне один перед тем, как уйти со смены. Калиша права насчет нее. - Ники сказал это с большой неохотой. - Если и есть хороший человек в этом дерьмодворце, то это она.

Они подошли к двери Люка. Ники поднял кулак, и Люк стукнул по нему своим.

- Увидимся, когда брякнет динь-дон, умный мальчик. А пока держись бодрячком.

МОРИН И ЭЙВЕРИ

1

Люк погрузился в дремоту, перемежающуюся неприятными фрагментарными снами, и окончательно проснулся только тогда, когда прозвучал звонок, приглашающий на ужин. Он был рад его слышать. Ники ошибся: ему действительно хотелось кушать, но он жаждал не столько еды, сколько общения. Тем не менее, он задержался в столовой, чтобы убедиться, что остальные его не разыгрывают. И убедился. Рядом с автоматом для закусок стоял забитый под завязку винтажный диспенсер с сигаретами, на подсвеченном борде сверху диспенсера были изображены мужчина и женщина в маскарадных костюмах, которые курили на балконе и смеялись. Рядом с диспенсером располагался автомат, выдающий напитки для взрослых в маленьких бутылочках, которые некоторые склонные к алкоголизму детишки в *Броде* называли “самолетными сосками”. - За восемь жетонов можно было купить пачку сигарет, за пять - маленькую бутылочку ежевичного вина *Леру.* В другом конце комнаты стоял ярко-красный холодильник с *Колой*.

Чьи-то руки схватили его сзади и оторвали от пола. Люк удивленно вскрикнул, и тут же услышал голос Ники, смеющегося прямо в его ухо.

- Если ты нассал в штанишки, словно маленький мальчишка, то давай брат, не робей, попляши, коли не гей!

- Отпусти меня!

Вместо этого Ники начал раскачивать его из стороны в сторону.

- Люки-чики-пуки-дель-Люки! Трехного-трехпалый, кривоногий Люки!

В конце концов, он опустил Люка на землю, развернул его, поднял руки и начал вытанцовывать бугалу[89] под музыку, доносящуюся из динамиков над головой. Стоящие немного позади Калиша и Айрис смотрели на них с одинаковым выражением на лицах, как бы говорящим: *мальчишки есть мальчишки*. - Хочешь подраться, Люки? Трехного-трехпалый, кривоногий Люки?

- Засунь свой нос мне в задницу и понюхай, чем пахнет, - сказал Люк и засмеялся. Общение с Ники, подумал он, хорошее там у него настроение или плохое, заметно его *оживило*.

- Отлично, - сказал Джордж, протискиваясь между двумя девушками. - Я запомню это выражение и буду пользоваться им при каждом удобном случае.

- При условии, что я получу свои проценты, - сказал Люк.

Ники бросил танцевать.

- Я умираю с голоду, Марвин[90]. Пойдем, поедим.

Люк поднял крышку холодильника с *Колой*.

- Безалкогольные напитки, как я понимаю, бесплатные. Платить надо только за выпивку, сигареты и закуски.

- Ты все правильно понял, - сказала Калиша.

- И, гм... - Он указал на автомат с закусками. Большинство вкусняшек можно было купить за один жетон, но та, на которую он указывал, стоила шесть. - Это что…

- Ты хочешь спросить, настоящие ли это *Брауни*[91]? - Спросила Айрис. - Никогда не случалось попробовать, но почти уверена, что настоящие.

- Да, - сказал Джордж. - А мне случилось попробовать, но после них по телу пошла сыпь. У меня аллергия. Пойдемте, уже поедим.

Они сели за один стол. *Норму* сменила *Шерри*. Люк заказал панированные грибы, рубленый стейк с салатом и что-то, под названием *Ванильный крем-брюле*. Возможно, в этой зловещей стране чудес и были умные люди - например, Миссис Сигсби, которая явно дурочкой не была, - но тот, кто составлял меню, явно таковым не являлся. Или это был с его стороны своего рода интеллектуальный снобизм?

Люк решил, что ему все равно.

Они немного поговорили о своих школах, в которых учились до того, как их вырвали из нормальной жизни - обычных школах, насколько мог судить Люк, а не специальных, для одаренных детей, - и о своих любимых телепрограммах и фильмах. Все было хорошо, пока Айрис не подняла руку, чтобы погладить веснушчатую щеку, и Люк понял, что она плачет. Немного, совсем чуть-чуть, Но да, это были слезы.

- Сегодня никаких уколов, но у меня была эта чертова жопотемпература, - сказала она. Увидев озадаченное выражение на лице Люка, она улыбнулась, отчего по ее щеке скатилась еще одна слеза. - Они измеряют нашу температуру ректально.

Остальные закивали.

- Понятия не имею, почему, - сказал Джордж, - но это очень унизительно.

- Это же девятнадцатый век, - сказала Калиша. - У них должна быть какая-то причина, но... - Она пожала плечами.

- Кто хочет кофе? - Спросил Ник. - Я сбегаю, принесу, если...

- Привет.

С порога. Они обернулись и увидели девушку в джинсах и топике без рукавов. Ее волосы, короткие и колючие, были зелеными с одной стороны и голубовато-фиолетовыми с другой. Если не брать во внимание эту панковскую примочку, она выглядела как ребенок из сказки, который заблудился в лесу. Люк предположил, что она примерно его возраста.

- Где я? Кто-нибудь из вас знает, что это за место?

- Заходи, солнышко, - сказал Ники и сверкнул ослепительной улыбкой. - Тащи камень наверх. И попробуй блюда местной кухни.

- Я не голодна, - сказала незнакомка. - Просто скажите мне одну вещь. Кому я должна отсосать, чтобы выбраться отсюда?

Так они познакомились с Хелен Симмс.

2

Поев, они вышли на игровую площадку (Люк не забыл намазать себя репеллентом) и ввели Хелен в курс дела. Оказалось, что она была ТК, и, как Джордж и Ники, она была плюс. Она это доказала, опрокинув несколько фигур на шахматной доске, пока Ники их расставлял.

- Не просто плюс, а *офигенный* плюс, - сказал Джордж. - Дайте-ка и мне попробовать. - Ему удалось сбить пешку, и он заставил черного короля немного покачнуться, но и только. Он откинулся на спинку стула и надул щеки. - Ладно, ты выиграла, Хелен.

- Я думаю, что мы все неудачники, - сказала она. - Вот что я думаю.

Люк спросил ее, переживает ли она за своих родителей.

- Не особенно. Мой отец - алкоголик. Моя мать развелась с ним, когда мне было шесть лет, и вышла замуж - бинго! - за еще одного алкоголика. Она, должно быть, решила, что если ты не можешь их победить, то присоединяйся, потому что теперь и она тоже алкоголичка. Но я скучаю по своему брату. Как ты думаешь, с ним все в порядке?

- Конечно, - сказала Айрис без особой убежденности, а затем пошла к батуту и начала подпрыгивать. Сделав это сразу после еды, Люк почувствовал бы себя не в своей тарелке, но Айрис почти ничего не ела.

- Позвольте мне подбить итоги, - сказала Хелен. - Вы не знаете, зачем мы здесь, за исключением того, что это, возможно, имеет какое-то отношение к экстрасенсорным способностям, с которыми мы даже не прошли бы предварительное собеседование на *Минуту Славы*.

- Нас даже не взяли бы в *Лучше всех*[92], - сказал Джордж.

- Они ставят над нами опыты, пока мы не увидим точки, но вы не знаете почему.

- Все верно, - сказала Калиша.

- После чего они переводят нас в другое место, в Заднюю Половину, но вы не знаете, что там происходит.

- Ага, - сказал Ники. - Ты умеешь играть в шахматы или просто переворачиваешь фигуры?

Она проигнорировала реплику.

- И когда они с нами заканчивают, мы получаем какую-то научно-фантастическую чистку памяти и живем дальше долго и счастливо.

- Такова общая диспозиция, - сказал Люк.

Она задумалась, потом сказала:

- Звучит как адские трубы.

- Ну, - сказала Калиша, - наверное, поэтому Бог и дал нам кулер с вином и пирожные *Брауни*.

С Люка было достаточно. Очень скоро он снова заплачет; он чувствовал, что надвигается гроза. Для Айрис, которая была девочкой, это было вполне нормально, но у него были предположения (конечно, устаревшие, но все равно мощные) о том, как должны вести себя мальчики. Одним словом, как Ники.

Он вернулся в свою комнату, закрыл дверь и лег на кровать, прикрыв глаза рукой. Потом, ни с того ни с сего, он подумал о Ричи

Рокете в серебристом скафандре, танцующем с таким же энтузиазмом, как Ники Уилхольм перед ужином, и о том, как маленькие дети танцевали вместе с ним, хохоча как сумасшедшие и подпевая *Мамбо номер 5*. Как будто ничего не может пойти не так, как будто их жизнь всегда будет наполнена невинным весельем.

Слезы текли, потому что он боялся и злился, но в основном из-за тоски по дому. До сих пор он не понимал, что означает это выражение. Это был не летний лагерь, и не экскурсия. Это был кошмар, и все, чего он хотел - чтобы все закончилось. Ему хотелось снова очутиться дома. Но это было не в его власти, и с этими мыслями он заснул, при этом его узкая грудь, все еще вздрагивала от затихающих рыданий.

3

Опять дурные сны.

Он, вздрогнув, проснулся от одного из них. В нем безголовая черная собака преследовала его по Уайлдерсмут-драйв. На одно прекрасное мгновение ему показалось, что все произошедшее было *сном*, и он вернулся в свою настоящую комнату. Потом он посмотрел на пижаму, которая не была его пижамой, и на стену, где должно было быть окно. Он сходил в туалет, а потом, поскольку спать уже не хотелось, включил ноутбук. Он подумал, что ему может понадобиться еще один жетон, чтобы оживить компьютер, но этого не понадобилось. Может быть, один жетон был рассчитан на двадцатичетырехчасовой цикл, или - если ему повезет - на сорок восемь часов. Судя по едва пробивающейся полоске света, сейчас было около четверти четвертого. Значит, до рассвета еще далеко, и это его награда за то, что он сначала вздремнул, а потом еще и лег спать слишком рано.

Он подумал: а не зайти ли на *Ю-Тьюб* и посмотреть старинные мультики, типа *Папайя*, которые всегда заставляли его и Рольфа кататься по полу, крича “где мой шпинат?” и “Ук-ук-ук!”. Но в его голове пронеслись несвязные мысли, что они только вернут тоску по дому. Так что же оставалось? Вернуться в постель, где он будет лежать без сна до рассвета? Бродить по пустым коридорам? Посетить игровую площадку? Он мог бы это сделать, вспомнив, как Калиша говорила, что площадка никогда не запирается, но это было слишком жутковато.

- Тогда почему бы тебе не пораскинуть мозгами, придурок?

Он проговорил это тихим голосом, но все равно подпрыгнул от звука, даже поднял руку, как бы прикрывая рот. Он встал и прошелся

по комнате, шлепая босыми ногами и хлопая пижамными штанами. Это был хороший вопрос. Почему бы ему *не поразмышлять* о происходящем? Разве не в этом он был хорош? Лукас Эллис, умный парень. Мальчик-гений. Любящий моряка Папайя, любящий *Калл оф Дьюти*[93], любящий побросать мяч в корзину на заднем дворе, но при этом имеющий рабочее понятие письменного французского, хотя когда он смотрел французские фильмы на *Нетфликс*[94], ему еще были нужны субтитры, потому что актеры говорили слишком быстро, а идиомы были безумными для понимания. *Буар комм'ан тру*[95], например. Почему пить как в пробоину, когда во фразе пить, как рыба было гораздо больше смысла? Он может без труда заполнить школьную доску математическими уравнениями, он может пробарабанить все элементы периодической таблицы, он может перечислить каждого вице-президента, начиная со времен Джорджа Вашингтона, он может дать исчерпывающее объяснение, почему достижение скорости света возможно только в фантастических фильмах.

Так почему сейчас он просто сидит на жопе ровно и жалеет себя?

Что же я *могу* с этим поделать?

Люк решил принять это за вопрос, а не за выражение отчаяния. Побег, вероятно, был невозможен, но что насчет более глубокого изучения ситуации?

Он попытался погуглить *Нью-Йорк Таймс* и не удивился, услышав голос Хала 9000; никаких новостей для Институтских детишек. Вопрос был в том, сумеет ли он обойти запрет? Через заднюю дверь? Возможно.

Посмотрим, подумал он. Давайте просто посмотрим. Он открыл *Файрфокс* и набрал #!клоакофГриффин!#.

Гриффин - человек-невидимка Герберта Уэллса. Этот сайт, о котором Люк узнал около года назад, был способом обойти родительский контроль - не совсем *Даркнет*[96], но нечто подобное. Люк пользовался им не потому, что хотел посетить порносайты с компьютеров *Брода* (хотя они с Рольфом пару раз это делали), или посмотреть, как обезглавливают людей боевики ИГИЛ, а просто потому, что концепция была крутой и простой, и он хотел выяснить, работает ли она. Это случалось и дома и в школе, но сработает ли

здесь? Узнать можно было только одним способом, поэтому он нажал кнопку ВВОД.

Вай-Фай Института потупил некоторое время - скорость соединения с Интернетом была слишком уж мала - а затем, когда Люк уже начал думать, что дело безнадежное, переправил его на *Гриффина*. В верхней части экрана сидел невидимка Уэллса, его голова была обмотана бинтами, а глаза прикрывали жуткие очки. Ниже был вопрос, который также был приглашением: на какоЙ язык ПЕРЕВЕСТИ? Список был длинным, от Ассирийского до Зулусского. Красота сайта заключалась в том, что не имело значения, какой язык ты выбрал; важно то, что будет записано в истории поиска. Когда-то в *Гугле* был доступен секретный тоннель под родительским контролем, но мудрецы из Маунтин-Вью его закрыли. Отсюда и *Мантия Невидимки Гриффина*[97].

Люк наугад выбрал немецкий, и получил: введите пароль. Призвав на помощь то, что его отец иногда называл *его сверхъестественной памятью*, Люк набрал #x49ger194GbL4. Компьютер потупил еще немного, потом объявил, что пароль принят.

Он набрал *Нью-Йорк Таймс* и нажал клавишу ВВОД. На этот раз компьютер думал еще дольше, но, в конце концов, разродился. До сегодняшнего дня на сайте все было на английском языке, но с этого момента история поиска компьютера не будет отмечать ничего, кроме серии немецких слов и их английских переводов. Может быть, маленькая победа, а может быть, большая. В данный момент Люку было все равно. Это была победа, и этого было достаточно.

Как скоро его похитители поймут, что он делает? Маскировка истории поиска ничего не даст, если они следят за ним в режиме онлайн. Они увидят газету и прикроют лавочку. К черту *Таймс* с её Трампом и Северной Кореей; он должен проверить *Стар Триб*[98], прежде чем это произойдет, посмотреть, есть ли там что-нибудь о его родителях. Но прежде чем он успел это сделать, в коридоре раздались крики.

- Помогите! Помогите! Помогите! Кто-нибудь помогите мне! КТО-НИБУДЬ, ПОМОГИТЕ МНЕ, Я ЗАБЛУДИЛСЯ!

4

Кричащий был маленьким мальчиком в пижаме со *Звездными войнами*, колотивший в двери маленькими кулачками, которые

поднимались и опускались словно поршни. Десять? Эйвери Диксон выглядел лет на шесть, максимум на семь. Промежность и одна штанина его пижамных штанов промокли и прилипли к телу.

- Помогите мне, Я хочу домой!

Люк огляделся, ожидая увидеть хоть кого-то - может быть, нескольких кого-то - сбегавшихся на крик, но коридор оставался пустым. Позже он поймет, что в Институте ребенок, кричащий *я хочу домой*, был в порядке вещей. В данный момент Люк просто хотелось заткнуть парню рот. Он был напуган, и этот крик выводил его из себя.

Он подошел к нему, опустился на колени, и взял мальчика за плечи.

- Эй. Эй. Успокойся, малыш.

Парень, о котором шла речь, уставился на Люка своими светлыми глазами, но Люк не был уверен, что тот его видит. Его потные волосы торчали ежиком, лицо было мокрым от слез, а верхняя губа блестела от свежих соплей.

- Где мамочка? Где папочка?

Только это звучало не *папочка*, а ПАААААПОЧКА, как вой сирены при воздушном налете. Малыш начал топать ногами. Он опустил кулаки на плечи Люка. Люк отпустил его, встал и отступил назад, с изумлением наблюдая, как малыш падает на пол и начинает по нему кататься.

Напротив плаката, провозглашавшего, что это просто еще один день в раю, открылась дверь, и появилась Калиша, одетая в хипповскую футболку и гигантские баскетбольные шорты. Она подошла к Люку и остановилась, глядя на вновь прибывшего сверху вниз, уперев руки в почти несуществующие бедра. Потом она посмотрела на Люка.

- Мне и раньше приходилось видеть истерики, но эта получает первый приз.

Открылась еще одна дверь, и на пороге появилась Хелен Симмс, одетая, как показалось Люку, в пижаму, словно снятую с детской куколки. У *нее-то* бедра были, плюс кое-что поинтересней.

- Верни глаза на место, Люк, - сказала Калиша, - и помоги мне. Парень вынес мне мозг, словно у меня мигрень. Она опустилась на колени, потянулась к дервишу[99] - чья и так бессвязная речь превратилась в бессловесный вой - и отпрянула, когда один из его

кулаков ударил ее по предплечью. - Господи, да помоги же мне. Хватай его за руки.

Люк тоже опустился на колени, сделал неуверенное движение, пытаясь схватить новенького за руки, отстранился, но потом решил, что не хочет выглядеть слабаком перед недавно появившимся видением в розовом. Он схватил мальчика за локти и прижал его руки к груди. Он чувствовал, как сердце ребенка бьется в тройном ритме.

Калиша склонилась над ним, обхватила руками его лицо и заглянула в глаза. Малыш перестал орать. Теперь слышалось только его учащенное дыхание. Он зачарованно смотрел на Калишу, и Люк вдруг понял, что она имела в виду, когда говорила, что парень выносит ей мозг.

- Он ведь ТП, не так ли? Вроде тебя.

Калиша кивнула.

- Только он намного сильнее меня или любого другого ТП, который побывал здесь за время моего пребывания. Пойдем, отведем его в мою комнату.

- Можно и мне пойти? - Спросила Хелен.

- Как хочешь, дорогуша, - сказала Калиша. - Я уверена, Люку очень нравится твой видончик.

Хелен вспыхнула.

- Наверное, я сначала переоденусь.

- Делай, что хочешь, - сказала Калиша, и обратилась к мальчику: - Как тебя зовут?

- Эйвери. - Его голос был хриплым от слез и криков. - Эйвери Диксон.

- Я Калиша. Можешь звать меня Ша, если хочешь.

- Только не называй ее Спортсменкой, - сказал Люк.

5

Комната Калиши была более девчачьей, чем ожидал Люк, учитывая ее жесткую манеру общения. На кровати лежало розовое покрывало, а на подушках имелись вычурные оборочки. С прикроватного столика на них смотрела фотография Мартина Лютера Кинга в рамке.

Она увидела, как Люк на нее смотрит, и рассмеялась.

- Они пытаются сделать все так же, как дома, но я думаю, кто-то подумал, что фото, которое я там хранила, было слишком уж

претензионным, поэтому они слегка его изменили.

- И кто там был раньше?

- Элдридж Кливер[100]. Когда-нибудь слышали о нем?

- Конечно. *Душа на льду*. Пока не читал, но попозже собирался приобщиться.

Она подняла брови.

- Чувак, ты *зря* потратишь время.

Все еще всхлипывая, Эйвери начал опускаться на её кровать, но она схватила его за плечи и оттолкнула, мягко, но твердо.

- Не-а, только не в этих мокрых штанах. - Она сделала вид, что хочет их снять, и Эйвери вернулся в прежнее положение, скрестив руки на груди.

Калиша посмотрела на Люка и пожала плечами. Он пожал плечами в ответ и присел на корточки перед Эйвери. - В какой ты комнате?

Эйвери только покачал головой.

- Ты оставил дверь открытой?

На этот раз малыш кивнул.

- Я принесу тебе сухую одежду, - сказал Люк. - Ты останешься здесь с Калишей, хорошо?

На этот раз без кивков. Мальчик только смотрел на него, измученный и растерянный, но, по крайней мере, он больше не имитировал воздушный налет.

- Действуй, - сказала Калиша. - Я думаю, что смогу его успокоить.

В дверях появилась Хелен, теперь одетая в джинсы и застегивающая на ходу свитер.

- Ему хоть немного лучше?

- Немного, - ответил Люк. Он заметил следы от капель, уходящие в том направлении, куда они с Морин ходили менять простыни.

- Никаких признаков тех двух парней, - сказала Хелен. - Должно быть, они спят как убитые.

- Да, - ответила Калиша. - Иди с Люком, Новенькая. У нас с Эйвери сейчас состоится встреча умов.

6

- Парня зовут Эйвери Диксон, - сказал Люк, когда они с Хелен Симмс стояли перед открытой дверью рядом с автоматом со льдом,

который служил еще одним источником шума в коридоре. - Ему десять лет. Не похоже, правда?

Она уставилась на него широко раскрытыми глазами.

- Ты что, все-таки ТП?

- Нет. - Рассматривая плакат с изображением Томми Пиклза и Джи-Ай-Джи на прикроватном столике. - Я был здесь с Морин. Она одна из горничных. Я помог ей сменить постель. Кроме этого, комната была уже полностью готова к его прибытию.

Хелен ухмыльнулась.

- Так вот какой ты, любимчик учителей.

Люк подумал о том, как Тони отвесил ему пощечину, и задался вопросом, скоро ли Хелен получит такую же процедуру. - Нет, но Морин не такая, как другие. Относись к ней хорошо, и она будет относиться к тебе хорошо.

- Как давно ты здесь, Люк?

- Я появился здесь как раз перед тобой.

- Так откуда ты знаешь, кто хороший, а кто нет?

- Морин в порядке, вот и все, что я хочу сказать. Помоги мне подобрать ему одежду.

Хелен достала из комода брюки и нижнее белье (не забыв пройтись по остальным ящикам), и они вернулись в комнату Калиши. По дороге Хелен спросила, проходил ли Люк какие-нибудь тесты, о которых ей рассказывал Джордж. Он ответил, что нет, но показал ей чип в ухе.

- Не сопротивляйся этому. Я так сделал, и получил пощечину.

Она остановилась как вкопанная.

- Не звизди!

Он повернул голову, чтобы показать ей свою щеку, где два пальца Тони оставили легкие синяки.

- Никто *меня* здесь бить не будет, - сказала Хелен.

- Это теория, которую не стоит проверять.

Она тряхнула двухцветными волосами.

- Мои уши уже проколоты, так что никаких проблем.

Калиша сидела на кровати рядом с Эйвери, усадив его зад на сложенное полотенце. Она гладила его потные волосы. Он мечтательно смотрел на нее, словно она была принцессой Тианой[101]. Хелен бросила Люку одежду. Он не ожидал этого и

уронил трусы, по которым были разбросаны изображения Человека-Паука в различных динамичных позах.

- Мне неинтересно смотреть на крошечную писю этого ребенка. Я возвращаюсь в кровать. Может быть, когда я проснусь, я окажусь в своей комнате, моей *настоящей* комнате, и все произошедшее со мной будет простым сном.

- Удачи тебе с этим, - сказала Калиша.

Хелен зашагала прочь. Люк подобрал нижнее белье Эйвери как раз вовремя, чтобы отметить покачивание ее бедер в выцветших джинсах.

- Аппетитная, не правда ли? - Голос Калиши был ровным.

Люк принес ей одежду, чувствуя, как горят его щеки.

- Думаю, да, но вот в плане характера, оставляет желать лучшего.

Он подумал, что это может ее рассмешить - ему нравился ее смех, - но она выглядела грустной.

- Это место выбьет из нее всю дурь. Очень скоро она будет метаться и вздрагивать каждый раз, когда увидит парня в синем. Как и все мы. Эйвери, тебе нужно переодеться в эти вещи. Мы с Люком повернемся к тебе спиной.

Они так и сделали, глядя через открытую дверь Калиши на плакат, провозглашающий, про рай. Из-за их спин доносилось сопение и шорох одежды. Наконец Эйвери сказал:

- Я переоделся. Можете повернуться.

Они так и сделали.

- А теперь отнеси эти мокрые пижамные штаны в ванную комнату и повесь их на край ванны.

Он ушел, без возражений, а затем прошаркал обратно.

- Я сделал это, Ша. - Ярость исчезла из его голоса. Теперь его голос звучал робко и устало.

- Хорошо, бро. Ложись на кровать. Ложись, все в порядке.

Калиша села, положила ноги Эйвери себе на колени и похлопала по кровати рядом с собой. Люк сел рядом с ней и спросил Эйвери, чувствует ли он себя лучше.

- Думаю, да.

- Ты точно *знаешь*, что да, - сказала Калиша и снова стала гладить мальчика по волосам. У Люка было ощущение - может, чушь собачья,

а может, и нет, - что между ними многое происходит. Внутреннее общение.

- Тогда давай, - сказала Калиша. - Расскажи ему свои шутейки, если тебя это успокаивает, а потом вали спать, мать твою.

- Ты сказала плохое слово.

- Думаю, да. Расскажи ему пару шуток.

Эйвери посмотрел на Люка.

- О'кей. Большой придурок и маленький придурок стояли на мосту, сечешь? И большой придурок свалился. Почему же маленький этого не сделал?

Люк хотел было сказать Эйвери, что в приличном обществе больше не говорят придурки, но поскольку было ясно, что никакого приличного общества здесь нет, он просто сказал:

- Потому что он был более внимательным. Так?

- Ну да. Почему курица перешла дорогу?

- Чтобы добраться до другой стороны?

- Нет, потому что она была просто глупая клуша. А теперь вали спать.

Эйвери начал было говорить что-то еще - возможно, ему пришла в голову еще одна шутка, - но Калиша заставила его замолчать. Она продолжала гладить его по волосам. Ее губы шевелились. Глаза Эйвери затуманились. Веки опустились, медленно поднялись, снова опустились и поднялись еще медленнее. В следующий раз они остались внизу.

- Что это ты сейчас делала? - Спросил Люк.

- Пела ему колыбельную, которую пела мне мама. - Она говорила чуть громче шепота, но в ее голосе безошибочно угадывались удивление и удовольствие. - Я вряд ли смогла бы точно передать эту мелодию голосом, но когда она полилась из головы в голову, на качестве это, кажется, не сказалось.

- Мне кажется, он не слишком умен, - сказал Люк.

Она посмотрела на него долгим взглядом, от которого его лицо вспыхнуло, как и тогда, когда она поймала его на том, что он пялится на ноги Хелен.

- Для тебя весь мир не должен казаться слишком умным.

- Нет, я не такой, - запротестовал Люк. - Я просто имел в виду…

- Расслабься. Я знаю, что ты имел в виду, но ему действительно не хватает мозгов. На все. ТП, такой сильный, как у него, может быть не очень хорошей штукой. Когда ты не знаешь, что думают окружающие, ты должен все продумывать наперед, когда дело доходит до... ммм...

- Предсказывания ситуации?

- Да, так. Обычные люди должны выживать, глядя на лица и оценивая тон голоса, который они слышат, а также слова. Это как отращивать зубы, чтобы можно было прожевать что-то жесткое. Этот бедный маленький говнюк похож на Тампера[102] из диснеевского мультфильма. Любые зубы, которые у него есть будут не слишком хороши даже для простой травы. Понимаешь?

Люк сказал, что да.

Калиша вздохнула.

- Институт - плохое место для Тампера, но, может быть, это и не имеет значения, поскольку мы все рано или поздно переходим в Заднюю Половину.

- Насколько велик его ТП - по сравнению, скажем, с тобой?

- На тонну больше. Они измеряют нам одну штуку, которую называют НФГМ. Однажды я видела такую программу на ноутбуке доктора Хендрикса, и я думаю, что это главное, может быть, самое главное. Ты же умный парень, ты должен знать, что это такое?

Люк не знал, но намеревался выяснить. Если, конечно, они не заберут у него компьютер.

- Что бы это ни было, этот ребенок, должно быть, в этом просто невероятен. Я с ним разговаривала! И это была настоящая телепатия!

- Но ты, должно быть, так общалась и с другими ТП, даже если они встречаются реже, чем ТК. Может быть, не во внешнем мире, но здесь - точно.

- Ты не понимаешь. Это все равно, что слушать стереосистему с выключенным звуком или слушать, как люди разговаривают, выйдя во двор, пока ты на кухне возишься с включенной посудомоечной машиной. Иногда связи вообще нет, иногда она обрывается. Тут же все было по-настоящему, как в каком-то научно-фантастическом фильме. Ты должен позаботиться о нем после того, как я уйду, Люк. Он чертовски крут, и неудивительно, что он не ведет себя так, как подобает в его возрасте. До этого момента жизнь у него была легкой прогулкой.

Люка резанула по ушам фраза *после того, как я уйду*.

- Ты... кто-нибудь сказал тебе что-то о том, что тебя переводят в Заднюю Половину? Может быть, Морин?

- Ничего говорить и не нужно. Вчера на до мной не проводили ни одного из их дерьмовых опытов. И никаких уколов. Это верный признак. Ник тоже скоро уйдет. Джордж и Айрис могут пробыть здесь еще немного.

Она нежно сжала затылок Люка, вызывая еще одно покалывание.

- Я на минутку стану твоей сестрой, Люк, сестрой для твоей души, так что послушай меня. Если единственное, что тебе нравится в Панк-рок девушке, это то, как она шевелит ягодицами, когда ходит, пусть так и остается. Очень плохо, когда ты слишком близко здесь с кем-нибудь сходишься. Когда они уходят, тебя чересчур уж колбасит, а уходят они все. Но ты должен заботиться о них столько, сколько сможешь. Когда я думаю о Тони, или Зике, или об этой сучке Вайноне, бьющей Эйвери, мне хочется плакать.

- Я сделаю все, что смогу, - сказал Люк, - но надеюсь, что ты пробудешь здесь подольше. Я буду по тебе скучать.

- Спасибо, но именно об этом я и говорю.

Некоторое время они сидели молча. Люк предполагал, что скоро ему придется уйти, но пока ему этого не хотелось. Он не был готов остаться один.

- Думаю, я смогу помочь Морин. - Он говорил тихим голосом, едва шевеля губами. - С этими счетами по кредитке. Но мне придется кое-что у неё узнать.

Ее глаза широко распахнулись, и она улыбнулась.

- Неужели? Это было бы здорово. - Теперь она прижалась губами к его уху, вызвав новую дрожь. Он боялся взглянуть на свои руки, которые покрылись мурашками. - Сделай это поскорее. Через день или два у нее начнутся выходные. - Теперь она положила свою руку, о Боже, высоко на его ногу, куда даже мать Люка не прикасалась в эти дни. - После них она вернется, и пробудет здесь еще в течение трех недель. Ты сможешь увидеть ее в коридоре или в комнате отдыха, и это все. Она не будет говорить об этом даже там, где говорить безопасно, а дальше последует твой перевод в Заднюю Половину.

Она оторвала губы от его уха и руку от бедра, оставив Люка страстно желать, чтобы у нее были другие секреты, которыми она

могла бы поделиться.

- Возвращайся в свою комнату, - сказала она, и легкий блеск в ее глазах заставил его подумать, что она не забыла о том, какое впечатление на него произвела. - Попробуй поймать парочку снов.

7

Люк очнулся от глубокого сна без сновидений и услышал громкий стук в дверь. Он сел, дико озираясь по сторонам, гадая, не проспал ли он в школу.

Дверь открылась, и в комнату заглянуло улыбающееся лицо. Это была Глэдис, та самая женщина, которая водила его на чипирование. Та, которая сказала ему, что он здесь, чтобы служить Родине.

- Кукареку! - Пропела она. - Проснись и пой! Ты пропустил завтрак, но я принесла тебе апельсиновый сок. Ты можешь выпить его, пока мы будем идти. Он свежевыжатый!

Люк увидел зеленый индикатор питания на своем новом ноутбуке. Тот был в спящем режиме, но если Глэдис войдет и нажмет на одну из клавиш, чтобы проверить, что он там искал (он сам бы так и сделал), она увидит невидимку Герберта Уэллса с закутанной головой и в темных очках. Вряд ли она догадается, что это такое, скорее, подумает, что это какой-то научно-фантастический или мистический сайт, но, вероятно, доложит обо всем своему руководству. А те обязательно пойдут к кому-то компетенцией повыше. Кому-то, кто по своей должности должен был быть сверхлюбопытным.

- Дашь мне минуту, чтобы надеть брюки?

- Тридцать секунд. А не то апельсиновый сок перегреется. - Она лукаво подмигнула ему и закрыла дверь.

Люк вскочил с кровати, надел джинсы, схватил футболку и разбудил ноутбук, чтобы проверить время. Он был поражен, увидев, что уже девять часов. Он никогда не спал так долго. На мгновение в его голове промелькнула мысль, что они что-то подсыпали ему в еду, но если бы это было так, он бы не проснулся посреди ночи.

Это шок, подумал он. *Я все еще пытаюсь осмыслить происходящее - разобраться в нем.*

Он выключил ноутбук, зная, что любые попытки скрыть *Мистера Гриффина* ни к чему не приведут, если они отслеживают его просмотры. И если они следили за монитором его компьютера, то уже наверняка знали, что он нашел способ получить доступ к *Нью-Йорк*

Таймс. Конечно же, если ты начинаешь на этом загоняться, то ничего у тебя и не получится. Вероятно, Миньоны Сигсби хотели, чтобы именно так он и думал - он и все остальные дети, которых держали здесь в плену.

Если бы они знали, они бы уже забрали ноутбук, сказал он себе. И если бы они следили за монитором, разве бы они не знали, что на экране приветствия было неправильное имя?

Это казалось разумным, но, возможно, они просто давали ему чуть больший конец веревки. Это была паранойя, но и ситуация была параноидальной.

Когда Глэдис снова открыла дверь, он сидел на кровати и надевал кроссовки.

- Хорошая работа! - Воскликнула она, словно Люк был трехлетним ребенком, который только что умудрился в первый раз самостоятельно одеться. Люку она нравилась все меньше и меньше, но когда она дала ему сок, он залпом его выпил.

8

На этот раз, помахав карточкой, она велела лифту доставить их на Уровень В.

- Боже, какой чудесный день! - Воскликнула она, когда кабина начала спускаться. Это, казалось, было ее стандартным вступлением в разговор.

Люк взглянул на ее руки.

- Я вижу, ты носишь обручальное кольцо. У тебя дети есть, Глэдис?

Ее улыбка стала осторожной.

- Это касается только меня лично.

- Я просто хочу спросить, как бы ты отнеслась к тому, чтобы их заперли в подобном месте.

- *В*, - произнес мягкий женский голос. - Это *В*.

На лице Глэдис больше не было улыбки, когда она вела его, держа за руку чуть крепче, чем это было необходимо.

- А еще мне интересно, как ты со всем этим живешь. Догадываюсь, это тоже немного личное, да?

- Хватит, Люк. Я принесла тебе сок. Я не должна была этого делать.

- А что бы ты сказала своим детям, если бы кто-нибудь узнал, что здесь происходит? Если бы это попало, ну скажем, в новости. Как бы ты им это объяснила?

Она пошла быстрее, почти волоча его за собой, но на ее лице не было гнева; если бы он был, то, по крайней мере, Люк испытал бы хоть какое-то, хоть сомнительное утешение, зная, что достучался до нее. Но нет. Там была только пустота. Это было лицо куклы.

Они остановились у В-17. Полки были заставлены медицинским и компьютерным оборудованием. Там стояло мягкое кресло, похожее на кресло в кинотеатре, а за ним на стальном столбе стояло что-то похожее на проектор. По крайней мере, на подлокотниках кресла не было ремней.

Их ждал лаборант - *Зик*, судя по бейджику на его синем топе. Люк уже слышал это имя. Морин говорила, что он был одним из самых злобных.

- Привет, Люк, - сказал Зик. - Ты спокоен?

Не зная, как ответить, Люк пожал плечами.

- Не собираешься создавать проблем? Вот к чему я клоню, приятель.

- Нет. Никаких проблем.

- Приятно слышать.

Зик открыл бутылку, наполненную синей жидкостью. Раздался резкий запах алкоголя, и Зик достал термометр длиной не меньше фута. Наверняка, нет, но…

- Снимай штаны и нагибайся к креслу, Люк. Предплечья на сиденье.

- Только без...

Только без Глэдис, - хотел сказать он, но дверь В-17 была закрыта. Глэдис исчезла. Может быть, чтобы поберечь мою гордость, подумал Люк, но, скорее всего, потому, что с неё уже было достаточно моего дерьма. Это бы его взбодрило, если бы не стеклянный стержень, который скоро, он был уверен, будет исследовать ранее неизведанные глубины его анатомии. Он был похож на термометр, который ветеринар мог использовать, чтобы измерить температуру лошади.

- Без чего? - Он помахивал термометром взад-вперед, как жезлом мажоретки. - Только без этого? Извини, парень, ничего не могу поделать. Приказ из штаба, знаешь ли.

- А не проще ли было бы это сделать температурной полоской? - Сказал Люк. - Держу пари, ты можешь купить её в *Си-Ви-Эс*[103] за полтора доллара. Еще дешевле, если есть дисконт на заправку…

- Прибереги свои мудрые речи для друзей. Спускай штаны и наклонись над креслом, или я помогу. И, поверь, тебе это не понравится.

Люк медленно подошел к креслу, расстегнул брюки, спустил их вниз и наклонился.

- Вау, ох уж *это* полнолуние! - Перед ним стоял Зик. В одной руке он держал термометр, в другой - баночку с вазелином. Он опустил термометр в банку и вытащил его. С его конца свисал желеобразный комок. Для Люка это выглядело как кульминация грязной шутки.

- Видишь? Смазки достаточно. Это совсем не больно. Просто расслабь свои булки и напомни себе, что пока ты не почувствуешь на себе обе мои руки, твоя девственность останется нетронутой.

Он обошел вокруг Люка, который стоял, согнувшись, положив руки на сиденье стула и выставив ягодицы. Он чувствовал запах его пота, очень и очень сильный. Он попытался напомнить себе, что он не первый ребенок, получивший такую процедуру в Институте. Это немного помогло... но, на самом деле, не так уж и много. Комната была заставлена высокотехнологичным оборудованием, а этот человек готовился измерить его температуру самым нетехнологичным способом, который только можно было себе представить. Зачем?

Чтобы сломать меня, подумал Люк. *Чтобы убедиться, что я понимаю, что я просто морская свинка, и когда у вас есть морские свинки, вы можете получать нужные вам данные любым подходящим способом. И, возможно, они даже не нуждаются в этих конкретных данных. Может быть, это просто способ спросить*: *Если мы можем засунуть это тебе в задницу, то что еще мы можем туда засунуть?* Ответ был прост: *Все, что захотим.*

- Неизвестность тебя убивает, не так ли? - Сказал Зик из-за его спины, и этот сукин сын засмеялся.

9

После унижения термометром, которое, казалось, продолжалось очень долго, Зик измерил его кровяное давление, надел на палец кислородный монитор и проверил его рост и вес. Он заглянул в горло

Люка и в его нос. Он записывал результаты, что-то при этом напевая. К тому времени в кабинет вернулась Глэдис. Она пила кофе из кружки с маргаритками и улыбалась своей фальшивой улыбкой.

- Время для укола, Люки-бой, - сказал Зик. - Ты ведь не собираешься доставлять мне никаких хлопот?

Люк покачал головой. Единственное, чего ему сейчас хотелось, - это вернуться в свою комнату и вытереть вазелин с задницы. Ему нечего было стыдиться, но все равно ему было стыдно. Его унизили.

Зик сделал ему укол. На этот раз жара не было. На этот раз не было ничего, кроме небольшой боли, которая тут же прошла.

Зик смотрел на часы, шевеля губами и отсчитывая секунды. Люк сделал то же самое, только не шевеля губами. Он уже дошел до тридцати, когда Зик опустил руку.

- Тошнит?

Люк покачал головой.

- У тебя во рту есть металлический привкус?

Единственное, что Люк ощутил на вкус, - это остатки апельсинового сока.

- Нет.

- Ладно, хорошо. А теперь посмотри на стену. Видишь какие-нибудь точки? Или, может быть, они выглядят скорее, как круги.

Люк покачал головой.

- Ты говоришь правду, парень?

- Правду. Никаких точек. Никаких кругов.

Зик несколько секунд смотрел ему прямо в глаза (Люк хотел было спросить, не видит ли он там каких-нибудь точек, но сдержался). Затем он выпрямился, демонстративно отряхнул ладони и повернулся к Глэдис.

- Давай, уводи его отсюда. Доктор Эванс потребует его сегодня днем для проверки глаз. - Он указал на проектор. - В четыре вечера.

Люк хотел было спросить, что это за штука с глазами, но ему стало все равно. Он был голоден, и это, казалось, не менялось, что бы они с ним ни делали (по крайней мере, до сих пор), но больше всего на свете ему хотелось привести себя в порядок. Он чувствовал себя - только британский диалект английского адекватно это описывал - испорченным.

- Ну, это было не так уж и стремно, правда? - Спросила Глэдис, когда они поднимались в лифте. - Много шума из-за пустяков. - Люка так и подмывало спросить, сочла ли бы она это пустяками, если бы речь шла об ее заднице. Ники мог бы это спросить, но он не был Ники.

Она одарила его фальшивой улыбкой, которую он находил все более ужасной.

- Ты пытаешься хорошо себя вести, и это *замечательно*. Вот тебе жетон. Да что там, возьми два. Сегодня я транжира.

Он их взял.

Позже, стоя под душем с опущенной головой и струями воды, бегущими по волосам, он снова заплакал. Он был похож на Хелен, по крайней мере, в одном отношении; он хотел, чтобы все это было сном. Он отдал бы все, может быть, даже свою душу, если бы мог проснуться от солнечного света, лежащего поперек его кровати, как второе покрывало, и запаха жарящегося внизу бекона. Слезы, наконец, высохли, и он начал чувствовать что-то еще, кроме горя и потери - кое-что пожестче. Своего рода железобетонный фундамент, ранее ему неизвестный. Было облегчением осознавать, что таковой у него имеется.

Это был не сон, это происходило на самом деле, и выбраться отсюда казалось, уже было недостаточно. Эта жесткая штука хотела большего. Он хотел разоблачить всех похитителей и истязателей детей, от Миссис Сигсби и Глэдис с ее пластмассовой улыбкой до Зика с его скользким ректальным термометром. Чтобы обрушить Институт на их головы, как Самсон обрушил храм Дагона на филистимлян[104]. Он знал, что это не более чем обиженная, бессильная фантазия двенадцатилетнего мальчишки, но он все равно этого хотел, и если бы была такая возможность, он бы это сделал.

Как любил говорить его отец, Хорошо иметь цели. Они могут помочь тебе пережить трудные времена.

10

К тому времени, когда он добрался до кафешки, там уже никого не было, если не считать уборщика (*Фред*, как гласил бейджик), который мыл пол. Для ленча было еще слишком рано, но на столике у входа стояла ваза с фруктами - апельсины, яблоки, виноград и пара бананов. Люк взял яблоко, подошел к автомату и с помощью одного из своих

жетонов добыл пакет с попкорном. *Завтрак чемпионов*, - подумал он. *У мамы была корова.*

Он пошел с едой в комнату отдыха и посмотрел через окно на игровую площадку. Джордж и Айрис сидели за одним из столов для пикника и играли в шашки. Эйвери осваивал батут, делая осторожные прыжки. Ни Ники, ни Хелен нигде не было видно.

- По-моему, это самая худшая еда, которую я когда-либо видела, - сказала Калиша.

Он подпрыгнул, вывалив часть попкорна из пакета на пол.

- Черт возьми, почему ты всегда пугаешь людей?

- Мне очень жаль. - Она присела на корточки, подняла несколько рассыпанных зерен попкорна и бросила их в рот.

- С пола? - Спросил Люк. - Не могу поверить, что ты это сделала.

- Правило пяти секунд.

- Согласно данным Национальной службы здравоохранения - это в Англии - правило пяти секунд это миф. Полная чушь.

- Значит ли, что если ты гений, то у тебя есть особая миссия - разбивать всем иллюзии?

- Нет, я просто...

Она улыбнулась и встала.

- Расслабься, Люк. Цыпочка с ветрянкой просто дразнит тебя. Ты в порядке?

- Да.

- Ты получил ректальное унижение?

- Да. Давай не будем об этом говорить.

- Услышала. Хочешь поиграть в криббидж[105] до обеда? Если не умеешь играть, я могу тебя научить.

- Я знаю как, но не хочу. Думаю, я ненадолго вернусь в свою комнату.

- Обдумать свое положение?

- Что-то вроде того. Увидимся за обедом.

- Когда прозвучит динь-дон, - сказала она. - Это свидание. Взбодрись, маленький герой, и дай мне пять.

Она подняла руку, и Люк увидел что-то, зажатое между ее большим и указательным пальцами. Он прижал свою белую ладонь к ее коричневой, и сложенный клочок бумаги перешел из ее руки в его.

- Увидимся, бро. - Она направилась на игровую площадку.

Вернувшись в свою комнату, Люк лег на кровать, повернулся на бок лицом к стене и развернул листок бумаги. Почерк Калиши был крошечный и очень аккуратный.

Можешь встретиться с Морин у автомата со льдом возле комнаты Эйвери, прямо сейчас. Смой записку.

Он скомкал бумагу, пошел в туалет и, когда спустил штаны, бросил записку в унитаз. Он чувствовал себя нелепо, делая это, как ребенок, играющий в шпионов; в то же время, *в целом*, нелепо себя он не чувствовал. Ему хотелось бы верить, что, по крайней мере, в *Ла мезон дю шье* [106] слежки нет, но он в это не верил.

Автомат со льдом. Там, где Морин разговаривала с ним вчера. Это было довольно интересно. По словам Калиши, в Передней Половине было несколько мест, где аудио-наблюдение плохо работало или вообще не работало, но Морин, похоже, предпочитала именно это место. Может быть, потому, что там не было аудио-наблюдения. А возможно, именно там она чувствовала себя в безопасности, потому, что автомат со льдом был довольно шумным. Может быть, были еще какие-то другие причины.

Он подумал, а не заглянуть ли ему в *Стар Трибьюн* перед встречей с Морин, и сел за компьютер. Он даже зашел на *Мистера Гриффина*, но остановился. Неужели он **действительно** хочет это знать? Узнать, что эти ублюдки, эти *монстры* лгут, и его родители мертвы? Заглянуть в *Триб*, чтобы это проверить, было поступком сродни ставки всех своих сбережений на один номер рулетки.

Не сейчас, решил он. Может быть, когда последствия от унижения термометром немного рассосутся, но не сейчас. Если это делает его трусом, то так тому и быть. Он выключил компьютер и пошел в другое крыло. Морин не было рядом с автоматом со льдом, но ее тележка с бельем была припаркована на середине коридора, который Люк теперь считал коридором Эйвери, и он слышал, как она напевает что-то о каплях дождя. Он пошел на звук ее голоса и увидел, как она разглаживает простыни в комнате, украшенной плакатами *Федерации Рестлинга* с изображением неуклюжих качков в спандекс-шортах. Все они выглядели достаточно злобно, чтобы пережевывать гвозди и плеваться скобами.

- Привет, Морин, как дела?

- Отлично, - сказала она. - Спина немного побаливает, но у меня есть *Мотрин*[107].

- Нужна помощь?

- Спасибо, но это последняя комната, и я почти закончила. Две девочки, один мальчик. Скоро прибудут. Это комната мальчика. - Она указала на плакаты и рассмеялась. - Как будто и так не понятно.

- Ну, я хотел набрать льда, но в моей комнате нет ведерка.

- Они сложены в кладовке рядом с мусорным ведром. - Она выпрямилась, положила руки на поясницу и поморщилась. Люк услышал, как хрустнула ее спина. - О, так гораздо лучше. Я тебе покажу.

- Только если это вас не затруднит.

- Никаких проблем. Пойдем. Ты можешь потолкать мою тележку, если захочешь.

Пока они шли по коридору, Люк размышлял о своих исследованиях проблемы Морин. Особенно выделялась одна ужасающая статистика: в целом, американцы задолжали более двенадцати триллионов долларов. Деньги потратили, но не заработали, просто дали слово. Парадокс, который может понравиться только бухгалтеру. В то время как большая часть этого долга была связана с ипотечными кредитами на дома и бизнес, немаленькая сумма скопилась и от тех маленьких пластиковых прямоугольников, которые все держали в своих портмоне и кошельках: такой себе *Оксикодон*[108] американских потребителей.

Морин открыла маленький шкафчик справа от автомата со льдом.

- Ты можешь самостоятельно достать одно и уберечь меня от падения? Какой-то аккуратист затолкал все проклятые ведерки в самый угол.

Люк потянулся. Делая это, он проговорил тихим голосом:

- Калиша рассказала мне о вашей проблеме с кредитными картами. Я думаю, что знаю, как это исправить, но многое зависит от вашего заявленного места жительства.

- Моего заявленного…

- В каком штате вы живете?

- Я... - Она быстро, украдкой огляделась вокруг. - Мы не должны рассказывать обитателям ничего личного. Если кто-нибудь узнает, это

будет означать конец моей работы. *Больше*, чем конец работы. Могу ли я тебе доверять, Люк?

- Я буду держать рот на замке.

- Я живу в Вермонте. Берлингтон. Вот куда я направляюсь в свою выходную неделю. - Сказав ему это, она как будто высвободила что-то внутри себя, и хотя она убавила громкость, слова так и поперли наружу. - Первое, что мне нужно сделать, когда я заканчиваю работу, это удалить кучу надоедливых сообщений с моего мобильного телефона. А когда я вернусь домой, - с автоответчика на **домашнем** телефоне. Понимаешь, на стационарном. Когда автоответчик переполнен, они оставляют письма-предупреждения с угрозами в почтовом ящике или под дверью. Моя машина, они могут забрать её в любое время, когда захотят, хотя это настоящая развалюха, но теперь они начали разговоры о моем *доме*! Залог по дому выплачен, и не благодаря *ему*. Я покрыла ипотеку своим премиальными. Именно поэтому я и пришла сюда работать, но они заберут и закладную для обеспечения как-оно-бишь-называется…

- Инвестиционной справедливости, - прошептал Люк.

- Правильно, её.- На ее желтоватых щеках расцвел румянец, то ли от стыда, то ли от гнева, Люк не знал. - И как только закладная на дом окажется у них, они захотят забрать то, что им положено, а ведь все эти деньги были не для меня! Не для меня, но они все равно это сделают. Они так говорят.

- Он так сильно погряз в долгах? - Удивился Люк. Парень, должно быть, был просто машиной для траты денег.

- *Да!*

- Придержите. - В одной руке он держал пластмассовое ведерко, а другой открыл автомат со льдом. - Вермонт - это хорошо. В этом штате нет отдельного положения по совместно нажитому имуществу.

- Что это значит?

То, что они не хотят, чтобы ты об этом знала, подумал Люк. *Есть множество вещей, о которых они не хотят, чтобы ты знал. Как только ты застрянешь на липкой бумаге, все, что они хотят, - чтобы ты там и оставался*. Он схватил пластиковый совок за дверцей автомата для льда и притворился, что разбивает куски. - Карты, которыми он пользовался, были на его имя или на ваше?

- На его, конечно же, но они по-прежнему преследуют *меня*, потому что мы все еще состоим в законном браке, и номера счетов одни и те же!

Люк начал наполнять пластиковое ведерко льдом... очень медленно.

- Они говорят, что могут это обтяпать, и звучит вроде бы как правдоподобно, но на самом деле сделать этого не могут. По закону не могут, только не в Вермонте. Да и не в большинстве штатов. Если он пользовался картами на свое имя, и его подпись стояла на счетах, - это *его личный* долг.

- Они говорят, что он наш! Общий!

- Они врут, - мрачно сказал Люк. - А что касается звонков и сообщений, о которых вы упомянули - они поступают после восьми вечера?

Ее голос упал до яростного шепота.

- Ты что, шутишь? Иногда они звонят за полночь! - “Заплати, или банк заберет твой дом на следующей неделе! Ты вернешься, и обнаружишь, что замки поменяны, а твоя мебель стоит на лужайке возле дома!”

Люк об этом читал, и даже еще кое-о-чем похуже. Коллекторы, бывает, даже угрожают выселить состарившихся и немощных родителей из домов престарелых. Угрожают насильственным удержанием малолетних детей, в попытке получить хоть какие-то финансовые поступления. Все, что угодно, чтобы получить свой процент от возврата наличных.

- Хорошо, что вы почти все время в отъезде, а звонки поступают на голосовую почту. Они ведь не разрешают вам держать здесь свой мобильник?

- Нет! Боже, конечно же нет! Он заперт в моей машине, внутри... ну, короче, не здесь. Я один раз я сменила номер, но они и его раздобыли. Как они могли это сделать?

Легко, подумал Люк.

- Не удаляйте эти звонки. Сохраните их. Там есть временные отметки. Коллекторским агентствам запрещено звонить клиентам - так они называют таких, как вы, - после восьми вечера.

Он вывалил ведерко и начал наполнять его снова, еще медленнее. Морин смотрела на него с изумлением и зарождающейся надеждой, но

Люк этого почти не замечал. Он был глубоко погружен в проблему, прослеживая линии до центральной точки, где эти линии можно было разрезать.

- Вам нужен адвокат. Но даже не думайте о том, чтобы пойти в одну из быстрорастущих компаний, которые рекламируют по кабельному телевидению, они выдоят с вас все, что смогут, а затем поместят вас в Главу 7[109]. Вы никогда не вернете свой кредитный рейтинг. Вам нужен адвокат с хорошей репутацией из Вермонта, специализирующийся на облегчении долгового бремени, досконально знающий *Закон о справедливом взыскании долгов* и ненавидящий этих кровососов. Я проведу небольшое исследование и скажу вам его имя.

- Ты действительно можешь это сделать?

- Практически уверен. - Если, конечно же, они не заберут у него компьютер. - Адвокат должен выяснить, какие коллекторские агентства отвечают за попытку получить с вас деньги. Те, которые пугают вас и звонят посреди ночи. Банки и кредитные компании не любят называть имена корпоративных марионеток, которых они используют, но если *Закон о справедливом взыскании долгов* не будет отменен - а в Вашингтоне есть влиятельные люди, пытающиеся это сделать, - хороший адвокат может заставить их это сделать. Люди, которые вам звонят, все время переступают черту. Это кучка отморозков, работающих в бойлерных.

Не так уж сильно отличающихся от подонков, работающих здесь, подумал Люк.

- Что такое бойлерные…

- Неважно. - Объяснение заняло бы слишком много времени. - Хороший адвокат по облегчению долгового бремени пойдет в банки с записями с вашего автоответчика и скажет им, что у них есть два варианта: простить долги или отправиться в суд, с обвинениями в незаконной предпринимательской деятельности. Банки ненавидят ходить в суд и выносить на широкую общественность то, что они нанимают для выбивания долгов парней стоящих на одном уровне с костоломами из фильма Скорсезе[110].

- Ты уверен, что я не должна ничего платить? - Морин выглядела ошеломленной.

Он посмотрел прямо в ее усталое, слишком бледное лицо.

- А разве это *вы* сделали что-нибудь дурное?

Она покачала головой.

- Но сумма слишком уж *велика*. Он обставлял свой дом в Олбани, покупал стереосистемы, компьютеры и телевизоры с плоским экраном, у него есть куколка, и он покупает ей вещи, он любит казино, и это продолжается уже много лет. С моей стороны было большой глупостью ему доверять, пока не стало слишком поздно.

- Ничего еще не поздно, вот что…

- Привет, Люк.

Люк подскочил, обернулся и увидел Эйвери Диксона.

- Привет. Как батут?

- Хороший. Только скучно. Знаешь что? Мне сделали укол, и я даже не заплакал.

- Ты молодец.

- Хочешь посмотреть телевизор в комнате отдыха перед обедом? У них есть *Никелодеон*, Айрис так сказала. *Губка Боб*, *Расти-механик* и *Шумный дом*.

- Не сейчас, - сказал Люк, - но ты сам можешь включить телевизор.

Эйвери еще мгновение изучал их обоих, а затем пошел по коридору.

Как только он ушел, Люк снова повернулся к Морин.

- Ничего еще не поздно, вот что я хочу сказать. Но вы должны быстро шевелиться. Встретимся здесь завтра. Я подберу для вас адвоката. Хорошего. С отличным послужным списком. Я обещаю.

- Это... сынок, это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Ему понравилось, когда она назвала его сынком. Это вызвало у него теплое чувство. Глупо, может быть, но что поделать.

- Но это правда. То, что они пытаются сделать с вами, - вот это слишком плохо, чтобы быть правдой. Мне нужно идти. Начинается обед.

- Я этого не забуду, - сказала она и сжала его руку. - Если ты сможешь…

В дальнем конце коридора с грохотом распахнулись двери. Люк вдруг понял, что сейчас увидит пару надзирателей, наверняка самых злобных - может быть, Тони и Зика, - которые придут прямо за ним. Они отволокут его куда-нибудь и будут расспрашивать, о чем они с Морин говорили, а если он сразу не расколется, они воспользуются

“особой техникой допроса”, пока он все не выложит. Он попал бы в беду, но беда Морин могла оказаться куда хуже.

- Успокойся, Люк, - сказала она. - Это просто новые жильцы.

В дверях появились трое одетых в розовое надзирателей. Они тянули за собой вереницу каталок. На первых двух спали девушки, обе блондинки. На третьей лежала туша рыжеволосого мальчика. Предположительно поклонника рестлинга. Все спали. Когда они подъехали ближе, Люк произнёс:

- Святой ворон, я думаю, что эти девочки - близнецы! Как же похожи!

- Ты прав. Их зовут Герда и Грета. А теперь иди и съешь что-нибудь. Я должна помочь разместить вновь прибывших по комнатам.

11

Эйвери сидел в одном из шезлонгов, болтая ногами, поедая *Слим Джим*[111] и наблюдая за происходящим в *Бикини Боттом*.

- Я получил два жетона за то, что не плакал, когда мне сделали укол.

- Молодец.

- Ты можешь взять одну, если хочешь.

- Нет, спасибо. Оставь на потом.

- О'кей. *Губка Боб* это хорошо, но я хотел бы вернуться домой. - Эйвери не плакал, не рыдал или что-то в этом роде, но из уголков его глаз текли слезы.

- Да, и я тоже. Не плачь.

Эйвери шмыгнул носом, и Люк сел рядом с ним. Было тесновато, но это было хорошо. Люк приобнял Эйвери за плечи. Эйвери ответил, положив голову на плечо Люка, что сильно затронуло его чувства, и ему самому захотелось плакать.

- Ты знаешь что, у Морин есть ребенок? - Спросил Эйвери.

- Да? Ты думаешь?

- Конечно. Он был маленьким, но теперь он большой. Даже старше Ники.

- Ага, ладно.

- Это секрет. - Эйвери не сводил глаз с экрана, где Патрик спорил с мистером Крабсом. - Она откладывает для него деньги.

- Неужели? И откуда ты это знаешь?

Эйвери посмотрел на него.

- Просто знаю. Как знаю и то, что твой лучший друг - Рольф, и ты жил на Уайлдерсмуч-драйв.

Люк изумленно уставился на него.

- Господи, Эйвери.

- Круто, не так ли?

И хотя на его щеках все еще были слезы, Эйвери хихикнул.

12

После обеда Джордж предложил сыграть в бадминтон три на три: он, Ники и Хелен против Люка, Калиши и Айрис. Джордж сказал, что команда Ники может даже взять Эйвери в качестве бонуса.

- Он не бонус, он обуза, - сказала Хелен и махнула рукой в сторону облака насекомых, окружавших ее.

- А что такое обуза? - Спросил Эйвери.

- Если хочешь знать, прочитай мои мысли, - сказала Хелен. - Кроме того, бадминтон - это для слабаков, которые не умеют играть в теннис.

- Ну и веселая же *ты* компания, - сказала Калиша.

Хелен, направляясь к столикам для пикника и игровому шкафу, не оглядываясь, подняла средний палец над плечом. И покачала им. Айрис сказала, что пусть Ники и Джордж сыграют против Люка и Калиши; она, Айрис, постоит в сторонке. Эйвери сказал, что поможет команде Люка. Все сочли это разумным, и игра началась. Счет был десять-все, когда дверь в гостиную с грохотом распахнулась, и вышел новый мальчик, пытающийся идти по прямой. Он выглядел ошеломленным из-за действия какого-то наркотика в его организме. Он так же выглядел взбешенным. Люк предположил, что его рост около шести футов, а возраст, возможно, лет шестнадцать. Впереди он нес внушительный живот - наеденное брюшко, которое в зрелом возрасте может превратиться в пивное брюхо, - но его загорелые руки бугрились мышцами, и еще у него были потрясающие грудные мышцы, накачанные, возможно, подтягиванием. Его щеки были усыпаны веснушками и прыщами. Его глаза были розовыми и раздраженными. Его рыжие волосы торчали во все стороны растрепанными клочьями. Они все прекратили то, что делали, чтобы его рассмотреть.

Шепотом, не шевеля губами, как барыга на тюремном дворе, Калиша произнесла:

- Невероятная громадина.

Новенький остановился у батута и оглядел остальных. Он говорил медленно, отрывисто, словно подозревая, что те, к кому он обращался, были примитивными людьми, плохо знающими английский. У него был южный акцент.

- *Что... на хер... за хрень*?

К нему подбежал Эйвери.

- Это Институт. Привет, я Эйвери. Что ты умее…

Новенький уперся ладонью в подбородок Эйвери и толкнул его. Он сделал это без усилий, почти рассеянно, но Эйвери растянулся на одной из подушек, окружающих батут, глядя на новенького с выражением шокированного удивления. Новенький не обратил ни малейшего внимания, ни на него, ни на игроков в бадминтон, ни на Айрис, ни на Хелен, которая прекратила раскладывать пасьянс. Казалось, он разговаривает сам с собой.

- *Что... на хер... за хрень*? - Он раздраженно отмахнулся от насекомых. Как и Люк в свой первый визит на игровую площадку, новичок не смазался репеллентом. Насекомые не просто роились, они подсвечивали его и пробовали на вкус его пот.

- О, чувак, - сказал Ники. - Тебе не следовало опрокидывать Эйвестера. Он просто пытался завести разговор.

Новенький наконец-то обратил на него внимание. Он повернулся к Нику.

- *Кто* ты... *на хер... такой*?

- Ник Уилхольм. Помоги Эйвери подняться.

- *Что*?

Ник выглядел терпеливым.

- Ты сбил его с ног, а теперь помоги подняться.

- Я это сделаю, - сказала Калиша и поспешила к батуту. Она наклонилась, чтобы взять Эйвери за руку, и тут новенький толкнул *её*. Она пролетела мимо мата и растянулась на гравии, поцарапав колено.

Ник бросил ракетку для бадминтона и подошел к новичку. Он упер руки в бока.

- Теперь ты должен помочь им обоим подняться. Я уверен, что ты чертовски дезориентирован, но это не оправдание.

- А если нет?

Ники улыбнулся.

- Тогда я трахну тебя, жирдяй.

Хелен Симмс с интересом наблюдала за происходящим из-за стола для пикника. Джордж, видимо, решил ретироваться на более безопасную территорию. Он направился к двери в столовую, расчистив новичку проход.

- Не обращай на него внимания, хочет быть засранцем, пусть будет, - сказала Калиша Ники. - Мы в порядке, не так ли, Эйвери? - Она помогла ему подняться на ноги и начала пятиться назад.

- Конечно, - ответил Эйвери, но слезы снова текли по его пухлым щекам.

- Кого ты назвала засранцем, сука?

- Должно быть, тебя, походу ты здесь единственный засранец. - Ники сделал шаг навстречу новичку. Люк был очарован этим контрастом. Новичок был кувалдой, Ники - лезвием. - Ты должен извиниться.

- К черту тебя и твои извинения, - сказал новенький. - Я не знаю, что это за место, но я знаю, что здесь не останусь. А теперь вали отсюда.

- Никуда ты отсюда не денешься, - сказал Ники. - Ты здесь надолго, как и все мы.- Он улыбнулся, не показывая зубов.

- Прекратите, вы оба, - сказал Калиша. Она обняла Эйвери за плечи, и Люку не нужно было быть телепатом, чтобы понять, о чем она думает, потому что он думал о том же самом: Новичок весил больше Ники, по меньшей мере, на шестьдесят фунтов, а может, и на восемьдесят, и хотя у новичка на животе было много сала, руки его были крепкими.

- Последнее предупреждение, - сказал новичок. - Вали, или я тебе наваляю.

Джордж, похоже, передумал заходить внутрь. Теперь он подходил обратно к новичку, но не сзади, а сбоку. Сзади подкрадывалась Хелен, не быстро, но с тем же милым небольшим покачиванием бедер, которым так восхищался Люк. И ее фирменной легкой улыбкой.

Лицо Джорджа сосредоточилось, губы сжались, лоб нахмурился. Насекомые, которые кружили вокруг обоих мальчиков, внезапно сбились в тучу и внезапно ударили вновь прибывшего в лицо, словно подчиненные невидимому порыву ветра. Он поднял руку к глазам и отмахнулся от них. Хелен опустилась на колени позади него, и Ники

толкнул рыжего. Новенький растянулся, наполовину на гравии, наполовину на асфальте.

Хелен вскочила на ноги и отпрыгнула в сторону, смеясь и показывая на него пальцем.

- Тебя трахнули, большой мальчик, тебя трахнули, тебя *все* на хрен трахнули!

С яростным ревом новенький начал подниматься. Прежде чем он успел это сделать, Ник шагнул вперед и пнул его в бедро. Сильно. Новенький вскрикнул, схватился за ногу и подтянул колени к груди.

- Господи, прекратите! - Воскликнула Айрис. - Разве у нас и без этого мало неприятностей?

Старый Люк, возможно, согласился бы; новый Люк - Институтский Люк - нет.

- Он первый начал. И, возможно, этот урок ему нужно было преподать.

- Я вас достану! - Всхлипнул новенький. - Я достану всех вас, гребаные грязные драчуны! - Его лицо приобрело тревожный красно-фиолетовый оттенок. Люк поймал себя на том, что размышляет, может ли шестнадцатилетнего толстяка сразить инсульт, и обнаружил - ужасно, но это правда, - что ему на это плевать.

Ники опустился на одно колено.

- Ни хрена у тебя не выйдет, - сказал он. - Сейчас ты должен выслушать меня, жирдяй. Мы не твоя проблема. *Вон* твои проблемы.

Люк оглянулся и увидел трех надзирателей, стоящих плечом к плечу прямо перед дверью: Джо, Хадада и Глэдис. Хадад больше не выглядел дружелюбным, и пластмассовая улыбка Глэдис исчезла. Все трое держали в руках черные гаджеты с торчащими из них проводами. Они еще не вышли, но были готовы. *Потому что ты не должен позволять подопытным животным причинять друг другу боль*, - подумал Люк. *Это единственное, чего ты не должен допускать. Подопытные животные очень ценны.*

- Помоги мне разобраться с этим ублюдком, Люк.

Люк взял одну из рук новичка и обнял его за шею. Ник сделал то же самое с другой. Кожа мальчика была горячей и жирной от пота. Он задыхался сквозь стиснутые зубы. Вместе Люк и Ники подняли его на ноги.

- Ники? - Позвал Джо. - Все в порядке? Дерьмошторм закончился?

- Все закончилось, - сказал Ники.

- Лучше бы так и было, - сказал Хадад. Они с Глэдис вернулись в здание. Джо остался стоять на месте, все еще держа в руках свой черный гаджет.

- Все в полном порядке, - сказала Калиша. - Это был не *настоящий* дерьмошторм, а так, небольшое…

- Недопонимание, - сказала Хелен. - Назовем это пердештормом.

- Он не хотел ничего плохого, - сказала Айрис, - просто был расстроен. - В ее голосе звучала неподдельная доброта, и Люку стало немного стыдно за то, что он был просто счастлив, когда Ники врезал новенькому по бедру.

- Меня сейчас вырвет, - объявил новенький.

- Только не на батут, - сказал Ники. - Мы пользуемся этой штукой. Ну же, Люк. Помоги мне перетащить его к ограждению.

Новичок начал издавать *урк-урк* звуки, его внушительный живот вздымался. Люк и Ники повели его к забору между игровой площадкой и лесом. Они добрались туда как раз вовремя. Новичок приложил голову к металлической сетке и рыгнул на неё, выдавая наружу последние остатки того, что он ел, когда был Свободным ребенком, а не Новичком.

- Фу, - сказала Хелен. - Кто же жрет кукурузу со сливками, фу как же мерзко.

- Лучше? - Спросил Ники.

Новенький кивнул.

- Закончил?

Новенький покачал головой и снова рыгнул, на этот раз с меньшей силой. - А теперь думаю... - Он откашлялся, и выдал еще один залп.

- Господи, - сказал Ники, вытирая щеку. - Вы подаете в душ полотенца?

- Кажется, я сейчас упаду в обморок.

- Не упадешь, - сказал Люк. На самом деле он не был в этом уверен, но решил, что лучше быть на позитиве. - Иди, сядь в тенек.

Они подвели его к столу для пикника. Калиша села рядом и велела ему опустить голову. Он сделал это без возражений.

- Как тебя зовут? - Спросил Ники.

- Гарри Кросс. - Бойцовский дух вышел из него. Он казался уставшим и униженным. - Я из Сельмы. Это в Алабаме. Я не знаю, как

я сюда попал, что вообще происходит.

- Кое-что мы можем тебе рассказать, - сказал Люк, - но ты должен прекратить все это свое дерьмо. Тебе нужно исправиться. Это место достаточно плохое и без драк между собой.

- И ты должен извиниться перед Эйвери, - сказал Джордж. Теперь в нем не было ничего от школьного клоуна. - Начнем с этого.

- Да все в порядке, - сказал Эйвери. - Он не причинил мне вреда.

Калиша не обратила на это внимания.

- Извинись.

Гарри Кросс поднял голову. Он провел рукой по своему раскрасневшемуся и невзрачному лицу.

- Извини, что сбил тебя с ног, малыш. - Он оглянулся на остальных. - Все правильно?

- Половину сделал. - Люк указал на Калишу. - И перед ней тоже.

Гарри тяжело вздохнул.

- Извини, как бы тебя ни звали.

- Это Калиша. Если мы подружимся, что на данный момент кажется маловероятным, ты можешь называть меня Ша.

- Только не называй ее Спортсменкой, - сказал Люк. Джордж рассмеялся и хлопнул его по спине.

- Как скажешь, - пробормотал Гарри. Он вытер что-то со своего подбородка.

- Теперь, когда волнения улеглись, почему бы нам не закончить эту чертову партию в бадминтон?

- Привет, девочки, - сказала Айрис. - Не хотите присоединиться?

Люк огляделся. Джо исчез. Там, где он только что стоял, стояли две маленькие белокурые девочки. Они держались за руки, и на их лицах было одинаковое выражение ошеломленного ужаса. Все в них было одинаковым, за исключением футболок, одна зеленая, другая красная. Люк подумал о Докторе Сьюзе: *Вещь первая и Вещь вторая*[112].

- Идите сюда, - сказала Калиша. - Все в порядке. Неприятности закончились.

Если бы это было так, подумал Люк.

13

В четверть четвертого Люк сидел в своей комнате и выискивал информацию о вермонтских юристах, специализирующихся на *Законе*

о справедливом взыскании долгов. До сих пор никто не спрашивал его, почему он так интересуется именно этой темой. Никто не спрашивал его и о невидимке Герберта Уэллса. Люк предположил, что он мог бы организовать какой-то тест, чтобы выяснить, следят ли они за ним - поиск способов совершить самоубийство, вероятно, сработает - и решил, что это было бы безумием. Зачем пинать спящую собаку? И поскольку это не имело большого значения для его нынешней жизни, то, наверное, лучше было этого не знать.

В дверь оживленно постучали. Она открылась прежде, чем он успел крикнуть “войдите”. На пороге появился новый надзиратель. Высокая и темноволосая, на ее розовом топе красовалась табличка с именем *Присцилла*.

- Глазные опыты, верно? - Спросил Люк, выключая ноутбук.

- Верно. Пойдем. - Без улыбки, не малейшего признака хорошего настроения. После Глэдис Люк почувствовал облегчение.

Они пошли к лифту, затем спустились на Уровень В.

- Как глубоко уходит это место? - Спросил Люк.

Присцилла взглянула на него.

- Не твое дело.

- Я только пытался поддержать разго…

- Понятно, не надо. Просто заткнись.

Люк заткнулся.

Вернувшись в старый добрый кабинет В-17, он заметил, что Зика сменил лаборант, на бейджике которого значилось *Брэндон*. Там также присутствовали двое мужчин в костюмах, один с айпадом, а другой с планшетом. У них не было именных жетонов, поэтому Люк решил, что это врачи. Один из них был очень высоким, с таким животом, что даже Гарри Кроссу стало бы стыдно. Он шагнул вперед и протянул руку.

- Привет, Люк. Я доктор Хендрикс, начальник медицинской службы.

Люк просто смотрел на протянутую руку, не испытывая ни малейшего желания ее пожать. Он пытался внедрить на практике все возможные модели поведения. Это было интересно, но могло привести к ужасным последствиям.

Доктор Хендрикс издал странный хихикающий смешок, наполовину выдохнув, наполовину вдохнув.

- Все хорошо, все нормально. Это доктор Эванс, ответственный за офтальмологические операции. - Он снова сделал ха-ха выдох/вдох, и Люк предположил, что фраза *офтальмологические операции* была своеобразной шуткой от толстого доктора.

Доктор Эванс, маленький человечек с вычурными усиками, не рассмеялся и даже не улыбнулся этой шутке. Он даже не протянул руку для рукопожатия.

- Значит, ты один из наших новобранцев. Добро пожаловать. Присаживайся, пожалуйста.

Люк сделал, как ему было велено. Сидеть в кресле было, конечно, лучше, чем стоять, склонившись над ним с торчащей голой задницей. Кроме того, он был уверен, что знает, что сейчас произойдет. Его глаза уже осматривали и раньше. В кинофильмах гений-ботаник всегда носил очки с толстыми стеклами, но зрение Люка было 200/200, по крайней мере, до сих пор. Он чувствовал себя более или менее непринужденно, пока Хендрикс не подошел к нему со шприцом. При его виде у Люка упало сердце.

- Не волнуйся, просто еще один укольчик. - Хендрикс снова хихикнул, показав острые зубы. - Много выстрелов, как в Армии[113].

- Конечно, потому что я призывник, - ответил Люк.

- Правильно, совершенно верно. Сиди спокойно.

Люк принял укол, не протестуя. Не было никакой вспышки тепла, но затем что-то еще начало происходить. Нечто хреновое. Когда Присцилла наклонилась, чтобы нацепить на свежую рану прозрачный пластырь, он начал задыхаться.

- Я не могу...“*сглотнуть*”, - вот что хотел он сказать, но не смог.

- Все в порядке, - сказал Хендрикс. - Это пройдет.- Звучало бодро, но другой доктор приближался с трубкой, которую он, очевидно, намеревался засунуть Люку в горло, если возникнет на то необходимость. Хендрикс положил руку ему на плечо. - Дай несколько секунд.

Люк в отчаянии смотрел на них, слюна стекала по его подбородку, уверенный, что это будут последние лица, которые он увидит... и тут горло отпустило. Он громко вскрикнул, хватая ртом воздух.

- Видишь? - Сказал Хендрикс. - Все в норме. Джим, и не нужно никакой интубации[114].

- Что... что ты со мной сделал?

- Да, в общем, ничего необычного. Все в норме.

Доктор Эванс передал пластиковую трубку Брэндону и занял место Хендрикса. Он посветил фонариком в глаза Люка, затем взял маленькую линейку и измерил расстояние между зрачками. - Никаких корректирующих линз?

- Я хочу знать, что это было! Я не мог *дышать*! Я не мог *глотать*!

- Все в норме, - сказал Эванс. - Глотает, как Чемпион. Цвет лица возвращается в норму. Ты сейчас носишь корректирующие линзы?

- Не ношу, - ответил Люк.

- Хорошо. Рад за тебя! Смотри прямо перед собой, пожалуйста.

Люк посмотрел на стену. Ощущение, что он забыл, как дышать, исчезло. Брэндон опустил белый экран, затем приглушил свет.

- Смотри прямо перед собой, - сказал доктор Эванс. - Если ты хоть раз отвернешься, Брэндон даст тебе пощечину. Если ты отвернешься второй раз, он ударит тебя током - напряжение низкое, но будет очень больно. Понятно?

- Да, - ответил Люк. Он сглотнул. С горлом все было в порядке, но сердце все еще билось с удвоенной силой. - AMA[115] об этом знает?

- Тебе нужно заткнуться, - сказал Брэндон.

Заткнись*здесь, кажется, главное выражение*, - подумал Люк. Он сказал себе, что худшее позади, теперь это просто будет проверка зрения, другие дети прошли же через это, и с ними все было в порядке, но он продолжал сглатывать, проверяя, что может это делать. Они спроецировали карту для проверки зрения, он ее читал, ничего необычного.

- Смотри прямо, - почти пропел Эванс. - На экран, и больше никуда.

Заиграла музыка - скрипки играли классику. *Должно оказывать успокаивающее действие*, предположил Люк.

- Присс, включи проектор, - сказал Эванс.

Вместо глазной диаграммы в центре экрана появилось синее пятно, слегка пульсирующее, как будто у него тоже было сердцебиение. Под ним появилось красное пятно, заставившее его вспомнить о Хале... Затем появилось зеленое пятно. Красные и зеленые пятна пульсировали синхронно с синим, затем все три начали мигать. Стали появляться и другие, сначала одно за другим, потом по

два, потом десятками. Вскоре экран заполнился сотнями мигающих цветных точек.

- На экран, - пропел Эванс. - *Экрааааааан.* Больше никуда.

- Значит, если я не увижу их самостоятельно, ты их спроецируешь? Что-то типа прокачки насоса, что ли? Это не…

- Заткнись. - На этот раз Присцилла.

Теперь точки начали кружиться. Они бешено гонялись друг за другом, некоторые, казалось, закручивались в спираль, некоторые собирались в стаю, некоторые образовывали круги, которые поднимались, опускались и пересекались. Скрипки набирали скорость, легкая классическая мелодия превратилась в нечто похожее на музыку в стиле *хоедаун*[116]. Теперь точки не просто двигались, они превратились в электронный рекламный щит на Таймс-сквер, у которого замкнула проводка и он начал сходить с ума. Люк почувствовал, что и сам начинает потихоньку сходить с ума. Он подумал о Гарри Кроссе, блевавшем на сетчатый забор, и понял, что сделает то же самое, если будет продолжать смотреть на эти безумно мчащиеся цветные точки, и если немедленно не отвернется, то все, что он сегодня съел, окажется у него на коленях, и это…

Брэндон отвесил ему хорошую пощечину. Звук был похож на маленькую петарду, взорвавшуюся где-то рядом.

- Смотри на экран, Спортсмен.

Что-то теплое пробежало по его верхней губе.

Сукин сын разбил мне нос и щеку, - подумал Люк, но это были лишь цветочки. Кружащиеся точки проникали в его голову, вторгались в мозг, как энцефалит или менингит. Или сразу *оба* эти заболевания.

- Ладно, Присс, выключи, - сказал Эванс, но она, должно быть, его не услышала, потому что точки никуда не делись. Они расцветали и гасли, потом расцветали еще ярче, чем были: *расползались* и *свертывались* обратно, *расползались* и *свертывались*. Они двигались в трехмерном режиме, отрываясь от экрана, устремляясь к нему, устремляясь обратно, устремляясь к нему, устремляясь…

Ему казалось, что Брэндон говорит что-то Присцилле, но это должно было быть только в его голове, ведь верно? И действительно ли кто-то кричал? Если да, то мог ли это быть он?

- Хороший мальчик. Люк, все в порядке, с тобой все в порядке. - Голос Эванса, доносящийся издалека. С беспилотника, летящего

высоко в стратосфере. Может быть, с обратной стороны Луны.

Еще больше цветных точек. Теперь они были не только на экране, они были на стенах, кружились на потолке, повсюду вокруг него, внутри него. В последние несколько секунд перед тем, как он потерял сознание, до Люка дошло, что они заменяют ему мозг. Он видел, как его руки взлетают вверх среди точек света, видел, как они дергаются и бегают по его коже, осознал, что мечется из стороны в сторону в кресле.

Он пытался сказать: *У меня припадок, вы меня сейчас убьете*, но из его рта вырвался лишь жалкий булькающий звук. Затем точки исчезли, он падал со стула, он падал в темноту, и это было облегчением. О Боже, какое же это было облегчение.

14

Его вывели из бессознательного состояния. Это были не крепкие пощечины, не такие, как та, от которой у него пошла кровь из носа (если это действительно имело место быть), но и не ласковые похлопывания. Он открыл глаза и обнаружил, что лежит на полу. Это была другая комната. Присцилла опустилась на одно колено рядом с ним. Это она била его по щекам. Брэндон и два врача стояли рядом и наблюдали. У Хендрикса в руках все еще был айпад, а у Эванса - планшет.

- Он очнулся, - сказала Присцилла. - Ты можешь встать, Люк?

Люк не знал, может он или нет. Четыре или пять лет назад он заболел ангиной, и у него поднялась высокая температура. Сейчас он чувствовал себя так же, как и тогда, словно половина его тела оторвалась и летает в воздухе. Во рту был отвратительный привкус, а место последней инъекции зудело как сумасшедшее. Он все еще чувствовал, как у него саднит горло, и это было ужасно.

Брэндон не дал Люку возможности проверить свои ноги, просто схватил его за руку и поднял. Люк стоял, покачиваясь.

- Как тебя зовут? - Спросил Хендрикс.

- Люк... Лукас... Эллис. - Слова, казалось, исходили не из его рта, а из оторванной половины его тела, парящей над головой. Он очень устал. Его лицо пульсировало от пощечин, а нос болел. Он поднял руку (она медленно поплыла вверх, словно сквозь воду), потер кожу над губой и без удивления увидел струпья засохшей крови на пальце. - Как долго я был без сознания?

- Усадите его, - сказал Хендрикс.

Брэндон взял его за одну руку, Присцилла - за другую. Они подвели его к стулу (простому кухонному стулу без ремней, слава Богу). Его посадили за стол. Эванс сидел по другую сторону на еще одном кухонном стуле. Перед ним лежала стопка карточек. Они были большими, как книги в мягкой обложке, и имели простые синие корешки.

- Я хочу вернуться в свою комнату, - сказал Люк. Его голос по-прежнему, казалось, исходил не из его рта, но в этот раз он был немного ближе. Возможно. - Я хочу прилечь. Я болен.

- Твоя дезориентация пройдет, - сказал Хендрикс, - хотя было бы разумно пропустить ужин. А сейчас я хочу, чтобы ты обратил внимание на доктора Эванса. У нас есть небольшой тест для тебя. Как только все закончится, ты сможешь вернуться в свою комнату и... эм... расслабиться.

Эванс взял первую карточку и посмотрел на нее.

- Что видишь?

- Карточку, - сказал Люк.

- Прибереги шутки для своего сайта на *Ю-Тьюбе*, - сказала Присцилла и отвесила ему пощечину. Это была гораздо более тяжелая пощечина, чем та, что она использовала, чтобы привести его в чувство.

У Люка зазвенело в ухе, но, по крайней мере, голова немного прояснилась. Он посмотрел на Присциллу и не увидел в её глазах ни тени сомнения. Никакой жалости. Никакого сочувствия. Ничего. Люк понял, что для нее он вовсе не ребенок. Она сделала какое-то важное разделение в своем сознании. Он был для неё простым подопытным кроликом. Вы заставляете его делать то, что вы хотите, а если он артачится, вы применяете то, что психологи называют негативной стимуляцией. А когда тесты закончились? Вы спускаетесь в комнату отдыха, пьете кофе и едите датскую плюшку и рассказываете о своих собственных детях (которые были настоящими детьми) или ноете о политике, спорте, да о чем угодно.

Но разве он об этом не догадывался? Он предполагал, что да, только догадываться о чем-либо и знать наверняка - это две разные вещи. Люк предвидел, что настанет время - и весьма скоро, - когда он будет съеживаться каждый раз, когда кто-нибудь протянет к нему

открытую ладонь, даже если это будет всего лишь рукопожатие или “Дай пять”.

Эванс осторожно отложил карточку в сторону и взял из стопки другую.

- А как насчет этой, Люк?

- Я же сказал, что не знаю! Как я могу знать, что…

Присцилла снова дала ему пощечину. Звон стал сильнее, и Люк заплакал. Он ничего не мог с собой поделать. Он думал, что попадание в Институт было кошмаром, но настоящий кошмар начался тогда, когда он наполовину вышел из своего тела, а ему велят сказать, что нарисовано на карточках, которые он не мог видеть, и получает пощечину, когда говорит, что не знает.

- Попробуй, Люк, - сказал Хендрикс в ухо, которое не звенело.

- Я хочу вернуться в свою комнату. Я *устал*. И меня тошнит.

Эванс отложил вторую карточку в сторону и взял третью.

- Что на этой?

- Вы совершаете ошибку, - сказал Люк. - Я ТК, а не ТП. Может быть, Калиша могла бы сказать вам, что на этих карточках, и я уверен, что Эйвери мог бы, *но я не ТП*!

Эванс взял четвертую.

- Что на этой? Больше никаких пощечин. Скажи мне, или на этот раз Брэндон ударит тебя своим электрошокером, и тебе будет очень больно. Возможно, с тобой не случится еще одного приступа, но это не факт, так что скажи мне, Люк, что на этой?

- Бруклинский Мост! - Закричал он. - Эйфелева Башня! Брэд Питт в смокинге, срущая собака, Инди 500, *я не знаю*!

Он ждал удара электрошокером. Может, он будет потрескивать, а может, прожужжит. Может быть, он вообще не издаст ни звука, и он просто дернется и упадет на пол, дергаясь и пуская слюни. Вместо этого Эванс отложил карточку в сторону и жестом велел Брэндону отойти. Люк не почувствовал облегчения.

Лучше бы я умер, - подумал он. *Мертвым все пофигу*.

- Присцилла, - сказал Хендрикс, - отведи Люка в его комнату.

- Да, Доктор. Брэн, помоги мне дотащить его до лифта.

К тому времени, как они его туда доставили, Люк снова почувствовал себя целостным, его разум вернулся к обычной работе.

Неужели они действительно выключили проектор? И он *все еще* продолжал видеть точки?

- Вы совершили ошибку. - У Люка пересохло во рту и в горле. - Я не из тех, кого вы называете ТП. Вы ведь это знаете, да?

- Неважно, - безразлично ответила Присцилла. Она повернулась к Брэндону, искренне ему улыбнулась и сразу стала другим человеком. - Увидимся позже, хорошо?

Брэндон усмехнулся.

- Можешь не сомневаться. - Он повернулся к Люку, внезапно сжал кулак и выкинул его в сторону его лица. Кулак остановился в дюйме от носа Люка, но тот все равно съежился и вскрикнул. Брэндон от души рассмеялся, а Присцилла одарила его снисходительной озорной улыбкой.

- Веди себя с ней потише, Люк, - сказал Брэндон и направился вниз по коридору Уровня В развязной походкой, прижимая к бедру кобуру с электрошокером.

В главном коридоре, который, как теперь понял Люк, был жилым крылом, стояли маленькие девочки, Герда и Грета, и смотрели на них широко раскрытыми испуганными глазами. Они держались за руки и сжимали в руках кукол, таких же одинаковых, как они сами. Они напомнили Люку близнецов из какого-то старого фильма ужасов.

Присцилла проводила его до двери и ушла, ничего не сказав. Люк вошел, увидел, что никто не заходил, чтобы забрать его ноутбук, и рухнул на кровать, даже не сняв обувь. Там он проспал следующие пять часов.

15

Миссис Сигсби уже ждала, когда доктор Хендрикс, он же Донки Конг, вошел в личный кабинет, примыкавший к ее офису. Она сидела на маленьком диванчике. Он протянул ей папку.

- Я знаю, что вы поклоняетесь печатным копиям, так что вот. Но много ли вам от этого пользы?

Она не открыла папку.

- От этого мне ни пользы, ни вреда, Дэн. Это ваши опыты, ваши вторичные эксперименты, и они, похоже, плодов не приносят.

Он с упрямством выпятил вперед челюсть.

- Агнес Джордан. Уильям Гортсен. Вина Патель. Двое или трое других, чьи имена сейчас не могу вспомнить. Донна какая-то. Со

всеми ними у нас были положительные результаты.

Она вздохнула и пригладила свои редеющие волосы. Хендрикс подумал, что у Сиггерс птичья морда: острый нос вместо клюва, но такие же жадные маленькие глазки. Птичья морда, а за ней мозги бюрократа. Это безнадежно.

- И десятки розовых, с которыми у тебя не было никаких результатов.

- Возможно, это и так, но вы только подумайте, - сказал он, потому что то, что он в действительности хотел сказать, - *Как ты можешь быть такой тупой?* - доставило бы ему массу неприятностей. - Если телепатия и телекинез связаны, как предполагают мои эксперименты, то могут быть и другие экстрасенсорные способности, скрытые и ожидающие, когда их выведут на передний план. А что если возможности этих детей, даже самых талантливых это всего лишь верхушка айсберга? Предположим, что лечение психических расстройств - это реальность? Предположим, что глиобластому, подобную той, что убила Джона Маккейна, можно вылечить простой силой мысли? Предположим, что эти способности могут быть направлены на продление жизни, возможно, до ста пятидесяти лет, а может и дольше? То, для чего мы их используем, не обязательно должно быть концом; это может быть только началом!

- Я все это уже слышала, - сказала Миссис Сигсби. - Оставьте этот пафос для ваших программных заявлений.

Слышала, но не понимаешь, - подумал он. *Как и Стэкхаус. Эванс делает вид, что понимает, но даже он не видит в этом огромный потенциал.*

- Это не значит, что тот парень, Эллис или Айрис Стэнхоуп представляют особую ценность. Мы не зря называем их никчемно розовыми. - Он выдал фыркающий звук и махнул рукой.

- Двадцать лет назад это было бы полезнее, чем сейчас, - ответила Миссис Сигсби. - Даже десять.

- Но…

- Хватит, Дэн. Проявились ли у Эллиса признаки ТП, или нет?

- Нет, но он продолжал видеть свет даже после того, как проектор был выключен, что мы считаем признаком. *Убедительным* признаком. Потом, к сожалению, у него случился припадок. Что не редкость, как вы знаете.

Она вздохнула.

- Я не возражаю против того, чтобы вы продолжили свои тесты с Огнями Штази, Дэн, но вам нужно учитывать их перспективу. Наша главная цель - подготовить здешних обитателей к жизни в Задней Половине. Вот что самое главное, вот в чем цель. Любые побочные эффекты не представляют большого интереса. Руководство не заинтересовано в психическом эквиваленте *Рогейна*[117].

Хендрикс отшатнулся, словно она его ударила.

- Лекарство от гипертонии, которое также оказалось способным отращивать волосы на черепах лысых обывателей, вряд ли находится в одной лиге с процедурой, способной изменить ход человеческого существования!

- Возможно, и нет, и, возможно, если бы ваши опыты давали более частые результаты, я - и люди, которые платят нам жалованье - были бы в большем восторге. Но все, что у вас сейчас есть, это несколько случайных попаданий.

Он открыл было рот, чтобы возразить, но, когда она бросила на него свой самый грозный взгляд, тут же его закрыл.

- Ты можешь пока продолжать свои испытания, довольствуйся этим. Ты должен быть доволен, учитывая, что в результате них мы потеряли несколько детей.

- Розовых, - сказал он и снова выдал этот *пренебрежительный* звук.

- Ты ведешь себя так, словно их пруд пруди, - сказала она. - Может, когда-то и было, но не сейчас, Дэн. Не сейчас. А пока, вот тебе досье.

Это была красная папка. На ней было написано ПЕРЕСЕЛЕНИЕ.

16

Когда вечером Люк вошел в комнату отдыха, то увидел Калишу, сидящую на полу, прислонившись спиной к одному из больших окон, выходящих на игровую площадку. Она потягивала из маленькой бутылочки спиртное, которое можно было купить в автомате.

- Ты пьешь эту дрянь? - Спросил он, садясь рядом с ней. На игровой площадке Эйвери и Хелен скакали на батуте. Очевидно, она учила его делать сальто. Скоро станет слишком темно, и им придется зайти в здание. Хотя площадка никогда не закрывалась, освещения на ней не было, что отпугивало большинство ночных визитеров.

- Впервые. Использовала все мои жетоны. Весьма гадкий напиток. Хочешь немного? - Она протянула бутылочку, в которой плескалось нечто под названием *Крученый чай*[118].

- Я пас. Ша, почему ты не сказала мне, что опыты со светом такие ужасные?

- Зови меня Калиша. Ты единственный, кто знает, что мне это нравится. - Ее голос был немного невнятным. Она сделала не больше нескольких глотков этого алкогольного чая, и он предположил, что привычки к этому у неё не будет.

- Хорошо, Калиша. Почему ты мне не сказала?

Она пожала плечами.

- Они заставляют тебя смотреть на танцующие разноцветные огоньки, пока тебя немного не заглючивает. Что в этом плохого? - *Что* вышло как *шт*.

- Неужели? Это и все, что с тобой случилось?

- Да. А что? Что случилось *с тобой*?

- Сначала мне сделали укол, и у меня была реакция. У меня перехватило горло. На минуту мне казалось, что я сейчас умру.

- Хм. Они и мне делали укол перед тестом, но ничего такого не произошло. Это на самом деле звучит хреново. Прости, Люк.

- Это была хрень номер один. Я потерял сознание, пока смотрел на огни. Кажется, у меня случился припадок. - К тому же он немного намочил штаны, но эту информацию Люк сохранил при себе. - Когда я очнулся... - Он помолчал, пытаясь взять себя в руки. Ему не хотелось плакать перед этой хорошенькой девушкой с красивыми карими глазами и вьющимися черными волосами. - Чтобы я очнулся, они надавали мне пощёчин.

Она села прямо.

- *Что-то* спрашивали?

Он кивнул.

- После чего один из докторов... Эванс, ты его знаешь?

- Тот, с винтажными усишками. - Она сморщила нос и сделала еще один глоток.

- Да, он. У него были какие-то карточки, и он пытался заставить меня сказать, что на них нарисовано. Это были экстрасенсорные карты. Уверен. Ты рассказывала мне о них, помнишь?

- Конечно. Они проверяли их на мне дюжину раз. Два десятка. Но не после огней. Они просто приводили меня для этого из моей комнаты. - Она сделала еще один маленький глоток. - Они, должно быть, перепутали свои документы, подумали, что ты ТП, а не ТК.

- Сначала я так и подумал и сказал им об этом, но они продолжали меня бить. Как будто думали, что я притворяюсь.

- Самое безумное, что я когда-либо слышала, - сказала она. *Слшл* вместо *слышала*.

- Я думаю, это произошло, потому что я не тот, кого вы называете плюс. Я обычный. Они называют нас обычными розовыми детьми.

- Да. Розовыми. Все верно.

- А как насчет других детей? Случалось ли с ними что-нибудь подобное?

- Никогда их не спрашивала. Уверен, что не хочешь немного?

Люк взял бутылочку и сделал глоток, главным образом для того, чтобы она сама не выпила все до дна. По его мнению, с нее было достаточно. Все было так ужасно, как он и ожидал. Он вернул ей бутылочку.

- Разве ты не хочешь знать, за что я пью?

- За что?

- За Айрис. В её память. Она такая же, как и ты, ничего особенного, просто немного ТК. Они пришли и забрали ее час назад. И, как сказал бы Джордж, мы ее больше не увидим.

Она начала плакать. Люк ее обнял. Он не мог придумать, что еще можно сделать. Она положила голову ему на плечо.

17

В тот вечер он снова зашел на сайт *Мистер Гриффин*, набрал веб-адрес *Стар Триб* и смотрел на него почти три минуты, прежде чем отступить, не нажимая ВВОД. *Трус*, подумал он. *Я трус. Если они мертвы, я должен это выяснить.* Только он не знал, сможет ли встретить эту новость, не сломавшись окончательно. Кроме того, какая от этого польза?

Вместо этого он набрал *Вермонтские юристы по работе с кредитными долгами*. Он уже исследовал все, что мог по этой теме, но сказал сам себе, что перепроверка будет хорошей идеей. И это поможет скоротать время.

Через двадцать минут он отключился и уже раздумывал, не прогуляться ли и не посмотреть, что там творится за пределами комнаты (посещение Калиши было в приоритете, если только она не отсыпалась), когда цветные точки вернулись. Они закружились перед его глазами, и мир начал исчезать. Как поезд, отходящий от станции, и набирающий ход пока он наблюдает за ним с платформы.

Он опустил голову на закрытую крышку ноутбука и глубоко вздохнул, приказывая себе держаться, держаться, просто держаться. Говоря себе, что это пройдет, не позволяя себе задаваться вопросом: *Что случится, если этого не произойдет.* С глотанием проблем не возникало, и, в конце концов, это чувство отдаления от себя - погружения во Вселенную кружащихся огней - *прошло*. Он не знал, сколько времени это заняло, может быть, всего минуту или две, но чувствовал, что гораздо дольше.

Он пошел в ванную и почистил зубы, глядя на себя в зеркало. Они могли знать о точках, вероятно, *знали* о точках, но не о другом. Он понятия не имел, что было на первой карточке или на третьей, но на второй был мальчик на велосипеде, а на четвертой - маленькая собака с мячиком во рту. Черная собака, красный шар. Похоже, он все-таки был ТП.

Или *стал* им.

Он прополоскал рот, выключил свет, разделся и лег на кровать. Эти огоньки изменили его статус. Они догадывались, что такое может случиться, но не были уверены. Он не знал, какой он может извлечь из этого толк, но…

Он был простым подопытным кроликом, скорее всего, все они были таковыми, но над низкоуровневыми ТП и ТК - розовыми - ставились дополнительные опыты. Почему? Потому что они были менее ценными? Просто расходный материал, если что-то пойдет не так? Уверенности не было, но Люк считал, что это вполне вероятно. Врачи считали, что эксперимент с карточками провалился. Это было хорошо. Это были плохие люди, и хранить секреты от плохих людей это хорошо, ведь верно? Но у него была мысль, что огоньки могут иметь какую-то иную цель помимо повышения способностей розовых, потому что над сильными ТП и ТК, такими как Калиша и Джордж, также ставились эти опыты. Что же это могла быть за цель?

Он не знал. Он только знал, что точки исчезли, и Айрис исчезла, но точки могут вернуться, а Айрис уже не вернется. Айрис переведена в Заднюю Половину, и они больше ее не увидят.

18

На следующее утро за завтраком было девять детей, но после ухода Айрис они почти не разговаривали и не смеялись. Джордж Айлс за все утро не ввернул ни одной из своих обычных шуточек. Хелен Симмс завтракала конфето-сигаретами. Гарри Кросс достал из буфета гору омлета и, не отрываясь от тарелки, принялся за работу, запихивая его в рот вместе с беконом и домашней картошкой фри. Маленькие девочки, Грета и Герда Уилкокс, ничего не ели, пока не появилась Глэдис с солнечной улыбкой и всем остальным, и уговорила их откусить по несколько кусочков. Близнецы, казалось, приободрились от ее внимания, даже начали немного улыбаться. Люк подумал о том, чтобы позже отвести их в сторону и сказать, чтобы они не доверяли этой улыбке, но это их только напугало бы, так что в этом хорошего?

Что в этом хорошего, становилось мантрой, и он признался сам себе, что размышлять об этом - плохой вариант, шаг по пути к принятию этого места. Он не хотел по нему продвигаться, ни за что не хотел, но логика есть логика. Если маленькие Б утешались от внимания больших Д, возможно, это было к лучшему, но когда он думал о тех девочках, знакомящихся с ректальным термометром... и огоньками...

- Да что с тобой такое? - Спросил Ники. - Ты выглядишь так, словно съел лимон.

- Ничего. Думаю об Айрис.

- Она уже в прошлом, чувак.

Люк посмотрел на него.

- Это жестоко.

Ники пожал плечами.

- Правда часто такова. Хочешь поиграть в *лошадку*?

- Нет.

- Давай. Я дам тебе фору с *Л* и даже дам тебе шанс отыграться после поражения.

- Я пас.

- Слабо? - Беззлобно спросил Ники.

Люк покачал головой.

- Просто навевает грустные воспоминания. Я раньше часто играл в эту игру со своим отцом. - Он слышал это *раньше* и ненавидел себя за это.

- Ладно, услышал. - Он посмотрел на Люка с таким выражением, которое Люк едва мог вынести, особенно от Ники Уилхолма. - Послушай, парень...

- Что?

Ники вздохнул.

- Я буду там, если ты передумаешь.

Люк вышел из кафешки и начал бродить сначала по своему коридору - просто еще один день в раю - а затем по другому, который он теперь считал коридором Автомата для льда. Морин нигде не было видно, поэтому он продолжал брожение. Он прошел мимо всех мотивационных плакатов и комнат, по девять с каждой стороны. Все двери были распахнуты, за ними виднелись незастеленные кровати и стены без постеров. Это делало их похожими на то, чем они и были на самом деле: тюремные камеры для детей. Он миновал лифтовую пристройку и продолжил свой путь мимо других комнат. Некоторые выводы напрашивались сами собой. Во-первых, когда-то в Институте было гораздо больше “гостей”. Или те, кто за это все ответственен, были слишком оптимистичны.

В конце концов, Люк добрался до другой комнаты отдыха, где уборщик с большими бицепсами по имени *Фред* апатично проводил влажную уборку. Здесь тоже стояли автоматы с закусками и напитками, но они были пусты и отключены. Снаружи не было игровой площадки, только куча гравия, еще одно сетчатое ограждение с несколькими скамейками за ним (предположительно для сотрудников, которые хотели отдохнуть), и низкое зеленое административное здание в семидесяти ярдах или около того дальше по ходу движения. Логово Миссис Сигсби, которая сказала ему, что он здесь, чтобы служить Родине.

- Что ты здесь делаешь? - Спросил уборщик Фред.

- Просто гуляю, - ответил Люк. - Осматриваю достопримечательности.

- Здесь нет никаких достопримечательностей. Возвращайся туда, откуда пришел. Играй с другими детьми.

- А если я откажусь? - Это прозвучало скорее жалко, чем вызывающе, и Люк пожалел, что не удержал рот на замке.

На одном бедре у Фреда висела рация, на другом - шокер. Он прикоснулся к последнему.

- Возвращаться. Больше я тебя предупреждать не буду.

- О'кей. Хорошего дня, Фред.

- К херам твои пожелания. - Бицепсы пришли в движение.

Люк отступил, удивляясь тому, как быстро все его безусловные предположения о взрослых - и в первую очередь, что они были добры к тебе, если ты был добр к ним - были разрушены. Он старался не заглядывать во все эти пустые комнаты, когда проходил мимо них. Они были жуткими. Сколько детей в них жило? Что случилось с ними, когда их перевели в Заднюю Половину? И где они сейчас? Дома?

- Хер бы их побрал, - пробормотал он и пожалел, что рядом нет мамы, которая услышала бы, как он произносит это выражение, и сделала бы ему выволочку. То, что рядом с ним не было отца - было плохо. То, что рядом с ним не было матери, было похоже на утрату нескольких зубов.

Добравшись до коридора, где стоял автомат со льдом, он увидел корзину для белья *Дандукс* Морин, стоящую возле комнаты Эйвери. Он просунул голову внутрь, и она улыбнулась ему, разглаживая покрывало на кровати Эйвестера.

- Все в порядке, Люк?

Глупый вопрос, но он знал, что она не шутит; просто то, как он это узнал, могло иметь какое-то отношение к вчерашнему световому шоу. Сегодня лицо Морин было бледнее, морщины вокруг рта глубже. Люк подумал, что с этой женщиной далеко не все в порядке.

- Конечно. А как насчет вас?

- Я в порядке. - Она лгала. Это не было похоже на догадку или озарение; это было похоже на твердый факт. - Только вот этот - Эйвери - вчера вечером обмочил постель. - Она вздохнула. - Он не первый и вряд ли будет последним. К счастью, влага не прошла через наматрасник. Береги себя, Люк. Хорошего дня. - Она смотрела прямо на него с надеждой в глазах. Вот только то, что стояло за ними, надежду не вселяло. Он снова подумал: *Они изменили меня. Я не знаю, как и насколько, Но да, они изменили меня. Добавили что-то новое.* Он

был очень доволен, что солгал насчет карт. И очень рад, что они поверили его лжи. По крайней мере, сейчас.

Он сделал движение, чтобы уйти, но потом обернулся.

- Пожалуй, схожу, наберу льда. Вчера они немного поколотили меня, и у меня болит лицо.

- Сделай это, сынок. Сделай.

И снова это слово *сынок* его согрело. Ему захотелось улыбнуться.

Он взял ведерко, которое все еще стояло в его комнате, вылил талую воду в раковину ванной и пошел к автомату со льдом. Морин стояла там, прижавшись задом к стене из шлакоблоков, положив руки на голени почти у самых лодыжек. Люк поспешил к ней, но она отмахнулась.

- Просто растягиваю спину. Вправляю позвонки.

Люк открыл дверцу автомата со льдом и достал совок. Он не мог передать ей записку, как Калиша передала ему, потому что, хотя у него и был ноутбук, у него не было ни бумаги, ни ручки. Даже огрызка карандаша не было. Может, это и хорошо. Записки здесь были опасны.

- Лия Финк, в Берлингтоне, - пробормотал он, зачерпывая лед. - Рудольф Дэвис, в Монпелье. У обоих по пять звезд на *Дотошном адвокате*. Это специализированный веб-сайт. Вы сможете запомнить имена?

- Лия Финк, Рудольф Дэвис. Благослови тебя Господь, Люк.

Люк понимал, что лучше на этом и закончить, но любопытство взяло верх. Оно всегда брало над ним верх. Поэтому вместо того, чтобы уйти, он колотил по льду, как будто хотел его разбить. Лед не нужно было ломать, но звук был таким приятным и громким. - Эйвери сказал, что деньги, которые вы накопили, предназначены для ребенка. Я знаю, что это не мое дело…

- Малыш Диксон - один из тех, кто умеет читать мысли, не так ли? И он, должно быть, очень сильный, пачкает он постель или нет. Никаких розовых стикеров на *его* деле.

- Да, он такой. - Люк продолжал помешивать лед совком.

- Что ж, он прав. Это было церковное усыновление, сразу после рождения моего мальчика. Я хотела оставить его, но пастор и моя мать меня отговорили. Пес, за которого я вышла замуж, никогда не хотел иметь детей, это была одна из причин, из-за которой я согласилась на усыновление. Тебе это действительно интересно, Люк?

- Да. - Ему было интересно, но говорить слишком долго - плохая идея. Может, они и не слышали, но могли видеть.

- Когда у меня начались боли в спине, мне пришло в голову, что я должна узнать, что с ним стало, и я узнала. Правительство штата говорит, что они не должны раскрывать тайну, куда передаются дети, но церковь хранит записи об усыновлении, начиная с 1950 года, и я раздобыла компьютерный пароль. Пастор хранит его под клавиатурой в приходском доме. Мой мальчик всего в двух городах от того места, где я живу в Вермонте. Выпускник в старшей школе. Он хочет поступить в колледж. Это я тоже выяснила. Мой сын хочет поступить в колледж. Вот куда нужно направить деньги, а не для того, чтобы оплачивать счета этой грязной собаки.

Она вытерла глаза рукавом, быстрым и почти незаметным жестом.

Он закрыл автомат со льдом и выпрямился.

- Позаботьтесь о своей спине, Морин.

- Так и сделаю.

Но что, если это рак? Это было то, о чем она думала, и он это знал.

Она коснулась его плеча, когда он отвернулся, и наклонилась поближе. У нее было неприятное дыхание. Это было дыхание больного человека.

- Ему вовсе не обязательно знать, откуда взялись деньги, моему мальчику. Но он должен их иметь. Как ты думаешь, Люк? Делай, что они тебе говорят, без пререканий. Все, что они говорят. - Она колебалась. - И если ты хочешь поговорить с кем-нибудь о чем-нибудь... делай это здесь.

- Я думал, что есть еще места, где...

- Делай это здесь, - повторила она и покатила свою корзину назад, туда, откуда пришла.

19

Выйдя на игровую площадку, Люк с удивлением увидел, что Ники играет в *ЛОШАДКУ* с Гарри Кроссом. Они смеялись, толкались и подшучивали друг над другом, как будто были друзьями с первого класса. Хелен сидела за столом для пикника, играя в *Войнушку*[119] с Эйвери. Люк сел рядом с ней и спросил, кто выигрывает.

- Тяжело сказать, - ответила Хелен. - Эйвери легко разбил меня в прошлый раз, но сейчас идет упорная борьба.

- Она говорит, что это чертовски скучно, но при этом ведет себя хорошо и игру не бросает, - сказал Эйвери. - Разве не так, Хелен?

- Так и есть, Маленький Крескин[120], так и есть. А после этого мы перейдем к *Слэп Джеку*[121]. Тебе это не понравится, потому что я *жестко* шлепаю.

Люк огляделся и почувствовал внезапный укол беспокойства. Оно расцвело эскадрильей призрачных точек перед его глазами, и тут же исчезло.

- А где Калиша? Они её не…

- Нет, нет, они никуда ее не дели. Она просто принимает душ.

- Люку она нравится, - объявил Эйвери. - Она ему очень нравится.

- Эйвери?

- Что, Хелен?

- Некоторые вещи лучше держать за зубами.

- Это почему же?

- Потому что буква *У* кривая и не может быть прямой. - Она внезапно отвела взгляд. После чего провела рукой по своим темно-русым волосам, возможно, чтобы скрыть дрожащую челюсть. Если так, то это не сработало.

- Что случилось? - Спросил Люк.

- Почему бы тебе просто не спросить Маленького Крескина? Он все видит, все знает.

- У нее термометр в жопе побывал, - сказал Эйвери.

- Ааа, - сказал Люк.

- Верно, - сказала Хелен. - Насколько это, блин, унизительно?

- Очень унизительно, - сказал Люк.

- Но также восхитительно и вкусно, - сказала Хелен, и они оба рассмеялись. Хелен сделала это со слезами на глазах, но смех был смехом, и возможность смеяться здесь была просто бесценным сокровищем.

- Я не понимаю, - сказал Эйвери. - Как получение термометра в задницу может быть восхитительным, а особенно вкусным?

- Вкусно, если вылизывать его, когда он оттуда выходит, - сказал Люк, и тогда они все завыли от хохота.

Хелен ударила кулаком по столу, отчего карты разлетелись.

- О Боже, я обмочилась, это отвратительно, не смотри! - И она побежала, чуть не сбив с ног Джорджа, выходившего на улицу и поглощающего арахисовое масло из чашки.

- Что с ней? - Спросил Джордж.

- Обмочилась, - сухо ответил Эйвери. - Вчера вечером я тоже обмочился в постель, так что могу её понять.

- Спасибо, что поделился, - улыбнулся Люк. - Иди и поиграй в *ЛОШАДКУ* с Ники и новеньким.

- Ты с ума сошел? Они слишком взрослые, и Гарри уже однажды толкнул меня.

- Тогда иди, попрыгай на батуте.

- Мне надоело.

- Все равно иди, попрыгай. Мне надо поговорить с Джорджем.

- Насчет огней? Каких еще огней?

Парень, подумал Люк, *чертовски силен*.

- Иди, попрыгай, Эйвестер. Покажи нам пару сальто.

- И постарайся не сломать себе шею, - сказал Джордж. - Но если ты это сделаешь, я спою *Ты такая красивая*[122] на твоих похоронах.

Несколько мгновений Эйвери пристально смотрел на Джорджа, потом сказал:

- Но ты ведь её ненавидишь.

- Да, - ответил Джордж. - Да, верно. То, что я сказал, называется сатирой. Или, может быть, иронией. Я всегда путаю эти две вещи. А теперь иди. Положи яйцо в ботинок и взбей его.

Они смотрели, как он тащится к батуту.

- Этому парню десять лет, и если не считать экстрасенсорного дерьма, он ведет себя так, будто ему шесть, - сказал Джордж. - Насколько это хреново?

- Довольно хреново. Сколько тебе лет, Джордж?

- Тринадцать, - мрачно ответил Джордж. - Но в эти дни я чувствую себя на все сто. Слушай, Люк, они говорят, что с нашими родителями все в порядке. Ты в это веришь?

Это был деликатный вопрос. Наконец Люк сказал:

- Скорее… нет.

- Если бы ты мог узнать наверняка, ты бы это сделал?

- Даже не знаю.

- А я - точно нет, - сказал Джордж. - У меня и так проблем выше крыши. Узнав, что они... ну ты понимаешь... я бы окончательно сломался. Но я не могу об этом не думать. Постоянно.

Я мог бы это для тебя выяснить, - подумал Люк. *Я мог бы выяснить это для нас обоих*. Он почти наклонился вперед и прошептал это Джорджу на ухо. Но срезу вспомнил, как Джордж сказал, что у него и так проблем выше крыши.

- Слушай, эта штука со зрением - ты её проходил?

- Конечно. Её все проходят. Точно так же, как каждый получает термометр в задницу, и ЭЭГ, и ЭКГ, и МРТ, и XYZ, и анализы крови, и рефлекторные тесты, и все другие замечательные штуки, которые у них есть в запасе, Люки.

Люк подумал было о том, чтобы спросить, продолжал ли Джордж видеть точки после выключения проектора, и решил этого не делать.

- У тебя был припадок? Потому что у меня был.

- Нет. Они усадили меня за стол, и этот засранец - док с усами - проделал несколько карточных фокусов.

- Он спрашивал, что на них было.

- Да, именно это я и имею в виду. Я думаю, что это были карты Рейна, должны были быть. Я прошел тестирование на них за пару лет до того, как оказался в этой очаровательной адской дыре. Это было после того, как мои родители поняли, что я действительно иногда могу перемещать вещи, если смотрю на них. Как только они поняли, что я не притворяюсь, чтобы их напугать, или что это одна из моих маленьких шуточек, они захотели узнать, что еще со мной происходит. Поэтому они отвезли меня в Принстон, где есть штука под названием *Лаборатория исследований инженерных аномалий*[123]. Или была. Я думаю, её прикрыли.

- Аномалий... ты серьезно?

- Да. Как по мне, звучит более научно, чем психические аномалии. На самом деле это была часть инженерного факультета Принстона, если ты можешь в это поверить. Несколько аспирантов проверили на мне карты Рейна, но я в значительной степени лажанулся. В тот день я даже не мог передвигать вещи. Иногда все происходит именно так. - Он пожал плечами. - Они, вероятно, подумали, что я простой обманщик, ну и хрен с ними. Я имею в виду, что в хороший день я могу опрокинуть кучу блоков, просто думая о них, но это ведь не поможет мне кадрить телочек. Ты согласен?

Как человек, чья самая большая способность заключалась в том, чтобы свалить поднос с пиццей со стола в ресторане, не прикасаясь к нему, Люк был согласен.

- Они тебя били?

- Прикупил себе леща, и это был настоящий *Хаммер*, - сказал Джордж. - Все потому, что попытался пошутить. Эта сука по имени Присцилла положилась от души.

- И ко мне тоже. Она настоящая сука, это точно.

Слово, которое его мать ненавидела даже больше, чем *гребаный*, заставило Люка снова заскучать по ней.

- И ты не знал, что было на картах.

Джордж бросил на него странный взгляд.

- Я ТК, а не ТП. Такой же, как и ты. Как я мог?

- Думаю, что не мог.

- Поскольку в Принстоне я имел дело с картами Рейна, я угадал крестик, потом звездочку, потом волнистые линии. Присцилла велела

мне перестать врать, поэтому, когда Эванс посмотрел на следующую, я сказал ему, что это была фотография сисек Присциллы. И вот *тогда* она дала мне пощечину. Потом они отвели меня в мою комнату. По правде говоря, им не очень-то и было интересно. Скорее, они перечеркивали *t* и расставляли точки над *i*.

- Может быть, они действительно ничего не ожидали, - сказал Люк. - Может быть, ты был просто контрольным объектом.

Джордж рассмеялся.

- Чувак, я не могу контролировать здесь даже свое дерьмо. О чем ты говоришь?

- Ни о чем. Не бери в голову. Они возвращались? Свет, я имею в виду? Эти цветные точки?

- Нет. - Теперь Джордж выглядел любопытным. - Неужели они возвращались к тебе?

- Нет. - Люк внезапно обрадовался, что здесь нет Эйвери, и мог только надеяться, что радиоприемник в мозгу малыша работает на небольшом расстоянии. - Просто... *думаю,* у меня был припадок... или мне так просто показалось... и я боялся, что они *могут* вернуться.

- Я не понимаю смысла этого места, - сказал Джордж еще более угрюмо. - Это должно быть правительственным учреждением, но... моя мама купила одну книженцию, понимаешь? Незадолго до того, как меня отвезли в Принстон. Она называлась *Психические истории и мистификации*. Я прочитал ее, когда она с ней закончила. Там была глава о правительственных экспериментах, с тем, что мы можем делать. ЦРУ управляло некоторыми из них еще в пятидесятых годах. Телепатия, телекинез, предвидение, даже левитация и телепортация. Применяли ЛСД. Они достигли некоторых результатов, но так, ничего особенного. - Он наклонился вперед, голубые глаза смотрели в зеленые глаза Люка. - И это про нас, чувак, - ничего особенного. Должны ли мы достичь мирового господства для Соединенных Штатов, перемещая ящики с солеными крекерами - и только если они пусты - или листая страницы книги?

- Они могут отправить Эйвери в Россию, - сказал Люк. - Он мог бы рассказать им, что Путин ел на завтрак, и был ли он одет в боксерки или семейные трусы.

Это заставило Джорджа улыбнуться.

- О наших родителях... - начал Люк, но тут выбежала Калиша и спросила:

- Кто хочет поиграть в выбивного?

Оказалось, что хотели все.

20

В тот день Люк не подвергался испытаниям, кроме его собственной внутренней стойкости, и это испытание он провалил. Еще дважды он заходил на сайт *Стар Трибюн*, и еще дважды отступал, хотя во второй раз он действительно заглянул в передовицу, что-то о парне, переехавшем кучу людей на грузовике, чтобы доказать, насколько он религиозен. Это было ужасно, но, по крайней мере, это было что-то, что происходило за пределами Института. Внешний мир все еще был на месте, и, по крайней мере, еще одна вещь изменилась и здесь: на экране приветствия ноутбука теперь было его имя вместо имени ушедшей в небытие Донны.

Рано или поздно ему придется искать информацию о своих родителях. Он знал это и теперь прекрасно понимал старую поговорку о том, что отсутствие новостей - это хорошая новость.

На следующий день его опять отвели на Уровень В, где лаборант по имени Карлос забрал три пробирки крови, сделал ему укол (никакой реакции), а затем заставил его пойти в туалетную кабину и пописать в баночку. После этого Карлос и хмурая санитарка по имени Вайнона проводили его на Уровень Г. Вайнона слыла одной из самых злобных, и Люк даже не пытался с ней заговорить. Они отвели его в большую комнату, где находился аппарат МРТ, который, должно быть, стоил кучу баксов.

Это должно быть правительственным учреждением, - сказал Джордж. Если это так, то что подумают Джон и Джози Кью Паблик[124] о том, куда идут их налоги? Люк предположил, что в стране, где люди возмущены Большим Братом[125], даже если сталкиваются с каким-то пустяковым требованием, таким как необходимость носить мотоциклетный шлем или получить лицензию на скрытное ношение оружия, ответ будет “ничего особенного”.

Новый лаборант ждал их, но прежде чем они с Карлосом успели засунуть Люка в трубу МРТ, доктор Эванс метнулся к нему, проверил руку Люка на месте его последнего укола и произнес: *Так же хорошо,*

как и выглядит. Что бы это ни значило. Еще он спросил, не было ли у Люка новых припадков или обмороков.

- Нет.

- А как насчет цветных огней? Они появлялись вновь? Возможно, во время утренней зарядки, возможно, во время игры на ноутбуке, возможно, во время ерзанья на стуле? Те штуковины…

- Я понимаю, о чем вы говорите. Нет.

- Не лги мне, Люк.

- Не лгу. - Интересно, обнаружит ли МРТ какие-то изменения в его мозговой деятельности, которое докажет, что он лжет.

- Ладно, хорошо.

Нехорошо, - подумал Люк. *Вы разочарованы. Что делает меня счастливым.*

Эванс нацарапал что-то в своем блокноте.

- Продолжайте, леди и джентльмены, продолжайте! - И он снова выскочил, как белый кролик, опаздывающий на очень важное свидание.

Техник МРТ - *Дейв,* как гласил его бейдж - спросил Люка, не страдает ли он клаустрофобией. - Ты, наверное, знаешь, что это значит.

- Да. Не страдаю, - ответил Люк. - Единственное, чего я боюсь, так это сидеть взаперти.

Дэйв был серьезным парнем средних лет, в очках, почти лысым. Он был похож на бухгалтера. Конечно же, как и Адольф Эйхман[126].

- Просто спросил... что касается клаустрофобии... Могу дать тебе *Валиум*[127]. Это разрешено.

- Нет, не надо.

- Ты можешь просто оставить его себе, - сказал Карлос. - Ты пробудешь там долго, хотя время от времени мы и будем тебя оттуда доставать, и это сделает процедуру более приятной. Ты можешь даже поспать, хотя процедура довольно громкая. Кочки и ухабы, знаешь ли.

Люк знал. На самом деле он никогда не был в МРТ-трубе, но он видел много медицинских шоу.

- Я пас.

Но после обеда (принесенного Глэдис) он принял *Валиум*, отчасти из любопытства, в основном от скуки. Он уже три раза лазил в МРТ-трубу, и, по словам Дэйва, ему предстояло пройти еще три процедуры. Люк не потрудился спросить, что они ищут или надеются найти. Ответ

был бы какой-то формой выражения *не твое собачье дело*. Он не был уверен, что они и сами знают.

Валиум вызвал у него ощущение легкости и мечтательности, и во время последнего пребывания в трубе он впал в легкую дремоту, несмотря на громкий стук, который издавала машина, делая снимки. К тому времени, когда Вайнона отвела его обратно на уровень спальных помещений, действие *Валиума* закончилось, и он почувствовал себя разбитым.

Она сунула руку в карман и вытащила горсть жетонов. Когда она протянула их ему, один упал на пол и покатился.

- Подбери его, растяпа.

Он подобрал.

- У тебя был тяжелый день, - сказала она и улыбнулась. - Почему бы тебе не пойти и не выпить чего-нибудь? Расслабиться. Оттянуться. Я рекомендую *Харвей Бристоль Крим*[128].

Она была средних лет, достаточно взрослая, чтобы иметь ребенка возраста Люка. Может быть, двух. Стала бы она давать им подобные рекомендации? Джи, у тебя в школе был тяжелый день, почему бы тебе не расслабиться и не выпить бокал вина, прежде чем заняться домашним заданием? Он подумал, что самое худшее, что она может сделать, это дать ему пощечину, но...

- А какая от этого польза?

- А? - Она нахмурилась, глядя на него. - Польза от *чего*?

- Ничего, - ответил он. - Все или ничего, Винни. - Он не хотел ни *Харвей Бристоль Крим*, ни *Крученого чая*, ни даже *Стамп Джамп Гренаш*[129], название, которое Джон Китс[130] мог бы вспомнить, когда говорил про что-то: *Так же романтично, как Луна на Западе в убывающей ленте ночи*.

- Ты должен следить за своими мудрыми устами, Люк.

- Я над этим работаю.

Он положил жетоны в карман и прикинул, что их было девять. Он даст три Эйвери и по три каждой из Близняшек Уилкокс. Достаточно для любой из закусок, не достаточно для всего остального. Все, чего он хотел в данный момент для себя, - это большой запас белков и углеводов. Ему было все равно, что будет в сегодняшнем меню на ужин, лишь бы было много.

На следующее утро Джо и Хадад опять отвели его на Уровень В, где ему велели выпить раствор бария. Тони стоял рядом со своим шокером, готовый ткнуть, если Люк выскажет свое несогласие. Как только он осушил все до капли, его отвели в крохотную коморку размером с туалетную кабинку в зоне отдыха на автостраде и сделали рентген. Эта часть прошла нормально, но когда он вышел из коморки, его скрутило, и он согнулся пополам.

- Смотри не блевани на пол, - сказал Тони. - Если ты собираешься это сделать, воспользуйся раковиной в углу.

Слишком поздно. Полупереваренный завтрак Люка оказался на полу, плавающий в растворе бария.

- Ах, черт. Сейчас ты все это вымоешь, а когда закончишь, я хочу, чтобы пол был таким чистым, что я мог бы с него есть.

- Я это сделаю, - сказал Хадад.

- Да хрен с два. - Тони не смотрел на него и не повышал голоса, но Хадад все равно вздрогнул. - Можешь принести швабру и ведро. Остальное - работа Люка.

Хадад принес чистящие средства. Люку кое-как удалось наполнить ведро в раковине в углу комнаты, но спазмы все еще раздирали его живот, а руки слишком сильно дрожали, чтобы опустить ведро на пол, не расплескав повсюду мыльную воду. Джо сделал это за него, прошептав Люку на ухо:

- Держись, малыш.

- Просто дай ему швабру, - сказал Тони, и Люк понял - как он по-новому начал понимать здесь суть многих вещей, - что старина Тони получает огромное удовольствие от происходящего.

Люк вытер пол, после чего прополоскал свой рот. Тони окинул взглядом работу, объявил ее неприемлемой и велел повторить. Спазмы прекратились, и на этот раз он самостоятельно смог поднять и опустить ведро с водой. Хадад и Джо сидели и обсуждали шансы *Янки* и *Сан-Диего Падрес*[131], очевидно, их любимых команд. На обратном пути к лифту Хадад похлопал его по спине и сказал:

- У тебя есть для него жетоны, Джоуи? У меня все кончились.

Джо дал ему четыре.

- Для чего нужны эти тесты? - Спросил Люк.

- Много для чего, - ответил Хадад. - Пусть тебя это не заботит.

Это был, пожалуй, самый глупый совет, который ему когда-либо давали.

- Я когда-нибудь выберусь отсюда?

- Конечно, - ответил Джо. - Правда, ты ничего об этом не будешь помнить.

Он лгал. Опять же, это было не чтение мыслей, по крайней мере, не в так, как обычно представлял себе Люк - слышать слова в своем сознании (или видеть их, как на ползущей строке в нижней части выпуска новостей по кабельному ТВ); это было просто знание, столь же неоспоримое, как гравитация или иррациональность квадратного корня из двух.

- Сколько еще будет опытов?

- О, скучать тебе не придется, - сказал Джо.

- Только не блюй на пол, по которому приходится ходить Тони Фиццейлу, - сказал Хадад и от души рассмеялся.

22

Когда Люк вошел, новая горничная пылесосила пол в его комнате. Эта женщина - *Джолин*, судя по ее бейджику, - была пухленькой, лет двадцати с небольшим.

- А где Морин? - Спросил Люк, хотя прекрасно знал. Это была неделя выходных Морин, и когда она вернется, то, возможно, будет работать не в этой части Института, по крайней мере, некоторое время. Он надеялся, что она сейчас в Вермонте, разбирается с дерьмом своего сбежавшего мужа, но ему будет ее не хватать... хотя он предполагал, что может встретиться с ней в Задней Половине, когда придет его очередь туда перебраться.

- Мо-мо снимается в кино с Джонни Деппом, - сказала Джолин. - Одной из тех пиратских штучек, которые нравятся всем детям. Она играет Веселого Роджера. - Она засмеялась, а потом сказала: - Почему бы тебе не убраться отсюда, пока я не закончу?

- Потому что я хочу прилечь. Я плохо себя чувствую.

- О, вай-вай-вай, - сказала Джолин. - Вы, дети, ужасно избалованы. Пусть кто-нибудь уберется в твоей комнате, приготовит тебе еду, у тебя свой телевизор... ты думаешь, у меня в комнате был телевизор, когда я была ребенком? Или персональная ванная? У меня было три сестры и два брата, и мы все боролись за место под Солнцем.

- Мы еще глотаем барий, а затем блюем от него. Не хочешь попробовать?

С каждым днем я все больше становлюсь похожим на Ники, - подумал Люк, - *но что в этом плохого? Хорошо иметь положительный образец для подражания.*

Джолин повернулась к нему и помахала пылесосом.

- Хочешь узнать, каково это - получить подзатыльник?

Люк вышел. Он медленно шел по соединяющимся коридорам главного здания, дважды останавливаясь, чтобы прислониться к стене, когда начались спазмы. По крайней мере, их частота и интенсивность шла на убыль. Как раз перед тем, как добраться до пустынной комнаты отдыха с видом на административное здание, он зашел в одну из пустых комнат, лег на матрас и заснул. Он впервые проснулся, не ожидая увидеть дом Рольфа Дестина за окном своей спальни.

По мнению Люка, это был шаг в совершенно неверном направлении.

23

На следующее утро ему сделали укол, затем подключили к аппаратам по контролю сердечных ритмов и кровяного давления и заставили бегать на беговой дорожке под наблюдением Карлоса и Дэйва. Они разгоняли беговую дорожку до тех пор, пока он не начал задыхаться, с риском с нее свалиться. Показания отражались на маленькой приборной доске, и как раз перед тем, как Карлос сбавил скорость, Люк увидел, что показатель частоты пульса был 170.

Пока он потягивал апельсиновый сок и восстанавливал дыхание, вошел большой лысый парень и прислонился к стене, скрестив руки на груди. На нем был дорогой коричневый костюм и белая рубашка без галстука. Его темные глаза изучали Люка, начиная с его красного и потного лица и заканчивая новыми кроссовками.

- Мне сказали, что ты проявляешь признаки медленной адаптации, молодой человек. Возможно, Ник Уилхольм имеет к этому какое-то отношение. Он не тот, кому стоит подражать. Ты ведь знаешь значение этого слова, не так ли? Подражать?

- Да.

- Он нагл и неприятен мужчинам и женщинам, которые всего лишь пытаются делать свою работу.

Люк ничего не ответил. Так было безопаснее.

- Не позволяй его поведению отразиться на тебе, вот мой совет. Мой дельный совет. И сведи свое взаимодействие с обслуживающим персоналом к минимуму.

Люк почувствовал укол тревоги, но потом понял, что лысый парень говорит не о Морин. Это Фред, уборщик, вот кого он имел в виду. Люк прекрасно это понимал, хотя разговаривал с Фредом всего один раз, а с Морин - несколько.

- Кроме того, держись подальше от Западной комнаты отдыха и пустых комнат. Если хочешь спать, делай это в своей комнате. Сделай свое пребывание здесь максимально приятным.

- В этом месте нет ничего приятного, - сказал Люк.

- Ты всегда можешь высказать свое мнение, - сказал лысый. - Я уверен, ты слышал, что оно есть даже у придурков, у каждого свое. Но я думаю, что ты достаточно умен, чтобы понимать, что есть большая разница между чем-то приятным и чем-то неприятным. Имей это в виду.

Он ушел.

- Кто это был? - Спросил Люк.

- Стэкхаус, - сказал Карлос. - Сотрудник Службы безопасности Института. Тебе стоит держаться подальше от его неприятной стороны.

Дэйв шел к нему с иглой в руках.

- Нужно взять еще немного крови. Это не займет и минуты. Будь хорошим мальчиком, ладно?

24

После беговой дорожки и последнего забора крови пару дней не было никаких тестов, по крайней мере, для Люка. Ему сделали пару уколов, от одного из которых у него целый час сильно чесалась рука, но и только. Близняшки Уилкокс начали привыкать, особенно после того, как Гарри Кросс с ними подружился. Он был ТК, и хвастался, что может перемещать много вещей, но Эйвери сказал, что это кусок дерьма.

- У него ТК даже меньше, чем у тебя, Люк.

Люк закатил глаза.

- Если не будешь *хоть немного* дипломатичным, Эйвери, будешь напрягаться.

- Что значит *дипломатичным*?

- Потрать жетон, и посмотри на своем компьютере.

- Извини, Дэйв, я не могу этого сделать, - сказал Эйвери, удивительно хорошо имитируя тихий зловещий голос Хала 9000, и начал хихикать.

Гарри был добр к Грете и Герде, это бесспорно. Каждый раз, когда он их видел, его лицо расплывалось в глупой улыбке. Он садился на корточки, широко раскидывал руки, и они к нему бежали.

- Не задавался ли ты вопросом, не хочет ли он с ними поразвлечься? - Спросил Ники однажды утром на игровой площадке, наблюдая за тем, как Гарри следит за девчонками, прыгающими на батуте.

- Фу, какая гадость, - сказала Хелен. - Ты смотришь слишком много сериалов.

- Нет, - ответил Эйвери. Он ел шоколадный коктейль и отрастил каштановые усы. - Он не хочет ничего такого... - Он положил свои маленькие руки на спину и двинул вперед бедрами. Наблюдая за этим, Люк подумал, что это хороший пример того, насколько хренова телепатия. Ты узнаешь слишком много и слишком рано.

- Фу, - снова сказала Хелен и закрыла глаза. - Не заставляй меня сожалеть, что я не слепая, Эйвестер.

- У него были кокер-спаниели, - сказал Эйвери. - Дома. Эти девочки просто на них похожи, знаешь, есть такое слово.

- Замещение, - сказал Люк.

- Правильно, оно.

- Я не знаю, как Гарри справлялся со своими собаками, - сказал Ники Люку за обедом в тот же день, - но эти маленькие девочки фактически ним управляют. Как будто кто-то подарил им новую куклу. Такую, с рыжими волосами и большим животом. Взгляни на это.

Близняшки сидели по обе стороны от Гарри и кормили его кусочками мясного рулета со своих тарелок.

- По-моему, это даже мило, - сказала Калиша.

Ники улыбнулся ей той самой улыбкой, которая освещала все его лицо (в том числе и синяк под глазом, который поставил ему какой-то сотрудник.

- Ты тоже, Ша.

Она улыбнулась в ответ, и Люк почувствовал укол ревности. Довольно глупо, учитывая обстоятельства... и все же это было так.

25

На следующий день Присцилла и Хадад сопроводили Люка на ранее не посещенный им Уровень Д. Там его подключили к капельнице, которая, по словам Присциллы, *немного его расслабит*. Однако в результате опыта он получил не расслабление, а озноб. Когда он проснулся, дрожа всем телом и голый, его живот, правая нога и правый бок были перевязаны. Другой врач - *Ричардсон*, судя по бейджику на ее белом халате, - склонилась над ним. - Как ты себя чувствуешь, Люк?

- Что ты со мной сделала? - Он попытался выкрикнуть это, но смог только издать сдавленное рычание. Кроме того, они что-то засунули ему в горло. Наверное, какую-то дыхательную трубку. Он запоздало прикрыл ладонями промежность.

- Просто взяла несколько образцов. - Доктор Ричардсон сорвала с головы свою хирургическую шапочку *Пейсли*, выпустив поток темных волос. - Мы не отняли одну из твоих почек, чтобы продать на черном рынке, если ты за это переживаешь. Тебя ждет небольшая боль, особенно между ребрами, но она пройдет. А пока возьми вот это. - Она протянула ему коричневую бутылочку без этикетки с несколькими таблетками внутри.

Она ушла. Вошел Зик с его одеждой. - Одевайся, когда почувствуешь, что можешь это сделать, не упав. - Зик, всегда сама внимательность, бросил одежду на пол.

В конце концов, Люк смог поднять её и одеться. Присцилла - на этот раз вместе с Глэдис - сопроводила его обратно в жилые помещения. Когда его вели на тестирование, было светло, но сейчас уже стемнело. Может быть, была поздняя ночь, он не мог сказать точно, чувство времени было утрачено.

- Ты сможешь самостоятельно добраться до своей комнаты? - Спросила Глэдис. Никакой широкой улыбки; может быть, это не работало в ночную смену.

- Да.

- Тогда вперед. Прими одну из этих таблеток. Это *Оксиконтин*. Они убирают боль, а также заставляют тебя чувствовать бодрячком. Приятный бонус. Утром ты будешь в порядке.

Он прошел по коридору, взялся за ручку двери своей комнаты и остановился. Кто-то плакал. Звук доносился откуда-то из-за дурацкого

плаката еще один день в раю, а это означало, что он, скорее всего, доносился из комнаты Калиши. Он на мгновение задумался, желает ли он знать, из-за чего она плачет. Он определенно не желал никого утешать. И все же это была Калиша, поэтому он прошел по коридору и тихонько постучал в дверь. Ответа не последовало, поэтому он повернул ручку и просунул голову внутрь.

- Калиша?

Она лежала на спине, прикрыв глаза рукой.

- Уходи, Люк. Я не хочу, чтобы ты видел меня такой.

Он почти сделал, как она просила, но это было не то, чего она хотела. Вместо того чтобы уйти, он вошел и сел рядом с ней.

- Что случилось?

Но он и это знал. В общих чертах.

26

Дети были снаружи на игровой площадке - все, кроме Люка, который лежал на Уровне Д, без сознания, пока доктор Ричардсон брала свои образцы. Из комнаты отдыха вышли двое мужчин. Они были в красных халатах, а не в розовых и синих, которые носили надзиратели и лаборанты в Передней Половине, и на этих халатах не было никаких имен. Трое старожилов - Калиша, Ники и Джордж - знали, что это значит.

- Я была уверена, что они пришли за мной, - сказала Калиша Люку. - Я здесь дольше всех, и у меня не брали никаких анализов, по крайней мере, десять дней, несмотря на то, что я переболела ветрянкой. У меня даже не брали анализов крови, а ты знаешь, как эти чертовы вампиры любят брать кровь. Но они пришли за Ники. Ники!

Надрыв в ее голосе, когда она это произносила, огорчил Люка, потому что он был без ума от Калиши, но не удивил. Хелен поворачивалась к нему, как стрелка компаса, указывающая на магнитный север, всякий раз, когда он появлялся в поле её зрения; Айрис делала то же самое; даже маленькие девочки смотрели на него с открытыми ртами и сияющими глазами, когда он проходил мимо. Но Калиша пробыла с ним дольше всех, они были Институтскими ветеранами и примерно одного возраста. Вероятность стать парой, по крайней мере, предполагалась.

- Он сражался с ними, - сказала Калиша. - Он упорно боролся с ними. - Она села так резко, что чуть не сбила Люка с кровати. Ее губы

были оттянуты от зубов, а кулаки сжаты над небольшой грудью.

- *Я* тоже должна была сражаться с ними! Мы все должны были!

- Но все произошло слишком быстро.

- Он ударил одного из них высоко вверх - в горло - а другой ткнул его шокером в бедро. Должно быть, у него онемела нога, но он ухватился за одну из веревок на канатной дороге, чтобы не упасть, и пнул его здоровой ногой, прежде чем ублюдок успел снова воспользоваться своим шокером.

- Он выбил шокер из его руки, - сказал Люк. Он видел это наяву, но говорить это было ошибкой, это наводило на мысль о чем-то, что он не хотел, чтобы она знала, но Калиша, казалось, не заметила.

- Совершенно верно. Но потом другой, тот, которого он ударил кулаком в горло, ткнул своим шокером Ники в бок, и эта чертова штука, вывернутая видимо на максимум, с треском его вырубила, я слышала треск, хотя и находилась на площадке для шаффлборда. Ники упал, и они склонились над ним и ударили его еще раз, он *подпрыгнул*, хотя и лежал без сознания, он *подпрыгнул*, и тут Хелен подбежала к ним с криками: *Вы его убиваете, вы его убиваете.* И тут один из них ткнул шокером ей в ногу, и сказал *ки-я*, как какой-то недоумок-каратист, и засмеялся, а она, плача, упала. После чего они подняли Ники, и унесли его. Но прежде, чем они пронесли его через двери...

Она остановилась. Люк ждал. Он догадывался, что последует дальше, это было одно из его новых озарений, которое было больше, чем просто догадка, но он должен был позволить ей это рассказать. Потому что она не должна была знать, кем он сейчас был, никто из них не должен был знать.

- Он немного пришел в себя, - сказала она. По ее щекам катились слезы. - Достаточно, чтобы нас увидеть. Он улыбнулся и помахал рукой. - Он *помахал* рукой. Вот каким он был храбрым.

- Да, - сказал Люк, слыша это резонансное слово *был*. Думая: *И мы его больше не увидим*.

Она схватила его за шею и прижала его лицо к своему так неожиданно и так сильно, что их лбы соприкоснулись.

- Не смей так говорить!

- Прости, - сказал Люк, гадая, что еще она могла разглядеть в его мыслях. Он надеялся, что не так уж много. Он надеялся, что она слишком расстроена из-за парней в красных халатах, которые увели

Ники в Заднюю Половину. То, что она сказала дальше, значительно облегчило его мысли на этот счет.

- Они брали пробы? Они ведь это делали, не так ли? У тебя бинты.

- Да.

- Эта черноволосая сучка, верно? Ричардсон. Сколько они взяли?

- Три. Одну из моей ноги, одну из моего живота, одну между ребрами. Это место болит больше всего.

Она кивнула.

- Они взяли одну из моей груди, как биопсию. Это действительно больно. Только что если они не берут? Что, если они все-таки что-то вживляют? Они говорят, что берут образцы, но они лгут во всем!

- Ты имеешь в виду еще несколько следящих чипов? Зачем им это, когда у них есть такие? - Он потрогал пальцем чип в мочке уха. Он больше не причинял боли; теперь это была просто часть его самого.

- Я не знаю, - сказала она с несчастным видом.

Люк полез в карман и достал пузырек с таблетками.

- Они дали мне вот это. Может тебе стоит взять одну. Я думаю, тебя это успокоит. Поможет уснуть.

- *Окси*?

Он кивнул.

Она потянулась к бутылочке, но тут же отдернула руку.

- Проблема в том, что я не хочу ни одной, ни даже двух. Я хочу их все. Но я думаю, что должна чувствовать то, что чувствую. Я думаю, это правильно, не так ли?

- Не знаю, - ответил Люк, и это было правдой. Это были темные воды, и каким бы умным он ни был, ему было всего двенадцать.

- Уходи, Люк. Теперь мне нужно погрустить в одиночестве.

- О'кей.

- Завтра мне станет лучше. И если они заберут меня следующей...

- Они этого не сделают, - понимая, что это звучит глупо, уж сильно долго она здесь задержалась. Она должна будет уйти. Все сроки вышли.

- *Если* это случится, стань другом Эйвери. Ему нужен друг. - Она пристально посмотрела на него. - Да и тебе тоже.

- О'кей.

Она попыталась изобразить улыбку.

- Ты просто персик. Иди сюда. - Он наклонился, и она поцеловала его сначала в щеку, потом в уголок рта. Ее губы были солеными. Люк не возражал.

Когда он открыл дверь, она произнесла:

- Это должна была быть я. Или Джордж. Только не Ники. Он был единственным, кто никогда не поддавался их дерьму. Вот уж кто никогда не сдавался. - Она повысила голос. - *Вы здесь? Вы меня слышите? Я надеюсь, что это так, потому что я ненавижу вас и хочу, чтобы вы это знали! Я ВАС НЕНАВИЖУ!*

Она упала на кровать и начала всхлипывать. Люк подумал о том, чтобы вернуться к ней, но не сделал этого: он дал ей все возможные утешения, и причинял себе боль не только из-за Ники, но и из-за тех мест, куда его проткнула доктор Ричардсон. Не имело значения, брала ли женщина с темными волосами образцы тканей или вводила что-то в его тело (в жучках не было смысла, но он предположил, что это мог быть какой-то экспериментальный фермент или вакцина), потому что вообще ни один из их опытов и инъекций не имел смысла. Он снова подумал о концентрационных лагерях и ужасных, бессмысленных экспериментах, которые там проводились. Замораживание людей, сжигание людей, заражение их болезнями.

Он вернулся в свою комнату, подумывая принять одну или даже две таблетки *Окси*, но не стал.

Подумал было о том, чтобы использовать *Мистера Гриффина* для посещения *Стар Трибюн*, но и этого не сделал.

Он подумал о Ники, настоящем сердцееде. Ники, который сначала поставил Гарри Кросса на место, а потом подружился с ним, что было гораздо более смелым поступком, чем его избиение. Ники, который боролся с их опытами и сражался с людьми из Задней Половины, когда они за ним пришли, который никогда не сдавался.

27

На следующий день Джо и Хадад отвели Люка и Джорджа Айлса в В-11, где их ненадолго оставили одних. Когда оба надзирателя вернулись, теперь уже с чашками кофе, с ними был Зик. С красными от похмелья глазами. Он надел на головы обоих мальчиков резиновые электродные колпаки, туго затянув ремни под подбородками. После того как Зик проверил начальные показания приборов, мальчики по очереди садились в кресло симулятора вождения автомобиля. Доктор

Эванс вошел и встал рядом со своим надежным планшетом, делая пометки, пока Зик выкрикивал различные цифры, которые могли иметь (а могли и не иметь) отношение к скорости реакции. Люк не снижая скорости, проехал несколько светофоров и стал причиной изрядного количества жертв, прежде чем он это осознал, но тест на самом деле был забавным - впервые с его прибытия в Институт.

Когда все закончилось, доктор Ричардсон присоединилась к доктору Эвансу. Сегодня она была одета в костюм-тройку и туфли на каблуках. Она выглядела так, словно собиралась на важную деловую встречу.

- По шкале от одного до десяти, каковы твои болевые ощущения, Люк?

- Двойка, - сказал он. - По шкале от одного до десяти мое желание убраться отсюда к чертовой матери равно одиннадцати.

Она усмехнулась, словно он отпустил отличную шутку, попрощалась с доктором Эвансом (назвав его Джимом) и ушла.

- Так кто же победил? - Спросил Джордж у доктора Эванса.

Тот снисходительно улыбнулся.

- Тест не про это, Джордж.

- Понимаю, но кто победил?

- Ваша реакция стала довольно быстрой, как только вы немного приспособились к симулятору, чего мы и ожидаем от ТК. Сегодня больше никаких тестов, ребята, разве это не здорово? Хадад, Джо, пожалуйста, отведите этих молодых людей наверх.

По дороге к лифту Джордж сказал:

- Я, кажется, переехал шестерых пешеходов, прежде чем приспособился. Скольких переехал ты?

- Только трех, но я врезался в школьный автобус. Там могли быть жертвы.

- Да, продрочил. Я вообще не заметил автобус. - Пришел лифт, и они вчетвером вошли в него. - На самом деле, я сбил семь пешеходов. Последнего - специально. Я представил себе, что это Зик.

Джо и Хадад переглянулись и рассмеялись. Люк немного зауважал их за это. Не хотел, но ничего не мог с собой поделать.

Когда оба надзирателя вернулись в лифт, предположительно направляясь в комнату отдыха, Люк сказал:

- После точек они показывали тебе карты? Тест на телепатию?

- Ну да, я же тебе говорил.

- Они когда-нибудь проверяли тебя на ТК? Просили включить лампу или, может быть, сбить домино?

Джордж почесал в затылке.

- Теперь, когда ты упомянул об этом, понимаю, что нет. Но зачем им это, когда они и так знают, что я могу делать такие вещи? По крайней мере, в хороший день. А как насчет тебя?

- Нет. И я помню, что ты говорил, но все равно мне кажется очень странным, что они совсем не озабочены проверкой пределов того, что у нас есть.

- Здесь все не имеет никакого смысла, Люки-Лу. Начиная с того, что мы вообще тут находимся. Давай поедим чего-нибудь.

Большинство детей обедали в кафешке, но Калиша и Эйвери были на игровой площадке. Они сидели на гравии, прислонившись спинами к сетчатому забору, и смотрели друг на друга. Люк велел Джорджу идти обедать, а сам вышел на улицу. Хорошенькая черная девочка и маленький белый мальчик не разговаривали... и все же они общались. Люк это знал, но не понимал, о чем разговор.

Он мысленно вернулся к ЕГЭ и девушке, которая спрашивала его о математическом уравнении, связанном с каким-то парнем по имени Аарон, и о том, сколько ему придется заплатить за номер в отеле. Казалось, это было в другой жизни, но Люк четко помнил, что не мог понять, как такая простая для него проблема может быть такой сложной для нее. Теперь он это понял. Что бы ни происходило между Калишей и Эйвери там, у забора, было далеко за его пределами его понимания.

Калиша огляделась и отмахнулась от него.

- Я поговорю с тобой попозже, Люк. Иди, поешь чего-нибудь.

- Хорошо, - сказал он, но ему не пришлось разговаривать с ней за обедом, потому что она его пропустила. Позже, после глубокого сна (он, наконец-то, не выдержал и принял одну из болеутоляющих таблеток), он прошел по коридору в сторону комнаты отдыха и выхода на игровую площадку и остановился у ее двери, которая была открыта. Розовое покрывало и подушки с оборками исчезли. Как и фотография Мартина Лютера Кинга в рамке. Люк стоял, прикрыв рот рукой и широко раскрыв глаза, переваривая увиденное.

Если бы она боролась, как Ники, Люк подумал, что шум разбудил бы его, несмотря на таблетки. Другая альтернатива, то, что она пошла с ними добровольно, была менее приятной, но - он должен был это признать - более вероятной. В любом случае, девушка, которая дважды его поцеловала, исчезла.

Он вернулся в свою комнату и уткнулся лицом в подушку.

28

В тот вечер Люк показал один из своих жетонов в камеру ноутбука, чтобы разбудить его, а затем отправился к *Мистеру Гриффину*. То, что он все еще *может* зайти на сайт, вселяло надежду. Конечно же, говнюки, управляющие этим местом, могли узнать о его черных ходах, но они почему-то этого не делали. Это подталкивало к выводу, который казался достаточно разумным, по крайней мере, для него: *почему* Миньоны Миссис Сигсби могли поймать его за робкой попыткой заглянуть во внешний мир (на самом деле это было довольно легко), но до сих пор этого не сделали: *В некоторых вещах они очень небрежны*, - думал он. - *Возможно, во многих вещах. Но почему бы им не быть таковыми? Они имеют дело не с военнопленными, а с кучкой перепуганных, дезориентированных детей.*

С помощью *Мистера Гриффина*, он зашел на *Стар Трибюн*. Сегодняшняя передовица была связана с продолжающейся борьбой за здравоохранение, которая продолжалась уже много лет. Знакомый ужас от того, что он может обнаружить за первой страницей, охватил его, и он уже почти вышел на экран рабочего стола. После чего он сможет стереть историю недавних посещений, закрыться и лечь спать. Может быть, приняв еще одну таблетку. То, чего ты не знаешь, не причинит тебе боли, вот еще одна поговорка. И разве ему не хватало боли для одного дня?

Потом он подумал о Нике. Неужели Ники Уилхольм пошел бы на попятную, если бы знал о таком черном ходе, как *Мистер Гриффин*? Наверное, нет, почти наверняка нет, только он не был таким храбрым, как Ники.

Он вспомнил, как Вайнона вручила ему эту стопку жетонов и как, когда он уронил один, она назвала его растяпой и велела его поднять. Он так и сделал, даже не пикнув в знак протеста. Ники вряд ли так поступил. Люк почти слышал, как он говорит: *Подними его сама,*

Винни, и принимает пощечину, которая обязательно за этим последовала бы. Может быть, даже наносит ответный удар.

Но Люк Эллис не был таким парнем. Люк Эллис был хорошим мальчиком, всегда делающим то, что ему говорили, будь то работа по дому или игра в музыкальной группе в школе. Он ненавидел свою чертову трубу, каждая третья нота была кислым леденцом, но он не бросал уроки, потому что Мистер Грир сказал, что ему нужно, по крайней мере, одно внеклассное занятие, которое не было бы связано со спортом. Люк Эллис был парнем, который изо всех сил старался быть общительным, чтобы люди не думали, что он был чересчур странным или чересчур умным. Он посещал все нужные мероприятия, а затем возвращался к своим книгам. Потому что впереди была бездна, а книги содержали магические заклинания, способные вытащить наружу то, что в ней было скрыто: все великие тайны. Для Люка эти тайны имели значение. Когда-нибудь, в будущем, он, возможно, напишет свои собственные книги.

Но здесь, единственное будущее - Задняя Половина. И вся правда жизни заключалась в простом вопросе: *Какой от этого толк?*

- К черту все, - прошептал он, и кликнул по кнопке с местными новостями на сайте *Стар триб*, чувствуя, как стук сердца отдается в ушах и пульсирует в маленьких ранах, уже заживающих под бинтами.

Не было никакой необходимости глубоко зарываться; как только он увидел свою собственную прошлогоднюю школьную фотографию, он узнал все, что нужно было знать. В заголовке нужды не было, но он все равно его прочитал:

ПРОДОЛЖАЮТСЯ ПОИСКИ ПРОПАВШЕГО СЫНА УБИТОЙ СЕМЕЙНОЙ ПАРЫ ИЗ Фэлкон Хайтс.

Цветные огни вернулись, кружась и пульсируя. Люк покосился на них, выключил ноутбук, встал на ноги, которые совсем не походили на его ноги, и в два дрожащих шага подошел к кровати. Там он лежал в мягком свете прикроватной лампы, уставившись в потолок. Наконец эти противные поп-арт точки начали исчезать.

Убитая семейная пара из Фэлкон Хайтс.

Он чувствовал себя так, словно в середине его сознания открылся ранее невидимый люк, и только одна мысль - ясная, твердая и сильная - удерживала Люка от падения в него: *они могли наблюдать*. Он не верил, что они знают о сайте *Мистера Гриффина* и его способности

использовать этот сайт для доступа во внешний мир. Он не верил, что они знали, что свет вызвал какие-то фундаментальные изменения в его мозгу; они думали, что эксперимент провалился. По крайней мере, пока. Это были вещи, которые были его и только его, и они могли быть очень ценными.

Миньоны Сигсби не были всемогущи. Его сохраняющаяся способность получать доступ к *Мистеру Гриффину* это доказывала. Единственный вид бунта, который они ожидали от постояльцев Института, был тот, который возникал прямо на их глазах. Как только постояльцы были достаточно напуганы, после того, как получали пощечину или зуботычину или удар шокером, их даже можно было ненадолго оставить одних, как Джо и Хадад оставили его и Джорджа наедине в В-11, пока они пили кофе.

Убитая.

Это слово было люком, и в него было очень легко провалиться. С самого начала Люк был почти уверен, что ему лгут, но это *почти* сохраняло люк закрытым. Дарило частичку надежды. Этот вшивый заголовок надежду похоронил. А поскольку они были мертвы - *убиты*, - то кто мог быть наиболее вероятным подозреваемым? **Пропавший сын**, конечно. Полиция, расследующая это преступление, наверняка уже знает, что он был особенным ребенком, гением, а разве гениям не положено быть нестабильными? Разве они не склонны слетать с катушек?

Калиша кричала о неповиновении, но Люк делать этого не собирался, как бы сильно ему ни хотелось. В глубине души он мог кричать сколько угодно, но только не вслух. Он не знал, могут ли его секреты принести ему хоть какую-то пользу, но он знал, что в стенах того, что Джордж Айлс так справедливо назвал *этой адской дырой*, есть трещины. Если бы он мог использовать свои секреты - и свой якобы невероятный интеллект - как лом, то мог бы расширить одну из этих трещин. Он не знал, возможен ли побег, но если бы он нашел способ это сделать, побег был бы только первым шагом к достижению гораздо большей цели.

Обрушить эти стены на их головы, - подумал он. Как Самсон после того, как Далила подстригла ему волосы. Обрушить на их головы и раздавить их. Раздавить их всех.

В какой-то момент он провалился в поверхностный сон. Ему снилось, что он дома, а его мать и отец живы. Это был хороший сон. Отец велел ему не забыть вынести мусор в бак. Мать пекла блины, а Люк поливал их ежевичным сиропом. Его отец съел один с арахисовым маслом, пока смотрел утренние новости по *Си-Би-Эс* - Гейла Кинга и Нору О'Доннелл, которая была настоящей хитрюгой-лисой, - а затем пошел на работу, поцеловав Люка в щеку и Эйлин в губы. Хороший сон. Мать Рольфа должна была отвезти мальчиков в школу, и когда она посигналила перед входом, Люк схватил свой рюкзак и побежал к двери. - *Эй, не забудь деньги на обед!* - сказала ему мама и протянула конверт, только в нем были не деньги, а жетоны, и тогда он проснулся и понял, что в его комнате кто-то есть.

29

Люк не мог разглядеть, кто это был, потому что в какой-то момент он, должно быть, выключил прикроватную лампу, хотя и не помнил, как это сделал. Он услышал тихое шарканье ног рядом со своим столом, и его первой мыслью было, что кто-то из надзирателей пришел, чтобы забрать его ноутбук, потому что они следили за ним все это время, и он был глуп, думая иначе. *Максимо ретардо*[132].

Ярость наполнила его, как яд. Он не столько встал с кровати, сколько вскочил с нее, намереваясь схватить того, кто вошел в его комнату. Пусть незваный гость дает пощечину, бьет или использует свой чертовый шокер. Люк, по крайней мере, нанесет в ответ несколько чувствительных ударов. Они могли не догадываться об истинной причине, по которой он полез в драку, но это было нормально; достаточно того, что Люк её знал.

Только это был не взрослый человек. Он столкнулся с маленьким телом и сбил его с ног.

- Ой, Люки, не надо! Не делай мне больно!

Эйвери Диксон. Эйвестер.

Люк ощупью поднял его, подвел к кровати и включил лампу. Эйвери выглядел испуганным.

- Господи, что ты здесь делаешь?

- Я проснулась и испугался. Я не мог пойти к Ша, потому что они её забрали. Вот я и пришел сюда. Я могу остаться? Пожалуйста.

Все это было правдой, но не *всей* правдой. Люк отчетливо это понимал, тогда как другие “знания”, которые возникали у него в

голове, казались смутными и неуверенными. Все потому, что Эйвери был сильным ТП, намного сильнее Калиши, и прямо сейчас Эйвери был... типа... *передающим радиоустройством*.

- Ты можешь остаться. - Но когда Эйвери начал ложиться в постель: - Не-а, тебе нужно сначала сходить в туалет. Ты не должен замочить мне постель.

Эйвери не стал спорить, и вскоре Люк услышал, как в унитаз брызнула моча. Продолжалось это довольно долго. Когда Эйвери вернулся, Люк выключил свет. Эйвери к нему прижался. Приятно было уйти от одиночества. Вообще-то, это было просто замечательно.

- Мне очень жаль твою маму и твоего папу, Люк, - прошептал Эйвери ему на ухо.

Несколько мгновений Люк не мог вымолвить ни слова. Когда смог, то прошептал в ответ:

- Вы с Калишей говорили обо мне вчера на игровой площадке?

- Да. Это она посоветовала мне прийти. Она сказала, что будет посылать тебе письма, а я буду почтальоном. Ты можешь пересказать все Джорджу и Хелен, если считаешь, что это безопасно.

Но он этого не сделает, потому что здесь нет ничего безопасного. Даже думать о чем-то было небезопасно. Он повторил то, что произнес, когда Калиша рассказывала ему о том, как Ники дрался с надзирателями в красном из Задней Половины: *Выбил его из руки*. Имея в виду один из шокеров. Она не спросила Люка, откуда он это знает, потому что почти наверняка знала. Неужели он думал, что сможет держать свои новые способности в секрете от нее? Может быть, от других, но не от Калиши. И не от Эйвери.

- Смотри! - Прошептал Эйвери.

Люк не мог смотреть ни на что, с выключенной лампой и без окна, впускающего частичку наружного света, в комнате было совершенно темно, но он все равно посмотрел, и ему показалось, что он увидел Калишу.

- С ней все в порядке? - Прошептал Люк.

- Да. Пока.

- А Ники там? С ним все в порядке?

- Да, - прошептал Эйвери. - И с Айрис тоже. Только у нее бывают головные боли. И у других детей тоже. Ша думает, что они у них из-за фильмов. И точек.

- Каких фильмов?

- Не знаю, Ша еще ни одного не видела, но Ники видел. И Айрис тоже. Калиша говорит, что она думает, что там есть и другие дети - где-то в Задней Половине Задней Половины - но в том месте, где они сейчас находятся, их всего несколько. Джимми и Лен. И еще Донна.

У меня компьютер Донны, подумал Люк. *Её наследство*.

- Раньше там был Бобби Вашингтон, но теперь его нет. Айрис сказала Калише, что видела его.

- Я не знаю этих детей.

- Калиша говорит, что Донну перевели в Заднюю Половину всего за пару дней до твоего приезда. Вот почему у тебя ее компьютер.

- Ты просто жуть, - сказал Люк.

Эйвери, который, вероятно, знал, что он просто жуть, это проигнорировал.

- Они получают болезненные уколы. Уколы и точки, точки и уколы. Ша говорит, что она думает, что в Задней Половине происходят плохие вещи. Она говорит, что ты сможешь что-нибудь сделать. - Она говорит...

Он не закончил, да и не нужно было. У Люка был краткий, но ослепительно четкий образ, наверняка посланный Калишей Бенсон через Эйвери Диксона: канарейка в клетке. Дверца распахивается, и канарейка вылетает.

- Она говорит, что ты единственный, кто для этого достаточно умен.

- Я сделаю все, что в моих силах, - сказал Люк. - Что еще она тебе сказала?

На это ответа не было. Эйвери заснул.

ПОБЕГ

1

Прошло три недели.

Люк ел. Он спал, просыпался, снова ел. Он быстро запомнил все меню и присоединялся к другим детям в саркастических аплодисментах, когда в нем что-то менялось. Несколько дней подряд над ним проводили опыты. Несколько дней подряд ему делали уколы. Несколько дней было и то и другое. Иногда не было ничего. От

нескольких уколов его тошнило. Но его горло больше никогда не спазмировало, за что он был благодарен. Он болтался на игровой площадке. Он смотрел телевизор, подружился с Опрой, Эллен, Доктором Филом, Судьей Джуди. Он смотрел на *Ю-Тьюбе* видео с кошками, смотрящими на себя в зеркала, и собаками, которые ловили фрисби. Иногда он смотрел все это в одиночестве, иногда вместе с другими детьми. Когда Гарри заходил в свою комнату, Близняшки заходили вместе с ним и требовали мультфильмы. Когда Люк приходил в комнату Гарри, Близняшки почти всегда были там. Гарри не любил мультфильмы. Гарри был неравнодушен к рестлингу, видео с боями в клетке и гонкам *НАСКАР*. Его обычным приветствием Люку было: *Посмотри на них*. Близняшки раскрашивали картинки, надзиратели снабжали их бесконечными стопками раскрасок. Обычно они поддерживали разговор, но был один день, когда они не попадали в тему и много смеялись, и Люк решил, что они либо пьяны, либо под кайфом. Когда он спросил об этом Гарри, Гарри сказал, что они просто хотели попробовать. У него хватило такта выглядеть пристыженным, а когда Близняшек стошнило (в тандеме, как они делали все), у него хватило такта выглядеть еще более пристыженным. И он убрал раскардаш. Однажды Хелен сделала тройное сальто на батуте, засмеялась, поклонилась, а потом разрыдалась и уже не могла остановиться. Когда Люк попытался её утешить, она ударила его своими маленькими кулачками, бах-бах-бах. Какое-то время Люк обыгрывал в шахматы всех желающих, а когда это надоедало, находил способы проиграть, что было для него удивительно трудно.

Он чувствовал, что спит, даже когда бодрствовал. Он чувствовал, что его *Ай-Кью* снижается, в полной мере это ощущал, как вода вытекает из кулера, потому что кто-то оставил кран открытым. Он отмечал мгновения этого странного лета полосками дат на своем компьютере. Кроме просмотра видео на *Ю-Тьюбе*, он пользовался своим ноутбуком - за одним существенным исключением - только для того, чтобы переписываться онлайн с Джорджем или Хелен, когда те пребывали в своих комнатах. Он никогда сам не начинал такую переписку и старался отвечать как можно короче.

Да что с тобой такое, черт возьми? Как-то написала ему Хелен.

Ничего, ответил он.

Как ты думаешь, почему мы все еще в Передней Половине? Написал ему Джордж. *Не то чтобы я жаловался.*

Не знаю. Ответил Люк и отключился.

Он обнаружил, что нетрудно скрывать свое горе от надзирателей, лаборантов и врачей; они привыкли иметь дело с подавленными детьми. Но даже в своем глубоком горе он иногда думал о ярком образе, который создал Эйвери: канарейка, вылетающая из клетки.

Его скорбный сон наяву иногда был пронизан блестящими кусочками воспоминаний, которые всегда приходили неожиданно: отец поливает его из садового шланга; отец делает хитрый бросок, повернувшись спиной к корзине, и Люк перехватывает мяч, и они оба, смеясь, падают на траву; его мать приносит гигантский кекс, покрытый горящими свечами, к столу на его двенадцатый день рождения; его мать обнимает его и говорит: *Ты становишься взрослым*; его мать и отец танцуют на кухне как сумасшедшие, пока Рианна поет *Пон де Реплей*[133]. Эти воспоминания были прекрасны, и они жгли, как крапива.

Когда он не думал об *убитой паре из Фэлкон Хайтс* - грезил о них - Люк думал о клетке, в которой он находился, и о свободной птичке, которой стремился стать. Это были единственные моменты, когда его разум вновь обрел прежнюю четкость. Он замечал вещи, которые, казалось, подтверждали его веру в то, что Институт работал в инерционном скольжении, как ракета, которая выключает свои двигатели, как только достигает необходимой скорости. Например, колпаки из черного стекла, оберегающие камеры наблюдения на потолке в коридоре. Большинство из них были грязными, как будто их давно не мыли. Особенно это касалось пустынного Западного крыла. Камеры внутри, вероятно, все еще работали, но картинка, которую они давали, была бы в лучшем случае размытая. Тем не менее, похоже, Фреду и его товарищам-уборщикам - Морту, Конни, Джоэду - не было приказано их мыть, а это означало, что тем, кто должен был следить за коридорами, было наплевать, если картинка становилась размытой.

Люк проводил свои дни с опущенной головой, делая то, что ему говорили без возражений, но когда он не находился в своей комнате, то становился маленьким кувшином с большими ушами. Большая часть того, что он слышал, была бесполезной ерундой, но он все равно все впитывал. Брал информацию и прятал. Например, сплетни. Типа, что

доктор Эванс постоянно преследует доктора Ричардсон, пытаясь завязать разговор, офигевший настолько (по выражению надзирателя Нормы), чтобы задать вопрос, а не прикоснется ли Фелиция Ричардсон к его десятифутовому шесту. А еще, что Джо и два других надзирателя, Чед и Гэри, иногда использовали жетоны, которые не отдавали детям, чтобы добывать винцо и маленькие бутылочки с алкогольным лимонадом из торгового автомата в Восточной комнате отдыха. Иногда они говорили о своих семьях или о пьянках в баре под названием *Аутлоу Кантри*, где играла живая музыка - Если можно назвать это музыкой, - Люк однажды подслушал, как надзирательница по имени Шерри говорила об этом с фальшиво улыбающейся Глэдис. Этот бар, известный мужчинам-лаборантам и надзирателям под названием *Кант*, находился в городке под названием Деннисон Ривер Бенд. Люк не мог точно определить, как далеко находится этот город, но думал, что до него миль двадцать пять, самое большее тридцать, потому что все они ездили туда, когда у них было свободное время.

Люк запоминал имена и фамилии, когда слышал их. Доктор Эванс - Джеймс, доктор Хендрикс - Дэн, Тони - Фиццейл, Глэдис - Хиксон, Зик - Ионидис. Если он когда-нибудь выберется отсюда, если эта канарейка когда-нибудь вылетит из клетки, он надеялся, что у него будет полный список, когда он будет давать показания против этих придурков в суде. Он понимал, что это всего лишь фантазия, но она не давала ему покоя.

Теперь, когда он вел себя как хороший мальчик, его иногда, на короткое время, оставляли одного на Уровне В, всегда с предупреждением оставаться на месте. Он кивал, давал лаборанту время уйти по своим делам, а потом уходил сам. На нижних этажах было много камер, и все они содержались в чистоте и порядке, но ни одна сигнализация не сработала, и ни один надзиратель не бросился по коридору, размахивая своим шокером. Дважды его ловили, во время прогулки, и приводили обратно, один раз с руганью, а другой - с небрежным шлепком по затылку.

В одной из таких экспедиций (он всегда старался выглядеть скучающим и бесцельным, как ребенок, просто убивающий время перед очередным экспериментом или получением разрешения вернуться в свою комнату) Люк обнаружил настоящее сокровище. В комнате МРТ, которая в тот день была пуста, он заметил одну из

карточек, с помощью которых они управляли лифтом, лежащую наполовину скрытой под монитором компьютера. Он прошел мимо стола, поднял её и сунул в карман, заглянув в пустую трубу МРТ. Он ожидал, что карта начнет кричать *Вор, вор*, когда он будет покидать комнату (как волшебная арфа в *Джеке и бобовом стебле*[134], которую мальчик украл у великана), но ничего не произошло, ни тогда, ни позже. Разве они не следили за этими картами? Казалось, что нет. Или, может быть, она была просрочена, так же бесполезна, как становилась бесполезна ключ-карта отеля, когда гость, для которого она была закодирована компьютером, выезжал.

Но когда днем позже Люк попробовал открыть карточкой двери лифта, то с радостью обнаружил, что она рабочая. Когда на следующий день, на него, заглядывающего в комнату на Уровне Г, в которой находился погружной бак, наткнулась доктор Ричардсон, он ожидал наказания - может быть, тычка шокером, который она держала в кобуре под белым халатом, который обычно носила, может быть, тумаков от Тони или Зика. Вместо этого она сунула ему жетон, за что он её поблагодарил.

- Я еще в нем не бывал, - сказал Люк, указывая на бак. - Это ужасно?

- Нет, это весело, - сказала она, и Люк широко ей улыбнулся, как будто действительно поверил в ее чушь. - А теперь, что ты здесь делаешь?

- Да вот шел с одним из надзирателей. Я не знаю, каким именно. Наверное, он забыл свой бейджик. И он куда-то потерялся

- Понятно, - сказала она. - Если бы ты знал его имя, мне пришлось бы о нем доложить, и у него возникли бы проблемы. А что после этого? Бумаги, бумаги, бумаги. - Она закатила глаза, и Люк бросил на нее взгляд, в котором читалось сочувствие. Она отвела его обратно к лифту, спросила, где он должен быть, и он ответил, что на Уровне Б. Она подвезла его, спросила, как его боль, и он ответил, что все в порядке, все прошло.

Карта также привела его на Уровень Д, где было много механического дерьма, но когда он попытался спуститься ниже - там *было* и ниже, он слышал разговоры об Уровнях Е и Ж - приятный голос Мисс Лифт сообщил ему, что доступ запрещен. Ну и ладно. Не попробуешь - не узнаешь.

В Передней Половине не проводили бумажных тестов, но снимали множество энцефалограмм. Иногда доктор Эванс собирал детей в группы, но не часто. Однажды, когда над Люком ставили персональные опыты, доктор Эванс вдруг поморщился, приложил руку к животу и сказал, что сейчас вернется. Он велел Люку ничего не трогать и бросился вон. Чтобы сбросить груз, предположил Люк.

Он осмотрел экраны компьютеров, пробежал пальцами по паре клавиатур, подумал, не стоит ли немного с ними повозиться, решил, что это плохая идея, и направился к двери. Он выглянул как раз в тот момент, когда открылся лифт и оттуда вышел большой лысый парень все в том же дорогом коричневом костюме. Или, может быть, это был немного другой костюм. Насколько Люк знал, у Стэкхауса был целый шкаф дорогих коричневых костюмов. В руке у него была пачка бумаг. Он пошел по коридору, шаркая ногами, и Люк быстро ретировался. В-4, кабинет с аппаратами для ЭЭГ и ЭКГ, имел небольшую нишу для оборудования, уставленную полками с различными принадлежностями. Люк вошел туда, не зная, было ли это обыкновенным предчувствием, одной из его новых ТП-мозговых волн или просто старой доброй паранойей. В любом случае, он успел как раз вовремя. Стэкхаус просунул голову внутрь, огляделся и вышел. Люк подождал, чтобы убедиться, что он не собирается возвращаться, затем вернулся на место и сел рядом с электроэнцефалографом.

Через две-три минуты в кабинет влетел Эванс в белом лабораторном халате. Его щеки пылали, а глаза были широко раскрыты. Он схватил Люка за рубашку.

- Что сказал Стэкхаус, когда увидел тебя здесь одного? Быстро говори!

- Он ничего не сказал, потому что не увидел меня. Я высматривал вас за дверью, а когда мистер Стэкхаус вышел из лифта, я вошел туда. - Он указал на нишу с оборудованием, потом поднял на Эванса широко раскрытые невинные глаза. - Я не хотел, чтобы у вас были неприятности.

- Хороший мальчик, - сказал Эванс и похлопал его по спине. - У меня был зов природы, и я был уверен, что тебе можно доверять. А теперь давай проведем этот тест, хорошо? Затем ты сможешь подняться наверх и поиграть с друзьями.

Прежде чем позвать Иоланду, еще одного надзирателя (фамилия: Фримен), чтобы проводить его обратно на Уровень А, Эванс дал Люку дюжину жетонов и еще раз сердечно похлопал по спине.

- Это ведь останется нашим маленьким секретом?

- Само собой, - сказал Люк.

Он действительно думает, что нравится мне, - удивился Люк. - Как вам *такая* хреноверть? Надо обязательно рассказать об этом Джорджу.

2

Только он этого не сделал. В тот вечер за ужином сидели двое новых детей, а один старый пропал. Джорджа увели, насколько понял Люк, пока он прятался от Стэкхауса в нише с оборудованием.

- Он там с остальными, - прошептал Эйвери Люку в ту ночь, когда они лежали в постели. - Ша говорит, что он плачет, потому что напуган. Она сказала ему, что это нормально. Она сказала ему, что они все напуганы.

3

Два или три раза во время своих экспедиций Люк останавливался возле комнаты отдыха Уровня Б, где беседы сотрудников всегда были интересными и содержательными. Комнатой пользовался в основном внутренний персонал Института, но иногда там отдыхали и другие, - группы извне, - прибывавшие время от времени с дорожными сумками, на ручках которых не было багажных квитанций авиакомпании. Когда внутренний персонал видел Люка - один раз он сделал вид, что пьет из соседнего фонтанчика, другой - что читает плакат о гигиене, - большинство смотрело сквозь него, как будто он был не более чем предметом мебели. Люди же, представлявшие группы извне, смотрели на него очень сурово, и Люк все больше убеждался, что это Институтские охотники-собиратели. Это было здравой мыслью, потому что теперь в Западном крыле было больше детей. Однажды Люк подслушал, как Джо говорил Хададу - они были хорошими друзьями, - что Институт похож на прибрежный городок на Лонг-Айленде, где он вырос.

- Иногда прилив, - сказал он, - иногда отлив.

- В последнее время чаще бывает отлив, - ответил Хадад, и, возможно, это было правдой, но по мере того, как тянулся июль, определенно приходил прилив.

Некоторые из групп извне были трио, некоторые - квартеты. Люк ассоциировал их с военными, возможно, только потому, что у всех мужчин были короткие волосы, а у женщин они были туго стянуты на затылке и заколоты сзади. Он услышал, как санитар назвал одну из этих групп Изумрудными. Лаборант назвал еще одну Рубиново-красными. Эта последняя группа была трио - две женщины и мужчина. Он уже знал, что Рубиново-красные - это группа, которая приехала в Миннеаполис, чтобы убить его родителей и похитить его самого. Он попытался узнать их имена, прислушиваясь не только ушами, но и разумом, и получил только одно: женщину, которая брызнула ему в лицо в последнюю ночь в Фэлкон Хайтс, звали Мишель. Когда она увидела его в коридоре, склонившегося над питьевым фонтанчиком, ее взгляд скользнул мимо него... потом вернулся на минуту или две.

Мишель.

Еще одно имя, которое надо запомнить.

Люку не потребовалось много времени, чтобы получить подтверждение своей теории о том, что это были люди, которым была поручена доставка свежих ТП и ТК. Группа Изумрудных была в комнате отдыха, и когда Люк стоял снаружи, в десятый раз читая плакат по гигиене, он услышал, как один из мужчин сказал, что они должны выдвигаться, чтобы сделать быструю выемку в Миссури. На следующий день сбитая с толку четырнадцатилетняя девочка по имени Фрида Браун присоединилась к их разрастающейся группе в Западном крыле.

- Мне здесь не место, - сказала она Люку. - Это ошибка.

- Хотелось бы, чтобы это было так, - ответил Люк, а затем рассказал ей, как она может получить жетоны. Он не был уверен, что она это понимает, но, в конце концов, поймет. Доходило до всех.

4

Казалось, никто не возражал против того, что Эйвери спит в комнате Люка почти каждую ночь. Он был почтальоном, и Люку он приносил письма от Калиши из Задней Половины, послания, доставляемые через телепатию, а не почту Соединенных Штатов. Факт убийства его родителей был еще слишком свеж и болезненен, чтобы эти письма могли пробудить Люка от полусонного состояния, но новости, которые они содержали, были тревожными. Они также были и поучительными, хотя Люк мог бы обойтись и без этих знаний. В

Передней Половине детей проверяли и наказывали за плохое поведение; в Задней Половине их заставляли работать. Использовали. И, казалось, мало-помалу, разрушали.

Фильмы вызывали головные боли, и головные боли длились все дольше и становились все хуже после каждого из них. Джордж был в порядке, когда его привели в Заднюю Половину, просто напуган, по словам Калиши, но после четырех или пяти дней точек, фильмов и болезненных уколов у него также начались головные боли.

Фильмы показывали в небольшом просмотровом зале с мягкими удобными сиденьями. Они начинали со старых мультфильмов - иногда *Роад Раннер*, иногда *Багз Банни*, иногда Гуффи и Микки. А потом, после разминки, начиналось настоящее шоу. Калиша думала, что фильмы были короткометражными, максимум по полчаса, но сказать точно было трудно, потому что она была одурманена лекарствами во время просмотра и головной болью после него. Они все были одурманены.

В её первые два пребывания в просмотровом зале, дети из Задней Половины получили сдвоенный сеанс. Звездой первого фильма был мужчина с редеющими рыжими волосами. Он был одет в черный костюм и водил блестящую черную машину. Эйвери попытался показать эту машину Люку, но Люк получил лишь размытое изображение, возможно, потому, что это было все, что Калиша смогла послать. И все же он решил, что это лимузин или *Таун Кар*[135], потому что Эйвери сказал, что пассажиры рыжеволосого мужчины всегда ездят сзади. Кроме того, парень открывал двери, когда они входили и выходили. В большинстве случаев пассажиры были одними и теми же, в основном старые белые парни, но один из них был помоложе, со шрамом на щеке.

- Ша говорит, что все его пассажиры - завсегдатаи, - прошептал Эйвери, когда они с Люком лежали в постели. - Она говорит, что дело происходит в Вашингтоне, потому что мужчина проезжает мимо Капитолия и Белого дома, и иногда она видит ту большую каменную иглу.

- Памятник Вашингтону.

- Да, его.

Ближе к концу этого фильма Рыжий сменил черный костюм на обычную одежду. Они видели, как он катался на лошади, потом катал

маленькую девочку на качелях, потом ел мороженое с маленькой девочкой на скамейке в парке. После этого на экране появился доктор Хендрикс, держа в руках незажженный бенгальский огонь.

Звездой второго кино был человек в том, что Калиша назвала арабским головным убором, что, вероятно, могло быть кеффией[136]. Он был на улице, потом в уличном кафе пил чай или кофе из стакана, потом произносил речь, потом качал за руки маленького мальчика. Однажды он был на телевидении. Фильм закончился тем, что доктор Хендрикс поднял незажженный бенгальский огонь.

На следующее утро Ша и остальные просмотрели мультфильм *Сильвестр и Твити*, а затем пятнадцать или двадцать минут наблюдали за рыжеволосым водителем лимузина. Потом обедали в кафешке Задней Половины, где были бесплатные сигареты. На следующий день был *Поросенок Порки*, после которого снова был араб. Каждый фильм заканчивался доктором Хендриксом и незажженным бенгальским огнем. В ту ночь им сделали несколько уколов и выдали новую порцию точек. Потом их отвели обратно в кинозал, где они двадцать минут смотрели фильмы про автокатастрофы. После каждой аварии доктор Хендрикс появлялся на экране, держа в руках незажженный бенгальский огонь.

Люк, убитый горем, но вовсе не глупый, начинал понимать. Это было безумием, но не большим безумием, чем иметь редкую возможность узнавать, что происходит в головах других людей. Кроме того, это многое объясняло.

- Калиша говорит, что она думает, что потеряла сознание и видела сон, пока происходили аварии, - прошептал Эйвери на ухо Люку. - Только она не уверена, что это был сон. Она говорит, что дети - она, Ники, Айрис, Донна, Лен и некоторые другие - стояли в этих точках, обнявшись и склонив друг к другу головы. Она говорит, что там был доктор Хендрикс, и на этот раз он зажег бенгальский огонь, и это было страшно. Но пока они оставались вместе, держась друг за друга, их головы не болели. Но она говорит, что это, *скорее всего,* был сон, потому что она проснулась в своей комнате. Комнаты в Задней Половине не похожи на наши. Их запирают на ночь. - Эйвери сделал паузу. - Я не хочу сегодня больше об этом говорить, Люки.

- Хорошо. Давай спать.

Эйвери так и сделал, но Люк долго лежал без сна.

На следующий день он, наконец, использовал свой ноутбук для чего-то большего, чем проверка дат, переписки с Хелен или просмотра *Коня БоДжека*[137]. Он зашел на *Мистера Гриффина*, а через *Мистера Гриффина* - на сайт *Нью-Йорк Таймс*, который сообщил ему, что он может прочитать десять бесплатных статей, прежде чем будет переведен на платные страницы. Люк не знал точно, что он ищет, но был уверен, что узнает, когда увидит. И он обнаружил то, что предполагал. Заголовок на первой странице номера от 15 июля гласил: **член палаты представителей Берковиц скончался от полученных ран.**

Вместо того чтобы читать эту статью, Люк отправился в предыдущий день. Заголовок гласил: **Подающий надежды ЧЛЕН ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ Марк Берковиц получил тяжелые увечья в автокатастрофе.** Там была фотография. У Берковица, члена палаты представителей США от штата Огайо, были черные волосы и шрам на щеке от раны, полученной в Афганистане. Люк быстро прочитал статью. В ней говорилось, что *Линкольн Таун Кар*, в котором ехал Берковиц, направляясь на встречу с высокопоставленными лицами из Польши и Югославии, внезапно потерял управление и врезался в бетонную опору моста. Водитель погиб мгновенно; неназванные источники из больницы *Мед Стар* описали травмы Берковица как “чрезвычайно серьезные”. В статье не говорилось, был ли водитель рыжим, но Люк знал, что был, и был уверен, что какой-то парень в одной из арабских стран скоро умрет, если уже не умер. Или, может быть, он собирается убить кого-то очень важного.

Растущая уверенность Люка в том, что его и других детей готовят к использованию в качестве психических дронов - да, даже безобидного Эйвери Диксона, который не сказал бы “бу” даже гусю, - начала выводить Люка из состояния полного ступора, но потребовалось ужас-шоу с Гарри Кроссом, чтобы полностью пробудить его от горестного сна.

5

На следующий вечер в кафешке за ужином сидело четырнадцать или пятнадцать ребят, кто-то разговаривал, кто-то смеялся, кто-то плакал или кричал. В каком-то смысле, подумал Люк, пребывание в Институте было похоже на пребывание в древней психиатрической

лечебнице, где сумасшедших просто держали взаперти и никак не лечили.

Гарри поначалу там не было, не было его и на обеде. Обычно Люк старался не обращать внимания на Большого Бегемота, но не заметить его за обедом было трудно. Герда и Грета всегда сидели рядом, по обе стороны, в своих одинаковых костюмах, наблюдая сияющими глазами за тем, как он разглагольствует о *НАСКАР*, рестлинге, своих любимых шоу и жизни “низов Сельмы[138]”. Если бы кто-нибудь велел ему заткнуться, маленькие близняшки бросили бы убийственный взгляд на перебивающего.

В этот вечер Близняшки ужинали вдвоем, и вид у них был недовольный. Однако они забронировали для Гарри место, - как всегда между собой, - и когда он медленно вошел, покачивая животом и лоснясь от загара, они бросились к нему с приветственными криками. Но в этот раз он, как показалось, их не заметил. В его глазах был отсутствующий взгляд, и они, казалось, смотрели в разные стороны, что делать глазам не полагается. Его подбородок блестел от слюны, а на ширинке брюк виднелось мокрое пятно. Разговоры замерли. Вновь прибывшие выглядели озадаченными и испуганными; те, кто пробыл здесь достаточно, чтобы сдать хотя бы один анализ, бросали друг на друга обеспокоенные взгляды.

Люк и Хелен обменялись взглядами.

- С ним все будет хорошо, - сказала она. - Некоторые дети переносят опыты хуже, некоторые…

Рядом с ней сидел Эйвери. Теперь он взял ее за руку обеими руками. Он говорил с жутким спокойствием.

- С ним не все хорошо. И он никогда уже не будет в полном порядке.

Гарри вскрикнул, упал на колени и ударился лицом о пол. Из его носа и губ брызнула кровь, прямо на линолеум. Он сначала задрожал, потом забился в судорогах, вытягивая ноги и пластаясь в форме буквы *Y*, при этом размахивая руками. Он начал издавать рычащие звуки - не как животное, а как двигатель, застрявший на низкой передаче и набирающий обороты. Он перевернулся на спину, все еще рыча и разбрызгивая кровавую пену из разбитых губ. Его зубы скрежетали.

Маленькие Близняшки начали визжать. В тот момент, когда Глэдис выбегала из коридора, а Норма - из-за древнего стола, одна из них опустилась на колени и попыталась обнять Гарри. Его огромная правая рука поднялась, оттянулась назад и со свистом полетела вперед. Он со страшной силой ударил девочку по лицу, и она отлетела в сторону. Ее голова с глухим стуком ударилась о стену. Другая Близняшка с криком бросилась к сестре.

В кафешке поднялся шум. Люк и Хелен остались сидеть на месте, Хелен обняла Эйвери за плечи (похоже, больше для того, чтобы успокоить себя, чем маленького мальчика; Эйвери казался невозмутимым), но многие другие дети собрались вокруг огромного мальчика. Глэдис оттолкнула парочку из них и прорычала: “Назад, идиоты!” Сегодня на её лице не было даже тени намека на фальшивую улыбку для большого Г.

Теперь появились и другие сотрудники Института: Джо и Хадад, Чед, Карлос, парочка, которую Люк не знал, включая одного в штатском, который, должно быть, только что вышел на дежурство. Тело Гарри поднималось и опускалось в гальванических судорогах, как будто пол был наэлектризован. Чед и Карлос прижали руки Гарри к полу. Хадад ткнул шокером в солнечное сплетение, и когда это не остановило судороги, Джо ткнул своим шокером в шею Гарри, электрический треск был слышен даже за бормотанием сбитых с толку голосов. Гарри обмяк. Его глаза выпучились из-под полуопущенных век. Из уголков рта капала пена. Кончик его языка высунулся наружу.

- С ним все в порядке, ситуация под контролем! - Взревел Хадад. - Возвращайтесь к своим столам! С ним все в порядке!

Дети немного отодвинулись от места происшествия, теперь все стояли молча, просто наблюдая. Люк наклонился к Хелен и тихо проговорил:

- Я не думаю, что он дышит.

- Может, и так, а может, и нет, - сказала Хелен, - но ты посмотри туда. - Она указала на Близняшку, которая ударилась об стену. Люк увидел, что глаза девочки остекленели, а голова в неестественном положении висела на шее. Кровь стекала по одной из ее щек и капала на плечо платья.

- *Проснись!* - Закричала другая Близняшка, и начала её трясти. Столовое серебро вихрем полетело со столов, дети и надзиратели пригнулись. - *Проснись, Гарри не хотел тебя обидеть, проснись, проснись*!

- Кто из них кто? - Спросил Люк у Хелен, но ответил ему Эйвери, все тем же устрашающе спокойным голосом.

- Та, что с криками швыряется столовым серебром, - Герда. Мертвая - это Грета.

- Она не умерла, - сказала Хелен потрясенным голосом. - Этого *не может* быть.

Ножи, вилки и ложки взлетали к потолку (я никогда не мог сделать ничего подобного, подумал Люк), а затем с грохотом падали.

- И все же это так, - деловито сказал Эйвери. - И Гарри тоже.- Он встал, держа за руки Хелен и Люка, - мне нравился Гарри, пусть даже он и ударил меня. Я больше не голоден. - Он переводил взгляд с одного на другого. - И вы, видимо, тоже, ребята.

Все трое ушли незамеченными, оставив кричащую Близняшку и ее мертвую сестру позади. Доктор Эванс вышел из лифта и зашагал по коридору, выглядя встревоженным и расстроенным. *Наверное, он ужинал*, - подумал Люк.

Позади них Карлос кричал:

- Все в полном порядке, ребята! Успокойтесь и заканчивайте свой ужин, все просто отлично!

- Его убили точки, - сказал Эйвери. - Доктор Хендрикс и доктор Эванс не должны были показывать ему точки, даже если он и был

розовым. Может быть, его НФГМ был слишком высоким. А может, это было что-то другое, вроде аллергии.

- Что такое НФГМ? - Спросила Хелен.

- Не знаю. Я знаю только, что если у детей он слишком высокий, они не должны получать Больших уколов пока не попадут в Заднюю Половину.

- А ты? - Спросила Хелен, поворачиваясь к Люку.

Люк покачал головой. Калиша упомянула об этом однажды, и он слышал, как это выражение упоминалось кое-кем из врачей во время его странствий коридорами Института. Он думал о том, чтобы погуглить, что такое НФГМ, но опасался, что это может вызвать ненужную панику.

- Тебе ведь никогда их не делали, да? - Спросил Люк у Эйвери. - Больших уколов? Специальных опытов?

- Нет. Но я еще с этим познакомлюсь. В Задней Половине. - Он торжественно посмотрел на Люка. - У доктора Эванса могут быть неприятности из-за того, что он сделал с Гарри. Я надеюсь, что так и будет. Я до смерти боюсь точек. И Больших уколов. *Могущественных* уколов.

- Я тоже, - сказала Хелен. - Уколы, которые я *уже* получила, итак были достаточно хреновыми.

Люк подумал о том, чтобы рассказать Хелен и Эйвери об уколе, от которого у него перехватило горло, или о двух, от которых его стошнило (он видел эти проклятые точки каждый раз, когда его тошнило), но по сравнению с тем, что только что произошло с Гарри, все это выглядело слишком мелким.

- Дорогу, ребята, - сказал Джо.

Они стояли у стены возле плаката: Я РЕШИЛ быть счастливым. Джо и Хадад прошли мимо них с телом Гарри Кросса. На руках у Карлоса была маленькая девочка со сломанной шеей. Её голова болталась взад и вперед по его руке, а волосы свисали вниз. Люк, Хелен и Эйвери наблюдали за ними, пока они не вошли в лифт, и Люк поймал себя на мысли, что Институтский морг находится на Уровне Д или Е.

- Она была похожа на куклу, - услышал Люк свой голос. - Она была похожа на свою собственную куклу.

Эйвери, чье жуткое, сибиллиное[139] спокойствие на самом деле было результатом шока, заплакал.

- Я иду в свою комнату, - сказала Хелен. Она похлопала Люка по плечу и поцеловала Эйвери в щеку. - Увидимся завтра, ребята.

Только они не увиделись. Надзиратели в красных халатах пришли за ней этой ночью, и на утро Люк обнаружил, что ее больше нет.

6

Эйвери помочился, почистил зубы, надел пижаму, которую теперь хранил в комнате Люка, и забрался в его постель. Люк закончил все свои дела в ванной, сел рядом с Эйвестером и выключил свет. Он прижался лбом ко лбу Эйвери и прошептал:

- Я должен выбраться отсюда.

Как?

Не произнесенное вслух слово, но то, что на мгновение вспыхнуло в его сознании, а затем исчезло. Теперь Люк стал немного лучше улавливать мысли, но он мог делать это только тогда, когда Эйвери был рядом, а иногда и вовсе не мог. Точки - по словам Эйвери, это были Огни Штази - дали ему некоторый толчок, но не так чтобы очень. Точно так же, как и его ТК никогда не был сильным. Его *Ай-Кью* мог быть выше крыши, но с точки зрения экстрасенсорных способностей, он был полный ноль. *Мне бы не помешало чуточку побольше способностей*, - подумал он, и тут ему в голову пришла одна из старых дедушкиных поговорок: *Хотелки в одной руке, дерьмо в другой, посмотрим, какая из них заполнится первой.*

- Не знаю, - ответил Люк. Но он точно знал, что пробыл здесь слишком долго - дольше, чем Хелен, а ее уже нет. Скоро они придут и за ним.

7

Посреди ночи Эйвери вытряхнул Люка из сна о Грете Уилкокс - Грета лежала, прижавшись к стене, и голова ее была не на положенном месте. Это был не тот сон, который ему было жаль прерывать. Эйвестер прижался к нему, согнув колени и острые локти, дрожа, как собака, застигнутая грозой. Люк включил прикроватную лампу. Глаза Эйвери наполнились слезами.

- Что случилось? - Спросил Люк. - Плохой сон?

- Нет. *Они* разбудили меня.

- Кто? Люк огляделся, но комната была пуста, а дверь закрыта.

- Ша. И Айрис.

- Ты слышишь Айрис так же хорошо, как Калишу? - Это было что-то новенькое.

- Раньше не мог, но... сначала им показывают фильмы, потом - точки, потом - бенгальский огонь, потом у них происходят эти групповые сеансы в их головах, я рассказывал тебе об этом…

- Ну да.

- Обычно после этого становится лучше, головные боли на некоторое время проходят, но к Айрис они вернулись, как только групповой сеанс закончился, и это было так плохо, что она начала кричать не останавливаясь. - Голос Эйвери поднялся выше обычного, дрожа так, что Люк почувствовал холод во всем теле. *Моя голова, моя голова, она раскалывается, о, моя бедная голова, остановите это, кто-нибудь, остановите...*

Люк крепко встряхнул Эйвери.

- Потише. Возможно, они подслушивают.

Эйвери сделал несколько глубоких вдохов.

- Жаль, что ты не слышишь меня в своей голове, как Ша. Тогда я мог бы все тебе рассказать и показать. Говорить вслух мне тяжело.

- Попытайся.

- Ша и Ники пытались её успокоить, но не смогли. Она расцарапала Ша и пыталась ударить Ники. Потом пришел доктор Хендрикс - он был в пижаме - и позвал парней в красном. Они собирались забрать Айрис.

- В Заднюю Половину Задней Половины?

- Думаю, да. Но потом ей стало лучше.

- Может, ей дали болеутоляющее? Или успокоительное.

- Я так не думаю. Я думаю, ей просто стало лучше. Может, Калиша ей помогла?

- Не спрашивай меня, - сказал Люк. - Откуда мне знать?

Но Эйвери не слушал.

- Возможно, есть способ помочь. Способ, с помощью которого они могут... - Он замолчал. Люку показалось, что он снова засыпает. Потом Эйвери пошевелился и сказал: - Там происходит что-то очень плохое.

- Там все плохое, - сказал Люк. - Фильмы, уколы, точки... все плохое.

- Да, но это что-то другое. Нечто худшее. Типа... Я не знаю...

Люк прижался лбом к лицу Эйвери и прислушался изо всех сил. То, что он уловил, было звуком самолета, пролетающего высоко над головой.

- Звук? Что-то типа гула?

- Да! Но не как самолет. Больше похоже на пчелиный улей. Этот гул. Я думаю, что он исходит из Задней Половины Задней Половины.

Эйвери поерзал на кровати. В свете лампы он больше не был похож на ребенка, он был похож на встревоженного старика.

- Головные боли становятся все хуже и хуже и длятся все дольше и дольше, потому что они не перестают заставлять смотреть их на точки... Ну, знаешь, тот свет... и они не перестают делать им уколы и заставлять смотреть фильмы.

- И бенгальский огонь, - добавил Люк. - Они должны смотреть на него, потому что это спусковой крючок.

- Что ты имеешь в виду?

- Ничего. Давай спать.

- Не думаю, что смогу.

- Попытайся.

Люк обнял Эйвери и уставился в потолок. Он вспомнил старый блюз, который иногда пела его мать: *Я была твоей с самого начала, ты забрал мое сердце. У тебя все самое лучшее, так какого черта, давай, детка, забирай и остальное.*

Люк все больше убеждался, что именно для этого они и существуют: чтобы у них отобрали самое лучшее. Их вооружали здесь, и использовали там, пока они не опустошались. Затем их переводили в Заднюю Половину Задней Половины, где они присоединялись к пчелиному улью... чем бы *это* ни было.

Такого не может быть, сказал он себе. Вот только люди говорили, что заведений, подобных Институту, тоже не может быть, уж точно не в Америке, а если нечто подобное и попытаются создать, то слухи об этом обязательно просочатся, потому что в наши дни невозможно сохранить что-либо в секрете; кто-то обязательно да проболтается. Но он был здесь. Все *они* были здесь. Мысль о Гарри Кроссе, валявшемся с пеной у рта на полу кафешки, была ужасна, вид этой безобидной маленькой девочки, склонившей голову набок и уставившейся остекленевшими глазами был еще хуже, но ничто из того, о чем он мог

думать, не было так ужасно, как мысль о том, что над ним будут издеваться снова и снова, пока он, наконец, не станет частью пчелиного улья. Если верить Эйвестеру, это чуть было не случилось с Айрис сегодня вечером, и это скоро случится с Ники, сердцеедом, и остряком Джорджем.

И Калишей.

Люк, наконец, заснул. Когда он проснулся, завтрак уже давно прошел, и он лежал в постели один. Люк пробежал по коридору и ворвался в комнату Эйвери, уверенный в том, что его там уже нет, но плакаты Эйвестера все еще висели на стенах, а его Джи-Ай-Джо все еще стояли на прикроватном столике, этим утром приготовившись к схватке.

Люк вздохнул с облегчением, а затем съежился, когда его ударили по затылку. Он обернулся, и увидел Вайнону (фамилия: Бриггс).

- Оденься, молодой человек. Мне неинтересно видеть мужчину в нижнем белье, если ему не исполнилось, по меньшей мере, двадцать два года, и он не накачан. Ты явно не один из них.

Она подождала, пока он уйдет. Люк показал ей палец (он держал его спрятанным у себя на груди, вместо того чтобы демонстрировать в наглую, но все равно это было приятно) и вернулся в свою комнату, чтобы одеться. Далеко в конце коридора, там, где он встречался с соседним коридором, он увидел корзину для белья *Дандукс*. Она могла принадлежать Джолин или одной из других горничных, которые помогали справляться с нынешним наплывом “гостей”, но он знал, что это была Морин. Она вернулась.

8

Увидев ее пятнадцать минут спустя, Люк подумал: *Эта женщина больна серьезнее, чем я думал.*

Она убиралась в комнате Близняшек, снимала постеры с диснеевскими принцами и принцессами и аккуратно складывала их в картонную коробку. Кровати маленьких девочек уже были разобраны, простыни сложены в корзину Морин вместе с другим грязным бельем, которое она собрала.

- А где Герда? - Спросил Люк. Он также задавался вопросом, где были Грета и Гарри, не говоря уже о других, которые могли умереть в результате этих дурацких экспериментов. Может быть, где-то в этой адской дыре есть крематорий? Может быть, на Уровне Е? Если так, то

здесь должны быть самые современные фильтры, иначе он почувствовал бы запах дыма, исходящий от горящих детей.

- Не задавай мне вопросов, и мне не придется тебе лгать. Убирайся отсюда, парень, и занимайся своими делами. - Ее голос был резким и сухим, пренебрежительным, но все это было показным. Даже низкопробная телепатия может оказаться полезной.

Люк взял яблоко из вазы с фруктами в кафешке и пачку конфето-сигарет *Раундапс* (курИТЕ так же, как папа) из одного из торговых автоматов. Пачка конфето-сигарет заставила его заскучать по Калише, но и позволила почувствовать себя ближе к ней. Он выглянул на площадку, где восемь или десять ребятишек использовали оборудование - полная чаша, по сравнению с тем, когда здесь появился сам Люк. Эйвери сидел на одной из площадок, окружавших батут, положив голову на грудь и закрыв глаза, и крепко спал. Люк не удивился. У маленького говнюка была тяжелая ночь.

Кто-то хлопнул его по плечу, сильно, но не недружелюбно. Люк обернулся и увидел Стиви Уиппла - одного из новеньких. - Чувак, прошлым вечером случилась настоящая хрень, - сказал Стиви. - Ну, знаешь, тот большой рыжий парень и маленькая девочка.

- Не говори мне об этом.

- А сегодня утром пришли те парни в красных униформах и увели панк-рок девчонку в Заднюю Половину.

Люк посмотрел на Стиви в молчаливом ужасе.

- Хелен?

- Да, ее. Это место отстой, - сказал Стиви, глядя на игровую площадку. - Жаль, что у меня нет, например, гидрокостюма. Я плаваю так быстро, что у тебя закружится голова.

- А еще реактивных ботинок и бомбы, - сказал Люк.

- Чего?

- Чтобы разбомбить ублюдков, а потом улететь.

Стиви обдумал это, его лунообразное лицо расслабилось, потом рассмеялся.

- Прикольно. Да, разбомбить их, а потом смыться отсюда к чертовой матери. Эй, у тебя нет лишнего жетона? Я проголодался, и я не очень люблю яблоки. Я больше люблю *Твикс*. Или *Луковые Кольца*. Луковые кольца - это круто.

Люк, который получил много жетонов, пока полировал свой имидж хорошего мальчика, дал Стиви Уипплу три и сказал ему, чтобы тот проваливал.

9

Вспомнив, как он впервые увидел Калишу, и, возможно, чтобы отметить это событие, Люк вошел внутрь здания, сел рядом с автоматом со льдом и сунул в рот одну из конфето-сигарет. Он досасывал уже вторую, когда появилась Морин с корзиной, наполненной свежими простынями и наволочками.

- Как ваша спина? - Спросил ее Люк.

- Хуже, чем когда-либо.

- Плохо. Вот же фигня.

- У меня есть таблетки. Они немного помогают. - Она наклонилась и схватила себя за голени, отчего ее лицо оказалось рядом с лицом Люка.

- Они забрали мою подругу Калишу, - прошептал он. - Ники и Джорджа. Хелен, её забрали только сегодня. - Большинство его друзей ушли. И кто теперь самый старый ветеран Передней Половины Института? Ну, конечно же - Люк Эллис.

- Я знаю. - Она тоже шептала. - Я была в Задней Половине. Мы не можем больше здесь встречаться и разговаривать, Люк. Они заподозрят неладное.

В этом, казалось, был смысл, но все равно все это было как-то странно. Как Джо и Хадад, Морин все время разговаривала с детьми и давала им жетоны, когда они у нее были. И разве не было других мест, мертвых зон, где не доставала звуковая прослушка. Конечно же, были, Калиша об этом говорила.

Морин встала и потянулась, уперев руки в поясницу. Теперь она говорила нормальным голосом.

- Ты что, собираешься просидеть здесь весь день?

Люк втянул конфето-сигарету, свисавшую с его нижней губы, сжевал ее и поднялся на ноги.

- Подожди, вот тебе жетон. - Она вытащила его из кармана платья и протянула ему. - Используй его на что-нибудь вкусненькое.

Люк вернулся в свою комнату и растянулся на кровати. Он свернулся калачиком и развернул плотный квадратик бумаги, который она дала ему вместе с жетоном. Почерк Морин был трясущимся и

старомодным, но это была лишь пара причин, по которым его трудно было прочитать. Надпись к тому же была очень *мелкой*. Она покрыла буквами весь лист, от края до края, сверху вниз, одну сторону и часть другой. Это заставило Люка вспомнить слова, сказанные Мистером Сайросом на уроке английского языка о лучших рассказах Эрнеста Хемингуэя: *Просто чудеса сжатия*. Эта фраза подходила и для этого коммюнике. Сколько черновиков понадобилось ей, чтобы свести то, что она должна была сказать ему, к этим тезисам, написанным на одном маленьком клочке бумаги? Он восхищался ее краткостью, даже когда начал понимать, чем занималась Морин. *Кем* она была.

Люк, ты должен избавиться от этой записки сразу после того, как ее прочитаешь. Похоже, что Бог послал тебя мне как последний шанс искупить некоторые из моих ошибок. Я разговаривала с Лией Финк в Берлингтоне. Все, что ты мне сказал, было правдой, и все будет в порядке с моими деньгами и долгом. Правда со мной ничего хорошего не будет, так как моя боль в спине - это то, чего я боялась. Но теперь, когда $$$, которые я отложила, в безопасности, я их "обналичила". Есть способ передать их Моему Сыну, чтобы он смог поступить в колледж. Он никогда не узнает, что это от меня, и именно этого я и хочу. Я так многим тебе обязана!! Люк ты должен бежать отсюда. Скоро тебя переведут в Заднюю Половину. Ты "розовый", и когда они прекращают тестирование, у тебя остается всего 3 дня. У меня есть нечто, что я могла бы тебе дать и много важных вещей, о которых я могу тебе рассказать, но не знаю, как, безопасно в этом здании только рядом с автоматом для льда, а мы были там слишком много раз. Я не забочусь о себе, но не хочу, чтобы ты упустил свой единственный шанс. Лучше бы я никогда не делала того, что сделала, и вообще никогда не видела этого места. Я думала о ребенке, которого бросила, но это не оправдание. Теперь уже поздно. Я бы не хотела, чтобы наш разговор проходил рядом с автоматом для льда, но, возможно, придется рискнуть. Пожалуйста, избавься от этой записки Люк и будь осторожен, не из-за меня, моя жизнь скоро закончится, а для тебя самого. СПАСИБО, ЧТО ПОМОГ МНЕ. Морин Э.

Итак, Морин была стукачкой, подслушивала, что говорят дети в местах, которые считались безопасными, а затем бежала к Сигсби (или Стэкхаусу) с кусочками информации, передаваемой ей шепотом.

Возможно, она была не единственной; два дружелюбных надзирателя, Джо и Хадад, тоже могли быть стукачами. В июне Люк возненавидел бы ее за это, но сейчас был июль, и он стал *намного* старше.

Он пошел в туалет и, когда спустил штаны, бросил записку Морин в унитаз, точно так же, как сделал это с запиской Калиши.

10

В тот же день Стиви Уиппл организовал игру в выбивного. Большинство детей согласились участвовать, но Люк отказался. Он подошел к игровому шкафу и взял шахматную доску (в память о Ники) и переиграл то, что многие считали лучшей игрой всех времен: Яков Эстрин против Ганса Берлинера, Копенгаген, 1965 год. Сорок два хода, классика. Он ходил взад и вперед, белые-черные, белые-черные, белые-черные, его память делала свою работу, в то время как большая часть его разума переваривала записку Морин.

Ему была противна сама мысль о том, что Морин стучит, но он понимал ее причины. Здесь были и другие люди, у которых остались хоть какие-то остатки порядочности, но работа в таком месте разрушала твой моральный компас. Они были прокляты, знали они это или нет. Морин, возможно, тоже. Единственное, что сейчас имело значение, так это то, действительно ли она знала способ, с помощью которого он мог бы выбраться отсюда. Для этого ей нужно было передать ему информацию, не вызывая подозрений у Миссис Сигсби и того парня - Стэкхауса (имя: Тревор). Отсюда вытекал вопрос: *Можно ли ей доверять?* Люк думал, что можно. Не только потому, что он помог ей в трудную минуту, но и потому, что в записке явно чувствовалось отчаяние женщины, решившей поставить все свои фишки на один оборот колеса. Кроме того, разве у него был выбор?

Эйвери был одним из ловкачей, бегающих внутри круга, и теперь кто-то ударил его прямо в лицо мячом. Он сел и заплакал. Стиви Уиппл помог ему подняться на ноги и осмотрел его нос.

- Крови нет, все в порядке. Почему бы тебе не пойти туда и не посидеть рядом с Люком?

- Ты имеешь в виду, я должен выйти из игры? - Спросил Эйвери, все еще шмыгая носом. - Ничего страшного. Я могу продол…

- Эйвери! - Позвал Люк. - Он поднял пару жетонов. - Хочешь крекеров с арахисовым маслом и *Кока-Колу*?

Эйвери подбежал, забыв о полученной травме.

- Конечно!

Они вошли в столовую. Эйвери бросил жетон в щель автомата с закусками, и когда тот наклонился, чтобы выудить пакет с лотка, Люк наклонился вместе с ним и прошептал ему на ухо:

- Ты хочешь помочь мне выбраться отсюда?

Эйвери поднял пакет с *Набами*.

- Хочешь одну? - И в голове Люка вспыхнуло и погасло слово: *Как?*

- Так и быть, одну возьму, остальное тебе, - сказал Люк и послал назад три слова: *Расскажу сегодня вечером.*

Два разговора проходили одновременно - один вслух, другой между их умами. И так это может получиться и с Морин.

Он надеялся.

11

На следующий день после завтрака Глэдис и Хадад отвели Люка в кабинет с погружным баком. Там они оставили его с Зиком и Дейвом.

Зик Ионидис сказал:

- Мы проводим здесь опыты, но это также место, куда мы бросаем плохих мальчиков и девочек, которые не говорят правду. Ты скажешь правду, Люк?

- Да, - ответил Люк.

- Ты получил телеп?

- Не понял? - Прекрасно понимая, что имел в виду урод Зик.

- Телеп. ТП. Ты понимаешь?

- Нет. Я же ТК, помнишь? Двигаю ложки и прочее? - Он попытался улыбнуться. - Но я не могу их согнуть. Я пытался.

Зик покачал головой.

- Если ты ТК и видишь точки, ты получаешь телеп. Если ты ТП и видишь точки, ты начинаешь двигать ложки. Вот как это работает.

На самом деле ты не знаешь, как это работает, - подумал Люк. - *Никто из вас не знает*. Он вспомнил, как кто-то - может быть, Калиша, может быть, Джордж - сказал ему, что они узнают, если он соврет о том, что видит точки. Он догадывался, что это правда, может быть, показания ЭЭГ говорили им об этом, но знали ли они на самом деле? Нет, не знали. Зик блефовал.

- Я *действительно* пару раз видел эти точки, но не могу читать мысли.

- Хендрикс и Эванс думают, что можешь, - сказал Дейв.

- Я действительно не могу, - Он посмотрел на них своим самым честным взглядом.

- Мы собираемся выяснить, правда ли это, - сказал Дейв. - Раздевайся, парень.

Не имея выбора, Люк снял одежду и шагнул в бак. Он был около четырех футов в глубину и восемь футов в ширину. Вода была прохладной и приятной; пока все нормально.

- Я думаю о животном, - сказал Зик. - О ком я думаю?

Это была кошка. У Люка не было изображения, только слово, большое и яркое, как вывеска *Будвайзера* в витрине бара.

- Я не знаю.

- Ладно, приятель, не хочешь играть по правилам и не надо. Сделай глубокий вдох, погрузись и сосчитай до пятнадцати. Вставляй *хауди-ду* между каждым счетом. Один хауди-ду, два хауди-ду, три хауди-ду, и так далее.

Люк так и сделал. Когда он вынырнул, Дэйв (фамилия неизвестна, по крайней мере, до сих пор) спросил его, о каком животном он думает. Слово в его голове было кенгуру.

- Я не знаю. Я же сказал, я ТК, а не ТП. И даже не ТК-плюс.

- Погружайся, - сказал Зик. - Тридцать секунд, с *хауди-ду* между каждым счетом. Я буду следить за этим, парень.

Третье погружение длилось сорок пять секунд, четвертое - целую минуту. После каждого из них его допрашивали. Они переключились с животных на имена надзирателей: Глэдис, Норма, Пит, Присцилла.

- Я не могу! - Крикнул Люк, вытирая слезы с глаз. - Ты что, не понимаешь?

- Что я понял, так это то, что мы собираемся попробовать минуту с четвертью, - сказал Зик. - И пока ты считаешь, подумай, как долго ты хочешь продолжать в том же духе. Все в твоих руках, парень.

Люк попытался вынырнуть на поверхность, досчитав до шестидесяти семи. Зик схватил его за голову и толкнул обратно. Он вынырнул через минуту пятнадцать, хватая ртом воздух, с колотящимся сердцем.

- О какой спортивной команде я думаю? - Спросил Дэйв, и Люк мысленно увидел яркую вывеску бара с надписью викинги.

- *Я не знаю!*

- Чушь собачья, - сказал Зик. - Давай занырнем на минуту тридцать.

- Нет, - сказал Люк, отплывая назад к центру бака. Он старался не паниковать. - Я не могу.

Зик закатил глаза.

- Перестань быть недотрогой. Ныряльщики за раковинами могут уйти под воду на девять минут. Все, что я требую - это девяносто секунд. Если только ты не скажешь своему дядечке Дэйву, какая у него любимая спортивная команда.

- Он мне не дядя, и я не могу этого сделать. А теперь отпустите меня. - И потому, что он ничего не мог с собой поделать, добавил: - пожалуйста.

Зик вытащил из кобуры свой шокер и сделал вид, что поворачивает реостат на максимум.

- Ты хочешь, чтобы я дотронулся этим до воды? Я сделаю это, и ты будешь танцевать, как Майкл Джексон. А теперь плыви сюда.

Не имея выбора, Люк подплыл к краю погружного бака. *Это весело*, сказал Ричардсон.

- Еще один шанс, - сказал Зик. - О чем он думает?

Викинги, Миннесотские Викинги, моя родная команда.

- Не знаю.

- Ладно, - сказал Зик с видимым сожалением. - Моряк *Люк* начинает погружение.

- Подожди, дай ему несколько секунд, чтобы подготовиться, - сказал Дэйв. Он выглядел озадаченным, и это беспокоило Люка. - Наполни легкие воздухом, Люк. И постарайся успокоиться. Когда твое тело находится в напряжении, оно использует больше кислорода.

Люк вдохнул и выдохнул с полдюжины раз и погрузился в воду. Рука Зика опустилась ему на голову и вцепилась в волосы. *Спокойно, спокойно, спокойно*, подумал Люк. А еще: *Ты ублюдок, Зик, ты ублюдок, я ненавижу твои садистские потроха.*

Он выдержал девяносто секунд и поднялся наверх, задыхаясь. Дэйв вытер лицо полотенцем. - Прекрати, - прошептал он на ухо Люку. - Просто скажи мне, о чем я думаю. На этот раз это кинозвезда.

Мэтт Деймон[140], гласила вывеска в голове Дэйва.

- Я не знаю. - Люк заплакал, слезы текли по его мокрому лицу.

- Хорошо. - Сказал Зик. Переходим к минуте сорок пять. Сто пять больших секунд, и не забудь вставлять *хауди-ду* между каждым счетом. Мы сделаем из тебя ныряльщика за раковинами.

Люк снова нырнул, но к тому времени, когда дошел до ста, считая в уме, он был уверен, что сейчас откроет рот и всосет воду. Они вытащат его, оживят и сделают это снова. Они будут продолжать, пока он не скажет им то, что они хотят услышать, или не утонет.

Наконец рука на его голове исчезла. Он выскочил как пробка, задыхаясь и кашляя. Они дали ему время прийти в себя, а потом Зик сказал:

- Забей на животных, спортивные команды и все такое. Просто скажи это. Скажи: *Я телеп, я ТП*, и все прекратится.

- Хорошо! Хорошо, я телеп!

- Отлично! - Закричал Зик. - Прогресс! О какой цифре я думаю?

Яркая вывеска гласила: *17.*

- Шесть, - сказал Люк.

Зик издал зуммер игрового шоу.

- Извини, это было семнадцать. На этот раз две минуты.

- Нет! Я не могу! Пожалуйста!

И тут тихо проговорил Дэйв:

- Это последнее испытание, Люк.

Зик толкнул коллегу плечом так сильно, что тот едва не свалился с ног.

- Не говори ему того, что может оказаться неправдой. - Он снова перевел свое внимание на Люка. - Я дам тебе тридцать секунд, чтобы ты продышался, а потом ты нырнешь. Олимпийская команда по прыжкам в воду, детка.

Не имея выбора, Люк быстро вдыхал и выдыхал, но задолго до того, как он смог сосчитать в уме до тридцати, рука Зика сомкнулась на его волосах и толкнула вниз.

Люк открыл глаза и уставился на белый борт бака. Краска была поцарапана в нескольких местах, возможно, ногтями других детей, подвергнутых этой пытке, которая была зарезервирована только для розовых. И почему? Это было довольно очевидно. Потому что Хендрикс и Эванс считали, что диапазон экстрасенсорных талантов может быть расширен, а розовые были расходным материалом.

Терпи, терпи, подумал он. *Терпи, терпи. Спокойствие, спокойствие, спокойствие*.

И хотя он изо всех сил старался войти в Дзен-состояние, его легкие, в конце концов, потребовали больше воздуха. Его Дзен-подобное состояние, которое не было очень Дзен-подобным с самого начала, сломалось, когда он подумал, что если он выживет, то ему придется идти на две минуты пятнадцать, потом две минуты тридцать, потом…

Он начал метаться. Зик удержал его. Он уперся ногами и оттолкнулся, почти добрался до поверхности, но Зик добавил другую руку и снова толкнул его вниз. Точки вернулись, вспыхивая перед его глазами, устремляясь к нему, отступая, затем снова устремляясь к нему. Они закружились вокруг него, как обезумевшая карусель. *Огни Штази*, - подумал Люк. - *Я собираюсь утонуть, глядя на*…

Зик вытянул его за волосы. Его белая туника промокла насквозь. Он пристально посмотрел на Люка.

- Я собираюсь снова притопить тебя, Люк. Снова и снова и снова. Я буду притапливать тебя, пока ты не утонешь, а потом мы реанимируем тебя, и снова притопим, и снова реанимируем. Последний шанс: о какой цифре я думаю?

- Я не... - Люка вырвало водой. - ...знаю!

Этот неподвижный взгляд оставался, наверное, секунд пять. Люк выдержал его, хотя из глаз и хлынули слезы. Потом Зик сказал:

- К черту это и к черту тебя, парень. Дэйв, вытри его и отправь обратно. Я не хочу видеть его рожу.

Он вышел, хлопнув дверью.

Люк выбрался из бассейна, пошатнулся и чуть не упал. Дэйв поддержал его и протянул полотенце. Люк вытерся и как можно быстрее оделся. Он не хотел находиться рядом с этим человеком или этим местом, но, даже чувствуя себя полумертвым, его любопытство ни куда не делось.

- Почему это так важно? Почему это так важно, когда это даже не то, для чего мы *здесь* находимся?

- Откуда тебе знать, зачем ты здесь? - Спросил Дейв.

- Потому что я не дурак, вот почему.

- Ты должен держать рот на замке, Люк, - сказал Дэйв. - Ты мне нравишься, но это не значит, что я хочу слушать твою болтовню.

- Для чего бы ни предназначались точки, это не имеет никакого отношения к выяснению, могу ли я идти в обе стороны, как ТП, так и ТК. Так зачем же вы это *делаете*, ребята? Ты хоть знае…

Дэйв отвесил ему пощечину - сильный удар с разворота, сбивший Люка с ног. Вода, скопившаяся на кафельном полу, впиталась в зад его джинсов.

- Я здесь не для того, чтобы отвечать на твои вопросы. - Он наклонился к Люку. - Мы знаем, что делаем, умник! *Мы точно знаем, что делаем*! - И, подтянув Люка к себе, добавил: - в прошлом году у нас был ребенок, который продержался три с половиной минуты. Он был занозой в заднице, но, по крайней мере, у него были яйца!

12

Эйвери зашел к нему в комнату, обеспокоенный, и Люк сказал ему, чтобы он удалился, что ему нужно некоторое время побыть одному.

- Это было плохо, не так ли? - Спросил Эйвери. - Бак. Мне очень жаль, Люк.

- Спасибо. А теперь уходи. Поговорим позже.

- О'кей.

Эйвери вышел, осторожно прикрыв за собой дверь. Люк лежал на спине, стараясь не вспоминать те бесконечные минуты, когда он был погружен в бак, но все равно вспоминал. Он все ждал, когда точки вернутся, подпрыгивая и проносясь в поле его зрения, описывая круги и создавая головокружительные водовороты. Когда этого не произошло, он начал успокаиваться. Одна мысль превзошла все остальные, даже его страх: *точки могут вернуться... и остаться на этот раз навсегда.*

Бежать. Мне нужно бежать отсюда. И если я не смогу этого сделать, я должен умереть, прежде чем они заберут меня в Заднюю Половину и заберут оставшуюся часть меня.

13

Самые надоедливые насекомые улетели вместе с июнем, поэтому доктор Хендрикс встретился с Зиком Ионидисом перед административным зданием, где под тенистым дубом стояла скамейка. Рядом висел флаг, звезды и полосы которого лениво развевались на легком летнем ветерке. Доктор Хендрикс держал на коленях папку Люка.

- Ты уверен? - Спросил он Зика.

- Сто процентов. Я окунал маленького ублюдка пять или шесть раз, каждый на пятнадцать секунд дольше, как ты и говорил. Если бы он умел читать мысли, он бы это сделал, и ты можешь отнести это в банк. Морской котик не выдержит такого дерьма, не говоря уже о ребенке, у которого на яйцах не больше шести волосков.

Хендрикс, казалось, был готов надавить, затем вздохнул и покачал головой.

- Да ладно. Как-нибудь с этим проживу. У нас сейчас полно розовых, и должно стать еще больше. Просто глаза разбегаются. Но это все равно разочарование. Я возлагал надежды на этого мальчика.

Он открыл папку с маленьким розовым стикером в правом верхнем углу. Он достал из кармана ручку и провел диагональную линию поперек первой страницы.

- По крайней мере, он здоров. Эванс дал ему зеленый свет. Эта идиотка - Бенсон - не передала ему свою ветрянку.

- Он не был привит от этого? - Спросил Зик.

- Был, но она попыталась обменяться с ним слюной. А у нее был довольно серьезный случай. Я не мог рисковать. Нет. Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

- Так когда же он отправится в Заднюю Половину?

Хендрикс слегка улыбнулся.

- Не терпится избавиться от него, да?

- Вообще-то да, - ответил Зик. - Девчонка Бенсон, возможно, и не заразила его ветрянкой, но Уилхольм передал ему свой гребаный бунтарский микроб.

- Он отправится туда, как только я получу зеленый свет от Хекла и Джекла.

Зик притворился, что дрожит.

- Эти двое. *Бррр*. Жутковатые.

Хендрикс не высказал никакого мнения о врачах из Задней Половины.

- Ты уверен, что он плох в том, что касается телепатии?

Зик похлопал его по плечу.

- На все сто, Док. Отнеси это в банк.

Пока Хендрикс и Зик обсуждали его будущее, Люк направлялся на обед. Вдобавок к физическим и моральным мучениям, погружение в бак вызвало у него смертельный голод. Когда Стиви Уиппл спросил, где он был, и что случилось, Люк только покачал головой. Он не хотел говорить о баке. Ни сейчас, ни когда-либо. Он предположил, что это было похоже на войну. Тебя призвали, ты пошел, но ты не хотел говорить о том, что видел, или о том, что там с тобой случилось.

Насытившись кафешной версией феттучини альфредо, он вздремнул и проснулся, чувствуя себя немного лучше. Он пошел на поиски Морин и увидел ее в бывшем заброшенном восточном крыле. Казалось, Институт скоро должен был принять огромное количество гостей. Он подошел к ней и спросил, не нужна ли ей помощь.

- Потому что я не прочь заработать несколько жетонов, - сказал он.

- Нет, помощь не требуется. - Люку показалось, что она стареет почти с каждым часом. Ее лицо было мертвенно бледным. Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем кто-нибудь заметит ее состояние и заставит покинуть работу? Ему не хотелось думать о том, что с ней может произойти, если это случится. Существовала ли пенсионная программа для горничных, которые вдобавок были Институтскими стукачами? Он в этом сомневался.

Ее корзина для белья была наполовину заполнена свежим бельем, и Люк бросил в нее свою записку. Он написал её на листе бумаги, украденном из ниши с оборудованием в В-4, вместе с дешевой шариковой ручкой, которую спрятал под матрасом. На ручке было выбито: *Деннисон РИВЕР БЕНД*. Морин увидела сложенную записку, накрыла ее наволочкой и слегка кивнула ему. Люк продолжил свой путь.

В ту ночь, лежа в постели, он долго шептался с Эйвери, прежде чем позволил малышу заснуть. Есть два сценария, сказал он Эйвери, по крайней мере, должны быть. Он думал, что Эйвестер все понял. Или, может быть, правильное слово было *надеялся*.

Люк долго не спал, прислушиваясь к легкому храпу Эйвери и размышляя о побеге. Эта идея казалась одновременно абсурдной, но вполне вероятной. Там были пыльные камеры наблюдения, но все это время ему позволяли бродить по коридорам, собирая маленькие кусочки информации. Существовали еще фейковые мертвые зоны

наблюдения, о которых Сигсби и ее Миньоны знали, и настоящая, о которой они не знали (на что он надеялся). В конце концов, это было довольно простое уравнение. Он должен был попытаться. Альтернативой были Огни Штази, фильмы, головные боли, бенгальский огонь, который запускал все, что он запускал. И в конце всего этого - улей.

Когда они прекратят тестирование, у тебя останется только 3 дня.

15

На следующий день Тревор Стэкхаус зашел в кабинет к Миссис Сигсби, которая склонилась над открытой папкой, читая и делая пометки. Она подняла палец, не поднимая глаз. Он подошел к ее окну, которое выходило на восточное крыло здания, называемое ими общежитием, как будто Институт действительно был кампусом колледжа, который по случайности оказался в глухих лесах Северного Мэна. Он видел, как двое или трое детей слоняются вокруг автоматов с закусками и газировкой, которые только что были наполнены. В этой комнате отдыха не было ни табака, ни алкоголя, не было с 2005 года. Восточное крыло обычно было малонаселенным или вообще не заселенным, и когда в нем жили постояльцы, они могли купить сигареты и вино в торговых автоматах на другом конце здания. Некоторые только пробовали, но удивительное количество - обычно те, кто был наиболее подавлен и напуган внезапной катастрофической переменой в своей жизни - быстро становились зависимыми. Они, как правило, доставляли меньше всего хлопот, потому что не просто *хотели* получить жетоны, они в них *нуждались*. Карл Маркс называл религию опиумом для народа, но Стэкхаус не был с ним согласен. Он считал, что *Лаки Страйк* и *Бун Фарм*[141] (которую очень любили их гости женского пола) прекрасно справляются с этой задачей.

- Хорошо, - сказала Миссис Сигсби, закрывая папку. - Готова выслушать тебя, Тревор.

- Завтра прибудут еще четверо с командой Опаловых, - сказал Стэкхаус. Его руки были сцеплены за спиной, а ноги расставлены в стороны. Как капитан на носу своего корабля, подумала Миссис Сигсби. На нем был один из его фирменных коричневых костюмов, который она находила ужасным выбором для середины лета, но он, без

сомнения, считал его частью своего *имиджа*. - У нас не было так много на борту с 2008 года.

Он отвернулся от вида, который на самом деле был не таким уж интересным. Иногда - даже часто - он очень уставал от детей. Он не знал, как учителям удается справляться, особенно не имея свободной возможности бить наглецов и жалить электричеством особо буйных, как покинувший Переднюю Половину Николас Уилхольм.

- Было время - задолго до твоего и моего появления, - сказала Миссис Сигсби, - когда здесь проживало больше сотни детей. Тогда составлялся *список очередников*.

- Хорошо, тогда составлялся список очередников. Спасибо, что просветила. Так зачем ты меня сюда позвала? Команда Опаловых на месте, по крайней мере, один из их пикапов, если быть точным. Я улетаю сегодня вечером. Ребенок находится под постоянным контролем.

- Ты имеешь в виду программу реабилитации.

- Совершенно верно. - Обладающие большими способностями ТК неплохо уживались в обществе, но у столь же способных ТП были проблемы, и они часто обращались к спиртному или наркотикам. Стэкхаус предположил, что с помощью них они пытаются заглушить поток информации. - Она на самом деле работает. Не то, чтобы тот мальчик, Диксон - он же Электростанция, - в ней нуждается. Так что скажи мне, что тебя беспокоит, и позволь заняться своими делами.

- Ничего серьезного, просто ввожу в курс дела. И не стой у меня за спиной, у меня от этого мурашки по коже. Запасайся леденцами.

Пока он нес стул для посетителей с другой стороны стола, Миссис Сигсби подвела мышку к видеофайлу на своем рабочем столе и кликнула на иконку. На мониторе появились автоматы с закусками возле кафешки. Картинка была мутной, она дрожала каждые десять секунд, и время от времени прерывалась статическими подмораживаниями. Миссис Сигсби нажала на паузу во время одного из них.

- Первое, на что я хочу, чтобы ты обратил внимание, - сказала она сухим лекционным голосом, который так ему не нравился, - это качество этого видео. Оно совершенно неприемлемо. То же самое касается, по крайней мере, половины камер наблюдения. Те, что продаются в том дерьмовом магазинчике на повороте, лучше, чем

большинство наших. - Она имела в виду Деннисон Ривер Бенд, и это было правдой.

- Я вдую это в нужные уши, но мы оба знаем, что основная инфраструктура этого места - дерьмо. Последний капитальный ремонт был сорок лет назад, когда в этой стране все было по-другому. Намного свободнее. На данный момент у нас здесь только два Ай-Ти-специалиста, и один из них в настоящее время находится в отпуске. Компьютерное оборудование устарело, как и генераторы. Ты же все это знаешь.

Миссис Сигсби знала. Дело было не в нехватке средств, а в их неспособности привлечь помощь извне. Другими словами, наша уловка-22[142]. Институт должен был оставаться секретным, а в век социальных сетей и хакеров это стало очень сложно. Даже легкий шепот о том, что они здесь проворачивали, был бы поцелуем смерти. Не только для жизненно важной работы, которой они занимались, да, но и для персонала. Это затрудняло найм, затрудняло пополнение запасов, а ремонт становился полным кошмаром.

- Все сбои идут от кухонного оборудования, - сказал он. - Миксеры, измельчители мусора, микроволновки. Возможно, я смогу что-то с этим сделать.

- Возможно, ты даже сможешь что-то сделать с плафонами, в которые заключены камеры. Что-то низкотехнологичное. По-моему, это называется “вытирать пыль”. - У нас для этого *есть* уборщики.

Стэкхаус посмотрел на часы.

- Ладно, Тревор. Я поняла намек. - Она снова запустила видео. Появилась Морин Элворсон с корзиной для белья. Ее сопровождали два обитателя: Люк Эллис и Эйвери Диксон, исключительный ТП-плюс, который теперь почти каждую ночь ночевал у Эллиса. Видео, возможно, было некачественным, но звук был хорошим.

- Мы можем поговорить здесь, - сказала Морин мальчикам. - Там есть микрофон, но он уже много лет не работает. Просто побольше улыбайтесь, так что если кто-нибудь посмотрит видео, они подумают, что вы подлизываетесь ко мне ради жетонов. А теперь скажите, что вы задумали И говорите кратко.

Последовала пауза. Мальчик-ТП почесал руки, ущипнул себя за ноздри и посмотрел на Люка. Так что Диксон был с ними только за

компанию. Это была сделка Эллиса. Стэкхаус не удивился: Эллис был умнее всех. Шахматист.

- Ну, - сказал Люк, - это о том, что произошло в кафешке. О Гарри и маленьких Близняшках. Вот о чем мы хотели поговорить.

Морин вздохнула и поставила корзину.

- Я об этом слышала. Дело было плохо, но, как я слышала, сейчас они в полном порядке.

- Неужели? Все трое?

Морин помолчала. Эйвери с тревогой смотрел на нее, почесывая руки, пощипывая нос и вообще выглядя так, будто ему нужно в туалет.

- Может быть, сейчас уже и не в порядке, по крайней мере, не в полном, я слышала, как Доктор Эванс говорил, чтобы их перевели в медчасть в Задней Половине. Но им там явно лучше, чем было здесь.

- А что еще у них там…

- Тише. - Она подняла руку к Люку и осмотрелась. Картинка испортилась, но звук оставался четким. - Не спрашивай меня о Задней Половине. Я не могу об этом говорить, кроме того, что там хорошо, лучше, чем в Передней Половине, и после того, как мальчики и девочки проводят там некоторое время, они возвращаются домой.

Она обхватила их руками, прижимая к груди. Видео прояснилось.

- Вы только посмотрите, - восхищенно сказал Стэкхаус. - Матушка Отвага. Она хороша.

- Тише, - сказала Миссис Сигсби.

Люк спросил Морин, абсолютно ли она *уверена*, что Гарри и Грета живы.

- Потому что выглядели они... типа... мертвыми.

- Да, все дети так говорят, - согласился Эйвери и особенно сильно дернул себя за нос. - Гарри вздрогнул и перестал дышать. Голова у Греты на шее выглядела криво и странно.

Морин не спешила с объяснениями; Стэкхаус видел, как она подбирает слова. Он подумал, что из нее мог бы получиться неплохой разведчик в месте, где сбор разведданных действительно имеет решающее значение. Тем временем оба мальчика выжидающе на нее смотрели.

Наконец она произнесла:

- Конечно, меня там не было, и я знаю, что это должно было выглядеть ужасно, но я думаю, что это просто выглядело намного

хуже, чем было на самом деле. - Она снова замолчала, но после того, как Эйвери еще раз дернул себя за нос, продолжила: - Если у мальчика с крестом случился припадок, - я говорю *если*, - они дадут ему правильное лекарство. Что касается Греты, я проходила мимо комнаты отдыха персонала и услышала, как доктор Эванс говорил доктору Хендриксу, что у нее растяжение связок шеи. Они, наверное, наложили бандаж на её шею и обездвижили. А сестра сейчас должно быть находится рядом с ней. Для утешения, понимаете.

- Это хорошо, - сказал Люк с облегчением. - Если ты конечно в этом уверена.

- Настолько, насколько я вообще могу быть уверена, и это все, что я могу тебе сказать, Люк. В этом месте довольно много лжи, но меня учили не лгать людям, особенно детям. Так что все, что я могу сказать, это то, что я уверена, насколько это вообще возможно. Теперь, почему это так важно? Просто потому, что ты беспокоишься о своих друзьях, или есть что-то еще?

Люк взглянул на Эйвери, который сильно дернул себя за нос, а затем кивнул.

Стэкхаус закатил глаза.

- Господи Иисусе, малыш, если ты хочешь оторвать себе нос, отрывай быстрее. Эта прелюдия сводит меня с ума.

Миссис Сигсби поставила видео на паузу.

- Это самоутешающий жест, и это лучше, чем хватать себя за причиндалы. В свое время у меня было довольно много хвататели за промежность, как девочек, так и мальчиков. А теперь помолчи. Сейчас будет самое интересное.

- Если я скажу тебе кое-что, ты обещаешь хранить это в тайне? - Спросил Люк.

Она обдумывала это, пока Эйвери продолжал мучить свой бедный шнобель. Потом она кивнула.

Люк понизил голос. Миссис Сигсби прибавила громкость.

- Некоторые дети говорят о голодовке. Больше никакой еды, пока мы не убедимся, что с малышкой и Гарри все в порядке.

Морин понизила голос.

- Какие дети?

- Точно не скажу, - ответил Люк. - Кое-кто из новичков.

- Скажи им, что это была бы очень плохая идея. Ты умный мальчик, Люк, очень умный, и я уверена, что ты знаешь, что означает слово “*репрессии*”. Ты можешь объяснить это Эйвери позже. - Она пристально посмотрела на маленького мальчика, который высвободился из ее объятий и прижал руку к носу, словно боялся, что она сама схватит его, а может быть, и оторвет. - А теперь мне пора идти. Я не хочу, чтобы у вас были неприятности, и я не хочу, чтобы у меня были неприятности. Если кто-то спросит, о чем мы говорили…

- Уговаривали тебя помочь по хозяйству, чтобы получить побольше жетонов, - сказал Эйвери. - Пойдет?

- Хорошо. - Она взглянула на камеру, пошла прочь, потом повернулась обратно. - Скоро вы выйдете отсюда и вернетесь домой. А до тех пор будьте умнее. Не нужно раскачивать лодку.

Она схватила тряпку, быстро протерла лоток автомата для продажи спиртного, затем взяла свою корзину и вышла. Люк и Эйвери помедлили минуту-другую, потом тоже пошли своей дорогой. Миссис Сигсби выключила видео.

- Голодовка, - сказал Стэкхаус, улыбаясь. - Это что-то новенькое.

- Да, - согласилась Миссис Сигсби.

- Сама мысль об этом наполняет меня ужасом. - Его улыбка превратилась в смешок. Сиггерс, возможно, и не одобряла этого, но он ничего не мог с собой поделать.

К его удивлению, она тоже рассмеялась. Когда он в последний раз слышал, как она это делает? Правильный ответ может быть никогда.

- В этом есть своя забавная сторона. Растущие дети, конечно же, самые ярые голодающие в мире. Они ведь просто машины по пожиранию пищи. Но ты прав, это что-то новенькое. Как ты думаешь, кто из новеньких запустил эту муть?

- Да ладно тебе. Ни один из них. У нас есть только один ребенок, достаточно умный, чтобы знать, что такое голодовка, и он здесь уже почти месяц.

- Да, - согласилась она. - И я буду рада, когда он покинет Переднюю Половину. Уилхольм вызывал раздражение, но, по крайней мере, он не скрывал своих бунтарских намерений. А вот Эллис... он *подленький*. Я не люблю подлых детей.

- Как скоро он будет переведен?

- В воскресенье или в понедельник, если Халлас и Джеймс в Задней Половине дадут согласие. Что они и сделают. Хендрикс с ним почти закончил.

- Прекрасно. Будешь ли ты рассматривать идею голодовки, или пустишь на самотек? Я бы предложил пустить на самотек. Она умрет естественной смертью, если вообще распространится.

- Думаю, мне нужно этим заняться. Как ты и говорил, в настоящее время у нас много жителей, и было бы неплохо поговорить с ними хотя бы раз в массовом порядке.

- Если ты это сделаешь, Эллис, он, скорее всего, поймет, что Элворсон - крыса. - Учитывая *Ай-Кью* ребенка, это было вполне вероятно.

- Это не имеет значения. Он переедет через несколько дней, а его маленький друг, щиплющий нос, вскоре последует за ним. Теперь о камерах наблюдения...

- Я напишу докладную записку Энди Феллоузу, прежде чем уеду, сегодня вечером, и мы сделаем это приоритетом, как только я вернусь. - Он наклонился вперед, сцепив руки, его карие глаза не отрывались от ее серо-стальных. - А пока расслабься. А то у тебя будет язва. Напоминай себе хотя бы раз на день, что мы имеем дело с детьми, а не с закоренелыми преступниками.

Миссис Сигсби ничего не ответила, Потому что знала, что он прав. Даже Люк Эллис, каким бы умным он ни был, был всего лишь ребенком, а после того, как он проведет некоторое время в Задней Половине, он останется ребенком, но вот умным уже не будет.

16

Когда в тот вечер Миссис Сигсби вошла в кафешку, высокая и стройная, в малиновом костюме, серой блузке и с ниточкой жемчуга на шее, ей не нужно было стучать ложкой по стакану, чтобы привлечь к себе внимание. Все разговоры разом прекратились. Лаборанты и надзиратели вплыли в дверной проем, выводящий в западную комнату отдыха. Даже кухонный персонал вышел, собравшись за стойкой с салатами.

- Как известно большинству из вас, - произнесла Миссис Сигсби приятным, звучным голосом, - два дня назад здесь, в кафетерии, произошел неприятный инцидент. Ходили слухи и сплетни, что в этом

инциденте погибли двое детей. Это абсолютная ложь. Здесь, в Институте, *мы не убиваем детей*.

Она оглядела их. Они оглянулись, широко раскрыв глаза, забыв о еде.

- На случай, если кто-то из вас сосредоточился на своем фруктовом коктейле и пропустил, позвольте мне повторить мое последнее утверждение: мы не убиваем детей. - Она сделала паузу, чтобы сказанное до них дошло. - Вы не просили нас привозить вас сюда. Мы это понимаем, но никаких извинений не будет. Вы здесь для того, чтобы служить не только своей стране, но и всему миру. Когда ваша служба будет закончена, вам не дадут медалей. Парадов в вашу честь тоже не будет. Вы не будете знать о нашей искренней благодарности, потому что перед вашим отъездом ваши воспоминания об Институте будут стерты. *Стерты*, еще раз для тех из вас, кто этого не знал. - Ее глаза на мгновение встретились с глазами Люка, и они говорили: *Но, конечно же, ты знаешь*. - Пожалуйста, поймите, что мы вам очень благодарны. Во время вашего пребывания здесь вы будете подвергнуты испытаниям, и некоторые из них будут суровыми, но все вы выживете и вернетесь к своим семьям. Мы никогда не теряли детей.

Она снова замолчала, ожидая, что кто-нибудь что-то спросит или возразит. Уилхольм мог бы, но Уилхольм исчез. Эллис молчал, потому что прямая конфронтация была не в его стиле. Как шахматист, он предпочитал подлые гамбиты прямому нападению. Много ли пользы ему это принесет.

- У Гарольда Кросса случился небольшой припадок после проверки поля и остроты зрения, которую некоторые из вас, те, у кого она была, называют “точки” или “огни”. - Он нечаянно ударил Грету Уилкокс, которая пыталась - я уверена, что мы все это прекрасно понимаем - его утешить. Она перенесла сильное растяжение шеи, но восстанавливается. С ней ее сестра. Близняшки Уилкокс и Гарольд отправятся домой на следующей неделе, и я уверена, что мы пошлем им наши добрые пожелания.

Ее глаза снова обратились к Люку, сидящему за столом у дальней стены. С ним был его маленький друг. Диксон разинул рот, но, по крайней мере, на время оставил свой нос в покое.

- Если кто-нибудь станет ставить под сомнение то, что я вам только что сказала, вы можете быть уверены, что этот человек лжет, и

о его лжи следует немедленно сообщить одному из надзирателей или лаборантов. Это понятно?

Тишина, даже без единого нервного покашливания.

- Если это понятно, я бы хотела, чтобы вы сказали: *Да, Миссис Сигсби*.

- Да, Миссис Сигсби, - ответили дети.

Она слегка улыбнулась.

- Я думаю, вы можете лучше.

- *Да, Миссис Сигсби!*

- А теперь с настоящей убежденностью.

- *ДА, МИССИС СИГСБИ!* - На этот раз даже кухонный персонал, лаборанты и надзиратели присоединились.

- Прекрасно. - Миссис Сигсби улыбнулась. - Нет ничего лучше утвердительного крика, чтобы очистить легкие и разум, не так ли? А теперь продолжайте ужин. - Она повернулась к кухонному персоналу в белых халатах. - И дополнительный десерт перед сном, при условии, что вы сможете организовать торт и мороженое, шеф-повар Даг?

Шеф-повар Даг сделал круг большим и указательным пальцами. Кто-то начал хлопать в ладоши. К ним присоединились и другие. Миссис Сигсби кивала направо и налево в ответ на аплодисменты, выходя из комнаты, высоко подняв голову и раскачивая руками взад и вперед по крошечным аккуратным дугам. Легкая улыбка, которую Люк принял за улыбку Моны Лизы, изогнула уголки ее рта. Белые халаты расступились, пропуская ее.

Все еще аплодируя, Эйвери наклонился ближе к Люку и прошептал:

- Она *обо всем* соврала.

Люк едва заметно кивнул.

- Вот же чертова сука, - сказал Эйвери.

Люк тоже едва заметно кивнул и послал короткое мысленное сообщение: *Продолжай хлопать.*

17

Тем вечером, пока Институт сворачивал свою бурную деятельность еще на одну ночь, Люк и Эйвери лежали бок о бок в кровати Люка.

Эйвери говорил тихим шёпотом, пересказывая все, что сказала ему Морин каждый раз, когда он трогал свой нос, подавая ей знак отослать сообщение. Люк боялся, что Морин не поймет, о чем идется речь в записке, которую он бросил ей в корзину (подсознательное предубеждение, возможно, основанное на коричневой униформе горничной, которую она обычно носила, ему придется над этим поработать), но она прекрасно все поняла и предоставила Эйвери пошаговую инструкцию. Люк подумал, что Эйвестер мог бы быть потоньше в отношении сигналов, но, похоже, все обошлось. Он на это надеялся. Предположим, что все сказанное было правдой, в таком случае единственный беспокоящий Люка вопрос заключался в том, сможет ли шаг номер один сработать. Ведь он был прост до безобразия.

Мальчики лежали на спине и смотрели в темноту. Люк шагал по всем ступенькам в десятый раз - или, может быть, в пятнадцатый - когда Эйвери вторгся в его сознание с тремя словами, которые вспыхнули, как красный неон, а затем исчезли, оставив после себя остаточное изображение.

Да, Миссис Сигсби.

Люк ткнул его пальцем.

Эйвери хихикнул.

Через несколько секунд слова прозвучали снова, на этот раз еще ярче.

Да, Миссис Сигсби!

Люк еще раз ткнул его в бок, но при этом он улыбался, и Эйвери, вероятно, это знал, темно там было или нет. Улыбка была у него в голове, как и на губах, и Люк подумал, что имеет на нее право. Возможно, ему и не удастся сбежать из Института - он должен был признать, что шансы были невелики, - но сегодняшний день был удачным. *Надежда* такое прекрасное слово, и еще более прекрасное чувство.

ДА, МИССИС СИГСБИ, ЧЕРТОВА СУКА!

- Прекрати, или я тебя пощекочу, - пробормотал Люк.

- Это сработало, не так ли? - Прошептал Эйвери. - Это действительно сработало. Как ты думаешь, ты действительно сможешь...

- Не знаю, знаю только, что обязательно попробую. А теперь заткнись и спи.

- Жаль, что ты не можешь взять меня с собой. Я надеюсь, что мне тут не станет *хуже*.

- Я тоже, - сказал Люк, и это было правдой. Эйвери будет трудно здесь одному. Он был более социализирован, чем маленькие Близняшки или Стиви Уиппл, но его Мистер Личность никто здесь короновать не собирался.

- Когда вернешься, приведи с собой тысячу полицейских, - прошептал Эйвери. - И делай все быстро, пока они не перевели меня в Заднюю Половину. Сделай это, пока мы еще можем спасти Ша.

- Я сделаю все, что смогу, - пообещал Люк. - А теперь перестань кричать у меня в голове. Эта шутка быстро изнашивает мозги.

- Мне бы хотелось, чтобы у тебя было больше ТП. И чтобы это тебе не вредило. Мы могли бы говорить подольше.

- Если бы желания были лошадьми, нищие ездили бы верхом. В последний раз говорю, давай спать.

Эйвери так и сделал, и Люк тоже начал засыпать. Первый шаг Морин был таким же причудливым, как автомат со льдом, около которого они иногда разговаривали, но он должен был признать, что это соответствовало всем вещам, которые он уже видел: пыльные плафоны камер наблюдения; плинтусы с облупившейся много лет назад краской, которые никто и никогда не пытался подкрасить; карточка для лифта, небрежно забытая на столе. Он снова задумался о том, что это место было похоже на ракету с выключенными двигателями, все еще движущуюся, но только в инерционном скольжении.

18

На следующий день Вайнона проводила его на Уровень В, где его быстренько осмотрели: кровяное давление, частота сердечных сокращений, температура, уровень кислорода. Когда Люк спросил: *Что будет дальше*, Дэйв проверил свой планшет, одарил его солнечной улыбкой - как будто он никогда и не сбивал его пощечиной на пол - и сказал, что в сегодняшнем расписании больше ничего нет.

- У тебя сегодня выходной, Люк. Наслаждайся. - Он поднял руку ладонью вперед.

Люк ухмыльнулся в ответ и дал ему пять, но тут же подумал о записке Морин: *Когда они прекращают тестирование, у тебя остается всего 3 дня.*

- А как насчет завтра? - Спросил он, когда они возвращались к лифту.

- Завтра будет завтра, - сказал Дэйв. - Это единственный вариант.

Может быть, это и было вариантом для некоторых, но больше не было вариантом для Люка. Ему хотелось еще раз обдумать план Морин - или, скорее, отложить его, - но он боялся, что его время почти истекло.

Игра в выбивного стала ежедневным делом на Институтской игровой площадке, своего рода ритуалом, и почти все присоединялись к ней, по крайней мере, на некоторое время. Люк встал в круг и минут десять возился с другими ловкачами, прежде чем позволил себя засалить. Вместо того чтобы присоединиться к метателям мяча, он прошел через заасфальтированную половину двора мимо Фриды Браун, которая стояла одна и бросала мяч в корзину. Люк подумал, что она до сих пор понятия не имеет, где находится. Он сел на гравий, прислонившись спиной к сетчатому забору. По крайней мере, теперь ситуация с насекомыми стала немного лучше. Он опустил руки и лениво поводил ими взад-вперед, не сводя глаз с играющих в выбивного.

- Хочешь немного побросать? - Спросила Фрида.

- Может быть, позже, - сказал Люк. Он небрежно протянул руку за спину, нащупал нижнюю часть забора и обнаружил, что да, Морин была права: там была щель, в том месте, где земля немного осела. Это оседание могло быть вызвано таянием снега ранней весной. Всего на дюйм или два, но оно там было. Никто не потрудился заполнить пустое пространство. Поднятая чуть вверх рука Люка легла на открытый низ забора, проволочные зубцы впились в его ладонь. Он пошевелил кончиками пальцев в свободном воздухе за стенами Института, потом встал, отряхнулся и спросил Фриду, не хочет ли она поиграть в *ЛОШАДКУ*. Она одарила его нетерпеливой улыбкой, которая говорила: *Да! Конечно! Стань моим другом!*

Это разбило ему сердце.

На следующий день у Люка опять не было никаких тестов, никто даже не потрудился проверить его жизненные показатели. Он помог Конни, одной из уборщиц, перенести два матраса из лифта в пару комнат в восточном крыле, получил за свои хлопоты один паршивый жетон (уборщики были скупы, когда дело доходило до раздачи жетонов), и на обратном пути в свою комнату он столкнулся с Морин, стоявшей у автомата со льдом и пившей из бутылки воду, которую она всегда там охлаждала. Он спросил, не нужна ли ей помощь.

- Нет, я в порядке. - Потом, понизив голос: - Хендрикс и Зик разговаривали у флагштока. Я их видела. Они проводили над тобой опыты?

- Нет. Уже два дня.

- Так я и думала. Сегодня пятница. Возможно, у тебя есть время до субботы или воскресенья, но я бы не стала рисковать. - Смесь беспокойства и сострадания, которую он увидел на ее изможденном лице, ужаснула его.

Сегодня вечером.

Он не произнес это вслух, только провел рукой по щеке, почесывая под глазом. Она кивнула.

- Морин... они знают, что у тебя... - Он не смог закончить, да и не нужно было.

- Они думают, что это радикулит. - Ее голос был едва слышен. - Хендрикс может быть и подозревает, но ему все равно. Всем все равно, пока я могу продолжать работать. Теперь иди, Люк. Я уберу твою комнату, пока ты будешь обедать. Когда ляжешь спать, загляни под матрас. Удачи. - Она колебалась. - Хотела бы я обнять тебя, сынок.

Люк почувствовал, как его глаза наполняются слезами. И поспешил прочь, прежде чем она успела это увидеть.

Он плотно пообедал, хотя особого голода не испытывал. Он сделает то же самое за ужином. У него было чувство, что если это сработает, ему понадобится все топливо, которое он сможет в себя вместить.

В тот вечер за ужином к ним с Эйвери присоединилась Фрида, на которую, как показалось, Люк произвел неизгладимое впечатление. После этого они вышли на игровую площадку. Люк отказался побросать мяч в корзину с девушкой, сославшись на то, что ему надо приглядеть за Эйвери, кувыркающемся на батуте.

Одно из этих красных неоновых слов расцвело в сознании Люка, когда он наблюдал, как Эйвестер прыгает вверх и вниз, совершая вялые падения и кувырки.

Сегодня вечером?

Люк кивнул.

Но мне нужно, чтобы ты спал в своей комнате. Я хотел бы иметь сегодня полных восемь часов сна.

Эйвери соскользнул с батута и серьезно посмотрел на Люка.

- Не говори мне, что это неправда, потому что ты думаешь, что кто-то увидит меня грустным и спросит почему. Я не должен выглядеть грустным. - И он растянул губы в безнадежно фальшивой усмешке.

О'кей. Только не продрочи мой шанс, Эйвестер.

Вернись за мной, если сможешь. Пожалуйста.

Обязательно.

Вернулись точки, принося с собой яркое воспоминание о погружном баке. Люк подумал, что это было результатом усилия, которое потребовалось, чтобы послать Эйвери свои мысли.

Эйвери еще мгновение смотрел на него, потом подбежал к баскетбольному кольцу.

- Хочешь поиграть в *ЛОШАДКУ*, Фрида?

Она посмотрела на него сверху вниз и улыбнулась.

- Малыш, я изобью тебя, как барабан.

- Дай мне фору в “*Л*” и “*О*”, а там посмотрим.

Они играли, пока солнце не начало уходить за горизонт. Люк пересек площадку и оглянулся, когда Эйвери - которого Гарри Кросс однажды назвал “маленьким приятелем Люка” - попытался сделать крюк, но промахнулся. Он думал, что Эйвери придет к нему в комнату хотя бы ненадолго, чтобы забрать зубную щетку, но этого не произошло.

20

Люк сыграл несколько партий в *Слэп Дэш* и *100 шаров* на своем ноутбуке, затем почистил зубы, разделся до шорт и лег в кровать. Он выключил лампу и полез под матрас. Он мог бы порезать пальцы ножом, который оставила ему Морин (в отличие от пластиковых ножей, которыми они пользовались в кафешке, этот был похож на нож для чистки овощей, с настоящим лезвием), если бы она не завернула

его в мочалку. Было и еще кое-что, что он мог определить на ощупь. Бог свидетель, он использовал их в большом количестве, прежде чем оказаться здесь. Флешка. Он наклонился в темноте и сунул оба предмета в карман брюк.

Потом началось ожидание. Какое-то время дети бегали взад и вперед по коридору, может, играли в пятнашки, а может, в латки. Теперь, когда детей стало больше, это случалось каждый вечер. Послышались возгласы и смех, за которыми последовали приглушенные звуки, а затем снова смех. Они выпускали пар. Пытались побороть *страх*. Одним из самых громогласных сегодня был Стиви Уиппл, и Люк решил, что Стиви выпил вина или крепленого лимонада. Здесь не было суровых взрослых, требовавших тишины; те, кто отвечал за это, не были заинтересованы в соблюдении правил по снижению шума или введении комендантского часа.

Наконец, часть крыла, в котором проживал Люк, угомонилась. Теперь он слышал только стук собственного сердца и ход своих мыслей, когда в последний раз прокручивал в голове пошаговую инструкцию Морин.

Как только выберешься, встань напротив батута, - напомнил он себе. Используй нож, если нужно. После чего небольшой поворот направо.

Если он выберется.

Он с облегчением обнаружил, что на восемьдесят процентов настроен решительно и только на двадцать боится. Даже такой страх не имел под собой никакого реального смысла, но Люк полагал, что это было естественно. Решение, которое он абсолютно точно *принял*, было простым и ясным - это был его шанс, единственно возможный, и он намеревался использовать его по максимуму.

Когда в коридоре воцарилась тишина, длившаяся, по его прикидкам, с полчаса, Люк встал с кровати и схватил пластиковое ведерко со льдом, стоявшее на телевизоре. Он придумал историю для надзирателей - если, конечно, кто-то действительно следил за мониторами в этот час, а не просто сидел в какой-нибудь комнате отдыха на нижнем уровне и раскладывал пасьянс.

Эта история была о ребенке, который рано ложится спать, а потом просыпается по какой-то причине, может быть, из-за потребности пописать, может быть, из-за кошмара. Во всяком случае, ребенок больше спит, чем бодрствует, поэтому он идет по коридору в нижнем белье. Камеры в пыльных плафонах следят за ним, когда он идет к автомату со льдом за прохладой. И когда он возвращается не только с ведерком льда, но и с совком, они предполагают, что ребенок просто

слишком сонный, чтобы понять, что он все еще держит совок в руке. Он увидит его утром, лежащий на столе или в раковине в ванной, и удивится, как он туда попал.

Вернувшись в свою комнату, Люк положил немного льда в стакан, наполнил его из крана в ванной и выпил половину. Это было хорошо. Во рту и горле у него пересохло. Он оставил совок на бачке унитаза и вернулся в кровать. Он поворочался с боку на бок. Пробормотал что-то себе под нос. Может быть, ребенок в истории, которую он придумал, скучает по своему маленькому приятелю. Может быть, именно поэтому он и не может снова заснуть. Может быть, никто не подсматривает и не подслушивает, но, может быть, кто-то это делает, и именно так он и должен отыграть.

Наконец, он снова включил лампу и оделся. Он пошел в ванную, где не было никакого наблюдения (*вероятно*, не было никакого наблюдения), и засунул совок в переднюю часть брюк, насунув на него свою футболку *Твинс*. Если здесь *было* видеонаблюдение, и если кто-то следил за ним, он, вероятно, уже был настороже. Он ничего не мог с этим поделать, кроме как перейти к следующей части своей истории.

Он вышел из комнаты и направился по коридору в комнату отдыха. Стиви Уиппл и еще какой-то парень, один из новичков, лежали на полу и крепко спали. Вокруг них было разбросано с полдюжины *Файерболов*, все пустые. Эти маленькие бутылочки съедали множество жетонов. Стиви и его новый друг просыпались по утрам с похмелья и с пустыми карманами.

Люк перешагнул через Стиви и вошел в кафешку. Здесь горели только флуоресцентные лампы на стойке с салатами, было сумрачно и немного жутковато. Он схватил яблоко из никогда не пустовавшей вазы с фруктами и откусил кусочек, возвращаясь в комнату отдыха, надеясь, что никто не наблюдает, надеясь, что если кто-то и наблюдает, то поймет, что за пантомиму он разыгрывает, и купится. Малыш проснулся. Малыш достал из автомата лед и выпил стакан холодной воды, но после этого он еще больше проснулся, поэтому пошел в кафешку перекусить. И тогда ребенок думает: Эй, почему бы не выйти на игровую площадку на некоторое время, подышать свежим воздухом. Калиша говорила, что они с Айрис несколько раз выходили поглазеть на звезды - они были невероятно яркими, ведь их свет не заслоняло никакое запыление. А иногда, по ее словам, дети по ночам целовались

на игровой площадке. Он только надеялся, что сегодня вечером здесь никто не будет любоваться звездами или обниматься.

Никого не было, и без света Луны площадка была довольно темной, различные части оборудования представляли собой угловатые тени. Без приятеля или двух для компании, маленькие дети имели тенденцию бояться темноты. И дети постарше тоже, хотя большинство в этом никогда не признаются.

Люк прошелся по игровой площадке, ожидая, когда появится один из менее знакомых ночных надзирателей и спросит его, что он здесь делает с совком, спрятанным под рубашкой. Неужели он задумал побег? Потому что это было бы чертовски странно!

- Чокнутый, - пробормотал Люк и сел спиной к сетчатой ограде. - Это я о себе, настоящий псих.

Он ждал, не придет ли кто-нибудь. Никто не пришел. Слышался только стрекот сверчков и уханье совы. Там была камера, но действительно ли кто-нибудь следил за ним? Там была охрана, он это знал, но это была *небрежная* охрана. И это он тоже знал. Только насколько небрежная, он узнает прямо сейчас.

Он поднял футболку и вытащил совок. В своем воображении этой части он греб землю за спиной правой рукой, возможно, переместив совок в левую, когда его правая устанет. На самом деле, это сработало не очень хорошо. Он несколько раз скребанул совком по низу ограждения, вызвав звук, который в тишине казался очень громким, и не увидел, добился ли хоть какого-нибудь прогресса.

Это безумие, подумал он.

Отбросив заботу о камере в сторону, Люк встал на колени и начал копать под забором, разбрасывая гравий направо и налево. Казалось, время летело. Он чувствовал, как проходят часы. Может быть, кто-нибудь из тех, кого он никогда не видел в комнате наблюдения (но мог живо представить), начал задаваться вопросом, почему ребенок с бессонницей не вернулся с игровой площадки? Пошлет ли он кого-нибудь проверить? А что, если у этой камеры есть функция ночного видения, Люки? Как насчет этого?

Он копал. Он чувствовал, как пот заливает его лицо, и насекомые, работавшие в ночную смену, приближались к нему. Он копал. Он чувствовал запах своих подмышек. Биение его сердца ускорилось до галопа. Он почувствовал, что кто-то стоит у него за спиной, но,

оглянувшись через плечо, увидел только парапет баскетбольного столба, возвышающегося на фоне звезд.

Теперь у него была щель под забором. Неглубокая, но он появился в Институте тощим и с тех пор похудел еще больше. Возможно…

Но когда он лег и попытался в нее проскользнуть, забор его остановил. Это было даже не близко.

Иди обратно. Возвращайся и ложись в постель, пока они не нашли тебя и не сделали с тобой что-нибудь ужасное за попытку выбраться отсюда.

Но это был не вариант, а низкая трусость. Они и так собирались сделать с ним что-то ужасное: фильмы, головные боли, Огни Штази... и, в конце концов, улей.

Он копал, задыхаясь, взад и вперед, влево и вправо. Щель между низом забора и землей медленно увеличивалась. Так глупо с их стороны было оставлять поверхность немощеной по обе стороны забора. Так глупо было не пропустить через проволоку электрический ток, пусть даже слабый. Но они этого не сделали, и вот он здесь.

Он снова лег, снова попытался пробраться в щель, и снова нижняя часть забора его остановила. Но он был уже близко. Люк снова встал на колени и стал копать, все быстрее и быстрее, влево и вправо, вперед и назад, туда и сюда. Раздался щелчок, когда ручка совка, наконец, обломалась. Люк отбросил ручку в сторону и продолжил копать, чувствуя, как зазубренный край совка впивается ему в ладони. Когда он остановился, чтобы на них посмотреть, то увидел, что они кровоточат.

Должно получиться, на этот раз. Должно получиться.

Но он не смог... пролезть... совсем немного.

Так вернемся к совку. Влево и вправо, вверх и вниз. Кровь стекала по его пальцам, волосы прилипли ко лбу от пота, в ушах пели комары. Он отложил совок в сторону, лег и снова попытался проскользнуть под забор. Торчащие зубцы оттянули его рубашку в сторону, затем впились в кожу, вытягивая еще больше крови из лопаток. Он продолжил движение.

На полпути он застрял. Он смотрел на гравий, видел, как пыль вздымается крошечными вихрями рядом с его ноздрями, когда он делает выдох. Он должен был вернуться, должен был копнуть еще - может быть, совсем немного. Только когда он попытался вернуться на

площадку, то обнаружил, что и туда ему не пролезть. Не просто застрял, а попался. Он все еще будет здесь, зажатый под этим чертовым забором, как кролик в капкане, когда завтра утром взойдет солнце.

Точки начали возвращаться, красные, зеленые и фиолетовые, появляясь с кучки выкопанной земли, которая была всего в дюйме или двух от его глаз. Они бросились к нему, разрываясь на части, сближаясь, кружась и стробируя. Клаустрофобия сдавила ему сердце, сдавила голову. Его руки пульсировали и пели.

Люк протянул руку, вцепился пальцами в землю и потянул изо всех сил. На мгновение точки заполнили не только его поле зрения, но и весь мозг; он потерялся в их свете. Потом нижняя часть забора, казалось, немного приподнялась. Возможно, это было просто воображение, но он так не думал. Он услышал, как она скрипнула.

Может быть, благодаря уколам и баку, я теперь ТК-плюс, подумал он. Совсем как Джордж.

Он решил, что это не имеет значения. Единственное, что имело значение, - это то, что он снова начал двигаться.

Точки затихли. Если нижняя часть забора действительно поднялась, то она снова опустилась. Металлические зубцы царапали не только лопатки, но и ягодицы и бедра. Был мучительный момент, когда он снова остановился, забор жадно схватил его, не желая отпускать, но когда он повернул голову и прижался щекой к каменистой земле, то увидел куст. Он мог быть в пределах досягаемости. Он потянулся, почти поймал, потянулся еще немного и схватился за него. Он потянул. Куст начал вырываться, но прежде чем он смог полностью вырваться из земли, он снова начал двигаться, толкаясь бедрами и отталкиваясь ногами. Торчащий зубец забора подарил ему прощальный поцелуй, проведя горячую линию по икре, а затем он проскользнул на другую сторону забора.

Он вырвался.

Люк покачнулся на коленях и бросил дикий взгляд назад, уверенный, что увидит свет, включенный не только в комнате отдыха, но и в коридорах и кафешке, и в его сиянии он увидит бегущие фигуры: надзиратели с их шокерами, вытащенными из кобуры и включенными на максимальную мощность.

Но там никого не было.

Он поднялся на ноги и побежал вслепую, забыв в панике о следующем жизненно важном шаге - ориентации. Он мог бы убежать в лес и заблудиться там прежде, чем разум восстановит свои силы, если бы не внезапная жгучая боль в левой пятке, когда он наступил на острый камень и понял, что потерял одну из своих кроссовок в этом последнем отчаянном броске.

Люк вернулся к забору, наклонился, поднял его и надел. Его спина и ягодицы только болели, но последний порез на икре был глубоким и обжигал, как раскаленная проволока. Его сердцебиение замедлилось, и ясное мышление вернулось. *Как только выберешься, встань напротив батута,* - сказал Эйвери, повторяя второй шаг Морин. *Повернись к нему спиной, затем повернись направо на один средний шаг. Это твое направление. Тебе нужно пройти всего лишь милю или около того, чтобы выбраться, и не нужно придерживаться совершенно уж прямой линии, так как место, куда ты должен попасть довольно большое, но старайся изо всех сил.* Позже, уже в постели, Эйвери сказал, что, возможно, Люк сможет использовать звезды, чтобы контролировать направление. Сам он об этом ничего не знал.

Тогда ладно. Пора уходить. Но сначала он должен был сделать еще одну вещь.

Он протянул руку к правому уху и нащупал там маленький кружочек. Он вспомнил, как кто-то - может быть, Айрис, может быть, Хелен - сказал, что имплантант не причинил ей боли, потому что ее уши уже были проколоты. Только серьги снимались, Люк видел, как это делала его мать. Эта же хрень была закреплена намертво.

Пожалуйста, Господи, пусть мне не понадобится нож.

Люк собрался с духом, запустил ногти под изогнутый верхний край жучка и потянул. Мочка его уха растянулась, и стало больно, очень больно, но жучок остался неподвижным. Он отпустил его, сделал два глубоких вдоха (когда он это делал, вернулись воспоминания о погружном баке) и снова потянул. Посильнее. На этот раз боль была сильнее, но жучок оставался на месте, а время шло. Западное крыло, выглядевшее странно с этого незнакомого ракурса, было по-прежнему темным и тихим, но надолго ли?

Он подумал о том, чтобы снова потянуть, но это лишь отсрочило бы неизбежное. Морин знала; именно поэтому она оставила нож для чистки овощей. Он достал его из кармана (стараясь не вытащить и

флешку) и поднес к глазам в скудном свете звезд. Он нащупал острый край подушечкой большого пальца, затем протянул левую руку через все тело и потянул вниз за мочку уха, растягивая ее до предела, что было не очень удобно.

Он заколебался, давая себе время осознать, что находится по ту сторону забора. Сова снова заухала сонным голосом. Он мог видеть светлячков в темноте и даже в этот момент крайнего напряжения понял, как они были прекрасны.

Сделай это быстро, - сказал он себе. Представь, что ты режешь кусок стейка. И не кричи, как бы тебе ни было больно. Ты не имеешь права кричать.

Люк приложил лезвие к мочке уха снаружи и простоял так несколько секунд, которые показались ему вечностью. Затем он опустил нож.

Я не могу.

Ты должен.

Я не могу.

О Боже, я должен.

Он снова приставил острие ножа к нежной незащищенной плоти и тут же потянул вниз, прежде чем успел сделать что-то большее, чем просто помолиться, чтобы лезвие было достаточно острым, чтобы выполнить работу одним ударом.

Лезвие было острым, но в последний момент силы немного подвели его, и вместо того, чтобы оторваться, мочка уха болталась на клочке хряща. Сначала боли не было, только тепло крови стекало по его шее. А потом пришла боль. Словно оса, размером с пинтовую бутылку, ужалила его и впрыснула свой яд. Люк с протяжным шипением втянул воздух, ухватился за свисающую мочку уха и оторвал ее, как кожу с куриной ножки. Он склонился над ней, зная, что срезал эту чертову штуку, но все равно хотел ее увидеть. Нужно во всем видеть позитив. Маячок был там.

Люк убедился, что он стоит напротив батута. Он повернулся к нему спиной и сделал шаг - средний, как он надеялся, - вправо. Впереди виднелась темная громада лесов Северного Мэна, простиравшихся на Бог знает сколько миль. Он поднял глаза и увидел Большую Медведицу с одной угловой звездой прямо перед собой. *Продолжай следить за ней*, - сказал он себе. Это все, что тебе нужно

делать. До утра это не затянется, сказала она Эйвери, нужно пойти всего лишь милю или около того, а потом перейти к следующему шагу. Не обращай внимания на боль в лопатках, сильную боль в икре, очень сильную боль в ухе, юный Ван Гог. Не обращай внимания на то, как дрожат твои руки и ноги. Иди. Но сначала...

Он снова поднял сжатую в кулак правую руку к плечу и перебросил через забор клочок плоти, в котором все еще торчал маячок. Он услышал (или ему показалось, что он услышал) тихий щелчок, когда она ударилась об асфальт, окружающий ничтожное подобие баскетбольной площадки. Пусть они найдут его там.

Он зашагал, подняв глаза и зафиксировав взгляд на одиноко стоящую звезду.

21

Люк видел её меньше тридцати секунд. Как только он вошел в лес, звезда исчезла. Он остановился, Институт позади него все еще был частично виден сквозь первые густые переплетения ветвей.

Всего лишь миля, - сказал он себе, - *и ты найдешь то место, даже если немного собьешься с курса, потому что она сказала Эйвери, что это место большое*. Во всяком случае, *довольно* большое. Так что иди медленно. Ты правша, это означает, что у тебя правосторонняя доминанта[143], поэтому старайся это компенсировать, но не слишком, иначе уйдешь с курса влево. И продолжай считать. Миля должна быть между двумя тысячами и двадцатью пятью сотнями шагов. Примерная цифра, конечно же, зависит от рельефа местности. И будь осторожен, чтобы не оставить глаз на ветке. В тебе и так достаточно дырок.

Люк пошел дальше. По крайней мере, здесь не было никаких зарослей, которые нужно было бы разгребать; это были старые деревья, которые создавали много тени сверху и подлесок, состоящий из толстого слоя сосновых иголок на земле. Каждый раз, когда ему приходилось огибать одно из старых деревьев (вероятно, это были сосны, но в темноте кто определит), он пытался сориентироваться и продолжить движение по прямой, которая теперь - он должен был это признать - была в значительной степени гипотетической. Это было похоже на попытку проложить путь через огромную комнату, заполненную едва заметными предметами.

Что-то слева от него внезапно хрюкнуло и побежало, ломая одну ветку и гремя другими. Городской парень Люк замер на месте. Это был олень? Господи, а вдруг это медведь? Олень обычно убегает, а вот голодный медведь может легко принять его за полуночный ужин. Может быть, он уже приближается к нему, привлеченный запахом крови. Бог свидетель, шея Люка и правое плечо его рубашки промокли насквозь.

Потом звук пропал, и он слышал только сверчков и редкое уханье той совы. Он прошагал уже около восьмисот шагов, когда услышал этот звук. Теперь он снова начал идти, вытянув руки перед собой, как слепой, мысленно отсчитывая шаги. Тысяча... двенадцать сотен... вот дерево, настоящее чудовище, нижние ветви высоко над моей головой, слишком высоко, чтобы разглядеть, огибаю его... четырнадцать сотен... пятнадцать сот…

Он споткнулся о поваленный ствол и растянулся на земле. Что-то, обрубок ветки, впилось ему в левую ногу, и он застонал от боли. Какое-то время он лежал на сосновой подстилке, переводя дыхание, и тосковал - это была максимально тупая нелепость - по своей комнате в Институте. Комнате, где было место для всего, и все было на своих местах, и никакие животные неопределенного размера не рыскали вокруг и не сидели на деревьях. Безопасное место.

- Да, вот уж приходит осознание, - прошептал он и поднялся на ноги, потирая новую дырку на джинсах и новую дырку на коже под ними. *По крайней мере, у них нет собак*, - подумал он, вспомнив какой-то старый черно-белый фильм про тюрягу, где пара скованных вместе зэков боролись на свободу со сворой ищеек, с лаем бегущими за ними. А еще, эти парни пересекали болото. Где были аллигаторы.

Живой, Люки? - услышал он слова Калиши. - *Ну и все пучком. Просто продолжай идти. По прямой. Во всяком случае, как можно прямее.*

Пройдя две тысячи шагов, Люк стал высматривать впереди огни, просвечивающие сквозь деревья. *Их обычно немного*, сказала Морин Эйвери, *самый яркий - желтый*. На двадцати пяти сотнях, он начал испытывать беспокойство. На тридцати пяти он уже был уверен, что сбился с курса, и не чуть-чуть.

Это все из-за дерева, где я упал, - подумал он. - *Вот же чертово дерево. Когда я встал, я, должно быть, ошибся. Насколько я знаю, я*

направляюсь в Канаду. Если ребята из Института не найдут меня, я умру в этих лесах.

Но поскольку вернуться назад было невозможно (он не смог бы вернуться назад, даже если бы захотел), Люк продолжал идти, размахивая руками в поисках веток, которые могли бы поранить его в новых местах. В ухе пульсировала боль.

Он перестал считать шаги, но, должно быть, прошел уже около пяти тысяч - больше двух миль, - когда увидел слабый желто-оранжевый проблеск между деревьями. Сначала Люк принял его за галлюцинацию или за одну из точек, к которым вскоре присоединился целый рой. Еще десяток шагов положил конец этим сомнениям. Желто-оранжевый свет стал ярче, к нему присоединились еще два, гораздо более тусклые. Должно быть, это были электрические лампы. Он подумал, что самая яркая - натриевая лампа, какими обычно освещают большие стоянки. Отец Рольфа сказал им однажды вечером, во время их совместного с Рольфом похода в кинотеатр *Эй-Эм-Си Саутдейл*, что такие огни должны были останавливать грабителей и взломщиков автомобилей.

Люк почувствовал непреодолимое желание рысью броситься вперед, но сдержался. Меньше всего ему хотелось споткнуться о другое поваленное дерево или упасть в яму и сломать ногу. Теперь огней было больше, но он не сводил глаз с первого увиденного. Большая Медведица продержалась недолго, но вот появилась новая путеводная звезда, и получше. Через десять минут после того, как Люк впервые её заметил, он подошел к опушке леса. Примерно через пятьдесят ярдов открытого пространства виднелся еще один забор из металлической сетки. Этот был увенчан колючей проволокой, и вдоль него с интервалом примерно в тридцать футов стояли фонарные столбы. *Там кругом датчики, реагирующие на движение,* - сказала Морин Эйвери. - *Скажи Люку, чтобы держался от него подальше*. Это был совет, в котором он вряд ли нуждался.

За забором виднелись маленькие домики. *Очень* маленькие. *Здесь не хватит места даже для кошки*, - сказал бы отец Люка. В них было самое большее три комнаты, а возможно, и всего две. Все они были одинаковыми. Эйвери сказал, что Морин называла их деревенскими домиками, но Люку они показались армейскими казармами. Дома были разбиты на блоки, по четыре, в центре каждого из них росла

трава. В нескольких домах горел свет, наверное, люди оставляли свет в ванной, чтобы не споткнуться обо что-нибудь, если придется встать и сходить в туалет.

Там была единственная улица, которая заканчивалась большим зданием. По обе стороны от этого здания была небольшая парковка, заполненная легковыми автомобилями и грузовиками, припаркованными бампер к бамперу. Всего тридцать или сорок, прикинул Люк. Он вспомнил, как задумывался над вопросом: где сотрудники Института держат свои машины. Теперь он это знал, хотя каким образом туда доставляли еду, оставалось загадкой. Натриевая лампа висела на столбе перед этим большим зданием, и освещала два бензоколонки. Люк подумал, что это место наверняка еще было своего рода магазином, Институтской версией *ПиЭкс*[144].

Так что теперь он понимал немного больше. Сотрудники имели отпуска и выходные - у Морин была неделя, чтобы съездить в Вермонт, - но в основном они никуда не выезжали, а когда заканчивалась их смена, они жили в этих жалких маленьких домиках. Рабочие графики могли быть составлены в шахматном порядке, чтобы они могли делить жилье. Когда им нужно было расслабиться, они садились в свои личные автомобили и ехали в ближайший город, который назывался Деннисон Ривер Бенд.

Местные наверняка интересовались тем, чем эти мужчины и женщины занимаются там, в лесу, они сто процентов задавали вопросы, и для ответа на них нужно было иметь какую-нибудь легенду. Люк понятия не имел, что это может быть (и в данный момент ему было все равно), но, должно быть, легенда была сильной - только так можно было продержаться столько лет.

Иди вдоль забора. Ищи шарф.

Люк двинулся вперед, забор и деревня были слева от него, край леса - справа. И снова ему пришлось бороться с желанием поторопиться, особенно теперь, когда он видел все немного лучше. Время, проведенное рядом с Морин, было недолгим, отчасти потому, что если их беседа затянулась бы, это могло вызвать подозрение, а отчасти потому, что Люк слишком боялся, что демонстративное хватание Эйвери за нос может выдать их игру. В результате он понятия не имел, где может быть этот шарф, и боялся его упустить.

Оказалось, что это не проблема. Морин привязала его к низко свисающей ветке высокой сосны как раз перед тем местом, где забор делал поворот налево от леса. Люк снял его и обвязал вокруг талии, не желая оставлять столь очевидный след тем, кто вскоре будет его преследовать. Это заставило его задуматься, сколько времени пройдет, прежде чем Миссис Сигсби и Стэкхаус узнают и поймут, кто помог ему бежать. Совсем немного, наверное.

Расскажи им все, Морин, - подумал он. *Не заставляй их подвергать тебя пыткам. Потому что если ты попытаешься проявить стойкость, они обязательно это сделают, а ты слишком стара и слишком больна для бака.*

Яркий свет у здания, которое могло быть фирменным магазином, теперь остался далеко позади, и Люку пришлось внимательно оглядеться, прежде чем он нашел старую дорогу, ведущую в лес, ту, по которой возили нарубленную древесину, возможно, поколения назад. Рядом с маршрутом своего движения он заметил густые заросли черники, и, несмотря на необходимость поторопиться, он остановился, чтобы набрать две пригоршни и бросить их в рот. Они были сладкие и вкусные. Они имели вкус *свободы*.

Как только он вышел на старую дорогу, идти по ней стало легко, даже в темноте. На её подвергнутом эрозии центре рос густой подлесок, а двойная полоса сорняков покрывала то, что когда-то было колеями. Там были упавшие ветки, через которые можно было перешагнуть (или споткнуться), но забрести вглубь леса было трудно.

Он снова попробовал считать шаги, сумел удержать довольно точный счет до четырех тысяч, потом сдался. Дорога время от времени поднималась, но в основном клонилась вниз. Пару раз он натыкался на тупики, а один раз - на заросли кустарника, такие густые, что он боялся, что старая дорога просто обрывается на этом месте, но когда он через них пробрался, то снова ее обнаружил и продолжил путь. Он понятия не имел, сколько времени прошло. Возможно, он уложился в час; но скорее, больше было похоже на два. Все, что он знал наверняка, это то, что все еще стояла ночь, и хотя находиться здесь в темноте было жутковато, особенно для городского ребенка, он надеялся, что темнота продержится еще долго. Но в это время года солнце уже к четырем часам ползло обратно на небо.

Он добрался до вершины еще одного холма и на мгновение остановился передохнуть. Он сделал это стоя. Он не очень верил, что заснет, если сядет, но мысль о том, что он может заснуть, его пугала. Адреналин, который заставлял его грести землю и лезть под забором, а потом пробираться через лес к деревне, теперь исчез. Кровотечение из порезов на спине, ноге и мочке уха прекратилось, но все эти места пульсировали и жгли. Хуже всего было с его ухом. Он осторожно к нему прикоснулся, затем отдернул пальцы, зашипев от боли сквозь стиснутые зубы. Однако не раньше, чем почувствовал там неровный сгусток крови и струп.

Я изувечил себя, подумал он. Эта мочка уха никогда не вернется на место.

- Ублюдки заставили меня это сделать, - прошептал он. - Они меня *заставили*.

Поскольку он не осмеливался сесть, то наклонился и обхватил руками колени - положение, в котором он не раз видел Морин. Это никак не отразилось на его спине, больной заднице или изуродованной мочке уха, но немного расслабило усталые мышцы. Он выпрямился, собираясь идти дальше, но остановился. Впереди послышался слабый звук. Какой-то стремительный, как ветер в соснах, но там, где он стоял на этом небольшом возвышении, не было даже дуновения ветерка.

Пусть это не будет галлюцинацией, подумал он. Пусть это будет по-настоящему.

Еще пятьсот шагов - столько он насчитал - и Люк понял, что звук действительно был шелестом текущей воды. Дорога становилась все круче и круче, наконец, настолько крутой, что ему пришлось идти боком, держась за ветви деревьев, чтобы не упасть на задницу. Он остановился, когда деревья по обе стороны исчезли. Здесь лес был не только вырублен, но и выкорчеван, образовав поляну, которая теперь заросла кустарником. Дальше и ниже виднелась широкая полоса, похожая на черный шелк, достаточно гладкая, чтобы отражать падающие сверху блики звездного неба. Он мог представить себе тех давних лесорубов, которые, возможно, работали в этих северных лесах до Второй мировой войны, используя старые *Форды* или *Интернешнл Харверст*, чтобы тащить свои дрова, может быть, даже упряжки лошадей. Поляна была их конечным пунктом. Здесь они выгружали свои бревна и отправили их вниз по течению реки Деннисон, откуда

они должны были начать свой путь к лесопилкам различных городков на севере штата.

Люк спустился по последнему склону на ногах, которые болели и дрожали. Последние двести футов были самыми крутыми, тропа уходила вниз до самой реки, проторенная этими давними бревнами. Он сел и начал скользить, хватаясь за кусты, чтобы немного замедлить свое продвижение, и наконец, остановился на скалистом берегу в трех или четырех футах над водой. И тут, как и обещала Морин, из-под зеленого брезента, усыпанного сосновыми иглами, показался нос деревянной лодки. Он был привязан к старому зазубренному пню.

Как Морин узнала об этом месте? Неужели ей кто-то об этом рассказал? В этом он сомневался, только не тогда, когда жизнь мальчика могла зависеть от этой шаткой старой лодки. Может быть, перед тем, как заболеть, она сама обнаружила её во время прогулки. Или она и еще несколько человек - может быть, пара женщин из кафешки, с которыми она, казалось, дружила, - приехали сюда из своей квазивоенной деревни, чтобы устроить пикник: бутерброды с *Колой* и бутылка вина. Но это не имело значения. Лодка была там, где было сказано.

Люк спрыгнул в воду, которая доходила ему до голеней. Он наклонился и зачерпнул две пригоршни в рот. Речная вода была холодной, но на вкус еще слаще, чем черника. Утолив жажду, он попытался развязать веревку, привязывавшую лодку к пню, но узлы были сложными, а время шло. В конце концов, он воспользовался ножом для чистки овощей, чтобы разрезать веревку, и его правая ладонь снова начала кровоточить. Хуже того, лодка тут же начала дрейфовать в сторону от берега.

Он бросился к ней, схватил за нос и оттащил назад. Теперь обе его ладони кровоточили. Он попытался сдернуть брезент, но как только он отпустил нос лодки, течение снова начало тянуть её прочь. Он проклинал себя за то, что не снял брезент с самого начала. Места, чтобы вытащить лодку на берег было недостаточно, и, в конце концов, он сделал единственное, что мог: перебросил свое туловище через борт прямо под брезент с его рыбным запахом древней парусины, затем подтянулся за занозистую скамью, пока не оказался полностью внутри лодки. Он приземлился в лужу воды и на что-то длинное и

угловатое. К этому времени лодку уже волокло вниз по течению, вперед кормой.

У меня тут настоящее приключение, - подумал Люк. - *Да, конечно же, для меня это и есть настоящее приключение.*

Он сел под брезентом. Он обтекал его, производя довольно резкий запах. Люк толкал его и срывал окровавленными руками, пока тот не свалился за борт. Сначала он плыла рядом с лодкой, потом начал тонуть. Угловатая штука, на которую он приземлился, оказалась веслом. В отличие от лодки, оно выглядело относительно новым. Морин повесила шарф; положила ли она и весло? Он не был уверен, что она вообще могла спуститься по старой лесовозной дороге в ее нынешнем состоянии, не говоря уже о том, чтобы спуститься по последнему крутому склону. Если она это сделала, то заслужила эпическую поэму в свою честь, по меньшей мере. И все только потому, что он подыскал для нее кое-какие вещи в Интернете, вещи, которые она, вероятно, могла бы найти сама, если бы не была так больна? Он едва ли знал, что думать о таких вещах, не говоря уже о том, чтобы их понимать. Он только знал, что весло было здесь, и он должен был использовать его, устал он там или нет, кровоточат его руки или нет.

По крайней мере, он знал, как это делать. Он был городским мальчиком, но Миннесота была страной десяти тысяч озер, и Люк много раз рыбачил со своим дедом по отцовской линии (который любил называть себя “еще одним старым болотом из Манкато”). Он уселся на центральное сиденье и первым делом воспользовался веслом, чтобы направить нос лодки, а не корму вниз по течению. Покончив с этим, он выплыл на середину реки, которая в этом месте была около восьмидесяти ярдов шириной, и погрузил весло. Он снял кроссовки и положил сушить их на небольшое заднее сиденье. Что-то было написано на этом сиденье выцветшей черной краской, и когда он наклонился ближе, то смог прочитать: *Из тюряги на С.С.*[145]. Это заставило его улыбнуться. Люк откинулся на локтях, глядя на безумную россыпь звезд, и попытался убедить себя, что это не сон - что он действительно выбрался.

Откуда-то сзади слева донесся двойной звук электрического клаксона. Он обернулся и увидел одинокую яркую фару, мелькнувшую среди деревьев, сначала поравнявшись с его лодкой, а потом опередив ее. Он не видел ни тепловоза, ни вагонов, которые он тащил, между

ними было слишком много деревьев, но он слышал грохот сцепок и грохот стальных колес по стальным рельсам. Он, наконец-то, осознал, что все происходящее с ним сейчас - реальность. Это не было какой-то невероятно подробной фантазией, гуляющей в его мозгу, когда он спал в своей кровати в Западном крыле. Это был настоящий поезд, вероятно, направлявшийся в Деннисон Ривер Бенд. Это была настоящая лодка, в которой он плыл на юг по этому медленному и прекрасному течению. Это были настоящие звезды над головой. Конечно, Миньоны Сигсби последуют за ним, но...

- Я никогда не окажусь в Задней Половине. *Никогда.*

Он протянул одну руку за борт *Из тюряги*, растопырил пальцы, окунул в воду и наблюдал, как четыре крошечных бороздки уносятся за ним в темноту. Он проделывал это и раньше, в маленьком алюминиевом рыболовецком ялике своего деда с двухтактным мотором, многократно, но никогда - даже в четырехлетнем возрасте, для которого все было новым и удивительным - не был так ошеломлен видом этих водяных бороздок. Мысль пришла к нему в голову с силой откровения: *Ты должен был быть заключённым в тюрьму, чтобы по-настоящему понять, что такое свобода.*

- Я скорее умру, чем позволю им забрать меня обратно.

Он понимал, что это - правда и что до этого может дойти, но понимал и то, что пока этого не произошло. Люк Эллис поднял свои порезанные и мокрые руки к небу, чувствуя, как мимо них проносится свободный воздух, и заплакал.

22

Он задремал, сидя на средней скамье, положив подбородок на грудь, свесив руки между ног, опустив босые ступни в маленькую лужицу воды на дне лодки, и, возможно, все еще спал бы, когда *Из тюряги* пронес его мимо следующей остановки в его невероятном путешествии, если бы не звук гудка другого поезда, на этот раз идущего не вдоль берега реки, а впереди и выше. Он был гораздо громче - не одинокий гудок, а повелительное *ВААААУ*, которое заставило Люка обернуться с таким рывком, что он чуть не упал спиной на корму. Он поднял руки в инстинктивном жесте защиты, понимая, как это было жалко, даже когда делал это. Гудок затих, его сменили металлический визг и громкий глухой рокот. Люк ухватился

за борта лодки там, где она сужалась к носу, и посмотрел вперед дикими глазами, уверенный, что его вот-вот собьют.

Еще не совсем рассвело, но небо начало светлеть, придавая блеск реке, которая теперь была намного шире. В четверти мили ниже по течению товарный поезд пересекал эстакаду, замедляя ход. Наблюдая за происходящим, Люк увидел товарные вагоны с надписью *Нью-Ингленд Лэнд Экспресс*, *Массачусетс Ред*, пару автоперевозчиков, несколько цистерн, на одной красовалась надпись *Канадиан Клин Гэс*, на другой - *Вирджиния Ютил-Икс*. Пара камешков шлака шлепнулись в воду по обе стороны от его лодки.

Люк схватил весло и начал разворачивать лодку к правому берегу, где теперь он мог видеть несколько печальных зданий с заколоченными окнами и кран, который выглядел ржавым и давно заброшенным. Берег был завален бумажным мусором, старыми покрышками и выброшенными банками. Теперь поезд, под которым он проплывал, переехал через эстакаду, все еще замедляя ход, визжа и стуча колесами. Вик Дестин, отец его друга Рольфа, говорил, что нет более грязного и шумного транспорта, чем железнодорожный. Он произнесил это скорее с удовлетворением, чем с отвращением, что не удивило ни одного из мальчиков. Мистер Дестин очень любил поезда.

Люк почти доплыл до лестницы, обозначенной Морин, и теперь искал нужные ступеньки. Красные. Но не по-настоящему красные, сказал ему Эйвери. Больше нет. Она говорит, что сейчас они скорее розовые. Но когда Люк их заметил - всего через пять минут после того, как он проплыл под эстакадой, - они оказались совсем другими. Хотя на ступеньках оставалось немного розовато-красного цвета, сами они были в основном серыми. Они поднимались от кромки воды к вершине насыпи, примерно на сто пятьдесят футов вверх. Он поплыл к ним, и киль его маленького корабля сел на мель прямо перед затопленной нижней ступенькой.

Люк медленно сошел на берег, чувствуя себя неповоротливым, словно старик. Он подумал было о том, чтобы привязать *Из тюряги* - достаточно ржавчины сошло со столбов по обе стороны лестницы, чтобы сказать ему, что это делали и другие, вероятно рыбаки, - но оставшаяся часть веревки, привязанной к носу, выглядела слишком короткой.

Он отпустил лодку, наблюдая, как она начала уплывать вдаль, когда ее подхватило слабое течение, потом увидел свои ботинки с заправленными в них носками, все еще лежащие на корме. Он упал на колени на затопленную ступеньку и успел схватить лодку как раз вовремя. Он протянул ее мимо себя, перебирая руками, пока не смог схватить свои кроссовки. Затем он пробормотал: *Спасибо, Из тюряги*, и отпустил ее.

Он поднялся на пару ступенек и сел, чтобы обуться. Кроссовки достаточно просохли, но теперь промокла остальная его одежда. Ему было больно смеяться, но он все равно рассмеялся. Он поднимался по лестнице, которая раньше была красной, то и дело останавливаясь, чтобы дать отдых ногам. Шарф Морин - в утреннем свете он разглядел, что тот пурпурный, - свободно свисал с его талии. Он подумал, не оставить ли его, но потом затянул потуже. Он не понимал, как они могут выследить его, но город был бы логичным местом назначения, и он не хотел оставлять маркер, который они могли бы найти, даже случайно. Кроме того, теперь шарф казался важным. Это был... он нащупывал слово, близкое к истине. Не амулет на удачу, а скорее - талисман. Потому что это было от нее, а она была его спасительницей.

К тому времени, когда он добрался до верха лестницы, солнце уже поднялось над горизонтом, большое и красное, бросая яркий свет на паутину железнодорожных путей. Товарняк, под которым он проплывал, теперь стоял на станции Деннисон Ривер Бенд. Когда тепловоз, который его тащил, медленно покатил прочь, ярко-желтый маневровый тепловоз подъехал к задней части состава и вскоре снова двинул его, толкая на сортировочную станцию, где поезда разбирали и собирали заново.

В *Бродерике*, где преподавательский состав интересовался более эзотерическими предметами, такими как современная математика, климатология и творчество поздних английских поэтов, не учили тонкостям грузоперевозок; уроки поездоведения давал Вик Дестин, поездоголик до мозга костей и гордый обладатель огромной игрушечной железной дороги *Лайонел*, размещенной в его подвальном убежище. Люк и Рольф провели там много часов в качестве добровольных помощников. Рольфу нравилось управлять модельными поездами; информация о реальных поездах была ему безразлична.

Люк интересовался и теми и другими. Если бы Вик Дестин был коллекционером марок, Люк с таким же интересом делал бы набеги в местную филателию. Так уж он был устроен. Он полагал, что от этого он кажется окружающим немного сумасшедшим (и, конечно же, ловил на себе взгляды Алисии Дестин, которые время от времени наводили на эту мысль), но сейчас он благословлял взволнованные лекции Мистера Дестина.

Морин же, напротив, почти ничего не знала о поездах, только то, что в Деннисон Ривер Бенд есть железнодорожная станция, и она считала, что проходящие поезда идут в разные места страны. Куда конкретно они идут, она не знала.

- Она думает, что если ты доберешься так далеко, то, может быть, тебе удастся запрыгнуть в товарняк, - сказал Эйвери.

Что ж, он *добрался* в это *так далеко*. Сможет ли он запрыгнуть в товарняк - другой вопрос. Он видел, с какой легкостью это делается в кино, но большинство фильмов были полны дерьма. Может быть, лучше пойти туда, что в городишках этого северного штата считается центром. Найти полицейский участок, если он там был, позвонить в полицию штата, если его там не было. У него не было мобильного, а таксофоны стали вымирающим видом. Если он все-таки его найдет, что он должен будет бросить в щель для монет? Один из его институтских жетонов? Он предположил, что может бесплатно позвонить в 911, но было ли это правильным шагом? Что-то подсказывало ему, что нет.

Он стоял на месте как замороженный, и наблюдал за тем, как, на его взгляд, быстро набирает силу световой день, нервно теребя шарф, обернутый вокруг талии. Для того чтобы звонить или идти в полицию так близко к Институту, были свои препятствия; он видел их даже в своем нынешнем состоянии страха и изнеможения. Полиция быстро выяснит, что его родители мертвы, убиты, и он - самый вероятный подозреваемый. Еще одним препятствием был сам Деннисон Ривер Бенд. Города существовали только в том случае, если поступали деньги, деньги были их подпитывающей жизненной силой, а откуда брались деньги в Деннисон Ривер Бенд? Не с этой же железнодорожной станции, которая была в значительной степени автоматизирована. И явно не из тех печальных зданий, которые он видел. Когда-то они могли быть фабриками, но не сейчас. С другой

стороны, на каждой неинкорпорированной территории[146] имелось какое-нибудь правительственное учреждение (“правительственная помойка”, как говорили местные жители, с пониманием кивая друг другу в парикмахерской или на городской площади), и у людей, которые там работали, водились деньги. Мужчины и женщины, которые частенько приезжали в город, и не только для того, чтобы почтить своим присутствием это благословенное прибежище кантри в те ночи, когда играл какой-нибудь дерьмовый оркестр. Они привозили баксы. И, возможно, Институт вносил немалый вклад в благосостояние города. Они могли финансировать общественный центр, или спортивную площадку, или помогать с ремонтом дорог. На все, что поставит под угрозу поступление этих баксов, будут смотреть со скептицизмом и неудовольствием. Насколько Люк понимал, городские чиновники могли получать регулярные выплаты, чтобы следить за тем, что Институт не привлекает внимание не тех людей. Это было параноидальное мышление? Возможно. А может быть, и нет.

Люку до смерти хотелось донести на Миссис Сигсби и ее Миньонов, но он решил, что самое лучшее и безопасное, что он может сейчас сделать, - это как можно быстрее убраться подальше от Института.

Маневровый тепловоз тянул группу товарных вагонов вверх по холму, который люди называли горбом. На крыльце аккуратного офисного здания стояли два кресла-качалки. В одном из них сидел мужчина в джинсах и ярко-красных резиновых сапогах, читал газету и пил кофе. Когда машинист нажал на клаксон, парень отложил газету и потрусил вниз по ступенькам, остановившись, чтобы помахать рукой у застекленной вышки на стальных сваях. Парень внутри помахал в ответ. Это был горочный оператор[147], а парень в красных сапогах - составитель поездов.

Отец Рольфа часто скорбел по умирающему состоянию американского железнодорожного транспорта, и теперь Люк понял почему. Во все стороны тянулись рельсы, но, судя по всему, в данный момент действовали только четыре или пять путей. Остальные были покрыты ржавчиной, между шпалами росли сорняки. На некоторых из них стояли застрявшие на вечном приколе товарные вагоны и платформы, и Люк использовал их как прикрытие, двигаясь к офису. Он увидел планшет, свисающий с гвоздя на одной из опорных стоек

крыльца. Если это было сегодняшнее расписание движения поездов, Люку было просто необходимо его прочитать.

Он присел на корточки за заброшенным товарным вагоном у задней стены офиса, наблюдая, как составитель поездов идет к горочным путям. Только что прибывший товарняк теперь находился на вершине горба, и все внимание оператора было к нему приковано. Если бы Люк был замечен, его, вероятно, просто прогнали бы, приняв за ребенка, который, как и Мистер Дестин, был помешан на поездах. Конечно, большинство детей не приходили на железную дорогу в половине шестого утра, чтобы поглазеть на поезда, независимо от того, насколько они были помешаны на этой теме. Особенно дети, которые вымокли в речной воде и разгуливали по станции с сильно изуродованным ухом.

Выбора не было. Он должен был увидеть, что было на том планшете.

Мистер Красные сапоги шагнул вперед, когда первый вагон медленно проехал мимо него, и потянул за штифт, соединяющий его со следующим. Грузовой вагон - *Стейт оф Мэн Продактс*, раскрашенный по бокам красными, белыми и синими полосами, - покатился вниз по склону, под воздействием гравитации, его скорость контролировалась радарными замедлителями. Горочный оператор дернул рычаг, и *Стейт оф Мэн Продактс* отправился на 4 путь.

Люк обошел вагон и, засунув руки в карманы, неторопливо направился к офису. Он не мог вздохнуть свободно, пока не оказался под вышкой, вне поля зрения оператора. Кроме того, подумал Люк, если он делает свою работу как положено, его взгляд должен был направлен на вагоны и больше никуда.

Следующий вагон, цистерна, был отправлен на 3 путь. Две автомобильных перевозчика также были отправлены на 3. Они столкнулись с цистерной, сцепились и покатились дальше. Поезда *Лайонел* Вика Дестина были довольно тихими, но это место просто содрогалось от громких звуков. Люк предположил, что люди в домах, расположенных к станции ближе, чем на милю, слышат этот грохот три-четыре раза в день. *Может, они к этому привыкли*, подумал он. В это трудно было поверить, пока он не вспомнил о детях, которые живут в Институте - едят много еды, пьют спиртное, курят время от времени сигареты, валяют дурака на игровой площадке и бегают по

вечерам, вопя во все горло. До Люка внезапно дошло, что можно привыкнуть к чему угодно. Это была ужасная мысль.

Он добрался до крыльца офиса, все еще оставаясь вне поля зрения оператора, и составителя, повернувшегося к нему спиной. Люк не думал, что тот обернется. *Потеряете концентрацию на такой работе, и можете потерять руку*, - сказал однажды мальчикам Мистер Дестин.

Распечатанный на принтере лист, лежащий поверх планшета, содержал не так уж много информации; столбцы для путей 2 и 5 содержали только два слова: ничего не запланировано. На первом пути находился товарняк до Нью-Брансуика, Канада, отправлением в 5 вечера - не поможет. С 4 пути товарняк должен был отправиться в Берлингтон и Монреаль в 14:30. Лучше, но все равно недостаточно хорошо; если он не уйдет ровно в 14:30, у него почти наверняка будут большие неприятности. Информация по пути № 3 куда, как заметил Люк, горный оператор направил *Нью-Ингленд Лэнд экспресс*, пересекавший эстакаду, выглядела весьма привлекательно. Прибытием поезда № 4297 на станцию - время, после которого управляющий станцией будет заниматься (по крайней мере, теоретически) приемкой грузов, - значилось 9 утра, а в 10 утра 97-й должен был отправиться из Деннисон Ривер Бенд в Портленд, Мэн; Портсмут, Нью-Гемпшир и Стербридж, Массачусетс. До последнего города было не меньше трехсот миль, а может, и больше.

Люк отступил к заброшенной платформе и наблюдал, как вагоны продолжали катиться вниз по склону на различные пути, некоторые из них предназначались для поездов, которые должны были отправиться в этот день, другие просто будут стоять на путях, пока не понадобятся.

Составитель закончил свою работу и поднялся на ступеньку маневрового тепловоза, чтобы поговорить с машинистом. Оператор вышел и присоединился к ним. Раздался смех. Он отчетливо доносился до Люка в неподвижном утреннем воздухе, и ему нравился этот звук. Он слышал много раз смех взрослых в комнате отдыха на Уровне В, но он всегда звучал для него зловеще, как смех орков в романах Толкина. Этот исходил от людей, которые никогда не воровали детей и не погружали их в бак с водой. Смех мужчин, не имевших при себе специальных электрошокеров.

Машинист тепловоза протянул пакет. Составитель взял его и спустился вниз. Когда тепловоз начал медленно спускаться вниз по горбу, составитель и оператор взяли из пакета по пончику. Большие, посыпанные сахаром и, вероятно, начиненные джемом. У Люка заурчало в животе.

Двое мужчин сидели на крыльце в креслах-качалках и жевали пончики. Люк, тем временем, обратил внимание на вагоны, ожидающие своего отправления с 3 пути. Всего их было двенадцать, половина - товарные. Вероятно, этого недостаточно, чтобы составить целый поезд, идущий в Массачусетс, но их наверняка прицепят к другим, ожидающим на сортировочной станции, и всего их будет пятьдесят или даже больше.

Тем временем шестнадцатиколесный грузовик с прицепом въехал на железнодорожную станцию и проехал через несколько путей к товарному вагону с надписью *СТЕЙТ ОФ МЭН ПРОДАКТС*. За ним следовал автофургон. Несколько человек вылезли из фургона и начали перегружать бочки из вагона в прицеп. Люк слышал, как они разговаривают по-испански, и смог разобрать несколько слов. Одна из бочек опрокинулась, и оттуда высыпалась картошка. Было много добродушного смеха и короткое картофельное сражение. Люк с тоской за этим наблюдал.

Оператор и составитель немного понаблюдали за картофельным сражением со своих кресел-качалок, потом вошли внутрь. Грузовик уехал, нагруженный свежей картошкой, направляясь то ли в *Макдоналдс*, то ли в *Бургер Кинг*. За ним последовал автофургон. Двор на некоторое время опустел, но долго так продолжаться не будет: погрузочно-разгрузочные работы могут продолжиться, а оператор может заняться добавлением новых вагонов для товарняка, отправляющегося в 10 утра.

Люк решил рискнуть. Он вышел из-за заброшенной платформы, но тут же отпрянул назад, увидев, что машинист поднимается по горбу, прижимая к уху телефонную трубку. Он остановился на мгновение, и Люк испугался, что его заметили, но парень, по-видимому, просто заканчивал разговор. Он сунул телефон в нагрудный карман комбинезона и, даже не взглянув, прошел мимо вагона, за которым прятался Люк. Он поднялся по ступенькам крыльца и вошел в офис.

Люк не стал ждать и на этот раз не стал красться. Он побежал вниз по склону, не обращая внимания на боль в спине и уставшие ноги, перепрыгивая через рельсы и колодки замедлителя, уворачиваясь от датчиков скорости. В сцепке вагонов, ожидавших отправления по маршруту Портленд-Портсмут-Стербридж, находился красный товарный вагон с надписью *САУТУЭЙ экспресс*. Буквы на боках едва читались под всеми граффити, нанесенными за годы службы. Он был грязный, невзрачный и весьма утилитарный, но у него была одна неоспоримая привлекательность: раздвижная боковая дверь была не полностью закрыта. Может быть, этой щели будет достаточно, чтобы тощий отчаянный мальчишка в нее проскользнул?

Люк ухватился за ржавую ручку и подтянулся. Щель была достаточно широкой. Шире, чем та, которую он выкопал под забором в Институте. Казалось, это было очень давно, почти в другой жизни. Боковая сторона двери поцарапала его и без того болезненную спину и ягодицы, вызывая новые струйки крови, но он без особых проблем оказался внутри. Вагон был заполнен примерно на три четверти, и хотя снаружи он выглядел как дворняга, внутри пахло довольно хорошо: деревом, краской, мебелью и машинным маслом.

Содержимое представляло собой мешанину, которая заставила Люка вспомнить чердак его тети Лейси, хотя вещи, которые она хранила, были старыми, а все в этом вагоне было новым. Слева стояли газонокосилки, электрокосы, воздуходувки, бензопилы и коробки с автомобильными деталями и подвесными лодочными моторами. Справа стояла мебель, некоторая в коробках, но в большинстве замотанная в ярды защитной полиэтиленовой пленки. По бокам от неё стояла пирамида из ламп, завернутых в пузырчатую пленку и склеенных по три. Там также стояли стулья, столы, софы и даже диваны. Люк подошел к дивану, стоявшему рядом с приоткрытой дверью, и прочитал счет-фактуру, приклеенный к пузырчатой пленке. Его (и, вероятно, остальную мебель) должны были доставить в *Бендер энд Боуэн Файн мебел* в Стербридже, штат Массачусетс.

Люк улыбнулся. 97-й мог оставить несколько вагонов в депо Портленда и Портсмута, но этот шел до самого конца. Его удача еще не иссякла.

- Я кому-то там нравлюсь, - прошептал он. Потом он вспомнил, что его мать и отец умерли, и подумал: *Но не так чтобы очень.*

Он отодвинул несколько картонных коробок *Бендер и Боуэн* немного в сторону от дальней стенки вагона и с радостью увидел за ними груду мебельных защитных подушек. Они пахли затхлостью, но плесенью покрыты не были. Он заполз в щель и отодвинул ящики как можно дальше.

Наконец он оказался в относительно безопасном месте, у него была куча мягких подушек, чтобы лечь, и он был измотан - не только от ночного путешествия, но и от дней нарушенного отдыха и нарастающего страха, которые предшествовали его побегу. Но спать он пока не решался. Один раз он задремал, но потом услышал звук приближающегося маневрового тепловоза и товарный вагон *Саутуэй Экспресс* дернулся. Люк встал и выглянул в приоткрытую дверь. Он увидел, что они проехали мимо станции. Затем вагон резко остановился, едва не сбив его с ног. Раздался металлический скрежет, который он принял как то, что его вагон был прицеплен к другому вагону.

В течение следующего часа или около того было еще несколько ударов и толчков, поскольку все больше и больше вагонов добавлялось к тому, что скоро будет поездом №4297, направляющимся в Южную Новую Англию, подальше от Института.

Дальше, подумал Люк. *Все дальше, дальше и дальше*.

Пару раз он слышал разговор мужчин, один раз совсем близко, но было слишком шумно, чтобы разобрать, о чем они говорят. Люк вслушивался и грыз ногти, которые уже и так были обгрызены до мяса. Что если они говорили о нем? Он вспомнил, как машинист тепловоза болтал по мобильному телефону. А если Морин все рассказала? А если они уже обнаружили его пропажу? Что, если один из Миньонов Миссис Сигсби - Стэкхаус казался наиболее вероятной кандидатурой - позвонил на железнодорожную станцию и попросил оператора обыскать все отправляющиеся вагоны? Если бы это произошло, начал бы этот человек с товарных вагонов, у которых были слегка приоткрыты боковые двери? А срет ли медведь в лесу?

Затем голоса стихли и пропали. Удары и толчки продолжались, поскольку 4297 принимал на себя все новый вес и груз. Машины приезжали и уезжали. Иногда раздавались гудки. Люк подпрыгивал от каждого. Он молил Бога, чтобы время шло побыстрее, но оно едва тянулось. Ему оставалось только ждать.

После того, что казалось вечностью, удары и толчки прекратились. Ничего не происходило. Люк начал впадать в дремоту и почти в неё погрузился, когда раздался самый сильный толчок, отбросивший его в сторону. Последовала пауза, затем поезд тронулся.

Люк выбрался из своего укрытия и подошел к приоткрытой двери. Он выглянул как раз вовремя, чтобы увидеть, как мимо проскользнуло выкрашенное в зеленый цвет офисное здание. Оператор и составитель вернулись в свои кресла-качалки, каждый с листом газеты. 4297 с глухим стуком пролетел границу станции, затем миновал еще одно скопление заброшенных зданий. Дальше было заросшее сорняками футбольное поле, мусорная свалка, пара пустырей. Поезд проехал мимо трейлерного парка, где играли дети.

Через несколько минут Люк обнаружил, что смотрит на деловой центр Деннисон Ривер Бенда. Он видел магазины, уличные фонари, наклонную парковку, тротуары, заправочную станцию *Шелл*. Он увидел грязный белый пикап, ожидающий проезда поезда. Все это было для него так же удивительно, как вид звезд над рекой. Он все-таки сбежал. Никаких тебе лаборантов, надзирателей, автоматов, где дети могли купить спиртное и сигареты. Когда вагон слегка накренился, Люк уперся руками в боковые стенки и зашаркал ногами. Он слишком устал, чтобы их поднять, и поэтому это было очень слабым подобием победного танца, но все равно это было именно он.

23

Как только город исчез, сменившись глухим лесом, усталость захлестнула Люка. Это было похоже на погребение под лавиной. Он снова заполз за коробки, сначала лежал на спине, что было его любимой позой для сна, затем перевернулся на живот, когда рваные раны на лопатках и ягодицах запротестовали. Он заснул моментально. Он проспал Портленд и Портсмут, хотя поезд дергался каждый раз, когда несколько вагонов изымались из 4297 и добавлялись другие. Он все еще спал, когда поезд остановился в Стербридже, и пришел в себя только тогда, когда дверь с грохотом распахнулась, наполнив вагон жарким светом июльского вечера.

Вошли двое мужчин и начали перегружать мебель в грузовик, стоявший задом к открытой дверью вагона - сначала диваны, потом лампы, потом стулья. Скоро они займутся картонными коробками, и Люка обнаружат. Там все еще были машины и газонокосилки, и много

места за ними, чтобы спрятаться в дальнем углу, но если он сейчас вылезет, его моментально обнаружат.

Подошел один из грузчиков. Он был достаточно близко, чтобы Люк почувствовал запах его лосьона после бритья, когда кто-то позвал снаружи.

- Эй, ребята, задержка с подающим двигателем. Скоро исправим, но у вас есть время выпить кофе, если хотите.

- Как насчет пива? - Спросил человек, который через три секунды увидел бы Люка на его импровизированной кровати из мебельных подушечек.

Это было встречено смехом, и мужчины ушли. Люк заковылял к двери на негнущихся и болезненных ногах. Из-за края груженого грузовика он увидел троих мужчин, направлявшихся к зданию вокзала. Это было выкрашено в красный, а не в зеленый цвет, и было в четыре раза больше чем в Деннисон Ривер Бенд. Вывеска на фасаде здания гласила: СТЕРБРИДЖ, Массачусетс.

Люк подумал было выскользнуть через щель между товарным вагоном и грузовиком, но на этой железнодорожной станции движение шло полным ходом, и множество рабочих (и несколько работниц) перемещались туда-сюда пешком и на машинах. Его увидят, его будут допрашивать, и он знал, что не сможет связно рассказать свою историю в нынешнем состоянии. Он смутно понимал, что голоден, и еще острее ощущал пульсирующую боль в ухе, но все это бледнело перед его желанием поспать еще немного. Возможно, этот товарный вагон, как только выгрузят мебель, переведут на запасной путь, а когда стемнеет, он сможет найти ближайший полицейский участок. К тому времени он, возможно, сможет говорить, не будучи похожим на сумасшедшего. Или не *до конца* похожим. Они могли ему не поверить, но он был уверен, что они дадут ему что-нибудь поесть и, возможно, немного *Тайленола*[148] для пульсирующего уха. Рассказать им о своих родителях было его козырной картой. Это было то, что они могли проверить. Он вернется в Миннеаполис. Это было бы хорошо, даже если бы означало посещение какого-нибудь детского исправительного учреждения. На дверях там будут замки, но наверняка не будет погружного бака.

Массачусетс был отличным началом, ему посчастливилось забраться очень далеко, но до Института было еще слишком близко. С

другой стороны, Миннеаполис был его домом. Он знал людей. Мистер Дестин может ему поверить. Или Мистер Грир из *Бродерика*. Или...

Но он не мог вспомнить больше никого другого. Он слишком устал. Пытаться думать было все равно, что пытаться заглянуть в окно, запачканное жиром. Он встал на колени, подполз к дальнему правому углу *Саутуэй Экспресс* и заполз за культиваторы, ожидая, когда люди из грузовика вернутся и закончат погрузку мебели, предназначенной для *Бендера и Боуэна*. Он знал, что они все еще могут его обнаружить. Они были мужиками, а мужикам нравилось осматривать все, в чем был мотор. Возможно, им захочется посмотреть на косилки или на воздуходувы. Они, возможно, захотят проверить, сколько лошадиных сил в новом *Эвинруде*[149] - они могут полюбопытствовать, хотя вся информация есть на счетах-фактурах. Он подождет, он спрячется, он будет надеяться, что его удача - и без того тонкий лист - протянется еще немного. И если они его не обнаружат, он снова погрузится в сон.

Только Люк никого не дождался. Он лег на одну руку и через несколько минут снова заснул. Он спал, когда двое мужчин вернулись и закончили свою работу. Он спал, когда один из них наклонился, чтобы проверить садовый трактор *Джон Дир*, всего в четырех футах от того места, где лежал свернувшийся калачиком Люк. Он спал, когда они ушли, и один из работников закрыл дверь *Саутуэя*, на этот раз плитно. Он проспал стуки-грюки добавляемых новых вагонов и лишь слегка пошевелился, когда новый локомотив заменил 4297. Потом он снова заснул, двенадцатилетний беглец, которого преследовали, ранили и пугали.

Локомотив поезда №4297 имел предел тяги в сорок вагонов. Вик Дестин определил бы новый как GE AC6000CW, 6000 - столько лошадиных сил он мог генерировать. Это был один из самых мощных тепловозов в Америке, способный тянуть поезд длиной более мили. Выезжая из Стербриджа, сначала на юго-восток, а потом на юг, этот поезд, теперь уже под №9956, состоял из семидесяти вагонов.

Вагон Люка теперь почти пустовал, и будет оставаться таким до тех пор, пока 9956 не остановится в Ричмонде, штат Виргиния, где в него добавят две дюжины домашних генераторов *Кехлер*. Большинство из них были помечены для Уилмингтона, но два - и весь ассортимент мелкомоторных приборов и безделушек, за которыми сейчас спал Люк, - предназначались для *Отдела продаж и обслуживания малых*

локомотивов Фромми в маленьком городке Дюпре, штат Южная Каролина. 9956 останавливался там три раза в неделю.

Великие события поворачиваются на маленьких петлях.

АД ЖДЕТ

1

Когда поезд №4297 отходил от станции Портсмут, Нью-Гэмпшир, направляясь в Стербридж, Миссис Сигсби изучала досье и уровни НФГМ двух детей, которые в скором времени поступят в Институт. Один был мужского пола, другой - женского. Команда Рубиново-красных привезет их сегодня вечером. Десятилетний мальчик из Солт-Стю, Марий, имел всего 80 пунктов по шкале НФГМ. Четырнадцатилетняя девочка из Чикаго - 86. Согласно досье, она страдала аутизмом. Это вызовет некоторые трудности, как для персонала, так и для других жителей Института. Если бы её НФГМ был ниже 80, они наверняка бы прошли мимо нее. Но 86 - выдающийся показатель.

НФГМ означало нейротрофический фактор головного мозга[150]. Миссис Сигсби очень мало понимала его химическую подоплеку, это была сфера компетенции доктора Хендрикса, но она понимала основы. Как и УБМ, уровень базального метаболизма[151], НФГМ имел свою шкалу. Она позволяла измерять рост и выживаемость нейронов по всему телу, и особенно в головном мозге.

Те немногие люди с высокими показателями НФГМ, меньше 0.5 процентов населения Земли, были самыми счастливыми людьми в мире; Хендрикс говорил, что они были тем, что Бог намеревался сотворить, когда создавал людей. Они редко страдали от потери памяти, депрессии или невропатической боли. Они редко страдали от ожирения или крайнего недоедания, от которого страдали анорексики и больные булимией. Они хорошо сходились с другими людьми (девушка, которая должна была вскоре поступить, была редким исключением), были склонны скорее останавливать беспорядки, чем начинать их (Ник Уилхольм был еще одним редким исключением), у них была низкая восприимчивость к таким невротическим болезням, как обсессивно-компульсивное расстройство личности, и у них были высокие вербальные навыки. У них практически не было головных

болей и никогда не было мигреней. Их холестерин оставался низким независимо от того, что они ели. Они, как правило, имели средние или ниже среднего показатели продолжительности циклов сна, но компенсировали это дремой, а не приемом снотворного.

Хотя показатель НФГМ не являлся нестабильным, он мог быть разрушен, иногда катастрофически. Наиболее распространенной причиной было то, что Хендрикс назвал хронической травматической энцефалопатией, сокращенно ХТЭ. Насколько могла судить Миссис Сигсби, все сводилось к старому доброму сотрясению мозга. НФГМ среднестатистического человека составлял 60 единиц на миллилитр; футболисты, которые играли десять лет или больше, обычно имели показатель чуть меньше 30, а иногда и вообще 20. НФГМ медленно снижался с нормальным старением, гораздо быстрее он снижался у тех, кто страдал от болезни Альцгеймера. Сигсби была человеком, которой было поручено получать реальные результаты от простых технических показателей, и за годы ее работы в Институте результаты всегда были.

Что имело значение для нее, для Института и для тех, кто финансировал Институт и держал его в строгом секрете с 1955 года, так это то, что дети с высоким уровнем НФГМ приходили с определенными психическими способностями как частью пакета: ТК, ТП или (в редких случаях) сочетанием этих двух. Сами дети иногда не знали о своих способностях, потому что эти таланты обычно были скрытыми. Те, кто знал, как правило, высокоэффективные ТП, такие как Эйвери Диксон, иногда могли использовать свои таланты, когда это казалось им полезным, но игнорировали их в остальное время.

Почти все новорожденные тестировались на НФГМ. Таких детей, как те двое, чьи досье сейчас читала Миссис Сигсби, брали на заметку, отслеживали и, в конце концов, забирали. Их низкоуровневые экстрасенсорные способности усовершенствовались и усиливались. По мнению доктора Хендрикса, эти таланты также можно было и расширить, - добавить ТК к ТП и наоборот, - хотя такое расширение ни в малейшей степени не влияло на миссию Института - его[152] *рэзон дэтр*. Случайный успех, который он имел с розовыми, предоставляемыми ему в качестве подопытных морских свинок, никогда не будет задокументирован на бумаге и представлен широкой аудитории. Она была уверена, что Донки Конг сожалеет об этом, хотя

он должен был знать, что публикация в любом медицинском журнале приведет его в тюрьму строгого режима вместо получения Нобелевской премии.

В дверь небрежно постучали, и в комнату с извиняющимся видом просунулась Розалинда.

- Простите, что беспокою вас, мэм, но Фред Кларк хочет вас видеть. Ему кажется…

- Освежи мою память. Кто такой Фред Кларк? - Миссис Сигсби сняла очки для чтения и потерла переносицу.

- Один из уборщиков.

- Узнай, чего он хочет, и позже мне расскажешь. Если у нас опять мыши жуют проводку, это может подождать. Я занята.

- Он говорит, что это очень важно, и кажется очень расстроенным.

Миссис Сигсби вздохнула, закрыла папки и убрала их в ящик стола.

- Хорошо, пусть войдет. Лучше бы это было что-то хорошее.

Но ничего хорошего не было. Было только плохое. Очень плохое.

2

Миссис Сигсби узнала Кларка, она много раз видела его в коридорах, толкающим метлу или размахивающим шваброй, но никогда не видела его таким. Он был мертвенно бледен, седеющие волосы спутались, словно он их растирал или дергал, а рот немощно вздрагивал.

- В чем проблема, Кларк? Ты выглядишь так, словно увидел призрака.

- Вы должны пойти со мной, Миссис Сигсби. Вы должны сами все увидеть.

- Увидеть что?

Он покачал головой и повторил:

- Вы должны пойти со мной.

Она пошла с ним по дорожке между административным зданием и западным крылом основного здания. Она еще дважды спрашивала Кларка, в чем именно проблема, но он только качал головой и повторял, что она должна увидеть все своими глазами. Раздражение Миссис Сигсби оттого, что ее прервали, сменилось чувством тревоги. Что-то с детьми? Опыты пошли как-то не так, как с тем мальчиком с крестом? Конечно же, нет. Если бы с одним из них была проблема, то

надзиратель, лаборант или один из врачей предупредили бы ее быстрей, чем уборщик.

На полпути по пустынному коридору западного крыла мальчик с большим животом, выпячивающим небрежно расстегнутую рубашку, разглядывал листок бумаги, свисавший с ручки закрытой двери. Он увидел приближающуюся Миссис Сигсби и тут же встрепенулся. Именно так все и должно было быть, по мнению Миссис Сигсби.

- Уиппл, не так ли?

- Да.

- Что ты должен сказать?

Стиви прикусил нижнюю губу, обдумывая вопрос.

- Да, Миссис Сигсби.

- Теперь лучше. А теперь убирайся отсюда. Если ты сегодня свободен от процедур, найди себе занятие.

- О'кей. То есть да, Миссис Сигсби.

Стиви направился прочь, бросив взгляд через плечо. Миссис Сигсби этого не видела. Она смотрела на листок бумаги, который был накинут на дверную ручку. На нем, вероятно, ручкой, прикрепленной к одному из карманов рубашки Кларка, было написано: Не входить.

- Я бы ее запер, если бы у меня был ключ, - сказал Фред.

У уборщиков были ключи от различных кладовок Уровня А, а также от торговых автоматов, чтобы они могли пополнять их запасы, но не от лабораторных кабинетов или жилых комнат. Как бы там ни было, последние редко запирались, за исключением тех случаев, когда какой-нибудь плохой актер затевал какую-нибудь глупость, и в наказание ему приходилось ограничивать перемещение на день-другой. У уборщиков не было ключей и от лифта. Если им нужно было спуститься на один из нижних уровней, они должны были найти надзирателя или лаборанта и спуститься вместе с ними.

- Если бы этот толстяк туда вошел, - сказал Кларк, - он испытал бы самое большое потрясение всей своей юной жизни.

Миссис Сигсби, ничего не ответив, открыла дверь и увидела пустую комнату - ни картин, ни плакатов на стене, на кровати ничего, кроме голого матраса. Она ничем не отличалась от любой из комнат в этом общежитии за последние десять лет, когда некогда сильный поток детей с высоким уровнем НФГМ сократился до тонкой струйки. Это была теория доктора Хендрикса, что высокий НФГМ был выведен из

человеческого генома, как и некоторые другие человеческие характеристики, такие как острое зрение и слух. Или, по его словам, способность шевелить ушами. Что могло быть, а могло и не быть шуткой. С Донки Конгом никогда ни в чем нельзя быть уверенным.

Она повернулась и посмотрела на Фреда.

- Это в ванной комнате. Я на всякий случай закрыл дверь.

Миссис Сигсби открыла ее и на несколько секунд потеряла дар речи. Она многое повидала за время своего пребывания на посту главы Института, включая самоубийство одного из подопечных и попытку самоубийства двух других, но никогда не видела самоубийства сотрудника.

Горничная (ошибиться она не могла, беря во внимание коричневую униформу) повесилась на насадке для душа, которая наверняка сломалась бы под тяжестью кого-нибудь потяжелее - например, того парня, Уиппла, которого она только что прогнала. Мертвое лицо, смотревшее на Миссис Сигсби, почернело и распухло. Язык высунулся между губ, как будто она посылала им последний ротовой пук. На кафельной стене беспорядочными буквами было написано последнее послание.

- Это Морин, - тихо сказал Фред. Он достал из заднего кармана рабочих брюк носовой платок и вытер им губы. - Морин Элворсон. Она…

Миссис Сигсби пробила лед шока и оглянулась через плечо. Дверь в коридор была распахнута настежь.

- Закрой её.

- Она…

- *Закрой дверь!*

Уборщик сделал, как ему было сказано. Миссис Сигсби пошарила в правом кармане пиджака, но он оказался пустым. *Черт,* подумала она. *Черт, черт, черт*. По беспечности она забыла взять с собой рацию, но кто знал, что ее ожидает нечто подобное?

- Сходи в мой кабинет. Скажи Розалинде, чтобы она передала тебе мою рацию. Принеси её сюда.

- Вы…

- Заткнись. - Она повернулась к нему. Ее рот превратился в щель, а выпученные глаза на узком лице заставили Фреда отступить на шаг.

Она выглядела сумасшедшей. - Сделай это, сделай быстро, и никому ни слова.

- Ладно, как скажите.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Миссис Сигсби села на голый матрас и посмотрела на женщину, свисавшую с душевой насадки. И на сообщение, которое она написала губной помадой, Миссис Сигсби теперь заметила тюбик, лежащий перед унитазом.

АД ЖДЕТ. МЫ ОБЯЗАТЕЛЬНО ТАМ ВСТРЕТИМСЯ.

3

Стэкхаус находился в Институтской деревушке, и когда он ответил на ее звонок, его голос звучал сонно. Она предположила, что он прошлой ночью отрывался в *Аутлоу Кантри*, возможно, в своем лучшем коричневом костюме, но не стала об этом спрашивать. Она просто сказала ему, чтобы он немедленно выдвигался в западное крыло. Он сразу узнает, в какую комнату; за дверью будет стоять уборщик.

Хендрикс и Эванс были на Уровне В, проводили опыты. Миссис Сигсби велела им бросить все дела и отослать своих подопечных по комнатам в общежитии. Оба врача были нужны ей в западном крыле. Хендрикс, который был чрезвычайно раздражительным даже в лучшие времена, хотел знать, почему. Миссис Сигсби велела ему заткнуться и выдвигаться.

Стэкхаус пришел первым. Врачи появились сразу за ним.

- Джим, - обратился Стэкхаус к Эвансу, когда оценил ситуацию. - Подними ее. Дай мне возможность немного ослабить веревку.

Эванс обнял мертвую женщину за талию - на мгновение показалось, что они танцуют, - и приподнял. Стэкхаус принялся теребить узел у нее под подбородком.

- Поторопись, - сказал Эванс. - У нее груз в трусах.

- Я уверен, что от тебя пахло и похуже, - сказал Стэкхаус. - Почти получилось... подожди... вот так.

Он растянул узел и поднял петлю над головой мертвой женщины (тихо выругавшись, когда одна из ее рук по-дружески опустилась ему на затылок) и отнес труп на матрас. Петля оставила на ее шее черно-пурпурную борозду. Все четверо принялись осматривать Морин в абсолютном молчании. Со своими шестью футами и тремя дюймами Тревор Стэкхаус был высок, но Хендрикс превосходил его, по

меньшей мере, на четыре дюйма. Стоя между ними, Миссис Сигсби выглядела как какой-нибудь эльф.

Стэкхаус посмотрел на Миссис Сигсби, подняв брови. Она молча огляделась.

На столике рядом с кроватью стоял коричневый пузырек с таблетками. Доктор Хендрикс поднял его и потряс.

- *Окси*. Сорок миллиграммов. Не самая большая доза, но достаточно большая, скажу я вам. Пузырек рассчитан на девяносто таблеток, а осталось всего три. Я предполагаю, мы не будем делать вскрытие…

Ты все правильно понял, - подумал Стэкхаус.

- ... но если бы мы его провели, я думаю, мы бы обнаружили, что она выпила большинство из них, прежде чем надеть на шею веревку.

- Этого было бы достаточно, чтобы ее убить, - сказал Эванс. - Эта женщина весила не больше ста фунтов. Очевидно, что радикулит не был ее основной проблемой, что бы она там ни говорила. Она не смогла бы долго выполнять свои обязанности, несмотря ни на что, и поэтому просто...

- Просто решила со всем этим покончить, - закончил Хендрикс.

Стэкхаус смотрел на сообщение на стене.

- Ад ждет, - задумчиво произнес он. - Учитывая то, что мы здесь делаем, некоторые могут назвать это разумным предположением.

Обычно не склонная к вульгарностям, Миссис Сигсби проговорила:

- Дерьмо собачье.

Стэкхаус пожал плечами. Его лысая голова поблескивала под лампой, словно натертая воском *Черепаха*.

- Я имел в виду для потусторонних, людей, которые не знают расклада. Забей. То, что мы видим здесь, достаточно примитивно и просто. Женщина с неизлечимой болезнью решила вытащить вилку из розетки. - Он указал на стену. - После того, как признала свою вину в происходящем. Да и нашу тоже.

Сказанное имело смысл, но Миссис Сигсби это не понравилось. Последнее обращение Элворсон к миру, возможно, и выражало чувство вины, но было в нем и что-то торжественное.

- Не так давно у нее была неделя отпуска, - вмешался Фред-уборщик. Миссис Сигсби даже не заметила, что он все еще находится

в комнате. Кто-то должен был его спровадить. *Ей* следовало его спровадить. - Она ездила домой, в Вермонт. Наверное, там она и достала эти таблетки.

- Спасибо, - сказал Стэкхаус. - Это шерлокхолмсовский вывод. А разве тебе не надо протирать полы?

- И помой плафоны на камерах, - отрезала Миссис Сигсби. - Я просила, чтобы это было сделано на прошлой неделе. И больше повторять не буду.

- Да, мэм.

- И никому ни слова о происшедшем, мистер Кларк.

- Нет, мэм. Конечно же, нет.

- Кремируем? - Спросил Стэкхаус, когда уборщик вышел.

- Да. Пока постояльцы обедают, мы попросим пару надзирателей перенести ее к лифту. А это будет, - Миссис Сигсби взглянула на часы, - меньше чем через час.

- Какие-то еще проблемы? - Спросил Стэкхаус. - Я имею в виду, кроме того, чтобы скрыть происшедшее от постояльцев? Я спрашиваю, потому что ты выглядишь так, будто у тебя проблемы.

Миссис Сигсби перевела взгляд со слов, напечатанных на плитках ванной, на черное лицо мертвой женщины с высунутым языком. Она отвернулась от этого последнего пука и посмотрела на двух докторов.

- Я бы хотела, чтобы вы оба вышли. Мне нужно поговорить с мистером Стэкхаус наедине.

Хендрикс и Эванс обменялись взглядами и вышли.

4

- Она была твоим стукачом. В этом проблема?

- *Нашим* стукачом, Тревор, и да, в этом проблема. Или может быть.

Год назад - нет, больше шестнадцати месяцев назад, когда на земле еще лежал снег - Морин Элворсон попросила Миссис Сигсби о встрече и попросила любую работу, которая могла бы обеспечить дополнительный доход. Миссис Сигсби, которая уже почти год обдумывала свой проект, но не имела четкого представления о том, как его реализовать, спросила, не возникнут ли у Элворсон проблемы с тем, чтобы доносить до неё кое-какую информацию, почерпнутую у детей. Элворсон согласилась и даже продемонстрировала определенный уровень хитрости, предложив историю о различных

предполагаемых мертвых зонах, где микрофоны работали плохо или вообще не работали.

Стэкхаус пожал плечами.

- То, что она нам приносила, редко поднималось выше уровня сплетен. Какой парень проводил ночь, с какой девушкой, кто написал Тони сосет на столике в кафешке, и тому подобное. - Он сделал паузу. - Хотя стукачество могло усилить ее вину, я полагаю.

- Она была замужем, - сказала Миссис Сигсби, - но заметь, она больше не носит обручального кольца. Как много мы знаем о ее жизни в Вермонте?

- Я не помню точно, но это есть в ее досье, и я сегодня же туда загляну.

Миссис Сигсби задумалась и поняла, как мало она знает о Морин Элворсон. Да, она знала, что Элворсон замужем, потому что видела кольцо. Да, она была отставным военным, как и многие сотрудники Института. Да, она знала, что дом Элворсон находится в Вермонте. Но больше она ничего не знала. Как она могла ничего не проверить, особенно если наняла эту женщину шпионить за постояльцами? Теперь, когда Элворсон мертва, это, может быть, и не имеет значения, но Миссис Сигсби вспомнила, как она забыла свою рацию, предположив, что уборщик зовет её из-за пустяков. Это также заставило ее задуматься о пыльных плафонах камер, медленных компьютерах и маленьком и неэффективном персонале, отвечающем за все это; частых порчах еды в кафешке, изжеванных мышами проводах и небрежных отчетах от надзирателей, особенно от работающих в ночную смену, с 11 вечера до 7 утра, когда постояльцы спали.

Это заставило ее подумать о беспечности.

- Джулия? Я сказал, что загляну…

- Я тебя услышала. Я не глухая. Кто сейчас ведет наблюдение?

Стэкхаус посмотрел на часы.

- Наверное, никто. Сейчас середина дня. Дети либо находятся в своих комнатах, либо делают свои обычные детские вещи.

Так ты предполагаешь, подумала она, *а что приходится матерью беспечности, как не предположение?* Институт функционировал уже более шестидесяти лет, и ни разу не было утечки информации. Никогда не было причин (во всяком случае, не в ее времена) использовать специальный телефон, тот, который они называли

Нулевым телефоном, для чего-либо, кроме стандартных отчетов. Короче говоря, ничего такого, с чем они не могли бы справиться самостоятельно.

В Бенде, конечно, ходили слухи. Наиболее распространенным среди граждан было то, что комплекс в лесу был своего рода ракетно-ядерной базой. Или что это было связано с микробами или химическим оружием. Другой, и это было ближе к истине, состоял в том, что там находится правительственное экспериментальное учреждение. Слухи это хорошо. Слухи были самогенерируемой дезинформацией.

Все будет в порядке, сказала она себе. Все так, как и должно быть. Самоубийство измученной болезнью горничной - это всего лишь ухаб на дороге, и притом незначительный. И все же это наводило на мысль о большем... ну, не *проблемах*, было бы паникерством называть их так, но опасениях, это точно. И отчасти в этом была ее собственная вина. В первые дни пребывания Миссис Сигсби на должности, камеры никогда не пылились, и она никогда не выходила из своего офиса без рации. В те дни она обязательно знала бы гораздо больше о женщине, которой платила за то, чтобы та доносила на постояльцев.

Она подумала об энтропии. Тенденции к дрейфу, когда все идет хорошо.

Примерила на себя.

- Миссис Сигсби? Джулия? Будут приказания?

Она вернулась в “здесь и сейчас”.

- Да. Я хочу знать о ней все, и если в комнате наблюдения никого нет, я хочу, чтобы кто-нибудь там был, и как можно скорее. Джерри, кажется. - Джерри Саймондс был одним из двух их компьютерных техников, и лучшим из них, когда дело касалось обслуживания старого оборудования.

- Джерри в отпуске, - сказал Стэкхаус. - Рыбачит в Нассау.

- Тогда Энди.

Стэкхаус покачал головой.

- Феллоуз в деревне. Я видел, как он выходил из столовой.

- Черт возьми, он должен как можно скорее быть здесь. Значит, Зик. Грек Зик. Он ведь раньше занимался слежкой, не так ли?

- Думаю, да, - ответил Стэкхаус, и опять все повторилось. Неопределенность. Допущение. *Предположение.*

Пыльные плафоны камер. Грязные плинтуса. Бестолковые разговоры на Уровне Б. Пустая комната наблюдения.

Миссис Сигсби решила, что Институту необходимы большие перемены, и еще до того, как листья начнут окрашиваться и опадать с деревьев. Если самоубийство женщины Элворсон не служило никакой другой цели, то все равно это был тревожный звоночек. Ей не нравилось разговаривать с человеком на другом конце провода, она всегда чувствовала легкий озноб, когда слышала слабую шепелявость в его приветствии (никогда *Сигсби*, всегда *Тигби*), но это нужно было сделать. Письменный рапорт не годится. У них были внештатные сотрудники по всей стране. У них всегда на готове был частный самолет. Персонал хорошо оплачивался, и их разношерстные работодатели были готовы поделиться любыми благами. И все же это заведение все больше напоминало магазин *Все по доллару* в запустевшем торговом центре. Это было безумием. Все должно измениться. Все *обязательно* должно измениться.

- Скажи Зику, пусть понажимает на кнопки и проверит камеры. Давай убедимся, что все наши постояльцы на месте и живы. Особенно меня интересуют Люк Эллис и Эйвери Диксон. Она много с ними разговаривала.

- Мы знаем, о чем они говорили, - ни о чем.

- Просто сделай.

- Не вопрос. А пока тебе нужно расслабиться. - Он указал на труп с почерневшим лицом и нагло высунутым языком. - И осознать некоторую реальность. Это была очень больная женщина, которая увидела приближение конца и решила уйти красиво.

- Проверь постояльцев, Тревор. Если они все на своих местах - яркие сияющие лица необязательны - тогда я расслаблюсь.

Только она этого не сделает, слишком уж много расслабления уже было.

5

Вернувшись в свой офис, она сказала Розалинде, что не хочет, чтобы ее беспокоили, если только это не Стэкхаус или Зик Ионидис, который в настоящее время вел видеонаблюдение на Уровне Г. Она сидела за столом, глядя на экранную заставку на мониторе своего компьютера. Там, на фото Сиеста-Ки, где, как она говорила всем,

собирается провести заключительную часть жизни, был пляж с белым песком. Сама себя в этом она уже перестала убеждать. Миссис Сигсби понимала, что наверняка умрет здесь, в лесу, возможно, в своем маленьком домике в деревне, но скорее всего, за этим самым столом. Два ее любимых писателя, Томас Харди и Редьярд Киплинг, умерли за своими столами; почему бы и не она? Институт стал всей ее жизнью, и она против этого не возражала.

Большая часть персонала были такими же. Когда-то они были солдатами или сотрудниками крутых частных охранных агентств типа *Блэкуотер* и *Томагавк Глобал*, или работали в правоохранительных органах. Денни Уильямс и Мишель Робертсон из команды Рубиново-красных работали в ФБР. Если Институт не был их жизнью, когда они были завербованы и стали частью команды, он *стал* их жизнью. И дело было не в оплате. И это не было благотворительностью, своеобразным волонтерством или одним из вариантов скрашивания досуга после выхода на пенсию. Это было связано с их предыдущим образом жизни, который так въелся в их мозг, что без него они не могли представить свое существование. Институт был похож на небольшую военную базу; в деревушке даже был магазин, где они могли купить широкий ассортимент товаров по бросовым ценам, и заправить свои автомобили и грузовики, заплатив девяносто центов за галлон обычного, и доллар ноль пять - высокооктанового. Миссис Сигсби ранее служила на авиабазе Рамштайн в Германии, и городок Деннисон Ривер Бенд напоминал ей - правда, в гораздо меньшем масштабе - Кайзерслаутерн, куда она с друзьями иногда ездила выпускать пар. На Рамштайне было все, даже кинотеатр *Твин-плэкс* и ресторанчик *Джонни Рокетс*, но иногда так хотелось просто вырваться наружу. То же самое было и здесь.

Но они всегда возвращаются, подумала она, глядя на песчаный пляж, который она иногда посещала, но где никогда подолгу не задерживалась. Они всегда возвращаются, и неважно, насколько небрежными и расхлябанными они здесь стали, они всегда держали рот на замке. В этом они никогда небрежности не проявляли. Потому что если бы люди узнали, что мы здесь делаем, о сотнях детей, которых мы уничтожили, нас бы судили и приговорили каждого ко всем видам казней. Включая смертельную инъекцию, как поступили с Тимоти Маквеем[153].

Это была темная сторона медали. Светлая сторона была проста: весь персонал, от часто раздражающего, но, несомненно, компетентного доктора Дэна “Донки Конга” Хендрикса и докторов Хекла и Джекла в Задней Половине, вплоть до самого последнего уборщика, понимал, что судьба мира была в их руках, как и в руках тех, кто здесь работал до них. Не только выживание человеческой расы, но и выживание всей планеты. Они понимали, что нет предела тому, что они могут, и будут делать для достижения этих целей. Никто из тех, кто понимал цели, для которых был создан Институт, не мог считать средства её достижения чудовищными.

Жизнь здесь была хороша - во всяком случае, достаточно хороша, особенно для мужчин и женщин, которые жрали песок на Ближнем Востоке и видели своих сослуживцев, лежащих в дерьмовых деревнях с оторванными ногами или вываленными наружу кишками. Вы иногда получали отпуск; вы могли пойти домой и провести время со своей семьей, предполагая, что у вас она есть (многие сотрудники Института её не имели). Конечно, вы не говорили с ними о том, что вы тут делали, и через некоторое время они - жены, мужья, дети - понимали, что на первом месте для вас работа, а не они. Потому что она тебя поглощала. Ваша жизнь представляла собой в порядке следования: Институт - деревня - городок Деннисон Ривер Бенд, с его тремя барами, в одном из которых звучала живая музыка кантри - Институт. И как только это происходило, обручальное кольцо чаще всего слетало, как произошло с Элворсон.

Миссис Сигсби отперла нижний ящик своего стола и достала телефон, похожий на те, что носили спасатели: большой и массивный, как беженец из тех времен, когда кассеты только начали уступать место компакт-дискам, а портативные телефоны только начинали появляться в магазинах электроники. Его иногда называли Зеленым телефоном из-за его цвета, а чаще Нулевым телефоном, потому что там не было ни экрана, ни цифр, только три маленьких белых кружочка.

Я позвоню, - подумала она. *Может быть, они поаплодируют моему дальновидному мышлению и поблагодарят за инициативу. Может быть, они решат, что я прячусь от теней, и пришло время подумать о замене. В любом случае это должно быть сделано. Долг зовет, и он должен был настоять на этом раньше.*

- Но не сегодня, - пробормотала она.

Нет, не сегодня, не тогда, когда нужно было позаботиться об Элворсон (и избавиться от тела). Может быть, не завтра и даже не на этой неделе. То, о чем она думала, не было пустяком. Она хотела бы накидать тезисы, чтобы, когда придет время звонка, она могла быть как можно более точна. Если она действительно собиралась воспользоваться Нулевым, то должна была быть готова говорить кратко, когда услышит, как человек на другом конце провода скажет: "*Привет, Митит Тигби, чем могу помочь?* "

Это не промедление в чистом виде, сказала она себе. *Нисколько. Я просто не хочу, чтобы кто-нибудь попал в беду, и…*

Ее интерком издал мягкий звук.

- Зик на проводе, Миссис Сигсби. Третья линия.

Миссис Сигсби сняла трубку.

- Что там у тебя, Ионидис?

- Идеальный контроль, - сказал он. - Камера двадцать восемь в Задней Половине снежит. В Передней Половине два ребенка в комнате отдыха, шесть на игровой площадке, пять в своих комнатах.

- Отлично. Спасибо.

- Не за что, мэм.

Миссис Сигсби встала, чувствуя себя немного лучше, хотя и не могла точно сказать, почему. Конечно, все постояльцы были на месте. Что она себе только надумала: что некоторые из них могут уехать в *Диснейленд*?

А пока перейдем к наброске тезисов.

6

Как только все постояльцы ушли на обед, уборщик Фред подтолкнул тележку, позаимствованную из кухни кафешки, к двери комнаты, где закончила свою жизнь Морин Элворсон. Фред и Стэкхаус завернули тело в кусок зеленого полотна и покатили по коридору. Откуда-то издалека доносились звуки животных во время кормления, но здесь все было пустынно, хотя кто-то оставил плюшевого мишку лежать на полу перед лифтовой пристройкой. Он уставился в потолок остекленевшими глазами. Фред раздраженно пнул его ногой.

Стэкхаус укоризненно на него посмотрел.

- К неудаче, приятель. Это такая детская байка.

- Мне все равно, - сказал Фред. - Они постоянно разбрасывают свое дерьмо, чтобы нас побесить.

Когда двери лифта открылись, Фред начал вталкивать тележку внутрь. Стэкхаус оттолкнул его, и не мягко. - Твои услуги больше не требуются. Возьми этого Тедди и отнеси его в комнату отдыха или в столовую, где владелец сможет его найти, когда придет туда. А потом начинай вытирать пыль с этих долбаных плафонов. - Он указал на одну из верхних камер, вкатил тележку и поднес свою карточку к считываючему устройству.

Фред Кларк подождал, пока двери закроются, прежде чем показать ему средний палец. Но приказ есть приказ, и он будет мыть плафоны. Куда деваться.

7

Миссис Сигсби ждала Стэкхауса на Уровне Е. Здесь было холодно, и она надела свитер поверх пиджака. Она кивнула ему. Стэкхаус кивнул в ответ и вкатил тележку в переходный туннель между Передней и Задней Половинами. Это было само определение утилитарности, с его бетонным полом, изогнутыми кафельными стенами и потолочными флуоресцентными лампами. Некоторые из них мигали, придавая туннелю ощущение попадания в фильм ужасов, а несколько других были мертвы. Кто-то наклеил на одну из стен наклейку *Патриотов Новой Англии*[154].

Еще одна небрежность, подумала она. Плюс к списку.

На двери в дальнем конце коридора висела табличка с надписью *Только для уполномоченных лиц*. Миссис Сигсби воспользовалась своей карточкой и открыла ее. За ней был еще один вестибюль, ведущий к лифту. Короткая дорога наверх привела их в коридор, лишь немного менее утилитарный, чем переходный туннель, по которому они добирались до Задней Половины. Хекл - настоящее имя доктор Эверетт Халлас - ждал их. Он широко улыбался и постоянно трогал уголок рта. Это напомнило Миссис Сигсби навязчивое дерганье Диксона за нос. Вот только Диксон был ребенком, а Халласу было за пятьдесят. Работа в Задней Половине давала о себе знать, точно так же, как и работа в среде с радиоактивным заражением.

- *Здравствуйте*, Миссис Сигсби! *Здравствуйте*, начальник Службы Безопасности Стэкхаус! Как я рад вас видеть! Нам надо чаще собираться вместе! Однако я сожалею об обстоятельствах, которые

привели вас сюда сегодня! - Он наклонился и похлопал по холщовому свертку, в котором лежала Морин Элворсон. Затем дотронулся до уголка рта, как будто поглаживая рану, которую только он мог видеть или чувствовать. - В разгар жизни, *сетера-сетера*[155].

- Мы должны сделать все по-быстрому, - сказал Стэкхаус. То есть, как предположила Миссис Сигсби, он имел в виду, что нам надо по-быстрому отсюда убраться. Она была с этим согласна. Именно здесь кипела настоящая работа, и доктора Хекл и Джекл (настоящее имя Джоанна Джеймс) были просто для этого созданы, но это не делало их пребывание здесь комфортным. Она уже чувствовала атмосферу этого места. Это было похоже на пребывание в низкоуровневом электрическом поле.

- Да, конечно, работа никогда не заканчивается, шестеренки крутятся, большие блохи подгоняют укусами маленьких, разве я этого не понимаю.

Из комнаты отдыха с ее уродливыми стульями, таким же уродливым диваном и старым плоским телевизором они перебрались в коридор с толстым синим ковром на полу - в Задней Половине дети иногда падали и ударялись своими ценными маленькими головками. Колеса тележки оставляли следы на ковре. Это было очень похоже на коридор в общежитии на Уровне А Передней Половины, за исключением замков на дверях, которые были закрыты. Из-за одной из них Миссис Сигсби услышала стук и приглушенные крики: “Выпустите меня! ” и “Дайте мне хотя бы гребаный аспирин!”

- Айрис Стэнхоуп, - сказал Хекл. - Боюсь, она сегодня неважно себя чувствует. С другой стороны, некоторые из наших других недавних прибытий держатся на удивление хорошо. Знаете, у нас сегодня вечером кино. А завтра фейерверк. - Он хихикнул и прикоснулся к уголку рта, напомнив Миссис Сигсби - пародийно - Ширли Темпл[156].

Она пригладила волосы, чтобы убедиться, что они все еще на месте. Так оно, конечно же, и было. То, что она чувствовала - это зуд на её обнаженной коже, ощущение, что ее глазные яблоки вибрируют в своих глазницах - не было электричеством.

Они миновали кинозал с дюжиной мягких кресел. В первом ряду сидели Калиша Бенсон, Ник Уилхольм и Джордж Айлс. Они были одеты в свои красные и синие майки. Бенсон посасывала конфетно-

сигарету; Уилхольм курил настоящую, воздух вокруг его головы был окутан серым дымом. Айлс слегка потирал виски. Бенсон и Айлс повернулись, чтобы посмотреть на них, когда они проезжали мимо со своей завернутой в холст ношей; Уилхольм продолжал смотреть на пустой экран. Из этого бешеного пса вышел весь пар. - Удовлетворенно подумала Миссис Сигсби.

Кафешка находилась за кинозалом, в другом конце коридора. Она была гораздо меньше, чем та, которая была в Передней Половине. Здесь всегда было много детей, но чем дольше они находились в Задней Половине, тем меньше они ели. Миссис Сигсби предположила, что преподаватель английского мог бы назвать это иронией. В данный момент здесь находились трое детей, двое из которых прихлебывали что-то похожее на овсянку, а третья - девочка лет двенадцати - просто сидела с полной миской перед собой. Но когда она увидела, что они проезжают мимо с тележкой, она просияла.

- Привет! Что там у вас? Это мертвый человек? Так и есть, не правда ли? Ее звали Морис? Забавное имя для девушки. Может, Морин. Можно посмотреть? Ее глаза открыты?

- Это Донна, - сказал Хекл. - Не обращайте на неё внимание. Сегодня вечером она еще будет смотреть кино, но очень скоро, я думаю, она уйдет. Может быть, к концу этой недели. На более плодородные пастбища, сетера-сетера. Ну, вы же знаете.

Миссис Сигсби действительно знала. Была Передняя Половина, была Задняя Половина... и там, в Задней Половине, была своя Задняя Половина. Конец истории. Она снова приложила руку к волосам. Все еще на месте. Конечно же, а куда им деться. Она подумала о трехколесном велосипеде, который был у нее в детстве, о теплой струе мочи в штанах, когда она каталась на нем вверх и вниз по подъездной дорожке. Она подумала о порванных шнурках. Она подумала о своей первой машине…

- Это был *Валиум*! - закричала девушка по имени Донна. Она вскочила, опрокинув стул. Двое других детей тупо смотрели на нее, у одного с подбородка капала овсянка. - *Плимут Валиум*, я это знаю! О Боже, я хочу *домой*! О Боже, останови мои *мысли*!

Появились два надзирателя в красных халатах... Миссис Сигсби показалось, что прямо из ниоткуда. И ей было все равно. Они схватили девушку за руки.

- Правильно, отведите ее в комнату, - сказал Хекл. - Но никаких таблеток. Она нужна нам сегодня вечером.

Донна Гибсон, которая когда-то, когда они оба еще были в Передней Половине, делилась девчачьими секретами с Калишей, начала кричать и вырываться. Надзиратели поволокли ее прочь, скребя носками кроссовок по ковру. Обрывки мыслей в голове Миссис Сигсби сначала потускнели, потом поблекли. Однако зуд на коже, даже в пломбах зубов, остался. Здесь он был постоянным, как жужжание флуоресцентных ламп в коридоре.

- Все в порядке? - Спросил Стэкхаус у Миссис Сигсби.

- Да. Просто поскорее вытащи меня отсюда.

- Я тоже это чувствую. Если тебя это утешит.

- Тревор, не мог бы ты объяснить мне, почему тележка с телами, направляющаяся в крематорий, должна катиться прямо через жилые помещения этих детей?

- В Бинтауне полно бобов, - ответил Стэкхаус.

- Что? - Спросила Миссис Сигсби. - Что ты сказал?

Стэкхаус покачал головой, словно пытаясь прояснить мысли.

- Извините. Просто пришло в голову…

- Да, да, - сказал Халлас. - Вокруг полно... хм, скажем так: сегодня в воздухе полно сообщений.

- Я знаю, что это было, - сказал Стэкхаус. - Мне нужно было вытащить это наружу, вот и все. Это было похоже...

- Как будто подавился едой, - сухо закончил за него Доктор Халлас. - Ответ на ваш вопрос, Миссис Сигсби, таков... *никто не знает*. - Он хихикнул и дотронулся до уголка рта.

Просто поскорее вытащи меня отсюда, - снова подумала она.

- Где доктор Джеймс, доктор Халлас?

- В своей каюте. Боюсь, сегодня ей нездоровится. Но она передает вам привет. Надеюсь, вы в порядке, в полном здравии, сетера-сетера. - Он улыбнулся и снова проделал тот же самый финт Ширли Темпл - *Ну разве я не прелесть*?

8

В просмотровом зале Калиша выхватила сигарету из пальцев Ники, сделала затяжку, бросила окурок на пол и наступила на него. Потом она обняла его за плечи.

- Плохо?

- Бывало и похуже.

- Фильм все улучшит.

- Да. Но всегда есть завтра. Теперь я знаю, почему мой отец был таким злым, когда у него было похмелье. А как насчет тебя, Ша?

- Пока все в порядке. - Так и было. Только слабая пульсация над левым глазом. Сегодня ночью она пройдет. Завтра вернется, и уже не слабая. Завтра будет такая боль, что похмелье, от которого страдал отец Ники (и, время от времени, ее собственные родители), будет выглядеть весельем под солнцем: равномерный стук, как будто какой-то демонический эльф был заключен в ее голове, стуча по ее черепу в попытке выбраться. Даже это, она знала, было не так плохо, как могло бы быть. Головные боли Ники становились все сильнее, Айрис - еще сильнее, и боль не проходила все дольше и дольше.

Джорджу повезло: несмотря на его сильный ТК, он до сих пор почти не чувствовал боли. Ломота в висках, говорил он, и в задней части черепа. Но дальше будет хуже. Так было всегда, по крайней мере, пока все не заканчивалось. А потом? Палата А. Улей. Гул. Задняя Половина Задней Половины. Калиша пока еще не желала этого, мысль о том, что ее сотрут как личность, все еще ужасала ее, но это изменится. Для Айрис это уже произошло; большую часть времени она выглядела как зомби из *Ходячих мертвецов*. Хелен Симмс в значительной степени выразила чувства Калиши к Палате А, когда сказала, что это лучше, чем Огни Штази и кричащая головная боль, которая никогда не прекращается.

Джордж наклонился вперед, глядя на нее поверх Ника яркими глазами, в которых все еще не было боли.

- Он сбежал, - прошептал он. - Сконцентрируйтесь на этом. И держитесь.

- Будем, - сказал Калиша. - Не так ли, Ник?

- Мы постараемся, - сказал Ник и выдавил из себя улыбку. - Хотя мысль о том, что такой ужасный в игре в *ЛОШАДКУ* парень, как Люки Эллис, приведет с собой кавалерию, не слишком убедительна.

- Может, он и плох в *ЛОШАДКУ*, но в шахматы играет хорошо, - сказал Джордж. - Не стоит списывать его со счетов.

Один из надзирателей в красном появился в открытых дверях просмотрового зала. Надзиратели в Передней Половине носили бейджи с именами, здесь же их никто не носил. Здесь, в Задней

Половине, надзиратели были взаимозаменяемы. Лаборантов тоже не было, только два врача и иногда доктор Хендрикс: Хекл, Джекл и Донки Конг. Ужасное Трио.

- Свободное время закончилось. Если вы не собираетесь есть, возвращайтесь в свои комнаты.

Старый Ники мог бы сказать этому слишком мускулистому недоумку, чтобы тот шел на хер. Новая версия просто встала на ноги, пошатываясь и хватаясь за спинку сиденья, чтобы сохранить равновесие. У Калиши разрывалось сердце, когда она видела его таким. То, что было отнято у Ники, в каком-то смысле было хуже убийства. Во многих.

- Пошли, - сказала она. - Мы пойдем вместе. Верно, Джордж?

- Ну, - сказал Джордж, - я собирался сегодня вечером сходить на *Парней из Джерси*[157], но раз уж ты так настаиваешь.

И вот мы здесь, три долбаных мушкетера, подумала Калиша.

В коридоре гул был гораздо сильнее. Да, она знала, что Люк сбежал, ей об этом рассказал Эйвери, и это было хорошо. Самодовольные придурки даже не знали, что он сбежал, что было еще лучше. Но головные боли подавляли надежду. Даже когда они тебя отпускали, ты ожидала, что они вернутся, и это был особый круг ада. А гул, доносящийся из Палаты А, заставлял надежду казаться неуместной, что было еще ужасней. Никогда еще она не чувствовала себя такой одинокой, загнанной в угол.

Но я должна продержаться как можно дольше, подумала она. *Не важно, что они делают с нами этими огнями и этими проклятыми фильмами, я должна держаться. Я должна сохранять разум.*

Они медленно шли по коридору под взглядом надзирателя, не как дети, а как инвалиды. Или старики, коротающие свои последние недели в ужасном хосписе.

9

Ведомые доктором Эвереттом Халласом, Миссис Сигсби и Стэкхаус прошли мимо закрытых дверей с табличкой *Палата А*. Стэкхаус катил тележку. Из-за закрытых дверей не доносилось ни криков, ни плача, но ощущение, что оттуда исходит электрическое поле, было еще сильнее; невидимые волны пробегали по ее коже, как мышиные лапки. Стэкхаус тоже это чувствовал. Рука, не занятая

подталкиванием импровизированного гроба Морин Элворсон, потирала гладкую лысину.

- Мне это всегда напоминает трепыхание мухи в паутине, - сказал он. Затем, обращаясь к Хеклу, - а вам так не кажется?

- Я к этому привык, - сказал он и прикоснулся к уголку рта. - Этот процесс называется ассимиляция. - Он остановился. - Нет, не правильное слово. Скорее, *акклимация*. Или может, акклиматизация? Ну, одно из трех.

Миссис Сигсби внезапно разобрало любопытство, что было весьма неуместно.

- Доктор Халлас, когда у вас день рождения? Вы помните?

- Девятого сентября. И я понимаю, к чему вы клоните. - Он оглянулся через плечо на двери с табличкой *Палата А*, надпись просто резала глаза ярким красным шрифтом, потом перевел взгляд на Миссис Сигсби. - Со мной все в порядке, что бы вы там ни думали.

- Девятое сентября, - сказала она. - Это значит, ты... кто? Весы?

- Водолей, - сказал Хекл, бросив на нее плутоватый взгляд, который, казалось, говорил: *Вам не так-то легко будет меня одурачить, леди.* - Когда Луна находится в седьмом доме и Меркурий совпадает с Марсом. Сетера-сетера. Пригнитесь, Мистер Стэкхаус. Здесь низкий переход.

Они прошли по короткому полутемному коридору, спустились по лестнице, Стэкхаус притормаживал тележку впереди, а Миссис Сигсби управляла ею сзади, и подошли к еще одной закрытой двери. Хекл воспользовался своим ключом-картой, и они вошли в круглую комнату, в которой было очень жарко. Мебели не было, но на одной стене висела табличка в рамке: **помните об этих героях**. Стекло рамки было чрезвычайно грязным и остро нуждалось в *Виндексе*[158]. В дальнем конце комнаты, на полпути вверх по грубой цементной стене, находился стальной люк, словно в каком-то промышленном мясном складе. Слева от него был маленький экран с индикацией, в данный момент пустой. Справа была пара кнопок, одна красная, другая зеленая.

Здесь обрывки мыслей и обрывки воспоминаний, тревожившие Миссис Сигсби, прекратились, а мимолетная головная боль, до сих пор колотившая в висках, немного утихла. Это было хорошо, но она не могла дождаться, когда выберется отсюда. Она редко посещала

Заднюю Половину, потому что ее присутствие было излишним; командующему армией редко приходится бывать на передовой, пока идет война. И хотя она чувствовала себя лучше, находиться в этой пустой комнате было ужасно.

Халласу, казалось, тоже стало лучше - уже не Хекл, а человек, который двадцать пять лет проработал военным врачом и заслужил *Бронзовую звезду*[159]. Он выпрямился и перестал прикасаться пальцем к уголку рта. Его глаза были ясными, а вопросы лаконичными.

- Она носила драгоценности?

- Нет, - ответила Миссис Сигсби, вспомнив о пропавшем обручальном кольце Элворсон.

- Могу предположить, что она одета?

- Конечно. - Миссис Сигсби почувствовала себя оскорбленной этим вопросом.

- Вы проверили ее карманы?

Она посмотрела на Стэкхауса. Он покачал головой.

- Хочешь проверить? Пока еще есть такая возможность.

Миссис Сигсби обдумала эту мысль и отбросила ее. Женщина оставила предсмертную записку на стене ванной, а ее сумочка должна была находиться в шкафчике. Вот что нужно было проверить, хотя бы для очистки совести, но она не собиралась разворачивать тело горничной и снова смотреть на этот высунутый наглый язык только для того, чтобы обнаружить гигиеническую помаду, упаковку тампонов и несколько скомканных салфеток.

- Только не я. А как насчет тебя, Тревор?

Стэкхаус снова покачал головой. С его лица никогда не сходил загар, но сегодня он выглядел бледным даже под ним. Путешествие по Задней Половине сказывалось и на нем. *Может, нам стоит делать это почаще*, подумала она. *Оставаться на связи с процессом*. Потом она вспомнила, как доктор Халлас объявил себя Водолеем, а Стэкхаус сказал, что *в Бинтауне полно бобов*. Она решила, что оставаться на связи с процессом было плохой идеей. И кстати, действительно ли 9 сентября делало Халласа Весами? Кажется, это было не так. Разве не Девой?

- Давайте уже сделаем это, - сказала она.

- Вот и *ладненько*, - сказал доктор Халлас и сверкнул улыбкой от уха до уха, что и делало его Хеклом. Он дернул ручку двери из нержавеющей стали и распахнул ее. Внутри была темнота, запах жареного мяса и закопченная конвейерная лента, уходящая вдаль.

Эту табличку надо убрать, подумала Миссис Сигсби. А конвейерную ленту нужно почистить, пока он сам не засорился и не сломался. Еще одна беспечность.

- Надеюсь, тебе не понадобится помощь, чтобы поднять ее,- сказал Хекл, все еще улыбаясь, как ведущий шоу. - Боюсь, я чувствую себя слишком слабым. Ведь сегодня утром я не ел свою пшеницу.

Стэкхаус поднял завернутое тело и положил его на ленту. Нижняя складка полотна распахнулась, обнажив ботинок. Миссис Сигсби почувствовала желание отвернуться от этой потертой подошвы и подавила его.

- Какие-нибудь последние слова? - Спросил Халлас. - Прости-прощай? Дженни мы плохо тебя знали?

- Прекрати идиотничать, - сказала Миссис Сигсби.

Доктор Халлас закрыл дверцу и нажал зеленую кнопку. Миссис Сигсби услышала треск и скрип, когда грязная конвейерная лента пришла в движение. Когда движение прекратилось, Халлас нажал красную кнопку. Индикатор ожил, быстро перескочив с 200 на 400, потом на 800, на 1600 и, наконец, на 3200.

- Намного жарче, чем в обычном крематории, - сказал Халлас. - Все произойдет очень быстро, но все равно займет какое-то время. Вы можете остаться здесь, я могу провести для вас полную экскурсию. - Все еще улыбаясь широкой улыбкой.

- Не сегодня, - ответила Миссис Сигсби. - Слишком занята.

- Так я и думал. Может быть, в другой раз. Мы так редко вас видим, и мы всегда открыты для предложений.

10

Когда Морин Элворсон начала свое последнее путешествие, Стиви Уиппл ел макароны с сыром в кафешке Передней Половины. Эйвери Диксон схватил его за мясистую веснушчатую руку. - Пойдем со мной на игровую площадку.

- Я еще не закончил есть, Эйвери.

- Забей. - Он понизил голос. - Это очень важно.

Стиви откусил последний огромный кусок, вытер рот тыльной стороной ладони и последовал за Эйвери. Площадка была пуста, если не считать Фриды Браун, которая сидела на асфальте рядом с баскетбольным щитом и рисовала мелом мультяшные фигуры. Довольно похоже. Все улыбались. Она не подняла глаз, когда мальчишки проходили мимо.

Когда они подошли к забору из металлической сетки, Эйвери указал на траншею в грязи и гравии. Стиви уставился на неё большими глазами.

- Что это было? Сурок или просто обвал? - Он огляделся, как будто ожидал увидеть сурка - возможно, бешеного - прячущегося под батутом или застывшего под столом для пикника.

- Точно не сурок, - сказал Эйвери.

- Держу пари, Эйвес, ты мог бы туда пролезть. И уйти в пабек.

Ты думаешь, это не приходило мне в голову, - подумал Эйвери, - *но я бы заблудился в лесу. Даже если бы не заблудился, лодки-то уже нет.*

- Неважно. Ты должен помочь мне её засыпать.

- Почему?

- По кочану. И не говори пабек, звучит невежественно. *По,* Стиви и не *к*, а *г*. *Побег*. Именно это и сделал его друг, да благословит его Господь. Где же он сейчас? Эйвери понятия не имел. Он потерял связь.

- Побег, - сказал Стиви. - Все правильно?

- Просто потрясающе. А теперь помоги мне.

Ребята опустились на колени и стали засыпать углубление под забором, гребя руками и поднимая облако пыли. Это была горячая работенка, и вскоре они оба вспотели. Лицо Стиви было ярко-красным.

- Что вы делаете, ребята?

Они огляделись по сторонам. Это была Глэдис, ее обычной широкой улыбки не было видно.

- Ничего, - ответил Эйвери.

- Ничего, - согласился Стиви. - Просто возимся в грязи. Ну, знаете, старой доброй грязи.

- Дайте мне посмотреть. В сторону. - И когда ни один из них этого не сделал, она пнула Эйвери в бок.

- *Ой!* - Воскликнул он и свернулся калачиком. - *Ой, как больно!*

Стиви сказал:

- Ты что делаешь, менстряк замучи... - и тут же получил свой удар, высоко по плечу.

Глэдис посмотрела на траншею, заполненную лишь частично, потом на Фриду, все еще погруженную в свои художественные занятия.

- Это ты сделала?

Фрида покачала головой, не поднимая глаз.

Глэдис вытащила рацию из кармана белых брюк и нажала на кнопку.

- Мистер Стэкхаус? Глэдис вызывает Мистера Стэкхауса.

Последовала пауза, затем:

- Это Стэкхаус, говори.

- Я думаю, вам нужно как можно быстрее прийти на игровую площадку. Вам нужно кое-что увидеть. Может, это и пустяки, но мне это не нравится.

11

Уведомив начальника Службы безопасности, Глэдис вызвала Вайнону, и приказала отвести мальчиков в их комнаты. Они должны

были оставаться там до дальнейших распоряжений.

- Я ничего не знаю об этой дыре, - угрюмо сказала Стиви. - Я думал, это сделал сурок.

Вайнона велела ему заткнуться и загнала мальчиков обратно в здание.

Стэкхаус пришел вместе с Миссис Сигсби. Она наклонилась, и он присел на корточки, осмотрев сначала провал под забором, потом сам забор.

- Никто не мог туда проползти, - сказала Миссис Сигсби. - Ну, может быть, Диксон, он ненамного больше тех Близняшек Уилкокс, но больше никто.

Стэкхаус сгреб рыхлую смесь камней и грязи, которую двое мальчишек забросали обратно, углубляя провал до траншеи.

- Вы в этом уверены?

Миссис Сигсби поняла, что может ошибаться, и сказала себе стоп. *Это просто смешно*, - подумала она. *У нас есть камеры, у нас есть микрофоны, у нас есть надзиратели и уборщики, у нас есть охрана. И все для того, чтобы заботиться о кучке детей, которые так напуганы, что не скажут "бу" даже гусю.*

Конечно, был Уилхольм, который определенно сказал бы "бу" гусю, и за эти годы было еще несколько таких же, как он. Но все-таки...

- Джулия. - Очень тихо.

- Что?

- Подойди сюда.

Она начала было идти, но заметила, что смуглая девушка пристально наблюдает за ними.

- Внутрь, - психанула она. - И немедленно.

Фрида поспешно ушла, отряхивая меловые руки и оставляя после себя улыбающихся мультяшных персонажей. Когда девушка вошла в комнату отдыха, Миссис Сигсби увидела небольшую группу глазеющих на них детей. Где были надзиратели, когда вы так в них нуждались? В комнате отдыха, обменивались историями с одной из групп захвата? Рассказывали друг другу грязные анекд…

- Джулия!

Она опустилась на одно колено, вздрогнув, когда острый кусок гравия впился в него.

- На заборе кровь. Видишь?

Она не хотела, но видела. Да, это была кровь. Высохшая до темно-бордового цвета, но определенно кровь.

- А теперь взгляни туда.

Он ткнул пальцем в один из ромбов сетчатого забора, указывая на частично вырванный с корнем куст. На нем тоже была кровь. Когда Миссис Сигсби посмотрела на те несколько пятен, которые были снаружи, у нее свело живот, и на одно тревожное мгновение ей показалось, что она сейчас намочит штаны, как на том детском трехколеснике. Она подумала о Нулевом телефоне и словно наяву увидела, как ее жизнь в качестве главы Института - потому что это была не ее работа, а ее жизнь - в нем растворяется. Что бы сказал шепелявый человек на другом конце провода, если бы ей пришлось позвонить ему и сказать, что из самого секретного и безопасного в побеговом отношении заведения страны - не говоря уже о самом жизненно важном - сбежал ребенок, *пробравшись под забором*?

Конечно же, он скажет, что с ней все кончено. Раз и навсегда.

- Все постояльцы на месте, - сказала она хриплым шепотом. Она схватила Стэкхауса за запястье, впиваясь ногтями ему в кожу. Он, казалось, этого не заметил. Он все еще смотрел на частично вырванный с корнем куст, словно загипнотизированный. Это было так же плохо для него, как и для нее. Не хуже, хуже быть не было, но так же плохо. - Тревор, *они все были на местах*. Я проверяла.

- Думаю, тебе лучше еще раз проверить. Не так ли?

На этот раз у нее была рация (в голове промелькнула мысль: *Запираем дверь сарая после кражи скота*), и она нажала на кнопку.

- Зик. Миссис Сигсби вызывает Зика. - Тебе лучше быть там, Ионидис. Тебе лучше ответить.

Он ответил.

- Это Зик, Миссис Сигсби. Я навел справки об Элворсон, Мистер Стэкхаус велел мне это сделать, поскольку Джерри нет, и Энди нет, и я дозвонился до ее соседей…

- Теперь это не имеет значения. Пробеги по всем камерам наблюдения, еще раз пересчитай постояльцев.

- О'кей. - Он вдруг насторожился. *Должно быть, услышал напряжение в моем голосе*, подумала она. - Подождите немного,

сегодня утром все здесь переключается очень медленно... еще пару секунд...

Она чувствовала, что сейчас закричит. Стэкхаус все еще смотрел сквозь забор, словно ожидая, что вот-вот появится волшебный Хоббит и все объяснит.

- Сделано, - сказал Зик. - Сорок один постоялец, по-прежнему все на месте.

Облегчение охладило ее лицо, как легкий ветерок.

- Ладно, это хорошо. Это очень…

Стэкхаус забрал у нее рацию.

- Где они сейчас находятся?

- Э... двадцать восемь в Задней Половине, четыре в комнате отдыха восточного крыла... трое в кафешке... двое в своих комнатах... трое в коридоре...

Эти трое - Диксон, Уиппл и художница, подумала Миссис Сигсби.

- Плюс один на игровой площадке, - закончил Зик. - Сорок один. Как я и говорил.

- Подожди минутку, Зик. - Стэкхаус посмотрел на Миссис Сигсби. - Ты видишь ребенка на игровой площадке?

Она ему не ответила. В этом не было необходимости.

Стэкхаус снова поднял рацию.

- Зик?

- Да, Мистер Стэкхаус. Прямо там.

- Ты можешь точно определить местонахождение ребенка на игровой площадке?

- Э... сейчас увеличу... для этого есть кнопка...

- Нет необходимости, - сказала Миссис Сигсби. Она заметила какой-то предмет, сверкающий в лучах полуденного солнца. Она вышла на баскетбольную площадку, наклонилась к линии штрафных и подняла какой-то предмет. Она вернулась к начальнику Службы безопасности и протянула предмет ему. В ее ладони была большая часть мочки уха с все еще встроенным в нее жучком.

12

Обитателям Передней Половины приказали вернуться в свои комнаты и оставаться там. Если кого-нибудь из них поймают в коридоре, они будут жестоко наказаны. Служба безопасности

Института насчитывала всего четыре человека, включая самого Стэкхауса. Двое из них были в Институтской деревне и появились достаточно быстро, воспользовавшись дорожкой для гольф-каров, которую Морин предлагала найти, и от которой Люк отклонился менее чем на сто футов. Третий член команды Стэкхауса находился в Деннисон Ривер Бенд. Стэкхаус не собирался дожидаться его появления. Денни Уильямс и Робин Лекс из команды Рубиново-красных были на месте, ожидая своей следующей командировки, и были готовы принять участие в розыске. К ним присоединились два широкоплечих сотрудника - Джо Бринкс и Чед Гринли.

- Мальчик из Миннесоты, - сказал Денни, когда эта импровизированная поисковая группа собралась и ознакомилась с историей. - Тот, которого мы привезли в прошлом месяце.

- Совершенно верно, - согласился Стэкхаус, - парень из Миннесоты.

- И ты говоришь, что он вырвал маячок прямо с ухом? - Спросила Робин.

- Рана была ровной. Думаю, он воспользовался ножом.

- Как бы там ни было, у этого парня есть яйца, - сказал Денни.

- Когда мы его догоним, я ему их *оторву*, - сказал Джо. - Он не бунтует открыто, как Уилхольм, но посылает на хер взглядом.

- Он заблудится и будет бродить по лесу, так что, наверняка бросится нам в объятья, когда мы его обнаружим, - сказал Чед. Он помолчал. - Если только мы его обнаружим. Там слишком много деревьев.

- У него шла кровь из уха и, вероятно, из ран со спины, которые он наверняка получил, когда лез под забором, - сказал Стэкхаус. - Должно быть, кровь была и на его руках. Мы будем идти по кровавым следам, сколько сможем.

- Было бы хорошо, если бы у нас была собака, - сказал Денни Уильямс. - Ищейка или старая добрая борзая.

- Было бы хорошо, если бы он вообще не сбегал, - сказала Робин. - Под забором, значит? - Она едва не рассмеялась, но, увидев осунувшееся лицо и разъяренные глаза Стэкхауса, передумала.

Как раз в это время из деревушки прибыли Рейф Пуллман и Джон Уолш, - два надзирателя.

- Мы не должны его убивать, поймите это, но мы должны выбить из этого маленького сукиного сына все дерьмо, когда его найдем.

- *Если* мы его найдем, - парировал Чед.

- Мы обязательно его найдем, - сказал Стэкхаус. *Потому что если мы этого не сделаем*, - подумал он, - *нам конец. Все это место будет сожжено к чертям.*

- Я возвращаюсь в свой кабинет, - сказала Миссис Сигсби.

Стэкхаус схватил ее за локоть.

- Что будешь делать?

- Думать.

- Это хорошо. Думай, сколько хочешь, но никаких звонков. Договорились?

Миссис Сигсби с презрением на него посмотрела, но по тому, как она кусала губы, можно было предположить, что ей тоже страшно. Если это так, то их было, как минимум, двое.

- Конечно.

Но когда она добралась до своего кабинета - благословенной тишины, наполненной кондиционированным воздухом, - ей стало трудно думать. Ее взгляд то и дело возвращался к запертому ящику стола. Как будто внутри был не телефон, а ручная граната.

13

Три часа пополудни.

Никаких известий от людей, охотящихся за Люком Эллисом в лесу. Много сообщений, да, но никаких новостей. Все сотрудники Института были оповещены о побеге; все были в строю. Некоторые присоединились к поисковой команде. Другие прочесывали Институтскую деревню, обыскивая все пустые дома в поисках мальчика или хотя бы какого-нибудь признака того, что он там был. Все личные транспортные средства были задействованы. Гольф-кары, на которых иногда разъезжали сотрудники, стояли на своих местах. Их внештатники из Деннисон Ривер Бенд - включая обоих сотрудников небольшой команды городской полиции - были подняты по тревоге и получили описание Эллиса, но его никто не видел.

Появилась кое-какая информация об Элворсон.

Ионидис проявил инициативу и хитрость, на которые Джерри Саймондс и Энди Феллоуз, их Ай-Ти-специалисты, были неспособны. Сначала используя *Гугл Ирс*, а затем приложение для поиска локаций и

номеров телефонов, Зик связался с ближайшей соседкой Элворсон в маленьком городке Вермонта. Он представился соседке как агент налоговой службы, и она купилась без единого дополнительного вопроса. Не выказывая никаких признаков сдержанности, которой якобы славились янки, она рассказала ему, что Морин попросила ее засвидетельствовать несколько документов, когда в последний раз была дома. Там еще присутствовала женщина - адвокат. Документы были направлены в несколько коллекторских агентств. Адвокат назвала документы П- и В- предупреждениями, что, как справедливо предположила соседка, означало: *прекратите и воздержитесь*[160].

- Все эти документы касались кредитных карточек ее мужа, - сказала соседка Зику. - Мо ничего не объяснила, но в этом и не было нужды. Я не вчера родилась. Перекрыть кран этому бездельнику - вот чем она занималась. Если налоговая хочет подать на нее в суд, вам лучше поторопиться. Выглядела она чертовски больной.

Миссис Сигсби решила, что соседка Мо из Вермонта права. Вопрос заключался в том, зачем Элворсон понадобилось делать все именно таким образом: это как возить уголь в Ньюкасл[161]. Все сотрудники Института знали, что если они попадут в какую-нибудь финансовую передрягу (азартные игры были самыми распространенными), они могли рассчитывать на кредит, который был почти что беспроцентным. Эта часть льготного пакета разъяснялась при приеме на работу каждому новому сотруднику. На самом деле это была не льгота, а защита. Люди, которые были в долгах, могли поддаться искушению, продать секреты.

Самым простым объяснением такого поведения была гордость, может быть, в сочетании со стыдом за то, что ее обманул сбежавший муж, но Миссис Сигсби не нравился такой вариант. Эта женщина приближалась к концу своей жизни и, должно быть, знала об этом в течение некоторого времени. Она решила почистить руки, и брать деньги у организации, которая их запачкала, было не самым лучшим способом начать очистку. Это было правильно - или почти правильно. И соответствовало упоминанию Элворсон об аде.

Эта сука помогла ему сбежать, подумала Миссис Сигсби. *Конечно же, такова была ее идея искупления. Но я не могу расспросить ее об этом, она прекрасно обо всем позаботилась. Конечно же, она знает - знала - наши методы. Так что же мне*

делать? Что же мне делать, если этот слишком-умный-на-нашу-беду мальчик не вернется сюда до темноты?

Она знала ответ, и была уверена, что Тревор тоже. Ей придется вытащить Нулевой телефон из запертого ящика и нажать все три белые кнопки. Шепелявый человек обязательно ответит. Когда она расскажет ему, что впервые за всю историю Института, отсюда сбежал подопечный - прокопал себе дорогу под забором посреди ночи, - что скажет этот человек? Боже, *пте* так жаль? Это очень плохо? Не переживайте?

Черта с два.

Думай, сказала она себе. *Думай, думай, думай*. Кому все могла рассказать эта беспокойная горничная? Если уж на то пошло, кто мог пересказать все *Эллису…*

- Черт. *Черт!*

Он был прямо перед ней, в тот самый момент, когда она обнаружила дыру под забором. Она выпрямилась на стуле, широко распахнув глаза, и впервые с тех пор, как Стэкхаус позвонил и сообщил, что кровавый след исчез через пятьдесят ярдов, не вспомнила о телефоне.

Она включила компьютер и нашла нужный файл. Она кликнула, и видео начало проигрываться. Элворсон, Эллис и Диксон стояли у автоматов с закусками.

Мы можем поговорить здесь. Там есть микрофон, но он не работает уже много лет.

Большую часть разговора вел Люк Эллис. Он выражал беспокойство по поводу этих Близняшек и мальчика с крестом. - Элворсон его успокаивала. Диксон стоял рядом, почти ничего не говоря, только почесывая руки и дергая себя за нос.

Господи Иисусе, сказал Стэкхаус. *Если ты хочешь оторвать себе нос, отрывай быстрее*. Только теперь, посмотрев это видео свежим взглядом, Миссис Сигсби поняла, что на самом деле происходило.

Она закрыла ноутбук и включила интерком.

- Розалинда, я хочу увидеть Диксона. Пусть Тони и Вайнона его приведут. Немедленно.

Эйвери Диксон, одетый в футболку с надписью *Бэтмен* и грязные шорты, открывавшие его покрытые струпьями колени, стоял перед столом Миссис Сигсби, глядя на нее испуганными глазами. Он и так был маленьким, а теперь, окруженный Вайноной и Тони, выглядел не на десять лет, а едва ли годился для первого класса.

Миссис Сигсби слегка ему улыбнулась.

- Мне следовало бы добраться до вас гораздо раньше, Мистер Диксон. Должно быть, я слегка торможу.

- Да, мэм, - прошептал Эйвери.

- Значит, ты согласен? Ты думаешь, я тормоз?

- Нет, мэм! - Эйвери высунул язык и облизал губы. Только за нос себя не дернул, не сегодня.

Миссис Сигсби наклонилась вперед, сцепив руки.

- Если я и тормозила, то теперь торможение прекратилось. Я пересмотрю свое поведение. Но для начала очень важно... просто *необходимо*... вернуть Люка в родные пенаты.

- Да, мэм.

Она кивнула.

- Мы оба согласны с этим, и это хорошо. Хорошее начало. Так куда же он поперся?

- Не знаю, мэм.

- Я думаю, ты знаешь. Вы со Стивеном Уипплом заполняли дыру, через которую он сбежал. Что было глупо. Ты должен был оставить все как есть.

- Мы думали, что это сделал сурок, мэм.

- Чушь. Ты точно знаешь, кто это сделал. Твой дружок Люк. Навеки вечные. - Она положила руки на стол и улыбнулась ему. - Он мальчик умный, а умные мальчики не бросаются в лес сломя голову. Может быть, он и имел желание пролезть под забором, но ему нужна была Элворсон, чтобы узнать, что находится по ту сторону забора. Она давала тебе указания по частям, каждый раз, когда ты дергал себя за нос. Она ведь прямо вбивала это в твою талантливую голову, да? Позже ты передал все Эллису. Нет смысла отрицать, мистер Диксон, я видела видеозапись вашего разговора. Это - если вы не возражаете, чтобы глупая старая леди пошутила - так же ясно, как нос на вашем лице. Я должна была понять это раньше.

И Тревор, - подумала она. *Он тоже это видел и тоже должен был понять, что происходит. Если будет всесторонний разбор полетов, когда все это закончится, как же глупо мы будем выглядеть.*

- А теперь скажи мне, куда он направился.

- Я действительно не знаю.

- Вы отводите взгляд в сторону, Мистер Диксон. Так делают только лжецы. Смотри прямо на меня. Иначе Тони вывернет тебе руку за спину, и это будет больно.

Она кивнула Тони. Он схватил одно из тонких запястий Эйвери.

Эйвери посмотрел ей прямо в глаза. Это было трудно, потому что ее лицо было худым и страшным, взгляд злобного учителя, который говорил: *Ты расскажешь мне все*, но он это сделал. Слезы начали выступать и катиться по его щекам. Он всегда был слезливым; две старшие сестры называли его Маленьким Капризным Плаксой, а на перемене в школьном дворе он всегда был чьей-то боксерской грушей. Игровая площадка здесь была получше. Он скучал по матери и отцу, очень скучал, но, по крайней мере, у него были друзья. Гарри толкнул его, но потом он стал другом. И был таковым, по крайней мере, пока не умер. Пока они не убили его одним из своих дурацких опытов. Ша и Хелен ушли, но новая девушка, Фрида, была к нему добра и позволила ему выиграть в *ЛОШАДКУ*. Правда, только один раз, но все же. И Люк. Он был лучше всех. Лучший друг, который когда-либо был у Эйвери.

- Куда Элворсон велела ему идти, Мистер Диксон? Каков был план?

- Не знаю.

Миссис Сигсби кивнула Тони, который заломил руку Эйвери за спину и поднял его запястье почти до лопатки. Боль была невероятной. Эйвери закричал.

- Так куда же он направился? Каков был план?

- *Я не знаю!*

- Отпусти его, Тони.

Тони так и сделал, и Эйвери, рыдая, рухнул на колени.

- Это очень больно, больше не причиняйте мне боль, пожалуйста, не надо. - А про себя мысленно добавил: *это несправедливо*, но какое дело этим людям до справедливости? Правильно, никакого.

- Я и не хочу, - сказала Миссис Сигсби. Это был в лучшем случае тонкий намек на правду. Более толстым было то, что годы, проведенные в этом кабинете, приучили ее к детской боли. И хотя вывеска в крематории была верна - они были героями, как бы там ни сопротивлялся их героизм - некоторые из них могли испытывать чье-то терпение. И делали это до тех пор, пока терпение не лопалось.

- Я не знаю, куда он пошел, честное слово.

- Когда люди говорят, что они честны, это означает, что они таковыми не являются. Я давно родилась, и я это знаю. Так скажи мне: куда он пошел, и каков был план?

- Не знаю!

- Тони, подними его рубашку. Вайнона, готовь электрошокер. Средняя мощность.

- Нет! - Закричал Эйвери, пытаясь вырваться. - Никакого шокера! Пожалуйста, только без шокера!

Тони поймал его за талию и приподнял рубашку. Вайнона приложила свой шокер чуть выше пупка Эйвери и включила его. - Эйвери взвизгнул. Его ноги дергались, и стучали о ковер.

- Куда он пошел, Мистер Диксон? - Лицо мальчика было в пятнах и соплях, под глазами запали темные круги, он намочил штаны, но маленький коротышка все еще держался. Миссис Сигсби с трудом могла в это поверить. - Куда он пошел и каков был план?

- Я не знаю!

- Вайнона? Еще раз. Средняя мощность.

- Мэм, вы..

- На этот раз чуть выше, пожалуйста. Чуть ниже солнечного сплетения.

Руки Эйвери были покрыты потом, и он вывернулся из хватки Тони, едва не сделав ситуацию еще хуже - он бы летал по ее офису, как птица, попавшая в ловушку в закрытом гараже, опрокидывая вещи и отскакивая от стен - но Вайнона подставила ему подножку и подняла на ноги за руки. Теперь Тони использовал электрошокер. Эйвери вскрикнул и обмяк.

- Он отъехал? - Спросила Миссис Сигсби. - Если так, пусть доктор Эванс сделает ему укол. Нам нужны ответы, и быстро.

Тони схватил Эйвери за щеку (пухленькую, когда он приезжал сюда, а теперь очень худую) и скрутил ее. Глаза Эйвери распахнулись.

- Не, он еще с нами.

Миссис Сигсби сказала:

- Мистер Диксон, терпеть эту боль глупо и бессмысленно. Скажи мне то, что я хочу знать, и все прекратится. Куда он пошел? Каков был план?

- Я не знаю, - прошептал Эйвери. - Я действительно действительно действительно не знаю…

- Вайнона? Пожалуйста, сними брюки с Мистера Эйвери и приложи электрошокер к его яичкам. Полная мощность.

Хотя Вайнона всегда была не прочь навесить пощечину дерзкому постояльцу, как и посмотреть на это со стороны, она была явно недовольна этим приказом. Тем не менее, она потянулась к поясу его брюк. Именно тогда Эйвери и сломался.

- Ладно! Ладно! Я расскажу! Только не делайте мне больно!

- Это облегчение для нас обоих.

- Морин велела ему идти через лес. Она сказала, что он должен найти дорожку для гольф-каров, но даже если он не найдет, он должен идти прямо. Она сказала, что он увидит огни, особенно ярко-желтый. Она сказала, что когда он доберется до домов, то должен идти вдоль забора, пока не увидит шарф, привязанный к кусту или дереву, не помню к какому. Она сказала, что за ним есть тропинка... или дорога... Этого я тоже не помню. Но она сказала, что тропинка выведет его к реке. Она сказала, что там есть лодка.

Он остановился. Миссис Сигсби кивнула ему и мягко улыбнулась, но внутри ее сердце стало биться втрое быстрее. Это были и хорошие новости, и плохие. Поисковая группа Стэкхауса могла перестать барахтаться в лесу, но лодка? Эллис добрался до *реки*? И он опережал их на несколько часов.

- И что тогда, Мистер Диксон? Где она велела ему выйти из реки? В Бенде, я права? Деннисон Ривер Бенде?

Эйвери покачал головой и заставил себя посмотреть прямо на нее широко раскрытыми глазами, полными ужаса.

- Нет, она сказала, что это слишком близко, она сказала плыть по реке до Преск-Айла.

- Очень хорошо, Мистер Диксон, вы можете вернуться в свою комнату. Но если я узнаю, что ты солгал...

- У меня будут неприятности, - сказал Эйвери, вытирая дрожащими руками слезы на щеках.

При этих словах Миссис Сигсби даже рассмеялась.

- Ты читаешь мои мысли, - сказала она.

15

Пять часов пополудни.

Эллис отсутствовал, по меньшей мере, восемнадцать часов, а может, и дольше. Камеры на игровой площадке ничего не записывали, так что точно сказать было невозможно. Миссис Сигсби и Стэкхаус находились в кабинете Миссис Сигсби, следя за развитием событий и прислушиваясь к докладам своих внештатных сотрудников. Они были у них по всей стране. По большей части, внештатники Института делали не более чем подсобную работу: следили за детьми с высоким НФГМ и собирали информацию об их друзьях, семье, окрестностях, школьных ситуациях. И их домах, конечно же. Все об их домах, особенно сигнализации. Вся эта информация использовалась группами захвата, когда приходило время. Они также следили за особыми детьми, которых пока не было на радаре Института. А таковые время от времени появлялись. Тестирование НФГМ, наряду с кровью на ФКУ[162] или оценкой Апрага[163], было обычным для младенцев, родившихся в американских больницах, но, конечно же, не все дети появлялись на свет в больницах, и многие родители, такие как поднимающие голову оголтелые противники прививок, отказывались от этих тестов.

Эти внештатники понятия не имели, кому они подчиняются, и с какой целью; многие предполагали (ошибочно), что это Большой Брат - правительство США. Большинство же просто проедали дополнительный доход в пятьсот долларов в месяц, делали свои отчеты, когда нужно было их делать, и не задавали никаких вопросов. Конечно, время от времени кто-нибудь все-таки задавал вопросы, и тогда обнаруживалось, что любопытство убивает не только кошек, но и их ежемесячные дивиденды.

Самая густая концентрация внештатников, почти пятьдесят, была в районе, окружающем Институт, и отслеживание талантливых детей не было их главной задачей. Основная работа этих внештатников состояла в том, чтобы прислушиваться к людям, задающим

неправильные вопросы. Они были частью системы раннего предупреждения.

Стэкхаус позаботился предупредить полдюжины человек в Деннисон Ривер Бенд, на тот случай, если Диксон ошибся или солгал (“он не солгал, я бы знала”, - настаивала Миссис Сигсби), но большинство он послал в район Преск-Айла. Одному из них было поручено связаться с полицией и сказать им, что он совершенно уверен, что видел мальчика, который светился в новостях на *Си-Эн-Эн*. Этот мальчик, согласно новостям, разыскивался для допроса по делу об убийстве своих родителей. Его звали Люк Эллис. Внештатник сказал полиции, что он не уверен, что это был тот самый парень, но он действительно был на него похож, и он попросил у прохожих денег угрожающим, бессвязным голосом. И Миссис Сигсби, и Стэкхаус понимали, что если полиция задержит их блудного сына, это не будет идеальным решением их проблемы, но с полицией можно договориться. Кроме того, все, что скажет им Эллис, будет воспринято как бред неуравновешенного ребенка.

Мобильные телефоны не работали ни в Институте, ни в деревне - и вообще, в радиусе двух миль, - поэтому поисковики пользовались рациями. А еще здесь были *стационарные телефоны*. Теперь таковой зазвонил на столе Миссис Сигсби. Стэкхаус его схватил.

- Что? С кем я разговариваю?

Это была доктор Фелиция Ричардсон, которая подменила Зика в комнате наблюдения. Ей не терпелось это сделать. Ее задница также была под угрозой, факт, который она полностью осознавала. - У меня на проводе один из наших внештатников. Парень по имени Жан Левеск. Он говорит, что нашел лодку, которой воспользовался Эллис. Хотите, чтобы я перевела его на вас?

- Немедленно!

Теперь Миссис Сигсби стояла перед Стэкхаусом, подняв руки и одними губами произнося одно слово:

- Что?

Стэкхаус не обратил на нее внимания. Раздался щелчок, и на линии возник Левеск. У него был акцент Сент-Джон-Вэлли[164], достаточно сильный, чтобы резать уши. Стэкхаус никогда его не видел, но представил себе загорелого старика, носившего шляпу с кучей рыболовных приманок, воткнутых в поля.

- Я нашел лодку.

- Мне уже сказали. Где?

- Она села на мель на берегу примерно в пяти милях от Преск-Айла вверх по реке. В лодке совсем немного воды, а весла - всего одно - лежат на сиденье. Оставил его там. Никому не звонил. *Тута* кровь на весле. Вот что я вам *тута* скажу, чуть дальше по течению есть пороги. Если тот парень, которого вы ищете, не мастер водить лодки, особенно такие, как эта…

- Он мог свалиться за борт, - закончил Стэкхаус. - Оставайся на месте, я пришлю пару ребят. И спасибо тебе.

- Вы мне за это платите, - ответил Левеск. - Не думаю, что вы скажете мне, что он натворил.

Стэкхаус положил трубку, тем самым ответив на этот дурацкий вопрос, и ввел Миссис Сигсби в курс дела.

- Если повезет, то маленький ублюдок утонул, и кто-нибудь найдет его тело сегодня вечером или завтра утром, но мы не можем рассчитывать на такую удачу. Я хочу направить Рейфа и Джона - все, что у меня есть под рукой, и это обязательно изменится, когда вся эта канитель закончится - в Преск-Айл, как можно скорее. Если Эллис идет пешком, то туда он пойдет в первую очередь. Если он поймает попутку, либо полиция штата, либо какой-нибудь городской коп остановит его и задержит. В конце концов, это тот самый сумасшедший мальчишка, который убил своих родителей, а потом сбежал в Мэн.

- Ты веришь в то, что говоришь? - Ей действительно было любопытно.

- Нет.

16

Подопечным разрешили выйти из своих комнат на ужин. Это была, по большому счету, внешне тихая трапеза. Там было несколько надзирателей и лаборантов, которые кружили, как акулы. Они явно были на взводе, готовые ударить любого, кто даст им повод. И все же от этой тишины веяло таким сильным нервным возбуждением, что Фрида Браун почувствовала себя слегка пьяной. Произошел побег. Все дети были рады, но никто из них не хотел этого показывать. Была ли рада *она*? Фрида не была в этом уверена. Часть ее была, но...

Эйвери сидел рядом с ней, закапывая свои два хот-дога в печеные бобы, а затем выкапывая их. То предавал их земле, то эксгумировал. Фрида не была такой умной, как Люк Эллис, но она была достаточно умна и знала, что такое погребение и эксгумация. Но она не знала, что произойдет, если Люк расскажет о том, что здесь происходит, кому-то, кто ему поверит. В частности, что будет с ними. Будут ли они освобождены? Отправят ли их домой к родителям? Она была уверена, что это именно то, во что хотели верить эти дети - отсюда и это возбуждение, - но Фрида сомневалась. Ей было всего четырнадцать, но она уже была закоренелым циником. Ее мультяшные персонажи улыбались; она же улыбалась крайне редко. Кроме того, она знала то, чего не знали остальные: Эйвери отвели в кабинет Миссис Сигсби, и там он, несомненно, выложил все начистоту.

А это означало, что Люк никуда не денется.

- Ты будешь есть эту гадость или просто с ней играть?

Эйвери отодвинул тарелку и встал. С тех пор как он вернулся из кабинета Миссис Сигсби, он выглядел как мальчишка, увидевший привидение.

- В меню есть яблочный пирог *А-ля мод* и шоколадный пудинг на десерт, - сказала Фрида. - И здесь не дом - мой, во всяком случае, - где ты должен съесть все, что лежит у тебя на тарелке.

- Я не голоден, - сказал Эйвери и вышел из кафешки.

Но через два часа, после того как детей разогнали по комнатам (комната отдыха и столовая сегодня вечером были объявлены закрытыми, а дверь на площадку была заперта), он зашел в комнату Фриды в пижаме, сказал, что голоден, и спросил, нет ли у нее жетонов.

- Ты что, шутишь? - Спросила Фрида. - Я все оприходовала. - На самом деле у нее было три, но она не хотела отдавать их Эйвери. Он ей нравился, но не *настолько*.

- Уф. О'кей.

- Ложись спать. Ты не будешь чувствовать голод, пока будешь спать, а когда проснешься, уже будет завтрак.

- Можно я с тобой буду спать, Фрида? Пока Люк не объявится?

- Ты должен быть в своей комнате. Из-за тебя у нас могут быть неприятности.

- Я не могу заснуть в одиночестве. Они причинили мне боль. Они устроили мне лектрический шок. Что если они вернутся и причинят

мне еще большую боль? Они могут, если узнают…

- Что?

- Ничего.

Она задумалась. На самом деле она много о чем думала. В этом она была ас, Фрида Браун из Спрингфилда, штат Миссури.

- Ну... о'кей. Ложись в постель. Я еще немного пободрствую. По телевизору показывают шоу о диких животных, которое я хочу посмотреть. Знаешь ли ты, что некоторые дикие животные едят своих детей?

- Неужели? - Эйвери выглядел пораженным. - Это очень грустно.

- Она похлопала его по плечу.

- Но по большей части - нет.

- А. Это хорошо.

- Да. А теперь ложись в постель и не разговаривай. Я ненавижу, когда люди разговаривают, когда я пытаюсь смотреть шоу.

Эйвери забрался в постель. Фрида смотрела шоу про диких животных. Аллигатор дрался со львом. А может, это был крокодил. В любом случае, это было интересно. И Эйвери был ей интересен. Потому что у Эйвери был секрет. Если бы она была таким же сильным ТП, как он, то уже знала бы его. Как бы там ни было, она знала, что секрет есть.

Когда она убедилась, что Эйвери спит (он храпел - вежливый маленький мальчик храпит), она выключила свет, легла с ним в постель и встряхнула его.

- Эйвери.

Он хмыкнул и попытался от нее отвернуться. Она ему не позволила.

- Эйвери, куда делся Люк?

- Прекиль, - пробормотал он.

Она понятия не имела, что такое *Прекиль*, и ей было все равно, потому что это была неправда.

- Да ладно, куда он делся? Я никому не скажу.

- Вверх по красной лестнице, - сказал Эйвери. Он все еще спал. Наверное, думал, что ему это снится.

- Какие красные ступеньки? - Прошептала она ему на ухо.

Он не ответил, а когда попытался отвернуться от нее на этот раз, Фрида ему позволила. Потому что у нее было то, что ей нужно. В

отличие от Эйвери (и Калиши, по крайней мере, в хорошие дни), она не могла точно читать мысли. То, что у нее было в достатке, так это интуитивного восприятия, которое, вероятно, основывалась на развитом мышлении, и иногда, если человек был чересчур открыт (как маленький мальчик, который по большей части спал), она получала короткие, яркие картинки.

Она лежала на спине, глядя в потолок своей комнаты и размышляя.

17

Десять часов вечера. В Институте было тихо.

Софи Тернер, одна из ночных надзирателей, сидела за столиком для пикника на игровой площадке, курила запрещенную сигарету и стряхивала пепел в колпачок бутылки *Витаминуотера*[165]. Доктор Эванс стоял рядом, положив руку ей на бедро. Он наклонился и поцеловал ее в шею.

- Не надо, Джимми, - сказала она. - Только не сегодня, когда все вокруг в боевой готовности. И ты не можешь знать, наблюдает ли кто за нами.

- Ты сотрудник Института, курящий сигарету, в то время как все вокруг находится в боевой готовности, - сказал он. - Если ты считаешь себя плохой девочкой, почему бы тебе не вести себя как *плохая* девочка?

Он скользнул рукой выше, и пока она раздумывала, стоит ли оставлять ее там, она случайно оглянулась и увидела маленькую девочку - одну из новеньких - стоящую у дверей здания. Ее ладони лежали на стекле, и она смотрела прямо на них.

- Черт *побери*! - Сказала Софи. Она убрала руку Эванса и затушила сигарету. После чего подошла к двери, открыла, рывком распахнула и схватила Любопытную Томасину[166] за шею.

- Что ты здесь делаешь? Сегодня вечером никаких прогулок, разве ты не слышала объявление? В коридор и столовую вход воспрещен! Так что если ты не хочешь, чтобы тебя хорошенько отшлепали по заднице, возвращайся в свою…

- Я хочу поговорить с Миссис Сигсби, - сказала Фрида. - И немедленно.

- Ты что, с ума сошла? В последний раз говорю, возвращайся…

Доктор Эванс протиснулся мимо Софи, грубо оттолкнув её и не извинившись. *Сегодня вечером никаких любовных похождений больше не будет*, решила Софи.

- Фрида? Ты ведь Фрида, верно?

- Да.

- Почему бы тебе не рассказать мне, что ты задумала?

- Я буду говорить только с ней. Потому что она - босс.

- Да, и у босса был напряженный день. Почему бы тебе не рассказать все мне, и я решу, достаточно ли это важно, чтобы передать ей.

- Да, брось, - сказала Софи. - Разве ты не видишь, когда один из этих сопляков тебя обманывает?

- Я знаю, куда пошел Люк, - сказала Фрида. - Тебе я не скажу, но скажу ей.

- Она лжет, - сказала Софи.

Фрида даже не взглянула на нее. Она не сводила глаз с Доктора Эванса.

- Не вру.

Внутренние дебаты Эванса были короткими. Люк Эллис исчез целых двадцать четыре часа назад, он может быть где угодно и уже рассказывать что угодно кому угодно - полицейскому или, о Боже, только не это, репортеру. В обязанности Эванса не входило рассматривать заявления девушки, какими бы надуманными они ни были. Это была работа Миссис Сигсби. Его работа состояла в том, чтобы не допустить ошибки, которая привела бы его в реки дерьма на лодке без весла.

- Лучше бы ты говорила правду, Фрида, иначе тебе будет очень больно. Ты ведь это знаешь, не так ли?

Она только посмотрела на него.

18

Двадцать два двадцать.

Вагон *Саутуэй Экспресс*, в котором за культиваторами, газонокосилками и подвесными лодочными моторами спал Люк, теперь выезжал из штата Нью-Йорк в Пенсильванию и входил в расширенный скоростной коридор, по которому ему предстояло стучать колесами в течение следующих трех часов. Его скорость

возросла до 79 миль в час, и горе тому, кто застрянет на переезде или уснет на рельсах.

В кабинете Миссис Сигсби перед письменным столом стояла Фрида Браун. Она была одета в розовую пижаму, более красивую, чем та, что была у нее дома. Ее волосы были заплетены в косички, а руки сцеплены за спиной.

Стэкхаус дремал на диване в маленькой комнатке, примыкавшей к кабинету. Миссис Сигсби не видела причин его будить. По крайней мере, пока. Она осмотрела девушку и не увидела ничего примечательного. Она была такой же смуглой, как и ее фамилия: карие глаза, мышиного цвета волосы, кожа загорелая, цвета кофе с молоком. Согласно досье, ее НФГМ был ничем не примечательным, по крайней мере, по стандартам Института; полезным, но едва ли поразительным. И все же что-то было в этих карих глазах, *что-то было*. Наверное, сам взгляд - взгляд игрока в бридж или вист, когда его рука заполнена старшими козырями.

- Доктор Эванс говорит, что вы знаете, где находится наш пропавший ребенок, - сказала Миссис Сигсби. - Может быть, вы скажете мне, откуда дошли до вас эти мозговые волны?

- Эйвери, - сказала Фрида. - Он пришел ко мне в комнату. Он и сейчас там спит.

Миссис Сигсби улыбнулась.

- Боюсь, ты немного опоздала, дорогуша. Мистер Диксон уже рассказал нам все, что знает.

- Он вам солгал. - Все еще держа руки за спиной и сохраняя внешнее спокойствие, но Миссис Сигсби имела дело со многими, многими детьми и знала, что эта девочка сейчас находиться в состоянии крайнего страха. Она понимала, чем рискует. И все же уверенность из этих карих глаз никуда не делась. Это было просто восхитительно.

В комнату вошел Стэкхаус, заправляя рубашку.

- Это кто?

- Фрида Браун. Маленькая девочка, которая решила поконфабулировать[167]. Держу пари, ты не знаешь, что это значит, дорогуша.

- Да, знаю я, - ответила Фрида. - Это значит лгать, но я не лгу.

- Как и Эйвери Диксон. Я сказала мистеру Стэкхаусу, а теперь скажу и тебе: я знаю, когда ребенок лжет.

- О, он, вероятно, рассказал *почти всю* правду. Вот поэтому-то вы ему и поверили. Но о Прекиле он вам солгал.

Она нахмурилась.

- О чем…

- Преск-Айле? - Стэкхаус подошел к ней и взял за руку. - Ты ведь это хотела сказать?

- Так сказал *Эйвери*. Но это ложь.

- Как ты... - начала Миссис Сигсби, но Стэкхаус поднял руку, останавливая ее.

- Если он солгал насчет Преск-Айла, то что же тогда правда?

Она хитро улыбнулась ему.

- А что я получу, если расскажу?

- Что ты сейчас можешь получить, так это удар электрошокером, - сказала Миссис Сигсби. - Ты на дюйм от этого.

- Если вы меня ударите, то, что я вам скажу, может оказаться неправдой. Как не сказал вам всей правды Эйвери, когда вы ударил *его*.

Миссис Сигсби хлопнула ладонью по столу.

- Не пытайся играть это со мной, Мисс! Если тебе есть что сказать…

Стэкхаус снова поднял руку. Он опустился на колени перед Фридой. Несмотря на его высокий рост, они смотрели друг другу в глаза, и очень близко.

- Чего ты хочешь, Фрида? Вернуться домой? Скажу тебе прямо - это не возможно.

Фрида чуть не рассмеялась. Хотеть домой? К ее *Эль допо* матери, с чередой её *Эль допо*[168] бойфрендов? Последний хотел, чтобы она показывала ему свою грудь, чтобы он мог видеть, “как быстро она развивается.

- Я этого и не хочу.

- Тогда что?

- Я хочу остаться здесь.

- Это довольно необычная просьба.

- Но я не хочу, чтобы меня ширяли иглами, не хочу больше никаких тестов, и я не хочу в Заднюю Половину. Никогда. Я хочу

остаться здесь, вырасти и стать надзирателем, как Глэдис или Вайнона. Или лаборантом вроде Тони. Или я могла бы научиться готовить и стать шеф-поваром, как Даг.

Стэкхаус заглянул через плечо девушки, чтобы убедиться, что Миссис Сигсби так же поражена этим, как и он. Похоже, что так оно и было.

- Скажем так... гм... организовать постоянное проживание было бы возможно, - сказал он. - Допустим, мы это устроим, если твоя информация окажется достоверной, и мы его поймаем.

- Его поимка не может быть частью сделки, потому что это нечестно. Его поимка - *ваша* работа. Если только моя информация верна. А так оно и есть.

Он снова посмотрел через плечо Фриды на Миссис Сигсби. Та слегка кивнула.

- Ладно, - сказал он. - Договорились. А теперь выкладывай.

Она лукаво ему улыбнулась, и он подумал, а не сбить ли эту улыбку с ее лица. Только на мгновение, но это была глубокая мысль.

- И я хочу пятьдесят жетонов.

- Нет.

- Тогда сорок.

- Двадцать, - сказала Миссис Сигсби у нее за спиной. - И только в том случае, если твоя информация хороша.

Фрида задумалась.

- Согласна. Только откуда мне знать, сдержите ли вы свои обещания?

- Тебе придется нам довериться, - сказала Миссис Сигсби.

Фрида вздохнула.

- Куда деваться.

Стэкхаус:

- Больше никаких просьб. Если тебе есть что сказать, говори.

- Он вышел из реки раньше Прекила. Он вышел на какой-то красной лестнице. - Она помедлила, потом выложила все остальное. Важную часть. - Над лестницей - железнодорожная станция. Вот куда он направился. Железнодорожная станция.

19

После того как Фриду отослали обратно в комнату с жетонами (и с угрозой, что все обещания будут аннулированы, если она хоть словом

обмолвится о том, что произошло в кабинете Миссис Сигсби), Стэкхаус позвонил вниз, в комнату наблюдения. Энди Феллоуз уже пришел из деревни, получив электронное письмо от Фелиции Ричардсон. Стэкхаус сказал Феллоузу, что ему нужно, и спросил, может ли тот это разузнать, никого не ставя в известность. Феллоуз сказал, что может, но ему понадобится несколько минут.

- Пусть их будет как можно меньше, - сказал Стэкхаус. Он повесил трубку и дал указание Рейфу Пуллману и Джону Уолшу, двум своим подчиненным, которые стояли рядом.

- Может, тебе лучше попросить одного из наших любимых копов сходить туда, на железнодорожную станцию? - Спросила Миссис Сигсби, когда он закончил инструктаж. Оба сотрудника полиции Деннисон Ривер Бенд были Институтскими внештатниками, что составляло двадцать процентов от всех имеющихся сил. - Разве это не было бы быстрее?

- Быстрее - да, но, возможно, не безопаснее. Я не хочу, чтобы информация о нашем дерьмо-шоу вышла дальше, чем уже есть, без крайней на то необходимости.

- Но если он сел в поезд, то может уже быть *где угодно*!

- Мы даже не знаем, *был* ли он там. Девчонка могла и соврать.

- Я так не думаю.

- Ты не думала и о *Диксоне*.

Это было правдой - и неловкой, - но она продолжила. Ситуация была слишком серьезной, чтобы обижаться на мелочи.

- Я поняла, Тревор. Но если бы он остался в таком маленьком городке, его бы уже давно заметили!

- Может, и нет. Он очень умный парень. Возможно, он где-то затаился.

- Но поезд - наиболее вероятный вариант, и ты это знаешь.

Телефон зазвонил снова. Они оба потянули к нему руки. Победил Стэкхаус.

- Да, Энди. - Получилось? Хорошо, диктуй. - Он схватил блокнот и что-то быстро в нем записал. Она наклонилась над его плечом, чтобы прочитать.

4297 в 10 утра.

16 в 14:30.

77 в 17:00.

Он обвел *4297 в 10 утра*, спросил конечный пункт назначения, затем набросал *Порт, Портс, Стер*.

- Во сколько этот поезд должен был прибыть в Стербридж?

Он записал в блокнот *4-5 часов вечера*. Миссис Сигсби с тревогой на него посмотрела. Она знала, о чем думает Тревор: мальчику захочется уехать как можно дальше, прежде чем сойти с поезда, - если, конечно, он в него попал. И если это был Стербридж, предполагая даже, что поезд опоздал, он прибыл туда, по меньшей мере, пять часов назад.

- Спасибо, Энди, - сказал Стэкхаус. - Стербридж находится в Западном Массе, верно?

Он слушал, кивая.

- Ладно, он на основной магистрали, но все равно это довольно мелкая станция. Это скорее перевалочный пункт. Можешь ли ты узнать, идет ли этот поезд или какая-либо его часть дальше? Может быть, с другим локомотивом, и куда?

Он прислушался.

- Нет, просто догадка. Если он поехал на этом поезде, Стербридж может показаться недостаточно далеким местом, чтобы чувствовать себя комфортно. Возможно, ему захочется уехать дальше. Это то, что я бы сделал на его месте. Проверь и перезвони мне как можно скорее.

Он повесил трубку.

- Энди раздобыл информацию с сайта станции, - сказал он. - Никаких проблем. Разве это не удивительно? В наши дни все есть в Интернете.

- Только не мы, - сказала она.

- Да, нас *пока* там нет, - возразил он.

- И что теперь?

- Ждем Рейфа и Джона.

Они так и сделали. Еще один магический час пришел и ушел. Как только часы показали двенадцать-тридцать, телефон на ее столе зазвонил. На этот раз Миссис Сигсби его опередила, выкрикнула свое имя и слушала, кивая головой.

- Хорошо. Понятно. А теперь идите на станцию... депо... вокзал... как бы они это ни называли... и проверьте, нет ли там кого... Хорошо. Спасибо.

Она повесила трубку и повернулась к Стэкхаусу.

- Твоя служба безопасности. - Это было произнесено с некоторым сарказмом, поскольку силы безопасности Стэкхауса сегодня вечером состояли всего из двух мужчин лет пятидесяти и ни один из них не был в хорошей физической форме. - Браун сказала правду. Они нашли лестницу, они нашли отпечатки обуви, они даже нашли пару кровавых отпечатков пальцев, примерно на полпути вверх по лестнице. Рейф предполагает, что Эллис либо остановился там передохнуть, либо, возможно, завязал шнурки. Они пользуются фонариками, и Джон говорит, что смогут найти гораздо больше следов, как только рассветет. - Она сделала паузу. - И они проверили станцию. Там никого нет, даже ночного сторожа.

Несмотря на то, что в комнате работал кондиционер, нагонявший приятную температуру в семьдесят два градуса[169], Стэкхаус вытер пот со лба.

- Это плохо, Джулия, но мы все еще можем контролировать ситуация, не используя это. - Он указал на нижний ящик ее стола, где лежал Нулевой телефон. - Конечно, если он вознамерится направиться к копам в Стербридже, ситуация станет более шаткой. И у него было целых пять часов, чтобы это сделать.

- Даже если бы и вознамерился, то не пошел бы, - сказала она.

- А почему и нет? Он ведь не знает, что сидит на крючке за убийство своих родителей. Он ведь даже не знает, что они мертвы

- Даже если не знает, то подозревает. Он очень умный, Тревор, тебе не стоит об этом забывать. На его месте я бы первым делом сошла с поезда в Стербридже, штат Массачусетс... - Она посмотрела на блокнот. - ... в четыре или пять часов пополудни? Я побегу в библиотеку и прошерстчу Интернет. Если что, держи меня в курсе.

На этот раз они оба посмотрели на запертый ящик.

- О'кей, - сказал Стэкхаус, - нам нужно расширить круг поиска. Мне это не нравится, но выбора действительно нет. Давай выясним, кто у нас есть в окрестностях Стербриджа. Пусть посмотрит, не появился ли он там.

Миссис Сигсби села за свой стол, чтобы начать движение, но телефон зазвонил, как только она к нему потянулась. Она немного послушала, затем передала его Стэкхаусу.

Это был Энди Феллоуз. Он время даром не терял. Похоже, в Стербридже *была* ночная смена, и когда Феллоуз представился

менеджером по инвентаризации грузов из *Даунист Фрейт*, ищущим партию живых омаров, которая где-то потерялась, начальник кладбищенской смены рад был помочь. Нет, никаких живых омаров, в Стербридже не выгружали. И да, большая часть вагонов 4297 ушла дальше, только с гораздо более мощным локомотивом. Теперь он стал поездом 9956, идущим на юг в Ричмонд, Уилмингтон, Дюпре, Брансуик, Тампу и, наконец, Майами.

Стэкхаус записал все это, потом поинтересовался о двух городах, которых не знал.

- Дюпре в Южной Каролине, - ответил Феллоуз. - Обыкновенный полустанок - с гулькин нос, - но это связующее звено для поездов, идущих с запада. У них там целая куча складов. Возможно, поэтому этот город вообще существует. Брансуик в Джорджии. Этот немного больше. Я думаю, что именно там хранят морепродукты.

Стэкхаус повесил трубку и посмотрел на Миссис Сигсби.

- Давай предположим…

- Предположим, - сказала Миссис Сигсби. - Слово, которое делает из тебя осла и…

- Кончай, а?

Никто другой не мог говорить с Миссис Сигсби так резко (не говоря уже о том, чтобы так грубо), но и никому другому не разрешалось называть ее по имени. Стэкхаус начал расхаживать по комнате, его лысая голова блестела в свете ламп. Иногда она спрашивала себя, а не *маслит* ли он её.

- Что мы здесь имеем? - Спросил он. - Я тебе скажу. Сорок или около того сотрудников в Передней Половине и еще две дюжины в Задней Половине, не считая Хекла и Джекла. И все мы друг другу руки моем. Мы должны это делать, но это нам сегодня не поможет. В этом ящике есть телефон, который позволит нам получить все виды помощи, но если мы им воспользуемся, наша жизнь изменится, и не в лучшую сторону.

- Если нам придется воспользоваться этим телефоном, у нас может уже и не быть жизней, - сказала Миссис Сигсби.

Он это проигнорировал.

- У нас есть внештатники по всей стране, хорошая информационная сеть, которая включает в себя полицейских и медиков низкого пошиба, сотрудников отелей, репортеров в небольших городах

и пенсионеров, у которых много времени, чтобы сканировать интернет-сайты. У нас также есть две группы захвата. В нашем распоряжении имеется самолет *Челленджер*, который может быстро доставить любого из нас практически в любое место. И у нас есть мозги, Джулия, наши мозги. Он играет в шахматы, надзиратели часто видели, как он играет с Уилхольмом, но это шахматы, а в эту игру он никогда раньше не играл. Так что давай предположим.

- Хорошо.

- Мы попросим внештатника связаться с полицией в Стербридже. Та же история, что и в Преск-Айле - наш парень говорит, что видел ребенка, который мог быть Эллисом. Нам лучше сделать такую же пробивку в Портленде и Портсмуте, хотя я ни на минуту не поверю, что он так быстро сошел бы с поезда. Стербридж - более вероятно, но я думаю, что наш парень унесет копыта и оттуда.

- Ты уверен, что это не просто принятие желаемого за действительное?

- О, я уверен только в том, что моя задница под угрозой. Но если он думает так же хорошо, как и бегает, это не лишено смысла.

- То есть когда поезд 4297 стал поездом 9956, он в нем и остался. Таково твое предположение.

- Да. 9956 останавливается в Ричмонде примерно в 2 часа ночи. Нам нужен кто-то, предпочтительно несколько человек, которые проследят за этим поездом. То же самое в Уилмингтоне, где состав останавливается между 5 и 6 утра. Но знаешь что? Я не думаю, что он сойдет в любом из этих мест.

- Ты думаешь, что он поедет на нем до конца маршрута.

Тревор, - подумала она, - *ты все выше и выше взбираешься на древо предположения, и каждая ветка становится тоньше предыдущей.*

Но что еще оставалось теперь, когда ребенок исчез? Если бы ей пришлось воспользоваться Нулевым телефоном, ей сказали бы, что они должны были быть готовы к чему-то подобному. Легко говорить, но как *можно предсказать* двенадцатилетнего ребенка, отчаявшегося настолько, что он отрезал себе мочку уха, чтобы избавиться от жучка? Или горничную, готовую помочь и проинструктировать его? Потом ей обязательно скажут, что сотрудники Института стали ленивыми и самоуспокоенными... и что она на это ответит?

- … маршрута.

Она вернулась в “здесь и сейчас” и попросила его повторить.

- Я сказал, что он не обязательно поедет до конца маршрута. Такой умный ребенок, как этот, поймет, что мы обязательно пошлем туда людей, что бы обыскать поезд. Я не думаю, что он захочет сойти в каком-нибудь муниципальном городе. Особенно в Ричмонде, абсолютно незнакомом городе, тем более, посреди ночи. Уилмингтон - возможно - он меньше, и уже будет светло, когда 9956 доберется дотуда - но я склоняюсь к одному из небольших полустанков. Я думаю, что это будет либо Дюпре, Южная Каролина, либо Брансуик, Джорджия. Если он вообще в этом поезде.

- Возможно, он даже не знает, куда направился поезд, когда покинул Стербридж. В таком случае он мог бы проехать на нем весь маршрут.

- Если он лежит рядом с кучей помеченных грузов, то наверняка знает.

Миссис Сигсби поняла, что уже много лет не испытывала такого страха. Может быть, она никогда так не боялась. Они предполагали или просто строили догадки? И если последнее, то, насколько хороша была выстроенная цепочка? Но это все, что у них было на сегодняшний момент, поэтому она кивнула.

- Если он сойдет на одной из этих маленьких станций, мы можем послать туда группу захвата, чтобы забрать его. Боже, Тревор, это было бы идеально.

- *Две* группы. Опаловые и Рубиново-красные. Рубиновые - это та команда, которая привезла его сюда. Приятное совпадение, не так ли?

Миссис Сигсби вздохнула.

- Хотелось бы мне быть уверенной на сто процентов, что он сел в тот поезд.

- На сто, пожалуй, не уверен, но я *почти* не сомневаюсь, и этого достаточно. Стэкхаус одарил ее улыбкой. - Возьми трубку. Разбуди людей. Начнем с Ричмонда. По всей стране мы платим этим парням и девчонкам сколько, не меньше миллиона в год? Так давай заставим некоторых из них отработать свои деньги.

Тридцать минут спустя, Миссис Сигсби установила телефон обратно в свою подставку.

- Если он в Стербридже, то, должно быть, прячется в канализации или в заброшенном доме, или еще где-нибудь - полиция пока его не обнаружила, а если найдут, то сообщат нам. У нас есть люди в Ричмонде и Уилмингтоне, которые будут следить за тем поездом, когда он там остановится, и у них хорошая легенда.

- Я слышал. Молодец, Джулия.

Она устало подняла руку, признавая это.

- Наблюдателям обещан солидный бонус, и он будет еще более солидным - больше похожий на джек-пот провинциальной лотереи, - если наши люди сами поймают мальчика и отвезут его в безопасное для дальнейшей транспортировки место. Вряд ли в Ричмонде - там оба наших простые граждане, но один из парней в Уилмингтоне - полицейский. Молись, чтобы все случилось именно там.

- А как насчет Дюпре и Брансуика?

- В Брансуике за поездом будут наблюдать двое: пастор Методистской церкви из ближайшего городка и его жена. В Дюпре - только один, но парень местный. Ему принадлежит единственный в городе мотель.

20

Люк снова был под водой в погружном баке. Зик не давал ему всплыть, и Огни Штази кружились перед ним. Они были и в его голове, что было в десять раз хуже. Из-за них он чуть не утонул.

Сначала он подумал, что крик, который он услышал, когда очнулся от сна, исходит от него, и удивился, как он мог издавать такой громкий шум под водой. Потом он вспомнил, что находится в товарном вагоне, который был частью подвижного состава, который быстро замедлял ход. Визжали стальные колеса по стальным рельсам.

Цветные точки еще оставались мгновение или два, затем исчезли. В вагоне царила кромешная тьма. Он попытался размять сведенные судорогой мышцы и обнаружил, что зажат. Три или четыре коробки с подвесными лодочными моторами упали. Ему хотелось верить, что он это сделал, мечась в своем кошмаре, но он подумал, что, скорее всего, сделал это усилиями разума, находясь во власти этих проклятых огней. Когда-то пределом его мысленных усилий было сталкивание подносов с ресторанных столов или перевертывание книжных страниц, но

времена изменились. Он изменился. Как же много он не знал, да и не хотел знать.

Поезд еще больше замедлил ход и начал громыхать над стрелками. Люк понимал, что находится в довольно неприятном положении. Его тело еще не было в состоянии полной боевой готовности, но определенно достигло желтого уровня[170]. Он был голоден, и это было плохо, но в сравнении с жаждой, его пустой живот казался незначительной проблемой. Он вспомнил, как скользил вниз по берегу реки к тому месту, где была привязана лодка, и как плеснул себе в лицо холодной водой и зачерпнул ее в рот. Сейчас он отдал бы все за глоток этой речной воды. Он провел языком по губам, но это не помогло; его язык тоже был сухим.

Поезд остановился, и Люк перенес коробки на место, работая на ощупь. Они были тяжелыми, но он справился. Он понятия не имел, где находится, потому что в Стербридже дверь вагона *Саутуэй Экспресс* закрыли наглухо. Он вернулся в свое убежище за ящиками и небольшим машинным оборудованием и стал ждать, чувствуя себя несчастным.

Он снова задремал, несмотря на голод, жажду, переполненный мочевой пузырь и пульсирующее ухо, когда дверь вагона с грохотом распахнулась, впустив поток лунного света. Люку он показался, по меньшей мере, световым наводнением после кромешной темноты, в которой он очнулся. К двери подъезжал грузовик, и какой-то парень что-то кричал.

- Подъезжай... еще немного... тише... еще немного... *Хо-па*!

Двигатель грузовика выключился. Послышался звук открывающейся двери, а затем в вагон запрыгнул мужчина. Люк почувствовал запах кофе, и в животе у него заурчало, достаточно громко, чтобы мужчина услышал. Но нет - когда он выглянул между небольшим трактором и газонокосилкой, то увидел парня, одетого в рабочую униформу, и в наушниках.

К нему присоединился еще один человек и поставил квадратный фонарь, который, к счастью, был направлен на дверь, а не в сторону Люка. Они опустили стальной пандус и начали перетаскивать ящики из грузовика в товарный вагон. На каждом был штамп КЁХЛЕР, этой стороной вверх, и соблюдайте осторожность. Так что, где бы это ни было, это не было концом маршрута.

Мужчины прервались, загрузив десять или двенадцать ящиков, и принялись есть пончики из бумажного пакета. Люку потребовалось все, что у него было - мысли о Зике, удерживающем его в баке, мысли о Близняшках Уилкокс, мысли о Калише и Ники и Бог знает скольких других, от него зависящих, - чтобы не выйти из укрытия, и не попросить у этих людей кусочек, всего один кусочек. И, в конце концов, он обязательно бы это сделал, если бы один из них не сказал кое-что, что заморозило его на месте.

- Эй, ты не видел снующего тут ребенка?

- *Фто?* - Через забитый пончиком рот.

- Ребенка, ребенка. Когда мы поднялись, чтобы взять у инженера тот термос.

- Что здесь может делать ребенок? Сейчас половина третьего ночи.

- О, какой-то парень спрашивал меня, когда я ходил за пончиками. Сказал, что его шурин позвонил ему из Массачусетса, вытащил его из крепкого сна и попросил проверить железнодорожную станцию. Сын парня из Массачусетса сбежал. Сказал еще, что тот всегда бредил о том, чтобы соскочить в Калифорнию.

- Это на другом конце страны.

- *Я* это знаю. И *ты* это знаешь. Может ли ребенок это знать?

- Если бы он хорошо учился в школе, то знал бы, что Ричмонд чертовски далеко от Лос-Анджелеса.

- Да, но ведь это еще и перевалочный пункт. Парень сказал, что он может быть на этом поезде, а потом выйти и попытаться сесть на один из тех, что идет на Запад.

- Ну, я не видел никакого ребенка.

- Парень сказал, что его шурин заплатит вознаграждение.

- Да хоть миллион долларов, Билли, но я все равно не смогу увидеть ребенка, если его здесь нет.

Если у меня снова заурчит в животе, мне конец, - подумал Люк. *Поджарюсь. Во фритюре*.

Снаружи кто-то крикнул:

- Билли! Дуэйн! Осталось двадцать минут, ребята, заканчивайте!

Билли и Дуэйн погрузили еще несколько ящиков *Кёхлеров* в товарный вагон, затем закатили рампу обратно в грузовик и уехали. Люк успел мельком увидеть городской пейзаж - какой именно, он не

знал - а потом появился человек в комбинезоне и железнодорожной фуражке и захлопнул дверь *Саутуэя*... но на этот раз не до конца. Люк догадался, что на рейке есть липкое место. Прошло еще пять минут, прежде чем поезд снова пришел в движение, сначала медленно, стуча по стыкам и стрелкам, а затем все быстрее и быстрее.

Какой-то парень, называющий себя шурином другого парня.

Сказал, что тот всегда бредил о том, чтобы соскочить в Калифорнию.

Они знали, что он исчез, и даже если бы они нашли лодку ниже по течению от Деннисон Ривер Бенд, их бы это не обмануло. Должно быть, они заставили Морин заговорить. Или Эйвери. Мысль о том, что они будут пытать Эйвестера, была слишком ужасна, и Люк ее отогнал. Если его разыскивают, то на следующей станции его тоже будут ждать, а к тому времени уже может заняться рассвет. Они, скорее всего не будут причинять ему боль или убивать, скорее будут наблюдать и докладывать, но вполне вероятно, что они попытаются его схватить. В зависимости от того, сколько людей будет рядом, конечно же. И насколько они в отчаянии. И это тоже.

Возможно, я перехитрил сам себя, сев в поезд, подумал Люк, *но что еще я мог сделать? Они не должны были узнать так быстро.*

Между тем, было одно неудобство, от которого он мог избавиться. Держась за сиденье газонокосилки, чтобы сохранить равновесие, он отвинтил крышку топливного бака культиватора *Джон Дир*, расстегнул ширинку и помочился, как ему показалось, двумя галлонами мочи в пустой бензобак. Нехороший поступок, крайне подлый трюк для будущего владельца культиватора, но и обстоятельства были экстраординарными. Он снова надел крышку бензобака и крепко ее завинтил. Потом он сел на сиденье газонокосилки, положил руки на пустой живот и закрыл глаза.

Подумай о своем ухе, сказал он себе. *Подумай и о царапинах на спине. Подумайте о том, как сильно они болят, и ты забудешь о голоде и жажде.*

Это работало до поры до времени. Пока в его голову не вползли образы детей, которые через несколько часов выйдут из своих комнат и побредут в кафешку на завтрак. Люк был не в силах рассеять образы кувшинов, наполненных апельсиновым соком, и кулера, наполненного красным *Гавайским пуншем*. Он хотел быть там прямо сейчас. Он

выпивал по стакану каждого, потом наполнял свою тарелку яичницей с беконом с парового стола.

На самом деле ты не хочешь там находиться. Желать это было сумасшествием.

Тем не менее, какая-то его часть желала.

Он открыл глаза, чтобы избавиться от образов. Кувшин с апельсиновым соком был упрям, он не хотел уходить... а потом он увидел что-то в пустом пространстве между новыми ящиками и маленькими штуковинами для двигателей. Сначала он подумал, что это игра лунного света, пробивающегося сквозь полуоткрытую дверь вагона, или просто галлюцинация, но когда он дважды моргнул и увидел, что это все еще там, он слез с сиденья косилки и пополз. Справа от него, за дверью товарного вагона, мелькали залитые лунным светом поля. Покидая Деннисон Ривер Бенд, Люк с удивлением и восхищением впитывал в себя все, что видел, но теперь ему было не до внешнего мира. Он мог только смотреть на то, что лежало на полу вагона: крошки от пончиков.

И один кусочек, который был чуть больше крошки.

Он поднял его первым. Чтобы достать те, что поменьше, он смочил большой палец и поднял их таким образом. Боясь потерять самые маленькие в трещинах пола вагона, он наклонился, высунул язык и слизнул их.

21

Настала очередь Миссис Сигсби немного поспать на диване во внутренней комнате, и Стэкхаус закрыл дверь, чтобы ни один телефон - ни стационарный, ни его мобильный - ее не потревожил. Феллоуз позвонил из зала наблюдения без десяти три.

- 9956 покинул Ричмонд, - сказал он. - Никаких признаков присутствия мальчика.

Стэкхаус вздохнул и потер подбородок, чувствуя, как на нем выступает щетина.

- О'кей.

- Жаль, что мы не можем просто остановить этот поезд на запасном пути и обыскать его. Закрыть вопрос о том, есть ли он там раз и навсегда.

- Позор, что весь мир не крутится в большом хороводе, и не поет “Дайте миру шанс”. Во сколько он прибывает в Уилмингтон?

- Должен быть там к шести. Раньше, если они нагонят упущенное время.

- Сколько у нас там человек?

- Сейчас двое, еще один на пути из Голдсборо.

- Они знают, что лучше не напрягаться, верно? Напряженные люди вызывают подозрение.

- Думаю, все с ними будет в порядке. И легенда хорошая. Беглый мальчик, обеспокоенные люди.

- Для тебя лучше, чтобы с ними все было в порядке. Держи меня в курсе.

Доктор Хендрикс вошел в кабинет, не потрудившись постучать. Под глазами у него запали круги, одежда была помята, а волосы стояли дыбом в серо-стальной гриве.

- Есть новости?

- Еще не было.

- А где Миссис Сигсби?

- Получает крайне необходимую передышку. - Стэкхаус откинулся на спинку стула и потянулся. - Диксон не был в баке, не так ли?

- Конечно же, нет. - Донки Конг выглядел слегка обиженным самой этой идеей. - Он ведь не розовый. Самый далекий от этого. Рисковать таким высоким НФГМ, как у него, было бы безумием. Или пытаться расширить его возможности. Что весьма маловероятно, но не невозможно. Сигсби оторвала бы мне голову.

- Она, конечно, не захочет, но он сегодня же туда попадет, - сказал Стэкхаус. - Притопи этого маленького ублюдка, пока он не решит, что мертв, а потом еще раз притопи.

- Ты серьезно? Он - ценная вещь! Один из самых крутых ТП-плюс, которые у нас были за последние годы!

- Меня не волнует, что он может ходить по воде и стрелять электричеством из своей задницы, когда пукает. Он помог Эллису сбежать. Пусть грек это сделает, как только вернется на службу. Он любит совать их в бак. Скажи Зику, чтобы он не убивал его, я понимаю его ценность, но я хочу, чтобы у него был опыт, который он будет помнить столько, сколько сможет. После чего переведите его в Заднюю Половину.

- Но Миссис Сигсби...

- Миссис Сигсби согласна.

Оба мужчины резко обернулись. Она стояла в дверях между кабинетом и своими личными покоями. Первой мыслью Стэкхауса было, что она выглядит так, словно увидела привидение, но это было не совсем так. Она выглядела так, словно сама *была* приведением.

- Делай все так, как он тебе сказал, Дэн. Если это повредит его НФГМ, так тому и быть. Он должен за все заплатить.

22

Поезд снова тронулся, и Люку пришла в голову ещё одно песня, которую пела его бабушка. Она называлась *Полуночный скорый*[171]? Он точно не помнил. Крошки от пончиков только обострили его голод и усилили жажду. Его рот был пустыней, а язык - песчаной дюной. Он задремал, но заснуть не мог. Время шло, он понятия не имел сколько, но, в конце концов, предрассветный свет начал просачиваться в вагон.

Люк прополз по покачивающемуся полу к приоткрытой двери вагона и выглянул наружу. Мимо него проносились деревья, в основном одиноко стоящие, вторичный сосновый лес, маленький городок, поля, потом опять деревья. Поезд промчался по эстакаде, и он с тоской посмотрел на реку, текущую внизу. На этот раз в голову пришла не песня, а поэма Кольриджа[172]. *Вода, вода одна вода*, *но чан лежит вверх дном* подумал Люк, доски вагона поспособствовали психоанализу. *Вода, вода, одна вода, мы ничего не пьем.*

Скорее всего, река давно загрязнена, сказал он себе, но знал, что обязательно бы выпил из нее, даже если это и так. Пил бы, пока живот не раздулся. А если бы и блеванул, то еще лучше, потому что тогда он смог бы выпить больше.

Перед самым восходом солнца, красного и жаркого, он почувствовал в воздухе запах соли. Вместо ферм, теперь, в основном, были склады, заброшенные промышленные здания и старые кирпичные заводы с заколоченными окнами. На фоне светлеющего неба поднимались журавли. Неподалеку взлетали самолеты. Некоторое время поезд ехал рядом с четырехполосной дорогой. Люк видел людей в машинах, которым не о чем было беспокоиться, кроме как о повседневной работе. Теперь он чувствовал запах ила, дохлой рыбы или того и другого вместе.

Я бы съел и дохлую рыбу, если бы она не была вся в личинках, - подумал он. *А может быть, даже если бы и была*. По данным *Нэшнл*

Джеографик[173], личинки являются прекрасным источником органического белка.

Поезд начал замедлять ход, и Люк отступил в свое укрытие. По мере того как его вагон проезжал стыки и стрелки, раздавались новые удары и толчки. Наконец поезд остановился.

Был ранний час, но все равно это было оживленное место. Люк услышал шум грузовиков. Он слышал, как смеются и разговаривают мужчины. Из бумбокса или радио в грузовике звучал Канье[174], бас, как сердцебиение сначала набухал, а затем исчезал. По какой-то другой колее проехал маневровый тепловоз, оставив после себя вонь дизельного топлива. После чего он ощутил несколько резких рывков, - вагоны присоединялись или отсоединялись от основного состава. Мужчины кричали что-то по-испански, и Люк разобрал некоторые ругательства: *пута мерда, нихо де пута, чупаполла*.[175]

Прошло еще немного времени. Ему показалось, что пролетел целый час, но на самом деле прошло всего пятнадцать минут. Наконец к вагону *Саутуэй Экспресс* подъехал грузовик. Парень в рабочем комбинезоне полностью распахнул дверь. Люк наблюдал из своего укрытия за культиватором и газонокосилкой. Парень запрыгнул в товарняк, и проложил между грузовиком и вагоном стальной пандус. На этот раз в бригаде грузчиков было четверо мужчин, двое черных, двое белых, все огромные и в татуировках. Они смеялись и разговаривали с сильным южным акцентом, что навеяло на Люка воспоминания о кантри-певцах из группы БАЗ'Н 102 в его родном городе в Миннеаполисе.

Один из белых парней сказал, что вчера вечером танцевал с женой одного из черных парней. Черный парень притворился, что бьет его, а белый сделал вид, что отшатнулся назад, усаживаясь на кучу картонных коробок с подвесными лодочными моторами, которые Люк недавно сложил на место.

- Давайте, давайте уже, - сказал другой белый парень. - Мне нужно что-нибудь пожрать.

И мне тоже, подумал Люк. *О чел, и мне тоже.*

Когда они начали грузить ящики с *Кёхлерами* в грузовик, Люк подумал, что это все похоже на фильм, только идущий от конца к началу. Что переключило его мысли на фильмы, которые, по словам Эйвери, дети должны были смотреть в Задней Половине, а это, в свою

очередь, возродило точки - большие и сочные. Дверь вагона дернулась на своих роликах, словно собиралась захлопнуться.

- Вау! - Сказал второй черный парень. - А кто там снаружи? - Он посмотрел. - Да нет никого.

- Бугимен, - сказал черный парень, который сделал вид, что ударил белого парня. - Вперед, давайте уже покончим с этим. Начальник станции сказал, что эта сука опаздывает.

Пока еще не конец маршрута, подумал Люк. *Мне не придется здесь находиться до тех пор, пока я умру с голоду, но только потому, что сначала я умру от жажды*. Из прочитанного он знал, что человек может прожить без воды, по меньшей мере, три дня, прежде чем впасть в бессознательное состояние, предшествующее смерти, но сейчас ему так не казалось.

Команда из четырех человек погрузила все большие ящики, кроме двух, в свой грузовик. Люк ждал, что они начнут разбираться с машинами поменьше, и именно тогда-то они его и обнаружат, но вместо этого они загнали свой пандус обратно в грузовик и захлопнули откидную дверцу.

- Вы, ребята, идите, - сказал один из белых парней. Это он шутил насчет того, чтобы пойти потанцевать с женой чернокожего парня. - Мне нужно где-нибудь уединиться. Привязать коня.

- Эй, Мэтти, причеши ему гриву.

- Не могу, - сказал Белый парень. - Он такой большой, что мне придется с него слезть.

Грузовик завелся и уехал. Несколько мгновений стояла тишина, а потом белый парень, Мэтти, забрался обратно в вагон, разминая бицепсы в своей футболке без рукавов. Когда-то лучший друг Люка Рольф Дестин сказал бы об этом: *ружья заряжены на все сто*.

- Ладно, разбойник. Я видел тебя, когда садился на эти ящики. Теперь ты можешь выйти.

23

На мгновение Люк застыл на месте, думая, что если он останется совершенно неподвижным и совершенно безмолвным, то человек решит, что он ошибся, и уйдет. Но это были детские мыслишки, а он уже не был ребенком. Даже близко не был. Поэтому он выполз наружу и попытался встать, но ноги у него затекли, а голова стала легкой. Он бы упал, если бы белый парень его не подхватил.

- Срань господня, парень, кто тебе ухо оторвал?

Люк попытался заговорить. Сначала из его рта не было слышно ничего, кроме кваканья. Он откашлялся и попробовал снова.

- У меня возникли некоторые проблемы. Сэр, у вас есть что-нибудь поесть? Или попить? Я ужасно хочу есть и пить.

По-прежнему не сводя глаз с изуродованного уха Люка, белый парень - Мэтти - полез в карман и вытащил половину рулона *Лайф Сэйверс*[176]. Люк схватил его, оторвал кусок фольги и бросил четыре в рот. Он думал, что вся его слюна исчезла, поглощенная жаждущим воды телом, но рот моментально ей наполнился, словно из невидимых пор, и сахар тут же ударил ему в голову, словно разорвавшаяся бомба. Точки на мгновение вспыхнули, пробежав по лицу белого парня. Мэтти огляделся, словно почувствовав, что кто-то приближается к нему сзади, и перевел взгляд на Люка.

- Когда ты ел в последний раз?

- Не знаю, - ответил Люк. - Не могу точно вспомнить.

- Как долго ты пробыл в поезде?

- Около суток. - Это должно было быть правдой, но казалось, что прошло намного больше.

- Всю дорогу из Янкиленда, так?

- Да. - Мэн почти такой же Янкиленд, как и здесь, - подумал Люк.

Мэтти указал на ухо Люка.

- Кто это сделал? Твой отец? Отчим?

Люк встревоженно уставился на него.

- Кто… как тебе пришла в голову такая мысль? - Но даже в его нынешнем состоянии ответ был очевиден: - Те, кто меня ищет. То же самое было и на последней стоянке поезда. Сколько их? Что они сказали? Что я сбежал из дома?

- Вот именно. Твой дядя. Он привел с собой пару друзей, и один из них полицейский из Райтсвилл-Бич. Они не рассказали что и почему, но да, они сказали, что ты сбежал из Массачусетса. Если это из-за этого, - он показал на ухо, - я тебя понимаю.

То, что один из разыскивающих был полицейским, сильно напугало Люка.

- Я сбежал из Мэна, а не Массачусетса, и мой отец мертв. И моя мама тоже. Все, что они говорят - ложь.

Белый парень обдумал это.

- Так кто же это сделал с твоим ухом, разбойник? Какой-то придурок из приемной семьи?

Это не так уж далеко от истины, подумал Люк. Да, он был в приемном доме, и да, этим домом управляли придурки.

- Все очень сложно. Просто... сэр... если эти люди увидят меня, они меня заберут. Возможно, они не смогли бы этого сделать, если бы с ними не было полицейского, но теперь они наверняка это сделают. Они вернут меня туда, где все это произошло. - Он указал на свое ухо. - Пожалуйста, ничего им не говорите. Пожалуйста, позвольте мне остаться в этом вагоне.

Мэтти почесал затылок.

- Ну не знаю. Ты ребенок, и ты дерьмово выглядишь.

- Я буду выглядеть намного хуже, если эти люди заберут меня с собой.

Поверь, - подумал он со всей силой. *Поверь, поверь*.

- Ну, я не знаю, - повторил Мэтти. - Хотя мне тоже не понравился вид этих троих, скажу тебе честно. Они казались немного нервными, даже полицейский. Кроме того, ты смотришь на парня, который трижды предпринимал попытки сбежать из дома, прежде чем, наконец, не сделал это окончательно. В первый раз я был примерно твоего возраста.

Люк ничего не ответил. По крайней мере, Мэтти двигался в правильном направлении.

- Куда ты направляешься? Ты вообще знаешь?

- Куда-нибудь, где я смогу раздобыть немного еды и воды и подумать, - сказал Люк. - Мне нужно подумать, потому что никто не поверит в историю, которую я расскажу. Особенно если это рассказывает ребенок.

- *Мэтти!* - Крикнул кто-то. - *Возвращайся, чел! Если только не хочешь бесплатную поездку в Южную Каролину!*

- Малыш, тебя похитили?

- *Да*, - сказал Люк и заплакал. - И эти люди... тот, который говорит, что он мой дядя, и полицейский...

- *Мэтти*! *Вытирай задницу и давай сюда!*

- Я говорю правду, - просто сказал Люк. - Если вы хотите мне помочь, отпустите меня.

- Ну и дерьмо. - Мэтти сплюнул за борт товарного вагона. - Кажется, что-то здесь не так, но это твое ухо... эти люди, Ты уверен, что они плохие парни?

- Хуже некуда, - ответил Люк. На самом деле он сам был плохим для этих плохишей, но сможет ли он таковым остаться, зависело от того, что этот человек решит предпринять.

- Ты хоть знаешь, где ты сейчас?

Люк покачал головой.

- Это Уилмингтон. Поезд остановится в Джорджии, потом в Тампе, и закончит свой маршрут в Майами. Если эти люди ищут тебя, *АЭА* или *ЭМБЕР Алерт*[177] или как там бишь они называются, они будут искать во всех этих городах. Но следующая станция, где останавливается этот поезд, - просто дерьмо-точка на карте. Ты мог бы…

- Мэтти, где тебя черти носят? - Теперь гораздо ближе. - Хватит валять дурака. Мы должны расписаться.

Мэтти снова с сомнением посмотрела на Люка.

- Пожалуйста, - сказал Люк. - Они погружали меня в бак с водой. Чуть не утопили меня. Я знаю, в это трудно поверить, но это правда.

Захрустел гравий, шаги приближаясь. Мэтти спрыгнул вниз и захлопнул дверь вагона на три четверти. Люк заполз обратно в свое гнездо за небольшим мотором.

- Я думал, ты собираешься посрать. Что ты там делал?

Люк напрягся, ожидая, что Мэтти скажет: *в этом вагоне находится ребенок, рассказавший какую-то сумасшедшую историю о том, как его похитили в Мэне и засунули в бак с водой, и только для того, чтобы не идти со своим дядей.*

- Я сделал свои д'лишки, а затем захотел взглянуть на эти к'силки *Кубота*, - сказал Мэтти. - Мой мальчик-газонокосильщик сдох бы от зависти.

- Ну, пошли уже, поезд не может ждать. Эй, ты же не видел, чтобы рядом бегал ребенок? Например, запрыгнувший на борт на севере и решивший, что Уилмингтон будет хорошим местом для выгрузки?

Последовала пауза. Потом Мэтти произнес:

- Нет.

Люк сидел, наклонившись вперед. При этом единственном слове он прислонился головой к стене вагона и закрыл глаза.

Через десять минут или около того поезд 9956 резко дернулся, дрожь пробежала по вагонам - теперь их было больше ста - словно волна. Поезд начал катиться, сначала медленно, потом набирая скорость. По полу вагона пробежала тень сигнальной вышки, а потом появилась еще одна тень. Тень человека. Запачканный жиром бумажный пакет влетел в вагон и приземлился на пол.

Он не увидел Мэтти, только услышал его:

- Удачи, разбойник. - А потом тень исчезла.

Люк выполз из своего укрытия так быстро, что ударился головой о корпус газонокосилки. Он даже не заметил этого. В этом пакете был Рай. Он чувствовал его запах.

Рай оказался бисквитом с сыром и колбасой, фруктовым пирогом и бутылкой родниковой воды *Каролина Свитхарт*. Люку пришлось напрячь всю свою силу воли, чтобы не выпить шестнадцатифунтовую бутылку воды за один присест. Он выпил четверть, поставил бутылку на пол, потом снова схватил и закрутил крышку. Он подумал, что если поезд внезапно дернется, то вода обязательно прольется, и он сойдет с ума. Он проглотил бисквит с колбасой в пять укусов и запил его еще одним большим глотком воды. Он слизнул жир с ладони, потом взял воду и фруктовый пирог и пополз обратно в свое гнездо. Впервые с тех пор, как плыл вниз по реке на лодке и смотрел на звезды, он почувствовал, что его жизнь стоит того, чтобы жить. И хотя он практически не верил в Бога, находя доказательства Против чуть сильнее, чем доказательства За, он помолился, но не за себя. Он молился, чтобы гипотетическая высшая сила благословила человека, который назвал его разбойником и бросил коричневый пакет в товарный вагон.

24

С полным животом, ему снова захотелось подремать, но он заставил себя этого не делать.

Поезд остановится в Джорджии, потом в Тампе, и закончит свой маршрут в Майами, сказал Мэтти. *Если эти люди ищут тебя, они будут искать во всех этих городах. Но следующая станция, где останавливается этот поезд, - просто дерьмо-точка на карте.*

Даже в маленьком городке за ним могли организовать слежку, но Люк не собирался ехать в Тампу или Майами. Затеряться среди большого количества людей было привлекательно, но в больших

городах было слишком много полицейских, и к настоящему времени у всех у них, вероятно, была фотография мальчика, подозреваемого в убийстве своих родителей. Кроме того, логика подсказывала ему, что он не сможет так долго скрываться. То, что Мэтти его не сдал, было фантастической удачей; рассчитывать на другую было бы глупо.

Люк подумал, что в его руках, скорее всего, есть один старший козырь. Нож для чистки овощей, который Морин оставила под матрасом, куда-то исчез, но флешка все еще была при нем. Он понятия не имел, что на ней, может там нет ничего, кроме бессвязного признания вины, которое звучало бы как сплошная тарабарщина, перемежаемая стонами о ребенке, которого она отдала на усыновление. С другой стороны, там могли быть доказательства. Реальные вещи.

Наконец поезд снова начал замедлять ход. Люк подошел к двери, придержал ее, чтобы сохранить равновесие, и высунулся наружу. Он увидел множество деревьев, двухполосную асфальтированную дорогу, затем задние стены домов и строений. Поезд проехал семафор: желтый. Возможно, это и есть та самая дерьмо-станция, о которой рассказывал Мэтти; а возможно, поезд просто немного замедлили, чтобы расчистить путь для другого поезда, который должен был прибыть на станцию раньше. Возможно, так для него будет даже лучше, потому что если на станции его ждет обеспокоенный дядя, он будет ждать на вокзале. Впереди виднелись склады со сверкающими металлическими крышами. За складами тянулась двухполосная дорога, а за ней - еще деревья.

Твоя задача, - сказал он себе, - *как можно незаметнее спрыгнуть с поезда и скрыться за деревьями. И не забудь, что надо сразу начать бежать по ходу движения, если не хочешь пропахать носом землю.*

Он начал раскачиваться взад-вперед, все еще держась за дверь, сжав губы в тонкую напряженную линию - сама сосредоточенность. Это была та самая станция, о которой ему говорил Мэтти, потому что теперь он видел впереди здание вокзала. На крыше здания, выложенной из выцветшей зеленой черепицы, виднелась надпись: ДЮПРЕ, ЮЖНОЕ И ЗАПАДНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ.

Пора прыгать, - подумал Люк. Ему совершенно не хотелось встречаться ни с какими дядями.

- Один...

Он качнулся вперед.

- Два...

Он качнулся назад.

- *Три!*

Люк прыгнул. Он начал бежать еще в воздухе, но забуксовал, приземлившись на щебенку рядом с рельсами, его тело двигалось со скоростью поезда, которая все еще была быстрее, чем его ноги могли бежать. Верхняя часть тела наклонилась вперед, а руки вытянулись за спиной: в попытке сохранить равновесие, он выглядел как конькобежец, приближающийся к финишу.

Как только он начал думать, что его ноги смогут достичь нужной скорости, и он не растянется на земле, кто-то крикнул:

- *Эй, берегись!*

Он резко поднял голову и увидел человека на погрузчике на полпути между складами и депо. Еще один человек поднимался с кресла-качалки в тени крыши станции, держа в руке журнал, который ранее читал. Этот закричал:

- *Берегись, столб!*

Люк увидел еще один сигнальный семафор, на этот раз мигающий красным, но было уже слишком поздно, чтобы сбавлять скорость. Он инстинктивно повернул голову и попытался поднять руку, но ударился о стальной столб на полной скорости, прежде чем смог поднять её до конца. Правая сторона его лица столкнулась со столбом, его больное ухо приняло на себя основную тяжесть удара. Он отлетел, ударился о щебенку и откатился от рельсов. Люк не потерял сознания, но потерял *ориентиры*, когда небо качнулось в сторону, качнулось назад, потом снова в сторону. Он почувствовал, как по щеке струится тепло, и понял, что ухо снова кровоточит - бедное, измученное ухо. Внутренний голос кричал ему, чтобы он вставал и бежал в лес, но слышать и прислушаться - это две разные вещи. Когда он попытался подняться на ноги, ему это не удалось.

Мой вездеход сломался, подумал он. *Вот дерьмо. Что за херня.*

Потом над ним склонился человек с погрузчика. С того места, где лежал Люк, он казался примерно шестнадцати футов ростом. Линзы его очков отражали солнце, делая невозможным разглядеть его глаза.

- Господи, парень, какого черта ты тут делаешь?

- Пытаюсь сбежать. - Люк не был уверен, что он действительно это говорит, но подумал, что, возможно, так оно и было. - Я не могу

позволить им добраться до меня, пожалуйста, не позволяйте им добраться до меня.

Мужчина наклонился.

- Перестань мямлить, я все равно тебя не понимаю. Ты чертовски сильно ударился об этот столб, и истекаешь кровью, как зарезанная свинья. Пошевели ногами.

Люк это сделал.

- А теперь пошевели руками.

Люк поднял их вверх.

Кресло-качалка присоединился к Погрузчику. Люк попытался использовать свою недавно приобретенную ТП, чтобы прочитать мысли одного из них или обоих, и понять, что они знают. Ничего не получилось; когда дело дошло до чтения мыслей, ситуация вышла из-под контроля. Насколько он понимал, удар, который он получил при столкновении со столбом, выбил у него из головы всю ТП.

- С ним все в порядке, Тим?

- Думаю, да. Я надеюсь, что да. В протоколе оказания первой помощи сказано, что нельзя переносить людей, с травмой головы, но я собираюсь рискнуть.

- Кто из вас мой дядя? - Спросил Люк. - Или вы оба?

Кресло-качалка нахмурился.

- Ты понимаешь, о чем он говорит?

- Нет. Я отнесу его в подсобку к Мистеру Джексону.

- Я возьму его за ноги.

Люк полностью пришел в себя. Его ухо реально в этом помогло. Ему казалось, что оно хочет просверлить ему голову. И, может быть, спрятаться там.

- Не надо, я сам его донесу, - ответил Погрузчик. - Он не тяжелый. Я хочу, чтобы ты позвонил Доку Роуперу и попросил его прибыть на дом.

- Скорее на *склад*, - сказал Кресло-качалка и засмеялся, обнажив пожелтевшие колышки зубов.

- Ну да. Иди и сделай это. Воспользуйся телефоном на станции.

- Да, сэр. - Кресло-качалка отсалютовал Погрузчику и тронулся в путь. Мужчина поднял Люка на руки.

- Отпусти меня, - сказал Люк. - Я могу идти на своих ногах.

- Ты так думаешь? Посмотрим, как у тебя получится.

Люк покачнулся, но удержал равновесие.

- Как тебя зовут, сынок?

Люк задумался, не уверенный в том, что хочет говорить свое настоящее имя, пока не узнает, был ли этот человек дядей или нет. Он выглядел нормальным... впрочем, как и Зик в Институте, когда пребывал в хорошем настроении.

- А тебя? - Ответил он вопросом на вопрос.

- Тим Джеймисон. Давай хотя бы уберемся с солнца.

25

Норберт Холлистер, владелец ветхого мотеля, который продолжал функционировать только благодаря ежемесячному жалованию Холлистера на должности Институтского внештатника, воспользовался телефоном на вокзале, чтобы позвонить Доку Роуперу, но сначала он воспользовался своим мобильником, чтобы позвонить по номеру, который получил рано утром. Тогда он разозлился, что его разбудили. Теперь, однако, он был в восторге.

- Этот парень, - сказал он. - Он здесь.

- Одну секунду, - сказал Энди Феллоуз. - Сейчас переключу тебя.

Последовало короткое молчание, а затем другой голос произнес:

- В Дюпре, Южная Каролина?

- Да. Тот парень, которого вы ищите, только что спрыгнул с товарняка. Ухо все разорвано. Дают ли еще за него вознаграждение?

- Да. И оно будет больше, если ты удостоверишься, что он останется в городе.

Норберт рассмеялся.

- О, я думаю, он останется. Он ударился о семафорный столб, и тот слегка оглушил его.

- Не теряй его из виду, - сказал Стэкхаус. - Я хочу, чтобы ты мне звонил каждый час. Понял?

- Предоставлял обновленную информацию?

- Да, все так. Остальное - наша забота.

АД УЖЕ ЗДЕСЬ

1

Тим повел окровавленного парня, все еще оглушенного, но идущего самостоятельно, через офис Крейга Джексона. Владелец

Дюпре Сториджэнд Складинг жил в соседнем городе Даннинг. Он был в разводе уже пять лет, и просторная, кондиционированная комната позади основного офиса служила ему запасным аэродромом. Джексона там уже не было, что не удивило Тима; в те дни, когда 56-й останавливался, а не мчался литерным, Крейг имел обыкновение смываться.

За маленькой кухонькой с микроволновой печью, плитой и крошечной раковиной была гостиная, которая состояла из мягкого кресла, установленного перед HD телевизором. А еще древние фотомодели из *Плейбоя* и *Пентхауса* смотрели со стен на аккуратно застеленную походную кровать. Тима думал уложить ребенка на нее, пока не придет Док Роупер, но мальчик покачал головой.

- Я сяду.

- Ты уверен?

- Да.

Мальчик сел. Подушка издала усталый гулкий звук. Тим опустился перед ним на колено.

- Ну а теперь, как насчет имени?

Мальчик с сомнением на него посмотрел. Кровь уже не лилась, но его щека была покрыта запекшимися струпьями, а правое ухо представляло собой рваный ужас.

- Вы *меня* поджидали?

- Нет, поезд. Я работаю здесь по утрам. Дольше, когда останавливается 9956. А теперь скажешь, как тебя зовут?

- А кто тот, другой парень?

- Больше никаких ответов, пока я не узнаю имя.

Парень задумался, потом облизал губы и сказал:

- Ник Уилхольм.

- Ладно, Ник. - Тим сделал знак мира. - Сколько пальцев ты видишь?

- Два.

- Сейчас?

- Три. Тот, другой парень, он говорил, что он мой дядя?

Тим нахмурился.

- Это Норберт Холлистер. Он владелец местного мотеля. Если он и чей-то дядя, то я об этом ничего не знаю. - Тим поднял один палец. - Следи за ним. Дай мне посмотреть, как двигаются твои зрачки.

Глаза Ники следили за его пальцем влево и вправо, затем вверх и вниз.

- Я думаю, с тобой все не так уж плохо, - сказал Тим. - Во всяком случае, надежда на выздоровление есть. От кого ты бежишь, Ник?

Парень выглядел встревоженным и попытался встать со стула.

- Кто тебе об этом сказал?

Тим мягко толкнул его назад.

- Никто. Просто всякий раз, когда я вижу, как ребенок в грязной разорванной одежде и с оторванным ухом прыгает с поезда, я делаю дикое предположение, что он сбежал. А теперь от кого…

- Что за крики? Я слышала... Господи-ж-Боже-ж-мой, что случилось с этим мальчиком?

Тим обернулся и увидел Сиротку Энни Леду. Должно быть, она была в своей палатке за депо. Она часто приходила туда вздремнуть в середине дня. Хотя в десять утра термометр на улице показывал восемьдесят пять градусов[178], Энни была одета в то, что Тим называл ее Полным мексиканским прикидом: серапе, сомбреро, мусорные браслеты и ковбойские сапоги, треснувшие по швам.

- Это Ник Уилхольм, - сказал Тим. - Он приехал в нашу прекрасную деревушку Бог знает откуда. Спрыгнул с 56-го и на полном ходу врезался в семафорный столб. Ник, это Энни Леду.

- Очень рад познакомиться, - сказал Люк.

- Спасибо, сынок, та же ерунда. Это семафорный столб оторвал ему половину уха, Тим?

- Я так не думаю, - ответил Тим. - Я надеялся услышать эту историю.

- Так это *вы* ждали, когда придет поезд? - Спросил ее мальчик. Казалось, он на этом зациклен. Может, потому, что сильно саданулся головой, а может, и по какой-то другой причине.

- Я ничего не жду, кроме возвращения Господа нашего Иисуса Христа, - сказала Энни. Она огляделась по сторонам. - У мистера Джексона на стене висят неприличные картинки. Не могу сказать, что я удивлена. - *Не могу* прозвучало как *не м'гу*.

В этот момент в комнату вошел человек с оливковой кожей, одетый в комбинезон поверх белой рубашки с темным галстуком. На голове у него красовалась полосатая кепка машиниста тепловоза.

- Привет, Гектор, - сказал Тим.

- Привет и тебе, - сказал Гектор. Он взглянул на окровавленного мальчишку, сидевшего в кресле Крейга Джексона, не выказывая особого интереса, а затем снова обратил свой взгляд на Тима.

- Помощник говорит, что у меня есть для вас пара генераторов, куча газонокосилок и тому подобной ерунды, около тонны консервов и еще тонна свежих продуктов. Я опаздываю, Тимми, мой мальчик, и если ты меня сейчас не разгрузишь, то будешь вынужден высылать целую флотилию грузовиков в Брансуик, чтобы этот город наконец-то получил все свои товары.

Тим встал.

- Энни, ты не могла бы составить компанию этому молодому человеку, пока не приедет доктор? Мне нужно немного поработать на погрузчике.

- С этим я справлюсь. Если он закатит истерику, я засуну ему что-нибудь в рот.

- Я не собираюсь устраивать истерику, - сказал мальчик.

- Они все так говорят, - довольно туманно возразила Энни.

- Сынок, - сказал Гектор, - ты что, забрался в мой поезд?

- Да, сэр. Извините.

- Ну, раз уж ты из него выбрался, сделаем вид, что мне все равно. Думаю, копы с тобой разберутся. Тим, я вижу, у тебя тут проблемы, но груз ждать не будет, так что поспеши, будь любезен. Где твоя чертова команда? Я видел только одного парня, и он на стации, разговаривает по телефону.

- Это Холлистер, хозяин местного мотеля, и я никогда не видел, чтобы он что-нибудь разгружал. За исключением, может быть, своего кишечника, - первое дело с утра.

- Отвратительно, - сказала Сиротка Энни, хотя, возможно, она имела в виду постеры, которые все еще изучала.

- Ребята Бимана должны быть здесь, а еще двое, похоже, опаздывают. Вроде тебя.

- Ах, Господи. - Гектор снял фуражку и провел рукой по густым черным волосам. - Ненавижу все эти а-у-вас-молоко-убежало хлопоты. Разгрузка в Уилмингтоне тоже шла медленно. Проклятый *Лексус* застрял на одном из переездов. Ну, давай пойдем, посмотрим, что мы можем сделать.

Тим последовал было за Гектором к двери, потом развернулся.

- Тебя ведь зовут не Ник, верно?

Мальчик задумался, потом сказал:

- Пока и этого достаточно.

- Не позволяй ему ходить, - сказал Тим Энни. - Если он попытается, крикни мне. - И окровавленному мальчику, который выглядел очень маленьким и сильно потрепанным: - Мы все обсудим, когда я вернусь. Согласен?

Малыш задумался, потом устало кивнул.

- Наверное. Разве у меня есть выбор?

2

Когда мужчины ушли, Сиротка Энни нашла в корзине под раковиной пару чистых тряпок. Смочив их холодной водой, она туго отжала одну, а другую просто стряхнула. Она протянула ему отжатую. - Приложи к уху.

Люк так и сделал. Это было больно. Другой тряпкой она смыла кровь с его лица, работая с такой нежностью, что он подумал о своей матери. Энни прекратила свое колдовство и с такой же нежностью спросила его, почему он плачет.

- Я скучаю по маме.

- Держу пари, она тоже по тебе скучает.

- Нет, если только душа каким-то образом не сохраняется после смерти. Мне бы хотелось в это верить, но эмпирические данные показывают, что это не так.

- Сохраняется? О, это уж *точно*. - Энни подошла к раковине и начала смывать кровь с тряпки, которой пользовалась. - Некоторые говорят, что ушедшие души проявляют интерес к земной сфере не больше, чем мы заботимся о муравьях в муравейниках, но я не принадлежу к их числу. Я считаю, что они обращают на нас внимание. Мне жаль, что она умерла, сынок.

- Как ты думаешь, они продолжают любить? - Идея была глупой, он знал, но это была *хорошая* глупость.

- Конечно. Любовь не умирает вместе с земным телом, сынок. Это совершенно нелепая идея. Сколько времени прошло с тех пор, как она умерла?

- Может, месяц, может, шесть недель. Я потерял счет времени. Их убили, а меня похитили. Я знаю, что в это трудно поверить…

Энни занялась оставшейся кровью.

- Нетрудно, если ты в теме. - Она постучала себя по виску под краем сомбреро. - Они приехали на черных машинах?

- Не знаю, - ответил Люк, - но я бы не удивился.

- И они проводили над тобой эксперименты?

У Люка отвисла челюсть.

- Откуда ты знаешь?

- Джордж Оллман, - сказала она. - Он работает на *Дабл-Ю-Эм-Ди-Кей* с полуночи до четырех утра. Его шоу - о пришельцах, НЛО и экстрасенсорных способностях.

- Экстрасенсорных способностях? Правда?

- Да, и о заговорах тоже. Ты знаешь о заговорах, сынок?

- Кое-что, - ответил Люк.

- Шоу Джорджа Оллмана называется *Чужаки*. Люди звонят, но в основном говорит только он. Он не говорит, что все это происки инопланетян, или правительства, или правительства, *в связке* с инопланетянами, он осторожен, потому что не хочет исчезнуть или получить пулю, как Джек и Бобби[179], но он все время говорит о черных машинах и экспериментах. Штуках, которые могут сделать твои волосы седыми. Ты знал, что Сын Сэма[180] был ходячим? Нет? Ну вот, а он был. Затем дьявол, который был внутри него, вышел наружу, оставив только оболочку. Подними голову, сынок, у тебя вся шея в крови, и если она засохнет до того, как я ее смою, мне придется ее соскабливать.

3

Ребята Бимана, - пара огромных неуклюжих подростков, проживающих в трейлерном парке к югу от города, - появились в четверть первого, Тим как раз прервался на перекус. К тому времени большая часть вещей для *Отдела продаж и обслуживания малых локомотивов Фромми* уже стояла на потрескавшемся бетоне станции. Если бы это зависело от Тима, он бы немедленно уволил Биманов, но они были связаны с мистером Джексоном какими-то крепкими южными узами, так что это был не вариант. Кроме того, он нуждался в их помощи.

К половине первого Дэл Биман подогнал большой грузовик с надставленными бортами к дверям товарного вагона *Каролина Продакшн*, и они начали грузить в него ящики с салатом, помидорами, огурцами и кабачками. Гектор и его помощник, заинтересованные не в

свежести овощей, а только в том, чтобы поскорей убраться к чертовой матери из Южной Каролины, вступили в игру. Норб Холлистер стоял в тени навеса депо, внимательно наблюдая за происходящим, и больше ничего. Тим находил его присутствие несколько странным - раньше он не проявлял никакого интереса к прибытию и отправлению поездов, - но был слишком занят, чтобы об этом думать.

Старый фургон марки *Форд* въехал на небольшую стоянку станции без десяти час, как раз когда Тим погрузил последние ящики с продуктами в кузов грузовика, который должен был доставить их в бакалейную лавку Дюпре... если предположить, что Фил Биман сделает все как надо. До неё было меньше мили, но сегодня утром Фил говорил медленно, а его глаза были красными, как у маленького зверька, смотрящего на костер. Не нужно было быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что он баловался каким-то запретным табачком. Он и его брат, оба.

Док Роупер вышел из своего фургона. Тим помахал ему рукой и указал на склад, где мистер Джексон организовал свой офис/берлогу. Роупер помахал в ответ и направился в ту сторону. Он был доктором старой школы, почти до карикатурности; из тех врачей, которые пока еще практикуют в тысяче бедных сельских районов, где ближайшая больница находится в сорока или пятидесяти милях, Обамакер[181] рассматривается как либерастское богохульство, а поездка в *Уолмарт* считается праздником. Он был полноват, старше шестидесяти лет, - упертый баптист, не расстающийся с Библией, а также стетоскопом в черном мешке, который передавался от отца к сыну в течение трех поколений.

- Что с этим ребенком? - Спросил помощник машиниста, вытирая лоб платком.

- Не знаю, - ответил Тим, - но намерен это выяснить. Давайте, ребята, набирайте обороты и вперед. Если только ты не хочешь оставить мне один из этих *Лексусов*, Гектор. С удовольствием обкатаю его, как выдастся свободная минутка.

- *Чупа ми полла*[182], - сказал Гектор. Затем он пожал Тиму руку и направился обратно к своему тепловозу, надеясь наверстать упущенное время по дороге между Дюпре и Брансуиком.

4

Стэкхаус намеревался отправиться на *Челленджере* с двумя группами захвата лично, но Миссис Сигсби дала ему от ворот поворот. Она могла это сделать, потому что была его начальницей. Разочарование на лице Стэкхауса при этом граничило с оскорблением.

- Сотри это выражение со своего лица, - сказала она. - Как ты думаешь, чья голова покатится, если все пойдет наперекосяк?

- Обе наши головы, но это не должно нас останавливать.

- Да, но чья же оторвется первой и покатится дальше?

- Джулия, это полевая операция, а ты никогда раньше в таковой не участвовала.

- Со мной будут Рубиновые и Опаловые, четверо крепких мужчин и три крутые женщины. С нами также будут Тони Фиццейл, бывший морской пехотинец, доктор Эванс и Вайнона Бриггс. Она из бывших военных, и у нее есть некоторые навыки фильтрации. Как только начнется активная фаза, руководить операцией будет Дэнни Уильямс, но я намерена быть там, и я намерена писать рапорт с точки зрения простого землянина. - Она сделала паузу. - То есть, если понадобится какой-то рапорт, а я начинаю верить, что в этом не будет никакой необходимости. - Она посмотрела на свои часы. Двенадцать тридцать. - Больше никаких споров. Нам нужно седлать коней. Если все пройдет ровно, я вернусь сюда завтра к двум часам ночи.

Он вышел вместе с ней за дверь и направился к закрытой шлагбаумом грунтовой дороге, которая, в конце концов, выводила к двухполосному асфальтированному шоссе в трех милях к востоку. День был жаркий. Сверчки пели в густом лесу, через который чертов мальчишка каким-то образом нашел дорогу. Перед шлагбаумом на холостом ходу работал фургон *Форд Уиндстар*, за рулем сидела Робин Лекс. Рядом с ней сидела Мишель Робертсон. Обе женщины были одеты в джинсы и черные футболки.

- Отсюда до Преск-Айла, - проговорила Миссис Сигсби. - Девяносто минут. От Преск-Айла до Эйри, штат Пенсильвания, еще семьдесят. Там мы подбираем команду Опаловых. От Эйри до Алколу, Южная Каролина, два часа, плюс-минус. Если все пойдет ровно, мы будем в Дюпре к семи вечера.

- Оставайся на связи и помни, что Уильямс за главного, как только станет жарко. Не ты.

- Так и сделаю.

- Джулия, я думаю, что это ошибка. Там должен быть я.

Она повернулась к нему лицом.

- Скажи это еще раз, и я слечу с катушек. - Она подошла к фургону. Денни Уильямс открыл перед ней боковую дверь. Миссис Сигсби начала садиться в машину, потом повернулась к Стэкхаусу. - И проследи, чтобы к моему возвращению Эйвери Диксон был хорошо вымыт и переведен в Заднюю Половину.

- Донки Конгу эта идея не нравится.

Она одарила его устрашающей улыбкой.

- Разве я выгляжу так, будто мне это не пофиг?

5

Тим проследил за тем, как поезд тронулся, и вернулся в тень навеса станции. Его рубашка насквозь промокла от пота. Он был удивлен, увидев Норберта Холлистера, все еще стоящего там. Как обычно, он был одет в пестрый жилет и грязные брюки цвета хаки, сегодня затянутые плетеным ремнем чуть ниже груди. Тим задумался (и не в первый раз), как он мог носить брюки так высоко и не раздавить свои яйца к чертовой матери.

- Что ты здесь делаешь, Норберт?

Холлистер пожал плечами и улыбнулся, обнажив зубы, вид которых мог бы перебить аппетит не только Тиму. - Просто коротаю время. После обеда у старого ранчеро не так уж много дел.

Как будто это утро или вечер, - подумал Тим. *А почему бы тебе не положить яйцо в башмак и не взбить его?*

Норберт вытащил из заднего кармана мешочек с *Ред Мэном*[183] и сунул немного в рот.

Вот это-то и объясняет, - подумал Тим, - *цвет его зубов*.

- Кого-то убили и ты теперь Папа Римский?

- Звучит как предложение, - сказал Тим. - Не доводи до греха, уходи.

- Ладно, ладно, я понял намек. Хорошего вам дня, мистер ночной стучащий.

Норберт неторопливо удалился. Тим, нахмурившись, посмотрел ему вслед. Иногда он видел Холлистера в *Закусочной Бев* или в *Зоуни*, покупающим жареный арахис или сваренное вкрутую яйцо, но в остальном он редко покидал свой офис в мотеле, где смотрел спорт и

порно по спутниковому телевидению. В отличие от тех телевизоров, что были в комнатах, там оно работало.

Сиротка Энни ждала Тима в приемной Мистера Джексона, сидя за столом и листая бумаги в корзине для входящей и исходящей корреспонденции Джексона.

- Это не твое дело, Энни, - мягко сказал Тим. - И если ты напортачишь, у меня будут неприятности.

- В любом случае, ничего инт'ресного здесь нет, - сказала она. - Только счета, графики и все такое. Хотя у него *есть* карта со скидкой на еду в том топлесс-кафе в Хардивилле. Еще два посещения, и он получит бесплатный завтрак по типу “шведский стол”. Хотя обедать, глядя на какую-то женскую дырень... бррр.

Тим никогда не думал об этом с такой точки зрения, и теперь, когда он это сделал, то тут же пожалел об этом.

- Да. Я остановила кровотечение, но теперь ему придется носить длинные волосы, потому что это ухо никогда не будет выглядеть как раньше. А теперь послушай меня. Родители этого мальчика были убиты, а он похищен.

- Часть заговора? - Они с Энни много говорили о заговоре во время его ночных обходов.

- Совершенно верно. Они приехали за ним на черных машинах, учти это, и если они его выследят, то приедут за ним и сюда.

- Заметано, - сказал он, - и я обязательно поговорю об этом с Шерифом Джоном. Спасибо, что умыла и присмотрела за ним, но теперь, я думаю, тебе лучше уйти.

Она встала и встряхнула серапе.

- Правильно, ты обязательно должен сказать об этом Шерифу Джону. Вы все должны быть начеку. Они склонны приезжать в полной боевой боеготовности. В Мэне есть город, Джерусалемс-лот, и вы можете расспросить людей, которые там жили, о мужчинах в черных машинах. Если, конечно, вам удастся найти хоть одного. Все они исчезли сорок или больше лет назад. Джордж Оллман все время говорит об этом городе.

- Понятно.

Она направилась к двери, придерживая серапе руками, потом повернулась.

- Ты мне не веришь, и я ничуть не удивлена. А с чего бы мне верить? Я была городской сумасшедшей в течение многих лет, прежде чем ты сюда пришел, и если Господь не заберет меня, я буду городской сумасшедшей и через несколько лет после того, как ты отсюда уйдешь.

- Энни, я никогда…

- Помолчи. - Она свирепо уставилась на него из-под сомбреро. - Это все - правда. Но обрати, пожалуйста, внимание на то, что я тебе сказала. Это не мои выдумки... это с *его* слов. Этого мальчика. Значит, нас уже двое, понятно? И ты должен помнить, о чем я тебе говорю. *Они приезжают на черных машинах.*

6

Док Роупер убирал в сумку те немногие инструменты, которыми воспользовался. Мальчик все еще сидел в кресле Мистера Джексона. Его лицо было очищено от крови, а ухо забинтовано. От столкновения с семафорным столбом на правой стороне его лица появился хороший синяк, но глаза оставались ясными и настороженными. Док нашел в маленьком холодильнике бутылку имбирного эля, и мальчик быстро с ней расправился.

- Сидите спокойно, молодой человек, - сказал Роупер. Он захлопнул сумку и подошел к Тиму, стоящему в дверях гостиной.

- С ним все в порядке? - Спросил Тим, понизив голос.

- У него обезвоживание, он голоден, уже давно ничего не ел, но в остальном он, кажется, в порядке. Дети его возраста оправляются и от худшего. Он говорит, что ему двенадцать, он говорит, что его зовут Ник Уилхольм, и он говорит, что сел на поезд, с которого все началось, в Северном Мэне. Я спрашиваю его, что он там делал, он говорит, что не может мне этого сказать. Я спрашиваю его адрес, он говорит, что не может вспомнить. Вполне вероятно, что сильный удар по голове может вызвать временную дезориентацию и скремблирование памяти, но я на этом собаку съел, и я могу ясно увидеть разницу между амнезией и скрытностью, особенно у ребенка. Он что-то скрывает. А может, и много чего.

- О'кей.

- Мой совет? Пообещай накормить его в кафе большим количеством старой доброй жрачки, и ты услышишь историю целиком.

- Спасибо, Док. Пришли мне счет.

Роупер отмахнулся.

- Ты купишь мне большое количество старой доброй жрачки где-нибудь в более шикарном месте, чем у *Бев*, и мы назовем сделку закрытой. - В густом дикси-акценте Дока закрытой вышло закр'той. - И после того, как ты услышишь его историю, я тоже хочу ее услышать.

Когда он ушел, Тим закрыл дверь, так что остались только он и мальчик, и достал из кармана мобильник. Он позвонил Биллу Уиклоу, помощнику шерифа, который должен был после Рождества взять на себя обязанности ночного стучащего. Мальчик внимательно наблюдал за ним, допивая остатки холодного напитка.

- Билл? Это Тим. Да, все хорошо. Просто хотел узнать, не хочешь ли ты немного побегать по ночным делам сегодня вечером. Обычно в это время я ложусь спать, но на вокзале кое-что произошло. - Он прислушался. - Отлично. Я твой должник. Я оставлю часы в полицейском участке. Не забывай, что ты должен их завести. И спасибо.

Он закончил разговор и внимательно посмотрел на мальчика. Синяки на его лице расцветут, а через неделю-другую исчезнут. А вот смена выражения его глаз может занять гораздо больше времени.

- Тебе уже лучше? Головная боль проходит?

- Да, сэр.

- Забей на сэра, ты можешь называть меня Тим. А как мне тебя называть? Как твое настоящее имя?

После недолгого колебания Люк ему сказал.

7

В плохо освещенном туннеле между Передней и Задней Половиной было холодно, и Эйвери сразу же начал дрожать. На нем все еще была одежда, в которой он был, когда Зик и Карлос вытащили его маленькое бесчувственное тело из погружного бака, и она промокла насквозь. Его зубы начали стучать. И все же он держался за то, что узнал. Это было важно. Теперь все было важно.

- Хватит стучать зубами, - сказала Глэдис. - Это отвратительный звук. - Она толкала инвалидное кресло, в котором он сидел, и ее улыбка где-то потерялась. Слухи о том, что натворил этот маленький засранец, распространились повсюду, и, как и все остальные сотрудники Института, она была в ужасе и останется в таком состоянии до тех пор, пока Люка Эллиса не притащат обратно, и все они не смогут выдохнуть с облегчением.

- Н-н-н-ни чем не могу п-п-помочь, - сказал Эйвери. - Мне оч-ч-чень х-х-холодно.

- Думаешь, мне есть до этого дело? - Повышенный голос Глэдис эхом отразился от кафельных стен. - Ты хоть представляешь, что натворил? Ты вообще, о чем-нибудь думаешь?

Эйвери думал. На самом деле, у него было много мыслей, некоторые из них принадлежали Глэдис (ее страх был подобен белке, бегущей в колесе прямо в середине ее головы), некоторые были его собственными.

Как только они вошли в дверь с табличкой ТОЛЬКО ДЛЯ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ЛИЦ, стало немного теплее, а в обшарпанном коридоре, где их ожидала доктор Джеймс (ее белый халат был застегнут неправильно, волосы растрепаны, на лице застыла большая глупая улыбка), стало еще теплее.

Дрожь Эйвери начала сходить на нет, потом прекратилась, но цветные Огни Штази вернулись. Это было хорошо, потому что он мог заставить их уйти в любое время, когда захочет. Зик чуть не убил его в том баке. На самом деле, прежде чем Эйвери полностью потерял сознание, он думал, что уже мертв. Но бак еще и изменил в нем кое-что. Он понимал, что так случается с некоторыми детьми, которые в него попадают, но думал, что с ним все гораздо серьезнее. И прибавка ТК к ТП - наименьшее из произошедших изменений. Глэдис страшно боялась того, что может случиться из-за Люка, но у Эйвери мелькнула мысль, что он, Эйвери, мог бы напугать ее *этим изменением* до усрачки, если бы захотел.

Но сейчас еще было не время.

- Привет, молодой человек! - Воскликнула доктор Джеймс. Она говорила, как политик в телевизионной рекламе, и ее мысли летали вокруг, как обрывки бумаги, подхваченные сильным ветром.

С ней действительно что-то не так, - подумал Эйвери. - *Это похоже на радиационное отравление, только в мозгу, а не в костях.*

- Привет, - сказал Эйвери.

Доктор Джекл откинула голову назад и рассмеялась так, словно этот *Привет* был кульминацией самой смешной шутки, которую она когда-либо слышала.

- Мы не ждали вас так скоро, но добро пожаловать, добро пожаловать! Некоторые из ваших друзей здесь!

Я знаю, - подумал Эйвери, - *и не могу дождаться, когда с ними встречусь. И я думаю, они будут рады меня видеть.*

- Но для начала нам нужно снять с тебя эту мокрую одежду. - Она бросила на Глэдис укоризненный взгляд, но та была занята тем, что чесала руки, пытаясь избавиться от зуда, бегущего по коже (или под ней). *Удачи тебе в этом нелегком деле*, - подумал Эйвери.

- Я попрошу Генри отвести тебя в твою комнату. У нас тут хорошие надзиратели. Ты можешь идти самостоятельно?

- Да.

Доктор Джекл снова засмеялась, запрокинув голову и прижав руки к горлу. Эйвери выбрался из инвалидного кресла и окинул Глэдис долгим оценивающим взглядом. Она перестала чесаться и теперь вся дрожала. Не потому, что промокла, и не потому, что ей было холодно. Это все из-за него. Она чувствовала его мощь, и ей это не нравилось.

Эйвери об этом знал. И это было прекрасно.

8

Поскольку в берлоге Мистера Джексона не было второго стула, Тим принес его из приемной. Он подумал, не поставить ли стул прямо перед мальчиком, но потом решил, что это будет слишком похоже на обстановку в полицейской комнате для допросов. Вместо этого он поставил *Ла-Зи-бой*[184] с боку, сев рядом с парнем, как вы, может быть, сели бы рядом с другом, чтобы посмотреть любимое телешоу. Только плоский экран Мистера Джексона был темен.

- Значит, Люк, - сказал он. - По словам Энни, тебя похитили, но знаешь, Энни не всегда... скажем так, балансирует на бревне.

- Она на бревне, - сказал Люк.

- Ладно. Похитили откуда?

- Миннеаполис. Они вырубили меня. И они убили моих родителей. - Он провел рукой по глазам.

- Эти похитители увезли тебя из Миннеаполиса в Мэн. Как они это сделали?

- Даже не знаю. Я был без сознания. Наверное, на самолете. Я действительно из Миннеаполиса. Вы можете проверить это, все, что вам нужно сделать, это позвонить в мою школу. Она называется *Бродерикская школа для особенных детей.*

- Полагаю, ты учился там, потому что был умным мальчиком.

- Да, конечно, - сказал Люк без гордости в голосе. - Я умный мальчик. А сейчас я очень голодный мальчик. Я уже пару дней ничего не ела, кроме печенья с колбасой и фруктового пирога. Думаю да, пару дней. Я вроде как немного потерял счет времени. Мне их дал человек по имени Мэтти.

- И больше ничего?

- Кусочек пончика, - сказал Люк. - Он был очень небольшой.

- Господи, давай организуем тебе что-нибудь поесть.

- Да, давайте - ответил Люк, и добавил: - пожалуйста.

Тим достал из кармана мобильник.

- Венди? Это Тим. Не могла бы ты сделать мне одолжение.

9

Комната Эйвери в Задней Половине была пуста. Кровать была стандартной. На стенах не было плакатов *Никелодеон*, а на комоде не было *Джи-Ай-Джо*, с которыми можно было бы поиграть. Но Эйвери не переживал. Ему было всего десять, но теперь он должен был стать взрослым, а взрослые не играют в солдатики.

Только я не могу сделать это один, подумал он.

Он вспомнил прошлое Рождество. Об этом было больно вспоминать, но он себя заставил. В подарок Эйвери получил то, что просил - замок *Лего*, но когда все части конструктора были перед ним разложены, он подумал, что не сможет добраться от этих мелких деталей до прекрасного замка, изображенного на коробке, с его башенками, воротами и подъемным мостом, который поднимался и опускался. И начал плакать. Тогда его отец (теперь уже мертвый, он был в этом уверен) опустился рядом с ним на колени и сказал: *Мы будем следовать инструкции и сделаем это вместе. Шаг за шагом.* И они это сделали. Замок оставался на его ночном столике, в его комнате, а *Джи-Ай-Джо* его охраняли, и этот замок был единственной вещью, которую они не смогли воспроизвести, когда он проснулся в Передней Половине.

Теперь он лежал на койке в этой пустой комнате, одетый в сухую одежду, и думал о том, как прекрасно выглядел замок, когда его построили. И чувствовал гул. Этот звук здесь, в Задней Половине, был постоянным. Громким в комнатах, еще громче в коридорах, но громче всего за кафешкой, где двойная запертая дверь за комнатой отдыха надзирателей вела в Заднюю Половину Задней Половины.

Надзиратели часто называли эту часть Парком Горького, потому что дети, которые там жили (если это можно было назвать жизнью), были горками[185]. Жужжащими пчелками. Но они были полезны, предположил Эйвери. Так же, как обертка шоколадного батончика *Хэрши* была полезна, пока вы не вылизали ее дочиста. После чего вы могли окончательно её выбросить.

На дверях здесь был замок. Эйвери сосредоточился, пытаясь его открыть. Не то чтобы там было куда идти, кроме коридора с голубым ковром, но это был интересный эксперимент. Он чувствовал, как замок *пытается* провернуться, но пока не мог с этим справиться. Ему было интересно, сможет ли это сделать Джордж Айлс, потому что Джордж с самого начала был сильным ТК-плюс. Эйвери предположил, что он смог бы, с небольшой помощью. Он снова подумал о том, что сказал его отец: *Мы сделаем это вместе. Шаг за шагом*.

В пять часов дверь открылась, и в комнату просунул свое неулыбчивое лицо одетый в красную униформу надзиратель. Здесь они не носили бейджики, но Эйвери в нем и не нуждался. Это был Джейкоб, известный своим коллегам по прозвищу Джейк-змея. Он был бывшим моряком. *Ты хотел стать морским котик*ом, - подумал Эйвери, - *но у тебя ничего не вышло. Они тебя выгнали. Я думаю потому, что тебе слишком уж нравилось причинять людям боль*.

- Ужин, - сказал Джейк-змея. - Если хочешь, пойдем. Если нет, я запру тебя до начала фильма.

- Я хочу.

- Хорошо. Ты любишь кино, малыш?

- Да, - сказал Эйвери и подумал: *Но это мне явно не понравится. Эти фильмы убивают людей.*

- Тебе понравится, - сказал Джейк. - А сначала всегда идет мультик. Кафе прямо и направо. И поторопись. - Джейк отвесил ему увесистый шлепок по заднице, чтобы заставить двигаться.

В кафешке - унылой комнате, выкрашенной в тот же темно-зеленый цвет, что и коридор, - сидело около дюжины ребятишек и ели то, что показалось Эйвери похожим на тушеную говядину *Динти Мур*[186]. Дома мама подавала её, по меньшей мере, дважды в неделю, потому что младшей сестре она нравилась. Скорее всего, она тоже была мертва. Большинство детей выглядели как зомби, слюнявые зомби. Он увидел одного ребенка, девочку, которая курила сигарету,

пока ела. На глазах у Эйвери она стряхнула пепел в свою миску, рассеянно огляделась и снова принялась за еду.

Он чувствовал Калишу даже в туннеле, а теперь увидел ее, сидящую за столиком в дальнем конце зала. Ему пришлось сдержать желание подбежать к ней и обнять за шею. Это привлечет внимание, а Эйвери не хотел этого делать. Совсем наоборот. Хелен Симмс сидела рядом с Ша, безвольно положив руки по обе стороны от миски. Ее глаза были устремлены в потолок. Ее волосы, так ярко окрашенные, когда она только появилась в Передней Половине, теперь были тусклыми и засаленными, свисая вокруг ее лица - ее гораздо более худого лица - прядями. Калиша ее кормила или пыталась кормить.

- Давай, Хел, Давай, ад тебя побери, топчи. - Ша положила ложку тушеного мяса в рот Хелен. Когда коричневый комок таинственного мяса попытался вылезти над нижней губой Хелен, Ша воспользовалась ложкой, чтобы засунуть его обратно. На этот раз Хелен сглотнула, и Ша улыбнулась. - Вот *теперь* хорошо.

Ша, подумал Эйвери. - *Привет, Калиша*.

Она испуганно оглянулась, увидела его и расплылась в широкой улыбке.

Эйвестер!

По подбородку Хелен потекла слюна с коричневым соусом. Ники, сидевший с другой стороны, вытер ее бумажной салфеткой. Потом он тоже увидел Эйвери, ухмыльнулся и поднял вверх большой палец. Джордж, сидевший прямо напротив Ники, обернулся.

- Эй, зацените, это же Эйвестер, - сказал Джордж. - Ша говорила, что ты скоро объявишься. Добро пожаловать в наш счастливый дом, маленький герой.

- Если ты собираешься есть, возьми миску, - сказала пожилая женщина с суровым лицом. У Эйвери в голове промелькнула информация, что ее зовут *Корин*, и ей нравилось давать пощечины. От пощечин ей становилось хорошо. - Мне нужно пораньше закрыться, потому что сегодня - вечер кино.

Эйвери взял миску и зачерпнул немного тушеного мяса. Да, это была *Динти Мур*. Он положил сверху кусок белого хлеба, затем отнес еду к своим друзьям и сел за стол. Ша ему улыбнулась. Сегодня у нее сильно болела голова, но она все равно улыбалась, и от этого ему хотелось смеяться и плакать одновременно.

- Ешь, приятель, - сказал Ники, но не последовал собственному совету: его миска по-прежнему была почти полна. Его глаза были налиты кровью, и он потирал левый висок. - Я знаю, что это похоже на диарею, но ты ведь не хочешь идти в кино на пустой желудок?

Они поймали Люка? Послала Ша.

Нет. Они все до смерти напуганы.

Хорошо. Просто прекрасно!

Сделают ли нам большие уколы перед фильмом?

Не думаю, что сегодня вечером, он пока еще новый, мы видели его только один раз.

Джордж смотрел на них мудрыми глазами. Он все слышал. Когда-то, в первом тайме, Джордж Айлс был всего лишь ТК, но теперь он стал чем-то большим. Они все стали. Задняя Половина усиливала все, что у вас было, но благодаря погружному баку, Эйвери не был похож ни на кого. Он знал больше всех. О тестах в Передней Половине, например. Многие из них были побочными проектами доктора Хендрикса, но уколы делали только в практических целях. Большинство из них действовали, как ограничители, а Эйвери как раз их и не делали. Он направился прямо в погружной бак, где его доставили к вратам смерти или, может быть, провели прямо через них, и в результате он мог вызывать Огни Штази почти в любое время, когда хотел. Ему не нужны были фильмы, и уж тем более, у него не было необходимости становиться частью группового разума. Создание такового, как он думал, было главным смыслом функционирования Института.

Но ему было всего десять лет. И это было проблемой.

Приступив к еде, он поискал глазами Хелен и с радостью обнаружил, что она все еще тут. Хелен ему нравилась. Она не была похожа на эту сучку Фриду. Ему не нужно было читать мысли Фриды, чтобы понять, что она обманом заставила его рассказать ей все, а потом настучала на него.

Хелен?

Нет. Не разговаривай со мной, Эйвери. Мне нужно...

Остальное исчезло, но Эйвери показалось, что он все понял. Ей нужно было спрятаться. В ее голове была губка, наполненная болью, и она пряталась от нее, как могла. Прятаться от боли было разумным ответом, насколько это было возможно. Проблема была в том, что

губка продолжала набухать. Это продолжалось бы до тех пор, пока не стало бы места, куда можно спрятаться, а затем раздавило бы мозг о затылок, как муху о стену. Тогда с ней будет покончено. Как с Хелен.

Эйвери проник в ее сознание. Это было проще, чем пытаться открыть замок на двери его комнаты, потому что он был сильным ТП с самого начала, и ТК было для него чем-то новым. Он был неуклюж и должен был быть осторожен. Он не мог все исправить, но думал, что сможет облегчить ее страдания. Хоть немного ее защитить. Для нее и это было бы хорошо, а это, в свою очередь, было бы хорошо для них... потому что им пригодится вся помощь, до которой они смогут дотянуться.

Он нашел губку с головной болью глубоко в голове Хелен. Он приказал ей прекратить рост. Он велел ей убираться. Она не хотела этого делать. Он подтолкнул. Цветные огоньки начали появляться перед ним, медленно закручиваясь, как сливки в кофе. Он толкнул сильнее. Губка была рыхлой, но упругой.

Калиша. Помоги мне.

В чем? Что ты делаешь?

Он ей сказал. Она вошла, сначала нерешительно. Они прижались друг к другу. Головная губка-боль немного поддалась.

Джордж, послал Эйвери. *Ники. Помогите нам*.

Ники смог, немного. Джордж сначала выглядел озадаченным, потом присоединился, но через мгновение отступил.

- Я не могу, - прошептал он. - Здесь темно.

Не обращай внимания на темноту! Теперь это была Ша. *Я думаю, мы сможем помочь!*

Джордж вернулся. Он сопротивлялся, и от него было мало толку, но, по крайней мере, он был с ними.

Это всего лишь губка, сказал им Эйвери. Он больше не видел своей миски с тушеным мясом. Его сменило сердцебиение водоворота Огней Штази. *Это не причинит тебе вреда. Надавим на нее! Все вместе!*

Они предприняли еще одну попытку, и что-то случилось. Взгляд Хелен перебрался с потолка на Эйвери.

- Смотрите, кто здесь, - сказала она хриплым голосом. - Моя головная боль немного прошла. Слава Богу. - Она начала есть самостоятельно.

- Срань господня, - сказал Джордж. - Мы это сделали.

Ник ухмыльнулся и поднял руку.

- Дай пять, Эйвери.

Эйвери дал ему пять, но хорошее самочувствие уйдет, вместе с точками. Головная боль Хелен вернется, и она будет усиливаться каждый раз, когда Хелен будет смотреть фильмы. И у Хелен, и у Ша, и у Ники. Да и у него тоже. В конце концов, все они присоединятся к гулу, доносящемуся из Парка Горького.

Но может быть... если бы они были все вместе, в своем групповом разуме... и если бы был способ сделать щит...

Ша.

Она посмотрела на него. Она прислушалась. Ники и Джордж тоже слушали, по крайней мере, как могли. Как будто они были частично глухими. Но Ша слышала все. Она съела немного тушеного мяса, потом положила ложку и покачала головой.

Мы не можем сбежать, Эйвери. Если это то, о чем ты думаешь, забудь об этом.

Я знаю, что не можем, но мы должны что-то сделать. Мы должны помочь Люку, и мы должны помочь себе. Я вижу детали конструктора, но не знаю, как их сложить. Я не...

- Ты не знаешь, как построить замок, - произнес Ники тихим, задумчивым голосом. Хелен снова перестала есть и снова принялась рассматривать потолок. Головная губка-боль снова росла, набухая по мере того, как поглощала ее разум. Ники помог ей откусить еще кусочек.

- Сигареты! - Закричал один из надзирателей. И поднял коробку. Похоже, здесь курят на халяву. Администрация это даже поощряет. - Кто хочет покурить перед шоу?

Мы не можем сбежать, послал Эйвери, *так что помоги мне построить замок. Стену. Щит. Наш замок. Нашу стену. Наш щит.*

Он переводил взгляд с Ша на Ники, потом на Джорджа и снова на Ша, умоляя ее понять. Ее глаза заблестели.

Она все понимает, - подумал Эйвери. *Слава Богу, она понимает*.

Она хотела что-то сказать, но закрыла рот, когда надзиратель - его звали Клинт - прошел мимо них, крича:

- Сигареты! Кто хочет одну перед шоу?

Когда он ушел, она сказала:

- Если мы не можем убежать, мы должны захватить это место.

Первоначальное холодное отношение помощника шерифа Венди Гулликсон к Тиму заметно потеплело с момента их первого свидания в мексиканском ресторане в Хардивилле. Теперь они были парой, и когда она вошла в берлогу Мистера Джексона с большим бумажным пакетом, то поцеловала его сначала в щеку, а потом быстро в губы.

- Это помощник шерифа Гулликсон, - сказал Тим, - но ты можешь называть ее Венди, если она не против.

- Не против, - сказала Венди. - Как тебя зовут?

Люк посмотрел на Тима, который слегка ему кивнул.

- Люк Эллис.

- Рада познакомиться, Люк. У тебя довольно большой синяк.

- Да, мэм. Наткнулся кое на что.

- Да, *Венди*. А повязка на ухе? Ты порезался?

Это заставило его слегка улыбнуться, потому что это была сермяжная правда.

- Что-то вроде того.

- Тим сказал, что ты, наверное, проголодался, и я захватила немного еды на вынос из ресторана на Мэйн-стрит. У меня есть *Ко'-Кола*, курица, гамбургеры и картошка фри. Что ты хочешь?

- Все, - сказал Люк, и это заставило Венди и Тима рассмеяться.

Они смотрели, как он съел две голени, потом гамбургер и большую часть картошки фри, а потом большую чашку рисового пудинга. Тим, который пропустил свой обед, съел остатки цыпленка и выпил *Колу*.

- Теперь ты в порядке? - Спросил Тим, когда еда закончилась.

Вместо того чтобы заговорить, Люк разрыдался.

Венди обняла его и погладила по волосам, распутывая их пальцами. Когда рыдания Люка, наконец, стихли, Тим присел рядом с ним на корточки.

- Простите, - сказал Люк. - Простите, простите, простите.

- Ничего страшного. Тебе можно.

- Это потому, что я снова чувствую себя живым. Я не знаю, почему это заставило меня плакать, но это так.

- По-моему, это называется облегчение, - сказала Венди.

- Люк утверждает, что его родителей убили, а его самого похитили, - сказал Люк. Глаза Венди расширились.

- Это не утверждение! - Сказал Люк, подавшись вперед в кресле Мистера Джексона. - Это правда!

- Возможно, неудачно подобрал слово. Давай расскажи свою историю, Люк.

Люк обдумал это, затем сказал:

- Может быть, ты сначала сделаешь для меня кое-что?

- Если смогу, - ответил Тим.

- Выгляни наружу. Посмотри, там ли еще тот парень.

- Норберт Холлистер? - Тим улыбнулся. - Я велел ему убираться. Сейчас он, наверное, уже в магазине, покупает лотерейные билеты. Он убежден, что станет следующим миллионером Южной Каролины.

- Просто проверь.

Тим посмотрел на Венди, которая пожала плечами и сказала:

- Это сделаю я.

Через минуту она вернулась, нахмурившись.

- Он сидит в кресле-качалке на вокзале. Читает журнал.

- Я думаю, что он - *дядя*, - сказал Люк, понизив голос. - У меня были дяди и в Ричмонде и Уилмингтоне. Может быть, и в Стербридже тоже. Я и не знал, что у меня так много родственников. - Он рассмеялся. Это был металлический звук.

Тим встал и направился к двери как раз вовремя, чтобы увидеть, как Норберт Холлистер встал и неторопливо направился в сторону своего мотеля. Он даже не оглянулся. Тим вернулся к Люку и Венди.

- Он ушел, сынок.

Для того чтобы позвонить им, - сказал Люк. Он ткнул в свою пустую банку. - Я не позволю им забрать меня обратно. Я думал, что умру там.

- Куда? - Спросил Тим.

- В Институт.

- Начни с самого начала и расскажи нам все, - сказала Венди.

Люк это сделал.

11

Когда он закончил - на это ушло почти полчаса, а Люк за время рассказа выпил вторую *Колу*, - наступила минута молчания. Потом Тим очень тихо произнес:

- Это просто невозможно. Начнем с того, что такое количество похищений обязательно вызвало бы волну возмущений.

Венди покачала головой.

- Ты был копом. Тебе лучше знать. Несколько лет назад было проведено исследование, в котором говорилось, что в Соединенных Штатах ежегодно пропадает более полумиллиона детей. Довольно ошеломляющая цифра, не правда ли?

- Я знаю, что цифры велики, в округе Сарасота, когда я служил в тамошней полиции, в прошлом году было зарегистрировано почти пятьсот пропавших детей, но большинство - подавляющее большинство - это дети, которые возвращались домой самостоятельно. - Тим подумал о Роберте и Роланде Билсонах, близнецах, которых он заметил по дороге на сельскохозяйственную ярмарку в Даннинге в предрассветные часы.

- Все равно остаются тысячи, - сказала она. - Десятки тысяч.

- Согласен, но, сколько из них исчезают, оставляя после себя убитых родителей?

- Не знаю. Я сомневаюсь, что кто-то проводил исследование. - Она снова перевела свое внимание на Люка, который следил за их диалогом глазами, словно за теннисным матчем. Его рука лежала в кармане, касаясь флешки, как будто это была лапка счастливого кролика.

- Иногда, - сказал он, - это выглядит как несчастный случай.

Тим вдруг представил себе, как этот мальчик живет с Сироткой Энни в ее палатке, и они вдвоем слушают по радио ее ночную болтовню. Ведут беседу о заговоре. Говорят о *них*.

- Ты говоришь, что отрезал себе мочку уха, потому что в ней было устройство слежения, - сказала Венди. - Это правда, Люк?

- Да.

Венди, казалось, не знала, что сказать еще. Выражение, с которым она смотрела на Тима, говорило: *Теперь ты.*

Тим поднял пустую банку из-под *Кока-Колы* и бросил ее в пакет, в котором теперь не было ничего, кроме оберток и куриных костей.

- Ты ведешь речь о секретном учреждении, выполняющем секретную программу в нашей стране, уже Бог знает сколько лет. Когда-то это было возможно, я полагаю - теоретически - но не в наш компьютерный век. Самые большие секреты правительства сбрасываются в Интернет этой вышедшей из-под контроля организацией под названием…

- *Викиликс*[187], я знаю о *Викиликс*. - В голосе Люка звучало нетерпение. - Я знаю, как трудно хранить секреты, и я знаю, как безумно это звучит. С другой стороны, во время Второй мировой войны у немцев были концентрационные лагеря, где им удалось убить семь миллионов евреев. Также цыган и геев.

- Но люди вокруг этих лагерей знали, что происходит, - сказала Венди. Она попыталась взять его за руку.

Люк отдернул её обратно.

- И я готов поспорить на миллион баксов, что люди в Деннисон Ривер Бенд - это ближайший город, знают, что *что-то* происходит. Нечто плохое. Но молчат и не лезут, потому что *не хотят* знать. Зачем им это? Это поддерживает их материально, и, кроме того, кто в это поверит? У нас до сих пор есть люди, которые не верят, что немцы убили всех этих евреев. Это называется отрицание.

Да, подумал Тим, *мальчик умен. Его версия того, что с ним на самом деле произошло, безумна, но у него тонна мозгов.*

- Я хочу быть уверена, что все правильно поняла, - сказала Венди. Она говорила мягко. Они оба старались так говорить. Люк все понял. Не нужно было быть вундеркиндом, чтобы понять, что так разговаривают с психически неуравновешенными людьми. Он был разочарован, но не удивлен. А чего еще он мог ожидать? - Они каким-то образом находят детей, которые являются телепатами и теми, что ты называешь телеками…

- Телекинетиками. ТК. Как правило, таланты невелики - даже у детей с ТК-плюс их не так много. Но Институтские врачи делают их сильнее. Уколы для точек, вот что они говорят, что мы все говорим, только точки - это на самом деле Огни Штази, о которых я вам рассказывал. Уколы, которые вызывают точки, должны увеличивать то, что у нас есть. Я думаю, что некоторые из них должны были сделать нас сильнее. Или... - И тут ему в голову пришло озарение. - Или, наоборот, чтобы мы не смогли стать сильнее. Это могло сделать нас опасными.

- Типа, прививки? - Спросил Тим.

- Да, можно и так сказать.

- До того, как тебя похитили, ты мог двигать предметы силой мысли, - сказал Тим своим мягким “я-разговариваю-с-сумасшедшим” голосом.

- Только *мелкие.*

- А получив околосмертный опыт в погружном баке, ты научился читать мысли.

- Даже чуть раньше. Бак… усилил умение. Но я все еще не... - Он помассировал затылок. Это было трудно объяснить, и их голоса, такие тихие и спокойные, действовали ему на нервы, которые и без того были натянуты. Скоро он станет таким же чокнутым, каким они его и считали. И все же он должен был попытаться. - Но я все еще не очень силен. Никто из нас, кроме, может быть, Эйвери. Он реально классный.

Тим сказал:

- Позволь мне убедиться, что я все правильно понял. Они похищают детей со слабыми психическими способностями, кормят их психическими стероидами, а затем заставляют их убивать людей. Как того политика, который собирался баллотироваться в президенты. Марка Берковица.

- Да.

- А почему не Бен Ладена? - Спросила Венди. - Я думаю, что он естественная мишень для этого... этого ментального убийства.

- Не знаю, - ответил Люк. Он казался измученным. Синяк на его щеке, казалось, с каждой минутой становился все красочнее. - Я понятия не имею, как они выбирают свои цели. Я как-то говорил об этом со своей подругой Калишей. Она тоже не имела ни малейшего представления.

- Почему бы этой таинственной организации не использовать обычных наемных убийц? Разве это не проще?

- В кино все выглядит просто, - сказал Люк. - В реальной жизни я думаю, они, в основном, терпят неудачу или попадаются. Как чуть не попались те парни, которые убили бен Ладена.

- Давай устроим демонстрацию, - предложил Тим. - Я думаю о цифре. Скажи мне, о какой.

Люк попытался. Он сосредоточился и ждал появления цветных точек, но они не появлялись.

- Не могу разобрать.

- Передвинь что-нибудь. Разве это не твой основной талант, за который тебя похитили?

Венди покачала головой. Тим не был телепатом, но он знал, о чем она думает: *хватит приставать к нему, он встревожен и дезориентирован.* Но Тим подумал, что если ему удастся прорваться сквозь эту дурацкую историю, то, может быть, они доберутся до чего-то реального и поймут, куда идти дальше.

- Как насчет пакета? Сейчас в нем нет еды, он легкий, ты должен его передвинуть.

Люк посмотрел на пакет, нахмурившись еще сильнее. На мгновение Тиму показалось, что он что-то почувствовал - ветерок по коже, словно слабый сквозняк, - но потом это исчезло, и пакет не сдвинулся с места. Конечно же, нет.

- Ладно, - сказала Венди, - я думаю, этого достаточно для…

- Я знаю, что вы двое - пара, - сказал Люк. - Это я точно знаю.

Тим улыбнулся.

- Не слишком впечатляет, малыш. Ты видел, как она поцеловала меня, когда вошла.

Люк перевел взгляд на Венди.

- Ты отправляешься в путешествие. Чтобы повидаться с сестрой, не так ли?

Ее глаза расширились.

- Как…

- Не ведись, - сказал Тим... но осторожно. - Это старый трюк медиума - обоснованное предположение. Хотя я признаю, что ребенок делает его хорошо.

- Сестра Венди работает в сфере образования? - Спросил Люк, хотя и без особой надежды. Он разыграл свои карты одну за другой, и теперь осталась только одна. И он слишком устал. Тот отдых, что у него был в поезде, был скудным, и его преследовали дурные сны. Главным образом - погружной бак.

- Ты не оставишь нас на минутку? - Спросил Тим. Не дожидаясь ответа, он повел Венди к двери в приемную. Он коротко с ней переговорил. Она кивнула и вышла из комнаты, на ходу доставая из кармана телефон. Тим вернулся.

- Думаю, нам лучше отвезти тебя в участок.

Сначала Люку показалось, что он говорит о станции[188]. Посадить его на другой поезд, чтобы ему и его девушке не пришлось иметь дело со сбежавшим ребенком и его сумасшедшей историей.

Потом он понял, что Тим имел в виду не станцию, а полицейский участок.

Ой, ну и что? - Подумал Люк. *Я всегда знал, что окажусь в полицейском участке. И, может быть, маленький лучше, чем большой, где им приходится иметь дело с сотней разных людей-преступников.*

Только они думали, что он просто параноит из-за этого Холлистера, а это было нехорошо. А пока ему оставалось только надеяться, что они правы, а Холлистер - просто никто. Наверное, они были правы. В конце концов, у Института не может быть парней везде, не так ли?

- Хорошо, но сначала я должен тебе кое-что сказать и показать.

- Давай, - сказал Тим. Он наклонился вперед, пристально вглядываясь в лицо Люка. Может быть, он просто потешался над сумасшедшим ребенком, но, по крайней мере, он слушал, и Люк предположил, что это лучшее, на что сейчас он мог рассчитывать.

- Если они узнают, что я здесь, они придут за мной. Наверняка, с оружием. Потому что они до смерти боятся, что кто-нибудь мне поверит.

- Правильно подмечено, - сказал Тим, - но у нас тут неплохая полиция, Люк. Я думаю, ты будешь в безопасности.

Ты понятия не имеешь, с чем можешь столкнуться, - подумал Люк, но сейчас он уже не пытаться убедить этого парня. Он был слишком измотан. Венди вернулась и кивнула Тиму. Люк был слишком измотан, чтобы об этом беспокоиться.

- Женщина, которая помогла мне бежать из Института, дала мне две вещи. Одной из них был нож, которым я отрезал часть своего уха, в котором был жучок. Другая - вот. - Он вытащил из кармана флешку. - Я не знаю, что на ней, но думаю, что ты должен заглянуть туда, прежде чем делать что-то еще.

Он протянул флешку Тиму.

12

Обитателям Задней Половины - то есть Передней Половины Задней Половины; восемнадцать человек, находившихся в настоящее время в Парке Горького, оставались за запертой дверью, жужжа себе под нос, - дали двадцать минут свободного времени до начала фильма. Джимми Каллум с раскалывающейся головой зомби-походкой прошел в свою комнату; Хэл, Донна и Лен сидели в кафешке, двое мальчишек

смотрели на недоеденный десерт (сегодня вечером это был шоколадный пудинг), Донна невидящим взглядом смотрела на тлеющую сигарету, которую, казалось, разучилась курить.

Калиша, Ник, Джордж, Эйвери и Хелен пошли в комнату отдыха с уродливой, словно из комиссионного магазина, мебелью и старым плоским телевизором, по которому показывали только доисторические ситкомы, типа *Моя жена меня приворожила*[189] и *Счастливых дней*[190]. Там находилась Кэти Гивенс. Она даже не взглянула на них, продолжив пялиться на темный экран телевизора. К удивлению Калиши, к ним присоединилась Айрис, которая выглядела лучше, чем в последние дни. Более ярко.

Калиша напряженно думала, и она могла это себе позволить, потому что чувствовала себя лучше, чем за последние дни. То, что они сделали с головной болью Хелен - в основном Эйвери, но они все помогали - помогло и ей самой. То же самое касалось Ники и Джорджа. Она это видела.

Захватить это место.

Смелая и восхитительная идея, но тут же возникли вопросы. Самым очевидным был: как они смогут это сделать, когда на дежурстве было, по меньшей мере, двенадцать надзирателей - в дни показа фильмов их всегда было больше. И еще один: почему они раньше об этом не подумали.

Так и сделаем, - ответил ей Ники... стал ли его мысленный голос сильнее? Она думала, что да, и она думала, что Эйвери, возможно, сыграл в этом значительную роль. Потому что теперь и он стал сильнее. *Я думал об этом, когда они только привели меня сюда.*

Это было все, что Ники смог мысленно сказать ей в ответ, поэтому он приложил свой рот к ее уху и прошептал остальное.

- Я всегда был тем, кто сражается, помнишь?

Это была правда. Ники с синяками под глазами. Ники с разбитым в кровь лицом.

- Мы недостаточно сильны, - пробормотал он. - Даже здесь, даже после точек, у нас мало сил.

Эйвери тем временем смотрел на Калишу с отчаянной надеждой. Он отправлял в её голову посыл за посылом, но вряд ли в этом была необходимость. Его глаза сами за все говорили. *Вот детали, Ша. Я почти уверен, что все они на месте. Помоги мне собрать их воедино.*

Помоги мне построить замок, где мы сможем быть в безопасности, хотя бы некоторое время.

Ша вспомнила старую выцветшую наклейку с Хиллари Клинтон на заднем бампере маминой *Субару*. Надпись на ней гласила: вместе мы сильнее, и, конечно же, так это работало и здесь, в Задней Половине. Вот почему они вместе смотрели фильмы. Вот почему они могли дотянуться через тысячи миль, иногда даже через полмира, до людей, которых показывали в фильмах. Если пятеро из них (их будет шестеро, если они смогут справиться с головной болью Айрис так же, как они справились с головной болью Хелен) смогут создать единую ментальную силу, своего рода вулканическое слияние разумов, разве этого не будет достаточно, чтобы поднять восстание и захватить Заднюю Половину?

- Это отличная идея, но я думаю, что у нас не получится - сказал Джордж. Он взял ее за руку и слегка её пожал. - Мы могли бы немного потрепать их головы, может быть, напугать до чертиков, но у них есть эти шокеры, и как только они тряхнут током одного или двух из нас, игра закончится.

Калиша не хотела этого признавать, но ответила ему, что он, вероятно, прав.

Эйвери: *Шаг за шагом*.

В беседу вступила Айрис:

- Я не слышу, о чем вы, ребята, думаете. Я знаю, что вы о чем-то думаете, но моя голова еще очень сильно болит.

Эйвери: *Давайте посмотрим, что мы можем для нее сделать. Все вместе.*

Калиша посмотрела на Ника, и тот кивнул. На Джорджа, который пожал плечами и тоже кивнул.

Эйвери повел их в голову Айрис Стэнхоуп, как исследователь, ведущий свой отряд в пещеру. Губка в ее сознании была очень большой. Эйвери видел её кроваво-красной, поэтому все они видели её такой. Они выстроились вокруг губки и начали толкать. Она немного поддалась… и еще немного... но потом остановилась, сопротивляясь их усилиям. Джордж отступил первым, за ним Хелен (которая, впрочем, не слишком-то и помогала), потом Ник и Калиша. Эйвери вышел из игры последним, одарив головную губку-боль раздражительным ментальным пинком, прежде чем уйти.

- Тебе лучше, Айрис? - Без особой надежды спросил Калиша.

- Что лучше? - Это была Кэти Гивенс. Она на мгновение отвлеклась от экрана и присоединилась к беседе.

- Моя головная боль, - сказала Айрис. - Да. Во всяком случае, немного. - Она улыбнулась Кэти, и на мгновение в комнате появилась девушка, победившая в Абилинском конкурсе по произношению слов[191].

Кэти снова переключила свое внимание на телевизор.

- А где Ричи Каннингем и Фонц? - Спросила она и начала тереть виски. - Я бы хотела, чтобы моя тоже ушла, голова болит, словно в ней кони скачут.

Видите проблему? - Мысленно спросил Джордж, обращаясь к остальным.

Калиша видела. Вместе они были сильнее, да, но недостаточно сильны. Не больше, чем Хиллари Клинтон, когда она баллотировалась на пост президента несколько лет назад. Потому что парень, выступающий против нее, и его сторонники имели политический эквивалент шокеров надзирателей.

- Но мне это помогло, - сказала Хелен. - Моя головная боль почти прошла. Это похоже на чудо.

- Не питай иллюзий, - сказал Ники. Услышав его упаднический голос, Калиша испугалась. - Она вернется.

В комнату вошла Корин, надзирательница, любительница раздавать пощечины. Она держала одну руку на кобуре, как будто что-то чувствовала. Наверное, так и было, подумала Калиша, но она не знает точно, что здесь было.

- Пора в кино, - сказала она. - Давайте, детки, шевелите задницами.

13

Два надзирателя, Джейк и Фил (известные соответственно как Змея и Пилюля), стояли перед открытыми дверями просмотрового зала, каждый держал корзину. Когда дети вошли, те, у кого были сигареты и спички (зажигалки в Задней Половине были табу), положили их в корзины. Они могли их себе вернуть, когда шоу закончится... если только о них не забывали. Хэл, Донна и Лен сидели в заднем ряду, рассеянно глядя на пустой экран. Кэти Гивенс сидела в

среднем ряду рядом с Джимми Каллумом, который вяло ковырялся в носу.

Калиша, Ник, Джордж, Хелен, Айрис и Эйвери сели впереди.

- Добро пожаловать на очередной нескучный вечер, - громким голосом диктора произнес Ники. - Сейчас вы увидите фильм, лауреат премии *Оскар* в категории Самый дерьмовый документальный фильм…

Фил Пилюля шлепнул его по затылку.

- Заткнись, придурок, и наслаждайся представлением.

Он отступил. Свет погас, и на экране появился доктор Хендрикс. От одного вида незажженного бенгальского огня в его руке у Калиши пересохло во рту.

Чего-то не доставало. Какой-то жизненно важной детали замка Эйвери. Но она не была потеряна, Ша просто её не видела.

Вместе мы сильнее, но силенок недостаточно. Даже если бы с нами были эти бедные уже-почти-полные-горки, - Джимми, Хэл и Донна, - сил бы не хватило. Но мы ведь можем быть силой. По вечерам, когда зажигается бенгальский огонь, мы - сила. Когда зажигается бенгальский огонь, мы - разрушители, так чего же нам не хватает?

- Добро пожаловать, мальчики и девочки, - говорил доктор Хендрикс, - и спасибо за помощь! Начнем с чего-нибудь веселого, не так ли? И увидимся позже. - Он помахал незажженным бенгальским огнем и даже подмигнул. От этого Калишу едва не стошнило.

Если мы можем добраться до другого конца света, то почему мы не можем…

На мгновение ей почти удалось все понять, но потом Кэти громко вскрикнула, но не от боли или горя, а от радости. *Дорожный бегун*[192]*! Он лучший!* - Она начала петь полузадушенным фальцетом, который сверлил мозг Калиши. - *Дорожный бегун, Дорожный бегун, койот гонится за тобой! Дорожный бегун, Дорожный бегун, если он поймает тебя, тебе конец!*

- Заткнись, Кейтс, - беззлобно сказал Джордж, и когда Дорожный бегун, мимикая, понесся по пустынному шоссе, а Вайл И. Койот посмотрел на него и увидел обед в честь Дня Благодарения, Калиша почувствовала, как то, что уже практически было у нее в руках, уплыло прочь.

Когда мультфильм закончился, и хитрый койот снова был побежден, на экране появился парень в костюме. В руке у него был микрофон. Калиша думала, что он бизнесмен, и, возможно, так оно и было, но это не было его главной претензией на славу. На самом деле он был проповедником, потому что, когда камера отъезжала назад, за ним виднелся большой старый крест, очерченный красным неоновым светом, а когда камера отъезжала, можно было разглядеть арену или, может быть, спортивный стадион, заполненный тысячами людей. Они поднялись на ноги, некоторые размахивали руками в воздухе, некоторые размахивали Библиями.

Сначала он читал обычную проповедь, цитируя главы и стихи из Библии, но потом начал рассказывать о том, что страна разваливалась из-за опи-И-оидов и пре-ЛЮЮ-бо-деев. За ними последовали политиканы и судьи, и рассказ о том, как Америка была сияющим городом на холме, который безбожники захотели запачкать грязью. Он начал было рассказывать о том, как колдуны околдовали народ Самарии (какое отношение это имело к Америке, Калише было непонятно), но тут появились цветные точки, вспыхивающие и гаснущие. Гул нарастал и опускался. Калиша ощущала его даже в носу, вибрирующим крошечные волоски внутри.

Когда точки погасли, они увидели проповедника, садящегося в самолет с женщиной, которая, вероятно, была Миссис Проповедник. Точки вернулись. Гул нарастал и опускался. Калиша услышала в голове Эйвери, что-то, что звучало как: *они видят это*.

Кто видит это?

Эйвери не ответил, вероятно, потому, что был полностью погружен в фильм. Это был результат работы Огней Штази; они втягивали вас во все это по-крупному. Проповедник снова разглагольствовал, не жалея легких, на этот раз из открытого кузова грузовика, используя мегафон. Он говорил, что Хьюстон вас любит, и Бог дал Ною знак радуги и Иоанна 3:16. Потом снова точки. И гул. Несколько пустых кресел кинотеатра сами по себе начали хлопать сиденьями вверх и вниз, как незакрепленные ставни на сильном ветру. Двери просмотрового зала распахнулись. Джейк-змея и Фил-пилюля снова их захлопнули, подставив плечи.

Теперь проповедник находился в каком-то приюте для бездомных, одетый в поварской фартук и помешивающий в огромном чане соус

для спагетти. Его жена была рядом с ним, они оба улыбались, и на этот раз в ее голове возник Ник: *Улыбнись на камеру!* Калиша смутно сознавала, что ее волосы встали дыбом, словно в каком-то электрическом эксперименте.

Точки. Гул.

Затем проповедник был на телевизионном шоу с некоторыми другими людьми. Один из тех людей обвинил проповедника в том, что он был... кем-то... громкие слова, колледжский жаргон, которые, она была уверена, понял бы Люк... а проповедник смеялся так, словно это была самая смешная шутка в мире. У него был отличный смех. Он пробуждал в вас желание смеяться вместе с ним. Если ты не сходил с ума, то так и было.

Точки. Гул.

Каждый раз, когда Огни Штази возвращались, они казались ярче, и каждый раз они, казалось, все глубже проникали в голову Калиши. В ее нынешнем состоянии все клипы, которые составляли фильм, были захватывающими. У них были рычаги. Когда придет время - возможно, завтра вечером, а может, и послезавтра, - дети, сидящие в креслах потянут их на себя.

- Я это ненавижу, - сказала Хелен тихим, испуганным голосом. - Когда же это кончится?

Проповедник стоял перед роскошным особняком, где, казалось, проходила вечеринка. Проповедник ехал в кортеже. Проповедник был на барбекю, и на зданиях позади него были красные, белые и синие полосы. Люди ели корндоги и большие куски пиццы. Он проповедовал об извращении естественного порядка вещей, установленного Богом, но затем его голос оборвался и его заменил голос доктора Хендрикса.

- Это Пол Уэстин, ребята. Его дом находится в Дирфилде, штат Индиана. Пол Уэстин. Дирфилд, Штат Индиана. Пол Уэстин, Дирфилд, Индиана. Пропойте это вместе со мной, мальчики и девочки.

Отчасти потому, что у них не было выбора, отчасти потому, что это принесло бы милосердное освобождение от цветных точек и то нарастающего то спадающего гула, а главным образом потому, что это *на самом деле им нравилось*, десять детей в зале начали петь. Калиша к ним присоединилась. Она не знала о других, но для нее это была самая худшая часть вечернего киносеанса. Она ненавидела то, что это было приятно. Она ненавидела это ощущение рычагов, которые только и

ждали, чтобы их дернули. Умоляли об этом! Она чувствовала себя куклой чревовещателя на коленях этого долбаного доктора.

- Пол Уэстин, Дирфилд, Индиана! Пол Уэстин, Дирфилд, Индиана! ПОЛ УЭСТИН, ДИРФИЛД, ИНДИАНА!

Затем доктор Хендрикс вернулся на экран, улыбаясь и держа в руках незажженный бенгальский огонь.

- Совершенно верно. Пол Уэстин, Дирфилд, Индиана. Спасибо, дети, и спокойной ночи. Увидимся завтра!

Огни Штази вернулись в последний раз, мигая и кружась по спирали. Калиша стиснула зубы и ждала, пока они уйдут, чувствуя себя крошечной космической капсулой, несущейся сквозь бурю гигантских астероидов. Гул стал громче, чем когда-либо, но когда точки исчезли, гул мгновенно прекратился, как будто кто-то выдернул вилку из усилителя.

Они это видят, сказал Эйвери. Это был недостающий фрагмент? Если да, то кто такие *они*?

В просмотровом зале зажегся свет. Двери открылись, Джейк-змея открыл одну створку, Фил-пилюля - другую. Большинство детей вышли, но Донна, Лен, Хэл и Джимми остались на своих местах. Они могли бы сидеть, развалившись на удобных сиденьях, пока не придут надзиратели, чтобы загнать их обратно в свои комнаты, и один или двое, а может быть, даже все четверо могли бы быть в Парке Горького уже после завтрашнего представления. Большого шоу. Где они сделают то, что должно было быть сделано с проповедником.

Им разрешали провести еще полчаса в комнате отдыха, а потом запирали в их комнатах на ночь. Калиша пошла в комнату отдыха. Джордж, Ники и Эйвери последовали за ней. Через несколько минут вошла Хелен и села на пол с незажженной сигаретой в руке, ее некогда светлые волосы свисали на лицо. Айрис и Кэти пришли последними.

- Головная боль прошла, - объявила Кэти.

Да, - подумала Калиша, - *после фильма головные боли проходят... но ненадолго. Каждый раз все хуже и хуже.*

- Еще один веселый вечер в кино, - пробормотал Джордж.

- Итак, дети, чему мы научились? - Спросил Ники. - Что кто-то где-то очень не любит преподобного Пола Уэстина из Дирфилда, штат Индиана.

Калиша провела большим пальцем по губам и посмотрела в потолок. *Жучки*, подумала она, глядя на Ники. *Будь осторожным*.

Ник приставил пистолет к голове и сделал вид, что застрелился. Это заставило остальных улыбнуться. Калиша знала, что завтра все будет по-другому. Никаких улыбок. После завтрашнего шоу появится доктор Хендрикс с зажженным бенгальским огнем, и гул поднимется до рева охрипшего слона. Они дернут рычаги. Наступит период неизвестной длины, одновременно возвышенный и ужасный, когда их головные боли полностью пройдут. Вместо пятнадцати-двадцати минут просветления после этого может быть шесть-восемь часов благословенного облегчения. И где-то Пол Уэстин из Дирфилда, штат Индиана, сделает что-то, что изменит его жизнь или положит ей конец. Для детей в Задней Половине, жизнь будет продолжаться... если только это можно назвать жизнью. Головные боли вернутся, и станут еще хуже. С каждым разом все хуже и хуже. Пока вместо того, чтобы просто чувствовать гул, они не станут его частью. Станут еще одним из…

Горки!

Это был Эйвери. Никто другой не мог бы спроецировать это с такой чистой силой. Он словно жил у нее в голове. *Вот как это работает, Ша! Потому что они…*

- Они его тоже видели, - прошептала Калиша, и вот она, бинго, недостающая деталь. Она прижала ладони ко лбу, но не потому, что головная боль вернулась, а потому, что это было так очевидно. Она схватила Эйвери за маленькое костлявое плечо.

Горки видят то же, что и мы. Иначе, зачем бы они их держали?

Ники обнял Калишу и начал шептать ей на ухо. Прикосновение его губ заставило ее вздрогнуть.

- О чем ты говоришь? Их разум исчез. Как и наши исчезнут, в скором времени.

Эйвери: *Это как раз и делает их сильнее. Все преграды исчезли. Запреты сняты. Это аккумуляторная батарея. Все, что мы делаем - это...*

- Вставляем ключ, - прошептала Калиша. - И поворачиваем замок зажигания.

Эйвери кивнул. *Мы должны их использовать*.

Когда? Мысленный голос Хелен Симмс был голосом маленького испуганного ребенка. *Это надо сделать быстро, потому что я не могу больше этого выносить.*

- Никто из нас не может, - сказал Джордж. - Кроме того, прямо сейчас эта сука…

Калиша предупреждающе покачала головой, и Джордж продолжил мысленно: Он был не очень в этом хорош, по крайней мере, пока, но Калиша уловила суть. Они все уловили. *Прямо сейчас эта сука Миссис Сигсби сосредоточилась на Люке. И Стэкхаус тоже.* Да и все сотрудники Института, потому что все знали, что он сбежал. Это был их шанс, в то время пока все были напуганы и отвлечены. Они никогда не получат еще одного, такого же хорошего.

Ники начал улыбаться. *Сейчас самый подходящий момент.*

- Каким образом? - Спросила Айрис. - Как мы можем это сделать?

Эйвери: *Думаю, я знаю, но нам нужны Хэл, Донна и Лен.*

- Ты уверен? - Спросила Калиша и добавила: *они уже практически горки*.

- Я приведу их, - сказал Ники. Он встал. Он улыбался. *Эйвестер прав. Любая помощь в плюс.*

Калиша ясно осознала, что его мысленный голос стал сильнее. *Это будет отправка или получение?*

- И то и другое, - сказал Эйвери. Он тоже улыбался. *Потому что теперь мы делаем это для себя.*

Да, подумала Калиша. *Потому что они делали это для себя.* Они не должны быть кучкой ошеломленных манекенов, сидящих на коленях у чревовещателя. Это было так просто, но это было откровение: *то, что вы делали для себя, было тем, что давало вам силу.*

14

Примерно в то время, когда Эйвери - мокрого и дрожащего - провозили через туннель между Передней и Задней Половиной, Институтский *Челленджер* (940NF на хвосте и Мэн Папер Индастриз на фюзеляже) взлетал из Эйри, штат Пенсильвания, теперь с полностью укомплектованной штурмовой группой на борту. В тот момент, когда самолет набрал крейсерскую высоту и направился в маленький городок Алколу, Тим Джеймисон и Венди Гулликсон вели Люка Эллиса в Управление шерифа округа Фэрли.

Одновременно много шестеренок движется в одной машине.

- Это Люк Эллис, - сказал Тим. - Люк, познакомься с помощниками шерифа Фарадеем и Уиклоу.

- Рад познакомиться, - сказал Люк без особого энтузиазма.

Билл Уиклоу изучал разбитое лицо Люка и забинтованное ухо.

- А как выглядит другой парень?

- Это долгая история, - сказала Венди, прежде чем Люк успел ответить. - А где Шериф Джон?

- В Даннинге, - ответил Билл. - Его мать живет там, в доме престарелых. У нее это... ну вы знаете. - Он постучал пальцем по одному виску. - Сказал, что вернется около пяти, если только у нее не будет хорошего дня. Тогда он может остаться, чтобы с ней поужинать. - Он посмотрел на Люка, избитого мальчика в грязной одежде, который с таким же успехом мог носить табличку с надписью “беглец”.

- Что, ситуация чрезвычайная?

- Хороший вопрос, - сказал Тим. - Таг, ты раздобыл информацию, которую просила Венди?

- Да, - ответил тот, кого звали Фарадей. - Если ты пройдешь со мной в кабинет Шерифа Джона, я тебя с ней ознакомлю.

- В этом нет необходимости, - сказал Тим. - Не думаю, что ты расскажешь мне что-то, чего Люк еще не знает.

- Ты уверен?

Тим посмотрел на Венди, которая кивнула, потом на Люка, который пожал плечами.

- Да.

- О'кей. Родители этого мальчика, Герберт и Эйлин Эллис, были убиты в своем доме около семи недель назад. Их застрелили в их же спальне.

Люк чувствовал себя так, словно находится вне тела. Точки не возвращались, но именно так он чувствовал себя, когда они возвращались. Он сделал два шага к вращающемуся креслу перед диспетчерским пультом и рухнул на него. Оно откатилось назад и опрокинулось бы, если бы сначала не ударилось о стену.

- Ты в порядке, Люк? - Спросила Венди.

- Нет. Да. Насколько это возможно. Придурки в Институте - доктор Хендрикс, Миссис Сигсби и надзиратели - сказали мне, что с ними все в порядке, что чувствуют они себя просто прекрасно, но я

знал, что они мертвы еще до того, как увидел это на своем компьютере. Я это знал, но все равно... жуть.

- У вас там был *компьютер*? - Спросила Венди.

- Да. Чтобы играть в игры, в основном, или смотреть музыкальные клипы на *Ю-Тьюбе*. Несущественные вещи. Новостные сайты были заблокированы, но я знал обходной путь. Они должны были следить за историей моего поисковика и поймать меня на этом, но им было просто... просто лень. Беспечность. Иначе бы я не выбрался.

- О чем, черт возьми, он говорит? - Спросил помощник шерифа Уиклоу.

Тим покачал головой. Он все еще был сосредоточен на Таге.

- Ты ведь получил это не от полиции Миннеаполиса, верно?

- Нет, но не потому, что ты просил меня этого не делать. Шериф Джон сам решит, с кем связаться и когда. Вот как это работает здесь. Впрочем, в *Гугле* есть практически вся информация. - Он бросил на Люка ядовитый взгляд. - Он числится в базе данных Национального центра по делам пропавших и эксплуатируемых детей, и о нем есть много статей в газетах *Миннеаполис Стар Трибюн* и *Сент-Пол Пионер пресс*. Согласно газетам, у него блестящий ум. Настоящий вундеркинд.

- Статья так себе, - вставил Билл. - Слишком много громких слов.

Я ведь здесь, - подумал Люк. *Говори обо мне так, будто я здесь*.

- Полиция не называет его персоной, представляющей интерес, - сказал Таг, - по крайней мере, в газетных статьях об этом ничего не говорится, но они наверняка захотят его допросить.

Люк заговорил.

- Держу пари, что захотят. И первый вопрос, который они зададут, вероятно, будет: *Где ты взял пистолет, парень?*

- Это *ты* их убил? - Билл задал вопрос небрежно, словно за между прочим. - Скажи правду, сынок. Это пойдет тебе на пользу.

- Нет. Я любил своих родителей. Люди, которые их убили, были ворами, а я был тем, что они пришли украсть. Они хотели выкрасть меня не потому, что я набрал пятнадцать-восемьдесят в ЕГЭ, или потому что я могу решать сложные уравнения в голове, или потому что знаю, что Харт Крейн совершил самоубийство, спрыгнув с палубы судна в Мексиканском заливе[193]. Они убили моих маму и папу и похитили меня, потому что иногда я мог задуть свечу, просто взглянув

на нее, или перевернуть поднос с пиццей со стола в *Рокет Пицце*. *Пустой* поднос для пиццы. Полный остался бы, где был. - Он взглянул на Тима и Венди и рассмеялся. - Я не смог бы найти работу даже на паршивом придорожном карнавале.

- Не вижу в этом ничего смешного, - нахмурился Таг.

- Я тоже, - сказал Люк, - но иногда я все равно смеюсь. Я много смеялся со своими друзьями Калишей и Ником, несмотря на все, что мы пережили. К тому же, для меня это было долгое лето. - На этот раз он не засмеялся, но улыбнулся. - Вы даже не представляете.

- Я думаю, тебе не помешает немного отдохнуть, - сказал Тим. - Таг, у тебя есть кто-нибудь в камере?

- Нет.

- Ладно, почему бы и нет…

Люк сделал шаг назад, на его лице отразилась тревога.

- Ни в коем случае. *Ни в коем случае.*

Тим поднял руки.

- Никто не собирается тебя запирать. Мы бы оставили дверь открытой.

- Нет. Пожалуйста, не делайте этого. Пожалуйста, не заставляйте меня идти в камеру. Тревога сменилась ужасом, и Тим впервые поверил хотя бы в одну часть рассказа мальчика. Все эти экстрасенсорные штучки - чушь собачья, но он и раньше, еще служа в полиции, видел то, что видел сейчас - взгляд и поведение ребенка, подвергшегося насилию.

- Ладно, как насчет дивана в приемной? - Венди указала пальцем. - Он бугристый, но не так чтобы очень. Я несколько раз спала на нем.

Если и так, Тим никогда не видел, как она это делает, но парень явно испытал облегчение.

- Хорошо, так и поступим. Мистер Джеймисон - Тим - флешка все еще у вас, да?

Тим достал её из нагрудного кармана и поднял.

- Вот она.

- Хорошо. - Он поплелся к дивану. - Я бы хотел, чтобы вы проверили этого мистера Холлистера. Я действительно думаю, что он может быть дядей.

Таг и Билл посмотрели на Тима одинаково озадаченно. Тим покачал головой.

- Ребята, которые следят за мной, - сказал Люк. - Они всем говорят, что они мои дядья. Или, может быть, двоюродные братья или просто друзья семьи. Он заметил, как Таг и Билл подкатили глаза, и снова улыбнулся. Он был одновременно уставшим и растерянным. - Да, я понимаю, как это звучит.

- Венди, почему бы тебе не отвести этих офицеров в кабинет Шерифа Джона и не ввести их в курс того, что рассказал нам Люк? Я останусь здесь.

- Вот именно, останешься, - сказал Таг. - Потому что до тех пор, пока Шериф Джон не выдаст тебе значок, ты всего лишь городской ночной стучащий.

- Принято к сведению, - сказал Тим.

- А что на флешке? - Спросил Билл.

- Даже не знаю. Когда приедет шериф, мы посмотрим, все вместе.

Венди проводила обоих помощников шерифа в кабинет Эшворта и закрыла дверь. Тим услышал приглушенные голоса. В это время у него обычно был сон-час, но он чувствовал себя более бодрым, чем когда-либо за последнее время. Возможно, с тех пор, как покинул полицию Сарасоты. Он хотел знать, кем на самом деле был мальчик, скрывающийся за этой безумной историей, где он был, и что с ним случилось.

Он взял чашку кофе из *Банна*[194] в углу. Напиток был крепким, но не таким уж непитейным, как обычно это было к десяти часам, когда он заходил сюда перед ночным обходом. Он наполнил чашку и отнес к креслу диспетчера. Мальчик либо заснул, либо чертовски хорошо притворялся. Повинуясь внезапному порыву, он схватил папку, в которой были телефонные номера всех предприятий Дюпре, и позвонил в мотель Дюпре. Звонок остался без ответа. Похоже, Холлистер все-таки не вернулся в свою крысятню. Что, конечно, ничего не значило.

Тим повесил трубку, достал из кармана флешку и посмотрел на нее. Это также ничего не значило, более чем вероятно, но, как Таг Фарадей изо всех сил и старался подчеркнуть, - это дело Шерифа Эшворта. Они могли подождать.

А пока, пусть мальчик поспит. Если он действительно проделал весь этот путь из Мэна в товарном вагоне, пусть воспользуется моментом.

15

Челленджер, на борту которого находились одиннадцать пассажиров - Миссис Сигсби, Тони Фиццейл, Вайнона Бриггс, доктор Эванс и объединенные команды Рубиново-красных и Опаловых, - приземлился в Алколу в четверть шестого. Для того чтобы легче было поддерживать связь со Стэкхаусом, следящим за операцией из Института, эта дюжина теперь называлась командой Золотых. Миссис Сигсби вышла из самолета первой. Денни Уильямс из Рубиново-красных и Луи Грант из Опаловых остались на борту, разбирая довольно специфический багаж Золотых. Миссис Сигсби стояла на асфальте, несмотря на невыносимую жару, и звонила по спутниковому телефону в свой офис. Ответила Розалинда и перевела звонок на Стэкхауса.

- Ты... - начала она и замолкла, пропуская пилота и второго пилота, они прошли мимо, не произнеся ни слова. Один когда-то служил в ВВС[195], другой - в ВНГ[196], и оба были похожи на нацистских охранников из старого сериала *Герои Хогана*[197]: они ничего не видели, ничего не слышали. Их работа была строго взлет - посадка.

Когда они ушли, она спросила Стэкхауса, не разузнал ли он что-нибудь от их человека в Дюпре.

- Да, разузнал. Эллис получил ушиб головы, когда спрыгнул с поезда. Сделал нырок в семафорный столб. Мгновенная смерть от субдуральной гематомы[198] решила бы большинство наших проблем, но Холлистер говорит, что это даже его не вырубило. Парень, управлявший автопогрузчиком, увидел Эллиса, завел его внутрь склада неподалеку от станции, вызвал местного коновала. Тот пришел и ушел. Чуть позже появилась женщина - помощник шерифа. Помощник шерифа и парень из погрузчика отвезли нашего мальчика в офис шерифа. Ухо, в котором был маячок, было забинтовано.

Денни и Луис Грант вышли из самолета, держа в руках длинный стальной футляр. Они спустили его по трапу и занесли внутрь.

Миссис Сигсби вздохнула.

- Ну, мы могли этого ожидать. На самом деле мы это и предвидели. Мы ведь говорим о маленьком городке, верно? И никакущих провинциальных правоохранительных органах?

- Да еще и у черта на куличках, - согласился Стэкхаус. - И это хорошая новость. А может быть, и больше. Наш парень говорит, что местный шериф водит большой старый серебристый пикап *Титан*[199], и он не был припаркован перед полицейским участком или на стоянке для городских служащих. Поэтому Холлистер решил прогуляться до местного круглосуточного магазина. Он говорит, что оборванцы, которые там работают - его термин, а не мой, - знают все обо всех. Охранник сказал ему, что шериф заехал за пачкой конфет *Свишер*, и сказал, что собирается навестить свою мать, которая находится в доме престарелых, или в хосписе, или еще где-то в соседнем городе. Но до ближайшего города отсюда миль тридцать.

- И это еще одна хорошая новость, не так ли? - Миссис Сигсби одернула воротник блузки.

- Нельзя быть уверенным, что полицейские в таком маленьком городке, как Дюпре, будут следовать протоколу, но если они это сделают, то просто задержат ребенка, пока не вернется большой пес. Пусть он сам решает, что делать дальше. Сколько времени вам понадобится, чтобы добраться туда?

- Два часа. Мы могли бы сделать это за меньшее время, но у нас слишком много обслуживающего персонала, и было бы неразумно превышать скорость.

- Конечно, - сказал Стэкхаус. - Послушай, Джулия. Мужланы из Дюпре могут связаться с полицией Миннеаполиса в любое время. Возможно, уже связались с ними. Это не должно иметь никакого значения. Ты ведь это понимаешь, да?

- Конечно.

- Мы побеспокоимся о бардаке, который должны убрать позже. А пока просто разберитесь с нашим странствующим мальчиком.

Убийство - вот что имел в виду Стэкхаус, и убийство - это то, что, вероятно, будет необходимой реальностью. Эллиса и всех, кто попытается встать у них на пути. Такой бардак означал бы звонок на Нулевой телефон, но если бы она могла заверить нежный, шепелявый голос на другом конце провода, что главная проблема решена, она думала, что могла бы уйти на покой, сохранив свою жизнь. Возможно, даже работу, но она согласна даже просто на жизнь, если до этого дойдет.

- Я знаю, что нужно делать, Тревор. Только дай мне до него добраться.

Она закончила разговор и вошла внутрь. Кондиционер в маленькой приемной ударил по ее вспотевшей коже, как пощечина. Рядом стоял Денни Уильямс.

- Мы готовы? - Спросила она.

- Да, мэм. Готов к рок-н-роллу. И займусь им, когда вы передадите мне микрофон.

Во время полета из Эйри Миссис Сигсби что-то искала в своем айпаде.

- Мы сделаем короткую остановку у съезда №181. Там я передам командование операцией тебе. Ты хорошо с этим справишься?

- На отлично, мэм.

Они обнаружили остальных стоящими снаружи. Не было никаких черных внедорожников с тонированными стеклами, только три семейных фургона в ненавязчивых цветах: синем, зеленом и сером. Сиротка Энни была бы разочарована.

16

Съезд № 181 свел караван Золотых с основной магистрали на дорогу в Никудавилль. Там была заправка, *Вафельный домик*[200], и все. Ближайший город, Латта, находился в двенадцати милях. Через пять минут после *Вафельного домика* Миссис Сигсби, ехавшая на пассажирском сидении в переднем фургоне, велела Денни заехать за ресторан, который выглядел так, будто он разорился примерно в то время, когда Обама стал президентом. Даже вывеска с надписью владелец будет строить по своему вкусу, выглядела заброшенной.

Стальной футляр, который Денни и Луи принесли с собой из *Челленджера*, был открыт, и команда Золотых вооружилась. Семь членов Рубиново-красных и Опаловых взяли по *Глоку 37*, оружие, которым они пользовались в своих миссиях по изъятию. Такой же выдали и Тони Фиццейлу, и Денни был рад видеть, как он немедленно взвел затвор и убедился, что патрона в патроннике нет.

- Неплохо было бы надеть кобуру, - сказал Тони. - Я не хочу засовывать его за пояс сзади, как какой-нибудь бандит из Эм-Эс 13[201].

- Пока просто спрячь его под сиденье, - сказал Денни.

Миссис Сигсби и Вайноне Бриггс выдали по *Зиг Зауэру P238*, достаточно миниатюрные, чтобы поместиться в их сумочках. Когда Денни предложил подобное оружие Эвансу, доктор поднял руки и отступил на шаг. Том Джонс из Опаловых наклонился к портативному оружейному шкафу и достал одну из двух штурмовых винтовок *HK37*.

- Как насчет этого, Док? Обойма на тридцать патронов, бьет словно корова копытом. Также кидает свето-шумовые.

Эванс покачал головой.

- Я здесь против своей воли. Если ты хочешь убить мальчика, я вообще не понимаю, зачем я здесь.

- К черту твою волю, - сказала Алиса Грин, тоже из Опаловых. Это было встречено своеобразным смехом - ломким, нетерпеливым, немного сумасшедшим - который появлялся только перед операцией, где была возможна перестрелка.

- Хватит, - сказала Миссис Сигсби. - Доктор Эванс, вполне возможно, что мы сможем взять мальчика живым. Денни, у тебя в блокноте есть карта Дюпре?

- Да, мэм.

- Тогда передаю командование операцией тебе.

- Отлично. Соберитесь вокруг. Ты тоже, Док, подходи, не стесняйся.

Они собрались вокруг Денни Уильямса на жарком предвечернем зное. Миссис Сигсби взглянула на часы. Четверть седьмого. В часе езды от места назначения, может, чуть больше. Немного отстают от графика, но приемлемо, учитывая скорость, с которой все было сделано.

- Вот центр Дюпре, и все, что там есть, - сказал Денни Уильямс. - Только одна главная улица. На полпути вниз находится Управление шерифа округа, прямо между мэрией и магазином *Дюпре Меркантайл.*

- А что такое торговый магазин[202]? - Это был Джош Готфрид из Опаловых.

- Типа универмаг, - сказала Робин Лекс.

- Больше похоже на старый добрый пять-десять[203]. - Это уже Тони Фиццейл. - Я провел в Алабаме около десяти лет, большую их часть на службе в полиции, и могу вам сказать, что в этих маленьких южных городках вы словно возвращаетесь на пятьдесят лет назад в машине времени. Кроме *Уолмарта*. В большинстве из них он есть.

- Хватит болтать, - сказала Миссис Сигсби и кивнула Денни, чтобы тот продолжал.

- Ничего особо сложного, - продолжил Денни. - Мы паркуемся здесь, за городским кинотеатром, он закрыт. Мы получили подтверждение от источника Миссис Сигсби, что объект все еще находится в полицейском участке. Мишель и я будем играть супружескую пару, окружающие должны принять нас за отпускников, решивших прошвырнуться по малопосещаемым городам американского юга…

- Другими словами, за сумасшедших, - сказал Тони, что вызвало еще больше этого ломкого смеха.

- Мы пройдем по улице, осматривая окрестности…

- Держась за руки, как влюбленные пташки, - сказала Мишель Робертсон, беря руку Денни и одаривая его застенчивой, но благоговейной улыбкой.

- А как насчет того, чтобы этот местный человек сам все проверил? - Спросил Луис Грант. - Разве так не безопаснее?

- Я его не знаю, поэтому не доверяю его разведданным, - сказал Денни. - Кроме того, он гражданский.

Он взглянул на Миссис Сигсби, и та кивком велела ему продолжать.

- Может, зайдем в участок и спросим дорогу. А может, и нет. Мы будем импровизировать. Мы хотим получить представление о том, сколько там офицеров и где они находятся. Затем... - Он пожал плечами. - Мы на них нападем. Если будет перестрелка, чего я не ожидаю, мы прикончим мальчика прямо там. Если нет, мы его заберем. Будет меньше бардака, если мы представим это как похищение.

Миссис Сигсби оставила Денни, чтобы он сообщил им, где будет ждать *Челленджер*, и позвонила Стэкхаусу, чтобы узнать последние новости.

- Только что связался с нашим приятелем Холлистером, - сказал он. - Шериф подъехал к участку минут пять назад. К этому времени он уже наверняка познакомился с нашим своенравным мальчиком. Пора за работу.

- Да. - Она почувствовала не совсем неприятное напряжение в животе и паху. - Я позвоню тебе, когда все закончится.

- Делай свое дело, Джулия. Вытащи нас из этого гребаного бардака.

Она закончила разговор.

17

Шериф Джон Эшворт вернулся в Дюпре около шести двадцати. В тысячах четырехстах милях к северу ошеломленные дети складывали сигареты и спички в корзины и входили в кинозал, где звездой вечернего показа должен был стать священник-евангелист из Индианы с большим количеством влиятельных политических друзей.

Шериф остановился в дверях и, уперев руки в бока, обвел взглядом большую главную комнату участка, отметив, что там собрался весь его персонал, за исключением Ронни Гибсон, которая отдыхала в Сент-Питерсберге, где проживала ее мать. Тим Джеймисон тоже был здесь.

- Ну, здравствуйте, - сказал он. - Это явно не вечеринка с сюрпризом, потому что сегодня не день моего рождения. И кто это тут у нас? - Он указал на мальчика, спящего на маленькой кушетке в приемной. Люк свернулся в позе эмбриона, насколько это было возможно. Эшворт повернулся к Тагу Фарадею, старшему помощнику шерифа. - И кстати, кто его избил?

Вместо ответа Таг повернулся к Тиму и протянул руку в жесте “твой выход”.

- Его зовут Люк Эллис, и здесь его никто не бил, - сказал Тим. - Он спрыгнул с товарняка и врезался в семафорный столб. Вот откуда взялись синяки. Что касается повязки, он говорит, что его похитили, и похитители вставили ему в ухо следящее устройство. Он утверждает, что отрезал себе мочку уха, чтобы избавиться от него.

- Ножом для чистки овощей, - добавила Венди.

- Его родители умерли, - сказал Таг. - Их убили. Эта часть его истории - правда. Я все проверил. Сбегал по дороге в ад в Миннесоту.

- Но он говорит, что место, откуда он сбежал, расположено в штате Мэн, - сказал Билл Уиклоу.

Эшворт на мгновение замолчал, все еще держа руки на бедрах, переводя взгляд со своих помощников и ночного стучащего на мальчика, спящего на диване. Не было никаких признаков того, что Люк пришел в себя; для окружающего мира он был мертв. Наконец

Шериф Джон перевел взгляд на собравшихся сотрудников правоохранительных органов.

- Я начинаю жалеть, что не осталась поужинать с мамой.

- Ой, ей уже лучше? - Спросил Билл.

Шериф Джон проигнорировал это замечание.

- Если предположить, что вы не курили дурь, могу я услышать более связную историю?

- Садись, - сказал Тим. - Я введу тебя в курс дела, а потом, я думаю, нам стоит заглянуть в это. - Он положил флешку на стол диспетчера. - После чего ты сможешь решить, что мы будем делать дальше.

- Возможно, вы захотите позвонить в полицию Миннеаполиса или в полицию штата Чарльстон, - сказал помощник шерифа Беркетт. - Может быть, обоим. - Он наклонил голову в сторону Люка. - Пусть они сами решают, что с ним делать.

Эшворт сел.

- Если вникнуть глубже, я рад, что вернулся раньше. Это довольно интересно, не правда ли?

- Очень, - ответила Венди.

- Ну, тогда все в порядке. Здесь, как правило, очень скучно, а мы можем все изменить. Копы Миннеаполиса думают, что это он убил своих родителей?

- Именно к этому нас направляют газетчики, - сказал Таг. - Хотя они очень осторожны, ведь он несовершеннолетний и все такое.

- Он удивительно умен, - сказала Венди, - но в остальном он кажется довольно милым ребенком.

- Угу, угу, как бы он ни был хорош или противен, в конечном итоге это будет забота кого-то другого, но сейчас мое любопытство в верхней точке. Билл, прекрати возиться с часами, пока ты их не сломал, и принеси мне *Кока-Колу* из моего офиса.

18

Пока Тим пересказывал Шерифу Эшворту историю, которую Люк рассказал ему и Венди, и пока команда Золотых приближалась к выезду из Хардивилла на трассу I-95, проехав по которой, они должны были свернуть в маленький городок Дюпре, Ник Уилхольм загонял детей, оставшихся в кинозале, в маленькую комнату отдыха Задней половины.

Иногда дети держались удивительно долго; Джордж Айлс был тому живым примером. Иногда, однако, казалось, что они моментально разваливаются. Похоже, это происходило с Айрис Стэнхоуп. То, что дети в Задней Половине называли отскоком - короткая передышка от головной боли после фильма - на этот раз с ней не произошло. Ее глаза были пусты, а рот приоткрыт. Она стояла у стены комнаты отдыха, опустив голову и закрыв глаза волосами. Хелен подошла к ней и обняла за плечи, но Айрис, казалось, ничего не заметила.

- Что мы здесь делаем? - Спросила Донна. - Я хочу вернуться в свою комнату. Я хочу лечь спать. Я ненавижу эти вечерние киносеансы. - Ее голос звучал ворчливо, она едва не плакала, но, по крайней мере, она была в сознании и все понимала. То же самое касалось Джимми и Хэла. Они выглядели ошеломленными, но не такими раздавленными, как Айрис.

Больше никаких фильмов не будет, - ментально произнес Эйвери. - *Никогда*.

Его голос звучал в голове Калиши громче, чем когда-либо, и для нее это почти доказывало - вместе они действительно были сильнее.

- Смелое предположение, - сказал Ники. - Особенно от такого маленького засранца, как ты, Эйвестер.

Хэл и Джимми улыбнулись, а Кэти даже хихикнула. Только Айрис все еще казалась совершенно потерянной, теперь уже неосознанно почесывая промежность. Лен отвлекся на телевизор, хотя там ничего не показывали. Калиша подумала, что, возможно, он изучает собственное отражение.

У нас мало времени, - сказал Эйвери. *Один из них скоро придет, чтобы отвести нас в наши комнаты.*

- Наверное, Корин, - сказала Калиша.

- Да, - сказала Хелен. - Злая Сука с Востока.

- Что же нам делать? - Спросил Джордж.

Мгновение Эйвери, казалось, находился в растерянности, и Калиша испугалась. И тут маленький мальчик, который немного ранее думал, что его жизнь закончится в погружном баке, протянул руки.

- Беритесь за руки, - сказал он. - Сделаем круг.

Все, кроме Айрис, двинулись вперед. Хелен Симмс взяла Айрис за плечи и повела к неровному кругу, образованному остальными. Лен

с тоской посмотрел через плечо на телевизор, потом вздохнул и протянул руки.

- Черт с ним. Давайте.

- Вот именно, черт с ним, - сказала Калиша. - Терять-то нечего. - Она взяла правую руку Лена в левую, а левую руку Ники - в правую. Айрис присоединилась последней, и в тот момент, когда она оказалась связанной с Джимми Каллумом с одной стороны и Хелен с другой, ее голова поднялась.

- Где я? Что мы делаем? Фильм закончился?

- Тише, - сказала Калиша.

- Моя голова чувствует себя лучше!

- Хорошо. А теперь тише.

И остальные присоединились: *тише... тише... Айрис, тише.*

С каждой секундой это *тише* становилось все громче. Что-то изменилось. Что-то заряжалось.

Рычаги, подумала Калиша. *Вот рычаги, Эйвери*.

Он кивнул ей с другой стороны круга.

Это была еще не та сила, по крайней мере, пока, и она знала, что было бы роковой ошибкой верить в это, но *потенциал* этой силы сильно возрос. Калиша подумала: *Это все равно, что дышать воздухом перед самой большой летней грозой.*

- Ребята? - Сказал Лен несмелым голосом. - Голова у меня ясная. Я не помню, когда в последний раз была такой ясной. - Он посмотрел на Калишу с чем-то вроде паники. - Не отпускай меня, Ша!

С тобой все в порядке, подумала она. *Ты в безопасности*.

Но он не был, никто из них не был.

Калиша знала, что произойдет дальше, что *будет* дальше, но она этого боялась. Одновременно, она одновременно этого и хотела. Только это было больше, чем желание. Это было вожделение. Они были детьми-бомбами, и это могло быть неправильным, но это казалось таким правильным.

Эйвери заговорил тихим, чистым голосом:

- Думайте. Думайте вместе со мной, ребята.

Он начал, мысли и образы, которые их сопровождали, были сильными и ясными. Ники к нему присоединился. Вступили Кэти, Джордж и Хелен. И Калиша тоже. Потом все остальные. Они пели в конце фильма, и они пели сейчас.

Подумайте о Бенгальском огне. Подумайте о Бенгальском огне. Подумайте о Бенгальском огне.

Появились точки, более яркие, чем когда-либо. Раздался гул, громче, чем когда-либо. Бенгальский огонь появился, плюясь блеском.

И вдруг их стало не одиннадцать. Внезапно их стало двадцать восемь.

Зажигание, подумал Калиша. Она была в ужасе, она ликовала, она была в экстазе.

БОЖЕ МОЙ

19

Когда Тим закончил рассказывать историю Люка, Шериф Эшворт несколько секунд молча сидел в кресле диспетчера, сцепив пальцы на своем внушительном животе. Затем взял флешку, изучил ее, как будто никогда раньше не видел ничего подобного, и положил на место.

- Он сказал тебе, что не знает, что там, верно? Только то, что получил её от горничной с ножом, которым он сделал себе операцию на мочке уха.

- Так он и сказал, - согласился Тим.

- Пролез под забором, прошел через лес, проплыл на лодке по реке, как Гек и Джим[204], а потом большую часть пути проехал в товарном вагоне вдоль восточного побережья.

- По его словам, да, - ответила Венди.

- Ну, это уже настоящее приключение. Мне особенно нравится часть о телепатии и превосходстве разума над материей. Как и истории, которые древние бабки рассказывают на своих стегающих пчелах[205] и консервных вечеринках - о кровавых дождях и лечении пиявками. Венди, разбуди мальчика. Я вижу, что он прошел через многое, независимо от того, какова его настоящая история, но когда мы перевариваем сказанное им, я хочу, чтобы он делал это вместе с нами.

Венди пересекла комнату и потрясла Люка за плечо. Сначала мягко, потом чуть сильнее. Он что-то пробормотал, застонал и попытался от нее отстраниться. Она взяла его за руку.

- Ну же, Люк, открой глаза и...

Он вскочил так внезапно, что Венди отшатнулась. Его глаза были открыты, но ничего не видели, волосы торчали спереди и вокруг головы, как иглы.

- *Они что-то делают! Я видел бенгальский огонь!*

- О чем он говорит? - Спросил Джордж Баркетт.

- Люк! - Сказал Тим. - Все в порядке, ты видел сон…

- *Убейте их!* - Крикнул Люк, и в маленькой пристройке полицейского участка захлопнулись двери всех четырех камер. - *Уничтожьте этих ублюдков!*

Бумаги взлетели с диспетчерского стола, как стая испуганных птиц. Тим почувствовал, как мимо него пронесся порыв ветра, достаточно сильный, чтобы взъерошить его волосы. Венди вскрикнула, но это был не совсем крик. Шериф Джон вскочил на ноги.

Тим крепко встряхнул мальчика.

- Проснись, Люк, проснись!

Бумаги, порхавшие по комнате, упали на пол. Собравшиеся полицейские, включая Шерифа Джона, уставились на Люка с открытыми ртами.

Люк хватал руками воздух.

- Уходите, - пробормотал он. - Отпустите меня.

- Хорошо, - сказал Тим и отпустил плечо Люка.

- Не ты, а точки. Огни Штази... - Он выдохнул и провел рукой по своим грязным волосам. - О'кей. Они ушли.

- Это ты сделал? - Спросила Венди. Она указала на упавшие бумаги. - Ты действительно можешь это делать?

- *Что-то* определенно это сделало, - сказал Билл Уиклоу. Он смотрел на часы ночного стучащего. - Стрелки на этой штуке много лет бегали по кругу... просто *носились*... но теперь они стоят.

- Они что-то делают, - сказал Люк. - Мои друзья что-то делают. Я почувствовал это даже здесь. Как такое может быть? Господи, моя *голова*.

Эшворт подошел к Люку и протянул ему руку. Тим заметил, что вторую руку он держит на рукоятке пистолета в кобуре. - Я Шериф Эшворт, сынок. Не хочешь её пожать?

Люк пожал.

- Хорошо. Хорошее начало. Теперь я хочу знать правду. Ты только что это сделал?

- Я не знаю, кто это был - я или они, - сказал Люк. - Я не знаю, как это могли сделать они, они так далеко, но я и не знаю, как это мог сделать я. Я никогда в жизни не делал ничего подобного.

- Ты специализируешься на противнях для пиццы, - сказала Венди. - Пустых.

Люк слабо улыбнулся.

- Да. Вы не видели огней? Кто-нибудь из вас? Кучи цветных точек?

- Я не видел ничего, кроме летающих бумаг, - сказал Шериф Джон. - И услышал, как захлопнулись двери камер. Фрэнк, Джордж, поднимите эти бумаги, пожалуйста. Венди, дай этому мальчику аспирин. А потом мы все посмотрим, что на этом маленьком компьютерном виджете.

- Сегодня днем твоя мать могла говорить только о своих заколках. Она сказала, что кто-то украл ее заколки.

У Шерифа Джона отвисла челюсть.

- Откуда ты это знаешь?

Люк покачал головой.

- Даже не знаю. То есть, я даже не пытался это узнать. Господи, хотел бы я понять, что они делают. И хотел бы быть вместе с ними.

- Я думаю, что в истории этого парня все-таки что-то есть.

- Я хочу взглянуть, что на этой флешке, и немедленно, - сказал Шериф Эшворт.

20

Первым, что они увидели, было пустое кресло, старомодная спинка которого стояла перед стеной с литографией парусника от *Карриера и Айвса*[206]. Потом в кадр просунулось женское лицо, уставившееся в объектив.

- Это она, - сказал Люк. - Это Морин, дама, которая помогла мне сбежать.

- Включено? - Сказала Морин. - Маленький огонек горит, так что думаю, да. Я надеюсь на это, потому что не думаю, что у меня хватит сил сделать это дважды. - Ее лицо отъехало от экрана ноутбука, за которым наблюдали офицеры. Тим почувствовал некоторое облегчение. Экстремально крупный план делал эту женщину похожей на запертую в аквариуме рыбу.

Ее голос немного поблек, но все еще был слышен.

- Но если придется, я это сделаю. - Она села в кресло и поправила подол своей цветастой юбки на коленях. Поверх него она надела красную блузку. Люк, никогда не видевший ее без униформы, подумал, что это очень красивое сочетание, но яркие цвета не могли скрыть ни худобы ее лица, ни изможденности.

- Звук на максимум, - сказал Фрэнк Поттер. - Ей следовало бы надеть переносной микрофон.

Тем временем она что-то проговорила. Таг перемотал видео, выкрутил звук на полную и снова нажал кнопку воспроизведения. Морин снова вернулась в кресло с откидной спинкой и снова поправила подол своей юбки. Затем она посмотрела прямо в объектив камеры.

- Люк?

Он был так поражен, услышав свое имя из ее уст, что едва не ответил, но она опередила его, и то, что она сказала дальше, вонзило ему в сердце ледяной кинжал. Хотя он это подозревал, не так ли? Точно так же, как он не нуждался в *Стар Трибюн*, чтобы догадаться о своих родителях.

- Если ты это смотришь, значит, ты сбежал, а я мертва.

Помощник шерифа по имени Поттер что-то сказал тому, кого звали Фарадей, но Люк не обратил на это внимания. Он был полностью сосредоточен на женщине, которая была его единственным взрослым другом в Институте.

Я не собираюсь рассказывать тебе историю своей жизни, - сказала мертвая женщина в кресле с откидной спинкой. - На это нет времени, и я этому рада, потому что мне очень стыдно. Но только не за моего мальчика. Я горжусь тем, каким он стал. Он собирается в колледж. Он никогда не узнает, что это я передала ему деньги, и это хорошо. Это хорошо, так и должно быть, потому что я его бросила. И Люк, без твоей помощи я могла бы потерять эти деньги и шанс поступить с ними правильно. Я только надеюсь, что и с тобой я правильно поступила.

Она помолчала, словно собираясь с мыслями.

- Я расскажу одну часть своей истории, потому что это важно. Я была в Ираке во время Второй войны в Персидском заливе, я побывала в Афганистане, и я была вовлечена в то, что называлось допросом с пристрастием.

Для Люка, ее спокойствие - никаких тебе охов, никаких слов-паразитов, типа *знаешь*, *вроде* или *типа того* - было откровением. Это заставило его почувствовать смущение, а также печаль. Она казалась гораздо более умной, чем во время их бесед возле автомата со льдом. Потому что она просто *прикидывалась* дурочкой? Может быть, но может быть - скорее всего - он увидел женщину в коричневой униформе горничной и просто предположил, что у нее не так уж много ума.

Другими словами, мы с ней на разных уровнях, подумал Люк и понял, что смущение не совсем точно описывает его чувства. Право слово, это было еще и обидно.

- Я видела пытки водой, и я видела немало мужчин, да и женщин тоже, - стоящих в тазах с водой с электродами на пальцах или в прямой

кишке. Я видела, как ногти на ногах вырывали плоскогубцами. Я видела человека, которому выстрелили в коленную чашечку, когда он плюнул в лицо следователю. Сначала я была шокирована, но через некоторое время привыкла. Иногда, когда это были мужчины, которые пускали СВУ[207] на наших мальчиков или посылали террористов-смертников на переполненные рынки, я была этому даже рада. Я была... Сейчас вспомню это слово...

- Десенсибилизирована[208], - сказал Тим.

- Десенсибилизирована, - сказала Морин.

- Господи, как будто она тебя услышала, - сказал помощник шерифа Баркетт.

- Тише, - сказала Венди, и что-то в этом слове заставило Люка вздрогнуть. Как будто кто-то другой сказал это прямо перед ней. Он снова переключил свое внимание на видео.

- … никогда не принимала непосредственного участия после первых двух или трех раз, потому что мне нашли другое применение. Когда они прекращали допрос, я играла роль доброго сержанта, который приходил и тайком давал им попить или что-нибудь поесть из своего кармана, батончик *Квест* или пару *Орео*. Я говорила им, что все следователи ушли на перерыв - перекусить, и микрофоны были выключены. Я говорила, что мне их жаль, и я хочу им помочь. Я говорила, что если они не заговорят, то будут убиты, хотя это и против правил. Я никогда не рассказывала им о Женевской конвенции[209], потому что большинство из них не знали, что это такое. Я говорила, что если они не заговорят, их семьи будут убиты, и я действительно этого не хотела. Обычно это не срабатывало - они что-то подозревали, - но иногда, когда следователи возвращались, заключенные говорили им то, что те хотели услышать, либо потому, что верили мне, либо потому, что хотели верить. Иногда они что-то рассказывали именно мне, потому что были сбиты с толку... дезориентированы... и потому, что они мне доверяли. Да поможет мне Бог, у меня было очень располагающее лицо.

Я знаю, зачем она мне это говорит, - подумал Люк.

- Как я оказался в Институте... эта история слишком длинная для уставшей, больной женщины. Кое-кто пришел ко мне, остановимся на этом. Не Миссис Сигсби, Люк, и не мистер Стэкхаус. И не человек, работающий на правительство, конечно же. Он был стар. Сказал, что

он - вербовщик. Спросил, не хочу ли я получить работу, когда закончатся мои военные гастроли. Легкая работа, сказал он, но только для человека, который умеет держать язык за зубами. Я думала о повышении, но это звучало даже лучше. Потому что этот человек сказал, что я буду помогать своей стране намного больше, чем когда-либо могла это делать в Песочной стране. Так что я взялась за эту работу, и когда они отрядили меня в прислугу, я не возражала. Я знала, что они делают, и сначала меня это устраивало, потому что я понимала, - для чего. И это было хорошо, потому что Институт похож на то, что говорят о мафии - как только ты вошел, выйти ты не можешь. Когда у меня не хватило денег, чтобы оплатить счета мужа, и когда я начала бояться, что стервятники заберут деньги, которые я скопила для своего мальчика, я попросила работу, которую неоднократно делала в армии, и Миссис Сигсби и Мистер Стэкхаус позволили мне попробовать.

- Стукачество, - пробормотал Люк.

- Это было легко, как надеть старую пару туфель. Я находилась там, в течение двенадцати лет, но стучала только последние шестнадцать месяцев или около того, и к концу я начала чувствовать, что поступаю очень плохо, делая то, что делала, и я говорю не только о стукачестве. Я стала нечувствительной в том месте, которое мы называли черными домами, и я оставалась нечувствительной в Институте, но, в конце концов, это начало стираться, как восковый блеск стирается с автомобиля, если вы не наносите новый время от времени. Они ведь просто дети, а дети хотят доверять взрослому, который добр и отзывчив. *Они* ведь никогда никого не взрывали. Они сами были теми, кого взорвали, их и их семьи. Но, может быть, я бы все равно продолжила это делать. Если я буду абсолютно честна - а сейчас уже слишком поздно, чтобы было по-другому, - то, наверное, так бы и поступила. Но потом я заболела и встретила тебя, Люк. Ты мне помог, но я помогла тебе не поэтому. Во всяком случае - это не единственная причина, да и не главная. Я видела, как ты умен, намного умнее всех остальных детей, намного умнее тех, кто тебя выкрал. Я знала, что их не волнует ни твой тонкий ум, ни твое чувство юмора, ни то, как ты готов помочь такому старому больному мешку, как я, даже зная, что это может навлечь на тебя неприятности. Для них ты был просто еще одним винтиком в машине, которым можно пользоваться

до тех пор, пока он не износится. В конце концов, ты пошел бы тем же путем, что и все остальные. Сотни. Может быть, тысячи, начиная с самого начала.

- Она что, с ума сошла? - Спросил Джордж Баркетт.

- Заткнись! - Сказал Эшворт. Он наклонился вперед, не отрывая глаз от экрана.

Морин остановилась, чтобы глотнуть воды и протереть глаза, запавшие в глубокие впадины. Больные глаза. Грустные глаза. Умирающие глаза, подумал Люк, глядя вечности прямо в лицо.

- Это было трудное решение, и не только из-за того, что они могли сделать со мной или с тобой, Люк. Это было трудно, потому что если ты все-таки сбежишь, если они не поймают тебя в лесу или в излучине реки Деннисон, и если ты найдешь кого-то, кто поверит тебе... если ты преодолеешь все эти "*если*", то сможешь вытащить то, что происходило здесь в течение пятидесяти или шестидесяти лет, наружу. Обрушить все это на их головы.

Как Самсон с храмом, подумал Люк.

Она наклонилась вперед, глядя прямо в объектив. Прямо на него.

- Но это может означать конец света.

21

Заходящее солнце превратило железнодорожные пути, проходящие рядом с федеральным шоссе № 92, в розовато-красные огненные линии, которые, казалось, дополнительно освещали знак прямо впереди:

Добро пожаловать в Дюпре, Ю. К.

ЦЕНТР ОКРУГА ФЭРЛИ

Население 1,369

ХОРОШЕЕ МЕСТО ДЛЯ ЭКСКУРСИИ И ЛУЧШЕЕ МЕСТО ДЛЯ ЖИЗНИ!

Дэнни Уильямс завел головной фургон на грязную обочину. Остальные последовали за ним. Он поговорил с теми, кто сидел в его фургоне - с Миссис Сигсби, доктором Эвансом, Мишель Робертсон, - потом подошел к двум другим.

- Радиоприемники выключить, наушники вынуть. Мы не знаем, какие частоты могут прослушивать местные жители или военные. Мобилки выключить. Теперь это закрытая операция, и так будет продолжаться до тех пор, пока мы не вернемся на аэродром.

Он вернулся к переднему фургону, сел за руль и повернулся к Миссис Сигсби.

- Все хорошо, мэм?

- Все хорошо.

- Я здесь не по своей воле, - повторил доктор Эванс.

- Заткнись, - сказала Миссис Сигсби. - Денни? Вперед.

Они въехали в округ Фэрли. По одну сторону дороги стояли амбары, поля и сосновые рощи, по другую - железнодорожные пути и еще больше деревьев. До самого города оставалось всего две мили.

22

Корин Роусон стояла перед кинозалом, разгребая дерьмо с Джейком “Змеей” Хаулендом и Филом “Пилюлей” Чаффицем. В детстве Корин подвергалась жестокому обращению со стороны отца и двух из четырех старших братьев, и у нее никогда не было проблем с работой в Задней половине. Она знала, что мальчишки называют ее Корин-пощечина, и это было нормально. Она много раз получала пощечины в трейлерном парке Рено, где выросла, и, привыкла смотреть на это дело с такой точки зрения: было и было. К тому же, это делалось ради благого дела. То, что вы назвали бы беспроигрышной ситуацией.

Конечно, были недостатки в работе в Задней Половине. Во-первых, твоя голова забивалась слишком большим количеством информации. Она знала, что Фил хочет ее трахнуть, а Джейк - нет, потому что Джейку нравились только женщины с двумя широкими буферами впереди и лишним барахлом в багажнике. И она знала, что они знают, что она не хочет иметь ничего общего ни с одним из них, по крайней мере, не в этом смысле; с семнадцати лет она боролась только за другую сторону.

Телепатия всегда отлично звучала в рассказах и фильмах, но в реальной жизни она была чертовски раздражающей. Она приходила с гулом, который также был недостатком. И аккумулировалась, что было главным недостатком. Горничные и уборщики менялись местами между Передней и Задней Половиной, что помогало, но надзиратели в красном работали только здесь и нигде больше. Было две команды, Альфа и Бета. Каждая работала по четыре месяца, а потом получала четыре месяца отпуска. Корин была почти в конце своей нынешней четырехмесячной синусоиды. Она проведет неделю или две, приходя в

себя, в соседней штабной деревне, а затем отправится в свой маленький домик в Нью-Джерси, где будет жить с Андреа, которая считала, что ее партнерша задействована в сверхсекретном военном проекте. Сверхсекретно - было, но ничего военного.

За время ее пребывания в деревне низкоуровневая телепатия ослабнет, и к тому времени, когда она вернется к Андреа, ее уже не будет. Затем, через несколько дней после ее следующего пришествия, она начнет ползти вперед. Если бы она была способна испытывать сочувствие (чувство, выбитое из нее к тринадцати годам), она бы испытывала его к доктору Халласу и доктору Джеймс. Они были здесь все время, что означало, что они почти постоянно подвергались воздействию гула, и вы могли видеть, что он с ними делал. Она знала, что доктор Хендрикс, главный медик Института, делал инъекции в спину, которые должны были ограничить нарастающее разрушение, но была большая разница между ограничением вещи и ее полной остановкой.

Хорас Келлер, рыжий надзиратель, с которым она дружила, называл Хекла и Джекла высокоэффективными психами. Он говорил, что, в конце концов, один из них или оба сойдут с ума, и тогда людям сверху придется искать новые медицинские таланты. Корин это было пофиг. Ее работа состояла в том, чтобы следить за тем, чтобы дети ели, когда им полагалось есть, заходили в свои комнаты, когда они должны были идти в свои комнаты (то, что они там делали, ее тоже не касалось), ходили в кинозал по вечерам и не выбивались из строя. Когда они это делали, она давала им пощечины.

- Что-то горки сегодня неспокойны, - сказал Джейк-змея. - Слышите? Электрошокеры в боевую готовность, когда будем кормить их в восемь часов, верно?

- Вечерами им всегда становится хуже, - сказал Фил. - Я не... Эй, какого *хера*?

Корин тоже это почувствовала. Они привыкли к гулу, как привыкаешь к звуку шумного холодильника или дребезжащего кондиционера. Теперь, внезапно, он поднялся до уровня, который обычно они чувствовали на вечерних киносеансах, которые были вечерами бенгальских огней. Только в киношные вечера он в основном доносился из-за закрытых и запертых дверей Палаты А, также известной как Парк Горького. Теперь она чувствовала, что он

доносится не только оттуда, но и с другой стороны, словно порыв сильного ветра. Из комнаты отдыха, куда эти дети пошли, чтобы провести свое свободное время, когда шоу закончилось. Сначала туда пошла одна группа, те, кто все еще нормально функционировал, затем пара, о которых Корин думала как о предгорках.

- Какого хера они там делают? - Крикнул Фил. Он приложил руки к вискам.

Корин побежала в комнату отдыха, вытаскивая по пути электрошокер. Джейк бежал позади нее. Фил - возможно, более чувствительный к гулу, может быть, просто испуганный - остался на месте, прижав ладони к вискам, словно пытаясь удержать свою голову от взрыва.

Добравшись до двери, Корин увидела почти дюжину детей. Даже Айрис Стэнхоуп, которая непременно отправится в Парк Горького после завтрашнего фильма, была там. Они стояли в кругу, взявшись за руки, и теперь гул был настолько сильным, что у Корин слезились глаза. Ей казалось, что она даже чувствует, как вибрируют ее пломбы.

Вставлю себе новые, - подумала она. Креветка. Я думаю, это он за рулем. Ударю его, и это поможет разорвать цепь.

Но как только она об этом подумала, ее пальцы разжались, и шокер упал на ковер. Позади нее, почти теряясь в гуле, она услышала, как Джейк кричит детям, чтобы они прекратили заниматься ерундой и разошлись по своим комнатам. Чернокожая девушка смотрела на Корин, и на ее губах играла дерзкая улыбка.

Я сейчас сорву с тебя эту улыбку, Мисси, - подумала Корин, но когда она подняла руку, чернокожая девушка кивнула.

Правильно, дай пощечину.

К Калише присоединился еще один голос: *Пощечину!*

Потом все остальные: *Пощечину! Пощечину! Пощечину!*

Корин Роусон принялась хлопать себя сначала правой рукой, потом левой, раз за разом, все сильнее и сильнее, сознавая, что ее щеки сначала загораются, а потом начинают пылать, но это ощущение было слабым и далеким, потому что теперь гул был вовсе не гулом, а огромным *ВАААААУ* внутренней сигнализации.

Она упала на колени, когда мимо нее пронесся Джейк.

- Прекрати делать то, что ты делаешь, чертов маленький…

Его рука взметнулась вверх, и раздался электрический треск, когда он ударил себя шокером между глаз. Он дернулся назад, сначала расставив ноги, а затем затанцевав что-то похожее на фанк, выпучив глаза. У него отвисла челюсть, и он вставил в рот ствол своего шокера. Треск электричества был приглушен, но результаты были очевидны. Его горло раздулось, как мочевой пузырь. Мгновенный голубой свет исходил из его ноздрей. Затем он упал, засунув тонкий ствол шокера в рот до самой рукояти, его палец продолжал судорожно сжимать спусковой крючок.

Калиша вывела их в коридор, держа за руки, как первоклассников на школьной прогулке. Фил-пилюля увидел их и отпрянул назад, держа в одной руке свой шокер, а в другой сжимая ручку одну из дверей просмотрового зала. Дальше по коридору, между кафешкой с одной стороны и Палатой А с другой, стоял доктор Эверетт Халлас с открытым ртом.

Теперь кулаки начали колотить по запертым двойным дверям Парка Горького. Фил уронил свой шокер и поднял руку, которая держала его, показывая приближающимся детям, что она пуста.

- Со мной никаких проблем, - сказал он. - Что бы вы ни собирались сделать, со мной проблем не будет…

Двери кинозала захлопнулись, отрезав ему голос и три пальца.

Доктор Халлас развернулся и побежал.

Два других надзирателя в красном вышли из комнаты отдыха для персонала за лестницей, ведущей в крематорий. Они побежали к Калише и ее импровизированному отряду, оба с обнаженными шокерами. Они остановились перед запертыми дверями Палаты А, ударили друг друга и упали на колени. Там они продолжали обмениваться электрическими разрядами, пока оба не упали без чувств. Появились новые надзиратели, которые либо видели, либо чувствовали, что происходит, и отступили, некоторые спустились по лестнице в крематорий (тупик во многих отношениях), другие вернулись в комнату отдыха персонала или комнату отдыха врачей.

Ну же, Ша. Эйвери смотрел в конец коридора, мимо Фила - воющего из-за торчащих обрубков пальцев - и двух ошеломленных надзирателей.

Разве мы не выходим отсюда?

Да. Но сначала мы выпустим их.

Очередь детей двинулась по коридору к Палате А, в самое сердце гула.

23

- Я не знаю, как они выбирают свои цели, - продолжила Морин. - Я часто об этом думала, но это должно работать, потому что за последние семьдесят пять лет никто не сбросил атомную бомбу и не начал Мировую войну. Подумайте о том, какое это фантастическое достижение. Я знаю, что некоторые люди говорят, что Бог наблюдает за нами, а некоторые говорят, что это дипломатия или то, что они называют безумным, взаимно гарантированным уничтожением, но я не верю ни во что из этого. Это все Институт.

Она сделала паузу, чтобы сделать еще глоток воды, и продолжила:

- Они знают, каких детей брать, потому что большинство детей при рождении проходят тест. Я не должна знать, что это за тест, я всего лишь скромная горничная, но я слушаю так же хорошо, как и доношу. И я подглядываю. Он называется НФГМ, что означает нейротрофический фактор головного мозга. Дети с высоким НФГМ берутся на карандаш, за ними следят, и в конечном итоге изымают и доставляют в Институт. Иногда им по шестнадцать лет, но большинство из них моложе. Они хватают тех, у кого действительно высокий уровень НФГМ, как можно раньше. У нас здесь бывали дети в возрасте восьми лет.

Это объясняет случай с Эйвери, подумал Люк. *И Близняшками Уилкокс*.

- Их подготавливают в Передней Половине. Часть подготовки проводится с помощью уколов, часть под воздействием чего-то, что доктор Хендрикс называет Огнями Штази. Некоторые из детей, которые приходят сюда, обладают телепатическими способностями - читают мысли. Некоторые из них - телекинетики - разум рулит над материей. После уколов и воздействия Огней Штази некоторые дети остаются прежними, но большинство становятся немного сильнее в любой способности, с которой их принимали. И есть несколько, которых Хендрикс называет розовыми, которые получают дополнительные тесты и уколы и иногда развивают обе способности. Я слышала, как доктор Хендрикс однажды сказал, что способностей может быть еще больше, и их открытие может изменить все к лучшему.

- ТП прибавляется к ТК, - пробормотал Люк. - Это случилось со мной, но я это скрыл. По крайней мере, попытался.

- Когда они будут готовы... приступить к работе, их перемещают из Передней Половины в Заднюю. Они смотрят фильмы, которые показывают одного и того же человека снова и снова. Дома, на работе, на отдыхе, на семейных посиделках. Затем они получают триггерное изображение, которое возвращает Огни Штази, а также связывает их вместе. Теперь ты понимаешь... как это работает... когда они поодиночке, их силы невелики даже после улучшений, но когда они вместе, их сила увеличивается... для этого есть математическое слово...

- Экспоненциально, - ответил Люк.

- Я не знаю этого слова. Я устала. Важно то, что эти дети используются для устранения определенных людей. Иногда это выглядит как несчастный случай. Иногда это выглядит как самоубийство. Иногда как убийство. Но за этим всегда стоят дети. Этот политик, Марк Берковиц? Все те же дети. Джанги Гафур, тот человек, который якобы случайно взорвал себя на своей фабрике по изготовлению бомб в провинции Кундуз два года назад? Это были дети. И много других, за мою бытность в Институте. Вы бы сказали, что в этом нет ни рифмы, ни смысла - шесть лет назад это был какой-то аргентинский поэт, который проглотил щелочь - и я не вижу, но должен был быть, потому что мир все еще стоит на месте. Я как-то слышала, как Миссис Сигсби, она же Большой Босс, говорила, что мы похожи на людей, которые постоянно вычерпывают лодку, которая иначе утонет, и я ей верю.

Морин еще раз потерла глаза и наклонилась вперед, пристально глядя в камеру.

- Им нужно постоянное поступление детей с высоким уровнем НФГМ, потому что Задняя Половина их выматывает. У них бывают головные боли, которые становятся все сильнее и сильнее, и каждый раз, когда они видят Огни Штази или видят доктора Хендрикса с его бенгальским огнем, они теряют все больше своей сущности. В конце концов, когда их отправляют в Парк Горького - так персонал называет Палату А, - они становятся похожими на детей, страдающих слабоумием или прогрессирующей болезнью Альцгеймера. Им становится все хуже и хуже, пока они не умирают. Обычно это пневмония, потому что они специально поддерживают в Парке

Горького низкую температуру. Иногда так бывает... - Она пожала плечами. - О Боже, как будто они просто забыли, как сделать следующий вдох. Что касается избавления от трупов, то в Институте есть современный крематорий.

- Нет, - тихо произнес шериф Эшворт. - Боже, *нет*.

- Персонал в Задней Половине работает в том, что они называют продолжительными колебаниями. Несколько месяцев работы и несколько месяцев отдыха. Так и должно быть, потому что атмосфера там токсична. Но поскольку ни один из сотрудников не имеет высоких баллов НФГМ, для них процесс идет медленнее. На некоторых гул вообще не влияет.

- Там на постоянной основе работают два врача, и они оба потихоньку сходят с ума. Я знаю, потому что я там была. Горничные и уборщики имеют более короткие промежутки работы между Передней Половиной и Задней Половиной. То же самое с персоналом кафешек. Я знаю, что это все тяжело принять, но это все, что я могу сейчас сделать. Мне нужно идти, но я хочу кое-что тебе показать, Люк. Тебе и тому, кто может смотреть это вместе с тобой. На это трудно смотреть, но я надеюсь, что вы сможете, потому что я рисковала своей жизнью, чтобы это снять.

Она судорожно вздохнула и попыталась улыбнуться. Люк начал плакать, сначала беззвучно.

- Люк, помочь тебе с побегом было самым трудным решением в моей жизни, даже теперь, когда смерть смотрит мне в лицо и ад, я не сомневаюсь, ожидает по другую сторону. Это было тяжело, потому что лодка может затонуть, и это будет моя вина. Мне пришлось выбирать между твоей жизнью и, возможно, жизнями миллиардов людей на Земле, которые зависят от работы Института, даже не подозревая об этом. Я предпочла тебя всем им, и да простит меня Господь.

Экран стал синим. Таг потянулся к клавиатуре ноутбука, но Тим схватил его за руку.

- Подожди.

Последовала череда помех, заикание звука, а затем началось новое видео. Камера двигалась по коридору с толстым синим ковром на полу. Раздавался прерывистый скрежещущий звук, и время от времени изображение прерывалось темнотой, которая приходила и уходила, словно работала заслонка.

Она снимает видео, подумал Люк. Снимает через дырку, которую проделала в кармане своей униформы. Этот скрежещущий звук - это ткань, трущаяся о микрофон.

Он сомневался, что мобильные телефоны вообще работают на прием и передачу в глухих лесах Северного Мэна, но предположил, что на территории Института они запрещены *абсолютно*, потому что камеры телефонов все равно могут снимать. Если бы Морин поймали, она бы не просто лишилась зарплаты или работы. Она действительно рисковала своей жизнью. От этого слезы потекли еще быстрее. Он почувствовал, как офицер Гулликсон - Венди - его обняла. Он с благодарностью прислонился к ней, но не отрывал глаз от экрана ноутбука. Вот, наконец, и Задняя Половина. Вот чего ему удалось избежать. Здесь, несомненно, сейчас находился Эйвери, если предположить, что он еще жив.

Камера миновала открытые двойные двери справа. Морин быстро повернулась, давая зрителям возможность увидеть кинозал с двумя дюжинами мягких кресел. Там сидела пара ребятишек.

- Эта девушка *курит*? - Спросила Венди.

- Да, - ответил Люк. - Наверное, им разрешают курить и в Задней Половине. Эта девушка - одна из моих подруг. Ее зовут Айрис Стэнхоуп. Они забрали ее до того, как я сбежал. Интересно, жива ли она еще? И в здравом ли она уме, если это так?

Камера снова повернулась к коридору. Мимо прошли еще двое ребят, которые, прежде чем выйти из кадра, посмотрели на Морин без особого интереса. Появился надзиратель в красном халате. Его голос был приглушен карманом, в котором был спрятан телефон Морин, но слова были понятны: он спрашивал ее, рада ли она возвращению. Морин спросила его, не выглядит ли она сумасшедшей, и он рассмеялся. Он сказал что-то о кофе, но ткань кармана громко шуршала, и Люк не мог разобрать что.

- Это у него пистолет? - Спросил Шериф Джон.

- Шокер, - сказал Люк. - Ну, знаете, электрошокер. На них есть реостат, который увеличивает напряжение.

Фрэнк Поттер:

- Да ты издеваешься!

Камера миновала еще один ряд открытых двойных дверей, на этот раз слева, прошла еще два-три десятка шагов и остановилась у

закрытой двери. На ней красным было напечатано ПАЛАТА А, понизив голос, Морин сказала:

- Это Парк Горького.

Ее рука, одетая в синюю латексную перчатку, вошла в кадр. В руках она держала ключ-карту. Если не считать цвета, ярко-оранжевого, он показался Люку похожим на тот, что он украл, но у него мелькнула мысль, что люди, работающие в Задней Половине, не так уж с ними небрежны. Морин прижала ее к электронному квадрату над дверной ручкой, раздалось жужжание, и она открыла дверь.

За её пределами находился Ад.

24

Сиротка Энни была фанаткой бейсбола и обычно проводила теплые летние вечера в своей палатке, слушая репортажи с матчей *Светлячков,* команду низшей лиги из Колумбии. Она была счастлива, когда их игроков переводили в *Рамбл пони*, дочерний клуб высшей лиги, базирующийся в Бингемтоне, но ей всегда было жаль их терять. Когда игра заканчивалась, она получала возможность немного поспать, а потом проснуться и настроиться на шоу Джорджа Оллмана, чтобы вместе с ним посмотреть, что происходит в том, что Джордж называл Чудесным Миром Аномалий.

Сегодня, однако, ей было любопытно узнать о мальчике, который спрыгнул с поезда. Она решила отправиться в полицейский участок и посмотреть, не удастся ли что-нибудь выяснить. Они, вероятно, не пустили бы ее внутрь, но иногда Фрэнки Поттер или Билли Уиклоу выходили в переулок, где она хранила свой надувной матрас и запасные припасы, чтобы покурить. Они могли бы пересказать ей историю ребенка, если бы она хорошо попросила. В конце концов, ведь это она отмыла его и немного утешила, и он вызвал у нее живой интерес.

Дорожка от ее палатки, расположенной возле складов, проходила через лес на западной стороне города. Когда она направлялась в переулок, чтобы провести ночь на надувном матрасе (или внутрь здания, если было холодно - они теперь позволяли ей это, благодаря помощи Тиму с его баннером), то шла по тропинке до задней части *Джема*, - городского кинотеатра, где она посмотрела немало интересных фильмов, когда была более молодой (и немного более здравомыслящей) женщиной. *Оле-Джемми* был закрыт последние

пятнадцать лет, и стоянка за ним представляла собой дикие заросли сорняков и золотарника[210]. Обычно она срезала путь и поднималась по осыпающейся кирпичной стене старого кинотеатра к тротуару. Полицейский участок и *Дюпре Меркантайл* находились на другой стороне Мейн-стрит, а ее переулок (так она его называла) пролегал прямо между ними.

Сегодня вечером, когда она уже собиралась свернуть с дороги на стоянку, она увидела, как на Пайн-стрит свернула машина. За ней последовала еще одна... и еще одна. Три фургона, идущих бампер к бамперу. И хотя наступали сумерки, у них даже не были включены габаритные огни. Энни стояла среди деревьев, наблюдая, как они въезжают на стоянку, которую она собиралась пересечь. Они развернулись, словно в строю, и остановились, вытянув носы в сторону Пайн-стрит. *Словно готовятся совершить быстрое отступление*, подумала она.

Двери открылись. Оттуда вышли несколько мужчин и женщин. Один из мужчин был одет в спортивную куртку и красивые брюки со складками. Одна из женщин, старше остальных, была одета в темно-красный брючный костюм. На другой - платье с цветами. В руках у неё была сумочка. У остальных четырех женщин - нет, большинство из них были одеты в джинсы и темные рубашки.

За исключением человека в спортивной куртке, который просто стоял и смотрел, все двигались быстро и целеустремленно, как люди, находящиеся на задании. Энни они показались кем-то вроде военных, и это в скором времени подтвердилось. Двое мужчин и одна из молодых женщин открыли задние двери фургонов. Мужчины достали из одного из них длинный стальной ящик. Из задней части другого фургона появились ремни с кобурами, которые женщина раздала всем, кроме мужчины в спортивной куртке, мужчины с короткими светлыми волосами и женщины в цветастом платье. Стальной ящик открылся, и оттуда появилась пара длинноствольных ружей, которые явно не были охотничьими. Они были тем, что Энни Леду считала школьными стрелковыми ружьями.

Женщина в цветастом платье положила в сумочку маленький пистолет. Мужчина, стоявший рядом с ней, засунул один, побольше, за пояс на пояснице, а затем накинул на него рубашку. Остальные убрали оружие в кобуру. Они выглядели как отряд налетчиков. Черт побери,

это и был отряд налетчиков. Энни не понимала, как они могут быть кем-то другим.

Обычный человек - тот, кто не получал еженощных новостей от Джорджа Оллмана, - мог бы просто растерянно таращиться, недоумевая, что, черт возьми, делает кучка вооруженных мужчин и женщин в сонном городке Южной Каролины, где есть только один банк, да и тот заперт на ночь. Обычный человек мог бы выхватить свой мобильный телефон и позвонить 911. Энни, однако, не была обычным человеком, и она точно знала, что замышляют эти вооруженные мужчины и женщины, по крайней мере, десять из них, а может и больше. Они приехали не на черных внедорожниках, как она ожидала, но наверняка - за мальчиком. Конечно же, а то за кем же.

Позвонить 911, чтобы предупредить людей в полицейском участке, было не вариант, потому что она не взяла бы с собой мобильный телефон, даже если бы могла себе его позволить. Мобильные телефоны посылают радиацию в твою голову, любой дурак это знает, и кроме того, *они* могут тебя по нему отследить. Так что Энни продолжила свой путь по тропинке, теперь уже бегом, пока не добралась до задней части парикмахерской Дюпре двумя зданиями ниже. Шаткая лестница вела в квартиру наверху. Энни вскарабкалась по ней так быстро, как только могла, придерживая свое серапе и длинную юбку под ним, чтобы не споткнуться и не упасть. И начала колотить в дверь, пока не увидела сквозь рваную занавеску Корбетта Дентона, шаркающего к ней со своим большим животом. Он отодвинул занавеску и выглянул наружу, его лысая голова поблескивала в свете покрытого мухами кухонного светового шара.

- Энни? Что тебе надо? Мне тебе дать нечего, если ты…

- Там мужчины, - сказала она, тяжело дыша. Она могла бы добавить, что там были и женщины, но слово “*мужчины*” звучало более устрашающе, по крайней мере, для нее. - Они припарковались за *Джемом*!

- Уходи, Энни. У меня нет времени на твои глупости…

- Там мальчик! Я думаю, что эти люди хотят пойти в участок и забрать его! Я думаю, что будет стрельба!

- Что ты несешь, черт побери…

- Пожалуйста, Барабанщик, *пожалуйста*! У них автоматическое оружие, я думаю, а этот мальчик, он хороший мальчик!

Он открыл дверь.

- Ну-ка дыхни.

Она схватила его за ворот пижамной рубашки.

- Я не пила уже десять лет! Пожалуйста, Барабанщик, они пришли за мальчиком!

Он шмыгнул носом и нахмурился.

- Запаха нет. У тебя галлюцинации?

- Нет!

- Ты сказала - автоматическое оружие. Ты имеешь в виду автоматические винтовки, типа Эй-Эр-15[211]? - Барабанщик Дентон начал проявлять интерес.

- Да! Нет! Я не знаю! Но у тебя ведь есть оружие, я знаю! Ты должен их задержать!

- Ты сошла с ума, - сказал он, и тут Энни заплакала. Барабанщик знал ее почти всю свою жизнь, даже пару раз ходил с ней на свидание, когда они были намного моложе, но никогда не видел, чтобы она плакала. Она действительно верила, что что-то происходит, и Барабанщик решил, какого черта. Сегодня вечером он был занят своим обычным делом, а именно думал о бренности жития.

- Ладно, пойдем, посмотрим.

- А твое оружие? Ты возьмешь с собой оружие?

- Черт возьми, нет. Я сказал, что мы посмотрим.

- Барабанщик, пожалуйста!

- *Посмотрим*, - сказал он. - Это все, чего я хочу. Прими это или свали.

Не имея другого выбора, Сиротка Энни была согласна и на это.

25

- Боже мой, я действительно это вижу?

Слова Венди звучали приглушенно, потому что она зажала рот рукой. Никто не ответил. Они смотрели на экран, Люк застыл от удивления и ужаса, как и все остальные.

Задняя Половина Задней Половины - Палата А, Парк Горького - была длинной, высокой комнатой, которая выглядела для Люка как заброшенная фабрика, где в конце боевиков, которые они с Рольфом любили смотреть тысячу лет назад, когда он еще был обычным ребенком, всегда происходили перестрелки. Он был освещен флуоресцентными лампами за проволочной решеткой, которые

отбрасывали тени и придавали палате жутковатый подводный вид. Там были длинные узкие окна, затянутые мелкой тяжелой сеткой. Кроватей не было, только голые матрасы. Некоторые из них были задвинуты в проходы, некоторые - перевернуты, а один пьяно прислонился к голой шлакоблочной стене. Она была забрызгана желтой слизью, которая вполне могла быть рвотой.

Вдоль одной шлакоблочной стены тянулся длинный желоб, заполненный проточной водой, над котором красовался трафаретный девиз: Вы - спасители! Девушка, голая, если не считать пары грязных носков, сидела на корточках над этим желобом, прислонившись спиной к стене и положив руки на колени. Она испражнялась. Раздался скрежещущий звук, когда ткань потерлась о телефон в кармане Морин, где он, возможно, был закреплен, и изображение на мгновение исчезло, когда щель, через которую смотрела камера, закрылась. Когда щель снова открылась, девушка шла прочь пьяной походкой, а ее дерьмо неслось по сточной канаве.

Женщина в коричневой униформе горничной использовала пульверизатор *Ринсенвак*, чтобы убрать то, что могло быть и рвотой, и дерьмом, и пролитой едой, либо еще Бог знает чем. Она увидела Морин, помахала ей рукой и сказала что-то такое, чего никто из них не расслышал, не только из-за *Ринсенвака*, но и из-за того, что Парк Горького был полон смешанных голосов и криков. По одному из неровных проходов каталась девушка. Мимо прошел мальчик в грязных трусах с прыщами на лице и сползшими на нос грязными очками. Он кричал Я-*Я*-Я-*Я*-Я-*Я* и ударял себя по макушке на каждом подчеркнутом слоге. Люк вспомнил, как Калиша упоминала о мальчике с прыщами и в очках. Это было в его первый день в Институте. *Кажется, Пити нет с нами уже целую вечность, но он был здесь еще на прошлой неделе*, сказала она, и вот этот мальчик здесь. Или то, что от него осталось.

- Литтлджон, - пробормотал Люк. - Я думаю, так его зовут. Пит Литтлджон.

Никто его не слышал. Все смотрели на экран, словно загипнотизированные.

Напротив водосточного желоба, служившего сливной канавой, стояло длинное корыто на стальных ножках. Рядом с ним стояли две девочки и мальчик. Девочки руками зачерпывали в рот какую-то

коричневую жижу. Тим, глядя на это с недоверием и тошнотворным удивлением, подумал, что это хрючево похоже на *Майпо*, хлопья из его детства. Мальчик сидел, согнувшись, уткнувшись лицом в эту штуку, вытянув руки по швам и щелкая пальцами. Несколько других детей просто лежали на своих матрасах, уставившись в потолок, их лица были зататуированы тенями от сетки.

Когда Морин подошла к женщине с *Ринсенваком*, по-видимому, чтобы занять ее место, картинка исчезла, и вместо изображения снова появился синий экран. Они ждали, не появится ли снова Морин в своем кресле с откидной спинкой, возможно, чтобы предложить какие-то дальнейшие объяснения, но больше ничего не было.

- Боже мой, что *это* было? - Спросил Фрэнк Поттер.

- Задняя Половина Задней Половины, - сказал Люк. Он был бледнее, чем когда-либо.

- Что за люди сажают *детей* в эту…

- Монстры, - сказал Люк. Он встал, потом приложил руку к голове и пошатнулся.

Тим схватил его.

- Ты собираешься упасть в обморок?

- Нет. Не знаю. Мне нужно выйти на улицу. Мне нужно подышать свежим воздухом. Как будто потолок давит.

Тим посмотрел на Шерифа Джона, и тот кивнул.

- Выведите его в переулок. Посмотрим, получится ли у тебя прийти в себя.

- Я пойду с тобой, - сказала Венди. - В любом случае, тебе нужно, чтобы я открыла дверь.

На двери в дальнем конце зоны ожидания большими белыми заглавными буквами было выведено: Сработает АВАРИЙНАЯ СИГНАЛИЗАЦИЯ. Венди воспользовалась ключом со своего кольца, чтобы выключить сигнализацию. Тим ударил по дверной стойке тыльной стороной ладони, а другой рукой вывел Люка, уже не шатающегося, но все еще ужасно бледного, в переулок. Тим знал, что такое посттравматический синдром, но видел его только по телевизору. Он видел это сейчас, в этом мальчике, который не будет достаточно взрослым для бритья, по крайней мере, еще три года.

- Не наступи на вещи Энни, - сказала Венди. - Особенно на ее надувной матрас. Она не поблагодарит тебя за это.

Люк не стал спрашивать, что делают в переулке надувной матрас, два рюкзака, трехколесная продуктовая тележка и свернутый спальный мешок. Он медленно шел по направлению к Мэйн-стрит, глубоко дыша и внезапно остановился, чтобы согнуться и обхватить колени.

- Лучше? - Спросил Тим.

- Мои друзья собираются выпустить их, - сказал Люк, все еще согнувшись.

- Кого выпустить? - Спросила Венди. - Тех... - Она не знала, как закончить. Это не имело значения, потому что Люк, казалось, ее не слышал.

- Я их не вижу, но знаю. Я не понимаю, как я это могу, но я могу. Я думаю, это все Эйвестер. Я имею в виду Эйвери. С ним Калиша. И Ники. Джордж. Боже, они такие сильные! Как же они сильны вместе!

Люк выпрямился и снова зашагал. Когда он остановился в начале переулка, на Мэйн-стрит зажглись шесть фонарей. Он удивленно посмотрел на Тима и Венди.

- Разве я это сделал?

- Нет, милый, - сказала Венди, слегка рассмеявшись. - Это пришло их обычное время. Давайте вернемся внутрь, сейчас же. Тебе нужно выпить *Колу* из запасов Шерифа Джона.

Она коснулась его плеча. Люк стряхнул ее руку.

- Подожди.

Держащаяся за руки парочка пересекала пустынную улицу. У мужчины были короткие светлые волосы. На женщине было цветастое платье.

26

Сила, которую вырабатывали дети, уменьшилась, когда Ники отпустил руки Калиши и Джорджа, но лишь немного. Потому что остальные уже присоединились к ним за дверью Палаты А, и они обеспечивали большую часть энергии.

Это как качели, подумал Ник. *По мере того как способность мыслить снижается, ТП и ТК повышаются. А у тех, кто за этой дверью, почти не осталось мозгов.*

Все верно, сказал Эйвери. *Так это и работает. Как аккумуляторная батарея*.

Голова Ники была ясной - абсолютно никакой боли. Глядя на остальных, он догадался, что у них тоже. Вернутся ли головные боли -

и когда - предсказать было невозможно. Он был благодарен и за это.

В бенгальском огне больше не было нужды - теперь он был в прошлом. Они скакали верхом на гуле.

Ники склонился над повырубавшими друг друга шокерами надзирателями и начал рыться в их карманах. Он нашел то, что искал, и передал это Калише, а та передала Эйвери.

- Это сделаешь ты, - сказала она.

Эйвери Диксон, которому следовало бы ужинать дома с родителями после очередного тяжелого дня в своем пятом классе, взял оранжевую ключ-карту и прижал ее к сенсорной панели. Замок щелкнул, и дверь открылась. Жители Парка Горького сгрудились на другой стороне, как овцы, сбившиеся в кучу во время грозы. Они были грязные, в основном раздетые, ошеломленные. Некоторые из них пускали слюни. Пити Литтлджон кричал *Я-Я-Я-Я-Я-Я*, стуча себя по голове.

Они никогда не вернутся, подумал Эйвери. *Их шестеренки слишком обломаны, чтобы восстановиться. Может, и Айрис тоже.*

Джордж: *Но у нас-то есть шанс*.

Эйвери: *Да.*

Калиша, зная, что говорит цинично, но понимая, что это необходимо: *А пока мы можем ими воспользоваться.*

- И что теперь? - Спросила Кэти. - Что дальше, что *дальше*?

Какое-то мгновение никто из них не отвечал, потому что никто не знал. Потом заговорил Эйвери:

Передняя Половина. Давайте заберем остальных детей и свалим отсюда.

Хелен: *И куда пойдем?*

Завыла сигнализация, то поднимаясь, то опускаясь, раздавалось цикличное *ВАУ-вау-ВАУ*. Никто из них не обратил на это внимания.

- Побеспокоимся об этом позже, - сказал Ники. Он снова взялся за руки с Калишей и Джорджем. - Для начала, давайте немного рассчитаемся с Институтом - нанесем какой-нибудь ущерб. Кто-то не согласен?

Возражений не было. Снова взявшись за руки, одиннадцать человек, поднявших бунт, двинулись обратно по коридору к комнате отдыха Задней Половины и лифтовому вестибюлю. Обитатели Палаты А следовали за ними зомби-шагами, привлекаемые магнетизмом детей,

которые еще могли думать. Гул перешел в жужжание, но он все еще был слышен.

Эйвери Диксон протянул руку, ища Люка, надеясь найти его в месте, слишком далеком, чтобы ему ответить. Потому что это означало бы, что, по крайней мере, один из детей - рабов Института был в безопасности. Был большой шанс, что они все умрут, потому что персонал этой адской дыры сделает все, чтобы удержать их от побега.

Все что угодно.

27

Тревор Стэкхаус сидел в своем кабинете по соседству с офисом Миссис Сигсби и расхаживал взад-вперед, потому что был слишком взвинчен, чтобы сидеть, и не собирался останавливаться, пока не получит весточку от Джулии. Новости от неё могут быть хорошими или плохими, но любая новость будет лучше, чем это ожидание.

Зазвонил телефон, но это был не традиционный звонок стационарного телефона или *бррт-бррт* его спутникового телефона; это был повелительный двойной гудок красного телефона службы охраны. В последний раз он звонил, когда в кафешке проходило дерьмо-шоу с Близняшками и парнем с крестом. Стэкхаус поднял трубку, и прежде чем он успел произнести хоть слово, доктор Халлас что-то пробормотал ему на ухо.

- Они ушли, те, кто смотрит фильмы, и я думаю, что горки тоже ушли, они ранили, по крайней мере, троих надзирателей, нет, четверых, Корин говорит, ей кажется, что Фил Чаффиц мертв, электрошо…

- ЗАТКНИСЬ! - Крикнул Стэкхаус в трубку. А потом, когда он был уверен (нет, не уверен, просто надеялся), что привлек внимание Хекла, он сказал: - Приведи свои мысли в порядок и расскажи мне, что произошло.

Халлас, потрясенный возвращением к своей прежней рациональности, рассказал Стэкхаусу о том, что видел. Когда он подошел к концу своей истории, в Институте зазвучала общая тревожная сигнализация.

- Господи, Эверетт, это ты её включил?

- Нет, нет, не я, это, должно быть, Джоанна. Доктор Джеймс. Она была в крематории. Она ходит туда медитировать.

Стэкхаус был практически сбит с толку странной картиной, возникшей в его голове: доктор Джекл сидит, скрестив ноги, перед дверцей печи, возможно, молясь о спокойствии, а затем он силой заставил себя вернуться к текущей ситуации: дети в Задней Половине подняли какой-то недоделанный бунт. Как такое могло случиться? Раньше этого никогда не было. И почему именно сейчас?

Хекл все еще что-то говорил, но Стэкхаус услышал все, что ему было нужно.

- Послушай меня, Эверетт. Возьми все оранжевые карточки, которые сможешь найти и сожги их, хорошо? *Сожги их.*

- Как... как я могу это сделать…

- У тебя есть чертова печь на Уровне Д! - Взревел Стэкхаус. - Используй эту чертову штуку!

Он повесил трубку и воспользовался стационарным телефоном, чтобы позвонить Феллоузу в зал наблюдения. Энди захотелось узнать, из-за чего поднялась тревога. Тот казался испуганным.

- У нас некоторые проблемы в Задней Половине, но я с ними справлюсь. Передай изображение с камер оттуда на мой компьютер. И не задавай лишних вопросов, просто сделай.

Он включил свой компьютер - разве эта старая дрянь всегда загружалась так медленно? - и кликнул по ярлыку камеры слежения. Он увидел кафешку в Передней Половине, почти пустую... нескольких детей на игровой площадке...

- Энди! - Крикнул он. - Не Передняя Половина, а *Задняя*! Перестать трахать мозг…

Картинка переключилась, и он увидел сквозь пленку пыли на линзах объектива, Хекла, сидевшего в своем кабинете, и спрятавшегося под стол как раз в тот момент, когда вошла Джекл, по-видимому, после прерванного сеанса медитации. Она оглядывалась через плечо.

- Ладно, это нормально. Пусть лучше там сидят.

Он переключил камеру и увидел комнату отдыха надзирателей. Несколько человек прятались там, а дверь в коридор была закрыта и, по-видимому, заперта. Тут уж ничем не поможешь.

Клик, а вот и главный коридор с голубым ковром, по меньшей мере, с тремя надзирателями, лежащими на нем. Нет, скорее четырьмя.

Джейк Хоуленд сидел на полу у входа в кинозал, прижимая руку к мокрому от крови верху халата.

Клик, а вот и кафешка, пустая.

Клик, а вот и комната отдыха. Корин Роусон стояла на коленях перед Филом Чаффицем, болтая с кем-то по рации. Фил действительно выглядел мертвым.

Клик, и вот он - вестибюль лифта, дверь которого только-только начала закрываться. Лифт был размером с те, что используются для перевозки пациентов в больницах, и он был забит местными обитателями, в большинстве - раздетыми. Значит, это горки из Палаты А. Если бы он только мог остановить их там... Захлопнуть капкан...

И сквозь эту раздражающую пленку пыли и грязи Стэкхаус увидел еще больше детей на Уровне Д, около дюжины, толпящихся перед дверями лифта и ожидающих, когда они откроются и извергнут остальных детей-бунтовщиков. Ожидающих у входа в туннель, ведущий к Передней Половине. Нехорошо.

Стэкхаус поднял трубку стационарного телефона и не услышал ничего, кроме тишины. Феллоуз повесил трубку. Проклиная потраченное впустую время, Стэкхаус набрал его номер.

- Ты можешь отключить питание лифта Задней Половины? Заблокировать его прямо в шахте?

- Не знаю, - ответил Феллоуз. - Возможно. Это должно быть в циркуляре *Действия при чрезвычайных ситуациях*. Дай мне немного врем…

Но было уже слишком поздно. Двери лифта открылись на Уровне Д, и беглецы из Парка Горького вышли, оглядывая выложенный плиткой вестибюль лифта, как будто там было на что посмотреть. Это было плохо, но Стэкхаус видел и кое-что похуже. Хекл и Джекл могли собрать хоть сотню карт-ключей и сжечь их, но это не имело бы никакого значения. Потому что у одного из детей - это был тот самый малыш, который помогал горничной при побеге Эллиса, - в руке была оранжевая ключ-карта. Он откроет дверь в туннель, и он также откроет дверь, которая находится на Уровне Е в Передней Половине. Если они доберутся до Передней Половины, может произойти что угодно.

На мгновение, показавшееся ему бесконечным, Стэкхаус замер. Феллоуз что-то кричал ему в ухо, но звук был где-то далеко. Потому что да, маленький засранец использовал оранжевую карточку и повел

свою веселую группу в туннель. Прогулка в двести ярдов приведет их в Переднюю Половину. Дверь закрылась за последним из них, оставив вестибюль лифта пустым. Стэкхаус переключился на новую камеру и смотрел на их продвижение по выложенному плиткой туннелю.

В комнату ворвался доктор Хендрикс, старый добрый Донки Конг, в развевающейся рубашке, с наполовину застегнутой ширинкой и покрасневшими глазами.

- Что происходит? Что…

И, просто чтобы добавить штрих к безумию, его спутниковый телефон начал свой *бррт-бррт-бррт*. Стэкхаус поднял руку, чтобы Хендрикс замолчал. Телефон продолжал свои настойчивые требования.

- Энди. Они в туннеле. Они идут, и у них есть ключ-карта. Мы должны их остановить. У тебя есть какие-нибудь идеи?

Он не ожидал ничего, кроме нового приступа паники, но Феллоуз его удивил.

- Думаю, я мог бы заблокировать замки.

- Что?

- Я не могу деактивировать карты, но могу заблокировать замки. Коды ввода генерируются компьютером, и …

- Ты хочешь сказать, что можешь их там закупорить?

- В общем-то, да.

- Сделай это! Сделайте это немедленно!

- В чем дело? - Спросил Хендрикс. - Господи, я как раз собирался уходить, а тут тревога…

- Заткнись, - сказал Стэкхаус. - Но оставайся здесь. Ты можешь мне понадобиться.

Телефон продолжал гудеть. Все еще наблюдая за туннелем и марширующими идиотами, он поднял трубку. Теперь он прижимал по телефону к каждому уху, как персонаж какой-то старой комедии.

- Ну что? Что?

- Мы здесь, и мальчик здесь, - сказала Миссис Сигсби. Связь была хорошая, словно она находилась в соседней комнате. - Я ожидаю, что он скоро вернется под наш контроль. - Она сделала паузу. - Или будет мертв.

- Рад за тебя, Джулия, но у нас тут неприятная ситуация. В общем тут…

- Что бы это ни было, разберись с этим. Операция началась. Я позвоню тебе, когда мы будем выезжать из города.

Она пропала. Стэкхаусу было все равно, потому что, если Феллоуз не применит компьютерную магию, Джулии, возможно, некуда будет возвращаться.

- Энди! Ты здесь?

- Да.

- Ты это сделал?

Стэкхаус чувствовал ужасную уверенность, что Феллоуз скажет, что их старая компьютерная система выбрала этот критический момент, чтобы окончательно уйти на покой.

- Да. Почти уверен. Я смотрю на сообщение на моем экране, которое гласит: оранжевые ключ-карты недействительны, введите новый код авторизации.

Почти уверен от Энди Феллоуза прозвучало сладким бальзамом для ушей Стэкхауса. Он подался вперед в своем кресле, сцепив руки и глядя на экран компьютера. Хендрикс присоединился к нему, заглядывая через плечо.

- Боже мой, что они там делают?

- Я думаю, они идут за нами, - сказал Стэкхаус. - Мы собираемся выяснить, смогут ли они это сделать.

Парад потенциальных беглецов вышел из поля зрения одной из камер. Стэкхаус нажал клавишу, которая выдала новое изображение, на мгновение он увидел, как Корин Роусон положила голову Фила к себе на колени, а затем получил то, чего хотел. На картинке была дверь на Уровне Е, ведущая в туннель из Передней Половины. Дети как раз до неё добрались.

- Время нервничать, - сказал Стэкхаус. Он сжал кулаки так сильно, что оставил следы на ладонях.

Диксон поднял оранжевую карточку и приложил ее к считывающему устройству. Он попробовал повернуть ручку, и когда ничего не произошло, Тревор Стэкхаус наконец-то расслабился. Рядом с ним Хендрикс выдохнул воздух, сильно пахнущий бурбоном. Пить на дежурстве было такое же *верботен*[212], как и носить с собой мобильный телефон, но в данный момент Стэкхаус не собирался обращать на это внимание.

Мухи в банке, подумал он. *Вот и все, вот кто вы теперь, мальчики и девочки. А что будет с вами дальше…*

К счастью, это не было его проблемой. То, что случится с ними после того, как обрубят концы в Южной Каролине, зависело только от Миссис Сигсби.

- Вот почему они платят тебе большие деньги, Джулия, - сказал он и откинулся на спинку стула, наблюдая, как группа ребят - теперь уже под предводительством Уилхольма - возвращается и пытается открыть дверь, через которую они только что вошли. Без результата. Отродье Уилхольмов запрокинуло голову. Его рот открылся. Стэкхаусу захотелось, чтобы камеры передавали звуки, и он мог услышать этот вопль разочарования.

- Мы устранили проблему, - сказал он Хендриксу.

- Хм, - сказал Хендрикс.

Стэкхаус повернулся и посмотрел на него.

- Что это значит?

- Может, и нет.

28

Тим положил руку на плечо Люка.

- Если ты чувствуешь себя в состоянии это сделать, нам действительно нужно вернуться внутрь и разобраться со всем этим. Мы принесем тебе *Колу*, и…

- Подожди. - Люк смотрел на пару, держащуюся за руки и переходящую улицу. Они не заметили троицу, стоявшую у входа в переулок Сиротки Энни; их внимание было приковано к полицейскому участку.

- Съехали с шоссе, и заблудилась, - сказала Венди. - Ставлю что угодно. Мы сталкиваемся с таким полдюжины раз в месяц. А теперь, мы можем вернуться?

Люк пропустил её слова мимо ушей. Он все еще чувствовал остальных, детей, и теперь они казались встревоженными, но они были далеко в его сознании, как голоса, доносящиеся через вентиляционные отверстия из другой комнаты. Та женщина... та, что была в цветастом платье...

Что-то падает и будит меня. Это, должно быть, кубок, приз за выигрыш Северо-Западного Дебатного Турнира, он здесь самый большой, и он производит адский грохот. Кто-то склоняется надо

мной. Я говорю *мама*, хотя и знаю, что это не она, Она женщина, и *мама* - первое слово, которое приходит в мой все еще спящий разум. И она говорит:

- Конечно, - произнес Люк. - Как скажешь.

- Отлично! - Сказала Венди. - Мы просто…

- Нет, так *она* сказала. - Он показал пальцем. Парочка добралась до тротуара перед полицейским участком. Они больше не держались за руки. Люк повернулся к Тиму, его глаза были широко раскрыты и полны паники. - Она одна из тех, кто меня выкрал! Я видел ее еще раз - в Институте! В комнате отдыха! Они здесь! Я же говорил, что они приедут, и они уже здесь!

Люк развернулся и побежал к двери, которая была не заперта с этой стороны, так что Энни могла войти поздно ночью, если бы захотела.

- Что... - начала Венди, но Тим не дал ей закончить. Он побежал вслед за мальчиком из поезда, и у него мелькнула мысль, что, может быть, парень все-таки был прав насчет Норберта Холлистера.

29

- Ну и что? - Шепот Сиротки Энни был слишком яростным, чтобы его можно было так назвать. - Теперь вы мне верите, Мистер Корбетт Дентон?

Барабанщик сначала не ответил, потому что пытался осмыслить то, на что смотрел: три фургона, припаркованные бок о бок, а за ними группа мужчин и женщин. Похоже, их было девять, достаточно, чтобы собрать чертову бейсбольную команду. И Энни была права, они были вооружены. Уже наступили сумерки, но в конце лета свет еще долго не угасал, и, кроме того, зажглись уличные фонари. Барабанщик увидел кобуру с пистолетом и две длинноствольных винтовки, которые показались ему похожими на ГК[213]. Люди-машины для убийства. Бейсбольная команда сгрудилась у входа в старый кинотеатр, который был отгорожен от тротуара кирпичной стеной. Они явно чего-то ждали.

- У них есть разведчики! - Прошипела Энни. - Видишь, как они переходят улицу? Они будут проверять офис шерифа, чтобы узнать, сколько там народа! Ты принесешь свои чертовы пистолеты, или мне придется самой идти за ними?

Барабанщик повернулся и впервые за двадцать лет, может быть, даже за тридцать, припустил рысью. Он взбежал по ступенькам в квартиру над парикмахерской и остановился на лестничной площадке, чтобы сделать три или четыре глубоких вдоха. Достаточно долго, чтобы задаться вопросом, выдержит ли его сердце это напряжение или взорвется.

Его винчестер калибра .30-06, из которого он планировал застрелиться в одну из этих прекрасных ночей в Южной Каролине (возможно, уже сделал бы это, если бы не случайный интересный разговор с новым ночным стучащим), находился в шкафу, и он был заряжен. Так же как и автоматический пистолет 45 калибра и револьвер 38 калибра на верхней полке.

Он взял все три ствола и побежал вниз по лестнице, тяжело дыша, обливаясь потом и, вероятно, воняя, как свинья в бане, но впервые за много лет чувствуя себя живым. Он прислушался к звукам выстрелов, но пока ничего не было слышно.

Может, они и копы, подумал он, но это казалось маловероятным. Копы бы тут же вошли, предъявили свои удостоверения и объявили о своих намерениях. Кроме того, они приехали бы в черных внедорожниках, *Сабурбан* [214]или *Эскалейд*[215].

По крайней мере, так показывали по телевизору.

30

Ник Уилхольм повел разношерстный отряд потерянных мальчиков и девочек обратно по слегка наклонному туннелю к запертой двери Передней Половины. Некоторые из обитателей Палаты А последовали за ним, некоторые просто слонялись рядом. Пит Литтлджон снова принялся бить себя по голове, крича: Я-*Я*-Я-*Я*-Я-*Я*! - Раздававшееся по туннелю эхо, делало его ритмичное пение не просто раздражающим, но и сводящим с ума.

- Возьмитесь за руки, - сказал Ники. - Все. - Он кивнул подбородком, указывая на горков, и добавил: *Я думаю, это их привлечет*.

Как жуков на лампу, - подумала Калиша. Это было не очень приятно, но правда очень редко бывала таковой.

Они подошли. По мере того как каждый из них присоединялся к кругу, гул становился громче. Стены туннеля придавали их кругу форму капсулы, но это было нормально. Сила никуда не делась.

Калиша понимала, что задумал Ники, и не только потому, что схватывала на лету, но и потому, что это была единственная оставшаяся у них возможность.

Вместе мы сила, - подумала она, а потом вслух обратилась к Эйвери:

- Сломай замок, Эйвестер.

Гул поднялся до прежнего уровня, и если бы у кого-нибудь из них все еще болела голова, он бы в ужасе убежал. И снова Калиша ощутила эту возвышенную силу. Она приходила по вечерам с бенгальскими огнями, но тогда она была грязной. Эта же была чистой, потому что лилась без принуждения. Дети из Палаты А молчали, но улыбались. Они тоже это чувствовали. И ей это нравилось. Калиша предположила, что это было самое близкое к тому, что они могли бы когда-либо получить.

Из-за двери послышался слабый скрип, и они увидели, как она слегка откинулась назад, но это было и все. Эйвери стоял на цыпочках, его маленькое личико было напряжено и сосредоточенно. Теперь оно обмякло, и Эйвери перевел дыхание.

Джордж: *Нет?*

Эйвери: *Нет. Если бы она была просто заперта, я думаю, что мы смогли бы, но похоже на то, что там замка даже нет.*

- Мертв, - сказала Айрис. - Мертв, а мертвый, не может быть накормлен, вот что я говорю, замок мертв.

- Кто-то их заморозил, - сказал Ники. *И мы не можем прорваться, не так ли?*

Эйвери: *Нет, сталь очень твердая.*

- Где Супермен, когда он так нужен? - Сказал Джордж. Он провел руками по щекам, выдавив невеселую улыбку.

Хелен села, положила руки на лицо, и начала плакать.

- Какая от нас польза? - Она повторила это снова, на этот раз как мысленное эхо: *Какая от нас польза?*

Ники повернулся к Калише. *Есть идеи?*

Нет.

Он повернулся к Эйвери. *А как насчет тебя?*

Эйвери покачал головой.

31

- Что значит “не совсем”? - Спросил Стэкхаус.

Вместо ответа Донки Конг поспешил через комнату к интеркому Стэкхауса. Верхняя часть корпуса была покрыта толстым слоем пыли. Стэкхаус не пользовался им ни разу - как-то не представилось случая объявлять о грядущих вечеринках и бал-маскарадах. Доктор Хендрикс наклонился, чтобы осмотреть элементарные органы управления, и щелкнул выключателем. Загорелась зеленая лампа.

- Что ты имеешь в виду…

Настала очередь Хендрикса сказать “заткнись”, но вместо того, чтобы рассердиться, Стэкхаус испытал даже некоторое восхищение. Что бы там ни задумал добрый доктор, он считал это важным.

Хендрикс взял микрофон, но не включил его.

- Есть ли способ сделать так, чтобы эти сбежавшие дети не услышали, что я собираюсь сказать? Не хочу подавать им идеи.

- В туннеле нет динамиков, - сказал Стэкхаус, надеясь, что он прав. - Что касается Задней Половины, я думаю, что у них там своя, отдельная система внутренней связи. Что ты задумал?

Хендрикс посмотрел на него, как будто он идиот.

- То, что их тела заперты, не значит, что заперты их умы.

Вот черт, подумал Стэкхаус. *Я забыл, зачем они здесь*.

- А как это вообще работает... забей, я понял. Хендрикс нажал кнопку на боку микрофона, откашлялся и начал говорить. - Минуту внимания. Весь персонал, минуту внимания. Это доктор Хендрикс. - Он провел рукой по своим редеющим волосам, делая то, что было безумием с самого начала, еще более безумным. - Из Задней Половины сбежали дети, но причин для паники нет. Повторяю, нет никаких причин для паники. Они заперты в туннеле между Передней Половиной и Задней Половиной. Они могут попытаться повлиять на вас, так, как они... - Он помолчал, облизывая губы. - Так, как они влияют на некоторых людей, когда выполняют свою работу. Они могут попытаться заставить вас причинить себе вред. Или... гм... попытаются настроить вас друг против друга.

О Господи, - подумал Стэкхаус, - *какая веселенькая мысль*.

- Слушайте внимательно, - сказал Хендрикс. - Они могут преуспеть в таком ментальном проникновении только в том случае, если цель ничего не подозревает. Если вы что-то почувствуете... если вы почувствуете у себя в голове мысли, которые не являются вашими собственными... сохраняйте спокойствие и сопротивляйтесь им.

Выгоняйте их. Вы сможете сделать это довольно легко. Могут помочь разговоры вслух. Например, проговаривайте фразу: *Я вас не слышу*.

Он хотел положить микрофон, но Стэкхаус взял его.

- Это Стэкхаус. Персонал Передней Половины, все дети должны немедленно вернуться в свои комнаты. Если кто-нибудь будет сопротивляется, бейте без сожаления. Он выключил интерком и повернулся к Хендриксу. - Может быть, маленькие ублюдки в туннеле до этого и не додумаются. В конце концов, они всего лишь дети.

- О, они додумаются, - сказал Хендрикс. - У них была неслабая практика.

32

Тим догнал Люка, когда тот открывал дверь в пристройку с камерами. - Оставайся здесь, Люк. Венди, ты со мной.

- На самом деле ты же не думаешь…

- Не знаю, что и думать. Не вытаскивай пистолет, но убедись, что кобура расстегнута.

Когда Тим и Венди торопливо шли по короткому проходу между четырьмя пустыми камерами, они услышали мужской голос. Голос был довольно приятный. Даже добродушный.

- Нам с женой сказали, что в Бофорте есть несколько интересных старых зданий, и мы решили срезать путь, но наш GPS-навигатор что-то облажался.

- Я заставила его остановиться, чтобы спросить дорогу, - сказала женщина, и когда Тим вошел в кабинет, он увидел, что она смотрит на своего мужа - если этот блондин действительно был её мужем - с веселым раздражением. - Он не хотел этого делать. Мужчины всегда думают, что знают, куда едут, не так ли?

- Знаете, мы сейчас немного заняты, - сказал Шериф Джон, - и у меня нет времени…

- Это *она*! - Крикнул Люк из-за спины Тима и Венди, заставив их обоих подпрыгнуть. Остальные офицеры оглянулись. Люк оттолкнул Венди с такой силой, что она отшатнулась к стене. - Это она брызнула мне в лицо из баллончика и вырубила! *Сука, это ты убила моих родителей!*

Он попытался на нее броситься. Тим схватил его за ворот рубашки и дернул назад. Блондин и женщина в платье с цветами выглядели удивленными и озадаченными. Другими словами,

совершенно нормально. Вот только Тиму показалось, что он увидел на лице женщины еще одно выражение, всего лишь на мгновение: выражение ограниченного признания вины.

- Мне кажется, тут какая-то ошибка, - сказала она. И попыталась растерянно улыбнуться. - Кто этот мальчик? Он что, сумасшедший?

Хотя он был всего лишь городским ночным стучащим и будет им в течение следующих пяти месяцев, Тим, не задумываясь, вернулся в режим полицейского, как и в ту ночь, когда те подростки ворвались в *Зоуни* и подстрелили Абсимиля Добира.

- Я хотел бы взглянуть на ваши документы, ребята.

- На самом деле, в этом нет необходимости, не так ли? - Сказала женщина. - Я не знаю, за кого нас принимает этот мальчик, но мы заблудились, а когда я была маленькой девочкой, мама говорила мне, что если заблудишься, спроси полицейского.

Шериф Джон встал.

- Да, да, это может быть правдой, и если это так, вы же не будете возражать и покажете нам ваши водительские удостоверения, не так ли?

- Вовсе нет, - ответил мужчина. - Просто дайте мне возможность достать бумажник. - Женщина уже полезла в сумочку, выглядя раздраженной.

- *Берегитесь!* - Крикнул Люк. - *У них оружие!*

Таг Фарадей и Джордж Баркетт выглядели изумленными, Фрэнк Поттер и Билл Уиклоу - озадаченными.

- Секундочку! - Сказал Шериф Джон. - Руки так, чтобы я их видел!

Ни один из них не остановился. Рука Мишель Робертсон высунулась из сумочки, и в ней она держала не водительское удостоверение, а выданный ей *Зиг Зауэр кошмар микро*. Дэнни Уильямс потянулся за пояс, но не за бумажником, а за *Глоком*. И шериф, и помощник шерифа Фарадей потянулись к своему табельному оружию, но двигались они медленно, очень медленно.

Один Тим не растерялся. Он вытащил пистолет Венди из кобуры и направил его обеими руками.

- *Бросайте оружие, бросайте его!*

Но они этого не сделали. Робертсон прицелилась в Люка, и Тим выстрелил в нее один раз. Пуля отбросила ее назад к одной из больших

двойных дверей полицейского участка с такой силой, что треснуло матовое стекло.

Уильямс опустился на одно колено и прицелился в Тима, который успел подумать: *Этот парень профессионал, а я труп*. Но пистолет мужчины дернулся вверх, словно его потянули за невидимый шнур, и пуля, предназначенная Тиму, ушла в потолок. Шериф Джон Эшворт ударил блондина по голове, отчего тот растянулся на земле. Билли Уиклоу наступил ему на запястье.

- *Брось это, ублюдок, просто брось*…

Именно тогда Миссис Сигсби, поняв, что все пошло наперекосяк, велела Луису Гранту и Тому Джонсу открыть огонь из больших пушек. Уильямс и Робертсон не были важны.

А мальчик был.

33

Два *HK37* наполнили обычно мирные сумерки Дюпре громом. Грант и Джонс обстреливали кирпичный фасад офиса шерифа, поднимая клубы розовато-красной пыли, сдувая внутрь окна и стеклянные дверные панели. Они стояли на тротуаре; остальные члены команды стояли, растянувшись позади них на улице. Единственным исключением был Доктор Эванс, стоявший в стороне, зажав уши руками.

- *Даааа*! - Крикнула Вайнона Бриггс. Она переминалась с ноги на ногу, словно ей нужно было в туалет. - *Размажем их задницы!*

- Вперед! - Крикнула Миссис Сигсби. - Все немедленно вперед! Заберите мальчика или убейте его! Заберите его или…

Затем из-за их спины раздалось:

- Вы никуда не пойдете, мэм. Клянусь Спасителем, многие из вас умрут, если попытаетесь. Вы двое, впереди, немедленно опустите свои шприцы для смазки.

Луис Грант и Том Джонс обернулись, но не опустили оружие.

- И сделайте это быстро, - сказала Энни, - или умрете. Это не игра, ребята. Вы сейчас на юге.

Они посмотрели друг на друга, затем осторожно опустили оружие на тротуар.

Миссис Сигсби заметила двух подкравшихся сзади, которые стояли под провисшим навесом *Джема*: толстый лысый мужчина в пижамной куртке и взъерошенная женщина в чем-то похожем на

мексиканский серапе. У мужчины в руках была винтовка. Женщина в серапе держала в одной руке автоматический пистолет, а в другой револьвер.

- А теперь все остальные делают то же самое, - сказал Барабанщик Дентон. - Вы все.

Миссис Сигсби смотрела на двух деревенщин, стоявших перед заброшенным кинотеатром, и ее мысль была одновременно простой и усталой: *Неужели это никогда не кончится?*

Выстрел внутри полицейского участка, короткая пауза, потом еще один. Когда деревенщины посмотрели в ту сторону, Грант и Джонс резко наклонились, чтобы поднять свое оружие.

- Не делайте этого! - Крикнула женщина в серапе.

Робин Лекс, которая не так давно застрелила отца Люка через подушку, воспользовалась этой маленькой возможностью, чтобы достать свой *Зиг микро*. Остальные члены команды упали на колени, чтобы открыть Гранту и Джонсу сектор обстрела. Именно так их учили реагировать. Миссис Сигсби застыла на месте, словно гнев, вызванный этой неожиданной проблемой, мог ее защитить.

34

Когда начиналось противостояние в Южной Каролине, Калиша и ее друзья сидели в скорбных позах возле входной двери в Переднюю Половину. Дверь открыть они не могли, потому что Айрис была права: замок был мертв.

Ники: *Может быть, мы все еще можем что-то сделать. Воздействуем на персонал Передней Половины, как мы это сделали с надзирателями в красном.*

Эйвери покачал головой. Он был похож не на маленького мальчика, а на уставшего старика. *Я пытался. Попробовал достать Глэдис, потому что я ее ненавижу. Её саму и её фальшивую улыбку. Она сказала, что не слышит, и оттолкнула меня.*

Калиша бросила взгляд на детей, которые снова разбрелись по туннелю, словно им было куда идти. Какая-то девчонка крутила колесо, мальчик в грязных шортах и порванной футболке легонько бился головой о стену, а Пит Литтлджон все еще голосил свои “я-я”. Но они придут, если их позовут, и силы там было предостаточно. Она взяла Эйвери за руку.

- А если мы все вместе…

- Нет, - ответил Эйвери. *Мы могли бы заставить их чувствовать себя немного странно, головокружение там и боли в животе...* - ... но это и все.

Калиша: *Но почему?* Почему? *Если мы смогли убить того парня, который делал бомбы в Афганистане…*

Эйвери: *Потому что парень, который делал бомбы, не знал. Проповедник, тот парень из Уэстина, он тоже не знает. Если они узнают...*

Джордж: *Они могут нас не пустить.*

Эйвери кивнул.

- Тогда что же нам делать? - Спросила Хелен. - *Есть мысли?*

Эйвери покачал головой. *Я не знаю.*

- Попробуй еще раз, - сказала Калиша. - Мы застряли здесь, но мы знаем того, кто отсюда смылся. И нам понадобятся все. - Она наклонила голову в сторону блуждающих узников Палаты А.

- Не знаю, Ша, - ответил Эйвери. - Я очень устал.

- Попробуй еще раз, - уговаривала она.

Эйвери вздохнул и протянул руки. Калиша, Ники, Джордж, Хелен и Кэти присоединились. Через мгновение Айрис сделала то же самое. И снова к ним потянулись остальные. Они слились в форме капсулы, и снова поднялся гул. В Передней Половине надзиратели, лаборанты и уборщики чувствовали и боялись его, но он не был направлен на них. В тысяче четырехстах милях отсюда Тим только что всадил пулю между грудей Мишель Робертсон; Грант и Джонс как раз поднимали свои автоматические винтовки, чтобы обстрелять полицейский участок; Билли Уиклоу стоял на руке Денни Уильямса, а рядом с ним - Шериф Джон.

Дети из Института звали Люка.

35

Люк ни секунды не раздумывал о том, чтобы протянуть руку и подбить пистолет блондина, он просто сделал это. Огни Штази вернулись, на мгновение заслонив все вокруг. Когда они начали исчезать, он увидел, что один из полицейских стоит на запястье блондина, пытаясь заставить его отпустить пистолет. Губы блондина растянулись в оскале боли, по щеке текла кровь, но он держался. Шериф занес ногу назад, очевидно, намереваясь снова ударить блондина по голове.

Люк видел все это, но затем Огни Штази вернулись, ярче, чем когда-либо, и голоса его друзей ударили его, как удар молотка прямо в середину головы. Он попятился назад через дверной проем в зону камер, подняв руки, словно защищаясь от удара, и споткнулся о собственные ноги. Он приземлился на задницу как раз в тот момент, когда Грант и Джонс открыли огонь из своих автоматических винтовок.

Он увидел, как Тим схватил Венди и повалил ее на пол, прикрывая своим телом. Он видел, как пули вонзились в шерифа и помощника шерифа, стоявших на руке блондина. Они оба упали. Полетели стекла. Кто-то кричал. Люк подумал, что это Венди.

Снаружи Люк услышал, как женщина, странно похожая на Миссис Сигсби, выкрикнула что-то, похожее на *теперь все вперед*.

Для Люка, ошеломленного двойной дозой Огней Штази и объединенными голосами его друзей, мир, казалось, замер. Он увидел, как один из помощников шерифа - раненый, по его руке текла кровь - повернулся к разбитым главным дверям, вероятно, чтобы посмотреть, кто стрелял. Казалось, он двигается очень медленно. Блондин поднялся на колени и тоже, казалось, двигался медленно. Это было похоже на просмотр подводного балета. Он выстрелил помощнику шерифа в спину и повернулся к Люку. Теперь дело пошло быстрее, мир снова ускорялся. Прежде чем блондин успел выстрелить, рыжеволосый помощник наклонился, почти сложившись, и выстрелил ему в висок. Блондин отлетел в сторону и приземлился на женщину, которая назвалась его женой.

Женщина снаружи - не та, что говорила как Миссис Сигсби, а другая, с южным акцентом - крикнула:

- Не делайте этого!

Последовали новые выстрелы, а затем первая женщина закричала:

- *Мальчик! Мы должны забрать мальчика!*

Это она, подумал Люк. *Я не знаю, как такое может быть, но это она. Это Миссис Сигсби.*

36

Робин Лекс была хорошим стрелком, но сумерки сгущались, и расстояние было слишком большим для такого маленького пистолета, как *Микро*. Ее пуля попала Барабанщику Дентону в плечо вместо того, чтобы попасть в центр масс. Это отбросило его к заколоченной кассе, и ее следующие два выстрела прошли мимо. Сиротка Энни не сдвинулась ни на шаг. Она так была воспитана в джунглях Джорджии своим отцом, который не раз говорил ей: *Не отступай, девочка, и не сдавайся, ни в коем случае*. - Жан Леду был отличным стрелком, будь то пьяный или трезвый, и он хорошо ее обучил. Теперь она открыла огонь из обоих пистолетов Барабанщика, компенсируя тяжелую отдачу .45-го и даже не думая об этом. Она сняла одного из автоматчиков (это был Тони Фиццейл, который никогда больше не будет орудовать шокером), не обращая внимания на три или четыре пули, которые просвистели мимо нее, одна из которых кокетливо щелкнула по подолу ее серапе.

Барабанщик вернулся и прицелился в женщину, которая в него стреляла. Робин стояла на одном колене посреди улицы, проклиная свой *Зиг*, который заклинило. Барабанщик упер приклад .30-06 в ложбинку плеча, которое не кровоточило, и уложил ее на месте.

- *Прекратите стрелять!* - Кричала Миссис Сигсби. - *Мы должны забрать мальчика! Мы должны позаботиться о мальчике! Том Джонс! Элис Грин! Луи Грант! Подождите меня! Джош Готфрид! Вайнона Бриггс! Остановитесь!*

Барабанщик и Энни переглянулись.

- Мы будем продолжать стрелять или нет? - Спросила Энни.

- Черт меня побери, если я знаю, - сказал Барабанщик.

Том Джонс и Элис Грин стояли по бокам обшарпанных дверей полицейского участка. Джош Готфрид и Вайнона Бриггс шли задом наперед, обходя Миссис Сигсби и не спуская пистолетов с нежданных стрелков, которые застали их врасплох. Доктор Джеймс Эванс, которому не была назначена роль, назначил её себе сам. Он прошел мимо Миссис Сигсби и пошел к Барабанщику и Сиротке Энни с поднятыми руками и умиротворяющей улыбкой на лице.

- Иди сюда, дурак! - Огрызнулась Миссис Сигсби.

Он не обратил на нее внимания.

- Я в этом не участвую, - сказал он, обращаясь к толстяку в пижаме, который выглядел более здравомыслящим из двух нападавших. - Я никогда не хотел быть частью этого, поэтому я думаю, что просто…

- А ну-ка, присядь, - сказала Энни и выстрелила ему в ногу. Она была достаточно внимательна, чтобы сделать это с помощью .38, что нанесло бы меньший ущерб. По крайней мере, в теории.

Осталась только женщина в красном брючном костюме, та, что была главной. Если бы стрельба началась снова, она, вероятно, была бы разорвана на куски в перекрестном огне, но она не выказывала никакого страха, только своего рода раздраженную концентрацию.

- Я сейчас зайду в участок, - сказала она Барабанщику и Сиротке Энни. - Не нужно больше этой ерунды. Остановитесь, и мы оставим вас в покое. Начнете стрелять, и Джош с Вайноной вас убьют. Понятно?

Она не стала дожидаться ответа, просто повернулась и пошла к остаткам своей силы, стуча низкими каблуками по тротуару.

- Барабанщик? - Сказала Энни. - И что же нам делать?

- Может, нам и не надо ничего делать, - сказал он. - Посмотри налево. Не двигай головой, просто кинь взгляд.

Она повернулась и увидела одного из братьев Добира, торопливо шагавшего по тротуару. У него был пистолет. Позже он расскажет полиции штата, что хотя он и его брат были мирными людьми, они сочли разумным держать оружие в магазине после ограбления.

- Теперь направо. Не двигай головой.

Она скосила глаза и увидела вдову Гулсби и Мистера Билсона, отца близнецов Билсонов. Адди Гулсби была в халате и тапочках. Ричард Билсон был одет в мадрасские шорты и красную футболку “малиновый прилив”. У обоих были охотничьи ружья. Толпа перед полицейским участком их не видела; их внимание было приковано к тому делу, по которому они сюда приехали.

Вы сейчас на юге, - сказала Энни этим вооруженным бандитам. Ей казалось, что они вот-вот узнают, насколько это правда.

- Том и Элис, - сказала Миссис Сигсби. - Займитесь делом. Убедитесь, что проблема с мальчиком решена.

Они пошли.

37

Тим поднял Венди на ноги. Она выглядела ошеломленной, не совсем понимая, где находится. В ее волосах застрял небольшой клочок бумаги. Стрельба снаружи прекратилась, по крайней мере, на мгновение. Он сменился разговором, но у Тима звенело в ушах, и он не мог разобрать слов. Но это не имело значения. Если они там заключают мир, это хорошо. Однако было благоразумно ожидать новой войны.

- Венди, ты в порядке?

- Они... Тим, они убили Шерифа Джона! А сколько других?

Он встряхнул ее.

- *Ты в порядке?*

Она кивнула.

- Д-Да. Я думаю…

- Выведи Люка через заднюю дверь.

Она потянулась к нему. Люк увернулся и побежал к столу шерифа. Таг Фарадей попытался схватить его за руку, но Люк и от него увернулся. Пуля задела ноутбук, сбив его набок, но экран, хоть и

треснул, все еще работал, а маленькая оранжевая лампочка флешки постоянно мигала. В ушах у него тоже звенело, но он уже подошел к двери и услышал, как Миссис Сигсби сказала: *Убедитесь, что проблема с мальчиком решена.*

Ах ты, сука, подумал он. *Ты безжалостная сука.*

Люк схватил ноутбук и упал на колени, прижимая его к груди, когда Элис Грин и Том Джонс вошли через разбитые двойные двери. Таг поднял пистолет, но *НК* гавкнул прежде, чем он успел выстрелить, и его форменная рубашка разлетелась в клочья. *Глок* вылетел из его руки и покатился по полу. Единственный оставшийся в живых помощник шерифа, Фрэнк Поттер, даже не пошевелился, чтобы защититься. На его лице застыло ошеломленное, недоверчивое выражение. Элис Грин выстрелила ему в голову, а затем пригнулась, когда на улице позади них снова раздались выстрелы. Раздались крики и вопли боли.

Стрельба и крики на мгновение отвлекли человека с *НК*. Джонс повернулся в ту сторону, и Тим дважды выстрелил в него, один выстрел пришелся в шею, а другой - в голову. Элис Грин выпрямилась и пошла дальше, перешагнув через Джонса, с застывшим лицом, и теперь Тим увидел еще одну женщину, следующую за ней. Пожилую, в красном брючном костюме, тоже с пистолетом в руке. Господи, подумал он, сколько же их там? Неужели они послали армию за одним маленьким мальчиком?

- Он за столом, Элис, - сказала пожилая женщина. Учитывая кровавую бойню, ее голос звучал устрашающе спокойно. - Я вижу, что у него на ухе торчит повязка. Вытащи его и пристрели.

Женщина по имени Элис вышла из-за стола. Тим не стал уговаривать ее остановиться - они уже давно прошли этот период - просто нажал на спусковой крючок *Глока* Венди. Ударник щелкнул сухо, хотя в обойме должен был быть, по крайней мере, еще один патрон, а возможно, и два. Даже в этот момент он понял причину: Венди не успела полностью перезарядить оружие после того, как в последний раз тренировалась на стрельбище в Даннинге. Такие вещи не стояли на первом месте в списке ее приоритетов. У него даже было время подумать - как в первые дни пребывания в Дюпре - что Венди никогда не была создана для работы в полиции.

Надо было оставаться в диспетчерской, - подумал он, но теперь уже было поздно. *Я думаю, что мы все умрем.*

Люк поднялся из-за стола диспетчера, держа ноутбук обеими руками. Он размахнулся и ударил Элис Грин прямо в лицо. Треснувший экран разлетелся вдребезги. Грин отшатнулась к женщине в брючном костюме, из её носа и рта текла кровь, и снова подняла пистолет.

- *Брось, брось, брось*! - Закричала Венди. Она схватила *Глок* Тага Фарадея. Грин не обратила на это внимания. Она целилась в Люка, который вытаскивал флешку Морин Элворсон из порта ноутбука вместо того, чтобы нырнуть в укрытие. Венди выстрелила три раза, прищурив глаза и издавая пронзительный крик при каждом нажатии на спусковой крючок. Первая пуля попала Элис Грин чуть выше переносицы. Вторая прошла через одно из пустых отверстий в двери, где всего сто пятьдесят секунд назад была матовая стеклянная панель.

Третья попала Джулии Сигсби в ногу. Пистолет вылетел из ее руки, и она рухнула на пол с выражением непонимания на лице.

- Ты выстрелила в меня. Почему ты выстрелила в меня?

- Ты что, дура? А ты как думаешь? - Сказала Венди. Она подошла к женщине, сидевшей у стены, ее туфли хрустели по битому стеклу. В воздухе пахло порохом, и кабинет - когда-то аккуратный, а теперь в руинах - был наполнен плывущим голубым дымом. - Ты велела им застрелить ребенка.

Миссис Сигсби одарила ее улыбкой, предназначенной для тех, кому приходится терпеть дураков.

- Ты не понимаешь. Как ты могла? Он принадлежит мне. Он *собственность*.

- Уже нет, - ответил Тим.

Люк опустился на колени рядом с Миссис Сигсби. На щеках у него были брызги крови, а в одной брови - осколок стекла.

- Кого вы оставили руководить Институтом? Стэкхауса? Его?

Она только посмотрела на него.

- *Стэкхауса?*

Ни слова в ответ.

Барабанщик Дентон вошел и огляделся. Его пижамная рубашка была пропитана кровью с одной стороны, но, несмотря на это, он

выглядел удивительно бодрым. Гутаале Добира смотрел через его плечо, широко раскрыв глаза.

- Срань господня, - сказал Барабанщик. - Вот это побоище.

- Мне пришлось застрелить человека, - сказал Гутаале. - Миссис Гулсби, она тоже стреляла в женщину, которая пыталась застрелить ее. Это был явный случай самообороны.

- Сколько их снаружи? - Спросил их Тим. - Они все обезврежены, или некоторые все еще активны?

Энни оттолкнула Гутаале Добира в сторону и встала рядом с Барабанщиком. В своем серапе, с дымящимся пистолетом в каждой руке, она выглядела как персонаж из спагетти-вестерна. Тим был не просто удивлен. Он был вне себя от изумления.

- Я полагаю, что все, кто вышел из этих фургонов, обезврежены, - сказала она. - Пара раненых, один с пулей в ноге, один тяжело. Это был тот, в кого стрелял Добира. Остальные сукины дети выглядят абсолютно мертвыми. - Она оглядела комнату. - Господи, а кто остался жив из полицейского управления?

Венди, - подумал Тим, но промолчал. *Думаю, теперь она исполняет обязанности шерифа. Или, может быть, Ронни Гибсон, когда вернется из отпуска. Наверное, Ронни. Венди вряд ли захочет.*

Адди Гулсби и Ричард Билсон теперь стояли рядом с Гутаале, позади Энни и Барабанщика. Билсон с ужасом оглядел главную комнату - изрешеченные пулями стены, битое стекло, лужи крови на полу, распростертые тела - и приложил руку ко рту.

Адди была сделана из более прочного материала.

- Док уже едет. Половина города на улице, большинство из них вооружены. Что здесь произошло? И кто это? - Она указала на тощего мальчика с повязкой на ухе.

Люк не обратил на это внимания. Он был зациклен на женщине в брючном костюме.

- Стэкхаус, конечно же. Кто же еще. Мне нужно с ним связаться. Как мне это сделать?

Миссис Сигсби молча смотрела на него. Тим опустился на колени рядом с Люком. В глазах женщины в брючном костюме он увидел боль, непонимание и ненависть. Он не был уверен, какое чувство преобладает, но если бы его заставили угадывать, он бы сказал

ненависть. Оно всегда было самым сильным, по крайней мере, в краткосрочной перспективе.

- Люк…

Люк не обратил на него внимания. Все его внимание было сосредоточено на раненой женщине.

- Мне нужно с ним связаться, Миссис Сигсби. Он держит моих друзей в плену.

- Они не пленные, они *собственность*!

Венди присоединилась к ним.

- Я думаю, что вы, должно быть, отсутствовали в тот день, когда ваш класс узнал о Линкольне, освобождающем от рабства, мэм.

- Приехала сюда, чтобы устроить пальбу в нашем городе, - сказала Энни. - Полагаю, ты все прояснила о южанах, не так ли?

- Тише, Энни, - сказала Венди.

- Мне нужно связаться с ним, Миссис Сигсби. Мне нужно заключить сделку. Скажите мне, как это сделать.

Когда она не ответила, Люк засунул большой палец в пулевое отверстие в ее красных штанах. Миссис Сигсби взвизгнула.

- *Не надо, не надо, мне больно!*

- Шокер бьет больнее! - Крикнул ей Люк. Осколки стекла застучали по полу, образуя маленькие ручейки. Энни смотрела на него широко раскрытыми от восхищения глазами. - Уколы больнее! Быть наполовину утопленным больнее! А разрушенный разум? - Он снова прижал большой палец к ране от пули. Дверь в участок захлопнулась, заставив их всех подпрыгнуть. - *Разрушенный разум*? Вот что больнее всего!

- *Заставьте его остановиться!* - Закричала Миссис Сигсби. - *Заставьте его прекратить причинять мне боль!*

Венди наклонилась, чтобы оттащить Люка. Тим покачал головой и взял ее за руку.

- Нет.

- Это заговор, - прошептала Энни Барабанщику. Ее глаза были огромными. - Эта женщина участвует в заговоре. Он повсюду! Я знала об этом с самого начала, я *говорила*, но никто мне не верил!

Звон в ушах Тима начал стихать. Он не слышал сирен, что его не удивило. Он предположил, что полицейские штата даже не знают о перестрелке в Дюпре, по крайней мере, пока. И любой, кто позвонил

бы в 911, добрался бы не до Дорожного патруля Южной Каролины, а до шерифа округа Фэрли - бардак, другими словами. Он взглянул на часы и с недоверием увидел, что с того момента, как мир был перевернут вверх тормашками прошло пять минут, самое большее - шесть.

- Миссис Сигсби, не так ли? - Спросил он, опускаясь на колени рядом с Люком.

Она ничего не ответила.

- У вас большие неприятности, Миссис Сигсби. Я советую вам рассказать Люку все, что он хочет знать.

- Мне нужна медицинская помощь.

Тим покачал головой.

- Что тебе нужно, так это немного правды. А потом займемся медицинской помощью.

- Люк говорил правду, - сказала Венди, ни к кому конкретно не обращаясь. - Обо всем.

- Разве я только что этого не сказала? - Энни едва не кричала.

Док Роупер протолкнулся в кабинет.

- Святой Иисусе в воскресное утро, - сказал он. - Кто-то еще жив? Как сильно пострадала эта женщина? Это была какая-то террористическая штука?

- Они меня пытают, - сказала Миссис Сигсби. - Если вы врач, как, по-видимому, предполагает та черная сумка, которую вы держите, вы обязаны заставить их прекратить.

- Мальчик, которого вы лечили, убегал от этой женщины и от группы захватчиков, которую она привела с собой, Док. Я не знаю, сколько там убитых, но мы потеряли пятерых, включая шерифа, и это было по приказу этой женщины.

- Мы разберемся с этим позже, - сказал Роупер. - Сейчас мне нужно позаботиться о ней. Она истекает кровью. И кто-то должен вызвать чертову скорую.

Миссис Сигсби посмотрела на Люка, оскалила зубы в улыбке, говорившей, что я выиграла, затем снова посмотрела на Роупера. - Благодарю вас, доктор. Спасибо.

- А у нас ведь еще есть тот сладкоротый милашка, - сказала Энни не без гордости. - Парень, которого я ранила в ногу, может, и не очень

сильно. На твоем месте я бы к нему сходила. Я думаю, он продал бы свою собственную бабушку в белое рабство за укол морфия.

Глаза Миссис Сигсби испуганно расширились.

- Оставь его в покое. Я запрещаю тебе с ним разговаривать.

Тим поднялся на ноги.

- К черту запреты. Я не знаю, на кого вы работаете, леди, но думаю, что ваши дни похищения детей закончились. Люк, Венди, пойдемте со мной.

38

По всему городу зажглись огни, и главная улица Дюпре была полна толпящихся людей. Тела убитых покрывали всем, что попадалось под руку. Кто-то вынес из переулка спальный мешок Сиротки Энни и накрыл им Робин Лекс.

Доктор Эванс был совершенно забыт. Он мог бы, прихрамывая, добраться до одного из припаркованных фургонов и скрыться, но не предпринимал ни малейшего усилия. Тим, Венди и Люк нашли его сидящим на обочине перед *Джемом*. Его щеки блестели от слез. Ему удалось снять ботинок, и теперь он смотрел на окровавленный носок, покрывающий то, что выглядело как сильно деформированная нога. Сколько из этого было повреждений костей и сколько опухоли, которая в конечном итоге сойдет на нет, Тим не знал, да и не хотел знать.

- Как вас зовут, сэр? - Спросил Тим.

- К чему вам мое имя. Мне нужен адвокат. И мне нужен врач. В меня стреляла эта женщина. Я хочу, чтобы ее арестовали.

- Его зовут Джеймс Эванс, - сказал Люк. - И он врач. Как и Йозеф Менгеле[216].

Эванс, казалось, впервые заметил Люка. Он указал на мальчика дрожащим пальцем.

- Это все твоя вина.

Люк бросился на Эванса, но на этот раз Тим удержал его и мягко, но решительно подтолкнул к Венди, которая взяла его за плечи.

Тим присел на корточки, чтобы посмотреть мертвенно-бледному испуганному человеку прямо в глаза.

- Послушайте меня, доктор Эванс. Слушайте внимательно. Вы и ваши друзья приехали в город, чтобы забрать этого мальчика, и убили пятерых человек. Все они - сотрудники полиции. Возможно, вы этого не знаете, но в Южной Каролине есть смертная казнь, и если вы

думаете, что к вам её не применят, то уж поверьте, что за убийство шерифа округа и четырех его помощников…

- Я не имею к этому никакого отношения! - Взвизгнул Эванс. - Я был здесь по принуждению! Я…

- Заткнись! - Сказала Венди. У нее в руках все еще был *Глок* покойного Тага Фарадея, и теперь она направила его на ногу, которая все еще была обута. - Эти офицеры были моими друзьями. Если ты думаешь, что я зачитаю тебе твои права или что-то в этом роде, то ты просто безумен. Если ты не скажешь Люку, чего он хочет, я пущу тебе пулю в лоб.

- Ну ладно! Хорошо! Я все скажу! - Эванс наклонился и положил руки на здоровую ногу, что почти заставило Тима пожалеть его. Почти. - О чем ты говоришь? Что ты хочешь знать?

- Мне нужно поговорить со Стэкхаусом, - сказал Люк. - Как мне это сделать?

- У неё есть телефон, - сказал Эванс. - У нее есть специальный телефон. Она звонила ему, прежде чем они попытались... ну вы понимаете... извлечь парня. Я видел, как она клала его в карман пиджака.

- Сейчас принесу, - сказала Венди и повернулась к полицейскому участку.

- Только не бери с собой телефон, - сказал Люк. - Приведи ее.

- Люк... она ранена.

- Она может нам понадобиться, - сказал Люк. Его глаза были каменными.

- Зачем?

Затем, что теперь это была шахматная партия, а в шахматах ты никогда не жил тем ходом, который собирался сделать, или даже следующим. На три хода вперед - таково было правило. И по три замены каждому из них, в зависимости от того, что делал ваш противник.

Она посмотрела на Тима, и тот кивнул.

- Приведи ее. Надень на нее наручники, если понадобится. В конце концов, ты здесь закон.

- Господи, что за скверная мысль, - сказала она и ушла.

Теперь, наконец, Тим услышал сирену. Может быть, даже две. Но звук еще был слабым.

Люк схватил его за запястье. Тим подумал, что мальчик выглядит полностью сосредоточенным, полностью осознающим происходящее, а также смертельно уставшим.

- Я не могу попасться на эту удочку. У них мои друзья. Они в ловушке, и никто им не поможет, кроме меня.

- Заперты в этом Институте.

- Да. Теперь ты мне веришь, не так ли?

- Было бы трудно не сделать это после того, что было на флешке, и всего этого. А как насчет флешки? Она у тебя?

Люк похлопал себя по карману.

- Миссис Сигсби и люди, с которыми она работает, хотят что-то сделать с твоими друзьями, чтобы они закончили, как дети в этой палате?

- Они уже делали это, но потом они выбрались. В основном из-за Эйвери, а Эйвери оказался там, потому что помог мне выбраться. Наверное, это можно назвать иронией. Но я почти уверен, что они снова в ловушке. Я боюсь, что Стэкхаус их убьет, если я не смогу заключить сделку.

Венди возвращалась. У нее в руках было квадратное устройство, которое Тим принял за телефон. На тыльной стороне руки, которая его держала, виднелись три кровоточащие царапины.

- Она не хотела его отдавать. И она удивительно сильна, даже после того, как получила пулю. - Она протянула Тиму гаджет и оглянулась через плечо. Сиротка Энни и Барабанщик Дентон держали Миссис Сигсби на другой стороне улицы. Хотя она была бледна и страдала от боли, она сопротивлялась им изо всех сил. По меньшей мере, три дюжины горожан Дюпре следовали за ними, а Док Роупер возглавлял стаю.

- Вот она, Тимми, - сказала Сиротка Энни. У нее перехватило дыхание, на щеке и виске виднелись красные отметины от пощечин Миссис Сигсби, но Энни ничуть не смутилась. - Что ты хочешь, чтобы мы с ней сделали? Думаю, о том, чтобы вздернуть ее, не может быть и речи, но разве это не привлекательная идея?

Док Роупер поставил свою черную сумку, схватил Энни за серапе и оттащил ее в сторону, чтобы оказаться лицом к лицу с Тимом.

- О чем, во имя Господа, ты думаешь? Вы не можете никуда перевезить эту женщину! Это ее убьет!

- Я не думаю, что она на пороге смерти, Док, - сказал Барабанщик. - Ударила так, что чуть не сломала мне нос. Потом он рассмеялся. Тим не верил, что когда-нибудь раньше слышал его смех.

Венди проигнорировала и Барабанщика, и доктора.

- Если мы собираемся куда-то ехать, Тим, то лучше это сделать до приезда полиции штата.

- *Пожалуйста*. - Люк посмотрел сначала на Тима, потом на Дока Роупера. - Мои друзья умрут, если мы ничего не предпримем. И с ними другие, те, кого они называют горками.

- Мне надо в больницу, - сказала Миссис Сигсби. - Я потеряла много крови. И я хочу видеть своего адвоката.

- Заткни свою пасть, или я закрою ее за тебя, - сказала Энни. Она посмотрела на Тима. - Она ранена не так сильно, как пытается показать. Кровотечение уже прекратилось.

Тим ответил не сразу. Он вспомнил тот день, не так давно, когда зашел в торговый центр *Уэстфилд* в Сарасоте, чтобы купить пару туфель, и тут к нему подбежала женщина, потому что он был в форме. Мальчик у кинотеатра размахивает пистолетом, сказала она, поэтому Тим пошел посмотреть и столкнулся с решением, которое изменило его жизнь. Решение, которое, собственно, и привело его сюда. Теперь ему предстояло принять еще одно решение.

- Перевяжите ее, Док. Я думаю, что Венди, Люк и я возьмем этих двоих на небольшую прогулку и посмотрим, сможем ли мы все исправить.

- Дай ей что-нибудь от боли, - сказала Венди.

Тим покачал головой.

- Дай это мне. Я решу, когда она получит лекарство.

Док Роупер смотрел на Тима - и на Венди тоже, - как будто никогда в жизни их не видел.

- Это *неправильно*.

- Нет, Док. - Это была Энни, и она говорила с удивительной мягкостью. Она взяла Роупера за плечо и повела его мимо покрытых ветошью трупов на улице к полицейскому участку с разбитыми окнами и дверями. - *Вот это* неправильно.

Доктор на мгновение застыл на месте, глядя на трупы и расстрелянный участок. Затем он принял решение. - Давайте взглянем,

как обстоят дела. Если у нее сильное кровотечение или раздроблена бедренная кость, я не позволю вам её забрать.

Ты это сделаешь, - подумал Тим. *Потому что ты не сможешь нас остановить*.

Роупер опустился на колени, открыл сумку и достал хирургические ножницы.

- Нет, - сказала Миссис Сигсби, выдираясь из рук Барабанщика. Он тут же снова схватил ее, но Тиму было интересно увидеть, что прежде чем он это сделал, она смогла перенести свой вес на раненую ногу. Роупер тоже это заметил. Он шел впереди, но по-прежнему мало что упускал. - Ты же не собираешься делать мне операцию прямо на улице!

- Единственное, что я собираюсь оперировать, - это штанина твоих штанов, - сказал Роупер. - Если только ты не будешь продолжать вырываться. Сделай это еще раз, и я не смогу гарантировать, что будет дальше.

- Нет! Я запрещаю тебе это делать…

Энни схватила ее за шею.

- Женщина, я не хочу больше слышать о том, что ты запрещаешь. Сиди смирно, или твоя нога - последнее, о чем ты будешь беспокоиться.

- Убери от меня свои руки!

- Только если ты будешь сидеть тихо. В противном случае я сверну твою тощую шею.

- Сделай это поскорее, - посоветовала Адди Гулсби. - Можно сойти с ума, когда она начинает свои заклинания.

Миссис Сигсби перестала сопротивляться, возможно, не столько из-за усталости, сколько из-за угрозы удушения. Роупер аккуратно разрезал ножницами ее брюки на два дюйма выше раны. Панталоны спадали вокруг ее лодыжки, обнажая белую кожу, узор из варикозных вен и что-то, что больше походило на порез от ножа, чем на пулевое отверстие.

- Ну, сладенькая, - сказал Роупер с облегчением. - Все не так уж плохо. Хуже, чем царапина, но не намного. Вам повезло, мэм. Кровь уже свернулась.

- Я тяжело ранена! - Воскликнула Миссис Сигсби.

- Так и будет, если не заткнешься, - сказал Барабанщик.

Доктор промыл рану дезинфицирующим средством, обмотал ее бинтом и закрепил клипсами-бабочками. К тому времени, когда он закончил, казалось, что все Дюпре - те, кто жил в городе, по крайней мере - наблюдали за происходящим. Тим тем временем смотрел на телефон женщины. Кнопка на боку осветила экран, и он увидел надпись: уровень заряда 75%.

Он снова выключил его и протянул Люку.

- Пока оставь это себе.

Когда Люк положил его в карман рядом с флешкой, чья-то рука потянула его за штаны. Это был Эванс.

- Ты должен быть осторожен, юный Люк. Если только не хочешь взять на себя ответственность.

- Ответственность за что? - Спросила Венди.

- За конец света, Мисс. За конец света.

- Заткнись, дурак, - сказала Миссис Сигсби.

Тим на мгновение задумался. Затем он повернулся к доктору.

- Я не знаю точно, с чем мы имеем дело, но я знаю, что это нечто экстраординарное. Нам нужно немного времени с этими двумя. Когда появятся полицейские штата, скажи им, что мы вернемся через час. Самое большее - два. Тогда мы попытаемся сделать что-то хотя бы приближенное к обычной полицейской процедуре.

Это было обещание, которое он сомневался, что сможет сдержать. Он думал, что его время в Дюпре, Южная Каролина, почти наверняка закончилось, и ему было жаль.

Он думал, что мог бы здесь остаться. Возможно с Венди.

39

Глэдис Хиксон стояла перед Стэкхаусом как на параде, расставив ноги и заложив руки за спину. Фальшивой улыбки, которую каждый ребенок в Институте знал (и ненавидел), не было видно.

- Ты понимаешь ситуацию, Глэдис?

- Да, сэр. Обитатели Задней Половины находится в переходном туннеле.

- Правильно. Они не могут выйти, но сейчас мы не можем туда войти. Как я понимаю, они пытались... скажем так, *получить доступ* к некоторым сотрудникам, используя их экстрасенсорные способности?

- Да, сэр. Это не сработало.

- Но это доставляет неудобства.

- Да, сэр, немного. И еще этот... гул. Это отвлекает. Не здесь, в администдании, по крайней мере, пока его нет, но все в Передней Половине его ощущают.

Что вполне логично, подумал Стэкхаус. *Передняя Половина ближе к туннелю. Можно сказать, прямо над ним.*

- Кажется, он становится сильнее, сэр.

Может быть, это было только в ее воображении. Стэкхаус мог надеяться на это, и он мог надеяться, что Донки Конг был прав, когда утверждал, что Диксон и его друзья не могут влиять на подготовленные умы, даже если горки добавляют свою неоспоримую силу к этому уравнению, но, как говаривал его дед, надежда не выигрывает скачки.

Возможно, ее смутило его молчание, и она продолжила:

- Но мы знаем, что они задумали, сэр, и это не проблема. Мы держим их на коротком поводке.

- Хорошо сказано, Глэдис. А теперь о том, зачем я пригласил вас сюда. Насколько я понимаю, в дни вашей молодости вы учились в Массачусетском университете.

- Совершенно верно, сэр, но только три семестра. Это было не моё, поэтому я бросила учебу и поступила в морскую пехоту.

Стэкхаус кивнул. Не нужно было смущать ее, указывая на то, что было в ее досье: после того, как она успешно окончила первый курс, Глэдис столкнулась с довольно серьезными проблемами во время второго. В студенческой забегаловке неподалеку от кампуса она оглушила конкурентку за любовь своего бойфренда пивной кружкой, и ее попросили покинуть не только заведение, но и колледж. Этот инцидент был не первой вспышкой ее дурного характера. Неудивительно, что она выбрала морскую пехоту.

- Насколько я понимаю, основным предметом в университете вы выбрали химию.

- Нет, сэр, не совсем так. Я еще не выбрала специализацию перед тем... прежде чем я решила забросить учебу.

- Но таково было ваше намерение.

- Гм, да, сэр, может быть.

- Глэдис, предположим, что нам нужно - если использовать заезженную фразу - окончательное решение в отношении тех обитателей, которые сейчас находятся в переходном туннеле. Не

говорим, что это непременно случится, не говорим, но предположим, что у нас не будет другого выхода.

- Вы спрашиваете, нельзя ли их как-нибудь отравить, сэр?

- Скажем так, может быть.

Теперь Глэдис улыбнулась, и эта улыбка была совершенно искренней. Возможно, даже с облегчением. Если бы постояльцы умерли, этот раздражающий гул прекратился бы. - Нет ничего проще, сэр, если предположить, что туннель подключен к ОВКВ системе, а я в этом уверена.

- ОВКВ?

- Отопление, вентиляция и кондиционирование воздуха, сэр. То, что вам нужно, это отбеливатель и очиститель для унитазов. Уборщики имеют целую кучу и того, и другого. Смешайте их, и вы получите газообразный хлор. Поставьте несколько ведер смеси под впускной канал ОВКВ, который питает туннель, накройте их брезентом, чтобы получить хорошую концентрацию, и все. - Она помолчала, задумавшись. - Конечно, прежде чем вы это сделаете, вам, возможно, захочется убрать весь персонал из Задней Половины. Там может быть только один вентиляционный вход. Не уверена. Я могла бы найти план системы отопления, если вы…

- В этом нет необходимости, - сказал Стэкхаус. - Но, может быть, вы с тем уборщиком, Фредом Кларком, могли бы подготовить?.. э... правильные ингредиенты. Просто на всякий случай, как вы считаете?

- Да, сэр, не вопрос. - Глэдис явно рвалась в бой. - Могу я спросить, где Миссис Сигсби? Ее кабинет пуст, и Розалинда просила спросить у вас, если я захочу знать.

- Где Миссис Сигсби не твое дело, Глэдис. И поскольку она, казалось, была полна решимости оставаться в военном режиме, он добавил: “свободна”.

Она ушла, чтобы найти уборщика Фреда и начать собирать ингредиенты, которые положат конец и детям, и гулу, который поселился под Передней Половиной.

Стэкхаус откинулся на спинку стула, размышляя, стоит ли предпринимать столь радикальные действия. Он думал что да. И было ли это действительно так радикально, учитывая то, что они здесь делали в течение последних семи десятилетий или около того? В конце

концов, смерть была неизбежна в их деле, и иногда плохая ситуация требовала нового начала.

Это новое начало зависело от Миссис Сигсби. Ее экспедиция в Южную Каролину была довольно безрассудной, но такие планы часто срабатывали. Он вспомнил слова Майка Тайсона[217]: *Как только начинается драка, стратегия вылетает в окно.* Как бы там ни было, его собственная стратегия отхода была готова. Уже много лет. Деньги отложены, фальшивые паспорта (три) сделаны, план отступления разработан, пункт назначения подготовлен. И все же он пробудет здесь столько, сколько сможет, отчасти из преданности Джулии, в основном потому, что верит в их работу. Сохранение мира в безопасности для демократии было вторично. Сохранение мира в безопасности *вообще* - вот основная задача.

Пока нет причин для отхода, сказал он себе. Тележка с яблоками накренилась, но не перевернулась. Лучше всего подождать. Посмотреть, кто останется на ногах, когда серия ударов прекратится.

Он все еще ждал, когда спутниковый телефон выдал свой резкий *бррт-бррт*. Когда Джулия расскажет ему о результатах, он решит, что делать дальше. Если бы телефон вообще не зазвонил, это тоже был бы сигнал.

40

На пересечении 17-го шоссе и 92-й автострады находился маленький заброшенный салон красоты. Тим подъехал к нему и обошел фургон с пассажирской стороны, где сидела Миссис Сигсби. Он открыл ее дверь, затем отодвинул раздвижную дверь фургона. Люк и Венди сидели по обе стороны от Доктора Эванса, который угрюмо смотрел на свою уродливую ногу. Венди держала в руках *Глок* Тага Фарадея. У Люка в руках был телефон Миссис Сигсби.

- Люк, за мной. Венди, пожалуйста, оставайся на месте.

Люк вышел из машины. Тим попросил трубку. Люк передал её ему. Тим включил и наклонился к пассажирской двери.

- Как работает эта бэби-хрень?

Она ничего не сказала, просто смотрела прямо перед собой на заколоченное здание с выцветшей вывеской *Хайрпорт 2000*. Стрекотали сверчки, и со стороны Дюпре слышался вой сирен. *Уже ближе, но все еще не в городе*, решил Тим. *Но скоро будут*.

Он вздохнул.

- Не усложняйте мне задачу, мэм. Люк говорит, что есть шанс заключить сделку, а он очень умен.

- Слишком умный, на его же беду, - сказала она и сжала губы. Все еще глядя через лобовое стекло, скрестив руки на своей скудной груди.

- Учитывая ваше положение, я бы сказал, что он слишком умен и на вашу беду тоже. Когда я говорю, *Не усложняйте*, я имею в виду, не заставляй причинять тебе боль. Для того, кто причинял боль детям…

- Не только причинял им боль, но и убивал их, - вставил Люк. - А также убивал других людей.

- Для того, кто этим занимается, ты, кажется, на удивление не любишь испытывать боль на себе. Так что прекращай молчанку и расскажи мне, как это работает.

- Он активируется голосом, - сказал Люк. - Разве не так?

Она удивленно посмотрела на него.

- Ты ТК, а не ТП. И не такой уж сильный ТК, к тому же.

- Все изменилось, - сказал Люк. - Благодаря Огням Штази. Активируйте телефон, Миссис Сигсби.

- Заключить сделку? - Сказала она и рассмеялась лающим смехом. - Какая сделка может принести мне хоть какую-то пользу? Я буду мертвой, в любом раскладе. Я потерпела неудачу.

Тим наклонился к раздвижной двери.

- Венди, дай мне пистолет.

Она сделала это без возражений.

Тим приставил дуло служебного пистолета помощника шерифа Фарадея к штанине, которая все еще была целой, чуть ниже колена.

- Это *Глок,* мэм. Если я нажму на курок, ты больше никогда не сможешь ходить.

- Шок и потеря крови убьют ее! - Взвизгнул Доктор Эванс.

- Там пятеро убитых полицейских, и виновата в этом она, - сказал Тим. - Ты думаешь, меня это действительно волнует? С меня достаточно, Миссис Сигсби. Это твой последний шанс. Ты можешь сразу потерять сознание, но держу пари, что твои огни некоторое время останутся включенными. Прежде чем они погаснут, боль, которую ты почувствуешь, по сравнению с пулевой бороздкой в другой ноге представится тебе легким поцелуем.

Она ничего не ответила.

- Не делай этого, Тим, - сказала Венди. Ты не сможешь, у тебя не хватит хладнокровия.

- Я смогу. - Тим не был уверен, что это правда. Что он знал наверняка, так это то, что он не хотел это выяснять. - Помогите мне, Миссис Сигсби. Помогите себе.

Ничего. А времени было мало. Энни не сказала бы полиции штата, в какую сторону они направились; ни Барабанщик, ни Адди Гулсби. А Док Роупер мог бы. Норберт Холлистер, который предусмотрительно держался вне поля зрения во время перестрелки на Мейн-стрит, был еще более вероятным кандидатом.

- О'кей. Ты кровожадная сука, но мне все равно жаль, что я должен это сделать. Считаю до трех.

Люк зажал уши руками, чтобы заглушить звук выстрела, и это ее убедило.

- Не надо. - Она протянула руку. - Дай мне телефон.

- Думаю, что нет.

- Тогда поднеси его к моему рту.

Тим так и сделал. Миссис Сигсби что-то пробормотала, и голос из телефона произнес:

Активация отклонена. У вас есть еще две попытки.

- Ты можешь лучше, - сказал Тим.

Миссис Сигсби откашлялась и на этот раз заговорила почти нормальным тоном.

- Сигсби - Первому. Начальник - Канзас-Сити.

Появившийся экран выглядел точно так же, как на айфоне Тима. Он нажал на значок телефона, зашел в ПОСЛЕДНИЕ ВЫЗОВЫ. Там, в самом верху списка, стоял Стэкхаус.

Он протянул трубку Люку.

- Звонишь ты. Я хочу, чтобы он услышал твой голос. После чего отдаешь его мне.

- Потому что ты взрослый, и он тебя послушает.

- Надеюсь, ты прав.

41

Почти через час после последнего контакта с Джулией - слишком долго - спутниковый телефон Стэкхауса включился и зазвонил. Он резко схватил его. - Ты взяла его, Джулия?

Голос, который ответил, был настолько ошеломляющим, что Стэкхаус чуть не выронил трубку.

- Нет, - возразил Люк Эллис, - как раз все наоборот. - Стэкхаус услышал в голосе маленького засранца явное удовлетворение. - Это она у нас в руках.

- Что... Что?... - Сначала он не мог придумать, что еще сказать. Ему не понравилось это *у нас*. Что его успокоило, так это мысль о трех паспортах, запертых в сейфе его офиса, и тщательно продуманной стратегии отхода.

- Теряешь нить разговора? - Спросил Люк. - Может быть, тебе стоит окунуться в погружной бак. Это делает чудеса для умственных способностей. Я живое тому доказательство. Бьюсь об заклад, Эйвери тоже.

Стэкхаус почувствовал сильное желание закончить разговор прямо сейчас, забрать свои паспорта и немедленно убраться отсюда, быстро и тихо. Его остановило то, что парень вообще звонил. Это означало, что ему есть что сказать. Может быть, что-то предложить.

- Люк, где Миссис Сигсби?

- Прямо здесь, - сказал Люк. - Она открыла для нас свой телефон. Разве это не здорово?

Нас. Еще одно плохое местоимение. Опасное местоимение.

- Произошло недоразумение, - сказал Стэкхаус. - Если есть хоть какой-то шанс, что мы сможем все исправить, давай это сделаем. Ставки выше, чем ты думаешь.

- Может, и сможем, - сказал Люк. - Это было бы здорово.

- Потрясающе! Не мог бы ты на минуту-другую соединить меня с Миссис Сигсби, чтобы я знал, что с ней все в порядке…

- Почему бы тебе вместо этого не поговорить с моим другом? Его зовут Тим.

Стэкхаус ждал, пот струился по его щекам. Он смотрел на монитор своего компьютера. Дети в туннеле, которые начали бунт - Диксон и его друзья - выглядели так, будто спали. Горки - нет, они бесцельно бродили, что-то бормотали и иногда натыкались друг на друга, как бамперы машин в парке развлечений. У одного был карандаш или что-то в этом роде, и он что-то писал на стене. Стэкхаус удивился. Он никогда бы не подумал, что кто-то из них еще способен писать. Может быть, это просто каракули. Проклятая камера была

недостаточно хороша, чтобы разглядеть. Гребаное некачественное оборудование.

- Мистер Стэкхаус?

- Да. С кем я разговариваю?

- Тим. Это все, что тебе сейчас нужно знать.

- Я хочу поговорить с Миссис Сигсби.

- Скажи что-нибудь, только побыстрее, - сказал человек, называвший себя Тимом.

- Я здесь, Тревор, - сказала Джулия. - И мне очень жаль. Это не сработало.

- Как…

- Не важно как, Мистер Стэкхаус, - сказал человек, называвший себя Тимом, - важно, что королева-сука прямо здесь. Нам нужно заключить сделку, и сделать это быстро. Ты можешь заткнуться и выслушать?

- Да. - Стэкхаус положил перед собой блокнот. На страницу упали капли пота. Он вытер лоб рукавом, перевернул страницу и взял ручку. - Готов.

- Люк принес флешку из того места, где вы его держали, из Института. Её записала женщина по имени Морин Элворсон. Она рассказывает фантастическую историю, в которую было бы трудно поверить, если бы не видео, которое она сняла в том месте, которое вы называете Палата А или Парк Горького. Вы здесь?

- Да.

- Люк говорит, что вы держите в заложниках нескольких его друзей вместе с детьми из Палаты А.

До этого момента Стэкхаус не думал о них как о заложниках, но предполагал, что с точки зрения Эллиса...

- Скажем, это так, Тим.

- Да, так и скажем. Теперь - важная часть. На данный момент только два человека знают историю Люка и то, что на этой флешке. Я один из них. Моя подруга Венди - вторая, и она со мной и Люком. Были и другие, кто это видел, - все копы, - но благодаря королеве-суке и силе, которую она привела с собой, все они мертвы. Большинство ее подельников тоже.

- Это невозможно! - Крикнул Стэкхаус. Мысль о том, что кучка копов из маленького городка могла убрать Опаловых и Рубиново-

красных, да еще и работавших сообща, была смехотворной.

- Леди-босс была чересчур нетерпелива, мой друг, и, в придачу, они были застигнуты врасплох. Но давайте перейдем к делу, хорошо? У меня есть флешка. У меня также ваша Миссис Сигсби и доктор Джеймс Эванс. Они оба ранены, но если выберутся отсюда, то поправятся. У вас - дети. Может, поменяемся?

Стэкхаус был ошарашен.

- Стэкхаус? Мне нужен ответ.

- Это будет зависеть от того, сможем ли мы сохранить наш объект в тайне, - сказал Стэкхаус. - Без этой гарантии сделка не имеет смысла.

Пауза, потом Тим вернулся.

- Люк говорит, что мы могли бы решить эту проблему. А сейчас, куда мне ехать, Стэкхаус? Как ваша пиратская команда так быстро добралась сюда из Мэна?

Стэкхаус рассказал ему, что в Алколу их ждет *Челленджер* - у него действительно не было выбора.

- Миссис Сигсби может дать вам более точные указания, как только вы доберетесь до города Бофорт. Теперь мне нужно поговорить с Эллисом.

- Это действительно необходимо?

- На самом деле, это жизненно важно.

Последовала короткая пауза, затем мальчик оказался на линии.

- Чего ты хочешь?

- Полагаю, ты связался со своими друзьями, - сказал Стэкхаус. - Возможно, только с одним из них, Мистером Диксоном. Не нужно подтверждать или опровергать это, я понимаю, что времени мало. В случае если ты не знаешь точно, где они находятся…

- Они в туннеле между Задней и Передней Половиной.

Это было в высшей степени тревожно. Тем не менее, Стэкхаус продолжил говорить.

- Совершенно верно. Если мы сможем договориться, они могут выйти и снова увидеть солнце. Если не сможем, я заполню этот туннель хлорным газом, и они умрут медленно и болезненно. Я не увижу, как это произойдет; я смоюсь отсюда через две минуты после того, как отдам приказ. Я говорю тебе это, потому что я совершенно уверен, что твой новый друг Тим хотел бы оставить тебя в стороне от любой сделки, которую мы заключим. Этого не будет. Ты понимаешь?

Последовала пауза, потом Люк сказал:

- Я понимаю. Я пойду с ним.

- Хорошо. По крайней мере, сейчас все ОК. Мы закончили?

- Не совсем. Телефон Миссис Сигсби будет работать в самолете?

Стэкхаус услышал, как Миссис Сигсби сказала, что будет.

- Держись рядом с телефоном, Мистер Стэкхаус, - сказал Люк. - Нам нужно будет еще не раз поговорить. И тебе надо прекратить раздумывать о побеге. Если ты это сделаешь, я узнаю. С нами женщина-полицейский, и если я попрошу её связаться с национальной безопасностью, она это сделает. Твоя фотография будет в каждом аэропорту страны, и все поддельные удостоверения личности в мире не принесут тебе никакой пользы. Ты будешь как кролик в чистом поле. Ты меня понимаешь?

Во второй раз, Стэкхаус был слишком ошарашен, чтобы говорить.

- Ты понимаешь?

- Да, - ответил он.

- Хорошо. Мы свяжемся с тобой, чтобы уточнить детали.

С этими словами мальчик исчез. Стэкхаус осторожно положил трубку на стол. Он заметил, что его рука слегка дрожит. Отчасти это был испуг, но в основном - ярость.

- Мы свяжемся с тобой, - сказал мальчик, как будто он был каким-то крутым генеральным директором в Кремниевой долине, а Стэкхаус - мелким чиновником, который должен был выполнять его приказы.

Это мы еще посмотрим, - подумал он. *Мы еще посмотрим*.

42

Люк протянул трубку Тиму, словно радуясь, что избавился от нее.

- Откуда ты знаешь, что у него есть фальшивые документы? - Спросила Венди. - Ты прочел это в его голове?

- Нет, - ответил Люк. - Но держу пари, у него их много - паспорта, водительские удостоверения, свидетельства о рождении. Держу пари, у многих из них они есть. Может быть, не у надзирателей, лаборантов и персонала кафешки, а у тех, кто *повыше.* Они похожи на Эйхмана[218] или Вальтера Рауффа[219], парня, который придумал идею строительства мобильных газовых камер. Люк посмотрел на Миссис Сигсби. - Рауфф прекрасно вписался бы в вашу команду, не так ли?

- У Тревора могут быть фальшивые документы, - сказала Миссис Сигсби. - У меня их нет.

И хотя Люк не мог проникнуть в ее мысли - она закрыла их для него, - он думал, что она говорит правду. Для таких людей, как она, существовало определение - “*фанатик*”. Эйхман, Менгеле и Рауфф бежали, как трусы; их фанатичный фюрер остался и покончил с собой. Люк был совершенно уверен, что если бы представилась такая возможность, эта женщина сделала бы то же самое. Только если бы это было относительно безболезненно.

Он забрался обратно в фургон, стараясь не задеть раненую ногу Эванса.

- Мистер Стэкхаус думает, что я иду к нему, но это не так.

- Нет? - Спросил Тим.

- Нет. Я иду за ним.

Огни Штази вспыхнули перед глазами Люка в сгущающихся сумерках, и раздвижная дверь фургона закрылась сама по себе.

БОЛЬШОЙ ТЕЛЕФОН

1

Пока они добирались до Бофорта, в салоне фургона царила тишина. Доктор Эванс попытался было завести разговор, желая, чтобы они знали, что он был невиновной стороной. Тим сказал ему, что у него есть выбор: либо заткнуться и принять пару таблеток *Оксикодона*, которые дал доктор Роупер, либо продолжать говорить и терпеть боль в раненой ноге. Эванс предпочел молчание и таблетки. В маленькой коричневой бутылочке было еще несколько. Тим предложил одну Миссис Сигсби, и та проглотила ее, не потрудившись поблагодарить.

Тим хотел тишины для Люка, который теперь был мозгом операции. Он знал, что большинство людей сочли бы его сумасшедшим за то, что он позволил двенадцатилетнему мальчику разрабатывать стратегию, направленную на спасение детей в том туннеле, без вреда для себя, но он заметил, что Венди тоже молчит. Она и Тим знали, что сделал Люк, чтобы попасть сюда, они видели его в действии, и они все понимали.

Что же это было за понимание? Ну, кроме того, что у него были стальные яйца, ребенок также оказался подлинным гением. Эти

Институтские головорезы взяли его, чтобы воспользоваться его талантом, который был (по крайней мере, до его усиления) немного больше, чем салонный трюк. Они считали его гениальность простым дополнением к тому, что им действительно было нужно, что делало их браконьерами, готовыми убить двенадцатитысячефунтового слона, чтобы получить девяносто фунтов слоновой кости.

Тим сомневался, что Эванс способен оценить иронию, но догадывался, что Сигсби может... если она когда-нибудь и допускала мысль о провале, то вряд ли могла предположить, что тайная операция, длившаяся десятилетиями, будет сорвана тем, что они считали таким ненужным, - грозным интеллектом этого ребенка.

2

Около девяти часов, сразу после пересечения границы города Бофорт, Люк попросил Тима найти мотель.

- Только не останавливайся спереди. Объедь сзади.

На Бордер-стрит стоял *Эконо-Лодж*[220], его задняя стоянка была затенена магнолиями. Тим припарковался у забора и заглушил двигатель.

- Здесь вы нас покинете, офицер Венди, - сказал Люк.

- Тим? - Спросила Венди. - О чем он говорит?

- Что ты сейчас одна пойдешь бронировать номер, и он прав, - сказал Тим. - Ты остаешься здесь, а мы уезжаем.

- Мы подождем, пока ты получишь ключ, - сказал Люк. - И принеси мне немного бумаги. У тебя есть ручка?

- Конечно, и у меня есть записная книжка. - Она похлопала по переднему карману форменных брюк. - Но…

- Я объясню все, что смогу, когда ты вернешься, но пока все сводится к тому, что ты наш страховой полис.

Миссис Сигсби обратилась к Тиму впервые с тех пор, как они отъехали от салона красоты.

- То, через что прошел этот мальчик, свело его с ума, и ты станешь сумасшедшим, слушая то, что он говорит. Самое лучшее, что вы трое можете сделать, это оставить нас с доктором Эвансом здесь и сбежать.

- Что означало бы оставить моих друзей умирать, - сказал Люк.

Миссис Сигсби улыбнулась.

- Подумай, Люк. Что они вообще для тебя сделали?

- Ты не поймешь, - сказал Люк. - Ни за что на свете.

- Давай, Венди, - сказал Тим. Он взял ее руку и сжал. - Сними комнату, а потом возвращайся к нам.

Она с сомнением посмотрела на него, но передала ему *Глок*, вышла из фургона и направилась на рецепшн.

Доктор Эванс сказал:

- Я хочу подчеркнуть, что я был здесь по…

- Да, по принуждению, - ответил Тим. - Это мы поняли. А теперь заткнись.

- Мы можем выйти? - Спросил Люк. - Я хочу поговорить с тобой без неё... - Он кивнул на Миссис Сигсби.

- Конечно же, можем. - Тим открыл и пассажирскую дверь, и раздвижную, затем встал у забора, отделяющего мотель от закрытого автосалона по соседству. Люк к нему присоединился. С того места, где стоял Тим, он мог видеть обоих их невольных пассажиров и мог остановить, если бы кто-нибудь из них решил предпринять попытку к побегу. Он не думал, что такое возможно, учитывая, что одна была ранена в бедро, а другой - в ступню.

- Что? - Спросил Тим.

- Ты играешь в шахматы?

- Я знаю эту игру, но никогда не был в ней силен.

- Понятно, - ответил Люк. Он говорил тихо. - Сейчас я играю с ним. Стэкхаусом. Ты это понимаешь?

- Думаю, что да.

- Пытаюсь продумать на три хода вперед, плюс предположить его дальнейшие ходы.

Тим кивнул.

- В шахматах время не является основным фактором, только если ты не играешь в быстрые шахматы, такая игра тоже есть. Мы должны добраться отсюда до аэродрома, где нас ждет самолет. Потом куда-то в Преск-Айл, где базируется самолет. Оттуда в Институт. Я не думаю, что мы успеем до двух часов ночи. Пока понятно?

Тим прокрутил это в голове и кивнул.

- Может быть, и чуть позже, но скажем, где-то в два.

- Это дает моим друзьям пять часов, чтобы предпринять что-то самим, но это также дает Стэкхаусу пять часов, чтобы переосмыслить свою позицию и изменить свое мнение. Чтобы отравить этих детей и просто сбежать. Я сказал ему, что его фотография будет в каждом

аэропорту, и, я думаю, он на это купится, потому что где-то в интернете должны быть его фотографии. Многие сотрудники Института - бывшие военные. Наверное, и он тоже.

- Возможно, его фотография есть даже на телефоне королевы-суки, - сказал Тим.

Люк кивнул, хотя и сомневался, что Миссис Сигсби была из тех, кто делает фото. - Но он может решить пересечь канадскую границу пешком. Я уверен, что у него есть, по крайней мере, один альтернативный путь к отступлению - заброшенная лесная дорога или ручей. Это один из тех возможных будущих шагов, которые я должен иметь в виду. Только...

- Только что?

Люк провел ладонью по щеке - странно взрослый жест усталости и нерешительности.

- Мне нужна твоя помощь. То, что я задумываю, понятно для меня, но я все лишь ребенок. Я не могу быть полностью в чем-то уверен. Ты взрослый, и ты один из хороших парней.

Тим был тронут. Он бросил взгляд в сторону фасада здания, но Венди не было видно.

- Скажи мне, о чем ты думаешь.

- Что я поджег ему задницу. Разрушил его мир. Я думаю, он захочет остаться, чтобы убить меня. Используя моих друзей как приманку, чтобы убедиться, что я приду. Тебе это понятно? Скажи мне правду.

- Вполне, - сказал Тим. - Не могу быть уверенным на сто процентов, но месть - мощный мотиватор, и этот Стэкхаус не будет первым, кто проигнорирует свои собственные интересы в попытке ее осуществить. И я могу сказать еще одну причину, по которой он может решить подождать на месте.

- Какую? - Люк с тревогой изучал его. Из-за угла здания вышла Венди Гулликсон с карточкой-ключом в руке.

- Тим наклонил голову в сторону открытой пассажирской двери фургона, затем приблизил свою голову к голове Люка - Сигсби - леди-босс, верно? Стэкхаус - просто ее подручный?

- Да.

- Ну, - сказал Тим, слегка улыбаясь, - а кто *ее* босс? Ты об этом не подумал?

Глаза Люка расширились, а рот слегка приоткрылся. Он понял. И улыбнулся.

3

Девять пятнадцать.

В Институте было тихо. Дети, проживающие в Передней Половине, спали, им помогли успокоительные таблетки, которые раздали Джо и Хадад. В туннеле те пятеро, которые подняли бунт, тоже спали, но, вероятно, не очень крепко; Стэкхаус надеялся, что головные боли будут их сильно донимать. Единственными детьми, которые еще не спали, были горки, которые бродили вокруг, как будто им было куда идти. Иногда они делали круги, как будто водили хоровод.

Стэкхаус вернулся в кабинет Миссис Сигсби и открыл запертый нижний ящик ее стола дубликатом ключа, который она ему дала. Теперь он держал в руке специальный телефон, который они называли Зеленым телефоном, а иногда и Нулевым телефоном. Он думал о том, что однажды сказала Джулия по поводу этого телефона с тремя кнопками. Это случилось в деревне в прошлом году, когда у Хекла и Джекла еще работало большинство мозговых клеток. Дети в Задней Половине только что прикончили саудовского бандита, который передавал деньги террористическим ячейкам в Европе, и выглядело это как несчастный случай. Жизнь была хороша. Джулия пригласила его на ужин, чтобы отпраздновать это событие. Они разделили бутылку вина до этого, и вторую бутылку во время и после. Это развязало ей язык.

- Я ненавижу совершать звонки по Нулевому телефону. Этот человек с шепелявым голосом. Я всегда представляю его себе альбиносом. Не знаю почему. Может быть, отсылка к тому, что я видела в комиксах, когда была девочкой. Злодей-альбинос с рентгеновскими глазами.

Стэкхаус понимающе кивнул.

- А где он обитает? И кто он такой?

- Не знаю и знать не хочу. Я звоню, даю отчет, а потом принимаю душ. Только одно хуже, чем *звонить* по Нулевому телефону. Это услышать *исходящий* от него звонок.

Теперь Стэкхаус смотрел на Нулевой телефон с каким-то суеверным страхом, как будто только одна мысль об этом разговоре может заставить его звонить…

- Нет, - ответил он. В пустую комнату. К молчащему телефону. По крайней мере, пока молчащему. - В этом нет ничего суеверного. Тебе *придется* зазвонить. Простая логика.

Конечно. Потому что люди на другом конце Нулевого телефона - шепелявый человек и большая организация, частью которой он был - обязательно узнают об эпическом просере в этом маленьком городке Южной Каролины. Конечно же, они узнают. Это должно попасть на первые полосы газет по всей стране и, возможно, по всему миру. Возможно, они уже знают. Если бы они знали о Холлистере, внештатнике, который жил в Дюпре, они могли бы связаться с ним и разузнать обо всех кровавых деталях.

И все же Нулевой телефон пока не звонил. Означало ли это, что они не знали, или это означало, что они давали ему время все исправить?

Стэкхаус сказал человеку по имени Тим, что любая сделка, которую они заключат, будет зависеть от того, удастся ли сохранить тайну об Институте. Стэкхаус не был настолько глуп, чтобы верить, что его работа может продолжиться, по крайней мере, не здесь, в лесах штата Мэн, но если он сможет как-то справиться с ситуацией без мировых заголовков о психоодаренных детях, которые подвергались насилию и были убиты... или почему все это произошло... это будет хоть что-то. Он мог бы даже быть вознагражден, если бы сумел скрыть все это, хотя бы просто сохранить свою жизнь. Это уже было бы достаточной наградой.

Только три человека обо всем знали, по словам этого Тима. Остальные, кто видел то, что было на флешке, были мертвы. Некоторые из злополучной Золотой команды могли быть живы, но они не видели того, что было на флешке, и они будут хранить молчание обо всем остальном.

Заманить сюда Люка Эллиса и его подельников, - подумал он. Это первый шаг. Они могут добраться досюда не ранее 2 часов ночи. Даже до часу тридцати у меня будет достаточно времени, чтобы спланировать засаду. Все, что у меня есть, - это широкоплечие лаборанты, но некоторые из них - Грек Зик, например - реально крепкие парни. Забрать флешку и убить *их*. Затем, когда шепелявый человек позвонит - а он обязательно позвонит - и спросит, справляюсь ли я с ситуацией, я смогу ответить...

- Я смогу ответить, что все под контролем, - сказал Стэкхаус.

Он положил Нулевой телефон на стол Миссис Сигсби и послал ему мысленное сообщение*: Не звони. Не смей звонить до трех часов завтрашнего утра. До четырех или пяти было бы еще лучше.*

- Дай мне немного време…

Зазвонил телефон, и Стэкхаус испуганно вскрикнул. Потом он рассмеялся, хотя его сердце все еще билось очень быстро. Не Нулевой телефон, а его спутниковый телефон. Это означало, что звонок был из Южной Каролины.

- Алло? Это Тим или Люк?

- Это Люк. Послушай меня, и я расскажу тебе, как все у нас должно сложиться.

4

Калиша заблудилась в очень большом доме, и она понятия не имела, как выбраться, потому что не знала, как туда попала. Она находилась в коридоре, похожем на коридор основного здания в Передней Половине, где она проживала некоторое время, прежде чем ее забрали, чтобы выбить мозги. Только этот коридор был обставлен комодами, зеркалами, вешалками для одежды и чем-то похожим на слоновью ногу, набитую зонтиками. На столе стоял телефон, очень похожий на тот, что стоял у них дома на кухне, и он звонил. Она подняла трубку и, поскольку не могла произнести то, чему ее учили с четырех лет (“дом Бенсонов”), просто поздоровалась.

- *Хола? Ме эскучас*?[221] - Это был голос девушки, слабый и прерываемый помехами, едва слышный.

Калиша знала, что такое *хола*, потому что год изучала испанский в средней школе, но ее скудный словарный запас не включал *эскучас*. Тем не менее, она понимала, о чем говорит девушка, и понимала, что это сон.

- Да, а-га, я тебя слышу. Где ты? *Кто* ты такая?

Но девушка пропала.

Калиша положила трубку и пошла дальше по коридору. Она заглянула в комнату, похожую на фойе в старом кинотеатре, потом в банкетный зал. Пол там был выложен черно-белыми квадратами, что заставило ее вспомнить Люка и Ника, играющих в шахматы на игровой площадке.

Зазвонил еще один телефон. Она пошла быстрее и вошла в красивую современную кухню. Холодильник был облеплен фотографиями, магнитами и наклейкой с надписью: *Берковица в президенты!* Она не могла отличить Берковица от дыры в стене, но знала, что это его кухня. Телефон висел на стене. Он был больше, чем тот, что стоял на столе, и уж точно больше, чем тот, что стоял на кухне у Бенсонов, - тот был совсем игрушечный. Телефон продолжал звонить, и она подняла трубку.

- Алло? *Хола?* Меня зовут - *ме ламо*[222] - Калиша.

Но это была не испанка. Это был мальчик.

- *Бонжур, ву метенде*?[223] - Французский. *Бонжур* это по-французски. Другой язык, но вопрос тот же, и на этот раз связь была лучше. Не намного, но все же.

- Да, *уи-уи*[224], я тебя слышу! Где…

Но мальчик исчез, и зазвонил другой телефон. Она пронеслась через кладовую и оказалась в комнате с соломенными стенами и грязным полом, покрытым пестрым плетеным ковриком. Это была последняя остановка беглого африканского военачальника по имени Баду Бокасса, которому одна из его любовниц всадила нож в горло. Правда, на самом деле он был убит группой детей, находящихся за тысячи миль отсюда. Доктор Хендрикс взмахнул своей волшебной палочкой, которая была дешевым бенгальским огоньком, и Мистер Бокасса ушел в небытие. Телефон на коврике был еще больше, размером с настольную лампу. Когда она подняла трубку, та была тяжелой.

Еще одна девушка, и на этот раз голос звучал четко, как колокол. По мере того как телефоны становились все больше, голоса, казалось, становились все четче.

- *Здраво, чуеш ли ми?*[225]

- Да, я прекрасно тебя слышу, что это за место?

Голос пропал, и зазвонил другой телефон. Он был в спальне с люстрой, и этот телефон был размером со скамеечку для ног. Ей пришлось взять трубку обеими руками.

- *Халло, хур дже ми?*[226]

- Да! Конечно! Абсолютно! Поговори со мной!

Никакого ответа. Просто молчание.

Следующий телефон был в солярии с большой стеклянной крышей, и он был таким же большим, как и стол, на котором он находился. От звонка у нее заболели уши. Это было похоже на прослушивание телефона, подключенного через усилитель на рок-н-ролльном концерте. Калиша подбежала к нему, вытянув руки, подняв ладони вверх, и сбила трубку с основания телефона, но не потому, что ожидала, что её просветят, а чтобы заткнуть его, пока он не разорвал ей барабанные перепонки.

- *Чао!* - Прогремел мальчишеский голос. - *Ми Сенти? МИ СЕНТИ?*[227]

И это ее разбудило.

5

Она находилась рядом со своими друзьями - Эйвери, Ники, Джорджем и Хелен. Они спали, но им тоже снились кошмарны. Джордж и Хелен стонали. Ники что-то бормотал и протягивал руки, заставляя вспомнить, как она бежала к большому телефону, чтобы остановить звонок. Эйвери крутился и выдыхал что-то, что она уже слышала: *Хур дже ми? Хур дже ми?*

Они видели во сне то же, что и она, и, учитывая то, кем они сейчас были - какими их сделал Институт, - идея казалась вполне логичной. Они генерировали какую-то общую силу, телепатию, а также телекинез, так почему бы им не разделить один и тот же сон? Вопрос был только в том, кто из них все это затеял. Она подозревала Эйвери, потому что он был самым сильным.

- Пчелиный улей, - подумала она. Вот кто мы теперь. Улей сдвинутых по фазе пчел.

Калиша поднялась на ноги и огляделась. Все еще заперты в переходном туннеле, это не изменилось, но она думала, что изменился уровень силы. Может быть, именно поэтому дети из Палаты А не ложились спать, хотя было уже довольно поздно; у Калиши всегда было хорошее чувство времени, и она подумала, что сейчас, по меньшей мере, половина десятого, может быть, чуть позже.

Гул был громче, чем когда-либо, и подхватил что-то вроде цикличного ритма: ммм-МММ-ммм-МММ. Она с интересом (но без особого удивления) заметила, что свет флуоресцентных ламп над головой подстроился в один ритм с гулом, становясь то ярче, то немного тускнея, а затем снова становясь ярче.

На самом деле, ты видишь реальные проявления ТК, - подумала она. *И это просто прекрасно*.

Пит Литтлджон, мальчик, который бил себя по голове и кричал “Я-*Я*-Я-*Я*”, подбежал к ней. В Передней Половине Пит был довольно милым и немного раздражающим, как младший брат, который повсюду следит за тобой и пытается подслушать, пока ты и твои подруги рассказывают друг другу свои секреты. Теперь на него было тяжело смотреть - влажный, опущенный рот, пустые глаза.

- *Ме эскучас?* - сказал он. - *Хёрст ду мич?*[228]

- Тебе тоже это приснилось, - сказала Калиша.

Пит не обратил на это никакого внимания, просто повернулся к своим бродящим приятелям, теперь говоря что-то похожее на *стизез минни*. Одному Богу известно, что это был за язык, но Калиша была уверена, что перевод означает то же самое, что и со всех остальных.

- Я тебя слышу, - сказала ни в куда Калиша. - Но чего ты хочешь?

Примерно на полпути по туннелю к запертой двери в Заднюю Половину, на стене карандашом было что-то написано. Калиша шла посмотреть что, по пути уклонившись от нескольких бродящих детей из Палаты А. Большими фиолетовыми буквами там было написано ЗВАНИТ БАЛЬШОЙ ФОН. АТВЕТЬ БАЛЬШОМУ ФОНУ. Значит, и горки могли видеть сны, только они грезили наяву. С их разумом, практически стертым, может быть, они все время видели сны. Что за ужасная идея - грезить, грезить, грезить и никогда не найти выход в реальный мир.

- И ты тоже, да?

Это был Ник, его глаза опухли ото сна, волосы встали дыбом и торчали ежиком. Это было довольно мило. Она подняла брови.

- Видела сон. Большой дом, большие телефоны? Вроде как в *500 шляпах Бартоломью Каббинса*?[229]

- Кто такой Бартоломью?

- Из книги доктора Сьюза. Бартоломью пытается снять шляпу перед королем, и каждый раз, когда он её снимает, под ней оказывалась шляпа побольше и попричудливее.

- Никогда не читала, но сон был на это похож. Я думаю, это исходит от Эйвери. - Она указала на мальчика, который все еще спал и видел изнемождающий сон. - Или, возможно, с него началось.

- Я не знаю, он ли это начал, или он получает картинку, усиливает и передает дальше. Не уверен, что это вообще имеет хоть какое-то значение. - Ник изучил сообщение на стене, затем огляделся. - Горки сегодня неспокойны.

Калиша хмуро посмотрела на него.

- Не называй их так. Это рабское слово. Например, как назвать меня ниггером.

- Ладно, - сказал Ник, - умственно отсталые сегодня беспокойны. Так лучше?

- Да. - Она подарила ему улыбку.

- Как твоя голова, Ша?

- Лучше. Вообще-то, все просто прекрасно. А твоя?

- Тоже.

- И моя тоже, - сказал Джордж, присоединяясь к ним. - Спасибо, что спросила. Вы, ребята, видели сон? Большие телефоны и *Привет, ты меня слышишь?*

- Да, - сказал Ник.

- Этот последний телефон, тот, что был перед моим пробуждением, был больше меня. И гул стал сильнее. - Затем тем же небрежным тоном: - как вы думаете, сколько времени пройдет, прежде чем они решат нас отравить? Я удивлен, что они еще этого не сделали.

6

Девять сорок пять, стоянка у отеля *Эконо-Лодж* в Бофорте, штат Южная Каролина.

- Я слушаю, - сказал Стэкхаус. - Если ты позволишь мне помочь тебе, возможно, мы сможем решить эту проблему. Давай обсудим.

- Давай без давай, - сказал Люк. - Все, что от тебя требуется, - это слушать. И записывать, потому что я не хочу повторяться.

- Твой друг Тим рядом с тобой?...

- Тебе нужна флешка или нет? Если нет, продолжай базар. Если да, то *заткнись нахер*.

Тим положил руку на плечо Люка. На переднем сиденье фургона Миссис Сигсби печально покачала головой. Люку не нужно было читать ее мысли, чтобы понять, о чем она думает: мальчик пытается делать мужскую работу.

Стэкхаус вздохнул.

- Готов. Ручка и бумага наготове.

- Для начала. У офицера Венди нет флешки, флешка едет с нами, но она знает имена моих друзей - Калиши, Эйвери, Ники, Хелен, еще парочки - и откуда они. Если их родители мертвы, как и мои, этого будет достаточно, чтобы начать расследование, даже без флешки. Ей ничего не нужно будет говорить ни о детях-экстрасенсах ни об остальном вашем убийственном дерьме. Они выйдут на Институт. И даже если ты сбежишь, Стэкхаус, твои боссы тебя выследят. Мы - твой лучший шанс выпетлять. Это понятно?

- Избавь меня от этой дешевки. Как фамилия офицера Венди?

Тим, который наклонился достаточно близко, чтобы слышать обе стороны разговора, покачал головой. Это был совет, в котором Люк не нуждался.

- Неважно. Второе. Позвони в самолет, на котором прилетел твой отряд. Скажи пилотам, чтобы они заперлись в кабине, как только нас увидят.

Тим прошептал два слова. Люк кивнул.

- Но прежде чем они это сделают, скажи им, чтобы спустили трап.

- Как они узнают, что это вы?

- Мы будем в одном из фургонов, на которых приехали ваши киллеры. - Люк был рад сообщить Стэкхаусу эту информацию, надеясь, что она представит саму суть произошедшего: Миссис Сигсби замахнулась и промазала.

- Мы не увидим пилота и второго пилота, а они не увидят нас. Мы приземляемся там, где взлетел самолет, а они остаются в кабине. Ты здесь?

- Да.

- Третье. Я хочу, чтобы нас ожидал фургон, девятиместный, такой же, как тот, на котором мы выехали из Дюпре.

- Я не знаю…

- Херню не неси, в вашем маленьком казарменном городке есть огромный автопарк. Я видел. Теперь ты будешь работать со мной, или мне от тебя отказаться?

Люк сильно вспотел, и не только потому, что ночь была жаркой и влажной. Он был очень рад, что Тим положил руку ему на плечо, а Венди смотрит на него, хотя и с тревогой. Хорошо было не быть в

одиночестве. До сих пор он действительно не понимал, насколько тяжела его ноша.

Стэкхаус вздохнул, как человек, которого несправедливо обвинили.

- Продолжай.

- Четвертое. Ты достанешь автобус.

- *Автобус*? Ты *серьезно*?

Люк решил не обращать внимания на эти реплики, чувствуя, что они несколько обоснованы. Тим и Венди выглядели изумленными.

- Я уверен, что у тебя везде есть друзья, включая, по крайней мере, некоторых полицейских из Деннисон Ривер Бенд. Может быть, и всех их. Сейчас лето, так что дети на каникулах, и автобусы стоят на муниципальной стоянке, вместе с тракторами, самосвалами и всем прочим. Попросите одного из ваших друзей-полицейских проникнуть в здание, где они хранят ключи. Пусть он вставит ключ в замок зажигания автобуса, вмещающего не менее сорока пассажиров. Один из ваших лаборантов или надзирателей может доставить его к Институту. Оставьте его у флагштока перед административным зданием с ключами в зажигании. Пока все понятно?

- Да. - По-деловому. Никаких протестов или возражений, и Люку не нужны были взрослые познания Тима в психологии и мотивации, чтобы понять почему. Это, должно быть, думал Стэкхаус, просто детский безрассудный план, лишь на полшага далекий от принятия желаемого за действительное. То же самое он видел и на лице Тима, и на лице Венди - Миссис Сигсби находилась в пределах слышимости, и она выглядела так, словно с трудом сохраняла невозмутимое выражение лица.

- Это простой обмен. Ты получишь флешку, я - детей. Тех, что обитают в Задней Половине, и тех, которые в Передней. Завтра к двум часам ночи они все должны быть готовы к путешествию. Офицер Венди держит рот на замке. Такова сделка. И в дополнение ты получаешь своего дерьмового босса и своего дерьмового доктора.

- Можно задать вопрос, Люк? Это возможно?

- Валяй.

- Когда вы заполучите большой желтый школьный автобус Деннисон Ривер Бенд, под завязку набитый детьми - а это тридцать

пять - сорок человек, куда вы их повезете? Памятуя о том, что у большинства не осталось мозгов?

- В *Диснейленд*, - сказал Люк.

Тим приложил руку ко лбу, как будто у него внезапно разболелась голова.

- Мы будем поддерживать связь с офицером Венди. Перед взлетом. И сразу после того, как мы приземлимся. Когда мы доберемся до Института. Когда мы покинем Институт. Если ей не позвонят с каждой из этих точек, она начнет звонить сама, начиная с полиции штата Мэн, а затем перейдя к ФБР и Министерству Внутренней Безопасности. Это понятно?

- Да.

- Хорошо. И последнее. Когда мы туда доберемся, я хочу, чтобы ты был там. Руки вытянуты вперед. Одна рука на капоте автобуса, другая на флагштоке. Как только дети сядут в автобус, а мой друг Тим сядет за руль, я вручаю тебе флешку Морин и сажусь сам. Все понятно?

- Да.

Голос бодрый. Хотя всеми силами пытается не выдать человека, который сорвал Большой куш.

Он понимает, что Венди может быть проблемой, подумал Люк, потому что она знает имена кучки пропавших детей, но это проблема, которую он думает, что сможет решить. Флэшка - вот главная проблема, и её решить сложнее, а может быть вообще невозможно. И я предлагаю ему её на блюдечке с голубой каемочкой. Как он может отказаться? Ответ: никак.

- Люк… - начал Тим.

Люк покачал головой: не сейчас, я думаю.

Он знает, что его положение никудышнее, но теперь он видит лучик света. Слава Богу, Тим напомнил мне о том, о чем я должен был подумать сам: все не заканчивается Сигсби и Стэкхаусом. У них должны быть начальники, люди, перед которыми они отчитываются. Если дерьмо попадет в вентилятор, Стэкхаус может сказать им, что все могло быть намного хуже, но они должны быть ему благодарны за чудесное спасение.

- Ты позвонишь мне перед вылетом? - Спросил Стэкхаус.

- Нет. Я доверяю тебе организацию обмена. - Хотя доверие было явно не первым словом, которое приходило на ум Люку, когда он думал о Стэкхаусе. - В следующий раз мы поговорим с глазу на глаз, в Институте. Фургон в аэропорту. Автобус у флагштока. Облажайся хоть в малом, и офицер Венди начнет звонить и рассказывать свою историю. Прощай.

Он закончил разговор и обмяк.

7

Тим передал Венди *Глок* и жестом указал на двух пленников. Она кивнула. Как только она приняла охрану на себя, Тим отвел мальчика в сторону. Они стояли у забора, в пятне тени, отбрасываемой одной из магнолий.

- Люк, это не сработает. Если мы поедем туда, фургон, возможно, и будет ждать нас в аэропорту, но если этот Институт - то, о чем ты рассказывал, мы оба попадем в засаду и будем убиты, когда доберемся дотуда. Твои друзья и другие дети тоже. Остается Венди, и она сделает все, что в ее силах, но пройдут *дни*, прежде чем там кто-нибудь появится - я знаю, как работают правоохранительные органы, когда что-то выходит за рамки обычного протокола. Если они найдут это место, оно будет пустым, если не считать тел. Они тоже могут исчезнуть. Ты говорил, что у них есть система утилизации для... - Тим не знал, как это выразить. - Для использованных детей.

- Я все это понимаю, - сказал Люк. - Дело не в нас, а в *них*. Детях. Все, что я покупаю - это время. Там что-то происходит. И не только там.

- Я не понимаю.

- Теперь я стал сильнее, - сказал Люк, - хотя до Института больше тысячи миль. Я - часть Институтских детей, но это уже не только они. Если бы это было так, я бы никогда не смог поднять пистолет этого парня силой мысли. Пустые подносы для пиццы было моим максимумом, помнишь?

- Люк, я просто не…

Люк сосредоточился. На мгновение он представил себе, как звонит телефон в передней, и понял, что если ему ответят, то обязательно спросят: *Ты меня слышишь?* Затем это изображение сменилось цветными точками и слабым гулом. Точки были скорее

тусклыми, чем яркими, что было хорошо. Он хотел показать Тиму, но не причинить ему боль... хотя сделать это было бы так легко.

Тим уткнулся в сетчатый забор, словно его толкнули невидимые руки, и поднял руки как раз вовремя, чтобы не разбить себе лицо.

- Тим? - Спросила Венди.

- Я в порядке, - сказал Тим. - Не спускай с них глаз, Венди. - Он посмотрел на Люка. - Это ты сделал?

- Это исходило не *от* меня, а *через* меня, - сказал Люк. И потому что теперь у них было время (по крайней мере, немного), но, в основном, потому что ему было любопытно, он спросил:

- На что это было похоже?

- На сильный порыв ветра.

- Конечно же, он был сильный, - сказал Люк. - Потому что вместе мы сила. Так говорит Эйвери.

- Он же просто маленький ребенок.

- Да. Он самый сильный из них за долгое время. Может быть, годы. Я не знаю точно, что произошло, но я думаю, что они, должно быть, поместили его в погружной бак - учитывая тот околосмертный опыт, который усиливает Огни Штази, только без каких-либо ограничивающих инъекций.

- Я тебя не понимаю.

Люк, казалось, его не слышал.

- Держу пари, это было наказание за то, что он помог мне сбежать. - Он наклонил голову в сторону фургона. - Миссис Сигсби должна знать. Возможно, это даже была ее идея. В любом случае, это обернулось против них. Должно быть, из-за него они и взбунтовались. В Палате А дети имеют реальную силу. Эйвери открыл эту палату.

- Но энергии, чтобы вытащить их из ловушки недостаточно.

- *Пока* нет, - ответил Люк. - Но я думаю, что они смогут.

- Почему? Как?

- Ты заставил меня задуматься, когда сказал, что у Миссис Сигсби и Стэкхауса должны быть свои боссы. Я должен был сам догадаться, но никогда не заглядывал так далеко. Наверное, потому что родители и учителя - единственные боссы, которые есть у детей. Если есть старшие боссы, почему не должно быть других Институтов?

На стоянку въехала машина, проехала мимо них и исчезла в мигании красных задних фар. Когда она исчезла, Люк продолжил:

- Может быть, тот, что в Мэне, единственный в Америке, а может быть, есть еще один, где-то на западном побережье. Ну, знаешь, в качестве подстраховки. И в Великобритании может быть еще один... и в России тоже... Индия... Китай... Германия... Корея. Это само собой разумеется, когда ты об этом думаешь.

- Гонка умов вместо гонки вооружений, - сказал Тим. - Ты это хочешь сказать?

- Я не думаю, что это гонка. Я думаю, что все Институты работают заодно. Я не знаю этого наверняка, но это кажется вероятным. Общая цель. Хорошая идея - убить нескольких детей, чтобы не дать всей человеческой расе покончить с собой. Своеобразный компромисс. Бог знает, как долго это продолжалось, но до сих пор ни разу не было бунтов. Эйвери и остальные мои друзья это начали, но это может распространиться. Возможно, это уже распространяется.

Тим Джеймисон не был ни историком, ни социологом, но держался в курсе текущих событий и считал, что Люк, возможно, прав. Бунт или революция, - если использовать менее уничижительный термин - был подобен вирусу, особенно в век всеобщей информированности. Это *может* распространиться.

- Сила, которой обладает каждый из нас, - причина, по которой они нас похитили и привезли в Институт, - очень мала. Сила всех нас вместе - велика. Особенно учитывая детей из Палаты А. Когда их разум исчез, сила - это все, что осталось. Но если есть еще Институты, если дети в них знают, что происходит у нас, и если они все объединятся...

Люк покачал головой. Он снова подумал о телефоне в их прихожей, только выросшем до огромных размеров.

- Если бы это случилось, она бы стала невероятной, я имею в виду действительно огромной. Вот почему нам нужно время. Если Стэкхаус думает, что я идиот, так стремящаяся спасти своих друзей, что пытаюсь совершить идиотскую сделку, это хорошо.

Тим все еще чувствовал тот призрачный порыв ветра, который толкнул его на забор.

- Мы ведь не собираемся их спасать, правда?

Люк серьезно посмотрел на него. С грязным, покрытым синяками лицом и забинтованным ухом он выглядел как самый безобидный

ребенок. Затем он улыбнулся и на мгновение вовсе не выглядел безобидным.

- Нет. Мы собираемся шляться по руинам.

8

Калиша Бенсон, Эйвери Диксон, Джордж Айлс, Николас Уилхольм, Хелен Симмс.

Пять детей, сидели в конце туннеля, рядом с запертой дверью, дарующей (не то, что бы кто-то что-то собирался им дарить) выход на Уровень Е Передней Половины. Кэти Гивенс и Хэл Леонард некоторое время находились рядом с ними, но теперь они присоединились к детям из Палаты А, которые бродили, взявшись за руки пытаясь организоваться в хоровод. Надежды Калиши на Айрис таяли, как и на Лена, хотя до этого момента Айрис просто стояла и смотрела, как обитатели Палаты А пытаются организовать хоровод, который то распадался на части, то собирался снова. Хелен вернулась и была с ними. Айрис легко может уйти и не вернуться. То же самое касалось Джимми Каллума и Донны Гибсон, которых Калиша немного знала - благодаря своей ветрянке она прожила в Передней Половине гораздо дольше, чем остальные. Дети из Палаты А ее огорчали, но с Айрис все было гораздо хуже. Вполне вероятно, её мозг мог быть испорчен без возможности восстановления... думать об этом было просто...

- Ужасно, - сказал Ники.

Она посмотрела на него почти с упреком.

- Ты в моей голове?

- Да, но не роюсь в ящиках с мысленным нижним бельем, - сказал Ники, и Калиша фыркнула.

- Теперь мы все в головах друг у друга, - сказал Джордж. - Он ткнул большим пальцем в сторону Хелен. - Неужели ты думаешь, что я хотел знать, что она так смеялась на вечеринке какого-то друга, что обмочилась? Это подлинный случай *Ти-Ми-Ай*[230].

- Это все же лучше, чем знать, что ты беспокоишься о псориазе на своем... - начала Хелен, но Калиша велела ей замолчать.

- Как ты думаешь, который сейчас час? - Спросил Джордж.

Калиша посмотрела на свое обнаженное запястье.

- Семь часов утра.

- Мне кажется, что одиннадцать, - сказал Ники.

- Знаете что самое смешное? - Сказала Хелен. - Я всегда ненавидела этот гул. Я думала, что это он лишает меня мозгов.

- Мы все так думали, - сказал Джордж.

- Теперь мне он вроде как нравится.

- Потому что это сила, - ответил Ники. - *Их* сила, пока мы не подчиняем ее.

- Несущая волна, - сказал Джордж. - Теперь это постоянно. Просто ждет сигнала.

- Алло, вы меня слышите? - Подумала Калиша, и дрожь, потрясшая ее при этом, была не совсем неприятной.

Несколько обитателей Палаты А снова взялись за руки. Айрис и Лен к ним присоединились. Уровень циклического гула пополз вверх. Так же как и пульсация в потолочных люминесцентных лампах. Затем гул вернулся на прежний уровень.

- Он с нами на связи, - сказала Калиша. Никому из них не нужно было спрашивать, кого она имеет в виду.

- Я бы с удовольствием снова полетала, - задумчиво сказала Хелен. - С превеликим удовольствием.

- Они дождутся его, Ша? - Спросил Ники. - Или просто пустят газ? Как ты думаешь?

- А что скажет нам профессор Ксавье[231]? - Она толкнула Эйвери локтем в бок... но аккуратно. - Просыпайся, Эйвестер. Протри глазки.

- Я уже не сплю, - сказал Эйвери. Не совсем правда; он все еще дремал, наслаждаясь гулом. Размышляя о телефонах, которые стали больше, как шляпы Бартоломью Каббинса, больше и красивее. - Они дождутся. Они должны, потому что если с нами что-нибудь случится, Люк узнает. И мы должны ждать, пока он придет.

- А когда это произойдет? - Спросила Калиша.

- Мы воспользуемся телефоном, - сказал Эйвери. - Большим телефоном. Все вместе.

- Насколько он большой? - В голосе Джорджа звучало беспокойство. - Потому что последний, который я видел, был чертовски большим. Почти такой же большой, как я.

Эйвери покачал головой. Его веки опустились. В глубине души он все еще был маленьким ребенком, и ему давно пора было спать.

Дети из Палаты А - трудно было не думать о них как о горках, даже для Калиши - все еще держались за руки. Люминесцентные лампы опять загорелись ярче; одна из трубок коротнула и погасла. Гул стал глубже и сильнее. Они чувствуют это даже из Передней Половины, Калиша была в этом уверена - Джо и Хадад, Чед и Дэйв, Присцилла и этот злюка, Зик. И остальные тоже. Боятся ли они? Может быть, немного, но…

Но они считают, что мы в ловушке, - подумала она. *Они считают, что находятся в безопасности. Они считают, что бунт подавлен. Пусть они продолжают в это верить.*

Где-то был большой телефон - *самый большой* телефон, с добавочными номерами во всех комнатах. Если бы они позвонили по этому телефону (они позвонят, когда не будет другого выбора), сила в этом туннеле, где они были пойманы в ловушку, вышла бы за пределы любой бомбы, когда-либо взорванной на земле или под ней. Этот гул, теперь всего лишь несущая волна, мог перерасти в вибрацию, способную опрокинуть здания, возможно, разрушить целые города. Она не знала этого наверняка, но думала, что это вполне может быть правдой. Сколько детей, в головах которых теперь не осталось ничего, кроме силы, ради которой их забрали, ждали звонка по большому телефону? Сотня? Пятьсот? Может быть, даже больше, если подобные Институты были разбросаны по всему миру.

- Ники?

- Что? - Он тоже дремал, и голос его звучал раздраженно.

- Может быть, мы сможем его включить, - сказала она, и не было нужды уточнять, что именно. - Но если мы это сделаем... сможем ли его выключить?

Он задумался, потом улыбнулся.

- Даже не знаю. Но после того, что они с нами сделали... честно говоря, моя дорогая, мне на это наплевать.

9

Четверть двенадцатого.

Стэкхаус вернулся в кабинет Миссис Сигсби, Нулевой телефон на столе по-прежнему молчал. Через сорок пять минут закончится последний день нормальной работы Института. Завтра это место будет покинуто, как бы ни обернулось дело с Люком Эллисом. Сохранение программы в целом было возможно, даже не смотря на то, что Венди

разделится с Люком и его другом Тимом и останется на юге, но этот объект раскрыт. Сегодня важнее всего было заполучить флешку и убедиться в том, что Люк Эллис мертв. Спасти Миссис Сигсби было бы неплохо, но это было совершенно необязательно.

На самом деле Институт *уже* был покинут. С того места, где он сидел, он видел часть дороги, которая вела от Института, сначала к Деннисон Ривер Бенд, а затем дальше к сорок восьмому шоссе... не говоря уже о Канаде и Мексике, для тех, у кого были паспорта. Стэкхаус вызвал к себе Зика, Чеда, шеф-повара Дага (двадцать лет проработавшего в *Халлибертоне*[232]) и доктора Фелицию Ричардсон, которая пришла к ним из *Группы Безопасности Хоук*[233]. Это были люди, которым он доверял.

Что касается остальных... он видел, как удаляющиеся фары их машин мелькают среди деревьев. Он предположил, что пока их только дюжина, но будет больше. Скоро Передняя Половина опустеет, если не считать детей, которые сейчас там живут. Может быть, это уже произошло. Но Зик, Чед, Даг и доктор Ричардсон никуда не денутся - они были настоящими служаками. И Глэдис Хиксон. Она тоже останется, может быть, даже после того, как все остальные уйдут. Глэдис была не просто драчуньей; Стэкхаус все больше и больше убеждался, что она законченная психопатка.

Я делаю большую ошибку, оставшись здесь, - подумал Стэкхаус. - *Но сопляк прав - они меня выследят. И он идет напролом. Если...*

- Если только он со мной не играет, - пробормотал Стэкхаус.

В комнату просунулась Розалинда, помощница Миссис Сигсби. Ее обычно безупречный макияж выветрился за последние тяжелые двенадцать часов, и ее обычно безупречные седеющие волосы торчали в разные стороны.

- Мистер Стэкхаус?

- Да, Розалинда.

Розалинда выглядела встревоженной.

- Мне кажется, что доктор Хендрикс уехал. По-моему, я видела именно его машину минут десять назад.

- Меня это не удивляет. Вы и сами должны уходить, Розалинда. Езжайте домой.- Он улыбнулся. Странно было улыбаться в такую ночь, но это была хорошая улыбка. - Я только что понял, что знаю вас с тех

пор, как приехала сюда - много много лун назад - и не знаю, где вы живете.

- Миссула, - сказала Розалинда. Она посмотрела на него и сама удивилась. - Это в Монтане. По крайней мере, я предполагаю, что именно там и находится мое убежище. У меня дом в Миззу, но я не была там, наверное, лет пять. Я просто плачу налоги, когда приходят платежки. Когда у меня есть свободное время, я остаюсь в деревне. На выходные я еду в Бостон. Мне нравятся *Ред Сокс* и *Брюинз*[234], а также художественный кинотеатр в Кембридже. Но я всегда готова к возвращению.

Стэкхаус осознал, что это была самая длинная фраза, сказанная ему Розалиндой за все эти многие многие луны, растянувшиеся на пятнадцать лет. Она уже была здесь, верный пес Миссис Сигсби, когда Стэкхаус уволился со службы с должности следователя армии США (военно-юридическая служба), и она до сих пор здесь, и выглядит примерно так же. Ей могло быть, как шестьдесят пять, так и хорошо за семьдесят.

- Сэр, вы слышите этот гул?

- Да.

- Это трансформатор? Я никогда не слышала его раньше.

- Трансформатор. Да, я полагаю, это должно быть он.

- Он очень раздражает. - Она потерла уши, еще больше растрепав волосы. - Наверное, это делают дети. Джулия - Миссис Сигсби - вернется? Это так, не правда ли?

Стэкхаус понял (скорее с удивлением, чем с раздражением), что Розалинда, всегда такая корректная и ненавязчивая, держала нос по ветру, гул там или не гул.

- Да, думаю, что вернется.

- Тогда я хотела бы остаться. Знаете ли, я умею стрелять. Я хожу на полигон в излучине раз в месяц, иногда дважды. У меня есть эквивалент значка *Отличный Стрелок* в стрелковом клубе, и я выиграла конкурс по стрельбе из мелкокалиберного пистолета в прошлом году.

Тихая помощница Джулии не только прекрасно стенографировала, но и имела значок *Отличный Стрелок*... или, как она сказала, его эквивалент. Чудеса, да и только.

- Из чего стреляете, Розалинда?

- Смит Энд Вессон .45 калибра.

- Отдача не беспокоит?

- С помощью поддержки запястья я очень хорошо справляюсь с отдачей. Сэр, если вы намерены вызволить Миссис Сигсби от похитителей, удерживающих ее, я бы очень хотела принять участие в этой операции.

- Хорошо, - сказал Стэкхаус, - вы в деле. Мне пригодится любая помощь. - Но он должен быть осторожен с ней, потому что спасение Джулии может оказаться невозможным. Теперь она стала расходным материалом. Самое главное - это флешка. И этот гребаный слишком-умный-на-его-же-беду мальчик.

- Благодарю вас, сэр. Я не подведу.

- Я уверен, что вы этого не сделаете, Розалинда. Я позже объясню вам, как и что мы будем делать, но для начала у меня есть вопрос.

- Да?

- Я знаю, что джентльмен никогда не должен спрашивать, а леди никогда не должна говорить, но, сколько вам лет?

- Семьдесят восемь, сэр. - Она ответила достаточно быстро, сохраняя при этом зрительный контакт, но это была ложь. Розалинде Доусон на самом деле был восемьдесят один год.

10

Без четверти двенадцать.

Челленджер с 940NF на хвосте и МЭН ПАПЕР ИНДАСТРИЗ на борту летел на север к Мэну на высоте 39 000 футов. С помощью реактивного потока его скорость плавно колебалась между 520 и 550 милями в час.

Их прибытие в Алколу и последующий взлет прошли без происшествий, главным образом потому, что у Миссис Сигсби был пропуск VIP-персоны *Регал Эйр*[235], и она была более чем готова им воспользоваться, чтобы открыть ворота. Она чуяла шанс - все еще небольшой, но был - выбраться из этой передряги живой. *Челленджер* стоял в гордом одиночестве, трап опущен. Тим последним поднялся по трапу, запер дверь и постучал в закрытую дверь кабины прикладом *Глока* убитого помощника шерифа.

- Я думаю, мы все на борту. Если у вас есть зеленый коридор, трогайтесь.

Ответа с другой стороны двери не последовало, но двигатели заработали. Через две минуты они поднялись в воздух. Теперь они находились где-то над Западной Вирджинией, если верить монитору на перегородке, а Дюпре теперь можно было увидеть только в зеркале заднего вида. Тим не ожидал, что уедет так внезапно, и уж точно не при таких катастрофических обстоятельствах.

Эванс дремал, Люк был мертв для всего мира. И только Миссис Сигсби не спала и сидела прямо, не сводя глаз с лица Тима. В этих широких невыразительных глазах было что-то от рептилии. Последние болеутоляющие таблетки Дока Роупера могли бы вырубить ее, но она отказалась, несмотря на довольно сильную боль. Она избежала серьезного огнестрельного ранения, но даже царапина причиняла много боли.

- Полагаю, у вас есть опыт работы в правоохранительных органах, - сказала она. - Все дело в том, как вы себя ведете, и в том, как вы отреагировали - быстро и ловко.

Тим ничего не ответил, только посмотрел на нее. Он положил *Глок* рядом с собой на сиденье. Стрелять из пистолета на высоте 39 000 футов было очень плохой идеей, но зачем ей это, даже если они были бы на гораздо меньшей высоте? Он вез эту сучку именно туда, куда она хотела попасть.

- Я не понимаю, почему ты согласился с этим планом. - Она кивнула на Люка, который - с перепачканным грязью лицом и забинтованным ухом - выглядел гораздо моложе своих двенадцати лет. - Мы оба знаем, что он хочет спасти своих друзей, и я думаю, что мы оба знаем, что план глуп. Идиотский, ведь правда. И все же ты согласился. Почему, Тим?

Тим ничего не ответил.

- Почему ты вообще ввязался в это дело, вот для меня загадка. Помоги мне разобраться.

Он не собирался этого делать. Одним из первых постулатов, которым его наставник научил его в течение четырех месяцев испытательного срока, был: *Ты допрашиваешь преступников. И никогда не позволяешь преступникам допрашивать тебя.*

Даже если бы он был расположен к беседе, он не знал, что мог бы ответить, звучащее хоть немного здраво. Мог ли он сказать ей, что его присутствие на этом ультрасовременном самолете, который только

богатые мужчины и женщины могли видеть изнутри, было случайностью? Что однажды человек, летевший в Нью-Йорк, вдруг поднялся на борт гораздо более обычного самолета, согласившись уступить свое место за наличные и гостиничный ваучер? Что все - поездка автостопом на север, дорожная пробка на шоссе I-95, поездка до Дюпре, работа ночным стучащим - последовало из этого единственного импульсивного поступка? Мог бы он сказать, что это судьба? Что он был перенесен в Дюпре рукой какого-то космического шахматиста, чтобы спасти спящего мальчика от людей, которые его похитили и хотели использовать его необыкновенный ум, пока он не будет исчерпан? И если это так, то кто же тогда Шериф Джон, Таг Фарадей, Джордж Баркетт, Фрэнк Поттер и Билл Уиклоу? Просто пешки, которые были принесены в жертву в большой игре? А что он за фигура? Было бы неплохо считать себя хотя бы конем, но, скорее всего, он был всего лишь еще одной пешкой.

- Ты точно не хочешь эту таблетку? - Спросил он.

- Ты ведь не собираешься отвечать на мой вопрос?

- Нет, мэм. - Тим повернул голову и всмотрелся в кромешную тьму и редкие огоньки внизу, похожие на светлячков на дне колодца.

11

Полночь.

Спутниковый телефон выдал свой хриплый крик. Стэкхаус ответил. Голос на другом конце провода принадлежал одному из дежурных надзирателей, человеку по имени Рон Черч. *Запрошенный фургон уже на месте - в аэропорту*, сказал Черч. Дениз Олгуд, дежурный лаборант (хотя сейчас все они были на дежурстве), ехала за Черчем в Институтском седане. Идея заключалась в том, что, оставив фургон на летном поле, Рон вернется обратно вместе с Дениз. Между этими двумя кое-что было, о чем Стэкхаус знал. В конце концов, это его работа - все знать. Он был уверен, что, пока мальчик едет *сюда*, Рон и Дениз поедут куда угодно, только не в Институт. Это было нормально. Хотя многочисленные случаи дезертирства были печальны, возможно, это было и к лучшему. Пришло время подвести черту под этой операцией. Для заключительного акта останется достаточно преданных ему людей, и это было все, что имело значение.

Люк и его друг Тим приедут сюда, в этом у него не было никаких сомнений. Для шепелявого человека на другом конце Нулевого

телефона все закончится либо хорошо, либо плохо. Все было в руках Стэкхауса, и это было облегчением. Он полагал, что носил эту черту фатализма как дремлющий вирус с тех пор, как служил в Ираке и Афганистане, и просто до сих пор не понимал, что это такое. Он сделает все, что в его силах, а это максимум, что может сделать любой мужчина или женщина. Собаки лают, караван идет.

В дверь постучали, и в комнату заглянула Розалинда. Она что-то сделала со своими волосами, и это было к лучшему. Он уже не был так уверен насчет наплечной кобуры, которую она сейчас носила. Это было немного сюрреалистично, как собака в праздничной шляпе.

- Здесь Глэдис, мистер Стэкхаус.

- Пусть войдет.

Вошла Глэдис. Под подбородком у нее болтался респиратор. Глаза у нее были красные. Стэкхаус сомневался, что она плакала, так что раздражение, вероятно, было вызвано тем лекарством, которое она приняла.

- Все готово. Все, что мне нужно сделать, это добавить очиститель для унитаза. Дайте команду, мистер Стэкхаус, и мы их отравим. - Она быстро и сильно тряхнула головой. - Этот гул сводит меня с ума.

Судя по твоему виду, тебе до этого недалеко, - подумал Стэкхаус, но насчет гула она была права. Дело в том, что к этому нельзя было привыкнуть. Именно тогда, когда вы думали, что можете, он усиливался - не в ваших ушах, но в вашей голове уж точно. Затем, в один момент он спадал до своего прежнего, немного более терпимого уровня.

- Я говорила с Фелицией, - сказала Глэдис. - Я имею в виду доктора Ричардсон. Она наблюдала за ними на своем мониторе. Она говорит, что гул становится сильнее, когда они берутся за руки и спадает, когда они отпускают друг друга.

Стэкхаус уже и сам это понял. Как говорится, тут не обязательно быть ученым-ракетчиком.

- Это скоро случится, сэр?

Он посмотрел на часы.

- Я думаю, около трех часов, плюс-минус. Вход в систему кондиционирования находятся на крыше, правильно?

- Да.

- Я могу позвонить тебе, когда придет время, Глэдис, но могу этого и не сделать. Все, вероятно, произойдет очень быстро. Если вы услышите стрельбу из передней части административного здания, запускайте газ, независимо от того, позвоню я вам или нет. Потом уходите. Не возвращайся внутрь, просто бегите по крыше к восточному крылу Передней Половины. Это понятно?

- Да, сэр! - Она одарила его ослепительной улыбкой. Той, что ненавидели все дети.

12

Двенадцать тридцать.

Калиша наблюдала за детьми из Палаты А и думала о *Марширующем оркестре штата Огайо*. Ее отец болел за *Бакай*[236], и она всегда смотрела с ним их матчи - чтобы поддерживать хотя бы видимость близости - но единственное, что ее действительно волновало, было шоу в перерыве, когда группа поддержки (“*Праааайд Бакая*! ” всегда объявлял диктор) выходила на поле, одновременно играя на своих инструментах и создавая фигуры, которые были видны только сверху - все, от буквы *S* на груди Супермена до фантастического динозавра из *Парка Юрского периода*, который ходил, кивая своей саурианской[237] головой.

У детей из Палаты А не было музыкальных инструментов, и все, что они создавали, взявшись за руки, было одним и тем же - неровным кругом, потому что туннель был узким, - но у них было то же самое, что и у оркестра... для этого было подходящее слово...

- Синхронность, - подсказал Ники.

Она испуганно огляделась. Он улыбнулся, откидывая назад волосы, чтобы лучше видеть ее глаза, которые были, скажем прямо, завораживающими.

- Это слишком громкое слово даже для белого мальчика.

- Я получил его от Люка.

- Ты слышишь его? Ты с ним на связи?

- Вроде как. Время от времени. Трудно сказать, о чем я думаю, а о чем он. Помогло то, что я спал. Если бодрствую, мои мысли мешают диалогу.

- Как помехи?

Он пожал плечами.

- Наверное. Но если ты откроешь свой разум, я уверен, ты тоже его услышишь. Связь становится еще чище, когда они делают один из своих кругов. - Он кивнул на ребят из Палаты А, которые возобновили свои бесцельные блуждания. Джимми и Донна шли рядом, размахивая сцепленными руками. - Хочешь попробовать?

Калиша попытался перестать думать. Сначала это было удивительно трудно, но когда она прислушалась к гулу, стало легче. Гул был похож на полоскание рта, только для мозга.

- Что смешного, Кей?

- Ничего.

- О, я понял, - сказал Ники. - Промывание мозгов вместо полоскания рта. Мне это нравится.

- Я кое-что получаю, но немного. Возможно, он спит.

- Скорее всего. Но я думаю, он скоро проснется. Потому что мы проснулись.

- Синхронность, - сказала она. - Это какое-то дерьмовое слово. И это очень на него похоже. Ты помнишь жетоны, которые они давали нам? Люк называл это *вознаграждением*. Еще одно дерьмовое слово.

- Люк особенный, потому что он очень умный. Ники посмотрел на Эйвери, который прислонился к Хелен, и оба они крепко спали. - А Эйвестер особенный потому... что...

- Просто потому, что он Эйвери.

- Да. - Ники усмехнулся. - А эти идиоты взяли и усилили его, не поставив на его двигатель предохранитель. - Его улыбка была, скажем прямо, такой же очаровательной, как и его глаза. - И они вдвоем привели нас туда, где мы сейчас находимся. Шоколад от Люка, арахис от Эйвери. Будь они поодиночке, ничего бы не изменилось. Вместе же они - *Чашка арахисового масла Риза*, которая похоронит это болото.

Она рассмеялась. Это был глупый способ выразить свои эмоции, но довольно точный. По крайней мере, она на это надеялась.

- Но мы все равно здесь застряли. Как крысы в заткнутой с обеих сторон трубе.

Его голубые глаза смотрели в ее карие.

- Мы долго здесь не задержимся, ты же знаешь.

Она произнесла:

- Мы ведь умрем, не так ли? Если они попытаются отравить нас, тогда... - Она наклонила голову в сторону детей из Палаты А, которые

снова начали собирать свой хоровод. Гул усилился. Верхний свет стал ярче. - Тогда они полностью раскроются. И остальные, где бы они ни были.

Телефон, подумала она, глядя на него. *Большой телефон.*

- Возможно, - ответил Ники. - Люк говорит, что мы обрушим их, как Самсон обрушил храм на филистимлян. Я не знаю этой истории - никто в моей семье не интересовался Библией - но я понял саму идею.

Калиша знала эту историю и поежилась. Она снова посмотрела на Эйвери и подумала еще кое о чем Библейском: *И их поведет ребенок.* [238]

- Могу я тебя кое о чем попросить? - Сказала Калиша. - Ты, наверное, будешь смеяться, но мне все равно.

- Попробуй.

- Я хочу, чтобы ты меня поцеловал.

- Не такое уж и трудное задание, - сказал Ники. Он улыбнулся.

Она наклонилась к нему. Он наклонился ей навстречу. Они поцеловались среди гула.

Как же хорошо, думала Калиша. *Я думала, что так и будет, и так оно и есть.*

Мысль Ники пришла сразу же, оседлав гул: *Пойдем на второй заход. Посмотрим, будет ли это в два раза лучше.*

13

Час пятьдесят.

Челленджер приземлился на взлетно-посадочной полосе частного аэродрома, принадлежащего фиктивной компании МЭН ПАПЕР ИНДАСТРИЗ. Он подрулил к небольшому затемненному зданию. Когда самолет приблизился, сработали три активированных движением фонаря на крыше, освещая квадратную наземную силовую установку и гидравлический контейнер-погрузчик. Ожидавший их автомобиль оказался не фургоном, а девятиместным *Шевроле-Сабурбаном*. Машина была черной с тонированными стеклами. Сиротке Энни это бы понравилось.

Челленджер подъехал вплотную к *Сабурбану*, и заглушил двигатели. Какое-то мгновение Тим не был в этом полностью уверен, потому что слышал слабый гул.

- Это не самолет, - сказал Люк. - Это дети. Он станет сильнее, когда мы подъедем ближе.

Тим подошел к передней части фюзеляжа, нажал большой красный рычаг, открывающий дверь, и развернул трап. Он спустился на асфальт менее чем в четырех футах от водительского сиденья *Сабурбана.*

- Хорошо, - сказал он, возвращаясь к остальным. - Вот мы и приземлились. Но прежде чем мы пойдем дальше, Миссис Сигсби, у меня кое-что для вас есть.

На столике в переговорной комнате *Челленджера* он обнаружил солидный запас глянцевых брошюр, рекламирующих различные чудеса откровенно фиктивной МЭН ПАПЕР ИНДАСТРИЗ, и с полдюжины бумажных кепок с логотипом этой компании. Он протянул одну ей, а другую взял себе.

- Наденьте это. Насуньте поглубже. У вас короткие волосы, не должно быть проблем с тем, чтобы спрятать их под кепкой.

Миссис Сигсби с отвращением на неё посмотрела.

- Зачем?

- Пойдете первой. Если нас поджидает засада, я бы хотел, чтобы вы первой попали под огонь.

- Зачем им прятать людей *здесь*, если мы сами *к ним* едем?

- Я признаю, что это маловероятно, поэтому, если не возражаете, я пойду прямо за вами. - Тим надел свою кепку, только задом наперед, регулируемая лента при этом пересекала лоб. Люк подумал, что он слишком стар, чтобы носить такую кепку - это была детская штуковина, - но промолчал. Он подумал, что, возможно, это такой способ Тима взбодрить себя. - Эванс, ты идешь прямо за мной.

- Нет, - ответил Эванс. - Я не собираюсь покидать этот самолет. Я не уверен, что смог бы, если бы даже захотел. У меня слишком болит нога. Я не могу переносить на неё свой вес.

Тим задумался, потом посмотрел на Люка.

- А ты как думаешь?

- Он говорит правду, - сказал Люк. - Ему придется спрыгнуть с трапа, а он крутой. Доктор может упасть.

- Мне вообще не следовало здесь находиться, - сказал Доктор Эванс. Из одного из его глаз выкатилась жирная слеза. - Я же врач!

- Ты монстр от медицины, - сказал Люк. - Ты наблюдал за тем, как притапливают детей - а они думали, что тонут по-настоящему, - и спокойно делал свои заметки. Были дети, которые умерли, потому что

у них была аллергия на уколы, которые вы с Хендриксом им делали. А те, кто выжил, на самом деле, по-настоящему и не живут, не так ли? Знаешь, я бы очень хотел наступить тебе на больную ногу. Воткнуть пятку прямо в рану.

- *Нет!* - Завизжал Эванс. Он откинулся на спинку сиденья и спрятал распухшую ногу за здоровой.

- Люк, - сказал Тим.

- Не переживай, - сказал Люк. - Я хочу, но не стану этого делать, потому что тогда стану похожим на него. - Он посмотрел на Миссис Сигсби. - У *тебя* выбора нет. Вставай и спускайся по лестнице.

Миссис Сигсби натянула кепку ПАПЕР ИНДАСТРИЗ и поднялась со своего места с таким достоинством, на какое только была способна. Люк начал идти за ней, но Тим его удержал.

- Ты идешь за мной. Потому что ты - важная персона.

Люк не стал спорить.

Миссис Сигсби остановилась на верхней ступеньке лестницы и подняла руки над головой.

- Это Миссис Сигсби! Если здесь кто-то есть, не стреляйте!

Люк ясно уловил мысль Тима: *Не так уж и уверена, как утверждала*.

Ответа не последовало: никакого внешнего звука, кроме стрекота сверчков, ни внутреннего, кроме слабого гула. Миссис Сигсби медленно спускалась по трапу, держась за перила и поддерживая больную ногу.

Тим постучал в дверь кабины прикладом *Глока*.

- Благодарю вас, господа. Это был хороший полет. У вас на борту остался один пассажир. Везите его, куда хотите.

- Заберите его в ад, - сказал Люк. - Путешествие в один конец, без возврата.

Тим начал спускаться по ступенькам, готовясь к возможному выстрелу - он не ожидал, что она его представит. Конечно же, он сам должен был это сделать. Выстрела не последовало.

- Переднее пассажирское сиденье, - сказал Тим Миссис Сигсби. - Люк, садись позади нее. Я возьму пистолет, но ты будешь моим прикрытием. Если она попытается напасть на меня, используй свою ментальную силу. Понял?

- Да, - ответил Люк и сел на заднее сиденье.

Миссис Сигсби села и пристегнула ремень безопасности. Когда она потянулась, чтобы закрыть дверь, Тим покачал головой.

- Еще не время. - Он стоял, держась одной рукой за открытую дверь, и звонил Венди, находившейся в безопасности в своей комнате в отеле Бофорта *Эконо-Лодж*.

- Орел приземлился.

- С тобой все в порядке? - Связь была хорошая, словно она стояла рядом с ним. Он хотел, чтобы она была здесь, но потом вспомнил, куда они едут.

- Пока все в порядке. Будь наготове. Я позвоню тебе, когда все закончится.

Если смогу, - подумал он.

Тим обошел машину и сел за руль. Ключ был в подстаканнике. Он кивнул Миссис Сигсби.

- Теперь можете закрыть дверь.

Она так и сделала, презрительно посмотрела на него и сказала то, о чем думал Люк.

- Вы выглядите удивительно глупо в этой шляпе, Мистер Джеймисон.

- Ничего не могу с этим поделать, я поклонник Эминема[239]. А теперь заткнитесь.

14

В темном здании терминала МЭН ПАПЕР ИНДАСТРИЗ какой-то мужчина стоял на коленях у окна, наблюдая, как загорелись огни *Сабурбана* и он покатился к открытым воротам. Ирвин Моллисон, безработный заводчанин, был одним из многих Институтских внештатников в Деннисон Ривер Бенд. Стэкхаус мог бы приказать остаться Рону Черчу, но по опыту знал, что отдавать приказ человеку, который может его не выполнить - плохая идея. Лучше использовать марионетку, которая очень хотела заработать несколько лишних долларов.

Моллисон набрал номер, заранее запрограммированный в его мобильнике.

- Они отъехали, - сказал он. - Мужчина, женщина и мальчик. Женщина в кепке на голове, не смог разглядеть ее лица, но она стояла в дверях самолета и выкрикивала свое имя. Миссис Сигсби. Мужчина

тоже надел кепку, но повернул её задом наперед. Мальчик - это тот, кого вы ищете. На ухе у него повязка, а на щеке жуткий синяк.

- Хорошо, - сказал Стэкхаус. Ему уже позвонил второй пилот *Челленджера* и сообщил, что доктор Эванс остался в самолете. И это было прекрасно.

До сих пор все было хорошо... или настолько хорошо, насколько это было возможно в данных обстоятельствах. Автобус был припаркован у флагштока, как и требовалось. Он посадит повара Дага и надзирателя Чеда на деревья за административным зданием, где начиналась подъездная дорожка к Институту. Зик Ионидис и Фелиция Ричардсон займут свои места на крыше административного здания, за парапетом, который скроет их до начала стрельбы. Глэдис начнет запускать ядовитый газ в систему вентиляции, а потом присоединится к Зику и Фелиции. Эти две позиции позволят вести классический перекрестный огонь, когда подъедет *Сабурбан* - такова, по крайней мере, была диспозиция. Стоя рядом с флагштоком, положив руку на капот автобуса, Стэкхаус находился, по меньшей мере, в тридцати ярдах от перекрещивающихся пуль. Он знал, что придется рискнуть и пренебречь запасным вариантом, но это было вполне приемлемо.

Розалинду он отправит стоять на страже у двери в переходной туннель на Уровне Е Передней Половины. Он хотел быть уверенным, что у нее не будет шанса понять, что ее давний и любимый босс тоже попал под перекрестный огонь, но это было не все. Он понимал, что постоянный гул - это сила. Может быть, этого было недостаточно, чтобы взломать дверь, но, возможно, это было не так. Может быть, они просто ждали прибытия Эллиса, чтобы напасть с тыла и вызвать тот хаос, который они уже вызвали в Задней Половине. У горков не хватило бы мозгов, чтобы придумать что-то подобное, но там были и другие. Если бы это случилось, Розалинда была бы там со своим *Смитт Энд Вессоном* 45 калибра, и первые, кто вошел бы в эту дверь, пожалели, что не остались за ней. Стэкхаусу оставалось только надеяться, что дважды проклятый Уилхольм возглавит нападение.

Готов ли я к этому? - спросил он себя, и ответ, казалось, был утвердительным. *Настолько готов, насколько это возможно. И все еще может быть в порядке. В конце концов, снаружи они имели дело с Эллисом. Ребенок и какой-то заблудший герой, которого он подобрал по пути. Всего через девяносто минут это дерьмо-шоу закончится.*

15

Три часа. Гул стал громче.

- Остановись, - сказал Люк. - Поверни туда. - Он указал на грунтовую дорогу, обсаженную огромными старыми соснами, ее устье было едва видно.

- Это та дорога, по которой ты шел, когда сбежал? - Спросил Тим.

- Боже, нет. Они бы меня поймали.

- Тогда откуда ты знаешь…

- *Она* знает, - сказал Люк. - И потому, что она знает, знаю и я.

Тим повернулся к Миссис Сигсби.

- Здесь есть ворота?

- Спроси *его*. - Она чуть не выплюнула эти слова.

- Никаких ворот, - сказал Люк. - Только большая вывеска с надписью: экспериментальная станция Мэн Папер Индастриз и вход воспрещен.

Тим не мог не улыбнуться, увидев выражение полного разочарования на лице Миссис Сигсби.

- Вам не кажется, Миссис Сигсби, что ребенок должен стать полицейским? Никакая ложь не пройдет мимо него.

- Не делай этого, - сказала она. - Из-за тебя нас всех убьют. Стэкхаус не остановится ни перед чем. - Она оглянулась через плечо на Люка. - Ты читаешь мои мысли, ты знаешь, что я говорю правду, так что скажи ему.

Люк ничего не ответил.

- Как далеко до вашего Института? - Спросил Тим.

- Десять миль, - ответила Миссис Сигсби. - Может, чуть больше. - Она, очевидно, решила, что ложь бесполезна.

Тим свернул на дорогу. Как только он миновал большие деревья (их ветви касались крыши и бортов автомобиля), он нашел её гладкой и ухоженной. Над головой сквозь деревья пробивалась луна в три четверти, окрашивая землю в цвет костей. Тим погасил фары *Сабурбана* и поехал дальше.

16

Три-двадцать.

Эйвери Диксон схватил Калишу за запястье холодной рукой. Она дремала на плече Ники. Она подняла голову.

- Эйвестер?

Разбуди их. Элен, Джорджа и Ники. Разбуди их.

- Что…

Если хочешь жить, разбуди их. Все случится очень скоро.

Ник Уилхольм уже проснулся.

- Мы *сможем* выжить? - Спросил он. - Ты думаешь, это возможно?

- Я слышу тебя! - Голос Розалинды, доносившийся из-за двери, был лишь слегка приглушен. - О чем ты там говоришь? И почему вы жужжите?

Калиша разбудила Джорджа и Хелен. Калиша снова увидела цветные точки. Они были слабыми, но они там были. Они со свистом носились по туннелю, как дети на горке, и это имело смысл, потому что в каком-то смысле они и *были* детьми, не так ли? Или их останками. Они были мыслями, ставшими видимыми, петляющими, танцующими и совершающими пируэты через блуждающих детей из Палаты А. И эти дети выглядели более живыми? Ну, хоть немного? Калиша так и думала, но, возможно, это было только в ее воображении. Так много принимается желаемого за действительное. В Институте привыкли выдавать желаемое за действительное. И она слишком долго здесь прожила.

- У меня есть пистолет, вы же знаете!

- У меня тоже, леди, - сказал Джордж. Он схватился за промежность и повернулся к Эйвери. *Что происходит, Детка-босс?*

Эйвери посмотрел на них, одного за другим, и Калиша увидела, что он плачет. Это заставило ее желудок почувствовать тяжесть, как будто она съела что-то плохое и ее сейчас стошнит.

Когда это произойдет, вы должны действовать быстро.

Хелен: *Когда что произойдет, Эйвери?*

Когда я буду говорить по большому телефону.

Ники: *Говорить с кем?*

Другими детьми. Издалека.

Калиша кивнул на дверь. *У этой женщины есть пистолет*.

Эйвери: *Это последнее, о чем вы должны беспокоиться. Просто уходите. Вы, все.*

- Мы, - сказал Ники. - Мы, Эйвери. Мы все уходим.

Но Эйвери покачал головой. Калиша попыталась проникнуть в эту голову, попыталась выяснить, что там происходит, что он знает, но все,

что она получила - это три слова, повторяемые снова и снова.

Вы мои друзья. Вы мои друзья. Вы мои друзья.

17

Люк произнес:

- Они его друзья, но он не может пойти с ними.

- Кто не может пойти с кем? - Спросил Тим. - О чем ты говоришь?

- Об Эйвери. Он должен остаться. Он должен позвонить по большому телефону.

- Я не понимаю, о чем ты говоришь, Люк.

- Я хочу, чтобы они выжили, но и он тоже! - Воскликнул Люк. - Я хочу, чтобы все выжили! Это нечестно!

- Он сумасшедший, - сказала Миссис Сигсби. - Конечно, вы понимаете, что…

- Заткнись, - сказал Тим. - Говорю тебе в последний раз.

Она посмотрела на него, прочитала по его лицу, и сделала, как он сказал.

Тим медленно перевел машину через подъем и остановился. Дорога впереди расширялась. Сквозь деревья он видел огни и темную громаду здания.

- Кажется, мы приехали, - сказал он. - Люк, я не знаю, что происходит с твоими друзьями, но сейчас это не в наших руках. Мне нужно, чтобы ты взял себя в руки. Ты можешь это сделать?

- Да. - Его голос был хриплым. Он откашлялся и попробовал снова. - Да. О'кей.

Тим вышел из машины, подошел к пассажирской двери и открыл ее.

- И что теперь? - Спросила Миссис Сигсби. Голос ее звучал раздраженно и нетерпеливо, но даже при скудном освещении Тим видел, что она боится. И она имела на это право.

- Выходи. Теперь ты поведешь машину. Я буду сзади с Люком, и если ты попытаешься сделать что-нибудь умное, например, врезаться в дерево до того, как мы доберемся до тех огней, я всажу пулю через сиденье в твой позвоночник.

- Нет. *Нет!*

- Да. Если Люк прав насчет того, что ты делала с этими детьми, то ты это заслужила. И поверь, я сделаю это, не задумываясь. Вылезай, садись за руль и поезжай. Медленно. Десять миль в час. - Он сделал паузу. - И поверни свою кепку задом наперед.

18

Энди Феллоуз звонил из зала компьютерного наблюдения. Его голос был высоким и взволнованным.

- Они здесь, мистер Стэкхаус! Они остановились примерно в ста ярдах от того места, где основная дорога переходит в подъездную дорожку! Свет у них выключен, но из-за отражения лунного света от

фасада здания видно достаточно. Если вы хотите, чтобы я послал изображение на ваш монитор, чтобы вы смогли удостовериться, я…

- В этом нет необходимости. - Стэкхаус кинул свой спутниковый телефон на стол, бросил последний взгляд на Нулевой телефон - тот, слава Богу, молчал - и направился к двери. Рация лежала у него в кармане, включенная на полную мощность и подключенная к наушнику в ухе. Все его люди были на одном канале.

- Зик?

- Я здесь, босс. С Леди Док.

- Даг? Чед?

- На месте. - Это был Даг, шеф-повар. Который в лучшие времена иногда сидел с детьми за ужином и показывал им фокусы, заставляя малышню смеяться. - Мы тоже видим их автомобиль. Черный девятиместный. *Сабурбан* или *Тахо*, верно?

- Да. Глэдис?

- На крыше, Мистер Стэкхаус. Все готово. Готова смешать ингредиенты.

- Начинай, если начнется стрельба. - Но теперь речь шла уже не о *если*, а о *когда*, а до этого оставалось всего три-четыре минуты. А может, и меньше.

- Вас поняла.

- Розалинда?

- На позиции. Гул здесь очень громкий. Я думаю, они о чем-то сговорились.

Стэкхаус был в этом уверен, ну и пусть. Они будут слишком заняты, задыхаясь.

- Держись, Розалинда. Не успеете оглянуться, как вернетесь на *Фенуэй* смотреть *Сокс*.[240]

- Вы поедете со мной, сэр?

- Только если мне будет разрешено болеть за *Янки*.

Он вышел на улицу. Ночной воздух был приятно прохладным после жаркого дня. Он почувствовал прилив нежности к своей команде. Тем, кто остался с ним. Они будут вознаграждены, несмотря ни на что, если у него самого будет что сказать боссам. Это была тяжелая обязанность, и они остались, чтобы честно её исполнить. Человек за рулем *Сабурбана* явно ошибся. Чего он не понимал, *не мог* понять, так это того, что жизнь всех, кого он когда-либо любил,

зависела от того, что они здесь решат, но теперь все было кончено. Все, что мог сделать заблудший герой, - это умереть.

Стэкхаус подошел к школьному автобусу, припаркованному у флагштока, и в последний раз обратился к своим солдатам.

- Стрелки, я хочу, чтобы вы сосредоточились на водителе, хорошо? Том, что носит кепку задом наперед. Затем изрешетите этот чертов фургон, спереди назад. Цельтесь выше, в окна, выбейте эти темные стекла, стреляйте в головы. Доложите о готовности.

Они так и сделали.

- Начинайте стрелять, как только я подниму руку. Повторяю - как только я подниму руку.

Стэкхаус стоял перед автобусом. Он положил правую руку на ее холодную, усыпанную росой поверхность. Левой рукой он ухватился за флагшток. Потом он стал ждать.

19

- Поехали, - сказал Тим. Он лежал на полу за водительским сиденьем. Люк лежал под ним.

- Пожалуйста, не заставляйте меня это делать, - сказала Миссис Сигсби. - Если бы вы только позволили мне объяснить вам, почему это место так важно…

- Поехали.

Она завела машину. Огни приближались. Теперь она могла видеть автобус, флагшток и Тревора, стоящего между ними.

20

Время пришло, сказал Эйвери.

Он ожидал, что будет бояться, он боялся с тех пор, как проснулся в комнате, которая была похожа на его комнату, но таковой не была, а потом Гарри Кросс сбил его с ног, и он испугался еще больше, больше чем когда-либо. Но сейчас он не боялся. Он был в восторге. Когда его мама убиралась, на стереосистеме все время звучала песня, и теперь он вспомнил одну строчку: *Я буду свободен.*[241]

Он подошел к детям из Палаты А, которые уже сформировали свой хоровод. Калиша, Ники, Джордж и Хелен последовали за ним. Эйвери протянул руки. Калиша взяла одну, а Айрис - бедная Айрис, которую можно было бы спасти, случись это хоть на день раньше, - другую.

Женщина, стоявшая на страже за дверью, что-то крикнула - вопрос, но он затерялся в нарастающем гуле. Появились точки, теперь уже не тусклые, а яркие и они становились все ярче. Огни Штази заполнили центр хоровода, вращаясь и поднимаясь, как полоска на столбе парикмахера, выходя из какого-то глубокого места силы, возвращаясь обратно, а затем появляясь снова, освеженная и более сильная.

ЗАКРОЙТЕ ГЛАЗА.

Уже не просто мысль, а мысль, перекрывающая гул.

Эйвери огляделся, чтобы убедиться, что они это сделали, и сам закрыл глаза. Он ожидал увидеть свою домашнюю комнату, или, может быть, их задний двор с качелями и бассейном, который его отец надувал каждый День поминовения[242], но он этого не увидел. И, возможно, это не должно было быть сюрпризом. Это правда, что его сбили с ног и заставили плакать, что было плохим началом в последние недели его жизни, но потом у него появились друзья, хорошие друзья. Дома у него друзей не было. В его родной школе все думали, что он был странным, даже издевались над ним, подбегая к нему и крича “Эй, Эйвери, окажи мне услугу”, прямо в лицо. Здесь ничего подобного не было, потому что здесь все они были такими. Здесь его друзья заботились о нем, относились к нему как к нормальному человеку, и теперь он позаботится о них. Калиша, Ники, Джордж и Хелен: он позаботится о них.

Люк больше всех. Если бы он только мог.

Закрыв глаза, он увидел большой телефон.

Он стоял рядом с батутом, перед неглубокой канавой, через которую Люк пролез, чтобы забраться под забор, - старомодный телефон высотой не меньше пятнадцати футов и черный, как сама смерть. Эйвери, его друзья и дети из Палаты А стояли вокруг него, взявшись за руки. Огни Штази кружились, ярче, чем когда-либо, то над циферблатом телефона, то головокружительно скользили по его гигантской бакелитовой трубке.

Калиша, уходи. Игровая площадка!

Протеста не последовало. Ее рука покинула руку Эйвери, но прежде чем разрыв в круге смог прервать действие силы и разрушить видение, за руку Эйвери схватился Джордж. Гул теперь был повсюду, наверняка они слышали его во всех тех далеких местах, где были

другие дети, подобные им, стоящие в таких же кругах. Эти дети слышали, точно так же, как слышали цели, которых им навязывали для убийства в этих разнообразных Институтах. И, как и те цели, дети повиновались. Разница была в том, что повиновались они сознательно и с радостью. Бунт был не только здесь; бунт становился глобальным.

Джордж, УХОДИ. Игровая площадка!

Рука Джорджа выскользнула, и ее место заняла рука Ники. Ники, который заступился за него, когда Гарри сбил его с ног. Ники, который называл его Эйвестер, так называть его мог только близкий друг. Эйвери сжал его руку и почувствовал, как Ники сжал в ответ. Ники, который всегда был в синяках. Ники, который не поддавался и не брал их дерьмовые жетоны.

Ники, УХОДИ. Игровая площадка!

Он исчез. Теперь за его руку схватилась Хелен, Хелен с ее выцветшими панковскими волосами, Хелен, которая научила его кувыркаться вперед на батуте и страховала его: *Чтобы ты не упал и не расколол свою глупую голову.*

Хелен, УХОДИ. Игровая площадка!

Она ушла, последняя из его друзей отсюда, теперь за его руку держалась Кэти, и время пришло.

Снаружи послышались слабые звуки выстрелов.

Пожалуйста, не допусти, чтобы было слишком поздно!

Это была его последняя осознанная мысль как личности, как Эйвери. Потом он присоединился к гулу и огням.

Пришло время сделать междугородний звонок.

21

Сквозь несколько оставшихся деревьев Стэкхаус увидел, как *Сабурбан* катится вперед. Отблеск огней от административного здания скользнул по его хрому. Он двигался очень медленно, но понемногу приближался. Ему пришло в голову (слишком поздно, чтобы что-то предпринять, и так бывало не часто), что у мальчика, возможно, нет флешки, что он мог оставить ее у той, кого он называл офицером Венди. Или спрятать её где-то между аэропортом и этим местом, чтобы заблудший герой с последним вздохом мог позвонить офицеру Венди, и сообщить, где она находится.

Но что я могу с этим поделать? - подумал он. *Ничего. Есть только это.*

Сабурбан показался в начале подъездной дорожки. Стэкхаус остался стоять между автобусом и флагштоком, раскинув руки, как Христос на кресте. Гул достиг почти оглушительного уровня, и он задался вопросом, удерживает ли Розалинда свою позицию или они заставили её бежать. Он подумал о Глэдис и понадеялся, что она уже готова приступить к делу.

Он покосился на фигуру за рулем *Сабурбана*. Разобрать что-либо было невозможно, и он знал, что Даг и Чед тоже не смогут разглядеть Люка через затемненные боковые стекла, пока их не разнесет свинцовым ураганом, но лобовое стекло было прозрачным, и когда *Сабурбан* сократил расстояние до двадцати ярдов - чуть ближе, чем он надеялся, - он увидел расширяющуюся полосу перевернутой кепки, пересекающую лоб водителя, и отпустил флагшток. Голова водителя начала отчаянно трястись. Одна рука покинула руль, прижимая пятерню в виде морской звезды к ветровому стеклу в жесте остановки, и он понял, что его надули. Трюк был так же прост, как побег ребенка, заползающего под забор, и так же эффективен.

Не заблудший герой был за рулем *Сабурбана*. Это была Миссис Сигсби.

Сабурбан снова остановился, затем начал пятиться назад.

- Извини, Джулия, ничего не поделаешь, - сказал он и поднял руку.

Из-за деревьев началась стрельба. В задней части Передней Половины Глэдис Хиксон сняла крышки с двух больших ведер с отбеливателем, расположившихся под вентиляционным блоком, который обеспечивал вентиляцию и охлаждение Задней Половины и переходного туннеля. Она затаила дыхание, вывалила бутылки с моющим средством для унитазов в ведра с отбеливателем, быстро перемешала их ручкой швабры, накрыла ведра и агрегат брезентом и с горящими глазами помчалась в восточное крыло Передней Половины. Пробежав по крыше, она поняла, что та движется у нее под ногами.

22

- *Нет, Тревор, нет!* - Закричала Миссис Сигсби. Она качала головой взад и вперед. Со своего места позади нее Тим увидел, как она подняла руку и прижала ее к лобовому стеклу. Другой рукой она перевела *Сабурбан* на задний ход.

Он только пришел в движение, когда началась стрельба, некоторые выстрелы шли справа, из леса, некоторые спереди и - Тим

был почти уверен - сверху. В лобовом стекле *Сабурбана* появились дыры. Стекло стало молочным и провисло внутрь. Миссис Сигсби превратилась в марионетку, дергалась, подпрыгивала и издавала сдавленные крики, когда в нее попадали пули.

- Лежи, Люк! - Крикнул Тим, когда мальчик начал извиваться под ним. - Не вставай!

Пули пробили задние стекла *Сабурбана*. Осколки стекла упали Тиму на спину. По водительскому сиденью стекала кровь. Даже несмотря на ровный гул, который, казалось, доносился отовсюду, Тим слышал, как пули пролетают прямо над ним, издавая низкий звук *вззззз*.

Послышался свист пуль, пробивающих металл. Капот *Сабурбана* приподнялся. Тим поймал себя на том, что вспоминает финальную сцену из какого-то старого гангстерского фильма: Бонни Паркер и Клайд Бэрроу танцуют Танец смерти, когда пули вонзаются в их машину и в них самих. Каким бы ни был план Люка, он катастрофически проваливался. Миссис Сигсби была мертва; он видел, как ее кровь забрызгала остатки лобового стекла. Они будут следующими.

Затем, он услышал крики впереди и крики справа. Еще две пули прошли сквозь правый бок *Сабурбана*, одна из них даже задела воротник рубашки Тима. Они были последними. Теперь он услышал громкий, скрежещущий рев.

- Дай мне подняться! - Ахнул Люк. - Я не могу дышать!

Тим слез с мальчика и заглянул между передними сиденьями. Он понимал, что в любую секунду ему могут снести голову, но он должен был посмотреть. Люк встал рядом с ним. Тим хотел было сказать мальчику, чтобы он опустился на пол, но слова застряли у него в горле.

Этого не может быть, - подумал он. *Этого не может быть*.

Но это происходило.

23

Эйвери и остальные стояли, взявшись за руки вокруг большого телефона. Это было трудно разглядеть из-за Огней Штази, таких ярких и красивых.

Бенгальский огонь, - подумал Эйвери. *Теперь мы воспроизводим бенгальский огонь*.

Он слился с Огнями Штази, достигая десяти футов в высоту и плюясь искрами во все стороны. Поначалу бенгальский огонь

колебался взад и вперед, но затем групповой разум взял его под контроль. Он ударил по гигантской трубке телефона и сбил ее с гигантского основания. Гантелеобразная фигура косо приземлилась рядом с тренажерами на игровой площадке. Из трубки доносились голоса на разных языках, все задавали один и тот же вопрос: *Алло, ты меня слышишь? Алло, ты меня слышишь?*

- *Да*, - в один голос ответили ребята из Института. *ДА, МЫ СЛЫШИМ ВАС! СДЕЛАЕМ ЭТО ВМЕСТЕ!*

Круг детей в Национальном парке Сьерра-Невада в Испании слышал. Слышал круг боснийских детей, заточенных в Динарских Альпах. Слышали на Пампусе, острове, охраняющем вход в Амстердамскую гавань, где собрался кружок голландских детей. Круг немецких детей слышал в горных лесах Баварии.

В Пьетрапертозе, Италия.

В Намвоне, Южная Корея.

В десяти километрах от сибирского города-призрака Черский.

Они слышали, они ответили, они стали единым целым.

24

Калиша и остальные добрались до запертой двери между ними и Передней Половиной. Теперь они отчетливо слышали выстрелы, потому что гул резко прекратился, словно где-то выдернули пробку.

О, он все еще там, подумала Калиша. *Это просто больше не для нас.*

В стенах раздался стон, почти человеческий звук, а затем стальная дверь между переходным туннелем и Уровнем Е Передней Половины вылетела наружу, зацепив Розалинду Доусон, стоящую перед ней и мгновенно убив ее. Дверь приземлилась за лифтом, вывернутая из лутки там, где были ее тяжелые петли. Наверху проволочная сетка, защищавшая люминесцентные лампы, пульсировала, отбрасывая сумасшедшие подводные тени.

Стоны становились все громче, доносясь отовсюду. Как будто здание пыталось разорвать себя на части. В *Сабурбане* Тим думал о Бонни и Клайде, Калиша же думала - о рассказе По о *Доме Ашера*.

Ну же, подумала она, глядя на остальных. *Быстрее!*

Они пробежали мимо двери, под которой в растекающейся луже крови лежала разорванная пополам женщина.

Джордж: *Как насчет лифта? Он там, сзади!*

Ники: *Ты с ума сошел? Я не знаю, что происходит, но я не собираюсь садиться ни в какой чертов лифт.*

Хелен: *Это землетрясение?*

- Нет, - ответила Калиша.

Мозготрясение. Я не знаю как…

- … как они это делают, но что... - Она вздохнула и почувствовала что-то едкое. Это заставило ее закашляться. - Что это за хрень?

Хелен: *Что-то не так с воздухом.*

- Я думаю, это какой-то яд, - сказал Ники. - Эти ублюдки, они никогда не останавливаются.

Калиша толкнула дверь с надписью лестница, и они начали подниматься, натужно кашляя. Между Уровнями В и Г лестница начала трястись под ними. По стенам зигзагами шли трещины. Флуоресцентные лампы погасли, и включилось аварийное освещение, отбрасывая ровное желтое свечение. Калиша остановилась, наклонилась, всхлипнула, потом снова распрямилась.

Джордж: *А что будет с Эйвери и остальными детьми, которые все еще там? Они же их отравят!*

Ники: *А что там с Люком? Он здесь? Он жив?*

Калиша не знала. Все, что она знала, это то, что они должны выбраться, пока не задохнулись. Или до того, как их похоронит под обломками, если Институт взорвется.

По зданию прошла титаническая дрожь, и лестница накренилась вправо. Она подумала о том, каково было бы сейчас их положение, если бы они попробовали воспользоваться лифтом, и отогнала эту мысль.

Уровень Б. Калиша задыхалась, но здесь воздух был лучше, и она смогла бежать немного быстрее. Она была рада, что не подсела на сигареты из автомата, по крайней мере, на всю катушку. Стоны в стенах превратились в низкий крик. Она услышала глухой металлический скрежет и догадалась, что трубы и электрические трубопроводы разваливаются.

Все разваливалось на части. В её голове промелькнуло видео с *Ю-Тьюба*, ужасная вещь, от которой она не могла отвести взгляд: стоматолог, использующий щипцы, чтобы извлечь чей-то зуб. Зуб шевелился, пытаясь остаться в Десне, в то время как кровь сочилась

вокруг него, и, наконец, он вырывается, с болтающимися корнями. Происходящее было на это похоже.

Она подошла к двери на первом этаже, теперь она была скособоченной, сюрреалистичной, пьяной. Она толкнула ее, но дверь не открылась. Ники к ней присоединился, и они стали давить. Нехорошо. Пол под ними поднялся, потом с глухим стуком опустился обратно. Кусок потолка вырвался на свободу, рухнул на лестницу и заскользил прочь, рассыпаясь на ходу.

- Потолок нас раздавит, если мы не сможем выбраться! - Крикнула Калиша.

Ники: *Джордж. Хелен.*

Он протянул к ней руки. Лестничная клетка была узкой, но все четверо как-то втиснулись перед дверью, бедро к бедру и плечо к плечу. Волосы Джорджа лезли Калише в глаза. Дыхание Хелен, смрадное от адреналина, было на ее лице. Они взялись за руки. Появились точки, и дверь со скрежетом распахнулась, прихватив с собой часть верхнего косяка. Дальше был коридор основного здания, теперь пьяно наклоненный в сторону. Калиша первой выскочила из кривого дверного проема, вырвавшись на свободу, как пробка из бутылки шампанского. Она упала на колени, порезав одну руку об упавший светильник, разбрызгавший повсюду стекло и металл. На одной стене, покосился, но все еще висел плакат с тремя детьми, бегущими по лугу, на котором было написано, что это просто еще один день в раю.

Калиша поднялась на ноги, огляделась и увидела, что остальные трое делают то же самое. Вместе они побежали в комнату отдыха, мимо комнат, где больше никогда не будут жить похищенные дети. Двери этих комнат распахивались и захлопывались с шумом, похожим на аплодисменты сумасшедших. В столовой несколько торговых автоматов упали, рассыпав закуски. Разбитые бутылки наполняли воздух едким ароматом алкоголя. Дверь на игровую площадку была вывернута, её заклинило, но стекло исчезло, и свежий воздух врывался внутрь легким ветерком позднего лета. Калиша подошла к двери и замерла. На мгновение она совсем забыла о здании, которое, казалось, разрывалось на части вокруг них.

Ее первой мыслью было, что остальные все-таки выбрались наружу, возможно, через другую дверь туннеля, потому что там были

все они: Эйвери, Айрис, Хэл, Лен, Джимми, Донна и все остальные дети из Палаты А. Потом она поняла, что на самом деле не их видит. Это были проекции. Воплощения. Как и огромный телефон, вокруг которого они кружили. Он должен был раздавить батут и бадминтонную сетку, но они все еще были там, и она могла видеть сетчатый забор не только за большим телефоном, но и через него.

Потом и дети, и телефон исчезли. Она поняла, что пол снова поднимается, и на этот раз он не падал обратно. Она увидела медленно увеличивающийся проем между комнатой отдыха и краем игровой площадки. Только девять дюймов или около того, но он рос. Ей пришлось слегка подпрыгнуть, чтобы выбраться наружу, словно со второй ступеньки лестницы.

- Давайте! - Крикнула она остальным. - Скорее! Пока еще можете!

25

Стэкхаус услышал крики с крыши здания, и стрельба оттуда прекратилась. Он обернулся и увидел то, что сначала не мог понять. Передняя Половина поднималась. Покачивающаяся фигура на крыше вырисовывалась на фоне Луны, вытянув руки в попытке сохранить равновесие. Это должна была быть Глэдис.

Этого не может быть, - подумал он.

Но это происходило. Передняя Половина поднялась выше, хрустя и щелкая, когда она отделилась от Земли. Она заслонила собой Луну, а затем опустилась, как нос огромного и неуклюжего вертолета. Глэдис улетела. Стэкхаус услышал ее крик, когда она исчезла в тени. В административном здании Зик и доктор Ричардсон бросили оружие и прижались к парапету, уставившись на видение из сна: здание, которое медленно поднималось в небо, осыпаясь стеклом и кусками шлакоблока. Оно потянуло за собой большую часть ограждения игровой площадки. Вода из разрушенных труб лилась из нижней части здания.

Автомат по продаже сигарет вывалился из разбитой двери на игровую площадку. Джордж Айлс, разинув рот, смотрел на поднимающуюся в небо нижнюю часть Передней Половины, и был бы раздавлен ею, если бы Ники не оттащил его в сторону.

Шеф-повар Даг и надзиратель Чед вышли из-за деревьев, вытянув шеи, разинув рты и держа в руках пистолеты. Они конечно могли предположить, что кто-то в изрешеченном пулями *Сабурбане* остался

живой; но, скорее всего, они совершенно забыли об этом в своем изумлении и смятении.

Теперь нижняя часть Передней Половины находилась над крышей административного здания. Она двигалась с величавой, громоздкой грацией боевого корабля Королевского флота восемнадцатого века, идущего под парусами на легком ветру. Изоляция и провода, некоторые из которых все еще искрились, болтались, как оборванные пуповины. Выступающий кусок трубы соскреб обшивку с вентиляционного короба. Грек Зик и доктор Фелиция Ричардсон увидели, что он приближается, и побежали к люку, через который они вылезли на крышу. Зик успел запрыгнуть, доктор Ричардсон - нет. Она подняла руки над головой в защитном жесте, который был одновременно инстинктивным и жалким.

В это момент потолок переходного туннеля - ослабленный годами пренебрежения и катастрофической левитацией - наполовину рухнул, раздавив детей, которые уже умирали от отравления хлором и умственной перегрузки. Они поддерживали свой круг до самого конца, и когда потолок рухнул, у Эйвери Диксона в голове промелькнула последняя мысль, ясная и спокойная: *Мне нравилось иметь друзей.*

26

Тим не помнил, как выбрался из машины. Он был полностью поглощен попытками осмыслить то, что видел: огромное здание, парящее в воздухе и скользящее над меньшим зданием, затмевая его. Он увидел фигуру на крыше этого небольшого здания, поднявшую руки над головой. Затем откуда-то из-за этой невероятной иллюзии Дэвида Копперфильда раздался приглушенный треск, поднялось огромное облако пыли... и парящее в воздухе здание рухнуло, как камень.

Громкий удар сотряс землю и заставил Тима пошатнуться. Меньшее здание - офисы, предположил Тим - никак не могло выдержать такой вес. Оно разлетелось во все стороны, разбрызгивая дерево, бетон и стекло. Поднялось еще больше пыли, достаточно, чтобы заслонить Луну. Сигнализация автобуса (кто знал, что она там есть?) завопила, издавая громкое ВАУ-ВАУ-ВАУ. Человек, который был на крыше, конечно же, был мертв, и все, кто еще был внутри, теперь тоже превратились в желе.

- Тим! - Люк схватил его за руку. - Тим! - Он указал на двух мужчин, вышедших из-за деревьев. Один все еще смотрел на развалины, но другой поднял большой пистолет. Очень медленно, словно во сне.

Тим поднял свой пистолет, намного быстрее.

- Не делайте этого. Опустите оружие.

Они ошеломленно посмотрели на него и сделали, как он сказал.

- А теперь идите к флагштоку.

- Все кончено? - Спросил один из мужчин. - Пожалуйста, скажи мне, что все кончено.

- Думаю, да, - ответил Люк. - Делай, что говорит мой друг.

Они брели сквозь клубящуюся пыль к флагштоку и автобусу. Люк подобрал их пистолеты, подумал, не забросить ли их в *Сабурбан*, но потом осознал, что они никуда не поедут на этом изрешеченном пулями, забрызганном кровью автомобиле. В руках у него остался один пистолет. Другой он забросил в лес.

27

Стэкхаус некоторое время смотрел, как Чед и шеф-повар Даг направляются к нему, затем повернулся, чтобы посмотреть на руины своей жизни.

Но кто мог знать? - подумал он. *Кто мог знать, что у них есть доступ к достаточной мощности, чтобы заставить левитировать здание? Ни Миссис Сигсби, ни Эванс, ни Хекл и Джекл, ни Донки Конг - где бы он ни был сегодня вечером - и уж точно не я. Мы думали, что работаем с высоким напряжением, когда на самом деле все, что мы получали, было струйкой тока. Вот в чем комизм ситуации.*

Кто-то похлопал его по плечу. Он повернулся и увидел заблудшего героя. Он был широкоплеч (как и положено настоящему герою), но носил очки, и это не соответствовало стереотипу.

Конечно, всегда найдется Кларк Кент[243], подумал Стэкхаус.

- Вы вооружены? - Спросил человек по имени Тим.

Стэкхаус покачал головой и сделал слабый жест рукой.

- Они должны были обо всем позаботиться.

- Вы трое - последние?

- Даже не знаю. - Никогда еще Стэкхаус не чувствовал себя таким усталым. Он предположил, что это был шок. Это, и вид здания, поднимающегося в ночное небо, заслоняя собой Луну. - Может быть,

кто-то из персонала в Задней Половине еще жив. Там были доктора, Халлас и Джеймс. Может кто-то из детей в Передней Половине, хотя... Я не понимаю, как кто-то мог пережить это. - Он указал на руины рукой, которая казалась свинцовой.

- А остальные дети, - сказал Тим. - Что с ними? Разве они не были в другом здании?

- Они были в туннеле, - сказал Люк. - Он пытался отравить их газом, но потолок в туннеле обрушился раньше. Он рухнул, когда Передняя Половина поднялась вверх.

Стэкхаус хотел было это опровергнуть, но что толку, если Эллис может читать его мысли? Кроме того, он очень устал. Полностью выдохся.

- И твои друзья тоже? - Спросил Тим.

Люк открыл было рот, чтобы сказать, что он не знает наверняка, но, возможно. Потом он резко повернул голову, как будто его позвали. Если так, то голос раздался у него в голове, потому что Тим услышал его только через несколько секунд.

Люк!

Девушка бежала по замусоренной лужайке, огибая обломки, которые прорывались наружу в виде короны. За ней следовали еще трое - два мальчика и еще одна девочка.

Люки!

Люк подбежал к девушке, шедшей впереди, и обнял ее. Остальные трое присоединились к ним, и когда они обнялись все вместе, Тим снова услышал гул, но уже тише. Некоторые обломки зашевелились, куски дерева и камня поднялись в воздух и снова упали. И разве он не слышал шепот их смешанных голосов в своей голове? Может быть, это было только в его воображении, но...

- Они все еще выпускают сок, - сказал Стэкхаус. Он говорил безразлично, как человек, разглагольствующий о пустяках. - Я их слышу. И ты тоже. Быть осторожным. Эффект кумулятивный. Это превратило Халласа и Джеймс в Хекла и Джекла. - Он издал единственный лающий смешок. - Пару мультяшных персонажей с дорогими медицинскими дипломами.

Тим проигнорировал это и позволил детям радостно воссоединиться - кто же, черт возьми, как не они, заслуживал такого? Он присматривал за тремя выжившими взрослыми. Хотя на самом

деле они не выглядели так, будто собирались доставить ему какие-то неприятности.

- Что мне с вами делать, придурки? - Спросил Тим. Не то чтобы он разговаривал с выжившими, просто думал вслух.

- Пожалуйста, не убивайте нас, - сказал Даг. Он указал на групповое объятие, которое все еще продолжалось. - Я кормил этих детей. Я сохранил им жизнь.

- Я бы не стал пытаться оправдать то, что ты здесь сделал, если хочешь остаться в живых, - сказал Тим. - Заткнуться было бы самым мудрым решением. - Он повернулся к Стэкхаусу. - Похоже, автобус нам все-таки не понадобится, поскольку ты убил почти всех детей…

- Мы этого не делали.

- Ты что, оглох? Я сказал, заткнись.

Стэкхаус увидел, что было написано на его лице. Это не было похоже на героизм, ошибочный или нет. Это было похоже на убийство. Он закрыл рот.

- Нам нужно убираться отсюда, - сказал Тим, - и я действительно не хочу вести вас, счастливых воинов, через лес в деревню, о которой говорит Люк. Это был долгий, утомительный день. Есть предложения?

Стэкхаус, казалось, его не слышал. Он смотрел на остатки Передней Половины, и остатки административного здания, раздавленного под ним.

- И все это, - изумлялся он. - И все это из-за одного сбежавшего мальчика.

Тим легонько пнул его в лодыжку.

- Слушай внимательно, говнюк. Как мне вытащить отсюда этих детей?

Стэкхаус не ответил, как и человек, который утверждал, что кормил детей. Другой, парень, который выглядел как санитар, заговорил.

- Если бы я подсказал вам идею, вы бы меня отпустили?

- Как тебя зовут?

- Чед, сэр. Чед Гринли.

- Ну, Чед, это зависит от того, насколько хороша твоя идея.

28

Последние выжившие в Институте обнимались, обнимались и обнимались. Люк чувствовал, что может обнимать их вечно, и

чувствовал, как они обнимают его, потому что он никогда не ожидал увидеть их снова. На данный момент все, что им было нужно, это оказаться внутри тесного круга, который они образовали на этой замусоренной лужайке. Все, что им было нужно - это их тесный круг. Мир и все его проблемы могут пойти нахер.

Эйвери?

Калиша: *Ушел. Он и все остальные. Когда туннель обрушился на них.*

Ники: *Так даже лучше, Люк. Он никогда не стал бы тем же самым. Самим собой. Что он сделал, что они сделали... это лишило бы его жизни, как и всех остальных.*

А как насчет детей в Передней Половине? Кто-нибудь из них жив? Если да, то мы должны…

Ответила Калиша, качая головой и посылая не слова, а картинку: покойный Гарри Кросс из Сельмы, штат Алабама. Мальчик, который умер в кафешке.

Люк взял Ша за руки. *Все они? Вы хотите сказать, что все они умерли еще до того, как это произошло?*

Он указал на обломки Передней Половины.

- Я думаю, когда он взлетел, - сказал Ники. - Когда Эйвери подошел к большому телефону. И дальше последовало то, что Люк не совсем понял: *Когда другие дети присоединились*.

- Далекие дети, - добавил Джордж. - В других Институтах. Дети в Передней Половине были просто слишком... Я не знаю этого слова.

- Слишком уязвимы, - сказал Люк. - Именно это ты и имеешь в виду. Они были уязвимы. Это было похоже на один из проклятых старых снимков, не так ли? Один из самых плохих.

Они молча кивнули.

- Держу пари, они умерли, увидев точки, - прошептала Хелен. - Насколько это ужасно?

Ответ Люка был детским отрицанием, на которое взрослые цинично улыбаются, и только другие дети могут полностью понять: *Это несправедливо! Нечестно!*

Нет, согласились они. *Не справедливо.*

Они расступились. Люк разглядывал их одного за другим в пыльном лунном свете: Хелен, Джордж, Ники... и Калиша. Он

вспомнил тот день, когда встретил ее, притворявшуюся, что курит конфето-сигарету.

Джордж: *Что теперь, Люки?*

- Тим разберется, - сказал Люк, и ему оставалось только надеяться, что это правда.

29

Чед повел их вокруг разрушенных зданий. Стэкхаус и шеф-повар Даг тащились позади, опустив головы. Тим следовал за ними с пистолетом в руке. Люк и его друзья шли позади Тима. Сверчки, замолчавшие при этом Армагеддоне, снова запели.

Чед остановился на краю асфальтированной дорожки, вдоль которой бампер к бамперу стояли полдюжины легковых седанов и три или четыре грузовых автофургона. Среди них была среднего размера *Тойота* с надписью Мэн Папер Индастриз на боку. Он указал на нее.

- Как насчет этого, сэр? Вам бы это подошло?

Тим подумал, что да, по крайней мере, для начала.

- А что насчет ключей?

- Все техники могут пользоваться этими автофургонами, поэтому они всегда оставляют ключи под солнцезащитным козырьком.

- Люк, - сказал Тим, - ты не мог бы это проверить?

Люк пошел, остальные последовали за ним, словно не могли вынести разлуки даже на минуту. Люк открыл водительскую дверь и опустил козырек. Что-то упало ему в руку. Он поднял ключи.

- Хорошо, - сказал Тим. - А теперь откройте заднюю дверь. Если там что-то есть, выкиньте.

Большой, которого звали Ник, и маленький, которого звали Джордж, занялись этой работой, выкидывая грабли, тяпки, ящик с инструментами и несколько мешков с удобрениями для газонов. Пока они это делали, Стэкхаус сел на траву и опустил голову на колени. Это был жест признания поражения, но Тиму не было его жалко. Он похлопал Стэкхауса по плечу.

- А теперь мы уходим.

Стэкхаус не поднял головы.

- Куда? Кажется, мальчик говорил что-то о Диснейленде. - Он издал на редкость невеселый смешок.

- Не твое дело. Но я стесняюсь спросить: а куда собираешься идти ты?

Стэкхаус не ответил.

30

В задней части автофургона не было сидений, поэтому дети по очереди втискивались в салон, начиная с Калиши. Люк уселся на металлический пол между ней и Тимом. Ники, Джордж и Хелен сгрудились в задней части фургона, глядя через два маленьких пыльных окошка на мир, который они никогда не ожидали увидеть снова.

Люк: *Почему ты плачешь, Калиша?*

Она ответила ему, а потом произнесла это вслух, для Тима.

- Потому что все вокруг прекрасно. Даже в темноте все очень красиво. Мне хотелось бы только одного: чтобы Эйвери был здесь, и увидел это.

31

Рассвет все еще был лишь отблеском на горизонте, когда Тим повернул на юг по 77 шоссе. Тот, кого звали Ники, занял место Калиши на переднем сиденье. Люк перебрался вместе с ней в заднюю часть автофургона, и теперь все четверо, словно щенята, крепко спали. Ники тоже, казалось, спал, его голова стучала в окно каждый раз, когда фургон подскакивал на кочках... их было в достатке.

Едва увидев вывеску, извещавшую, что Миллинокет находится в пятидесяти милях впереди, Тим взглянул на свой мобильник и увидел, что у него два деления связи и девять процентов зарядки. Он позвонил Венди, и та ответила после первого же гудка. Она хотела знать, все ли с ним в порядке. Он сказал, что да. Она спросила, что там с Люком.

- В порядке. Спит. У меня еще четверо детей. Были и другие - я не знаю, сколько, довольно много, - но они мертвы.

- Мертвы? Господи, Тим, что там произошло?

- Сейчас не могу говорить. Расскажу, когда смогу, и ты, возможно, даже поверишь, но сейчас я еду по какому-то захолустью, у меня в кошельке около тридцати баксов, и я даже не буду пытаться воспользоваться своими кредитными картами. Мы оставили после себя адский бардак, и я не хочу рисковать, оставляя за собой еще и денежный след. Кроме того, я чертовски устал. В фургоне еще есть полбака бензина, что хорошо, но я держусь из последних сил. Сука-сука-сука, ведь правда?

- Что... ты... есть какие-нибудь...

- Венди, я тебя не слышу. Связь прерывается, я перезвоню. Люблю тебя.

Он не знал, услышала ли она последнюю фразу или нет, и как бы она поступила, если бы услышала. Он никогда не говорил ей этого раньше. Он выключил телефон и положил его в консоль вместе с пистолетом Тага Фарадея. Все, что произошло в Дюпре, казалось, произошло давным-давно, почти в той жизни, которой жил другой человек. Сейчас главное - эти дети и то, что он собирается предпринять.

А еще: *что делать с теми, кто может их преследовать?*

- Хай, Тим.

Он оглянулся на Ники.

- Я думал, ты спишь.

- Нет, просто задумался. Могу я тебе кое-что сказать?

- Конечно. Говори, о чем хочешь. Не дай мне уснуть.

- Просто хотел сказать спасибо. Я не скажу, что ты вернул мне веру в человечество, но ты не побоялся прийти с Люком, а для этого... для этого нужны крепкие яйца.

- Послушай, малыш, ты можешь читать мои мысли?

Ник покачал головой.

- Сейчас я не могу этого делать. Не думаю, что смог бы даже сдвинуть обертки от конфет на полу этого фургона, а это была моя фишка. Если бы я был связан с ними... - Он наклонил голову в сторону спящих детей в задней части фургона. - Все было бы по-другому. По крайней мере, на некоторое время.

- Ты думаешь, что вернешься? Вернешься к тому, что было раньше?

- Не знаю. Для меня это не имеет большого значения. Наверное, никогда не вернусь. Моими основными интересами до похищения были футбол и уличный хоккей. - Он пристально посмотрел на Тима. - Чувак, у тебя не мешки под глазами, а чемоданы.

- Я бы не отказался немного поспать, - признался Тим. Так, часиков двенадцать. Он поймал себя на том, что с ностальгией вспоминает ветхое заведение Норберта Холлистера, где телевизор не работал и тараканы бегали как по Бродвею. - Я догадываюсь, что где-то есть мотели, где не задают вопросов, если ты предлагаешь наличные, но наличные - это проблема, вот в чем дело.

Ники улыбнулся, и Тим увидел, каким красивым молодым человеком он станет - если Бог будет добр - через несколько лет.

- Я думаю, что мы с друзьями могли бы помочь с налом. Не совсем уверен, Но да, наверное, могли бы. Хватит бензина, чтобы добраться до следующего города?

- Да.

- Ну, тогда держись, - сказал Ники и снова прислонился головой к окну.

32

Незадолго до того, как в девять часов того же дня открылось отделение банка *Сеаменс Траст*, кассирша по имени Сандра Робишо вызвала управляющего банком из его кабинета.

- У нас проблема, - сказала она. - Взгляните на это.

Она уселась за экран, чтобы посмотреть видеозапись с банкомата. Брайан Стернс сел рядом с ней. Камера аппарата работала в спящем режиме между транзакциями, и в маленьком городке Миллинокет, на севере штата Мэн, это обычно означало, что она спала всю ночь, просыпаясь для своих первых клиентов около шести часов утра. Отметка времени на экране, на который они смотрели, показывала 5:18. На глазах у Стернса к банкомату подошли пять человек. Четверо из них были в рубашках, надвинутых на рот и нос, как бандитские маски в древнем вестерне. У пятого была низко надвинутая на глаза бейсболка. Стернс смог прочитать надпись МЭН ПАПЕР ИНДАСТРИЗ на передней части.

- Это же дети!

Сандра кивнула.

- Если только это не лилипуты, что маловероятно. Смотрите, Мистер Стернс.

Дети взялись за руки и образовали круг. Несколько линий пробежали по изображению, как будто от электрических помех. Потом из щели банкомата начали сыпаться деньги. Это было все равно, что смотреть, как игровой автомат в казино выдает джек-пот.

- Какого черта?

Сандра покачала головой.

- Не знаю, какого черта, но они получили больше двух тысяч долларов, а машина не должна давать никому больше восьмисот. Так

это устроено. Я думаю, мы должны сообщить кому-нибудь об этом, но я не знаю кому.

Стернс не ответил. Он только зачарованно наблюдал, как маленькие бандиты - они выглядели как школьники, если уж на то пошло - подбирали деньги.

А потом они исчезли.

ШЕПЕЛЯВЫЙ ЧЕЛОВЕК

1

Прохладным октябрьским утром примерно три месяца спустя Тим Джеймисон прогуливался по подъездной дорожке от того, что было известно как ферма *Катоба Хилл* до штатного шоссе 12-А Южной Каролины. Прогулка занимала некоторое время; дорога была длиной почти в полмили. Ему нравилось шутить о дороге с Венди. Они называли эту дорогу штатное шоссе 12-Б. На нем были выцветшие джинсы, грязные рабочие ботинки *Джорджия Джайнт* и толстовка, такая большая, что доходила до бедер. Это был подарок от Люка, заказанный по Интернету. Спереди золотыми буквами было написано: ЭЙВЕСТЕР. Тим никогда не встречался с Эйвери Диксоном, но был рад надевать эту толстовку. Его лицо было сильно загорелым. *Катоба* уже десять лет не функционировала как настоящая ферма, но за сараем все еще оставался акр сада, а сейчас был сезон сбора урожая.

Он подошел к почтовому ящику, открыл его, начал выковыривать обычный хлам (похоже, в эти дни никто не получал настоящей почты) и замер. Его желудок, который был в порядке во время прогулки сюда, казалось, сжался. Приближалась машина, притормаживая, и съезжая на обочину. В ней не было ничего особенного, обыкновенная *Шевроле Малибу*, перепачканная красноватой пылью и с обычным количеством жучков, застрявших в радиаторной решетке. Это был не сосед, он знал все их машины, но это мог быть коммивояжер или кто-то заблудившийся и нуждающийся в указаниях. Только это было не так. Тим не знал, кто этот человек за рулем, знал только, что он, Тим, его ждал. И вот он здесь.

Тим закрыл почтовый ящик и заложил одну руку за спину, как бы подтягивая ремень. Его ремень был на месте, как и пистолет, *Глок*,

который когда-то принадлежал рыжеволосому помощнику шерифа по имени Таггарт Фарадей.

Мужчина выключил двигатель и вышел из машины. Он был одет в джинсы гораздо более новые, чем у Тима, - на них все еще были магазинные складки, - и белую рубашку, застегнутую под самое горло. Его лицо было одновременно красивым и невзрачным, противоречие, которое могло бы показаться невозможным, пока вы не видели такого парня. Глаза у него были голубые, а волосы такого скандинавского оттенка, что казались почти белыми. На самом деле он выглядел именно так, как и представляла его себе покойная Джулия Сигсби. Он пожелал Тиму доброго утра, и тот ответил на приветствие, все еще держа руку за спиной.

- Вы - Тим Джеймисон. - Гость протянул руку.

Тим посмотрел на нее, но не пожал.

- Да, это я. А кто вы?

Блондин улыбнулся.

- Допустим, я Уильям Смит. Это имя стоит в моем водительском удостоверении. - Значит *Смит,* ну и ладно, при этом водительском прозвучало как надо, а вот вместо *удостоверении* прозвучало *уфостоферении.* Шепелявость, но легкая. - Зовите меня Билл.

- Чем могу помочь, Мистер Смит?

Человек, назвавшийся Биллом Смитом - имя столь же анонимное, как и его седан, - щурился на раннее солнце, слегка улыбаясь, словно обдумывая несколько возможных ответов на этот вопрос, и все они были приятными. Потом он снова посмотрел на Тима. Улыбка все еще играла на его губах, но глаза не улыбались.

- Мы могли бы ходить вокруг да около, но я уверен, что у тебя впереди напряженный день, так что не хочу отнимать у тебя больше времени, чем нужно. Позволь мне для начала заверить, что я здесь не для того, чтобы доставлять вам неприятности, так что если у тебя там пистолет, а не просто чешется, можешь оставить его там, где он есть. Я думаю, мы можем прийти к согласию, что в этой части мира было достаточно стрельбы в течение текущего года.

Тим хотел спросить, как Мистер Смит его нашел, но зачем лишние бесполезные объяснения? Вряд ли это было трудным делом. Ферма *Катоба* принадлежала Гарри и Рите Гулликсон, ныне живущим во Флориде. Последние три года их дочь присматривала за старым

домом. Кто может быть лучшим присмотрщиком, как не помощник шерифа?

Ну, она *оставалась* помощником шерифа и по-прежнему получала жалованье от администрации округа, по крайней мере, в настоящее время, но трудно было сказать, в чем именно заключались ее обязанности. Ронни Гибсон, отсутствовавший в ночь вторжения отряда Миссис Сигсби, теперь исполнял обязанности шерифа округа Фэрли, но как долго это продлится, можно было только гадать; поговаривали о переносе офиса шерифа в соседний город Даннинг. К тому же Венди не была создана для работы в правоохранительных органах.

- Где офицер Венди? - Спросил Смит. - Наверное, в доме?

- А где Стэкхаус? - Вопросом на вопрос ответил Тим. - Вы, должно быть, от него узнали про Офицера Венди, потому что та женщина, Сигсби, мертва.

Смит пожал плечами, засунул руки в задние карманы новых джинсов, покачался на каблуках и огляделся.

- Боже, как здесь красиво, правда? *Красиво* прозвучало как *квасиво*, но шепелявость действительно была очень легкой, в целом, ее вообще не было.

Тим решил не развивать тему Стэкхауса. Было очевидно, что он ничего этим не добьется, и кроме того, Стэкхаус был старой новостью. Он может быть в Бразилии, он может быть в Аргентине или Австралии, он может быть мертв. Какая разница Тиму, где он. И человек с шепелявым голосом был прав: ходить вокруг да около не имело смысла.

- Помощник шерифа Гулликсон находится в Коламбии, на закрытом слушании по поводу перестрелки, которая произошла этим летом.

- Я полагаю, у нее есть история, которую съедят члены комитета.

Тиму не хотелось подтверждать это предположение.

- Она также примет участие в совещании, на котором будет обсуждаться будущее правоохранительных органов здесь, в округе Фэрли, так как головорезы, которых вы послали, уничтожили большую их часть.

Смит развел руками.

- Я и люди, с которыми я работаю, не имеют к этому никакого отношения. Миссис Сигсби действовала на свой страх и риск.

Может, и правда, но и неправда тоже, мог бы сказать Тим. *Она действовала, потому что боялась тебя и людей, с которыми ты работаешь.*

- Насколько я понимаю, Джордж Айлс и Хелен Симмс уехали, - сказал Мистер Смит. *Симмс* вышло как *Симмт*. - Молодой Мистер Айлс к дяде в Калифорнию, Мисс Симмс к бабушке с дедушкой в Делавэр.

Тим не знал, откуда этот шепелявый человек черпает информацию - Норберт Холлистер исчез уже давно, *Мотель Дюпре* был закрыт, а на фасаде висела табличка *ПРОДАЕТСЯ*, которая, вероятно, останется там надолго, - но это была правильная информация. Тим никогда не думал, что останется незамеченным, это было бы наивно, но ему не нравилась глубина познаний Мистера Смита о детях.

- Это значит, что Николас Уилхольм и Калиша Бенсон все еще здесь. И Люк Эллис, конечно же, тоже. - Улыбка появилась снова, теперь уже тоньше. - Творец всех наших несчастий.

- Чего вы хотите, Мистер Смит?

- На самом деле малого. Мы до этого еще доберемся. А пока позвольте мне сделать вам комплимент. Не только из-за вашей храбрости, которая была очевидна в ту ночь, когда вы в одиночку штурмовали Институт, но и из-за заботы, которую вы и офицер Венди проявили после. Это ведь вы все устроили, не так ли? Сначала уехал Айлс, примерно через месяц после возвращения в Южную Каролину. Симмс уехала через две недели после него. Оба с легендой о том, что их похитили по неизвестным причинам, продержали неизвестное время в неизвестном месте, а затем отпустили... также по неизвестным причинам. Вы с офицером Венди сумели все это устроить, пока сами находились под пристальным наблюдением.

- Откуда вы все это знаете?

Теперь настала очередь шепелявого мужчины не отвечать, но тут уж ничего не попишешь. Тим догадался, что, по крайней мере, часть информации он почерпнул прямо из газет и Интернета. Возвращение похищенных детей всегда было новостью.

- Когда уезжают Уилхольм и Бенсон?

Тим обдумал это и решил ответить.

- Ники уезжает в эту пятницу. К дяде и тете в Неваду. Его брат уже там. Ник не в восторге от поездки, но он понимает, что не может здесь больше оставаться. Калиша задержится еще на неделю или две. У нее есть сестра, на двенадцать лет её старше, в Хьюстоне. Калиша хочет с ней воссоединиться. - Это было и правдой, и неправдой. Как и все остальные, Калиша страдала от посттравматического синдрома.

- И их истории тоже выдержат проверку в полиции?

- Да. Истории достаточно просты, и, конечно, все они боятся того, что может случиться с ними, если они расскажут правду. - Тим сделал паузу. - Не то чтобы им поверят.

- А молодой Мистер Эллис? Что с ним?

- Люк останется со мной. У него нет близких родственников, идти ему некуда. Он уже вернулся к занятиям. Они его успокаивают. Мальчик скорбит, Мистер Смит. Скорбит о своих родителях, скорбит о своих друзьях. - Он помолчал, пристально глядя на блондина. - Я подозреваю, что он также скорбит о детстве, которое ваши люди у него украли.

Он ждал, что ответит на это Смит. Смит ничего не ответил, и Тим продолжил:

- В конце концов, если мы сможем придумать достаточно убедительную историю, он продолжит с того места, где остановился. Одновременная учеба в колледже Эмерсона и Массачусетском технологическом институте. Он очень умный мальчик. - *Как ты прекрасно знаешь*, чуть не добавил он. - Мистер Смит... вас это вообще волнует?

- Не очень, - ответил Смит. Он достал из нагрудного кармана пачку *Американ Спирит*. - Курите?

Тим покачал головой.

- Я сам курю редко, - сказал Мистер Смит, - но я проходил логопедическую терапию для устранения шепелявости, и иногда позволяю себе это в качестве награды, когда могу контролировать её в разговоре, особенно длинном и довольно интенсивном, как у нас. Вы заметили, что я шепелявлю?

- Да, есть немного.

Мистер Смит удовлетворенно кивнул и закурил. Запах в прохладном утреннем воздухе был сладким и ароматным. Запах,

который, казалось, был просто создан для курящей страны, которой она была... хотя и не на ферме *Катоба*… с восьмидесятых годов.

- Надеюсь, вы уверены, что они будут хранить молчание, как говорится. Если кто-то из них заговорит, это будет иметь последствия для всех пятерых. Несмотря на флешку, которая у вас якобы есть. Не все мои... люди... верят, что она действительно существует.

Тим улыбнулся, не показывая зубов.

- Было бы неразумно с вашей стороны... и ваших людей... попытаться проверить эту идею.

- Я понимаю, о чем вы. И все же было бы очень плохо, если бы эти дети начали болтать о своих приключениях в лесах штата Мэн. Если вы поддерживаете связь с Мистером Айлсом и Мисс Симмс, то, возможно, захотите это им передать. Или, возможно, Уилхольм, Бенсон и Эллис смогут связаться с ними другими способами.

- Вы говорите о телепатии? Я бы на это не рассчитывал. Они возвращаются к тому, что было до того, как ваши люди их похитили. То же самое и с телекинезом. - Он рассказал Смиту то, что рассказали ему дети, но Тим не был до конца уверен, что сам верит в это. Все, что он знал наверняка, - это то, что ужасный гул никогда не возвращался. - Как вы все это замяли, Смит? Чисто самому интересно.

- И пусть это останется между нами, - сказал блондин. - Я скажу вам больше, не только учреждение в штате Мэн нуждалось в нашем, так сказать, внимании. В других частях мира было двадцать других Институтов, и все они прекратили функционирование. Два из них - в странах, где послушание прививается детям чуть ли не с рождения, - продержались около шести недель, а потом и там произошли массовые самоубийства. - Это слово прозвучало как *тамоубийтва*.

Массовые самоубийства или массовые убийства? Тим задумался, но это была не та тема, которую он собирался поднимать. Чем скорее он избавится от этого человека, тем лучше.

- Мальчишка Эллис - с вашей помощью, с вашей *непосредственной* помощью - нас погубил. Это, несомненно, звучит мелодраматично, но это правда.

- Ты думаешь, меня это волнует? - Спросил Тим. - Ты убивал детей. Если есть ад, тебе туда прямая дорога.

- А вы, Мистер Джеймисон, несомненно, верите, что попадете на небеса, если только такое место существует. И кто знает, может, вы и

правы. Разве Бог может оттолкнуть человека, который на всех парах скачет на выручку беззащитным юнцам? Но как сказал Иисус на кресте: *Отче, прости им, ибо не ведают, что творят*.[244] - Он отбросил сигарету в сторону. - Я собираюсь кое-что тебе рассказать. Именно за этим я и пришел, с согласия моих коллег. Благодаря тебе и Эллису, мир теперь на грани самоубийства. - На этот раз слово вышло чистым.

Тим ничего не сказал, просто ждал.

- Первый Институт, хотя и не с таким названием, был создан в нацистской Германии.

- Почему меня это не удивляет? - Сказал Тим.

- И почему ты такой предвзятый? Нацисты создали ядерное оружие еще до Америки. Они создали антибиотики, которыми все сегодня пользуются. Они в какой-то мере изобрели современную ракетную технику. А некоторые немецкие ученые проводили эксперименты по экстрасенсорике при полной поддержке Гитлера. Они обнаружили, почти случайно, что группы одаренных детей могут заставить некоторых проблемных людей - препятствующих прогрессу, так сказать, - перестать быть проблемными. Эти дети были пущены в расход в 1944 году, потому что не было никакого надежного метода, никакого научного метода, чтобы найти замену после того, как они стали, на Институтском жаргоне, горками. Самый полезный тест на скрытые экстрасенсорные способности появился позже. Ты знаешь, что это был за тест?

- НФГМ. Нейротрофический фактор головного мозга. Люк сказал, что это был своеобразный маркер.

- Да, он очень умный мальчик. Очень умный. Все вовлеченные теперь сожалеют, что не оставили его в покое. Его НФГМ был не очень высок.

- Думаю, Люк тоже хотел бы, чтобы ты оставил его в покое. И его родителей. А теперь почему бы тебе не сказать свое предложение.

- Хорошо. Конференции проводились как до, так и после окончания Второй мировой войны. Если вы помните хоть что-нибудь из курса истории двадцатого века, вы вспомните и о некоторых из них.

- Я знаю про Ялту, - сказал Тим. - Рузвельт, Черчилль и Сталин собрались вместе, чтобы поделить мир.

- Да, это знаменитая конференция, но самая важная состоялась в Рио-де-Жанейро, и ни одно правительство в ней не участвовало... если только вы не хотите назвать группу, которая там встречалась - и их преемников на протяжении многих лет - своего рода теневым правительством. Они - *мы* - знали о немецких детях и принялись искать новых. К 1950 году мы поняли полезность НФГМ. Институты создавались один за другим в изолированных местах. Методы были усовершенствованы. Они существуют уже более семидесяти лет, и по нашим подсчетам, они спасали мир от ядерного Апокалипсиса более пятисот раз.

- Это смешно, - резко сказал Тим. - Какая-то шутка.

- Вовсе нет. Позвольте мне привести вам один пример. Перед тем, как дети подняли бунт в Институте в штате Мэн - бунт, который распространился как вирус на все другие Институты - они начали работать над организацией самоубийства евангелиста по имени Пол Уэстин. Благодаря Люку Эллису, этот человек все еще жив. Через десять лет он станет близким соратником некоего Христианского джентльмена, который станет министром обороны Америки. Уэстин убедит министра, что война неизбежна, министр убедит президента, и это в конечном итоге приведет к упреждающему ядерному удару. Только одна ракета, но она может начать эффект домино. Эта часть находится за нашим кругом прогнозирования.

- Вы не можете знать ничего подобного.

- А как вы думаете, Мистер Джеймисон, мы выбирали цели? Тянули бумажку из шляпы?

- Телепатия, я полагаю.

Мистер Смит был похож на терпеливого учителя, объясняющего простые истины недалекому ученику.

- ТК перемещают объекты, а ТП читают мысли, но ни один из них не способен предвидеть будущее. - Он снова достал сигареты. - Ты точно не хочешь закурить?

Тим покачал головой.

Смит закурил.

- Такие дети, как Люк Эллис и Калиша Бенсон, встречаются редко, но есть и другие, которые встречаются еще реже. Они дороже самого драгоценного металла. И что в них самое лучшее? Их таланты не исчезают с возрастом и не разрушают умы их обладателей.

Краем глаза Тим уловил какое-то движение и обернулся. Люк шел по подъездной дорожке. Чуть выше по склону стояла Энни Леду с дробовиком, перекинутым через руку. По бокам от нее стояли Калиша и Ники. Смит еще не видел ни одного из них; он смотрел вдаль, в туманную даль, на маленький городок Дюпре и сверкающие железнодорожные пути, проходящие через него.

Энни теперь проводила большую часть своего времени в *Катоба Хилл*. Она была очарована детьми, и они, казалось, к ней прониклись. Тим указал на нее пальцем, затем похлопал рукой по воздуху: Она кивнула и осталась стоять на месте, наблюдая. Смит все еще любовался видом, который действительно был очень хорош.

- Допустим, есть еще один Институт - очень маленький, очень *особенный*, где все первоклассное и современное. Никаких устаревших компьютеров или разваливающейся инфраструктуры. Он находится в абсолютно безопасном месте. Другие Институты работали на территории, которую мы считали враждебной, но не этот. Там нет ни электрошокеров, ни уколов, ни наказаний. Нет никакой необходимости подвергать жителей этого специального Института околосмертным переживаниям, таким как погружение в бак, чтобы помочь им раскрыть свои глубинные способности.

- И где это?

- Скажем, в Швейцарии. Может, и не там, но пусть будет в Швейцарии. Он *находится* на нейтральной территории, поскольку многие страны заинтересованы в его поддержании и продолжении бесперебойной работы. Очень многие. В настоящее время в том месте находятся шесть очень особенных гостей. Они уже не дети; в отличие от ТП и ТК в других Институтах, их таланты не редеют и не исчезают в конце подросткового периода и начале двадцатых годов. Двое из них на самом деле довольно старые. Их уровни НФГМ не коррелируют с их очень особыми талантами; они уникальны в этом отношении, и поэтому таковых очень трудно найти. Мы постоянно искали им замену, но теперь этот поиск был приостановлен, потому что вряд ли теперь в этом есть хоть какой-то смысл.

- Что это за люди?

- Предсказатели, - сказал Люк.

Смит испуганно обернулся.

- Ну, здравствуй, Люк. - Он улыбнулся, но в то же время отступил на шаг. Неужели он испугался? Тим так и думал. - Предсказатели, вот точное слово.

- О чем, черт возьми, ты говоришь? - Спросил Тим.

- О людях с даром предвидения, - сказал Люк. - Людях, которые могут заглянуть в будущее.

- Ты ведь сейчас шутишь, да?

- Я - нет, да и он - нет, - сказал Смит. - Вы можете назвать этих шестерых нашей системой ДРО - акроним времен холодной войны, означающий дальнее радиолокационное обнаружение. Или, если хотите по более современному, это наши беспилотники, летающие в будущее и выбирающие места, где могут разгореться большие пожары. Мы концентрируемся только на том, чтобы предупредить самые большие. Мир выжил, потому что мы смогли принять соответствующие меры. Тысячи детей погибли в этом процессе, но *миллиарды* детей были спасены. - Он повернулся к Люку и улыбнулся. - Конечно же, ты понимаешь - это достаточно упрощенная картина. Я также знаю, что ты просто гений в математике, и я уверен, что ты можешь легко сосчитать соотношение затрат и выгод. Тебе это может не нравиться, но ты должен понимать.

Энни и два ее юных подопечных снова начали спускаться с холма, но на этот раз Тим не стал их останавливать. Он был слишком ошеломлен тем, что услышал.

- Я могу понять телепатию и телекинез, но предвидение? Это не наука, это какая-то ярморочная фигня!

- Уверяю вас, это не так, - сказал Смит. - Наши предсказатели находили цели. ТК и ТП, работая в группах для увеличения своей мощности, их ликвидировали.

- Предвидение существует, Тим, - тихо произнес Люк. - Я знал это еще до того, как сбежал из Института. Я почти уверен, что и Эйвери тоже. Иначе во всем этом не было бы смысла. Я читал об этом с тех пор, как мы приехали сюда, все, что смог найти. Статистика в значительной степени неопровержима.

Калиша и Ники присоединились к Люку. Они с любопытством посмотрели на блондина, назвавшегося Биллом Смитом, но ничего не говорили. Энни стояла позади них. На ней было надето серапе, хотя день был теплым, и она больше, чем когда-либо, походила на

Мексиканского стрелка. Ее глаза были ясными и внимательными. Дети изменили ее. Тим не думал, что они воспользовались своей силой; в долгосрочной перспективе это вызывало бы противоположный эффект. Он думал, что это было просто совпадение, или, может быть, это произошло из-за того, что дети принимали ее именно такой, какой она была. Какова бы ни была причина, он был за нее рад.

- Вот видишь. - Сказал Смит. - Ваш местный гений все подтвердил. Наши шесть предсказателей - какое-то время назад их было восемь, а однажды, в семидесятые, их оставалось всего четверо, очень страшное было время - постоянно ищут определенных личностей, которых мы называем *петлями*. Они - опорные точки, на которых может развернуться дверь человеческого вымирания. Петли - это не агенты разрушения, а *векторы* разрушения. Уэстин - одна из таких петель. Как только они обнаруживаются, мы их исследуем, устанавливаем круг общения, следим за ними, снимаем на видео. В конце концов, их передают на растерзание детям из различных Институтов, которые так или иначе их устраняют.

Тим покачал головой.

- Я в это не верю.

- Как сказал Люк, статистика…

- Статистика может доказать все, что угодно. Никто не может предвидеть будущее. Если вы и ваши коллеги действительно в это верите, вы не Организация, вы - культ.

- У меня была тетушка, которая могла предвидеть будущее, - вдруг произнесла Энни. - Однажды вечером она заставила своих мальчиков остаться дома, когда они захотели пойти на танцульки, и там произошел взрыв пропана. Двадцать человек сгорели, как мыши в трубе, а ее мальчики сидели дома в полной безопасности.- Она помолчала, потом добавила, как бы запоздало: - она также знала, что Трумэна собираются избрать президентом, но никто не верил в *это* дерьмо.

- Она знала о Трампе? - Спросила Калиша.

- О, нет, она умерла задолго до того, как на горизонте появился этот тупица из большого города, - сказала Энни, и когда Калиша подняла раскрытую ладонь, Энни резко по ней хлопнула.

Смит проигнорировал это замечание.

- Мир все еще существует, Тим. Это не статистика, это факт. Спустя семьдесят лет после того, как Хиросима и Нагасаки были уничтожены атомными бомбами, мир все еще существует, несмотря на то, что у многих государств есть атомное оружие, несмотря на то, что примитивные человеческие эмоции все еще господствуют над рациональным мышлением и суеверия, маскирующиеся под религию, все еще направляют курс человеческой политики. Почему? Потому что мы защищали его, и теперь эта защита исчезла. И все это сделал Люк Эллис, а вы в этом участвовали.

Тим посмотрел на Люка.

- И ты в это веришь?

- Нет, - ответил Люк. - И он тоже, по крайней мере, не полностью.

Хотя Тим этого не знал, Люк думал о девушке, которая спросила его о математической задаче на ЕГЭ, которая имела отношение к стоимости гостиничного номера. Она получила неправильный ответ, и это было то же самое, только в гораздо большем масштабе; неправильный ответ, полученный из неправильного уравнения.

- Я уверен, что вам хотелось бы в это верить, - сказал Смит.

- Энни права, - сказал Люк. - Действительно, есть люди, у которых бывают вспышки предвидения, и ее тетя, возможно, была одной из них. Несмотря на то, что этот парень говорит, и может на самом деле верить, они не так уж и редки. Может, и у тебя самого было одно или два, Тим, но ты, наверное, называешь их по-другому. Может быть, инстинктом.

- Или предчувствием, - сказал Ники. - В телепередачах у копов всегда появляются предчувствия.

- Телешоу - это вам не реальная жизнь, - сказал Тим, но он также думал о чем-то из прошлого: внезапно решив, без всякой веской причины, выйти из самолета и автостопом отправиться на север.

- И это очень плохо, - сказала Калиша. - Я люблю *Ривердейл*[245].

- Слово “*вспышка*” постоянно используется в историях об этих вещах, - сказал Люк, - потому что это похоже на удар молнии. Я верю в это, и я верю, что могут быть люди, которые могут этим пользоваться на практике.

Смит поднял руки в жесте “вот вам, пожалуйста”.

- Именно об этом я и говорю. - Только произнес это как *говою*. Его шепелявость снова всплыла на поверхность. Тим нашел это

интересным.

- Только он кое-что недоговаривает, - сказал Люк. - Наверное, потому, что не хочет признавать очевидное. Никто из них не хочет. Также, как наши генералы не хотели признавать тот факт, что нет никакой возможности выиграть войну во Вьетнаме, даже после того, как это стало очевидным.

- Я понятия не имею, о чем ты говоришь, - сказал Смит.

- Имеешь, - сказала Калиша.

- Он имеет, - сказал Ники.

- Вам лучше признаться, Мистер, - сказала Сиротка Энни. - Эти мозгоклюи читают твои мысли. Щекотно, правда?

Люк повернулся к Тиму.

- Когда-то я задумался, что должно быть какое-то объяснение предвидению, и когда получил доступ к настоящему компьютеру …

- Он имеет в виду - тому, куда не надо заходить, используя жетоны, - вставила Калиша.

Люк ткнул в её сторону пальцем.

- Помолчи минуточку, ладно?

Ники усмехнулся.

- Осторожнее, Ша, Люки начинает злиться.

Она рассмеялась. Смит - нет. Его контроль над этим разговором был потерян с приходом Люка и его друзей, а выражение его лица - сжатые губы, сведенные вместе брови - говорило о том, что он к такому не привык.

- Как только я получил доступ к настоящему компьютеру, - продолжил Люк, - я сделал Распределение Бернулли[246]. Вы знаете, что это такое, Мистер Смит?

Блондин покачал головой.

- Но он знает, - сказала Калиша. Взгляд у нее были веселый.

- Верно, - согласился Ники. - И ему это не нравится. Он не дружит с чертовым Распределением.

- Бернулли - это точный способ выражения вероятности, - сказал Люк. - Оно основано на идее, что есть два возможных исхода для определенных эмпирических событий, таких как подбрасывание монет или победа в футбольном матче. Результаты могут быть выражены как *П* для положительного результата и *О* для отрицательного. Я не буду утомлять вас подробностями, но вы получите результат с булевым

значением, который четко выражает разницу между случайными и неслучайными событиями.

- Да, хорош надоедать нам легкими вещами, - сказал Ники, - переходи к делу.

- Подбрасывание монет происходит случайным образом. Результаты футбольных матчей *кажутся* случайными, если вы берете небольшую выборку, но если вы берете большую, становится ясно, что это не так, потому что в игру вступают другие факторы. Тогда это становится вероятностной ситуацией, и если вероятность *А* больше, чем вероятность *Б*, то в большинстве случаев произойдет *А*. Вы это знаете, если когда-нибудь ставили на спортивное событие, не так ли?

- Конечно, - ответил Тим. - Можно найти шансы и вероятное распределение очков в ежедневной газете.

Люк кивнул.

- На самом деле это довольно просто, и когда вы применяете Бернулли к статистике предвидения, возникает интересная тенденция. Энни, как скоро случился пожар после того, как твоя тетя решила оставить своих сыновей дома?

- В тот же вечер, - ответила Энни.

Люк выглядел довольным.

- И вот вам прекрасный пример. Распределение Бернулли, которое я озвучил, показывает, что предсказательные вспышки - или предвидения, если вам больше нравится это слово - имеют тенденцию быть наиболее точными, когда предсказанное событие находится всего в нескольких часах. Когда время между предсказанием и предсказанным событием становится больше, вероятность того, что предсказание сбудется, начинает снижаться. Как только оно становится вопросом недель, результат в значительной степени стремится к нулю, и *П* становится *О*.

Он обратил свое внимание на блондина.

- Ты это *знаешь*, и люди, с которыми ты работаешь, тоже знают. Они знают это уже много лет. На самом деле, на протяжении десятилетий. Должны знать. Любой математик с компьютером может рассчитать Распределение Бернулли. Возможно, это было не совсем ясно, когда вы начали эту катавасию в конце сороковых или начале пятидесятых, но к началу восьмидесятых вы должны были знать. Наверное, даже в шестидесятых.

Смит покачал головой.

- Ты очень умный, Люк, но ты все еще ребенок, а дети склонны к магическому мышлению - они искажают истину до тех пор, пока она не будет соответствовать тому, что они хотят, чтобы было правдой. Как вы думаете, мы не проводили тесты, чтобы *доказать* способность нашей группы к предвидению?

Его шепелявость становилась все хуже.

- Мы запускаем тесты каждый раз, как только разыскиваем нового предсказателя. Им поручается предсказать ряд случайных событий, таких как опоздания прибытия определенных самолетов... новостные события, например, такие как смерть Тома Петти... итоги голосования по Брекзит... время проезда определенных транспортных средств, через определенные перекрестки. Это история успехов - *зафиксированных* успехов - уходящих в прошлое почти на три четверти века!

Три фетферти фека.

- Но ваши тесты всегда фокусируются на событиях, которые вот-вот произойдут, - сказала Калиша. - Не трудись отрицать, это горит у тебя в голове, как неоновая вывеска. Кроме того, это логично. Какая польза от теста, если вы не можете оценить результаты в течение пяти или десяти лет?

Она взяла Ники за руку. Люк отступил к ним и взял за руку Калишу, и теперь Тим снова услышал этот гул. Он был низким, но он был.

- Член Палаты Представителей Берковиц был именно там, где наши предсказатели и говорили, что он будет, в день своей смерти, - сказал Смит, - и это предсказание было сделано за целый год до случившегося.

- Хорошо, - сказал Люк, - но вы нацелились на людей - Пола Уэстина, например, - основываясь на прогнозах о том, что произойдет через десять, двадцать, даже двадцать пять лет. Вы знаете, что они ненадежны, вы знаете, что все может случиться, чтобы повернуть людей и события, в которых они участвуют, в другом направлении, что-то тривиальное, типа пропущенный телефонный звонок, может это сделать, но вы гнете свою линию.

- Допустим, ты прав, - сказал Смит. - Но разве не лучше перестраховаться, чем потом сожалеть? - *Равфе. Софалеть*. - Подумай

о предсказаниях, которые сбылись, а затем подумай о возможных последствиях бездействия!

Энни вернулась на шаг назад, может быть, даже на два.

- Как вы можете быть уверены, что предсказания сбудутся, если вы убьете людей, о которых они говорят? Я этого не понимаю.

- Он тоже не понимает, - сказал Люк, - но ему невыносима мысль, что все убийства, которые они совершили, были совершены без веской на то причины. Никто из них не может.

- Мы должны были уничтожить деревню, чтобы спасти ее, - сказал Тим. - Разве кто-нибудь не говорил подобного во Вьетнаме?

- Если ты намекаешь на то, что наши предсказатели водят нас за нос, выдумывая всякое...

- А ты уверен, что они этого не делали? - Возразил Люк. - Может быть, не сознательно, но... у них там хорошая жизнь, правда? Легкая. Не очень похожа на ту, что была у нас в Институте. И, возможно, их предсказания просто похожи на подлинные, в то время, когда на самом деле они слеплены из говна. И они естественно не учитывают случайностные факторы.

- Или Божьи, - внезапно произнесла Калиша.

Смит, который уже Бог знает сколько времени изображал из себя Бога, при этих словах сардонически улыбнулся.

Люк сказал:

- Вы понимаете, о чем я говорю, я знаю, что понимаете. Слишком много переменных.

Смит на мгновение замолчал, глядя на открывающийся вид. Затем он сказал:

- Да, у нас есть математики, и да, Распределение Бернулли появилось в отчетах и обсуждениях. На самом деле уже много лет. Так что, допустим, ты прав. Допустим, наша сеть Институтов не спасала мир от ядерного уничтожения пятьсот раз. А если всего пятьдесят? Или пять? Разве это того не стоит?

- Нет, - очень тихо ответил Тим.

Смит уставился на него, как на сумасшедшего.

- *Нет?* Ты говоришь *нет*?

- Здравомыслящие люди не приносят детей в жертву на алтарь вероятности. Это не наука, это суеверие. А теперь, я думаю, тебе пора уходить.

- Мы все восстановим, - сказал Смит. - Если, конечно, нам хватит времени, пока мир катится под откос, как детский драндулет, и нет руки, чтобы его остановить. Я пришел сказать вам об этом и предупредить. Никаких интервью. Никаких статей. Никаких постов на *Фейсбук* или *Твиттер*. Большинство людей только посмеются над такими историями, но мы отнесемся к этому очень серьезно. Если вы хотите продлить себе жизнь, молчите.

Гул становился все громче, и когда Смит вынул из кармана рубашки свои *Американ Спирит*, его рука дрожала. Человек, вышедший на рассвете из невзрачного *Шевроле*, был уверен в себе и держался ровно. Привыкший отдавать приказы и следить за их немедленным исполнением. Тот, кто стоял сейчас здесь, тот, который сильно шепелявил, с пятнами пота, выползавшими из-под рубашки, не был уже тем самым человеком.

- Думаю, тебе лучше убираться, сынок, - очень мягко посоветовала ему Энни. Может быть, даже по-доброму.

Пачка сигарет выпала из руки Смита. Когда он наклонился, чтобы ее поднять, она унеслась прочь, хотя ветра не было.

- Курение тебе вредит, - сказал Люк. - Не нужен предсказатель, чтобы определить, что случится, если ты не остановишься.

Включились дворники *Малибу*. Загорелся ближний свет.

- Я бы убирался, - сказал Тим. - Пока еще можешь. Ты злишься из-за того, как все сложилось, я понимаю, но ты понятия не имеешь, что будет, если эти дети разозлятся по-настоящему. Их злость пока еще на нулевой отметке.

Смит подошел к своей машине и открыл дверцу. Затем он ткнул пальцем в Люка.

- Ты веришь в то, во что хочешь верить, - сказал он. - Как и все мы, молодой Мистер Эллис. Со временем ты все поймешь. К твоему большому огорчению.

Он уехал, задние шины машины подняли облако пыли, которое покатилось к Тиму и остальным... а потом повернул в сторону, словно от порыва ветра, которого никто из них не почувствовал.

Люк улыбнулся, подумав, что даже Джордж не смог бы сделать лучше.

- Возможно, было бы лучше от него избавиться, - сказала Энни, как ни в чем не бывало. - В дальнем конце сада достаточно места,

чтобы спрятать тело.

Люк вздохнул и покачал головой.

- Есть и другие. Он всего лишь главный.

- Кроме того, - сказала Калиша, - тогда мы будем на *них* похожи.

- И все же, - мечтательно произнес Ники. Он больше ничего не сказал, но Тиму не нужно было быть телепатом, чтобы уловить его мысли: *Это было бы здорово*.

2

Тим ждал, что Венди вернется из Коламбии к ужину, но она позвонила и сказала, что должна остаться. На следующее утро была назначена еще одно совещание, посвященное будущему правоохранительных органов округа Фэрли.

- Господи, неужели это никогда не кончится? - Спросил Тим.

- Я почти уверена, что это будет последнее. Ситуация сложная, ты же знаешь, и бюрократия делает все только хуже. У вас все в порядке?

- Все в порядке, - сказал Тим, надеясь, что это правда.

Он приготовил на ужин большую кастрюлю спагетти; Люк приготовил соус Болоньезе; Калиша и Ники вместе приготовили салат. Энни исчезла, как это частенько случалось.

Они хорошо поели. Перемежая еду веселыми диалогами, и большим количеством смеха. Потом, когда Тим принес из холодильника пирог *Пепперидж Фарм*, держа его высоко, как официант из комической оперы, он увидел, что Калиша плачет. Ник и Люк обняли ее, но не сказали ни одного утешительного слова (по крайней мере, как мог слышать Тим). Они выглядели задумчивыми, очень задумчивыми. О ней, но, возможно, не совсем о ней; возможно, потерявшись в собственных заботах.

Тим поставил торт на стол.

- Что случилось, Кей? Я уверен, что они знают, но я не знаю, так что помоги брату.

- А что, если он прав? Что, если этот человек прав, а Люк ошибается? Что, если через три года наступит конец света… или три *месяца*... потому что мы не защищаем его?

- Я не ошибаюсь, - сказал Люк. - У них есть математики, но я лучше. Это не хвастовство, это правда. И что он сказал обо мне? Это магическое мышление? Это верно и для них тоже. Им невыносимо думать, что они ошибаются.

- Ты не уверен! - Воскликнула Калиша. - Я слышу это в твоей голове, Люки, ты не уверен!

Люк не стал отрицать этого, просто уставился в свою тарелку.

Калиша подняла взгляд на Тима.

- А что, если они *разок* окажутся правы, только один раз? Тогда последствия этой катастрофы будет висеть на нас!

Тим колебался. Он не хотел думать, что то, что он скажет дальше, может иметь большое влияние на то, как эта девушка проживет остаток своей жизни, он ни за что не хотел брать на себя такую ответственность, но все равно боялся, что это произойдет. Мальчики навострили уши, готовые слушать и ждали. У него не было никаких психических способностей, но была одна сила, которой он обладал: он был взрослым. Взрослым человеком. Они хотели, чтобы он сказал им, что под кроватью нет никакого монстра.

- Если это случится, то не из-за вас. Ни на ком из вас не будет этого проклятья. Этот человек пришел не для того, чтобы вас предостеречь, а чтобы отравить вам жизнь. Не позволяй ему это сделать, Калиша. Никто из вас не должен позволить ему это сделать. Как вид, мы созданы, чтобы ставить одну вещь выше всех других, и вы, дети, это сделали.

Он протянул обе руки и вытер слезы со щек Калиши.

- Вы выжили. Вы использовали свою любовь и свой ум, и вы выжили. А теперь давайте съедим пирог.

3

Наступила пятница, и настала очередь Ника уходить.

Тим и Венди стояли рядом с Люком, наблюдая, как Ники и Калиша идут по дорожке, обнявшись. Венди отвезет его на автобусную станцию в Брансуике, но все трое понимали, что этим двоим нужно - и они это заслуживают - немного побыть вместе. Попрощаться.

- Давай повторим еще раз, - сказал Тим часом раньше, после обеда, во время которого ни Ники, ни Калиша не произнесли ни слова. Тим и Ники вышли на заднее крыльцо, пока Люк и Калиша мыли посуду.

- Не надо, - сказал Ники. - Я понял, чувак. В натуре.

- Все равно, давай повторим, - сказал Тим. - Это очень важно. Из Брансуика в Чикаго, верно?

- Верно. Автобус отправляется в семь пятнадцать вечера.

- С кем ты разговариваешь в автобусе?

- Ни с кем. Не привлекаю внимания.

- А когда ты туда доберешься?

- Я звоню дяде Фреду с Военно-морского пирса[247]. Потому что именно там похитители высадили меня. Там же, где они высадили Джорджа и Хелен.

- Но ты этого не знаешь.

- Нет, не знаю.

- Ты знаком с Джорджем и Хелен?

- Никогда о них не слышал.

- А кто те люди, которые тебя похитили?

- Даже не знаю.

- Что они хотели?

- Не знаю. Это загадка. Они не приставали ко мне, не задавали вопросов, я не слышал ни о каких других детях, и я не знаю где это место. Когда полиция будет меня допрашивать, я больше ничего не скажу.

- Все верно.

- В конце концов, копы сдаются, и я уезжаю в Неваду и живу долго и счастливо с тетей, дядей и Бобби. - Бобби - это брат Ника, который был на круглосуточной вечеринке в ночь похищения Ника.

- А когда ты узнаешь, что твои родители умерли?

- Для меня это страшная новость. И не волнуйся, я буду плакать. Это будет нетрудно. И это не будет подделкой. Поверь мне на слово. Мы закончили?

- Почти. Попридержи кулаки. Те, что на концах твоих рук, и те, что в твоей голове. Живи долго и счастливо.

- Это будет не просто, чел. - В глазах Ники заблестели слезы. - Это будет чертовски непросто.

- Я знаю, - сказал Тим и рискнул его обнять.

Ник сначала пассивно позволил ему это, потом обнял в ответ. Крепко. Тим подумал, что это только начало, и решил, что с мальчиком все будет в порядке, сколько бы вопросов ни задавала ему полиция, сколько бы раз ему ни твердили, что молчать нет никакого смысла.

Джордж Айлс был единственным, о ком Тим беспокоился, в случае если дело дойдет до допроса с пристрастием; ребенок был болтушкой старой школы и прирожденным фантазером. Тим, однако,

думал - и *надеялся*, - что все-таки донес до Джорджа мысль: если ты чего-то не знаешь, - это может тебя спасти. То, что нафантазируешь, - может сбить тебя с толку.

Теперь Ник и Калиша обнимались у почтового ящика в конце подъездной дорожки, где Мистер Смит своим шепелявым голосом возлагал вину на детей, которые хотели только одного - остаться в живых.

- Он на самом деле её любит, - сказал Люк.

Да, - подумал Тим, - *и ты тоже*.

Но Люк был не первым мальчиком, оказавшимся лишним в любовном треугольнике, и не последним. И было ли слово “любовном” правильным? Люк был великолепен, но ему было всего двенадцать. Его чувства к Калише пройдут, как лихорадка, хотя говорить ему об этом было бы бесполезно. Но он будет помнить, как Тим помнил девушку, от которой сходил с ума в двенадцать лет (ей было шестнадцать, и она была на много световых лет его старше). Так же, как Калиша будет помнить Ники, красавца, который постоянно сражался.

- Она и тебя любит, - тихо сказала Венди и легонько сжала загорелую шею Люка.

- Не так, - хмуро ответил Люк, но тут же улыбнулся. - Какого черта, жизнь продолжается.

- Тебе лучше взять машину, - сказал Тим Венди. - Автобус не будет ждать.

Она взяла машину. Люк подъехал с ней к почтовому ящику, потом встал рядом с Калишей. Они помахали рукой, когда машина тронулась с места. Рука Ники высунулась из окна и помахала в ответ. А потом они исчезли. В правом переднем кармане Ника - том, в который труднее всего было залезть какому-нибудь карманнику на автобусной станции, - лежали семьдесят долларов наличными и телефонная карточка. В ботинке у него был ключ.

Люк и Калиша вместе пошли по подъездной дорожке. На полпути Калиша закрыла лицо руками и заплакала. Тим начал было спускаться, но передумал. Это была работа Люка. И он сделал все что нужно, обняв ее. Поскольку она была выше, то положила голову ему на голову, а не на плечо.

Тим услышал гул, теперь только тихий шепот. Они разговаривали, но он не слышал, о чем, и это было нормально. Это было не для его ушей.

4

Через две недели настала очередь Калиши уезжать, но не на автобусную станцию в Брансуике, а на ту, что в Гринвилле. Она прибудет в Чикаго поздно вечером на следующий день и позвонит сестре в Хьюстон с Военно-морского пирса. Венди подарила ей маленькую расшитую бисером сумочку. В ней было семьдесят долларов и телефонная карточка. В одной из ее кроссовок был ключ, такой же, как у Ники. Деньги и телефонную карточку можно потерять, ключ - ни в коем случае.

Она крепко обняла Тима.

- Этого конечно недостаточно за то, что ты для нас сделал, но у меня больше ничего нет.

- Хватит, - сказал Тим.

- Я надеюсь, что конец света наступит не из-за нас.

- Я скажу тебе это в последний раз, Ша - если кто-то нажмет большую красную кнопку, это будешь не ты.

Она слабо улыбнулась.

- Когда мы были вместе в самом конце, у нас была большая красная кнопка, способная превзойти все большие красные кнопки вместе взятые. И было так приятно её нажимать. Вот что меня преследует. Как приятно это было.

- Но с этим покончено.

- Да. Все уходит, и я этому рада. Никто не должен обладать такой властью, особенно дети.

Тим подумал, что некоторые из тех, кто имел возможность нажать на большую красную кнопку, были детьми, если не телом, то разумом, но промолчал. Она стояла перед неизвестным и неопределенным будущим, и это было страшно.

Калиша повернулась к Люку и полезла в свою новую сумочку.

- У меня есть кое-что для тебя. Она была у меня в кармане, когда мы уходили из Института, и я не этого осознавала. Я хочу, чтобы она стала твоей.

То, что она передала ему - было коробкой с конфето-сигаретами. На переднем плане был изображен ковбой, вертевший в руках лассо.

Над ним была надпись: КОНФЕТЫ-СИГАРЕТЫ ПОГОНЩИКОВ ЛОШАДЕЙ. Под ним была надпись: КУРИТЕ ТАК ЖЕ, КАК ПАПА!

- Осталось всего несколько штук, - сказала она. - Поломанные, и, наверное, задубевшие, но…

Люк заплакал. На этот раз Калиша его обняла.

- Не надо, милый, - сказала она. - Не надо, пожалуйста. Ты хочешь разбить мне сердце?

5

Когда Калиша и Венди уехали, Тим спросил Люка, не хочет ли тот поиграть в шахматы. Мальчик покачал головой.

- Я думаю, что хочу просто выйти на задний двор и посидеть под тем большим деревом. Я чувствую пустоту. Я никогда не чувствовал себя таким опустошенным.

Тим кивнул.

- Ты снова нальешься. Доверься мне.

- Думаю, мне придется это сделать. Тим, как ты думаешь, кому-нибудь из них придется воспользоваться ключами?

- Нет.

Ключи откроют сейф в Чарльстонском банке. То, что Морин Элворсон дала Люку, было внутри него. Если что-нибудь случится с кем-нибудь из детей, покинувших ферму *Катоба* - или с Люком, Венди или Тимом, - один из них приедет в Чарльстон и откроет сейф. Может быть, все они придут, если хоть какая-то связь, выкованная в Институте, останется.

- Кто-нибудь поверит тому, что на флешке?

- Энни, несомненно, - улыбаясь, сказал Тим. - Она верит в привидения, НЛО, пришельцев и все такое.

Люк не улыбнулся.

- Да, но она маленько... ну знаешь, ту-ту. Хотя теперь, когда она так часто видится с Мистером Дантоном, ей стало лучше.

Брови Тима поползли вверх.

- Барабанщиком? Ты хочешь сказать, что они встречаются?

- Думаю, да, если это то, что вы все еще называете этим, когда это делают старые люди.

- Ты прочел это в ее голове?

Люк слегка улыбнулся.

- Нет. Сейчас я могу только двигать подносы для пиццы и листать книжные страницы. Она мне сама сказала. - Люк задумался. - И я думаю, ты будешь хранить молчание. Не то чтобы она взяла с меня клятву хранить тайну или что-то в этом роде.

- Будь я проклят. Что касается флешки... знаешь, можно потянуть за свободную нить и распутать весь свитер? Я думаю, что флешка может быть такой штукой. На ней есть дети, которых люди могут узнать. Их ведь было много. Начнется расследование, и все надежды на то, что организация шепелявого парня возобновит свою программу, пойдут прахом.

- Во всяком случае, я не думаю, что они попытаются что-то предпринять. Он может об этом думать, но это просто магическое мышление. Мир сильно изменился с пятидесятых годов прошлого века. Слушай, я собираюсь… - Он неопределенно махнул рукой в сторону дома и сада.

- Конечно, нет вопросов.

Люк двинулся прочь, шаркая ногами и с опущенной головой.

Тим чуть было не отпустил его, но потом передумал. Он догнал Люка и взял его за плечо. Когда мальчик обернулся, Тим его обнял. Он обнимал Ники - черт, он обнимал их всех, иногда после того, как они просыпались от дурных снов, - но это значило больше. Это значило *все*, по крайней мере, для Тима. Он хотел сказать Люку, что он храбрый, может быть, самый храбрый ребенок за пределами приключенческой книги. Он хотел сказать Люку, что он сильный и порядочный, и его родители гордились бы им. Он хотел сказать Люку, что любит его. Но слов не было, и, может быть, в них не было нужды. Как и в телепатии.

Иногда объятия заменяли телепатию.

6

На заднем дворе, между крыльцом и садом, рос прекрасный старый дуб. Люк Эллис - некогда житель Миннеаполиса, штат Миннесота, некогда любимый Гербом и Эйлин Эллис, некогда друг Морин Элворсон, Калиши Бенсон, Ника Уилхолма и Джорджа Айлса - сел под ним. Он положил руки на согнутые колени и посмотрел на то, что офицер Венди называла Роллерхостер Хилл.

Таким же другом мне когда-то был и Эйвери, подумал он. *Эйвери был тем, кто на самом деле их вытащил. Если и был герой, то точно*

не я. Это был Эйвестер.

Люк достал из кармана смятую пачку конфето-сигарет и выудил одну. Он вспомнил, как впервые увидел Калишу, сидящую на полу с одной из них во рту. *.Хочешь одну?* - спросила она. - *Немного сахара может поднять тебе настроение. Мне это всегда помогает.*

- А ты как думаешь, Эйвестер? Может ли это поднять мне настроение?

Люк хрустнул конфетой. Это действительно помогло, хотя он понятия не имел, почему; конечно же, в этом не было ничего научного. Он заглянул в пачку и увидел еще две или три штуки. Он мог бы съесть их сейчас, но лучше было не торопиться.

Лучше оставить немного на потом.

23 сентября 2018 года

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Несколько слов, если позволишь, постоянный читатель, о Расе Дорре.

Я познакомился с ним более сорока лет назад - очень давно - в городе Бриджтон, штат Мэн, где он был единственным помощником врача в медицинском центре с тремя докторами. Он позаботился о большинстве мелких медицинских проблем моей семьи, от желудочного гриппа до детских ушных инфекций. Его стандартным остроумием было: для лечения лихорадки нужны только две жидкости - джин и водка. Он спросил, чем я зарабатываю на жизнь, и я ответил, что пишу романы и рассказы, в основном страшные, о психических явлениях, вампирах и прочих разнообразных монстрах.

- Извини, я не читаю такие вещи, - сказал он, хотя никто из нас не знал, что, в конце концов, он прочитает все, что я напишу, обычно в рукописном формате, а очень часто и в процессе работы. Кроме моей жены, он был единственным, кто видел мой замысел до того, как он был полностью одет и готов к представлению крупным планом.

Я начал задавать ему вопросы, в первую очередь на медицинскую тематику. Расс был тем, кто рассказал мне о том, как вирус гриппа меняется из года в год, делая каждую новую вакцину устаревшей (это хорошо подошло для *Противостояния*). Он дал мне список упражнений, сохраняющих мышцы коматозных пациентов от атрофии

(это уже для *Мертвой зоны*). Он терпеливо объяснил, как животные заражаются бешенством, и как болезнь прогрессирует (для *Куджо*).

Круг его обязанностей постепенно расширялся, и когда он ушел из медицины, то стал моим штатным научным сотрудником. Мы вместе посетили техасское школьное книгохранилище, чтобы собрать материалы для *11/22/63* - книги, которую я вряд ли вообще смог бы написать без него - и пока я впитывал гештальт[248] этого места (ища призраков... и находя их), Расс фотографировал и сделал замеры. Когда мы пошли в Техасский театр, где был арестован Ли Харви Освальд, именно Расс спросил, что там показывали в тот день (двойной сеанс, состоящий из *Крика битвы* и *Война-это ад*).

Для *Под куполом* он собрал кучу информации о микроэкосистеме, которую я пытался создать, от мощности электрогенераторов до того, как долго могут храниться запасы продовольствия, но больше всего он гордился тем, что я спросил у него, не может ли он придумать запас воздуха для моих персонажей - что-то вроде аквалангов - который продержится минут пять или около того. Это было для кульминации книги, и я был в тупике. Так же, как и Расс, мы застряли в пробке, и он внимательно посмотрел на машины, стоящие рядом.

- Шины, - сказал он мне. - В шинах есть воздух. Он будет несвежим и противным на вкус, но вполне пригодным для дыхания. - И вот, дорогие читатели, решение нашлось.

Отпечатки пальцев Расса по всей книге, которую вы только что прочитали, от тестов НФГМ для новорожденных (да, это реальная штука, лишь немного приукрашенная), до того, как отравляющий газ может быть создан из обычных кухонных принадлежностей (не пытайтесь проделать это дома, детки). Он проверял каждую строчку и факт, помогая мне достичь того, что всегда было моей целью: сделать невозможное правдоподобным. Это был крупный, светловолосый, широкоплечий мужчина, любивший пошутить, выпить пива и запускать ракеты на Четвертое июля. Он вырастил двух замечательных дочерей и помог жене пережить ее затяжную болезнь. Мы работали вместе, но он был еще и моим другом. Между нами было полное взаимопонимания и ни одного спора.

Расс умер от почечной недостаточности осенью 2018 года, и я чертовски по нему скучаю. Конечно же, когда мне нужна информация (в последнее время это были лифты и айфоны первого поколения), но

гораздо больше, когда я забываю, что он ушел, и думаю: *Эй, я должен позвонить Рассу или отправить ему электронное письмо, спросить, как он там.* Эта книга посвящена моим внукам, потому что она в основном о детях, но именно о Расе я думаю, когда укладываюсь спать. Очень тяжело отпускать старых друзей.

Я скучаю по тебе, приятель.

Прежде чем я тебя покину, постоянный читатель, я должен поблагодарить известных тебе лиц: Чака Веррилла, моего агента; Криса Лоттса, который занимается иностранными правами и познакомил меня с дюжиной различных способов сказать *Вы меня слышите*; Рэнда Холстена, который занимается кино-сделками (в последнее время их было много); и Кэти Монаган, которая занимается рекламой для *Скрибнер*. И огромное спасибо Нэн Грэм, которая редактировала книгу, полную многих движущихся частей, параллельных временных линий и десятков персонажей. Она сделала её лучше. Мне также нужно поблагодарить Маршу Дефилиппо, Джули Югли и Барбару Макинтайр, которые отвечают на звонки, назначают встречи и дают мне те жизненно важные часы, которые я использую каждый день для написания своих произведений.

И последнее, но не менее важное, спасибо моим детям - Наоми, Джо и Оуэну - и моей жене. Если мне будет позволено одолжить фразу у Джорджа Р. Р. Мартина, она - мое солнце и звезды.

17 февраля 2019 года

[1] Стучащий или knocker - профессия в Англии и Ирландии, возникшая во время промышленной революции и существовавшая до 1920-х годов. Функция стучащих состояла в том, чтобы утром будить людей на работу. Для подачи сигнала использовались дубинки, палки, трости, которыми стучали в двери клиентов, проживающих на первом этаже, или длинные и лёгкие палки, часто сделанные из бамбука, чтобы достать до окон на верхних этажах. Иногда использовалась духовая трубка, из которой стреляли по окну горохом. За свою работу стучащий получал несколько пенсов в неделю. Они не прекращали стука в двери или окно клиента, пока не убеждались, что он разбужен. Этой работой занималось большое количество пожилых людей, особенно в крупных промышленных городах, таких как Манчестер.

Иногда констебли за дополнительную плату будили рабочих во время ночного патрулирования. В романе Чарльза Диккенса *Большие надежды* есть краткое описание работы стучащих. Видимо это произведение и сподвигло С.Кинга на выдумку соответствующей профессии, хотя в романе ей приданы совершенно другие функции.

[2] Англ. lovebug (лат. Plecia nearctica) - реликтовая группа насекомых, многими учеными рассматривается как подсемейство комаров-толстоножек.

[3] Take It on the Run - пятый трек в альбоме *REO Speedwagon* Hi Infidelity . Был выпущен как сингл в 1981 году

[4] 178см.

[5] Международная служба такси

[6] Case Corporation - производитель строительного оборудования и сельскохозяйственной техники. Основана в 1842 году

[7] Waylon Jennings (1937-2002), Albright "Shooter" Jennings (род 1979г.), John Marty Stuart (род 1958г.) - музыканты, исполняющие традиционное кантри.

[8] Danny's - сеть круглосуточных закусочных и ресторанов, которые не закрываются на праздники и выходные

[9] Western Auto - сеть магазинов, торгующих автозапчастями, велосипедами, садовым инвентарем, оружием и др.

[10] Alan Eugene Jackson (род. 1958г.), George Harvey Strait(род1952 г.) - известные исполнители кантри-музыки

[11] Toyota 4Runner - классический среднеразмерный внедорожник, производимый компанией Toyota с 1984 года.

[12] медленно прогрессирующее, неизлечимое дегенеративное заболевание центральной нервной системы, которое приводит к параличам и последующей атрофии мышц.

[13] Walking Tall - боевик 2004г. США, в главных ролях Дуэйн Джонсон и Джонни Ноксвил. Шериф, убитая жена, вернувшийся с войны солдат и прочая банальщина и клише.

[14] Убийство 12-летнего афроамериканца Тамира Райса было совершено 22 ноября 2014 года в Кливленде. Двое полицейских, 26-летний Тимоти Лохманн и 46-летний Фрэнк Гэрмбэк выехали по вызову после телефонного звонка в службу спасения о «мужчине», находящемся в городском парке, который «сидит на качелях и наставляет пистолет на прохожих». Звонивший дважды сообщил, что

пистолет, «возможно, не настоящий». Также в конце звонка, длившегося 2 минуты 17 секунд, звонивший сообщил, что человек с пистолетом «возможно является подростком». По словам полицейских, Райс, увидев их, попытался достать пистолет, после этого Лохманн в течение 2 секунд дважды выстрелил в него, одна из пуль попала в Райса. Впоследствии выяснилось, что пистолет, которым был вооружён Райс, был пневматическим. На следующий день после инцидента, 23 ноября, Райс скончался от полученной раны. По заключению судебно-медицинского эксперта округа Кайахога смерть Тамира Райса была признана гомицидом.

[15] The Dukes of Hazzard - американский телесериал, который транслировался по телесети CBS с 1979 по 1985 годы. Телесериал повествует о приключениях двух двоюродных братьев Бо и Люка Дюков, проживающих в вымышленном округе Хаззард. На протяжении фильма они занимаются перевозкой самогона и избегают различных ловушек, расставляемых на их пути коррумпированным комиссаром Дж. Д. Хоггом (более известным как «Босс» Хогг) и его союзником, шерифом округа Роско П. Колтрейном.

[16] The Story of Little Black Sambo - детская книга, написанная и иллюстрированная шотландским автором Хелен Бэннерман и изданная Грантом Ричардсом в октябре 1899. Критики того времени отмечали, что Баннерман представляет одного из первых черных героев в детской литературе, и расценили книгу как позитивно изображающую черных персонажей как в тексте, так и на рисунках, особенно по сравнению с более негативными книгами той эпохи, которые изображали черных как простых и бескультурных.

[17] Brink's Inc - американская частная охранная компания со штаб-квартирой в Ричмонде, штат Вирджиния. Её международная сеть обслуживает клиентов в более чем 100 странах и насчитывает около 134 000 человек.

[18] Weight Watchers - американская компания, которая продает программы для похудения и хорошего самочувствия.

[19] Фраза священника из обряда венчания, продолжение фразы: Те, кто против этого брака …

[20] Эпоха Реконструкции - период в американской истории между 1863 и 1877г.г., на протяжении которого были приняты основные гражданские права.

[21] Тематический парк Юниверсал - развлекательный парк с современными аттракционами в 4D с эффектом полного присутствия, сделанными по всемирно известным блокбастерам *Человек-паук, Трансформеры, Терминатор, Мумия, Халк, Симпсоны, Гадкий Я, Шрек, Парк Юрского периода* и др.,

[22] Фирма по производству кондиционеров

[23] серия фэнтези-романов американского писателя и сценариста Джорджа Р. Р. Мартина

[24] You Never Can Tell - песня Чака Берри (Chuck Berry), вышедшая в 1964 году, написанная во время отбывания им тюремного срока за половой контакт с несовершеннолетней

[25] Фирма, продающая соленья в банках - огурцы, кабачки, перец и др.

[26] В тексте обыгрывается созвучие слов *roundabouts* – карусельщики и *roustabouts* - зазывалы

[27] Два-одиннадцать - кодовое обозначение ограбления

[28] Евангелие от Матфея Глава 15 стих 11

[29] американский философ и психолог, один из основателей и ведущий представитель прагматизма и функционализма

[30] американский писатель-романист и драматург. Автор ряда романов, пьес и киносценариев. Основные жанры: южная готика, вестерн, постапокалиптика

[31] Энтони Джером Уэбб (род. В 1963 г.) - также известный как Спад Уэбб, американский профессиональный баскетболист. Победитель конкурса по броскам сверху в рамках звёздного уик-энда 1986 года. При этом рост Спада составлял всего лишь 170 см

[32] Игра на попадание мячом в баскетбольное кольцо, ранее описанная С.Кингом в *Спящих красавицах*

[33] Видео на *Ю-Тьюбе*, в котором парочка учеников посредством танцевальных движений пытается доказать теорему Пифагора

[34] Сеть тематических кафе в стиле ретро космического порта

[35] Средство от изжоги

[36] Семейный колледж(фр.)

[37] Деревянный или пластмассовый ящик с прорезями под геометрические фигуры, развивающая игрушка для маленьких детей, во время игры ребенок должен догадаться, что треугольник нужно

засунуть в прорезь треугольной формы, квадрат – в квадратную и др., а иначе фигурки внутрь ящика просто не пролезут.

[38] Много денег (исп.)

[39] Mambo No. 5 - песня, написанная Пересом Прадо. Он же был её оригинальным исполнителем, издал её в 1949 году. В 1999 году международного успеха добилась вокальная версия немецкого певца Лу Беги.

[40] Ф. Ницше *По ту сторону добра и зла*, цитата

[41] иногда переводится как *Обед нагишом*, англ. *Naked Lunch* - роман американского писателя Уильяма Берроуза, опубликованный впервые в 1959 году. В ряде европейских стран и на территории США книга находилась под запретом из-за обильного использования обсценной лексики, откровенной гомосексуальной направленности и наличия сцен с описанием педофилии и детоубийств.

[42] Массачусетский технологический институт

[43] Игра слов: оригинальное название улицы - Wildersmoot, измененное - Wildersmooch, где smooch - целоваться, а Wild - дикий, страстный

[44] DeWALT - один из лучших брендов промышленного электроинструмента и принадлежностей с гарантией высокого класса

[45] Rockaway Beach - песня американской панк-рок группы *Ramones* из альбома *Rocket to Russia* 1977 года

[46]Отсылка к песне *Better Living through Chemistry* группы *Queens Of The Stone Age,* играющей в стиле стоунер или психоделический метал

[47] 41 кг.

[48] Имеется в виду Миннеаполис и Сент-Пол, называемые в Миннесоте городами-близнецами

[49] Речь, скорее всего, идет о фильме М. Найта Шьямалана *Сплит* (2016г.)

[50] eBay Inc. - американская компания, предоставляющая услуги в областях интернет-аукционов и интернет-магазинов.

[51] Anthony Frank «Tony» Hawk; (род. 1968) - американский профессиональный скейтбордист.

[52] Диана фон Фюрстенберг (фр. Diane von Fьrstenberg, урождённая Халфин; род. в 1946) - французский и американский модельер еврейского происхождения.

[53] 204 см.

[54] Идиома, появившаяся благодаря фильму 1939 года *Волшебник страны Оз*, в котором Дороти заявляет: «Тотошка, у меня такое чувство, что мы больше не в Канзасе».

[55] Turner Classic Movies (сокр. TCM) - круглосуточный телеканал, показывающий старые фильмы из фильмотеки основанной Тедом Тёрнером компании *Turner Entertainment*

[56] Roach Motel -Товарный знак ловушки для тараканов размером с большой спичечный коробок, производства компании *Блэк флэг брэндс*. Рекламный лозунг "Тараканы, пожалуйте внутрь, но обратно пути вам уж нет". Понятие стало нарицательным не только в своем прямом значении, но и при обозначении дешевого мотеля с минимумом услуг.

[57] Самый популярный комикс в мире впервые появился в США в 1950 году. Комикс *Арахис* ("Peanuts") Чарльза Шульца был опубликован в журнале *Нью-Йоркер* откуда перекочевал более чем в 2000 газет в 68 странах, на 26 языках. Простота и наивность сюжета этого комикса веселили почти половину жителей нашей планеты.

[58] Виграш(укр.) - выигрыш

[59] Диэтилтолуамид - широко распространённый активный ингредиент средств для отпугивания гнуса, предназначенных для нанесения на кожу и одежду.

[60] Отсылка к комедии 2004 г. *Знакомство с Факерами*

[61] Mall of America - торговый центр расположен в Блумингтоне, штат Миннесота, США. Открыт в 1992 году. Это крупнейший торговый центр в Соединенных Штатах по общей площади, пятый по величине торговый центр в Северной Америке с точки зрения арендуемой площади и двенадцатый по величине в мире.

[62] Шаффлбомрд (англ. shuffleboard, shuffle-board) - игра на размеченном столе (англ. Table shuffleboard) или корте (англ. Desk shuffleboard) с использованием киев и шайб, в случае desk shuffleboard, и шайб, которые толкаются рукой, в случае table shuffleboard. Шайба должна остановиться в пределах определённых линий, отмеченных на столе или корте.

[63] *Boston Celtics* и *Washington Wizards* - профессиональные баскетбольные команды , выступающие в НБА

[64] Ведущие роли этих актеров пришлись на фильмы в жанре вестерн. В жизни они были соперниками.

[65] Фильмы в жанре фэнтези

[66] Биолог и парапсихолог Джозеф Райн провел огромное количество исследований в лаборатории Дюкского университета в области телепатии и телекинеза. В том числе проводил опыты с игральными костями и картами, когда один испытуемый загадывал карту, а другой определял её на расстоянии.

[67] Сорт печенья

[68] Blue Hawaiian - алкогольный коктейль. Основными ингредиентами напитка является светлый ром, кокосовый или ананасовый сок. Обязательным компонентом коктейля является голубой ликёр *Кюрасао*

[69] Слабоалкогольный газированный напиток на основе водки или рома

[70] Chuck E. Cheese's - сеть американских семейных ресторанов и развлекательных центров. Специализируется на продаже пиццы и других продуктов фаст-фуда, а также имеют сеть развлечений с аркадными играми, аттракционами и аниматрониками

[71] Lord of the Flies - дебютный аллегорический роман английского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе, Уильяма Голдинга, вышедший в 1954 году.

[72] Джеймс Бамйрон Дин (1931-1955) - американский актёр. Стал популярен благодаря фильмам *К востоку от рая, Бунтарь без причины* и *Гигант*. Посмертно стал лауреатом премии «Золотой глобус» (1956). Дважды номинировался на «Оскар» (1956, 1957) оба раза посмертно. Трагическая смерть, легенды и мифы, окутавшие его жизнь, создали культовый статус его личности

[73] Аллюзия на *Алису в Стране чудес* Л.Кэролла

[74] Sandals Resorts - Ямайский туроператор, который предлагает отдых на Багамских островах, Ямайке и т.п. по типу все включено

[75] Для удобства здесь и в дальнейшем уровни в Институте будут маркироваться в соответствии с русским алфавитом - А, Б, В, Г, Д, Е, что соответствуют английским A, B, C, D, E

[76] *Pantera* - американская грув-метал-группа из Арлингтона, Техас, образованная в 1981 году

[77] Ящик Скиннера - лабораторный прибор, используемый для изучения поведения животных. Был создан бихевиористом Берресом Скиннером в 1930 году. Ящик Скиннера используется для изучения как оперантного обусловливания (научения, в ходе которого приобретение нового опыта и реализация его в поведении приводят к достижению определённой цели), так и классического обусловливания (выработки условных рефлексов).

[78] Бромдерик Стимвен «Стив» Хамрви (род. 1957, Западная Вирджиния, США) - комик, писатель, актер, музыкант.

[79] Дэвид Майкл Хассельхофф (род. 1952) — американский актёр и певец. Наиболее известен по ролям в телесериалах *Рыцарь дорог* и *Спасатели Малибу.*

[80] *DirecTV* - американский транслятор спутникового ТВ, дочерняя компания *AT & T*

[81] Crest - Популярный в Америке вид зубной пасты

[82] Персонажи мультсериала *Ох уж эти детки,* шедшем на телеканале *Никелодеон* с 1991 по 2004 год. В июле 2018 года сериал возрожден

[83] Фигурки героев сериала *Бросок кобры*

[84] Библейский патриарх, его имя - синоним долголетия. Похоже, Морин имеет ввиду, что с таким умом тебе тут долго не жить

[85] Крупнейший в США интернет-провайдер

[86] 2001: A Space Odyssey - культовый научно-фантастический фильм Стэнли Кубрика 1968 года, ставший вехой в развитии кинофантастики и мирового кинематографа в целом. Хал 9000 – искусственный интеллект, ведущий разговор с членами экипажа космического корабля.

[87] Главный герой фильма Космическая одиссея 2001 года, командир космического корабля

[88] Reese’s Pieces - ароматизированные конфеты на основе арахисовой пасты, выпускаемые компанией *Hershey* для североамериканского рынка

[89] Boogaloo - жанр латинской музыки и танца, который был популярен в Соединенных Штатах в 1960 - х годах.

[90] Применено выражение Starvin' Marvin - типа я умираю с голоду - отсылка к 8 эпизоду 1 сезона мультсериала *Южный Парк*

[91] Популярный сорт шоколадных пирожных

[92] Сериал *Лучше всех* (США) (Little Big Shots) онлайн шоу, где люди проявляют свои таланты, отличается задорной подачей при классической концепции. Ко всему прочему, в программе принимают участие дети, которые наделены выдающимися способностями.

[93] Call of Duty - компьютерная игра, шутер от первого лица

[94] Netflix - американская развлекательная компания, поставщик фильмов и сериалов на основе потокового мультимедиа.

[95] Boire comme un trou - пить запойно, дословный перевод с французского: пить как в пробоину, английский вариант этой идиомы: drink like a fish, дословно - пить, как рыба

[96] the dark web - скрытая сеть, соединения которой устанавливаются только между доверенными пирами, иногда именующимися как «друзья», с использованием нестандартных протоколов и портов. Анонимная «сеть» не связанных между собой виртуальных туннелей, предоставляющая передачу данных в зашифрованном виде.

[97] Cloak of Griffin - введеный ранее хэш-тэг - клоакофГриффин - Мантия Невидимки Гриффина

[98] Star Tribune (рус. Стар Трибьюн) - самая тиражная газета в американском штате Миннесота

[99] В данном контексте Кинг, скорее всего, имел в виду человека, обладающего неистовой энергией. В своих ранее опубликованных произведениях Кинг частенько упоминает о дервишах к месту или нет, видимо, ему просто нравится это слово

[100] Лирой Элдридж Кливер (англ. Leroy Eldridge Cleaver 1935-1998) - политический деятель и революционер США, один из основателей и министр информации Партии черных пантер, автор нескольких книг, посвященных вопросам расового и социального неравенства в современном мире. *Душа на льду* его книга, написанная в 1968 году

[101] Главная героиня диснеевского мультфильма *Принцесса и лягушка*, первая афро-американская принцесса

[102] Топотун или Тампер; англ. Thumper - девтерагонист диснеевского полнометражного мультфильма 1942 года «Бэмби». Он - один из лучших друзей оленёнка Бэмби, юный заяц, получивший своё имя за способность стучать левой задней лапой по поводу и без.

[103] CVS Health - один из крупнейших в США поставщиков рецептурных препаратов. Компания управляет сетью из 6 900 аптек в 41 штате страны.

[104] Подвиги Самсона описаны в библейской Книге Судей

[105] Криббидж - карточная игра для 2 игроков, популярная в Англии и США. Для игры используется полная колода — 52 карты. Старшинство карт — от туза до короля: туз — 1 очко, десятка, валет, дама, король — по 10 очков, все прочие карты оцениваются по числу очков на карте. Козырей нет. Цель игры — раньше противника набрать 121 очко, составляя и различные комбинации с помощью своих карт и карт соперника. Подсчёт очков ведётся с помощью специальной доски с отверстиями и колышками, либо просто делаются записи на бумаге.

[106] La maison du chier - дом говна - досл. Перевод с французского

[107] Лекарство, оказывает противовоспалительное, анальгезирующее и жаропонижающее действие

[108] *Оксикодон* - обезболивающий препарат, полусинтетический опиоид, получаемый из тебаина.

[109] Речь идет о Главе 7 *Кодекса о банкротстве США,* которая регулирует процедуру банкротства и взыскания с должников имеющегося имущества.

[110] Скорее всего, речь идет о фильме *Злые улицы* (англ. Mean Streets) - драме режиссёра Мартина Скорсезе о нравах нью-йоркского квартала Маленькая Италия. Сценарий также написан Скорсезе совместно с Мардиком Мартином. Премьера фильма состоялась 2 октября 1973 года.

[111] *Slim Jim* - сушеные колбаски, очень популярны в США

[112] братья-близнецы из книги Доктора Сьюза *Кот в шляпе*

[113] Игра слов: Shot - с английского можно перевести и выстрел и укол

[114] Интубация - введение эндотрахеальной трубки в трахею с целью обеспечения проходимости дыхательных путей.

[115] Американская медицинская ассоциация

[116] Hoedown - является разновидностью американского народного танца типа кадрили

[117] Rogaine - средство для роста волос

[118] Twisted Tea – слабоалкогольный напиток на основе чая с лимоном

[119] Карточная игра, аналог популярной у нас игры в *Пьяницу*

[120] Человек, известный как Джордж Джозеф Крезге Младший (англ. George Joseph Kresge, род. 1935 г., США), он же Джордж Крескин за свою более чем пятидесятилетнюю карьеру около пятисот раз появлялся на телевидении и дал свыше ста представлений в прямом эфире. В своих номерах он показывал фокусы, объясняя, что «для достижения успеха, где нет места чувствам, необходим хороший интеллект. Крескин был настолько уверен в своих способностях, что однажды предложил награду в 50000 долларов человеку, который бы смог доказать, что все демонстрируемые им номера - трюкачество, а правдоподобными они кажутся только благодаря помощникам Крескина.

[121] Слэп Джек или Блинчик - веселая и простая карточная игра. Один из переводов слова Slap - шлепать

[122] *You Are So Beautiful* - песня, написанная Билли Престоном и Брюсом Фишером, выпущена в 1974 году на студийном альбоме Престона *The Kids & Me* . Позже в том же году английский певец Джо Кокер выпустил более медленную версию песни для своего альбома *I Can Stand a Little Rain*.

[123] Исследование инженерных аномалий в Принстоне (PEAR) - исследовательская программа Принстонского университета, в котором изучалась парапсихология. Была закрыта в феврале 2007 года и включена в состав «Международной исследовательской лаборатории сознания» . Программа была весьма противоречивой. Основная цель PEAR состояла в том, чтобы участвовать в парапсихологических упражнениях на такие темы, как психокинез и дистанционное наблюдение. Деятельность PEAR была подвергнута критике за отсутствие научной строгости, плохую методологию и неправильное использование статистики и была охарактеризована как лженаука. Учитывая возраст Джорджа, он не мог попасть в эту программу.

[124] американизм, обозначающий среднестатистического гражданина, обычного человека. К слову, среднестатистическую гражданку обычно называют не Джози, а Джейн.

[125] Большой Брат - персонаж романа Джорджа Оруэлла *1984*, единоличный лидер государства Океания и партии Ангсоц. После

выпуска романа выражение *Большой Брат* стало нарицательным именем для государства или другой подобной организации, стремящейся установить тотальную слежку или контроль над народом.

[126] Отец Омтто Адомльфа Эмйхмана - немецкого офицера, сотрудника гестапо, непосредственно ответственного за массовое уничтожение евреев.

[127] транквилизатор. Оказывает выраженное миорелаксирующее, седативное, противосудорожное и снотворное действие.

[128] Harveys Bristol Cream - сладкий херес

[129] Stump Jump Grenache - сорт австралийского вина

[130] John Keats (1795-1821) - поэт младшего поколения английских романтиков. Величайшие произведения Китса были написаны, когда ему было 23 года.

[131] *New York Yankees и San Diego Padres* - профессиональные бейсбольные клубы из Нью-Йорка и Сан-Диего соответственно, выступающие в Главной лиге бейсбола

[132] Maximo retardo (исп.) - Максимальное отставание

[133] Pon de Replay - Включите эту пластинку ещё раз - первый сингл барбадосской певицы Рианны из её дебютного студийного альбома *Music of the Sun* 2005года.

[134] *Jack and the Beanstalk* - английская народная сказка о смелом пареньке Джеке, победившем великана.

[135] Lincoln Town Car - американский шестиместный полноразмерный заднеприводный автомобиль категории «люкс» с рамным шасси и двигателем V8, выпускающийся с 1981 года подразделением Lincoln-Mercury компании Ford Motor Company.

[136] кеффия - клетчатый платок, который носят в арабском мире.

[137] BoJack Horseman - это забавный сериал о том, как главный персонаж, который является конём, пытается выживать в условиях реального мира

[138] Сельма - город в округе Даллас штата Алабама. Расположен берегах реки Алабама, население города по состоянию на 2010 год составляет 20 756 человек. Около 80% населения - афроамериканцы.

[139] Sibylline - бельгийский сериал комиксов Раймонда Макеро об антропоморфных лесных животных. Главным героем является самка мыши по имени Сибиллин. Она нежная, умная и смелая мышка,

но может быть ревнивой и горячей. Первоначально она жила в доме, но позже переехала в лес.

[140] Matthew Paige Damon (род. 1970) - американский актёр, продюсер и сценарист. Лауреат премии «Оскар» и двух премий «Золотой глобус»

[141] Марка сигарет и слабоалкогольных напитков соответственно

[142] Ситуация, в которой желаемый результат или решение невозможно достичь из-за набора по своей сути нелогичных правил или условий. *Уловка-22* - роман американского писателя Джозефа Хеллера, опубликованный в 1961 году. Известен возникшим в нём логическим парадоксом между взаимоисключающими правилами.

[143] Доминамнта (от лат. dominans «господствующий») - термин, используемый в разных предметных областях: В данном случае доминанта - главенствующее направление, контрастное по отношению к основному. То есть правша склонен немного отклоняться от основного направления движения вправо, а левша – влево.

[144] PX SUPPLY - онлайн-продавец военной тактической экипировки и одежды

[145] В оригинале S.S. - принятое в некоторых кругах сокращение слова Sunshine - солнечный свет

[146] В Соединённых Штатах существует понятие «неинкорпорированное сообщество» которым обозначают населённый пункт, не имеющий собственных муниципальных властей, и управляющийся вышестоящими органами власти. При этом неинкорпорированные сообщества могут быть довольно большими, например неинкорпорирован город Спрингфилд в Вирджинии, в котором живёт 30 тысяч человек.

[147] Одна из железнодорожных профессий. Горочный оператор должен наблюдать за движением вагонов и отцепов на участке от вершины (горба) горки до конца спускной части, где заканчивается уклон горочных путей.

[148] Тайленол - это американское торговое наименование препарата для облегчения боли и жара и для снятия симптомов аллергии, простуды, кашля и гриппа

[149] Марка подвесных лодочных моторов.

[150] Нейротрофический фактор головного мозга (англ. brain-derived neurotrophic factor) - белок человека, кодируемый геном BDNF.

BDNF - относится к нейротрофинам, веществам, стимулирующим и поддерживающим развитие нейронов.

[151] Базальный метаболизм - это минимальное количество калорий (энергии), которое сжигает организм в состоянии покоя, необходимое для обеспечения нормальной жизнедеятельности

[152] raison d'etre (фр.) - смысл существования

[153] Timothy James McVeigh (1968-2001) - резервист армии США, ветеран войны в Персидском заливе, организатор самого крупного (до событий 11 сентября 2001 года) террористического акта в истории Америки - взрыва в федеральном здании имени Альфреда Марра в Оклахома-Сити 19 апреля 1995 года, унёсшего жизни 168 человек, включая 19 детей младше шести лет.

[154] *New England Patriots* - профессиональный клуб по американскому футболу из Бостона, штата Массачусетс.

[155] Скорее всего, имеется в виду латинское выражение Et cetera , означающее *и так далее, и тому подобное*.

[156] американская актриса, политик. Стала первым в истории кино ребёнком-актёром, получившим в 1934 году «Молодёжную награду Академии» (самый молодой человек, получивший «Оскар»)

[157] Jersey Boys - Фильм 2014 года - является биографией группы The Four Seasons. Он рассказывает об их развитии, о пережитых личных столкновениях и трудных временах, и окончательном триумфе группы друзей, чья музыка стала символом целого поколения.

[158] Windex - марка популярного стеклоочистителя

[159] четвёртая по значимости боевая награда в Вооружённых силах США

[160] cease and desist letter - письма о прекращении противоправных действий (дословный перевод прекратите и воздержитесь) предписывают в установленные сроки прекратить указанные в них противоправные действия, а если этого сделано не будет, то обвиняемая сторона будет привлечена к ответственности в судебном порядке.

[161] Идиома, означающая делать что-нибудь ненужное. Ньюкасл - центр английской угольной промышленности

[162] Фенилкетонурия (ФКУ) или пренатальный скрининг. Может подсказать, есть ли у ребенка врожденные дефекты. Тесты могут состоять из одного или нескольких анализов крови и УЗИ.

[163] Оценка Апгара представляет собой метод, который предполагает по сумме факторов предсказать здоровье новорожденных и оценить риск младенческой смертности

[164] жители долины Сент-Джон, большой территории в штате Мэн, расположенной вдоль реки Сент-Джон и округа Арустоук, из-за своего происхождения говорят на смеси английского и французского языков.

[165] Дочернее подразделение *Кока-Кола,* специализирующееся на выпуске витаминных тоников

[166] Отсылка к фильму *Подглядывающий* или *Любопытный Том* (англ. Peeping Tom) - английский кинофильм режиссёра Майкла Пауэлла, вышедший на экраны в 1960 году. Психологический триллер о маньяке-убийце

[167] Конфабулямции (лат. confbbulbro - болтать, рассказывать) - ложные воспоминания, в которых факты, бывшие в действительности либо видоизменённые, переносятся в иное (часто в ближайшее) время и могут сочетаться с абсолютно вымышленными событиями

[168] Скорее всего, имеется в виду испанское выражение *el topo* - тупица, бестолочь, а не заявленное в оригинале *el dopo*

[169] 22°C

[170] Уровни террористической угрозы делятся на 3: синий-повышенный, желтый - высокий и красный - критический

[171] Midnight Special - народная песня, кантри-блюзовый стандарт, включенный группой *Creedence Clearwater Revival* в альбом Willy and the Poor Boys (1969).

[172] Сэммюэл Тэмйлор Комльридж (1772- 1834) - английский поэт-романтик, критик и философ, выдающийся представитель «озёрной школы». Далее приводится цитата из его *Поэмы о старом моряке,* в переводе Н.Гумилева

[173] американский телеканал, транслирующий научно-популярные фильмы производства Национального географического общества США.

[174] Камнье Омамри Уэмст (род. 1977) - американский исполнитель хип-хопа, рэпер, продюсер, композитор и дизайнер.

[175] puta mierda - дерьмо; hijo de puta - сволочь, сукин сын; chupapollas - членосос

[176] Life Savers - американский бренд твердых и мягких конфет в форме кольца. Ассортимент мятных и фруктовых конфет известен своей оригинальной упаковкой в бумажных рулонах из алюминиевой фольги.

[177] Amber Alert (так же AMBER Alert) или Child Abduction Emergency Alert – система оповещения о похищении детей. AMBER является официальной обратной аббревиатурой названия системы для America's Missing: Broadcast Emergency Response, но была названа в честь 9-летней Эмбер Хагерман (Amber Hagerman), которая была похищена и убита в Арлингтоне, Техас в 1996 году.

[178] ~29°C

[179] Имеется в виду братья Кеннеди, ставшие по некоторым версиям жертвами заговора

[180] Дэвид Берковиц, настоящее имя - Ричард Дэвид Фолко (род. 1953), также известный как Сын Сэма и Убийца с 44 калибром - американский серийный убийца

[181] Закон о защите пациентов и доступном здравоохранении, неофициальное название по имени инициатора - Obamacare, кальки - Обамакер/Обамакэр) - федеральный закон США, подписанный президентом Обамой 23 марта 2010 года. Законодательная основа реформы здравоохранения, ставшей одним из самых крупномасштабных проектов в истории США с середины 1960-х годов.

[182] Chupa mi polla(исп.) - сосни херца

[183] Red Man - сорт жевательного табака

[184] *La-Z-Boy* - раскладное кресло с подставкой для ног

[185] Игра слов на английском: **Gorky** Park - Парк Горького, **gork** - кретин

[186] Товарный знак быстрозамороженных мясных блюд-полуфабрикатов производства компании Хормел фудс

[187] WikiLeaks (от англ. wiki и leak - «утечка») - международная некоммерческая организация, которая публикует секретную информацию, взятую из анонимных источников или при утечке данной информации

[188] На английском языке и станция и участок - это одно слово - station

[189] *Bewitched* - ситком в 8 сезонов, 1 сезон вышел в 1964 году

[190] *Happy Days* - ситком в 11 сезонов, шел с 1974 по 1984 год

[191] Spelling bee (англ. spell - произносить по буквам + bee (истор.) - собрание) - конкурс, который постоянно проводят в американских школах. Побеждает тот, кто больше всех правильно произнесёт слова по буквам. Такие конкурсы побуждают детей читать, также они способствуют расширению словарного запаса.

[192] Дорожный бегун (The Road Runner) - персонаж одноимённой серии короткометражных мультсериалов Looney Tunes и Merrie Melodies - калифорнийская кукушка-подорожник

[193] Харт Крейн (1899-1932) - американский поэт, покончил жизнь самоубийством(версия), бросившись с борта прогулочного судна в Мексиканский залив.

[194] Bunn - марка промышленных кофеварок, популярная в США

[195] Военно воздушные силы США

[196] Воздушная национальная гвардия - воздушный компонент национальной гвардии США, отдельный для каждого штата или региона, в зависимости от обстоятельств

[197] Сериал *Герои Хогана* (1065-1971)рассказывает о группе американских военнопленных, заключенных в немецкий концлагерь во время Второй мировой войны.

[198] тип гематомы, обычно ассоциированный с черепно-мозговой травмой. При ней кровь изливается между твёрдой и паутинной мозговыми оболочками, как правило, вследствие разрыва мостиковых вен, залегающих в субдуральном пространстве, что приводит к повышению внутричерепного давления с компрессией и возможным повреждением вещества головного мозга. Острые сг часто являются жизнеугрожающим состоянием

[199] Nissan Titan - полноразмерный пикап, выпускаемый Nissan с 2004 года.

[200] Waffle House, Inc. - американская сеть ресторанов с 2100 ресторанами в 25 штатах США. Большинство из них расположены на юге , где сеть является региональной культурной иконой

[201] MS-13 - хорошо организованная международная преступная группировка; одна из самых жестоких, многочисленных и быстрорастущих уличных банд Центральной и Северной Америки. По разным оценкам, численность преступного синдиката колеблется от 50 до 300 тыс. человек,

[202] Одним из переводов Меркантайл, является «торговый»

[203] five-and-dime store - американизм: магазин мелких товаров, продаваемых по 5 и 10 центов

[204] Отсылка к *Приключениям Гекльберри Финна*, М.Твена

[205] quilting bees - собрание друзей и соседей, которые объединяются вместе, чтобы сшить стеганое одеяло из лоскутов

[206] Карриер, Натаниэль (1813-88) и Айвс, Джеймс (1824-95), литографы, изображавшие картины американской жизни, разнообразные события, стихийные бедствия, сенсации и т.п. в течение 50 лет. С появлением фотографии литография утратила своё значение, и фирма Карриера и Айвса прекратила существование в 1907

[207] Самодельные взрывные устройства

[208] Десенсибилизация (от де… и сенсибилизация) - уменьшение или полное устранение повышенной чувствительности организма (сенсибилизации) к повторному введению чужеродного для него вещества (аллергена), чаще белковой природы. Другими словами, Морин потеряла чувствительность к происходящему из-за постоянного повторения пыток и боли

[209] Женевская конвенция об обращении с военнопленными, иначе называемая Женевская конвенция 1929 года была подписана в Женеве 27 июля 1929 года. Её официальное общепринятое название конвенция об обращении с военнопленными. Вступила в силу 19 июня 1931 года. Именно эта часть Женевских конвенций регулировала обращение с военнопленными во Второй мировой войне. Являлась предшественницей «Женевской конвенции от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными» или Третьей женевской конвенции 1949 года.

[210] Золотамрник обыкновемнный, или Золотамя ромзга (лат. Solidbgo virgburea) — многолетнее травянистое растение; вид рода Золотарник семейства Астровые.

[211] AR-15 - американская полуавтоматическая винтовка под патрон 5,56Ч45 мм. Выпускается с 1963 года, поступает в продажу в качестве гражданского оружия для самообороны, охоты и т.п., является штатным оружием полиции.

[212] Verboten (нем.) - запрещено

[213] HK416 - немецкий автомат, адаптированный под американскую модульную систему AR15, созданный фирмой Heckler

& Koch. Несмотря на внешнее сходство с карабином M4, механизм автомата на самом деле ближе к немецкой H&K G36, а не к AR-образцам американских винтовок.

[214] Chevrolet Suburban - полноразмерный внедорожник

[215] Cadillac Escalade - полноразмерный люксовый внедорожник

[216] Йомзеф Мемнгеле (1911 - 1979) - немецкий врач, проводивший медицинские опыты на узниках концлагеря Освенцим во время Второй мировой войны.

[217] Профессиональный боксер в супертяжелом весе

[218] Омтто Адомльф Эмйхман (1906-1962) - немецкий офицер, сотрудник гестапо, непосредственно ответственный за массовое уничтожение евреев

[219] Херманн Юлиус Вальтер Рауфф (1906-1984) - штандартенфюрер СС, служил в СД, а потом в РСХА. Во время боевых действий в Северной Африке отвечал за преследование евреев. После окончания войны скрывался в Чили.

[220] Econo Lodge - это сеть экономичных мотелей в США и Канаде . Здания содержат минимум 40 номеров и часто расположены рядом с шоссе

[221] Hola? Me escuchas? (исп.) - Алло? Вы меня слышите?

[222] me llamo (исп.) - меня зовут

[223]Bonjour, vous m'entendez? (фр.)-– Здравствуйте, вы меня слышите?

[224] Попытка сказать да-да по-французски - Oui(фр.) - да

[225] Zdravo, cujes li me(серб.) - Алло? Вы меня слышите?

[226] Hallo, hoor je me(голл.) - Алло? Вы меня слышите?

[227] Ciao! Mi senti? (итал.) - Привет! Слышишь меня?

[228] Нцrst du mich? (нем.) - Слышишь меня?

[229] детская книжка Теодора Гейзеля, известного американского писателя и мультипликатора, который работал под псевдонимом Доктор Сьюз. Сюжет рассказывает об уличном мальчике Бартоломью, который во время прогулки встречает короля Дервина. Он почтенно снимает перед монархом шляпу, но тут же не его голове появляется новая.

[230] TMI - Трансмаргинальное торможение , психическая реакция на экстремальные стрессы или боль

[231] Профессор Икс, настоящее имя Чарльз Ксавье - персонаж, супергерой, появившийся в комиксах издательства *Marvel*, известный как лидер и основатель Людей-Икс

[232] Halliburton (рус. Халлибёртон) - американская транснациональная корпорация, одна из крупнейших в мире компаний, оказывающих сервисные услуги в нефте- и газодобывающей отрасли. Компания предоставляет свои услуги в более чем 80 странах по всему миру, в её состав входят сотни дочерних и зависимых обществ, подразделений и филиалов.

[233] Основанная в 2003 году, частная фирма Hawk Security предоставляет услуги безопасности малому и среднему бизнесу, правительствам, строительным компаниям, промышленным предприятиям и образовательным учреждениям.

[234] Соответственно бейсбольная и хоккейная команды Бостона

[235] Regal Air - авиационный комплекс, работающий с 1985 года на Пейн-Филд в Эверетте, штат Вашингтон. Специализируется на аренде самолетов, обучении полетам, чартерным перевозкам, техническому обслуживанию самолетов

[236] *Buckeyes* - клуб по американскому футболу, представляющий университет штата Огайо.

[237] Saurian - это игра-симулятор о жизни динозавров.

[238] Исаия, псалом 11, стих 6

[239] Мамршалл Брюс Мэмтерс III (род. 1972), более известный под сценическим псевдонимом Эминемм - американский рэпер, музыкальный продюсер, композитор и актёр.

[240] Фенуэй Парк (англ. Fenway Park) - бейсбольный стадион возле Кенмор-сквера в Бостоне, штат Массачусетс. На этом стадионе с 1912 года проводит свои домашние матчи команда *Бостон Ред Сокс*.

[241] *I shall be released* - песня 1967 года, написанная Бобом Диланом .

[242] Memorial Day - национальный день памяти США, отмечающийся ежегодно в последний понедельник мая.

[243] главный герой сериала *Тайны Смолвиля*. Является адаптированной версией супергероя Супермена

[244] Евангелие от Луки 23:34

[245] Сюжет сериала *Ривердейл* - это запутанная история небольшого городка, где переплелись судьбы десятков интересных

личностей. В 2019 году вышел 4 сезон

[246] Распределемние Бернумлли в теории вероятностей и математической статистике - дискретное распределение вероятностей, моделирующее случайный эксперимент произвольной природы, при заранее известной вероятности успеха или неудачи.

[247] Причал в г. Чикаго, охватывает более 50 акров (20 га) парков, садов, магазинов, ресторанов, семейных аттракционов и выставочных площадок и является одним из лучших мест на Среднем Западе США , ежегодно его посещают около двух миллионов человек.

[248] Гештальт — это то, что возникает вместе с появлением какой-либо нашей потребности. В момент, когда у нас возникает нехватка чего-либо, у нас появляются чувства, мысли, идеи, воспоминания, образы, которые в конечном счете сподвигают нас заняться удовлетворением нашей потребности.